АГАТА КРИСТИ

Загадка Эндхауза

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ОТЕЛЬ «МАЖЕСТИК»

Из всех приморских городков на юге Англии Сент-Лу, по-моему, самый привлекательный. Он с полным основанием зовется жемчужиной морских курортов и поразительно напоминает Ривьеру. Мне кажется, что побережье Корнуэлла по своей прелести ничуть не уступает югу Франции.

Все это я сказал своему другу Эркюлю Пуаро.

— Вы прочитали это вчера на карточке меню в вагоне-ресторане, mon ami. Ваше замечание не оригинально.

— Разве вы не согласны?

Он задумчиво улыбался и молчал. Я повторил вопрос.

— Ох, тысяча извинений, Гастингс! Мои мысли отправились странствовать. И представьте, в те самые края, о которых вы только что упоминали.

— На юг Франции?

— Вот именно. Я ведь провел там всю прошлую зиму и вспоминал сейчас кое-какие события.

Я знал, что он говорит об убийстве в голубом экспрессе при запутанных и таинственных обстоятельствах. Пуаро решил и эту загадку с той изумительной проницательностью, которая никогда ему не изменяла.

— Как жаль, что меня не было с вами, — посетовал я.

— Мне тоже жаль, — ответил Пуаро. — Ваш опыт был бы для меня неоценим.

Я покосился на него. Многолетняя практика научила меня не доверять его комплиментам, но на сей раз Пуаро казался совершенно искренним.

— И больше всего мне не хватало вашего живого воображения, Гастингс, — мечтательно продолжал Пуаро. — Небольшая разрядка бывает просто необходима. Мой лакей Жорж — восхитительный человек. Иногда я позволяю себе обсуждать с ним кое-какие вопросы. Но он начисто лишен воображения.

Его замечание показалось мне неуместным.

— Скажите, Пуаро, — заговорил я, — неужели вас никогда не тянет вернуться к прежним занятиям? Ваша бездеятельная жизнь...

— Устраивает меня как нельзя лучше, мой друг. Греться на солнышке — что может быть заманчивей? В зените славы сойти с пьедестала — можно ли представить себе жест более величественный? Обо мне говорят: «Вот Эркюль Пуаро. Великий. Неповторимый! Подобного ему никогда не бывало и не будет». Я доволен. Я больше ничего не прошу. Я скромен.

Что до меня, я бы, пожалуй, воздержался от слова «скромен». Тщеславие моего друга, на мой взгляд, нисколько не уменьшилось с годами. Поглаживая усы, он откинулся в кресле. Он прямо-таки мурлыкал от самодовольства.

Мы сидели на одной из терас отеля «Мажестик».

Мы приехали накануне вечером и собирались провести здесь неделю, поистине восхитительную, если судить по первому утру.

Я поднял газету, выпавшую из моей руки, и снова погрузился в чтение.

— А о кругосветном перелете Сетона по-прежнему ничего нового. Жаль будет, если бедняга отправится к праотцам. Правда, надежда еще есть. Он мог бы добраться до какого-нибудь острова в Тихом океане.

— Жители Соломоновых островов, кажется, все еще каннибалы? — любезно осведомился Пуаро.

Мое внимание отвлекли политические новости.

— Наш министр внутренних дел попал, по-видимому, в хорошую переделку, — заметил я со смешком.

— Бедняга. Ему приходится несладко. Так несладко, что он ищет помощи в самых невероятных местах.

Я удивленно посмотрел на него.

Чуть улыбаясь, Пуаро вынул из кармана свою утреннюю корреспонденцию, вытащил из пачки одно письмо и перебросил его мне.

— Должно быть, не застало нас вчера, — заметил он.

Я пробежал письмо с радостным волнением.

— Но, Пуаро, — воскликнул я, — ведь это страшно лестно!

— Вы думаете, мой друг?

— Он отзывается о ваших способностях в самых горячих выражениях.

— Он прав, — ответил Пуаро, скромно опуская глаза.

— Просит вас взять на себя расследование... называет это личным одолжением.

— Именно так. Вы можете не повторять мне все это. Дело в том, что я тоже прочел это письмо, мой милый Гастингс.

— Какая жалость! — воскликнул я. — Как раз, когда мы собирались отдохнуть.

— О нет, успокойтесь. О том, чтобы отказаться от отдыха, не может быть и речи.

— Но ведь министр говорит, что дело не терпит отлагательства.

— Возможно, он прав... а может быть, и нет. Эти политические деятели так легко теряют голову.

— Так-то оно так, но нам все же следовало бы приготовиться. Лондонский экспресс уже ушел, он отходит в двенадцать. А следующий...

— Да успокойтесь же, Гастингс, успокойтесь. Мы не едем нынче в Лондон... и завтра тоже.

— Но ведь этот вызов...

— Не имеет ко мне никакого отношения. Я не служу в вашей полиции, Гастингс. Меня просят заняться делом в качестве частного эксперта. Я отказываюсь.

— Отказываетесь?

— Ну разумеется. Я отвечаю с безукоризненной вежливостью — приношу свои извинения, объясняю, что совершенно безутешен, но раз уж я ушел от дел, мой друг, то я ушел! Я не театральная звезда, которая дарует свету дюжину прощальных выступлений. Я заявляю с полным беспристрастием: пусть испробует свои силы молодежь. Как знать, быть может, они чего-нибудь достигнут.

Я в этом, правда, сомневаюсь, но это возможно. И уж во всяком случае, они вполне могут справиться с этим примитивным и нудным делом, которое волнует министра.

— Да, но какая честь, Пуаро!

— Что до меня, я выше этого. Министр внутренних дел, будучи человеком здравомыслящим, понимает, что все будет в порядке, если ему удастся обеспечить себе мою помощь. Но что поделаешь? Ему не повезло. Эркюль Пуаро уже распутал свое последнее дело.

Я посмотрел на него. В глубине души я сожалел о его упорстве. Такое дело могло бы добавить новый блеск даже к его всемирной славе. И в то же время я не мог не восхищаться его непреклонностью.

Неожиданно у меня мелькнула новая мысль.

— Одного я не пойму, — усмехнувшись, проговорил я, — как вы не боитесь делать такие категорические заявления — это же попросту искушать богов.

— И все же, — ответил он, — не существует человека, который поколебал бы решение Эркюля Пуаро.

— Так-таки и не существует?

— Вы правы, mon ami, такими словами не следует бросаться. Я же не говорю, что, если пуля ударит в стену возле моей головы, я не стану узнавать, в чем дело. В конце концов я человек.

Я улыбнулся. Мне показалась забавной фантастическая аналогия Пуаро. Дело в том, что за минуту до этого на террасу упал маленький камешек. Продолжая говорить, Пуаро наклонился и подобрал его с пола.

К моему изумлению, он вдруг встал и сошел в парк.

На дорожке показалась девушка, торопливо шагавшая в нашу сторону.

Мне показалось, что она недурна собой, впрочем, я не успел ее рассмотреть, так как мое внимание отвлек Пуаро, который шел, не глядя под ноги, споткнулся о корень и упал. Мы с девушкой — он свалился чуть не у самых ее ног — помогли ему подняться. Я, разумеется, был занят только моим другом, однако заметил краем глаза темные волосы, озорное личико и большие синие глаза.

— Тысяча извинений, — смущенно пробормотал Пуаро. — Мадемуазель, вы не-

обычайно любезны. Я весьма сожалею... Уф-ф! — моя нога. Нет, нет, ничего особенного, просто подвернулась лодыжка. Через несколько минут все будет в порядке. Но если бы вы могли помочь мне, Гастингс... а вот с той стороны мадемуазель, если она будет столь необыкновенно любезна. Я стыжусь попросить ее об этом.

Мы с девушкой, поддерживая Пуаро с двух сторон, быстро втащили его на террасу и усадили в кресло. Я предложил сходить за доктором, но Пуаро категорически воспротивился.

— Говорю вам, все это пустяки. Просто подвернулась лодыжка. — Он поморщился. — Вы сами увидите, через одну маленькую минутку я обо всем забуду. Мадемуазель, я благодарен вам тысячу раз. Вы чрезвычайно любезны. Присядьте, прошу вас.

Девушка опустилась на стул.

— Это, конечно, не серьезно, — сказала она, — но показаться доктору не мешает.

— Мадемуазель, заверяю вас, все это пустяки. В вашем приятном обществе боль уже проходит.

Девушка рассмеялась.

— Вот и чудесно!

— А как насчет коктейля? — поинтересовался я. — Сейчас почти самое время.

— Ну что ж... — она замялась. — Спасибо, с удовольствием.

— Мартини?

— Да, пожалуйста, сухое мартини.

Я вышел. Когда я возвратился, заказав коктейли, Пуаро с девушкой оживленно болтали.

— Вы представляете, Гастингс, — проговорил он, — тот дом — ну, самый крайний, мы еще им так восхищались, — принадлежит мадемуазель.

— Да что вы? — удивился я, хотя никак не мог припомнить, когда же это я восхищался этим домом. — У него такой мрачный и внушительный вид, — добавил я, — должно быть, оттого, что он стоит на отшибе.

— Он так и называется — Эндхауз, — сообщила девушка. — Я его люблю, но он совсем развалина. Дунь — и рассыплется.

— Вы последняя представительница старинного рода, мадемуазель?

— Да ну, какой там род. Впрочем, Бакли живут здесь уже лет двести-триста. Мой брат скончался три года назад, так что я и правда последняя в семье.

— Это печально. И вы живете в нем одна, мадемуазель?

— О, я ведь тут почти не бываю. А если приезжаю, у меня всегда собирается какая-нибудь компания.

— Как это современно! А я-то уж представил себе вас в таинственном и сумрачном особняке, над которым тяготеет фамильное проклятие.

— Какая прелесть! Нет, надо мной ничего не тяготеет. А если в доме и завелся призрак, он хорошо ко мне относится. За три последних дня я трижды избежала верной смерти. Можно подумать, что меня заколдовали.

— Избежали смерти? — встрепенулся Пуаро. — Это любопытно.

— Да нет, ничего особенного, чистая случайность, — она резко отдернула голову от пролетавшей мимо осы.

— Противные осы! Здесь, наверное, близко гнездо.

Принесли коктейли. Мы подняли фужеры и обменялись обычными незначащими фразами.

— А я ведь и в самом деле

шла сюда на коктейль, — сказала мисс Бакли. — Наши, наверное, удивляются, куда я запропастилась.

Пуаро откашлялся и поставил фужер.

— Чего бы я не дал за чашку густого, хорошего шоколада, — вздохнул он. — Но в Англии его не делают. Однако у вас есть приятные обычаи. Молодые девушки... их шляпки надеваются и снимаются... так легко... так мило...

Девушка удивленно посмотрела на него.

— Что вы имеете в виду? А как же им сниматься?

Мисс Бакли сняла свою простую широкополую фетровую шляпку и бросила ее рядом с собой.

Я посмотрел на девушку с интересом. Растрепанные темные волосы придавали ей сходство с эльфом. Да и не только волосы. Круглое выразительное личико, огромные синие глаза и еще что-то, что-то притягательное и необычное. Какая-то отчаянность. Под глазами у девушки запали темные тени.

Терраса, на которой мы сидели, была обычно довольно безлюдной. Большинство собиралось на другой террасе, она находилась сразу же за углом, там, где скалистый берег обрывался к морю.

Из-за этого угла и показался сейчас человек, краснолицый человек, который шел вразвалку, прижав к бокам сжатые в кулаки руки. От него веяло чем-то лихим и бесшабашным — типичный моряк.

— Понять не могу, куда она девалась, — он возмущался настолько громко, что его без труда можно было расслышать. — Ник! Ник!

Мисс Бакли встала.

— Я так и знала, что они будут волноваться. Ау, Джордж, вот я.

— Живее, детка, Фредди умирает от желания выпить.

Он с нескрываемым любопытством сверкнул глазами на Пуаро.

Девушка сделала широкий жест рукой, как бы представляя их друг другу.

— Капитан третьего ранга Челленджер...

К моему удивлению, Пуаро, вместо того чтобы назвать себя, встал и, склонившись в церемонном поклоне, забормотал:

— Из английского военно-морского флота. Я преклоняюсь перед английским флотом.

Сентенции такого рода обычно ставят англичан в тупик. Капитан Челленджер покраснел, и Ник Бакли взяла инициативу в свои руки.

— Пошли, Джордж. А где же Фредди с Джимом?

Она улыбнулась Пуаро.

— Спасибо за коктейль. Надеюсь, с лодыжкой обойдется.

Кивнув мне, она взяла моряка под руку, и они скрылись за углом.

— Так, стало быть, это один из приятелей мадемуазель, — задумчиво пробурчал Пуаро. — Из ее теплой компании. Что же мы можем о нем сказать? Каково ваше просвещенное мнение, Гастингс? Подходит он под вашу категорию «славного парня»?

Я замялся, пытаясь понять, какой смысл, по мнению Пуаро, я должен вкладывать в эти слова, затем довольно неуверенно согласился:

— Он показался мне симпатичным... м-да... если можно судить по первому впечатлению.

— Хотелось бы мне знать... — проговорил Пуаро.

Девушка забыла у нас свою шляпку. Пуаро нагнулся, поднял ее и стал рассеянно вертеть на пальце.

— Он к ней неравнодушен?

— Но, дорогой мой Пуаро! Откуда же мне знать? Погодите-ка, дайте сюда шляпу. Она понадобится даме. Я отнесу ее.

Он не обратил внимания на мои слова и так же медленно продолжал вращать ее на пальце.

— Погодите...

— Полноте, Пуаро.

— Вы правы, друг мой, я старею и впадаю в детство.

Он так точно передал мою мысль, что мне стало слегка не по себе.

— Но нет, я все же не настолько слабоумен, как вам кажется! Мы возвратим эту шляпку, вне всякого сомнения, только позже. Мы отнесем ее в Эндхауз и, таким образом, сможем еще раз повидать прелестную мисс Ник.

— Пуаро, — проговорил я. — Мне кажется, что вы влюбились.

— А она хорошенькая, а?

— Я бы сказал, что очень даже. Но почему вас так заинтересовала эта леди?

— Вы заблуждаетесь. Леди, возможно, и заинтересовала меня, однако ее шляпка интересует меня гораздо больше.

Я вытаращил на него глаза, но он и бровью не повел.

— Уму непостижимо, бедный вы мой Гастингс, как мало вы видите! Но поглядите же, мой милый дурачина, — здесь можно обойтись без серых клеточек, достаточно глаз. Глядите... глядите...

И тут я, наконец, заметил то, к чему Пуаро пытался привлечь мое внимание. Шляпка медленно крутилась на его пальце, а палец был просунут в дырочку на полях. Увидев, что я сообразил, в чем дело, он высвободил палец и протянул мне шляпку. Дырочка была маленькая, аккуратная и круглая, но я не мог себе представить, в чем же ее назначение.

— Вы обратили внимание, как отшатнулась мадемуазель Ник от пчелы? Пчелка... дырка в шляпке.

— Но не могла же пчела проделать этакую дырку.

— Вот именно, Гастингс... Какая проницательность! Не могла. А пуля могла!

— Пуля!

— Ну да. Вот такая.

Он протянул руку, показывая что-то маленькое, лежавшее на его ладони.

— Стреляная пуля. Вот что упало на террасу во время нашей беседы. Стреляная пуля!

— Так значит?..

— Так значит, сантиметр-другой, и дырка была бы не в шляпке, а в голове. Теперь вы поняли, что меня заинтересовало? Вы были правы, друг мой, когда советовали мне не зарекаться. Да... все мы люди! О! Но он совершил непростительную ошибку, этот несостоявшийся убийца, когда спустил курок в нескольких ярдах от Эркюля Пуаро! Теперь вы поняли, для чего нам нужно проникнуть в Эндхауз и поближе познакомиться с мадемуазель Ник? За три дня трижды избежала верной смерти. Это ее слова. Мы не можем медлить, Гастингс. Опасность слишком близка.

ЭНДХАУЗ

— Пуаро, — сказал я. — Я только что думал.

— Очаровательное занятие,

мой друг. Не гнушайтесь им и впредь.

Мы завтракали, сидя друг против друга за маленьким столиком в проеме окна.

Я продолжал:

— Стреляли, очевидно, где-то очень близко. А выстрела мы не слышали.

— Есть звуки, с которыми свыкаешься так быстро, что их вообще не замечаешь. Все это утро, друг мой, по заливу носились быстроходные моторные лодки. Сперва вы жаловались на шум, но вскоре попросту перестали его замечать. Но если такая лодка находится в море, то можно строчить из пулемета, и то не будет слышно.

— Пожалуй.

— О! — вполголоса произнес Пуаро. — Мадемуазель и ее друзья. Похоже, что они собираются завтракать. Стало быть, мне придется возвратить шляпку.

Он торопливо вскочил, быстро прошел через зал и с поклоном протянул шляпку мисс Бакли, которая усаживалась за стол со своими приятелями.

Их было четверо: Ник Бакли, капитан третьего ранга Челленджер и еще какой-то мужчина с девушкой.

За завтраком мой друг был молчалив и рассеян. Я попытался было завязать разговор, но вскоре махнул рукой.

Пуаро давно уже покончил с сыром, но продолжал сидеть за столом. Однако, как только компания мисс Бакли вышла из столовой и устроилась за столиком в салоне, он вдруг поднялся, твердым шагом промаршировал к ним и без всяких предисловий обратился к Ник:

— Не уделите ли вы мне минуточку внимания, мадемуазель?

Девушка нахмурилась. Она, наверно, испугалась, что чудаковатый маленький иностранец окажется слишком докучливым знакомым.

Довольно неохотно она отошла от столика.

Пуаро принялся что-то тихо и торопливо говорить. При первых же его словах на ее лице появилось удивленное выражение.

А я тем временем стоял как неприкаянный. По счастью, Челленджер, заметивший мое смущение, с готовностью пришел мне на помощь, предложив сигарету и заговорив о разных пустяках. Мы с ним сразу почувствовали взаимную симпатию. Мне кажется, я был ему более подходящей компанией, чем мужчина, с которым он только что завтракал.

Этого последнего я наконец-то разглядел. Высокий, белокурый, щеголеватый молодой человек с крупным носом и чересчур красивый. Держался он высокомерно, томно растягивал слова и, что мне больше всего не нравилось, весь словно лоснился.

Я перевел взгляд на женщину. Она сняла шляпку и сидела в большом кресле прямо напротив меня. «Усталая мадонна» — вот слова, которые лучше всего ее характеризовали. Ее белокурые, почти льняные волосы, разделенные прямым пробором, были гладко начесаны на уши и собраны узлом на затылке. Покрытое мертвенной бледностью, измученное лицо было в то же время удивительно привлекательным. В светло-серых глазах застыло странное выражение отрешенности. Женщина внимательно разглядывала меня. Внезапно она заговорила.

— Присядьте... пока ваш друг не кончит там с Ник.

Ее голос звучал как-то деланно — томно и принужденно, но была в нем неуловимая прелесть — этакая звучная, ленивая красота. Мне подумалось, что я никогда еще не встречал такого усталого существа. Усталого не телом, а душой, как будто она вдруг открыла, что все на свете пусто и ничтожно.

— Мисс Бакли очень любезно помогла нынче утром моему другу, когда он вывихнул лодыжку, — пояснил я, принимая ее приглашение.

— Ник говорила. — Она подняла на меня глаза, и я увидел в них прежнее отрешенное выражение. — Все обошлось, не так ли?

Я почувствовал, что краснею.

— Да, тут же. Пустячное растяжение.

— А... рада слышать, что Ник не высосала всю эту историю из пальца. Она ведь прирожденная лгунья. Нечто непостижимое — просто талант.

Я не знал, что ответить. Мое смущение, кажется, забавляло ее.

— Ник — моя старая подруга, — заметила она. — А что касается лояльности, то я всегда считала, что это очень нудная добродетель. И потом, Ник действительно лгунья, правда, Джим? Какая-то необыкновенная история с тормозами. Джим говорит, что это чистый вымысел.

— Я кое-что смыслю в автомобилях, — сочным голосом проговорил блондин, слегка кивая в сторону окна.

За окном среди автомобилей, стоявших у гостиницы, выделялся один — длинный и красный, неправдоподобно длинный и неправдоподобно красный. Словом, это был сверхавтомобиль.

Меня вдруг осенило:

— Ваш?

— Мой.

Я чуть было не брякнул: «Ну еще бы!»

В эту минуту к нам присоединился Пуаро. Я встал, он взял меня под руку и, торопливо поклонившись остальным, поспешно увлек в сторонку.

— Дело сделано, мой друг. В половине седьмого мы навещаем мадемуазель в Эндхаузе. К этому времени она уже вернется с прогулки. Вернется... Ну разумеется, вернется в целости и сохранности.

На его лице я заметил беспокойство, а в голосе тревогу.

— Что вы ей сказали?

— Попросил назначить мне свидание, и как можно скорее. Она немного поколебалась, как и следовало ожидать. Она подумала... я просто видел, как эти мысли мелькают у нее в голове: «Кто он такой — этот человечек? Невежа? Выскочка? Кинорежиссер?» Если бы у нее была возможность, она бы отказала мне, но это трудно. Когда тебя захватывают вот так, врасплох, проще согласиться. Она надеется, что к половине седьмого вернется.

Весь день Пуаро крутился по гостиной, бурчал себе под нос, то и дело переставлял и передвигал безделушки. А если я с ним заговаривал, махал руками и тряс головой.

Кончилось тем, что ровно в шесть мы вышли.

— Подумать только, — проговорил я. — Стрелять у самого отеля! Только безумец мог решиться на такое!

— Я с вами не согласен. При определенных условиях риск был совсем не велик. Начнем с того, что сад этот необитаем. Люди, живущие

в отелях, — сущие овцы. Принято сидеть на террасе и любоваться заливом. И только я, будучи оригиналом, сижу на той, что выходит в парк. Но ведь и я ничего не увидел. Вы заметили, в парке есть где укрыться — деревья, пальмы, декоративный кустарник. Стой себе преспокойненько и жди, покуда мадемуазель не пройдет мимо. Идти из Эндхауза улицей гораздо дальше. Мадемуазель Ник Бакли, она ведь из тех, что вечно опаздывают и бегут кратчайшей дорогой.

— И все же это страшный риск. Его могли заметить, а на случайность тут не свалишь.

— Да, на этот раз уж не случайность... нет!

— Вы что-нибудь имеете в виду?

— Нет, ничего... одна идейка. Возможно, она подтвердится, а может быть, и нет. Пока что мы ее оставим и возвратимся к тому, о чем я только что вам говорил, — к необходимому условию.

— Которое заключается?..

— Право же, Гастингс, вы могли бы сказать это сами. Ну ладно. Мотивы преступления не очевидны. И вот это-то меня и пугает, Гастингс! Да, я боюсь, боюсь даже сейчас! Я успокаиваю себя: «Их ведь там четверо». Я говорю себе: «Пока они все вместе, ничего не случится». И все время боюсь.

Он резко повернул в другую сторону.

— У нас есть время. Идемте улицей. Парк ничего нам не даст. Обследуем обычный путь.

Нам надо было выйти из центральных ворот и подняться вправо по крутому холму. На его вершине была аллея, и надпись на изгороди гласила: «Только к Эндхаузу».

...За воротами, по правую руку от входа, стоял домик. Он занятно контрастировал с воротами и запущенной подъездной аллеей.

Какой-то человек в выгоревшей куртке возился у клумбы. Когда ворота скрипнули, он распрямился и глянул в нашу сторону. Это был мужчина лет шестидесяти, ростом не меньше шести футов, крепко сбитый, с загорелым, обветренным лицом и почти совершенно лысый. Его голубые глаза оживленно поблескивали. Он показался мне симпатичным малым.

— Добрый день, — приветствовал он нас, когда мы проходили мимо.

Я ответил ему и, шагая дальше, все еще чувствовал на спине пытливый взгляд его голубых глаз.

Большой угрюмый дом скрывался за деревьями, ветви которых тянулись к самой крыше. Его запущенность сразу бросалась в глаза. Прежде чем позвонить, Пуаро окинул дом сценивающим взглядом. Потребовалось поистине геркулесово усилие, чтобы извлечь из старомодного звонка хоть какой-то звук, зато, зазвонив, он еще долго заливался унылым, жалобным звоном.

Нам отворила женщина средних лет. «Приличная особа в черном» — вот слова, которые приходили на ум при взгляде на эту респектабельную, в меру угрюмую и предельно безразличную особу.

Мисс Бакли, сообщила она, еще не возвращалась. Пуаро объяснил, что нам назначено свидание, и не без труда добился, чтобы нас впустили в дом. Нас провели в гостиную, где нам предстояло ожидать возвращения мисс Бакли.

Вот где совсем не чувствовалось уныния. Комната, правда, довольно запущенная, выходила на море и была залита солнечным светом. На стенах висели фамильные портреты. Я подумал, что некоторые из них, должно быть, по-настоящему хороши. Рядом с граммофоном валялись пластинки. Стоял небольшой приемничек; очень немного книг и развернутая газета, кем-то брошенная на край дивана. Пуаро поднял ее и, поморщившись, положил назад. Это была местная «Уикли геральд энд Директори». Однако что-то заставило его снова взять ее в руки, и, пока он просматривал там какую-то заметку, дверь отворилась и в комнату вошла Ник Бакли.

— Ну, вот и я... а тех всех я спровадила. Сгораю от любопытства. Неужели я та самая героиня, которую никак не могут разыскать киношники? У вас был такой торжественный вид, — добавила она, обращаясь к Пуаро, — что ничего другого я просто не могла подумать. Ну, сделайте же мне какое-нибудь заманчивое предложение.

— Увы, мадемуазель!

— Только не говорите, что все наоборот, — взмолилась она, — что вы пишете миниатюры и хотите продать мне одну. Впрочем, нет, с такими усами... да еще остановился в «Мажестик», где отвратительнейшая во всей Англии еда и самые высокие цены.

Женщина, отворявшая нам дверь, принесла лед и поднос с бутылками. Не переставая болтать, Ник ловко смешала коктейли. Непривычная молчаливость Пуаро в конце концов привлекла ее внимание. Наполняя фужеры, она вдруг остановилась и резко бросила:

— Ну, хорошо...

— Вот этого-то мне и хочется, мадемуазель, — пусть все будет хорошо. — Он взял у нее фужер. — Ваше здоровье, мадемуазель, здоровье и долголетие.

Девушка была не глупа. Его многозначительный тон не ускользнул от нее.

— Что-нибудь... случилось?

— Да, мадемуазель. Вот...

Он протянул ей лежащую на

его ладони пулю. Девушка взяла ее, недоуменно нахмурившись.

— Известно вам, что это такое?

— Да, конечно. Это пуля.

— Именно так. Мадемуазель, сегодня утром возле вашего уха пролетела вовсе не оса... а эта пуля.

— Вы хотите сказать... что какой-то оголтелый идиот стрелял в парке возле отеля?

— Похоже на то.

— Черт возьми! — чистосердечно изумилась Ник. — Выходит, я и вправду заколдована. Значит, номер четыре.

— Да, — согласился Пуаро. — Это четвертый. И я прошу вас рассказать об остальных трех... случайностях.

Девушка удивленно взглянула на него.

— Я хочу полностью убедиться, что это были... случайности.

— Господи, ну конечно! А что же еще?

— Соберитесь с духом, мадемуазель. Вас ждет большое потрясение. Вы не подумали, что кто-то хочет вас убить?

Вместо ответа Ник покатилась со смеху. Предположение Пуаро, кажется, здорово ее позабавило.

— Волшебная идея! Ну, милый вы мой, кто ж это станет на меня покушаться? Я ведь не очаровательная юная наследница, которая преграждает путь к миллионам. Я бы не прочь, чтоб кто-нибудь и в самом деле пытался меня убить, — это хотя бы захватывающее ощущение, только боюсь, напрасная надежда!

— Вы мне расскажете о ваших несчастных случаях, мадемуазель?

— Конечно, да только это все пустяки. Так, чепуха какая-то. У меня над кроватью висит тяжелая картина. Ночью она свалилась. Совершенно случайно я услыхала, что где-то в доме хлопает дверь, пошла посмотреть и таким образом спаслась. Она бы мне, наверно, угодила в голову. Вот вам и номер первый.

Пуаро не улыбнулся.

— Дальше, мадемуазель. Перейдем ко второму.

— О, этот и вовсе ерундовый. Здесь, в скалах, есть крутая тропка. Я хожу по ней к морю купаться. Так вот, когда я шла по этой тропке, почему-то сорвался валун и прогрохотал на волосок от меня. А третье — это уже совсем из другой оперы. У автомобиля что-то стряслось с тормозами — не знаю точно что: мне говорили в гараже, да я не поняла. Во всяком случае, если бы я выехала из ворот и спустилась с холма, они бы не сработали, и я наверняка врезалась бы в ратушу и превратилась в лепешку. Но так как я всегда что-нибудь забываю, мне пришлось повернуть назад и врезаться всего-навсего в живую изгородь.

— А можете вы мне сказать, что именно было неисправно?

— Спросите в гараже Мотта. Там знают. По-моему, была отвинчена какая-то пустяковина.

— Где вы держите машину, мадемуазель?

— В сарае за домом.

— Вы его запираете?

— Ну конечно, нет!

— И каждый может незаметно подойти и вытворять с машиной что угодно?

— Вообще-то да... пожалуй. Да только это глупо.

— Нет, это не глупо, мадемуазель. Вы все еще не понимаете. Вам грозит опасность, серьезная опасность. Это говорю вам я. Я! Вы знаете, кто я такой?

— Кто-о? — замирая, прошептала Ник.

— Я Эркюль Пуаро.

— О! — отозвалась та каким-то тусклым тоном. — Ну, еще бы.

— Вам известно это имя, а?

— Конечно...

Девушка съежилась. Пуаро сверлил ее проницательным взглядом.

— Вы чем-то смущены. Я делаю из этого вывод, что вы не читали посвященных мне книг.

— Да нет... вообще-то говоря, не все. Но фамилию я, конечно, слышала.

— Вы вежливая маленькая лгунья, мадемуазель. (Я вздрогнул, вспомнив слова, которые слышал нынче днем в отеле.) Я забыл: ведь вы еще ребенок — откуда вам знать? Как мимолетна слава! Мой друг — он может рассказать вам.

Ник посмотрела на меня. Я откашлялся, немного смущенный.

— Мосье Пуаро... м-м... был... знаменитым сыщиком, — объяснил я.

— Ах, мой друг! — воскликнул Пуаро. — И это все, что вы можете сказать? Скажите же, что я единственный, непревзойденный, величайший сыщик всех времен!

— В этом нет необходимости, — заметил я сухо. — Вы уже сами все сказали.

— Так-то оно так, но мне пришлось поплатиться своей скромностью. Человек не должен сам петь себе дифирамбы.

— Зачем же пса держать, а лаять самому? — не без ехидства посочувствовала Ник. — Да, кстати, кто же пес? Я полагаю, доктор Ватсон?

— Моя фамилия Гастингс,— сказал я сухо.

— Битва при... — подхватила Ник, — 1066 год. Кто скажет, что я необразованна? Нет, это ужас до чего здорово! Значит, вы думаете, что кто-то в самом деле хочет со мной разделаться? Жаль только, в жизни ничего такого не бывает. Разве что в книгах. Вы мне напоминаете хирурга, мосье Пуаро, придумавшего какую-то новую операцию, или

врача, который обнаружил неизвестную болезнь и хочет, чтоб все ею заболели.

— Да будете ли вы, наконец, серьезны? — загремел Пуаро. — Вы, нынешняя молодежь, бываете вы хоть когда-нибудь серьезны?! Славная получилась бы шуточка, если бы вас нашли в саду возле отеля... Вы бы тогда не стали смеяться, а?

— Нет, серьезно, мосье Пуаро, я вам очень благодарна и все такое, но, честное слово, это какое-то совпадение.

— Упряма, как черт!

— Которому я и обязана своим именем. Моего дедушку подозревали в том, что он продал душу черту. Его иначе и не называли здесь, как Старый Ник! Он был зловредный старикан, но страшно занятный. Я его обожала. Ездила с ним повсюду, и нас так и звали: его — Старый Ник, а меня — Молодая Ник. А по-настоящему меня зовут Магдала.

— Редкое имя.

— Да. Оно у нас как бы фамильное. В семействе Бакли пропасть Магдал. Вон там висит одна, — она кивнула на один из портретов.

— А! — отозвался Пуаро. Потом, взглянув на портрет, висевший над камином, осведомился:

— Ваш дедушка, мадемуазель?

— Он самый. Правда, хорош? Джим Лазарус хотел купить его, но я не продала. Старый Ник — моя слабость.

— А! — Пуаро немного помолчал и очень серьезно проговорил: — Вернемся к нашей теме. Я заклинаю вас, не будьте легкомысленны. Сегодня в вас стреляли из маузера...

— Из маузера? — она была поражена.

— Да, а в чем дело? У кого-то из ваших знакомых есть маузер?

Она усмехнулась.

— У меня, например.

— У вас?

— Ну да — папин. Он привез его с войны. С тех пор он тут и валяется. На днях я его видела в этом ящике.

Она показала на старинную конторку. Внезапно, словно ее что-то осенило, девушка подошла к конторке и выдвинула ящик.

Потом как-то растерянно оглянулась. И в голосе ее прозвучала новая нотка.

— Ох ты! — сказала она.— А ведь его нет!..

СЛУЧАЙНОСТИ?

Вот тут-то и наступил, наконец, перелом. До сих пор их разговор больше походил на препирательство.

Но с той минуты, как мы узнали об исчезновении револьвера, все изменилось. Ник больше не считала всю эту историю забавной шуточкой. Она сохранила свой небрежный тон, таков уж был ее нрав, но поведение ее стало совсем другим. Девушка отошла от конторки, присела на ручку кресла и сосредоточенно нахмурилась.

— Непонятно, — сказала она.

Пуаро налетел на меня, как вихрь.

— Вы помните, как я говорил об одной идейке, Гастингс? Так вот, она подтвердилась, моя идейка. Допустим, мадемуазель убита и ее находят в саду. Она может пролежать там несколько часов — по этой дороге мало кто ходит. И возле ее руки — он выпал, вот и все, — лежит ее собственный револьвер. Достойная мадам Эллен его, конечно, опознает, и тут уж, разумеется, пойдут припоминать: угнетенное состояние, бессонница...

Ник поежилась.

— А ведь верно. Я сейчас до смерти издергана. Все твердят мне, что я стала нервная. Да, говорить бы стали...

— И подтвердили таким образом версию о самоубийстве. Кстати, оказалось бы, что единственные отпечатки пальцев на револьвере принадлежат мадемуазель, — словом, все было бы как нельзя более просто и убедительно.

— Веселенькое дельце! — сказала Ник, но я был рад отметить, что «дельце», по-видимому, не слишком ее веселило.

— Не правда ли? — невозмутимо подхватил Пуаро. — Но воля ваша, этому пора положить конец. Четыре неудачи — отлично, однако пятая попытка может окончиться успешнее.

— Ну что ж, заказывайте катафалк, — вполголоса проговорила Ник.

— Но мы этого не допустим — мой друг и я. Вот почему мы здесь.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказала Ник. — Но история, скажу я вам... Прямо дух захватывает.

Она держалась все так же беспечно и независимо, но в ее глазах мелькала тревога.

— И первое, что мы сделаем, — заявил Пуаро, — это сядем и все обсудим.

Он сел и дружелюбно улыбнулся.

— Начнем с традиционного вопроса, мадемуазель, — у вас есть враги?

Ник огорченно покачала головой.

— Боюсь, что нет, — сказала она виновато.

— Хорошо. Значит, эта версия отпадает. Далее следует вопрос из кинофильмов и де-

тективных романов: кому выгодна ваша смерть?

— Ума не приложу, — сказала Ник. — В том-то и дело, что это совершенно бессмысленно. Кроме этого богомерзкого сарая... Да и он заложен... И я не очень-то надеюсь, что на моем участке найдут угольные залежи или что-нибудь в этом роде.

— Так он заложен?

— Пришлось заложить. Шесть лет назад умер дедушка. А вскоре я похоронила брата. Похороны за похоронами... Это меня и подкосило.

— А ваш отец?

— Он вернулся с войны инвалидом и в скором времени умер от воспаления легких. А мама умерла, когда я была совсем маленькая. С самого детства я жила в этом доме с дедушкой. С папой они, конечно, не сумели поладить... И отец решил, что самое лучшее — подкинуть меня дедушке, а сам отправился искать счастья по свету. К Джеральду, это мой брат, дедушка тоже не благоволил. Не сомневаюсь, что он не ладил бы и со мной, будь я мальчишкой. Мое счастье, что я оказалась девочкой. Дед говорил, что я пошла в его породу и унаследовала его дух. — Она рассмеялась. — По-моему, он был старый греховодник, каких свет не видел. Только ужасно везучий! Говорили, что он превращает в золото все, к чему ни притронется. Правда, он играл и спустил все, что нажил. После его смерти остался, собственно, один этот дом да участок. Мне тогда было шестнадцать, а Джеральду двадцать два. Через три года Джеральд погиб в автомобильной катастрофе, и дом достался мне.

— А после вас, мадемуазель? Кто ваш ближайший родственник?

— Мой кузен Чарльз. Чарльз Вайз. Он адвокат здесь, в городе. Вполне порядочный и положительный, но страшно нудный. Дает мне добрые советы и пытается обуздать мою склонность к расточительству.

— И ведет все ваши дела?

— Ну... если вам угодно это так назвать. Оформил для меня закладную и уговорил сдать флигель.

— Флигель! Стало быть, вы его сдаете?

— Да... Там живут некие Крофты. Австралийцы. Очень милые, сердечные, по мне, так даже чересчур. По правде говоря, они немного надоедливые... по крайней мере он. Какой-то приторный. А жена у него калека, бедняжка, и не встает с дивана. Но самое главное, они платят.

— И давно они тут?

— Уже с полгода.

— Понятно. Ну, а кроме этого кузена... он, кстати, с отцовской или с материнской стороны?

— С материнской. Мою мать звали Эми Вайз.

— Так я хотел спросить, кроме кузена, есть у вас еще какая-нибудь родня?

— Очень дальняя, в Йоркшире, — тоже Бакли.

— И больше никого?

— Никого.

— Однако вам должно быть одиноко.

Ник удивилась.

— Одиноко? Вот уж нет. Вы ведь знаете, я тут подолгу не живу. Все больше в Лондоне. А от родственников обычно одна морока.

— О, вы, я вижу, очень современная девушка. Беру назад свои слова. Теперь о ваших домочадцах.

— Как это сказано! Мои домочадцы — это Эллен. Да еще ее муж, он смотрит за садом, и, надо сказать, довольно плохо. Когда я здесь, Эллен меня обслуживает, а если у меня собираются гости, мы нанимаем кого-нибудь ей в помощь. Кстати, в понедельник я устраиваю вечеринку. Ведь начинается регата.

— В понедельник... а нынче у нас суббота. Так, так. А что вы можете рассказать о ваших друзьях, мадемуазель? Например, о тех, с которыми вы сегодня завтракали.

— Ну, Фредди Райс — эта блондинка, пожалуй, самая близкая моя подруга. Ей пришлось хлебнуть лиха. Муж у нее был настоящая скотина — пьяница, наркоман и вообще подонок, каких мало. Год или два тому назад она не выдержала и ушла от него. И с тех пор так никуда и не прибьется. Молю бога, чтобы она получила развод и вышла за Джима Лазаруса.

— Лазарус? Антикварный магазин на Бонд-стрит?

— Он самый. Джим — единственный сын. Денег, конечно, куры не клюют. Вы видели его автомобиль? Фредди он обожает. До конца недели пробудут в «Мажестик», а в понедельник — ко мне.

— А муж миссис Райс?

— Этот скот? Да его и след простыл. Никто не знает, куда он девался. Фредди попала в глупейшее положение. Нельзя же развестись с человеком, который неизвестно где находится.

— Конечно.

— Ну, а второй ваш друг? Милейший капитан Челлендж?

— Джордж? Мы знакомы испокон веков, во всяком случае, не меньше пяти лет. Он симпатяга, Джордж.

— И хочет, чтобы вы вышли за него замуж?

— Намекает по временам. Рано утром или после второго стакана портвейна.

— Но вы неумолимы.

— Ну, а что толку, если мы поженимся? Я без гроша, он тоже. Да и зануда он порядочная, как у нас говорят, доброй старой школы. Плюс ко всему ему стукнуло сорок.

Я чуть заметно вздрогнул.

— Преклонный возраст, ничего не скажешь, — заметил Пуаро. — Меня это не задевает, не беспокойтесь, мадемуазель, — я дедушка, я никто. Ну, а теперь мне бы хотелось поподробнее узнать о ваших несчастных случаях. Скажем, о картине.

— Она уже висит... на новом шнуре. Хотите посмотреть?

Мы вышли вслед за ней из комнаты.

— С вашего позволения, мадемуазель, — пробормотал Пуаро и, сняв ботинки, взобрался на кровать. Он осмотрел шнур и саму картину, осторожно взвесил ее на руках и с изысканной гримасой спустился на пол.

— Да, если такая штука свалится на голову, это не слишком приятно. Ну, а тот, старый шнур, он был такой же?

— Да, только на этот раз я выбрала потолще.

— Вас можно понять. А вы осмотрели место разрыва? Концы перетерлись?

— По-моему, да.

— Мне очень бы хотелось взглянуть на этот шнур. Он здесь, в доме?

— Я не сняла его тогда. Должно быть, человек, который привязывал новый, выбросил шнур.

— Досадно.

— Так вы все-таки думаете, что это не случайность? Уверена, что вы ошибаетесь.

— Возможно. Не берусь судить. А вот испорченные тормоза — не случайность. Камень, свалившийся с обрыва... да, кстати, вы не могли бы показать мне это место?

Мы вышли в сад, и Ник показала нам, откуда сорвался камень. Пуаро задумчиво кивнул. Потом он спросил:

— А ваш садовник... он где обычно работает?

— По большей части бьет баклуши на огороде или сидит под навесом, там, где горшки с рассадой, и притворяется, что точит ножницы.

— То есть по ту сторону дома? Выходит, если бы кто-нибудь прошел сюда и столкнул вниз камень, он бы почти наверняка остался незамеченным?

Девушка вздрогнула.

— Вы в самом деле думаете?.. У меня просто не укладывается в голове. По-моему, это как-то не всерьез.

Пуаро снова вынул из кармана пулю и посмотрел на нее.

— Вполне серьезная вещь, мадемуазель, — сказал он мягко.

— Так это был какой-то сумасшедший.

— Возможно. Очень увлекательная тема для разговора в гостиной, после обеда. В самом деле, все ли преступники ненормальны? С серыми клеточками у них, по-видимому, не все ладно — очень похоже на то. Но это уж забота врачей. Передо мной стоят другие задачи. Я должен думать не о виновных, а о безвинных, о жертвах, а не о преступниках. Меня интересуете вы, мадемуазель, а не тот неизвестный, что хотел вас убить. А скажите, эти ваши друзья, миссис

Райс и мистер Лазарус... давно они тут?

— Фредди в наших краях уже со среды. Дня два она гостила у каких-то знакомых возле Тэвистока. Вчера приехала сюда. А Джим тоже крутился где-то поблизости.

— А капитан Челленджер?

— Он в Девонпорте. Приезжает сюда на машине — обычно на субботу и воскресенье.

Пуаро кивнул. Мы уже возвращались к дому. Все замолчали. Потом он вдруг спросил:

— У вас есть подруга, на которую вы могли бы положиться?

— Фредди.

— Нет, кто-нибудь другой.

— Не знаю, право. Наверно, есть. А что?

— Я хочу, чтобы вы пригласили ее к себе... немедленно.

Ник немного растерялась. С минуту она раздумывала, потом сказала нерешительно:

— Разве что Мегги, она, наверно, согласилась бы...

— Кто это — Мегги?

— Одна из моих йоркширских кузин. У них большая семья: ее отец священник. Мегги примерно моих лет, и я ее обычно приглашаю к себе летом. Но с ней неинтересно — она какая-то слишком уж безгрешная, с этакой прической, которая сейчас вдруг случайно вошла в моду. Словом, я рассчитывала обойтись в этом году без нее.

— Ни в коем случае. Ваша кузина именно то, что нужно. Я представлял себе как раз кого-то в этом роде.

— Ну что ж, — вздохнула Ник. — Пошлю ей телеграмму.

— Вы можете устроить так, чтобы она ночевала в вашей комнате?

— Думаю, что да.

— Ваша просьба не покажется ей странной?

— О, Мегги ведь не рассуждает. Она только исполняет — истово, по-христиански, с верой и рвением. Значит, договорились, я ей телеграфирую, чтоб приезжала в понедельник.

— А почему не завтра?

— Воскресным поездом? Она подумает, что я при смерти. Нет, лучше в понедельник. И вы расскажете ей, что мне грозит злой рок?

— Вы снова шутите? Ваше мужество меня радует.

— Это хоть отвлекает, — сказала Ник.

Что-то в ее тоне заставило меня внимательно посмотреть на нее. Мне показалось, что она чего-то не договаривает. К этому времени мы уже вернулись в гостиную. Пуаро барабанил пальцами по газете.

— Читали, мадемуазель? — спросил он вдруг.

— Здешний «Геральд»? Так, мельком. Они тут каждую неделю печатают прогноз приливов, вот я и заглянула.

— Ясно. Да, между прочим, вы когда-нибудь писали завещание?

— Полгода назад. Перед операцией аппендицита.

— И каковы были условия?

— Эндхауз я завещала Чарльзу. Все остальное — Фредди, но там не так уж много оставалось. Подозреваю, что — как это говорится? — пассив превысил бы актив.

Пуаро рассеянно кивнул.

— Я должен вас покинуть, мадемуазель. Остерегайтесь.

— Чего?

— У вас хорошая голова. Да в этом, собственно, и вся загвоздка, что мы не знаем, чего остерегаться. И все-таки не падайте духом. Через несколько дней я докопаюсь до правды.

— А пока избегайте яда, бомб, выстрелов из-за угла, автомобильных катастроф и отравленных стрел, какими пользуются южноамериканские индейцы, — одним духом выпалила Ник.

— Не насмехайтесь над собой, — остановил ее Пуаро.

Возле дверей он задержался.

— Кстати, — спросил он, — какую цену предлагал мосье Лазарус за портрет вашего деда?

— Пятьдесят фунтов.

— О!

Он пристально вгляделся в темное, угрюмое лицо над камином.

— Но я уже говорила вам, что не захотела продать старика.

— Да, да, — задумчиво проговорил Пуаро. — Я вас понимаю.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод
с английского
Е. КОРОТКОВОЙ

Загадка Эндхауза

АГАТА КРИСТИ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ЗДЕСЬ ЧТО-ТО ЕСТЬ!..

— Пуаро, — сказал я, как только мы вышли на дорогу, — мне кажется, я должен сообщить вам одну вещь.

Я передал ему, что говорила миссис Райс по поводу неисправных тормозов.

— Вот как? Это довольно интересно. Встречаются, конечно, тщеславные истерички, которые жаждут привлечь к себе внимание и сочиняют невероятные истории о том, как они были на волосок от смерти. Это известный тип.

— Но вы ведь не думаете...

— Что мадемуазель Ник из их числа? Об этом не может быть и речи. Вы обратили внимание, Гастингс, нам стоило немалых трудов даже убедить ее в том, что ей что-то угрожает. И все же это очень любопытно — то, что сказала миссис Райс. Почему она об этом заговорила? Допустим даже, что она сказала правду, но почему?

— Вот именно, — подхватил я. — Она ведь просто притянула это за уши.

— Любопытно. Очень любопытно. А я люблю, когда вдруг появляются такие любопытные подробности. От них зависит многое. Они указывают путь.

— Куда?

— Не в бровь, а в глаз, мой несравненный Гастингс. Куда? Вот именно, куда? Как ни печально, но мы узнаем это только в конце пути.

— А для чего вы заставили ее пригласить эту кузину?

Пуаро остановился и возбужденно погрозил мне пальцем.

— Подумайте! — воскликнул он. — Хоть немного пораскиньте мозгами. В каком мы положении! Выследить убийцу, когда преступление совершено, не так уж сложно. Во всяком случае, для человека с моими способностями. Убийца, так сказать, уже оставил свою подпись. Расследовать то, что еще не сделано, — вот уж поистине незаурядная задача.

Что нам сейчас важнее всего? Уберечь от опасности мадемуазель. А это не легко. Нет, это просто трудно, Гастингс. Мы не можем охранять ее день и ночь, мы не можем даже приставить к ней полисмена в больших ботинках. Или остаться на ночь в спальне молодой леди.

Но кое-что все-таки в наших силах. Мы можем сделать так, чтобы убийце было труднее действовать. Предостеречь мадемуазель, это во-первых. Устроить так, чтобы рядом с ней был совершенно беспристрастный свидетель, во-вторых. А обойти две такие преграды сумеет только очень умный человек.

Он помолчал и продолжал уже совсем другим тоном:

— Но вот чего я боюсь, Гастингс... Что он и в самом деле очень умный человек. Ах, до чего неспокойно у меня на душе!

— Да вы меня пугаете! — воскликнул я.

— А я и сам напуган. Вы помните эту газету, «Уикли Геральд»? Угадайте, в каком месте она была сложена? Именно там, где находилась маленькая заметка, гласившая: «Среди гостей отеля «Мажестик» находятся мосье Эркюль Пуаро и капитан Гастингс». Теперь допустим — только допустим, — что кто-нибудь прочел эту за-

Продолжение. Начало в № 5.

метку. Мое имя известно — его знают все...

— Мисс Бакли не знала, — заметил я, ухмыльнувшись.

— Она не в счет, ветрогонка. Человек серьезный — преступник — знает его. Он сразу забеспокоится. Насторожится. Начнет задавать себе вопросы. Три неудачных покушения на жизнь мадемуазель — и вдруг появляется Эркюль Пуаро. Случайность? А если нет? Ну как, по-вашему, что ему лучше делать?

— Притаиться и замести следы, — предположил я.

— Да, возможно... Или наоборот, если он и в самом деле храбрый человек, — бить немедленно, не теряя времени. Прежде чем я успею начать какие-либо расспросы.

— Но почему не допустить, что заметку читала сама мисс Бакли?

— Потому что мисс Бакли ее не читала. Она ведь сама сказала, что брала газету, только чтобы посмотреть прогноз приливов. Ну, а на той странице таблицы не было.

— Значит, вы думаете, кто-нибудь из живущих в доме...

— Или имеющих туда доступ. Последнее не трудно, так как дверь открыта настежь, и я не сомневаюсь, что друзья мисс Бакли приходят и уходят, когда им вздумается.

— У вас есть какие-то догадки? Подозрения?

Пуаро в отчаянии вскинул руки.

— Никаких. Я ведь заранее знал — мотив не очевиден. Вот почему преступник чувствует себя в безопасности и смог отважиться сегодня утром на такую дерзость. На первый взгляд как будто ни у кого нет оснований желать гибели нашей маленькой Ник. Имущество? Эндхауз? Он достается кузену, который вряд ли особенно заинтересован в этом старом, полуразрушенном доме, обремененном закладными. Для него это даже не родовое поместье. Он ведь не Бакли, вы помните. Мы с ним, конечно, повидаемся, с этим Чарлзом Вайзом, но подозревать его, по-моему, нелепо.

— Затем мадам, любимая подруга, — мадонна с загадочным взглядом.

Я так и подскочил.

— Вы это тоже почувствовали?

— Она сказала вам, что ее подруга лгунья. Зачем ей было это говорить? Из опасения, что Ник что-то расскажет? Что-нибудь связанное с автомобилем? Или автомобиль она упомянула для примера, а сама боится чего-то другого? И правда ли, что кто-то повредил тормоза, а если да, то кто? Далее, мосье Лазарус, красивый блондин. К чему мы здесь можем придраться? Роскошный автомобиль, куча денег. Капитан Челленджер...

— О нем не беспокойтесь, — поспешно вставил я. — Я за него ручаюсь. Он настоящий джентльмен.

— Он, разумеется, хорошей школы, как вы это называете. По счастью, я, как иностранец, не заражен вашими предрассудками, и они не мешают мне вести расследование. Однако я признаю, что не вижу связи между капитаном Челленджером и этим делом.

— Ну, еще бы! — воскликнул я с жаром.

Пуаро внимательно посмотрел на меня.

— Вы очень странно влияете на меня, Гастингс. У вас такой необыкновенный нюх в ложном направлении, что меня так и подмывает воспользоваться им. Ведь вы один из тех поистине восхитительных людей — чистосердечных, доверчивых, честных, — которых на каждом шагу водят за нос мерзавцы. Такие, как вы, вкладывают свои сбережения в сомнительные нефтяные разработки и несуществующие золотые прииски. Ну, ладно, я займусь этим Челленджером. Вы пробудили мои подозрения.

— Не городите вздора, мой друг! — воскликнул я сердито. — Человек, который столько бродил по свету...

— Не научился ничему, — грустно закончил Пуаро. — Не будем ссориться. Посмотрите-ка, что это перед нами? Гараж Мотта. По-моему, это тот самый, о котором говорила мадемуазель.

В гараже Пуаро объяснил, что ему порекомендовала обратиться сюда мисс Бакли. Он спросил, на каких условиях можно взять напрокат автомобиль. Потом, как бы невзначай, перевел разговор на неисправности, которые обнаружила на днях в своей машине мисс Бакли.

Не успел он заговорить об этом, как хозяина словно прорвало. «Случай неслыханный!» — заявил он. И принялся объяснять нам разные технические тонкости, в которых я, увы, не разбираюсь, а Пуаро, по-моему, и того меньше. Но кое-что мы все-таки поняли. Автомобиль был выведен из строя умышленно, и сделать это можно было легко и быстро.

— Так вот оно что! — проговорил Пуаро, когда мы двинулись дальше. — Малютка Ник оказалась права, а богатый мосье Лазарус — нет. Гастингс, друг мой, все это необыкновенно интересно.

— Какая досада, что завтра воскресенье, — заметил он на обратном пути. — Мы сможем встретиться с мосье Вайзом лишь в понедельник утром.

— Вы могли бы зайти к нему домой.

— Разумеется. Но как раз этого мне бы хотелось избежать. Для начала я предпочитаю получить у него чисто профессиональную консультацию и таким образом составить себе мнение о нем.

— Ну что ж, — заметил я, подумав. — Пожалуй, так и в самом деле лучше.

— Всего один вполне бесхитростный вопрос, и мы уже сможем судить об очень многом. Так, например, если сегодня в половине первого мосье Вайз был у себя в конторе, то в парке отеля «Мажестик» стрелял не он.

— А не проверить ли нам алиби и тех троих, что завтракали с мисс Бакли?

— Это гораздо сложнее. Любой из них мог незаметно выскользнуть из салона, курительной, гостиной, библиотеки, быстро пробраться в парк, выстрелить и немедленно вернуться. Но в данный момент мы даже не уверены, что знаем всех действующих лиц нашей драмы. Возьмем, к примеру, респектабельную Эллен и ее пока еще незнакомого нам супруга. Оба они живут в доме и, вполне возможно, имеют зуб против нашей маленькой мадемуазель. Во флигеле тоже живут какие-то австралийцы. Могут быть и другие друзья и приятели мисс Бакли, которых она не подозревает, а потому не назвала. Меня не оставляет чувство, что за всем этим кроет-

ся что-то еще, до сих пор нам совершенно неизвестное.

— Вам кажется, что она о чем-то умалчивает?

— Да.

— Хочет кого-то выгородить?

Пуаро решительно потряс головой.

— Нет, и еще раз нет. Я убежден, что в этом смысле она была совершенно искренна. Обо всем, что касается покушений, она нам рассказала. Но есть что-то другое, по ее мнению, не относящееся к делу. И вот об этом-то мне и хотелось бы узнать. Ибо я, Эркюль Пуаро, могу увидеть связь там, где мисс Бакли ее не видит. Здесь обязательно должен быть какой-то фактор, от меня ускользнувший. Какой?

— Узнаете, — утешил я его.

— Если только не будет слишком поздно, — сказал он хмуро.

МИСТЕР И МИССИС КРОФТ

Вечером в отеле танцевали. Мисс Бакли, обедавшая здесь с друзьями, весело помахала нам рукой.

— Очаровательный чертенок, — заметил я.

— И как не похожа на подругу, — проговорил Пуаро.

Фредерика Райс была в белом. Она танцевала вяло, с томной грацией, которая резко контрастировала с оживленностью Ник.

— Необыкновенно хороша, — сказал вдруг Пуаро.

— Наша Ник?

— Нет, та, вторая. Что она таит в себе? Добро? Зло? Или просто несчастна? Возможно, за этой маской вообще ничего нет. Одно бесспорно, это женщина...

К моему удивлению, он встал. Ник танцевала с Джорджем Челленджером. Фредерика и Лазарус, только что кончившие танцевать, сели за столик. Немного погодя Лазарус встал и вышел. Миссис Райс сидела теперь одна. Пуаро направился прямо к ней. Я последовал за ним.

Он начал сразу, без обиняков.

— Разрешите? — Положил руку на спинку стула и тут же сел. — Мне очень нужно поговорить с вами, пока ваша подруга танцует.

— Да? — Ее голос прозвучал холодно, безразлично.

— Не знаю, рассказывала ли вам ваша приятельница. Если нет, то расскажу я. Сегодня кто-то пытался ее убить.

В ее широко раскрытых глазах отразились ужас и изумление, огромные черные зрачки стали еще больше.

— Как «убить»?

— Кто-то выстрелил в мадемуазель Бакли здесь, в парке.

Она вдруг улыбнулась снисходительно и недоверчиво.

— Это вам Ник сказала?

— Нет, мадам. Случилось так, что я сам был свидетелем. Вот пуля.

Он протянул ей пулю, и женщина слегка отстранилась.

— Вы сами видите, что это не фантазия мадемуазель. Мало того, в последнее время произошло несколько очень странных случаев. Вы, конечно, слышали... Хотя нет. Ведь вы приехали только вчера?

— Да... вчера.

— А перед этим гостили, кажется, у каких-то друзей? В Тэвистоке, если не ошибаюсь.

— Да.

— Интересно, как их зовут, ваших друзей?

Она подняла брови.

— А почему я, собственно, должна вам говорить? — холодно спросила она.

— О, тысяча извинений, мадам. — Пуаро разом превратился в олицетворенное простодушие и наивное удивление. — Мне почему-то пришло в голову, что, может быть, вы встретили там и моих друзей — у меня ведь тоже есть друзья в Тэвистоке, их фамилия Бакенен.

— Не помню таких. Едва ли я их встречала. — Ее ответ прозвучал вполне дружелюбно. — Впрочем, довольно толковать о посторонних людях. Вернемся лучше к Ник. Так кто же в нее стрелял? И почему?

— Кто, я пока еще не выяснил, — ответил Пуаро. — Но я это узнаю. О, непременно. Я, видите ли, сыщик. Меня зовут Эркюль Пуаро.

— Прославлен н о е имя.

— Вы слишком любезны.

— Как вы считаете, что я должна делать? — медленно проговорила она.

— Беречь вашу подругу, мадам, — ответил Пуаро.

— Хорошо.

Он встал, торопливо поклонился, и мы вернулись к своему столику.

— Не слишком ли вы раскрываете карты, Пуаро? — заметил я.

— А что мне оставалось делать? Я должен был использовать все шансы. Во всяком случае, одно мы выяснили: миссис Райс не была в Тэвистоке. Где она была? Со временем узнаем. Ничто не утаится от Эркюля Пуаро. Смотрите-ка, красавчик Лазарус вернулся. Она рассказывает ему. Он смотрит на нас. А он не глуп, этот тип. Вы обратили внимание на форму его черепа? Ах, если бы я только знал...

Ник поравнялась с нашим столиком. Оставив партнера, она подлетела к нам, словно яркая птичка.

— Последний танец перед смертью, — радостно сообщила она.

— Новое ощущение, мадемуазель?

— Ага. И здорово интересно.

Помахав нам рукой, она убежала.

— Зачем она так сказала? — проговорил я в задумчивости. — Танец перед смертью. Не нравится мне это.

— И я вас понимаю. Слишком уж близко к правде. Она смела, наша малышка. Смела, этого у нее не отнимешь. Беда только, что ей нужна вовсе не смелость. Благоразумие, а не смелость — вот что нам нужно.

Наступило воскресенье. Было около половины двенадцатого. Мы сидели на передней террасе. Неожиданно Пуаро встал.

— Идем-ка, мой друг. Устроим небольшой эксперимент. Я только что своими глазами видел, как мосье Лазарус и мадам отправились куда-то на автомобиле вместе с мадемуазель. Путь свободен.

Мы спустились с террасы и через небольшой газон прошли к калитке, от которой начиналась извилистая дорожка. Она вела к морю. Спускаясь по дорожке, мы повстречали парочку купальщиков. Смеясь и болтая, они прошли мимо нас.

Когда парочка скрылась из виду, Пуаро подошел к маленькой, неприметной калитке. Петли ее изрядно проржавели. Полустершаяся надпись гласила: «Эндхауз. Частная собственность». Вокруг не видно было ни одного живого существа. Мы потихоньку вошли в калитку и оказались на лужайке перед домом. Здесь тоже не было ни души. Пуаро подошел к краю обрыва и взглянул вниз. Потом он направился к дому. Выходящие на террасу двери были открыты, и мы беспрепятственно проникли в гостиную. Пуаро не стал здесь задерживаться. Он отворил дверь и вышел в холл. Затем он начал подниматься по лестнице, а я последовал за ним. Он вошел прямо в спальню.

— Вы видите, как это просто, мой друг. Пришли мы незаметно. Уйдем точно так же. И без помех могли бы провернуть какое-нибудь маленькое дельце. Например, растеребить этот шнур, так, чтобы картина висела на честном слове. Теперь допустим, кто-нибудь случайно оказался перед домом и видел нас. Опять же ничего страшного, так как все знают, что мы друзья хозяйки.

— То есть вы хотите сказать, что здесь орудовал кто-то из своих?

— Именно так. Не психопат, свалившийся невесть откуда, а кто-нибудь из близких к дому людей.

Он направился к двери. Мы молча вышли и начали спускаться вниз. Мне кажется, мы оба были взволнованы.

На повороте лестницы мы вдруг остановились. Какой-то человек шел нам навстречу. Остановился и он. Лицо его оставалось в тени, но, судя по позе, он совершенно растерялся. Наконец он окликнул нас, громко и вызывающе:

— Какого дьявола вам тут нужно, хотелось бы мне знать?

— А! — отозвался Пуаро.— Мосье... Крофт, если не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь. Только за каким...

— Не лучше ли нам побеседовать в гостиной?

Он послушно повернулся и стал спускаться с лестницы.

В гостиной Пуаро притворил дверь и с небольшим поклоном сказал:

— Будем знакомы. Эркюль Пуаро, к вашим услугам.

Лицо Крофта немного прояснилось.

— А, так вы тот самый сыщик, — сказал он, словно что-то припоминая. — Я читал про вас... Вы ведь француз, да?

— Бельгиец. Но это не имеет значения. Мой друг, капитан Гастингс.

— Очень приятно. Ну, а в чем дело-то? Зачем вы тут? Что-нибудь не слава богу?

— Да как вам сказать...

Австралиец кивнул. Это был человек не первой молодости, почти совершенно лысый, но великолепно сложенный. Его грубоватое, я бы даже сказал, какое-то первобытное лицо с тяжелой челюстью и пронизывающими голубыми глазами было по-своему красивым.

— Вот послушайте-ка, — начал он. — Я тут принес горстку помидоров и огурец для маленькой мисс Бакли. Вхожу я, как всегда, вот в эту дверь, выкладываю кошелку и уже собираюсь уходить, как вдруг почудилось мне, словно бы кто ходит наверху и голоса мужские. Я и решил сходить проверить. На лестнице столкнулся с вами. А вот теперь оказывается, что вы сыщик, да еще этакая знаменитость. Как это понять?

— А очень просто, — улыбаясь, объяснил Пуаро. — Недавно ночью произошел несчастный случай, порядком напугавший мадемуазель. На ее кровать упала картина. Она вам не рассказывала?

— Говорила. Чудом спаслась.

— Так вот, чтобы ничего такого больше не случилось, я обещал ей принести цепочку. Она сказала мне, что уезжает утром, но я могу прийти снять мерку. Вот и все, как видите, очень просто.

И он развел руками с детским простодушием и обаятельнейшей улыбкой.

Крофт облегченно перевел дух.

— Постойте-ка, не видел ли я вас вчера? — заговорил вдруг Крофт. — Вы проходили мимо нашего домишка.

— Да, да, а вы работали в саду и были так учтивы, что поздоровались с нами.

— Правильно. Такое дело... Так вы, значит, тот самый мосье Эркюль Пуаро, про которого я столько слыхал. А вы не заняты сейчас, мосье Пуаро? А то я пригласил бы вас на утреннюю чашку чаю, как водится у нас, у австралийцев, и познакомил со своей старухой. Она про вас читала все, что только было напечатано в газетах.

— Очень любезно с вашей стороны, мосье Крофт. Мы совершенно свободны и будем в восторге.

— Вот и славно.

— А вы как следует сняли мерку, Гастингс? — повернулся ко мне Пуаро.

Я успокоил его, и мы последовали за нашим новым знакомым.

Крофт любил поговорить; мы в этом скоро убедились. Он рассказал нам о своих родных местах, где-то близ Мельбурна. о том, как мыкался в молодые годы и как добился, наконец, успеха и разбогател.

— И мы с женой решили путешествовать, — рассказывал он. — Нам всегда хотелось вернуться на родину. Так мы и сделали. Приехали сюда, попробовали разыскать здесь женину родню, она ведь из здешних мест, да только без толку. Потом махнули на континент. Париж, Рим, итальянские озера,

Флоренция и все такое. В Италии мы попали в железнодорожную катастрофу. Жену, бедняжку, так покалечило — ужас! Возил ее по лучшим докторам; и все твердят одно: ждать и лежать в постели. У нее, понимаете, что-то с позвоночником.

— Какое несчастье!

— Ужасно, правда? А что поделаешь? Судьба! И вот запало ей почему-то в голову сюда приехать. Ей словно чудилось, что завсдем мы свой домишко — и все пойдет на новый лад. Пересмотрели бездну разных развалюх, и вот повезло наконец. Мило, спокойно, на отшибе. Я его сразу снял, без разговоров.

Мы были уже у самого флигеля. Крофт громко и протяжно крикнул: «Куи!» — «Куи!» — послышалось в ответ.

— Идемте, — пригласил нас мистер Крофт.

Вслед за хозяином мы прошли через открытую настежь дверь, поднялись по невысокой лесенке и оказались в уютной, чисто прибранной спальне. На диване лежала полная женщина средних лет, с красивыми седыми волосами и очень ласковой, приветливой улыбкой.

— Знаешь, кого я к тебе веду, мать? — спросил мистер Крофт. — Экстра-класс, всемирно известный сыщик мосье Эркюль Пуаро зашел поболтать с тобой.

— У меня просто нет слов,— воскликнула миссис Крофт, горячо пожимая руку Пуаро, — просто нет слов, чтобы сказать, как я рада! Я ведь читала и о голубом экспрессе и разные ваши другие истории. Мне кажется, с тех пор как у меня заболела спина, я перечитала все на свете детективные романы. Вот уж когда времени-то не замечаешь. Берт, голубчик, скажи Эдит, чтобы приготовила чай.

— Ладно, мать, — ответил мистер Крофт и вышел.

— Она у нас вроде сиделки, Эдит, — пояснила миссис Крофт. — С прислугой мы не связываемся. А Берт у нас и за стряпуху и за горничную — на все руки. Но он не жалуется, даже рад, что не сидит без дела. Да и в саду еще возится.

— А вот и мы! — воскликнул мистер Крофт, появляясь в дверях с подносом. — Чай готов. Ох, мать, ну и праздник у нас нынче!

— Надолго вы сюда, мосье Пуаро? — спросила миссис Крофт, наклоняясь за чайником.

— Да вот хочу немного отдохнуть, мадам.

— А мне помнится, я где-то читала, что вы уж не работаете... совсем ушли на отдых.

— Стоит ли верить тому, что пишут газеты, мадам?

— Ваша правда. Так вы и теперь ведете разные дела?

— Когда мне попадается что-нибудь интересное.

— Ну, а сейчас, неужто ничего такого не распутываете? — спросил мистер Крофт, проницательно взглянув на Пуаро. — Может, и отдых-то у вас только для отвода глаз?

— Не задавай нескромных вопросов, Берт, — сказала миссис Крофт, — а то мосье Пуаро больше к нам не придет. Мы люди маленькие, мосье Пуаро, и нам очень лестно, что вы зашли к нам. Вы просто представить себе не можете, как нам лестно.

Ее искренняя, простодушная радость растрогала меня до глубины души.

— А с картиной-то и верно нехорошо получилось, — заметил мистер Крофт.

— Чуть насмерть не убило бедную девочку, — взволнованно подхватила миссис Крофт.— А уж непоседа она — ну просто ртуть! Приедет сюда, и весь дом оживает. Я слышала, недолюбливают ее в здешних местах. Так уж заведено в английском захолустье. Если девушка живая и веселая, ее осуждают. Мудрено ли, что она здесь не засиживается? И этому ее долгоносому кузену ничем не уговорить ее поселиться тут навсегда — скорей уж... не знаю что...

— Не сплетничай, Милли, — остановил ее муж.

— Ага! — воскликнул Пуаро. — Так вот откуда ветер дует. Ну что ж, поверим женскому чутью. Стало быть, мосье Чарлз Вайз влюблен в нашу юную приятельницу?

— С ума сходит, — сказала миссис Крофт. — Да она не пойдет за провинциального адвоката. И я ее не осуждаю. Какой-то он — ни рыба ни мясо. Ей бы лучше выйти за этого симпатичного моряка — за Челленджера. А то мечется как неприкаянная, и все одна или с этой своей чудачкой миссис Райс. А ведь она славная девушка, мосье Пуаро, — можете мне поверить. И все-таки я за

нее тревожусь. Какой-то у нее вид в последнее время стал несчастливый, словно изводит ее что-то. И я волнуюсь. Я ведь не так, чтобы уж совсем посторонняя, верно, Берт?

Мистер Крофт вдруг неожиданно встал.

— Не стоит об этом, Милли, — проговорил он. — Хотите взглянуть на несколько австралийских снимков, мосье Пуаро?

Мы просидели еще минут десять, толкуя о разных пустяках.

— Славные люди, — сказал я Пуаро. — Простые, без претензий. Типичные австралийцы.

— Понравились вам?

— А вам?

— Они очень приветливы... очень дружелюбны.

— Так в чем же дело? Я вижу, вас что-то не устраивает?

— Я бы сказал, чуточку слишком типичны, — в раздумье произнес Пуаро. — Кричат «Куи!», суют австралийские снимки — немного пересаливают, а?

— Ох и подозрительный же вы, старый чертяка!

— Ваша правда. Я подозреваю всех... и во всем. Я боюсь, Гастингс... я боюсь.

ВИЗИТ К МИСТЕРУ ВАЙЗУ

Пуаро признавал только континентальный завтрак. Он всегда повторял, что не в силах видеть, как я поглощаю бекон и яйца. А потому булочки и кофе подавали ему прямо в постель, и я мог беспрепятственно начинать день традиционным английским беконом, яйцами и джемом.

В понедельник утром я заглянул к нему перед тем, как сойти в столовую. Он сидел в постели в каком-то невиданном халате.

— Ах, Гастингс! А я как раз собирался позвонить. Сделайте милость, распорядитесь, чтобы эту записку отнесли в Эндхауз и немедленно вручили мисс Бакли.

Нам доложили о приходе мисс Бакли, когда мы оба были уже в гостиной. Пуаро попросил провести ее к нам.

Вошла она с довольно оживленным видом, но мне почудилось, что круги у нее под глазами стали резче. Она протянула Пуаро телеграмму, которую держала в руке.

— Ну вот, — сказала она.— Надеюсь, вы довольны?

Пуаро прочел ее вслух.

— «Приезжаю сегодня пять тридцать. Мегги».

— Мой страж и защитник,— сказала Ник. — Только, знаете, зря вы это. У нее ведь голова совсем не варит. Благочестивые дела — пожалуй, единственное, на что она способна. Фредди в сто раз быстрее распознала бы убийцу. А о Джиме Лазарусе и говорить не приходится. По-моему, никому еще не удавалось его раскусить.

— А капитан Челленджер?

— Кто — Джордж? Он видит только то, что у него под носом. Но зато уж когда увидит — держись! Если играть в открытую, ему цены нет, Джорджу.

Она сняла шляпку и продолжала:

— Я велела впустить человека, о котором вы пишете. Как это все таинственно! Он будет подключать диктофон или что-нибудь в этом роде?

Пуаро покачал головой.

— Нет, нет, никакой техники. Просто меня заинтересовал один пустячок, и я хотел с ним посоветоваться.

— Ну ладно, — сказала Ник. — Вообще-то презабавная история.

— Вы думаете? — тихо спросил Пуаро.

Она стояла к нам спиной и смотрела в окно, а когда повернулась, на ее лице не осталось и тени обычного вызывающего выражения. По-детски сморщившись, она отчаянно старалась не расплакаться.

— Нет, — ответила она. — Ни капли не забавно. Я боюсь... Я боюсь. У меня просто поджилки трясутся. А я всегда думала, что я храбрая.

— Так оно и есть. Мы с Гастингсом восхищены вашим мужеством.

— Уверяю вас! — с жаром воскликнул я.

— Нет, — покачала головой Ник. — Я трусиха. Ждать — вот что самое ужасное. Все время думать: случится ли что-нибудь еще? И как оно произойдет? И когда?

— Я понимаю — вы все время в напряжении.

— Ночью я выдвинула кровать на середину комнаты. Закрыла окна, заперла на задвижку дверь. Сюда я пришла по шоссе. Я просто не могла себя заставить идти парком. Вот сдали нервы — и конец. А тут еще это...

— Что вы имеете в виду, мадемуазель?

Она ответила не сразу.

— Да, собственно, ничего. По-моему, это то самое, что в газетах называют перенапряжением современной жизни. Слишком много коктейлей, слишком много сигарет, слишком много всего остального... Просто у меня сейчас какое-то дурацкое состояние.

Она опустилась в кресло и съежилась, нервно сгибая и разгибая пальцы.

— А вы ведь что-то скрываете от меня, мадемуазель. Что у вас случилось?

— Ничего, правда же, ничего.

— Вы мне чего-то не рассказали.

— Все до последней мелочи, — с жаром ответила она.

— Насчет случайностей... покушений — все.

— А что же остается?

— То, что у вас в душе... вся ваша жизнь.

— И это можно рассказать? — медленно спросила она.

— Ага! — воскликнул, торжествуя, Пуаро. — Так я был прав!

Она покачала головой. Он не спускал с нее внимательного взгляда.

— Чужая тайна? — подсказал он с понимающим видом.

Мне показалось, что у нее чуть дрогнули веки. Но в ту же секунду она вскочила.

— Нет, как хотите, мосье Пуаро, а я вам рассказала все, что знаю. Я потому и схожу с ума, что у меня нет ни малейших подозрений. Я же не дура. Я понимаю, что если эти «случайности» не случайны, то их подстроил кто-то, находящийся здесь поблизости, кто-нибудь, кто... знает меня. И это самое ужасное, потому что я не могу себе представить... ну, вот просто никак, кто это может быть.

Она опять подошла к окну. Пуаро сделал мне знак молчать. Он, очевидно, рассчитывал, что теперь, когда девушка потеряла над собой контроль, она еще о чем-нибудь проговорится.

Но она заговорила уже совсем другим тоном — мечтательно, задумчиво:

— Вы знаете, какое странное желание у меня всегда было. Я люблю Эндхауз. И мне всегда хотелось поставить там пьесу. В нем все овеяно такой драматической атмосферой. Каких только пьес я не ставила там мысленно! А вот теперь словно бы и в самом деле разыгралась драма. Только я ее не ставлю — я в ней участвую! Да еще как участвую! Я, наверно, тот самый персонаж, который умирает в первом акте.

У нее дрогнул голос.

— Э, нет, мадемуазель! Это уже истерика.

Она обернулась и подозрительно на него посмотрела.

— Это Фредди сказала вам, что я истеричка? — спросила она. — Она говорит, что со мной это случается по временам. Да только ей не всегда можно верить. Фредди бывает иногда... ну, словно не в себе.

Мы помолчали, и вдруг Пуаро задал совершенно неожиданный вопрос:

— А что, мадемуазель, вам когда-нибудь делали какие-либо предложения по поводу Эндхауза? Хотел ли его кто-нибудь купить?

— Никогда.

— А вы бы продали его за хорошую цену?

Ник задумалась.

— Нет, едва ли. Разве что за какую-нибудь непомерную, когда отказываться было бы просто глупо.

Ник медленно пошла к дверям.

— Да, кстати, сегодня вечером фейерверк. Вы придете? Обед в восемь. Фейерверк в половине десятого. Из моего сада его отлично видно.

— Мы будем в восторге, — ответил Пуаро.

— Для поднятия духа нет ничего лучше вечеринки, — проговорила она со смешком и вышла.

Пуаро взял шляпу и аккуратно смахнул с нее невидимую пылинку.

— Мы куда-то идем? — спросил я.

— Разумеется, нам ведь необходимо посоветоваться с юристом.

— Ах, да, конечно, я вас понял.

— Иного я и не ожидал от человека с вашим блистательным умом.

Контора господ Вайза, Треваниона и Уинарда была расположена на главной улице города. Мы поднялись на второй этаж и вошли в комнату, где три клерка усердно строчили что-то за своими столами. Пуаро осведомился, может ли он повидать мистера Чарлза Вайза.

Один из клерков пробормотал несколько слов в телефон и, получив, должно быть, утвердительный ответ, проводил нас в кабинет шефа.

Мистер Вайз поднялся нам навстречу из-за большого, заваленного бумагами стола.

Это был высокий молодой человек с бледным, невыразительным лицом и в очках. Его блеклые, неопределенного цвета волосы заметно редели на висках.

Пуаро явился во всеоружии. По счастливой случайности у него оказался с собой неподписанный контракт, и он попросил у мистера Вайза совета по поводу некоторых пунктов.

Мистер Вайз, выражаясь обдуманно и точно, быстро сумел развеять сомнения моего друга и разъяснить ему неясные формулировки.

— Чрезвычайно обязан вам, — пробормотал Пуаро. — Я, видите ли, иностранец, и все эти юридические дела и выражения представляют для меня большую трудность.

Мистер Вайз поинтересовался, кто рекомендовал его мосье Пуаро.

— Мисс Бакли, — ответил тот не задумываясь. — Ваша кузина, не правда ли? Обворожительная молодая леди. Я случайно обмолвился о своих затруднениях, и она посоветовала мне обратиться к вам. Я заходил сюда в субботу утром, примерно около половины первого, но не застал вас.

— Да, вспоминаю. Я рано ушел в субботу.

— Ваша кузина, должно быть, чувствует себя очень одинокой в своем огромном доме. Она ведь живет там одна?

— Совершенно верно.

— А не скажете, мистер Вайз, есть ли надежда, что ее дом когда-нибудь поступит в продажу?

— По-моему, никакой.

— Дело в том, что я спрашиваю не из праздного любопытства. Я сам подыскиваю домик вроде этого. Климат Сент Лу меня очаровал. Говоря откровенно, дом выглядит весьма запущенным, из чего я заключаю, что хозяева стеснены в средствах. Вот я и подумал, что мадемуазель, может быть, согласилась бы его продать.

— Ни о чем подобном не может быть и речи, — Чарлз Вайз решительно потряс головой. — Моя кузина всей душой привязана к этому дому. Я убежден, что она не расстанется с ним ни при каких обстоятельствах. Ведь Эндхауз ее родовое поместье.

— Я понимаю, однако...

— Нет, это полностью исключено. Я знаю свою кузину. Она фанатично привязана к дому.

Через несколько минут мы снова были на улице.

— Итак, мой друг, — заговорил Пуаро, — какое впечатление произвел на вас мосье Чарлз Вайз?

Я задумался.

— Да, собственно, никакого, — ответил я наконец. — В жизни не встречал такого безликого субъекта.

— Да, внешность у него не примечательная. Вам бросились в глаза какие-либо несообразности во время нашей с ним беседы?

— Да, кое-что; — медленно выговорил я. — Насчет продажи Эндхауза.

— Совершенно справедливо. Могли бы вы назвать отношение мадемуазель к своему дому «фанатической привязанностью»?

— Слишком сильно сказано.

— Вы правы. А мистеру Вайзу, между прочим, сильные выражения не свойственны. И тем не менее он сказал, что мадемуазель фанатично привязана к дому своих предков.

— Когда мы разговаривали с ней сегодня утром, у меня создалось совсем другое впечатление, — заметил я. — По-моему, то, что она говорила, было вполне разумно. К дому она, конечно, привязана, но, право же, не больше.

— А это значит, что один из них лжет, — задумчиво проговорил Пуаро.

— Вайза трудно заподозрить во лжи.

— Для человека, которому приходится лгать, — неоспоримое преимущество, — заметил Пуаро. — Да, уж держится он, что твой Георг Вашингтон. Ну, а еще на одно обстоятельство вы не обратили внимания?

— О чем вы говорите?

— О том, что в половине первого в субботу Вайза не было в конторе.

БЕДА

Первым же человеком, которого мы встретили этим вечером в Эндхаузе, была сама Ник. Она кружилась по залу в роскошном кимоно с драконами.

— Вы? Всего-навсего!

— Мадемуазель, я убит!

— Ох, простите, у меня и

в самом деле вышло слишком грубо. Мне должны принести платье, понимаете? Ведь обещали же, клялись, негодяи!

— Так нынче танцы?

— Ну да. И мы пойдем туда сразу же после фейерверка. То есть я так предполагаю, — закончила она упавшим голосом.

А через минуту снова хохотала.

— Самое главное — не унывать. Не думай о беде — и никакой беды не будет. Я сегодня опять взяла себя в руки. Буду радоваться и веселиться.

На лестнице послышались шаги. Ник обернулась.

— А вот и Мегги. Знакомься, Мегги, — это сыщики, которые оберегают меня от таинственного убийцы. Проводи их в гостиную и послушай, что они тебе расскажут.

Мисс Мегги Бакли поздоровалась с нами за руку и по совету Ник повела нас в гостиную. Она сразу мне понравилась. Я думаю, причиной тому был ее спокойный, рассудительный вид. Тихая девушка, красивая, но не на нынешний лад, и уж, конечно, никак не шикарная. На ней было черное старенькое вечернее платье, ее лицо не знало косметики, синие глаза смотрели открыто, голос звучал приятно и неторопливо.

Она заговорила первая:

— Ник рассказала мне поразительные вещи. Она, конечно, преувеличивает. Кому придет в голову ее обижать? Разве у нее могут быть враги?

В голосе девушки отчетливо звучало недоверие. Взгляд, который она устремила на Пуаро, едва ли мог польстить моему другу. Я подумал, что девушкам вроде Мегги иностранцы всегда внушают подозрение.

— И тем не менее я уверяю вас, мисс Бакли, все это правда, — негромко ответил ей Пуаро.

Она промолчала, но на ее лице осталось прежнее выражение.

— Не могу понять, что творится с Ник, — сказала Мегги через некоторое время. — Радуется чему-то, как одержимая. К беде такое веселье.

От этих слов по спине у меня забегали мурашки. Я заметил, что она смотрит на меня гораздо милостивее, чем на моего друга. Я подумал, что и мои слова будут иметь для нее больше значения.

— Ваша кузина держится превосходно, — сказал я. — Она решила быть такой же, как всегда.

— Да, наверно, только так и можно, — ответила Мегги. — То есть я хочу сказать, что совершенно незачем выставлять напоказ свои чувства. Только расстроишь всех. — Она помолчала и добавила тихо: — Мне очень нравится Ник. Она всегда была так добра ко мне.

На этом наш разговор оборвался, ибо в комнату вплыла Фредерика Райс. На ней был небесно-голубой туалет, в котором она выглядела необычайно хрупкой и воздушной. Вскоре пожаловал и Лазарус, а вслед за ним впорхнула Ник. Она была одета в черное бальное платье и закутана в ярко-красную китайскую шаль изумительной красоты.

— Привет, друзья! — воскликнула она. — Коктейль?

Мы выпили, и Лазарус, словно приветствуя ее, немного приподнял фужер.

— Потрясающая шаль, Ник, — сказал он ей. — Старинная, конечно?

— Да, прапрадедушка Тимоти привез из какого-то путешествия.

— Красавица, просто красавица. Другой такой вы теперь не найдете.

— Теплая, — сказала Ник.— Очень пригодится, когда мы пойдем смотреть фейерверк. И к тому же яркая. Я ненавижу черный цвет.

— А правда, — удивилась Фредерика, — я, кажется, ни разу не видела тебя в черном. Зачем ты его сшила?

— Да так, — досадливо отмахнулась Ник, однако я заметил, что у нее как-то странно, словно от боли, скривились губы. — Мало ли что мы делаем?

Мы перешли в столовую. Появился некий таинственный лакей, нанятый, очевидно, специально для нынешнего торжества. Еда оказалась довольно безвкусной, зато шампанское было отменным.

— А Джорджа нет как нет, — сказала Ник. — Какая досада, что ему пришлось вчера вернуться в Плимут! Но я надеюсь, что рано или поздно он сможет вырваться. К танцам-то он, во всяком случае, поспеет. Для Мегги у меня тоже есть кавалер. Он, правда, не красавец, зато представительный.

В окно влетел слабый рокочущий звук.

— Проклятые моторки, — заметил Лазарус. — До чего они мне надоели.

— А это вовсе не моторка, а гидросамолет, — сказала Ник.

— Охотно верю.

— Еще бы вам не верить. Звук ведь совсем другой.

— Я преклоняюсь перед летчиками, — заметил Лазарус. — Если бы Майклу Сетону удалось облететь вокруг света, он стал бы героем дня, и с полным правом. Чертовски жаль, что он попал в беду. Для Англии это невозместимая потеря.

— Но с ним, может быть, ничего еще и не случилось, — сказала Ник.

— Не думаю. Сейчас уже не больше шанса на тысячу. Бедняга Шальной Сетон.

— Его всегда называли Шальной Сетон, верно? — спросила Фредерика.

Лазарус кивнул.

— У них в семье все были с причудами, — ответил он. — Дядюшка, сэр Мэтью Сетон, тот, что скончался на прошлой неделе, и вовсе рехнулся.

— Тот сумасшедший миллионер с птичьими заповедниками? — осведомилась Фредерика.

— Ну да. Он все скупал острова. И был ужасным женоненавистником. Я думаю, что в молодости его бросила какая-нибудь девушка, и он нашел себе утеху в естествознании.

— Но почему вы решили, что Майкла Сетона нет в живых? — не унималась Ник. — По-моему, еще рано терять надежду.

— Да, ведь вы с ним знакомы! — воскликнул Лазарус. — А я и забыл.

— Мы с Фредди встречали его в прошлом году в Ле Туке, — сказала Ник. — Он прелесть, правда, Фредди?

— Меня не спрашивай, голубчик. Это ведь был не мой, а твой трофей. По-моему, ты с ним как-то даже поднималась в воздух?

— Да, в Скарборо. Это было потрясающе.

— Вам приходилось когда-нибудь летать, капитан Гастингс? — учтиво обратилась ко мне Мегги.

Я сознался, что все мои полеты ограничиваются путешествием в Париж и обратно.

Внезапно Ник вскрикнула и вскочила.

— Телефон! Не ждите меня — уже и так поздно, а я наприглашала массу гостей.

Она вышла. Я взглянул на часы, они показывали ровно девять. Принесли десерт и портвейн. Пуаро и Лазарус толковали об искусстве.

Я попытался завязать беседу с Мегги Бакли, но девушка оказалась неразговорчивой. Она с готовностью отвечала мне, но ни разу не подхватила нить разговора, а тянуть ее в одиночку было для меня непосильной задачей.

В половине десятого в дверь заглянула Ник.

— Всем приготовиться! — возвестила она. — Зверинец прибывает.

Мы послушно встали со своих мест. Ник встречала гостей. К моему удивлению, она оказалась отличной хозяйкой. Отбросив новомодные манеры, она приветствовала каждого гостя со старинным радушием. Среди приглашенных был и Чарлз Вайз.

Вскоре все мы перешли в ту часть сада, откуда открывался вид на море и на гавань. Для стариков принесли несколько кресел, остальные ждали стоя. К небу, сверкая, взлетела первая ракета.

Вдруг я услышал чей-то знакомый громкий голос и, обернувшись, увидел, что Ник здоровается с мистером Крофтом.

— Как жаль, что миссис Крофт не может быть с нами! — говорила она ему. — Ее надо было принести хоть на носилках, что ли.

— Такая уж она у меня невезучая, бедняжка. Но жаловаться нипочем не станет — золотой характер... Ба! До чего хорош! — последнее относилось к золотому ливню, вдруг посыпавшемуся с небес.

До новолуния оставалось три дня, поэтому вечер был темный, да к тому же еще холодный, как почти все наши летние вечера. Мегги Бакли, стоявшая около меня, вздрогнула.

— Сбегаю за жакетом, — шепнула она.

— Позвольте мне.

— Не надо, вы не найдете.

Она направилась к дому.

— Захватите и мой, Мегги. Он в моей комнате, — окликнул ее голос Фредерики.

— Она не слышала, — сказала Ник. — Я сама тебе принесу. Заодно захвачу меховую накидку. Эта шаль, оказывается, не такая уж теплая. А тут еще ветер, как назло.

С моря и в самом деле тянуло пронизывающим ветерком.

Вспыхнули огненные картины и стали медленно спускаться к молу.

Я разговорился с пожилой дамой, стоявшей неподалеку, которая учинила мне подробный допрос по поводу моей жизни,

карьеры, вкусов и предполагаемого срока пребывания в Сент Лу.

Бам! Небо усыпал каскад зеленых звезд. Они превратились в голубые, потом в красные, потом в серебряные. Бам! Еще и еще один.

— Сперва «ах!», а потом будет «ох»! — внезапно услышал я возле самого уха шепот Пуаро. — Не кажется вам, что это зрелище становится однообразным? А трава, между прочим, совершенно мокрая! Б-р-р-р! Мне еще это отольется простудой.

— Простуда? В такой дивный вечер?

— Дивный вечер? Дивный вечер! Ну еще бы, если не хлещет ливень, для вас это всегда дивный вечер. Но верьте мне, мой друг, если бы здесь был хоть крохотный термометр, он убедил бы вас...

— Ну, ладно, — согласился я. — Я тоже не прочь надеть пальто.

Пуаро каким-то кошачьим движением приподнял одну ногу, потом другую.

— Ноги промокли. Вот этого-то я и боюсь больше всего. Как вы думаете, сумею я раздобыть здесь калоши?

Я чуть не улыбнулся.

— Никакой надежды. Поймите: их никто больше не носит.

— Тогда я иду домой, — объявил Пуаро. — Я не желаю схватить насморк из-за каких-то идиотских зрелищ. А чего доброго, еще и заболеть воспалением легких.

Мы уже шли к дому, а он никак не мог угомониться и негодующе бурчал себе под нос. С мола послышался громкий треск — там зажглась еще одна картина, по-моему, корабль с огромной надписью: «Привет нашим гостям!»

— В душе мы все дети, — задумчиво изрек Пуаро. — Фейерверк, бал, игры с шариками и даже фокусник, который обманывает нас, как бы внимательно мы за ним ни следили... Что с вами?

Это восклицание относилось ко мне, потому что я остановился и, схватив его за руку, указывал на что-то, лежавшее перед нами.

Мы находились в сотне ярдов от дома, а между нами и распахнутой дверью кто-то закутанный в алую китайскую шаль, съежившись, лежал на земле.

— Боже мой, — прошептал Пуаро.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с английского Е. КОРОТКОВОЙ

АГАТА КРИСТИ

Загадка Эндхауза

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

КРАСНАЯ ШАЛЬ

Наверно, мы простояли так меньше минуты, но мне показалось, что прошел целый час. От ужаса мы не могли пошелохнуться. Потом Пуаро сбросил мою руку и, словно деревянный, двинулся вперед.

— Случилось-таки, — пробормотал он, и я не в силах описать мучительную горечь, звучавшую в его голосе. — Преступник, жалкий преступник — зачем я не охранял ее лучше? Я должен был предвидеть. Я должен был не покидать ее ни на секунду.

— Не взваливайте всю вину на себя, — сказал я.

Пуаро лишь сокрушенно покачал головой.

И тут на нас обрушилась новая неожиданность.

Мы услышали голос Ник, веселый и звонкий, а в ту же минуту в освещенном проеме окна возник ее силуэт.

— Не сердись, что я задержалась, Мегги,— говорила она. — Я...

Вдруг она замолчала, словно задохнувшись.

Пуаро охнул и перевернул лежащее на траве тело. Я ринулся к нему.

Передо мной было мертвое лицо Мегги Бакли.

Через минуту Ник была уже возле нас.

Она пронзительно вскрикнула.

— Мегги! Ой! Мегги! Не может...

Пуаро все еще осматривал тело.

— Она... она... — Ник не могла справиться со своим голосом.

— Да, она мертва, мадемуазель.

— Но почему же, почему? Кому понадобилось ее убивать?

Он ответил ей не задумываясь и очень твердо:

— Никто не собирался убивать ее, мадемуазель. Убить хотели вас. Убийцу ввела в заблуждение красная шаль.

У Ник вырвался тяжелый стон.

— Ну отчего же, отчего не меня? — вне себя выкрикнула она. — Я не хочу — теперь не хочу больше жить!

Она в отчаянии вскинула руки и пошатнулась. Я быстро подхватил ее.

— Уведите ее в дом, Гастингс, — распорядился Пуаро, — и позвоните в полицию. А после останьтесь с мадемуазель.

Я понимающе кивнул и, поддерживая девушку, которая еле передвигала ноги, повел ее в гостиную. Уложив Ник на диван, я подсунул ей под голову подушку и кинулся в холл.

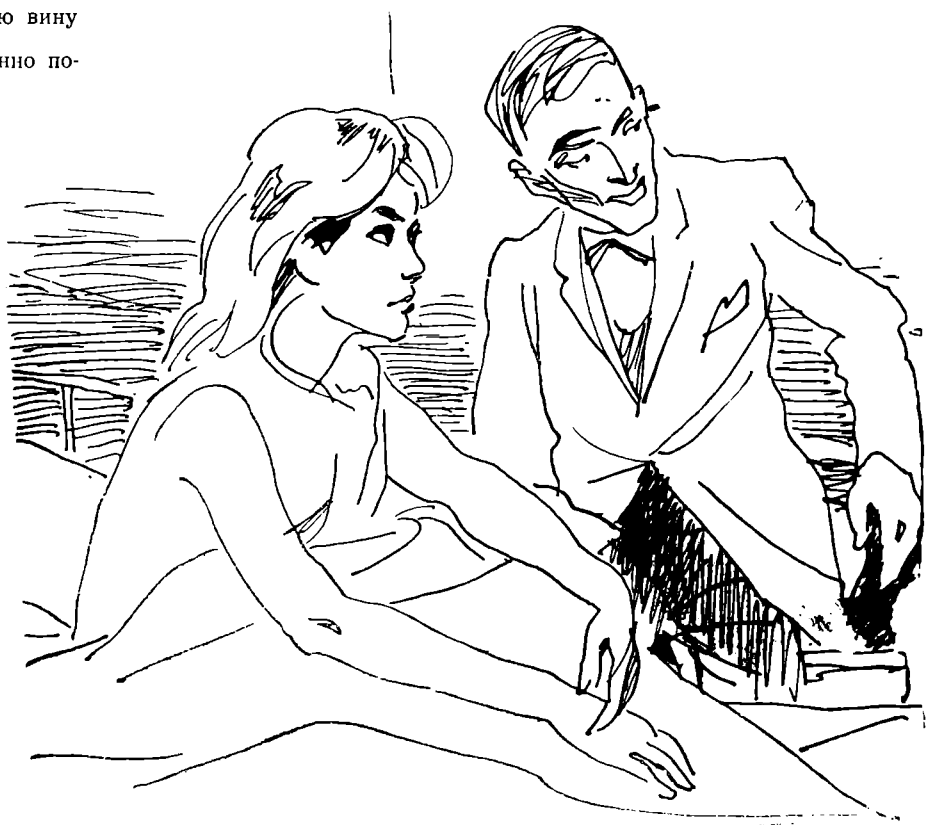
Столкнувшись нос к носу с Эллен, я слегка вздрогнул. Она стояла возле самых дверей с каким-то неописуемым выражением на респектабельном, постном лице. У нее дрожали руки. Едва увидев меня, она сразу заговорила:

— Что-нибудь... случилось, сэр?

— Произошел несчастный случай, — ответил я уклончиво. — Один человек пострадал.

— А кто этот человек, сэр?

Она буквально ела меня глазами.



Продолжение. Начало в № 5, 6.

— Мисс Мегги Бакли.

— Мисс Мегги? И вы уверены, что не ошиблись... что это именно мисс Мегги?

— Совершенно уверен, — ответил я. — А в чем дело?

— Да ни в чем. Я подумала, что, может быть, это какая-нибудь другая дама, например... миссис Райс.

— Послушайте, — перебил ее я, — где у вас телефон?

— Вот здесь, в маленькой комнате, сэр.

— Спасибо, — ответил я и, заметив, что она не собирается уходить, добавил: — Мне больше ничего не нужно, благодарю вас.

— Если вам нужен доктор...

— Нет, нет, — ответил я.— Мне никто не нужен. Идите, пожалуйста.

Она удалилась очень неохотно.

Я связался с полицией и сообщил о случившемся. Потом, уже по собственному почину, позвонил доктору Грэхему, о котором упоминала Эллен. Его номер я разыскал в телефонной книге. Он обещал прийти немедленно. Я повесил трубку и вернулся в холл.

Если Эллен и подслушивала, то она исчезла молниеносно. Я вернулся в гостиную и увидел, что Ник пытается сесть.

— Как все ужасно! — она вздрогнула, как от озноба.

— Я знаю, милая, знаю.

— Нет, вы не знаете, не можете знать. И как нелепо! Если бы это была я. Все бы уже кончилось.

— Не надо так убиваться,— заметил я.

Но она только качала головой и все повторяла:

— Если бы вы знали! Если бы вы только знали!

Неожиданно она начала плакать.

Она всхлипывала отчаянно и тихо, как ребенок. Я подумал, что выплакаться ей сейчас, пожалуй, важнее всего.

Казалось, прошли долгие часы, прежде чем дверь, наконец, отворилась и в комнату вошли Пуаро и инспектор полиции. С ними был еще один человек, как видно, доктор Грэхем. Он сразу же направился к Ник.

— Ну, как вы себя чувствуете, мисс Бакли? Ужасное потрясение, правда? — он пощупал у нее пульс.

— Я прекрасно себя чувствую, — заявила Ник.

— И можете ответить на несколько вопросов?

— Конечно.

Инспектор кашлянул и выступил вперед. На лице Ник мелькнуло слабое подобие улыбки.

— На этот раз не нарушала уличного движения, — сказала она.

Я догадался, что им уже приходилось встречаться.

— Ужасное несчастье, мисс Бакли, — заговорил инспектор. — Искренне вам сочувствую. Однако, как уверяет меня знаменитый мистер Пуаро, вы сами едва не стали жертвой такого же преступления несколько дней тому назад возле отеля «Мажестик».

Ник кивнула.

— Я думала, что пролетела оса, — пояснила она. — Но оказалось, что я ошиблась.

— А накануне было несколько подозрительных случайностей?

— Да... во всяком случае, они как-то уж очень быстро следовали одна за другой.

Она коротко рассказала о каждой.

— Вы правы. А как вышло, что шаль оказалась на вашей кузине?

— Мы пришли за ее жакетом — в саду было довольно холодно. Я бросила шаль здесь, на диван, поднялась наверх и надела свою накидку из нутрии. Я захватила еще плед для моей подруги миссис Райс. Потом Мегги крикнула мне, что никак не найдет свой жакет — она искала свой твидовый жакет, у нее ведь нет мехового. Я посоветовала ей посмотреть внизу. Но снизу она снова крикнула, что не может найти его. Тогда я сказала, что он, наверно, остался в машине и что я принесу ей что-нибудь свое. Но она ответила, что не стоит, она просто накинет мою шаль, если та мне не нужна. Я крикнула, чтоб она так и сделала, а я спущусь к ней через минуту. А когда спустилась... когда спустилась...

Она не могла продолжать.

— Ну, перестаньте же так убиваться, мисс Бакли. Ответьте мне еще на один только вопрос... Вы слышали выстрел?

— Нет, только треск фейерверка и хлопанье петард.

— В том-то и дело! — воскликнул инспектор. — Когда вокруг творится такое, выстрела ни за что не услышишь. Я думаю, мне не стоит вас спрашивать, есть ли у вас какие-нибудь подозрения?

— Никаких, — ответила Ник. — Я просто не понимаю...

— Иначе и быть не может, — подхватил инспектор.— Маньяк, одержимый манией убийства, — вот как я объясняю это дело. Паршивая история. Ну, я, пожалуй, больше не стану вас беспокоить, мисс.

Доктор Грэхем сделал шаг вперед.

— Я бы не советовал вам оставаться здесь, мисс Бакли. Мы как раз говорили об этом с мсье Пуаро. Я могу вам порекомендовать отличную лечебницу. Ведь после такого потрясения вам необходим полный покой.

Но Ник смотрела не на него, а на Пуаро.

— И все дело... только в потрясении? — спросила она.

Пуаро подошел поближе.

— Я хочу, чтобы вы чувствовали себя в безопасности, дитя мое. И сам хочу знать, что вы в безопасности. У вас будет сиделка — милая, деловитая. Всю ночь она будет сидеть возле вас.

— Поверьте мне, мсье Пуаро дает вам превосходный совет, — вкрадчивым тоном стал убеждать ее доктор. — Я бы отвез вас в своем автомобиле. И мы бы дали вам что-нибудь такое, чтобы вы могли как сле-

дует поспать. Ну, соглашайтесь же.

— Мне все равно, — сказала Ник. — Делайте как хотите, мне безразлично...

Она не договорила. Дверь распахнулась, и в комнату влетел Джордж Челленджер.

— Что тут произошло? — кричал он. — Я только что приехал. Возле ворот полиция, толкуют, что кто-то умер. Да скажите же мне ради бога. Это... Ник?

В его голосе прозвучала невыносимая мука. Я вдруг сообразил, что Пуаро и доктор совершенно загородили от него Ник.

Никто еще не успел сказать ни слова, как он опять заговорил:

— Скажите мне... ведь это невозможно... Ник умерла?

— Нет, — ласково ответил ему Пуаро. — Она жива.

И он отступил так, чтобы Челленджер смог увидеть девушку.

С минуту он оторопело разглядывал ее. Потом зашатался, как пьяный, бормоча:

— Ник... Ник...

И вдруг рухнул на колени, закрыл лицо руками, и мы услышали сдавленный голос:

— Ник, родная, я подумал, что вас нет в живых.

Ник попыталась сесть.

— Ну, будет, Джордж. Бросьте валять дурака. Я цела и невредима.

Он поднял голову и дико огляделся.

— Но кто-то ведь умер? Так сказал полицейский.

— Мегги,— ответила Ник.— Бедная душенька Мегги. Ох...

Ее лицо свела судорога. Пуаро и доктор подошли к Ник, помогли ей подняться.

Челленджер схватил меня за руку.

— Ничего не понимаю. Куда они ее повели?

Я объяснил.

— А! Ясно. Ну, а теперь расскажите же мне ради бога обо всем. Какая ужасная трагедия! Бедная девушка!..

— Вам надо выпить, — ответил я. — А то вы сам не свой.

Мы перешли в столовую.

— Вы понимаете, — объяснил он мне, подкрепившись почти неразбавленным виски,— я ведь решил, что это Ник.

Я понимал. Ни разу в жизни я не встречал влюбленного, который скрывал бы свои чувства так неумело, как капитан Джордж Челленджер.

ОТ «А» ДО «И»

Едва ли я когда-нибудь забуду эту ночь. Пуаро неустанно шагал по комнате, призывая хулу на свою голову и оставляя без малейшего внимания попытки его утихомирить.

— Так вот что значит слишком возомнить о себе. Я наказан, да, я, Эркюль Пуаро, наказан. Я слишком полагался на себя.

— Ну что вы, — перебил я его.

— Но кто предположил бы... кто мог предположить такую беспримерную наглость? А я-то думал, что принял все предосторожности. Предупредил убийцу...

— Предупредили убийцу?

— Ну конечно. Я ведь привлек к себе его внимание. Дал ему понять, что подозреваю... кого-то. Я сделал все — во всяком случае, я так думал, — чтобы он не осмелился на новое покушение. Я оцепил мадемуазель кордоном. Но он все же проскользнул. Дерзко, чуть ли не на наших глазах. И все-таки добился своего!

— Но ведь не добился же,— напомнил я.

— Чистая случайность!

— И это еще больше ухудшает положение. Теперь уж может получиться так, что оборвется не одна, а две жизни.

— Стало быть, вы считаете, что жизнь Ник Бакли по-прежнему в опасности?

— Друг мой, зачем же я, по-вашему, послал ее в лечебницу?

— А вы не думаете... — я замялся. — Вам не кажется, что прав инспектор? Помните, он говорил о маньяке, который рыщет в этих краях, одержимый жаждой убийства?

— Я никогда еще не был так убежден в обратном.

— И вы действительно думаете...

— Что убийца кто-то из близких друзей мадемуазель? — серьезно договорил за меня Пуаро. — Да, я думаю именно так.

— Но ведь теперь такая возможность почти что исключается. Мы все были вместе...

Он перебил меня:

— А вы можете поручиться, что, когда мы стояли там, у обрыва, никто ни разу не отошел? Можете вы назвать хотя бы одного человека, который все время был у вас на глазах?

— Да нет, — ответил я, пораженный его словами, — пожалуй, не могу. Там было темно. И все мы переходили с места на место. Я видел по временам миссис Райс, Лазаруса, вас, Крофта, Вайза... но так, чтобы все время, — нет.

Пуаро кивнул.

— В том-то и дело. А речь ведь идет всего о нескольких минутах. Две девушки идут к дому. Ускользнув незаметно, убийца прячется за растущим посреди лужайки кленом и видит, как из дома выходит мисс Бакли, во всяком случае, он думает, что это мисс Бакли. Она проходит на расстоянии фута от него, и он стреляет.

— Вы нашли револьвер? — спросил я.

— Нет. И мне кажется, что именно это обстоятельство позволяет нам полностью исключить чужака. Мы ведь уже установили, что револьвер мисс Бакли первоначально был похищен с одной-единственной целью — придать ее смерти видимость самоубийства.

— Да.

— Это единственное правдоподобное объяснение, верно? Однако на сей раз, как вы, наверно, заметили, преступник и не пытался инсценировать самоубийство. Он знает, что нас больше не обмануть.

Мне вдруг вспомнилась странная реакция горничной Эллен, и я описал Пуаро ее необычное поведение. Он оживился.

— Так вы говорите, она была удивлена тем, что убили Мегги?

— До чрезвычайности.

— Любопытно. А самый факт убийства ее ничуть не поразил? Ну что ж, тут есть над чем поразмыслить. Что она собой представляет, эта Эллен? Такая тихая и по-английски респектабельная?

— Если принять в расчет все эти «несчастные случаи»... — заметил я. — Мне все же кажется, что сбросить с обрыва тяжелый валун мог только мужчина.

— Не обязательно. Это зависит от того, как лежал камень.

Он снова принялся расхаживать по комнате.

— Мы можем подозревать каждого из тех, кто был вчера вечером в Эндхаузе. Впрочем, нет. Эти гости, которых пригласила мадемуазель... Мне кажется, они здесь ни при чем. Помоему, большинство из них едва знакомы с хозяйкой...

— Там был и Чарльз Вайз, — напомнил я.

— Да, и нам не следует о нем забывать. Логически на него падает самое большое подозрение. — В отчаянии махнув рукой, он бросился в кресло. — Мотив! Если мы хотим разобраться в преступлении, нам надо выяснить мотив. И вот тут-то я и становлюсь в тупик. Кто может иметь причину расправиться с мадемуазель? Я позволил себе унизиться до нелепейших предположений. Я, Эркюль Пуаро, пал до самых постыдных фантазий. Я позаимствовал образ мышления бульварного детектива. Дедушка — «Старый Ник», якобы проигравший свое состояние! «Полно, да проиграл ли он его? — спрашиваю я себя.— А может быть, он его спрятал? Где-нибудь в Эндхаузе? Или зарыл в саду». И с этой задней мыслью (стыд и позор!) я справился у мадемуазель, не предлагал ли ей кто-нибудь продать дом.

Затем я подумал об отце мадемуазель... И деградировал еще больше. Он путешествовал. А что, если он украл какую-нибудь драгоценность, говорю я себе, ну, например, глаз какого-нибудь идола. И его выследили фанатичные жрецы. Да, я, Эркюль Пуаро, докатился до такого!

Я не пренебрег ни одной возможностью, — продолжал Пуаро. — Вы помните, как мадемуазель Ник случайно упомянула о предложении, сделанном ей Лазарусом? Насчет портрета ее деда. Так вот, в субботу я вызвал эксперта и попросил его осмотреть портрет. Это о нем я писал в то утро мадемуазель. Ведь если бы оказалось, что картина стоит несколько тысяч фунтов...

— Неужели вы думаете, что такой богатый человек, как молодой Лазарус?..

— А он богат? Наружность ни о чем не говорит. Случается, что и старинная, на вид процветающая фирма держится на подгнивших корнях. И что же делает в таких случаях владелец? Ходит и плачется на тяжелые времена? О нет, он покупает новый, шикарный автомобиль. Сорит деньгами немного больше, чем обычно. Живет несколько более открыто. Ибо, поймите, кредит — это все! А потом вдруг глядь — миллионное дело лопается из-за нехватки каких-то нескольких тысяч фунтов наличных денег.

Он бережно переставлял стоящие перед ним на столе предметы. Когда он снова заговорил, голос его звучал торжественно и спокойно.

— Мотив! — проговорил он. — Ну что ж, вернемся к мотиву и будем рассуждать спокойно и по порядку. Прежде всего — что может послужить мотивом для убийства? Какие побуждения толкают человека на то, чтобы отнять жизнь у себе подобного?

Мы не будем говорить сейчас о мании убийства. Так как я глубоко убежден, что к нашему делу она не имеет отношения. Мы исключим также убийство под влиянием аффекта. Речь идет об убийстве обдуманном и хладнокровном. Какие же побуждения толкают человека на подобное убийство?

Первое из них — выгода. А кто выгадывает от смерти мадемуазель Бакли? Мы могли бы назвать Чарльза Вайза. Он унаследует имущество, которое с финансовой точки зрения наследовать, возможно, и не стоит. Впрочем, он мог бы выкупить дом из заклада, построить на участке маленькие виллы и нажить небольшую сумму.

А кроме него, единственный человек, которому хоть что-нибудь достанется после мадемуазель Бакли, — это ее подруга мадам Райс. Однако сумма слишком уж ничтожна. И больше, насколько мне известно, нет никого, кто выиграл бы от ее смерти.

Ревность — вот вам еще один мотив. Причем, запомните, что она не всегда возникает на любовной почве. Одни могут завидовать богатству, другие — превосходству в чем-либо. Может ли ревность, любой вид ревности, быть поводом для этого преступления? Кто мог бы позавидовать мадемуазель? Другая женщина? Мы знаем только мадам Райс, и, насколько нам известно, между ними не существует соперничества. Но это опять-таки всего лишь «насколько нам известно» и вовсе не исключено.

Последняя причина — страх. Возможно ли, что мадемуазель Ник случайно узнала чужую тайну? Если да, мы можем смело сказать, что ей самой об этом неизвестно. И в таком случае мы попадаем в очень тяжелое положение. Ибо хотя ключ к разгадке находится в руках мадемуазель, но ведь она-то об этом не знает, а стало быть, и нам не может рассказать.

Он долго молчал. Потом вдруг встрепенулся, пододвинул к себе лист бумаги и принялся писать.

— Что вы там пишете? — спросил я с любопытством.

— Я составляю список. Список людей, окружающих мисс Бакли. Если моя теория правильна, то в этом списке должно быть имя убийцы.

Он писал минут двадцать, потом подтолкнул ко мне через стол несколько листков.

— Что вы об этом скажете?

Вот что там было написано:

«А — Эллен.
Б — ее муж, садовник.
В — мистер Крофт.
Г — миссис Крофт.
Д — миссис Райс.
Е — мистер Лазарус.
Ж — капитан Челленджер.
З — мистер Чарльз Вайз.

Заметки:

А — Эллен.

Подозрительные обстоятельства: ее поведение и слова в тот момент, когда она узнала об убийстве. Ей было проще, чем остальным, организовать несчастные случаи, а также узнать о существовании револьвера. Но вряд ли могла испортить автомобиль, да и в целом, по-видимому, недостаточно умна и изобретательна.

Мотивы: никаких... кроме ненависти, возникшей после какого-нибудь неизвестного нам эпизода.

Примечание: расспросить о ее прошлом и отношениях с Ник.

Б — ее муж.

То же, что и предыдущее. Скорее, чем Эллен, мог повредить тормоза.

Примечание: поговорить.

В — мистер Крофт.

Единственное подозрительное обстоятельство — то, что мы встретили его на лестнице, ведущей в спальню. Немедленно дал вполне правдоподобное объяснение. Но мы не знаем, говорил ли он правду! О прошлом ничего не известно.

Мотивы: никаких.

Г — миссис Крофт.

Подозрительные обстоятельства: никаких.

Мотивы: никаких.

Д — миссис Райс.

Подозрительные обстоятельства: попросила Н. Б. принести плед. Умышленно пыталась создать впечатление, что Н. Б. — лгунья и ее рассказам о «несчастных случаях» нельзя верить. Во время несчастных случаев не была в Тэвистоке.

Мотивы: выгода? Весьма незначительная. Ревность? Возможно, но мы не располагаем никакими данными. Страх? То же самое.

Примечания: побеседовать с Н. Б. и попытаться выяснить какие-нибудь новые обстоятельства, может быть связанные с браком Фредерики Райс.

Е — мистер Лазарус.

Подозрительные обстоятельства: предложил купить картину. Говорил, что тормоза в автомобиле исправны (если верить утверждению Ф. Р.). Не исключено, что приехал в эти края раньше пятницы.

Мотивы: никаких, кроме возможности нажиться на картине. Страх? Едва ли.

Примечание: выяснить, когда Дж. Л. появился в Сент Лу. Выяснить финансовое положение фирмы Аарон Лазарус и сын.

Ж — капитан Челленджер.

Подозрительные обстоятельства: всю предшествующую неделю провел в окрестностях Сент Лу и, таким образом, вполне мог оказаться виновником «несчастных случаев». Прибыл через полчаса после убийства.

Мотивы: никаких.

З — мистер Вайз.

Подозрительные обстоятельства: не был в конторе во время выстрела возле отеля. Странное утверждение по поводу продажи Эндхауза. Вполне мог знать о револьвере.

Мотивы: выгода? Незначительна. Страх? Едва ли.

Примечания: выяснить, кто владелец закладной. Выяснить положение фирмы Вайза.

И — ?

Возможно, что существует также какой-нибудь неизвестный нам И., который так или иначе связан с одним из лиц, перечисленных выше».

Пока я читал, Пуаро не спускал с меня глаз.

— Очень по-английски, правда? — спросил он с гордостью. — Когда я пишу, во мне больше английского, чем когда я разговариваю.

— Отлично сделано! — воскликнул я. — Здесь все как на ладони.

— М-да! — произнес он задумчиво и отобрал у меня листки. — Причем особенно бросается в глаза одно имя — Чарльз Вайз. У него самые блестящие возможности. Мы предоставили ему целых два мотива, на выбор. Будь это скачки, он стал бы фаворитом.

Внезапно он скомкал листки и бросил их на пол.

— Нет, — возразил он на мое протестующее восклицание. — Этот список нам ничего не дает. Он, правда, помог мне привести в порядок мои мысли. Последовательность и метод. Стадия первая: точно и аккуратно расположить все факты. Далее следует... психологическая стадия. Использовать по назначению серые клеточки. Между прочим, знаете, что я вам посоветую? Ложитесь спать.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Пока вы не ляжете, я буду с вами.

— Какая преданность! Но бога ради сядьте хотя бы в это покойное кресло.

На это предложение я согласился. Вскоре комната поплыла и провалилась. Последнее, что сохранилось в моей памяти, был Пуаро, аккуратно перекладывающий скомканные листки бумаги с пола в мусорную корзинку.

ТАЙНА НИК

Проснулся я уже при свете дня. Пуаро сидел на прежнем месте. И поза его была все та же, только выражение лица переменилось.

Я с усилием распрямился и почувствовал, что стал как деревянный. Людям моего возраста не следует спать в креслах.

— Пуаро! — воскликнул я. — Вы что-то придумали.

Он кивнул и, наклонившись вперед, похлопал рукой по столу.

— А ну-ка, ответьте мне на три вопроса, Гастингс. Почему мадемуазель Ник плохо спала в последнее время? Зачем она купила черное платье, если она никогда не носит черного? Почему она сказала вчера: «Мне теперь незачем жить»?

Я оторопел. На мой взгляд, все это не имело никакого отношения к делу.

— Э... э, что касается первого, она ведь сама говорила, что нервничает.

— Совершенно верно. А по какой причине?

— Черное платье... что ж... всякому хочется какой-то перемены.

— Для человека женатого вы плоховато разбираетесь в женской психологии. Если женщина думает, что какой-то цвет ей не к лицу, она ни за что не станет его носить.

— Ну, а последнее, ее слова... вполне естественны после такого потрясения.

— Ни капли. Если бы она была поражена ужасом, стала укорять себя в смерти двоюродной сестры — все это было бы вполне естественно. Но ведь она реагировала иначе. Она говорила о жизни, как о чем-то надоевшем, утратившем для нее цену. Прежде она не высказывала таких взглядов. Она держалась с вызовом — верно; бравировала — тоже верно; потом ей изменила выдержка, и она испугалась. Поймите, испугалась, ибо дорожила жизнью и не хотела умирать. Но чтобы жизнь ей надоела? Нет! Еще перед обедом я не заметил ничего подобного. Сдвиг психологии. И это очень любопытно, Гастингс. Что же могло так на нее повлиять?

— Потрясение, вызванное смертью кузины.

— Ой ли? Оно, конечно, развязало ей язык. Однако перемена могла наступить и раньше. А что ее вызвало?

— Ума не приложу.

— Когда, по-вашему, мы с вами наблюдали ее в последний раз?

— Пожалуй, за обедом.

— Вот именно. Потом мы видели лишь, как она встречала гостей, занимала их разго-

вором — словом, играла вполне официальную роль. А что было в конце обеда?

— Она пошла звонить, — вспомнил я, подумав.

— А, наконец-то. Она пошла звонить и отсутствовала не меньше двадцати минут. Для телефонного разговора совсем не мало. С кем она говорила? О чем? Был ли это действительно телефонный разговор? Нам с вами просто необходимо выяснить, что произошло за эти двадцать минут. Ибо я убежден, что именно здесь находится ключ к разгадке.

— Да полно вам!

— Не сомневаюсь, что так. Я с самого начала говорил, что мадемуазель что-то скрывает. По ее мнению, это не связано с убийством, но мне, Эркюлю Пуаро, видней. Здесь обязательно должна быть связь.

— Ну, ладно, — сказал я, потягиваясь, — я вижу, что ванна мне просто необходима. А потом надо будет побриться.

Приняв ванну и переодевшись, я сразу почувствовал себя лучше. Подходя к столу с завтраком, я чувствовал, что чашки горячего кофе будет достаточно для того, чтобы я снова стал человеком.

Я заглянул в газету, но в ней ничего не было, если не считать сообщения о смерти Майкла Сетона. Гибель отважного пилота теперь уже не вызывала сомнений.

Не успел я окончить завтрак, как к моему столику подошла Фредерика Райс.

— Мне нужно повидать мсье Пуаро, капитан Гастингс. Он уже встал, не знаете?

— Он сейчас в гостиной, — ответил я. — Я провожу вас.

— Благодарю.

Пуаро уже позавтракал и читал утреннюю газету. Он встал и приветствовал Фредерику со всей присущей ему галльской учтивостью.

— Мадам, — проговорил он. — Я польщен.

И пододвинул ей кресло.

Она поблагодарила его едва заметной улыбкой и села. Сидела она очень прямо, положив руки на ручки кресла и глядя перед собой. Она не торопилась начать разговор. В ее спокойствии и отрешенности было даже что-то пугающее.

— Я должна попросить у вас прощения, мсье Пуаро, — сказала она наконец. — У вас и у Ник. До вчерашнего вечера я вам не верила. Я не могла себе представить, что опасность серьезна.

— В самом деле, мадам?

— Теперь я понимаю, что все должно быть тщательно расследовано. Я догадываюсь, что и ближайшие друзья Ник тоже окажутся под подозрением. Смешно, конечно, но ничего не поделаешь. Я ведь права, мсье Пуаро?

— Вы очень умны, мадам.

— На днях вы спрашивали меня о Тэвистоке. Поскольку рано или поздно вы сами выясните правду, то я не стану скрывать ее от вас. Я не ездила в Тэвисток.

— Вот как, мадам?

— В начале прошлой недели мы с мистером Лазарусом приехали сюда на автомобиле. Нам не хотелось давать повода для лишних толков, и мы остановились в деревушке, которая называется Шеллакомб.

— Милях в семи отсюда, если не ошибаюсь?

— Да, около того.

— И это все, что вы хотели мне сказать, мадам?

— По-моему, да. Я собираюсь проведать Ник и отнести ей цветы.

— Вы очень любезны. Благодарю вас за откровенность, мадам.

Она бросила на него испытующий взгляд, хотела как будто что-то добавить, но передумала и вышла из комнаты, слабо улыбнувшись мне.

— Умна, бесспорно, умна, — заметил Пуаро. — Но и Эркюль Пуаро не глуп.

Неожиданно дверь распахнулась, и в гостиную влетел Джордж Челленджер. Его лицо пылало от негодования.

— Послушайте, мсье Пуаро, — заговорил он. — Что это все значит? Звоню в эту проклятую лечебницу. Спрашиваю, как здоровье Ник и когда я смогу с ней повидаться. И вдруг оказывается, доктор не разрешает к ней никого пускать. В чем дело, хотел бы я знать?

Я не верю, что Ник не в состоянии никого видеть. Мне кажется, это ваших рук дело, мсье Пуаро.

Пуаро одарил его благожелательнейшей улыбкой. Я всегда замечал, что он особенно благоволит к влюбленным.

— А вот послушайте-ка, mon ami, — заговорил он. — Если к ней пустят хотя бы одного, нельзя будет отказать и другим. Верно? Или все, или никого. Хотим мы с вами, чтобы мадемуазель была в безопасности? Безусловно. Так вот, вы сами видите, что следует сказать: НИКОГО.

— Понятно! — с расстановкой выговорил Челленджер.

Он направился к двери и на минуту задержался у порога:

— На цветы никакого эмбарго, так ведь? Если, конечно, они не белые?

Пуаро улыбнулся.

— Ну, а сейчас, — сказал он мне, едва захлопнулась дверь за пылким Челленджером, — пока в цветочном магазине происходит неожиданная встреча мсье Челленджера с мадам, а может быть, еще и с мсье Лазарусом, мы с вами спокойно отправимся в лечебницу.

— И зададим три вопроса? — спросил я.

— Да. Зададим. Хотя ответ я уже знаю...

Пуаро подтолкнул ко мне распечатанный конверт.

Это было сообщение эксперта, обследовавшего по просьбе Пуаро портрет старого Николаса Бакли. Он решительно утверждал, что картина стоит никак не больше двадцати фунтов.

— Ну, одно дело с плеч долой, — заметил Пуаро. — Двадцать фунтов, а мсье Лазарус предложил пятьдесят. Непростительная ошибка для столь проницательного на вид молодого человека! Но полно, полно, время не ждет.

Мы нашли Ник в приветливой солнечной комнате. Она лежала на узкой железной кровати и казалась похожей на утомленного ребенка. Вид у нее был измученный, апатичный.

— Как хорошо, что вы пришли, — равнодушно сказала она.

Пуаро взял ее руку в свои.

— Мужайтесь, мадемуазель. Жить всегда из-за чего-нибудь стоит.

Она испуганно подняла на него глаза.

— Вы мне расскажите о том, что вас тревожило в последнее время, мадемуазель? Или я должен догадаться? И вы позволите выразить вам мое глубочайшее сочувствие?

Она покраснела.

— Так вы все знаете? Впрочем, теперь это безразлично. Все равно я его уже никогда больше не увижу.

У нее задрожал голос.

— Мужайтесь, мадемуазель.

— Ничего от него не осталось, от моего мужества. Все выдохлось за эти недели. Надеялась, надеялась, даже в последнее время вопреки всему все равно надеялась...

Я ничего не мог понять.

— Пожалейте беднягу Гастингса, — заметил Пуаро. — Он ведь не знает, о чем мы говорим.

Она взглянула на меня тоскливыми глазами.

— Майкл Сетон, летчик, — сказала она. — Мы были помолвлены.

МОТИВ

Я был как громом поражен.

— Так вы об этом говорили? — спросил я, повернувшись к Пуаро.

— Да, mon ami. — За завтраком я посмотрел на первую страницу газеты, вспомнил вчерашний разговор за обеденным столом и понял все.

Он снова повернулся к Ник.

— Так вы узнали еще вчера?

— Вчера. По радио. Я сказала, что иду звонить. Мне хотелось побыть одной, когда... — она судорожно глотнула.— И я услышала...

— Я знаю, я знаю.— Он взял ее за руку.

— Это был какой-то кошмар! А тут еще эти гости... Не представляю, как я выдержала. Я была как во сне. Делала все, что полагается, а сама все время будто следила за собой со стороны. Это было такое странное чувство...

Ну, а потом, когда я пошла за пледом, я вдруг не выдержала и расплакалась. Я, правда, быстро взяла себя в руки. Тут еще Мегги что-то кричала мне все время о своем жакете. Потом она, наконец, взяла мою шаль и вышла, а я немного попудрилась и подрумянилась и тоже вышла. И увидела ее мертвую...

— Я понимаю, страшное потрясение.

— Да нет, не в этом дело! Я разозлилась! Мне жаль было, что это не я! Я хотела умереть — и вот... осталась жить. А Майкл умер — утонул где-то в Тихом океане.

— Бедное дитя!

— Я не хочу, вы слышите, я не хочу жить! — крикнула она вне себя.

— Я знаю... я знаю. Для каждого из нас приходит время, когда смерть кажется нам заманчивей жизни. Но это проходит — и горе проходит, и грусть.

— Вы думаете, я забуду и выйду за кого-нибудь другого? Никогда!

Она сидела на кровати, вся раскрасневшаяся, стиснув руки, и, право же, была необыкновенно хороша.

— Нет, что вы, — ласково ответил Пуаро. — Я ничего подобного не думаю. Вам выпало большое счастье, мадемуазель. Вас полюбил отважный человек, герой. Как вы с ним познакомились?

— В Ле Туке — в сентябре прошлого года. Почти год тому назад.

— А ваша помолвка произошла...

— Вскоре после рождества. Но мы должны были ее скрывать.

— Почему же?

— Из-за дяди Майкла, старого сэра Мэтью. Он был большой чудак. Считал, что женщины губят мужчин. А Майкл от него во всем зависел. Сэр Мэтью страшно гордился Майклом, дал ему денег на постройку «Альбатроса» и обещал покрыть все расходы, связанные с кругосветным перелетом. В случае удачи сэр Мэтью обещал выполнить любое его желание. Но Майкл сказал, что если что-то просочится раньше времени, то все пропало. И я молчала. Никому ни слова не сказала, даже Фредди.

— А как по-вашему, она не догадывалась?

— Едва ли. — Ник задумалась. — Она ни разу ничего такого не сказала. Иногда, правда, намекала. Насчет того, что мы с ним очень подружились, ну словом, в этом духе.

— А вам не пришло в голову поделиться с мадам Райс после смерти дядюшки мсье Сетона? Вы знаете, что он умер на прошлой неделе?

— Знаю. Ему делали операцию или что-то в этом роде. Тогда я, очевидно, могла бы рассказать кому угодно. Но это было бы довольно некрасиво, правда? Как-то нескромно — именно сейчас, когда газеты только и пишут, что о Майкле. Слетятся репортеры, начнут брать интервью. Дешевая шумиха. И Майклу это было бы противно.

Пуаро кивнул.

Она промолчала, потом тихо сказала:

— Вы оба были очень добры ко мне.

— Ну, ну, мадемуазель. О чем тут говорить! Нам предстоит сделать гораздо больше. Так вот, пока что вы останетесь здесь, будете выполнять мои приказы и делать то, что я вам велю. Положение таково, что вы должны мне полностью повиноваться.

Ник устало вздохнула.

— Я сделаю все, что вы хотите.

— Ваша роль будет пассивной, наша активной. Ну, а теперь я вас покину, мадемуазель. Не стану мешать вашему горю.

Он направился к двери и, уже взявшись за ручку, обернулся и спросил:

— Между прочим, вы как-то говорили, что написали завещание. Где же оно?

— Да где-нибудь валяется.

— В Эндхаузе?

— Ну да.

— Вы положили его в сейф? Заперли в письменный стол?

— Не помню. Где-то лежит, — она нахмурилась. — Я ведь ужасная неряха. Большая часть бумаг и всякие документы лежат в библиотеке в письменном столе. В том же столе почти все счета. И там же, очевидно, завещание. А может, у меня в спальне.

— Вы мне даете разрешение на обыск?

— Пожалуйста, можете осмотреть все, что угодно.

ЭЛЛЕН

Пока мы не вышли из больницы, Пуаро не сказал ни слова. Но как только за нами закрылась дверь, он схватил меня за руку и воскликнул:

— Видите, Гастингс? Видите? О! Черт возьми. Я не ошибся. Я все время чувствовал, что из мозаики вывалился какой-то кусочек. А без него не выходило картины.

Я никак не мог разделить его ликования.

— Вы считаете, что мы узнали что-то связанное с преступлением?

— Еще бы! Мы ведь получили то, чего не могли доискаться — мотив! Тот самый неведомый мотив, который мы никак не могли нащупать.

— Может, я просто туп, но я все-таки не могу взять в толк, на что вы намекаете. Вы думаете, ревность?..

— Ревность? Нет, дорогой мой. Самый заурядный и, можно сказать, обязательный мотив всех преступлений. Деньги, мой друг, деньги.

Я вытаращил на него глаза.

Он продолжал, но уже более спокойно:

— Послушайте. Сэр Мэтью Сетон умер чуть больше недели назад. А он был миллионером, одним из богатейших людей Англии.

— Да, но ведь...

— Погодите. За нами никто не гонится. У него был племянник, которого он обожал и которому оставил, в этом мы можем не сомневаться, все свое огромное состояние. В прошлый вторник газеты сообщают, что Майкл Сетон исчез, а со среды начинаются покушения на мадемуазель. Нельзя ли в таком случае предположить, что перед вылетом Майкл Сетон написал завещание и оставил все невесте?

— Но это же не больше, чем догадка.

— Догадка, не спорю. И в то же время единственный возможный вариант. Иначе все лишается смысла. На карту поставлено огромное состояние, а не какие-то жалкие гроши.

— А что, если о помолвке никто не знал? — возразил я.

— Ба! Кто-нибудь да знал. В таких случаях всегда кто-то знает. А если не знает, так догадывается. Сама мадемуазель признает, что у мадам Райс появились какие-то подозрения. Возможно, у нее нашлись и средства узнать все наверняка.

— Каким образом?

— Ну, во-первых, Майкл Сетон, очевидно, переписывался с мадемуазель. Они ведь были помолвлены. А наша молодая леди, мягко говоря, небрежна. Она бросает вещи где попало. И очевидно, ни разу в жизни не воспользовалась ключом. Так что удостовериться было вполне возможно.

— В таком случае Фредерика Райс могла узнать и о завещании самой мисс Бакли.

— Безусловно. Видите, дорогой Гастингс, как сузился круг? Вы помните мой список от «А» до «И»? Сейчас в нем только двое. Слуги отпали сами собой, капитан Челленджер — тоже, даже невзирая на то, что ему потребовалось целых полтора часа, чтобы проехать на машине тридцать миль от Плимута до Сент Лу. Я исключаю даже долгоносого мсье Лазаруса, предложившего пятьдесят фунтов за двадцатифунтовую картину, хотя, между прочим, это странно и совсем не в его духе. Я также вычеркиваю этих слишком приветливых австралийцев. И в моем списке остаются двое.

— Номер первый — Фредерика Райс, — медленно проговорил я.

Передо мной возникли ее золотые волосы, тонкое, бледное лицо.

— Да. Несомненно. Как бы небрежно ни составила маде-

муазель свое завещание, там ясно сказано, что основная наследница мадам Райс. Ей досталось бы все, кроме Эндхауза. Однако подозрение падает не на нее одну.

— На кого же еще?

— На Чарльза Вайза.

— Но ведь ему завещан только дом.

— Он может этого не знать. Разве он составлял для мадемуазель завещание? Едва ли. Оно тогда бы у него и хранилось, а не «валялось где-то там», как выразилась мадемуазель. Вполне возможно, что Вайз о завещании не знает. Он может думать, что завещания вообще не существует, и считать себя наследником.

В этот момент мы вошли в калитку и очутились во владениях мисс Бакли. Около дома мы увидели мужчину, который подстригал траву. У него было длинное тупое лицо и тусклые глаза.

Мы направились к дому.

Дверь в гостиную была открыта. Мы вошли, и на звонок Пуаро появилась Эллен в опрятном черном платье. Увидев нас, она не выказала удивления.

Пуаро объяснил, что с разрешения мисс Бакли мы обыщем дом.

— Очень хорошо, сэр.

Она хотела выйти, но Пуаро остановил ее вопросом:

— Вы были очень удивлены вчера, когда узнали об убийстве мисс Бакли?

— Да, очень, сэр. Мисс Мегги такая славная. Я просто не представляю, каким же надо быть злодеем, чтобы поднять на нее руку.

— Выходит, если бы убили кого-нибудь другого, вы не были бы так удивлены, э?

— Я не пойму, о чем вы, сэр?

— Когда вчера вечером я вошел в холл, — заговорил я, — вы сразу же спросили, нет ли какой беды. Разве вы ожидали чего-нибудь подобного?

Она молчала и только загибала складочки на уголке передника. Наконец, покачав головой, прошептала:

— Вы джентльмены, вам не понять.

— Нет, нет, я пойму, — ответил Пуаро. — Даже если вы скажете что-нибудь совсем невероятное.

Она поколебалась, но, видимо, решила ему довериться.

— Видите ли, сэр, — заговорила она. — У нас в доме нехорошо.

Ее слова удивили меня и вызвали неприятное чувство к Эллен. Но Пуаро, казалось, не нашел в ее ответе ничего необычного.

— В старых домах, — заметил он, — бывает иногда что-то зловещее.

— В том-то и дело, сэр! — с жаром воскликнула Эллен. — Зловещее. Дурные мысли, да и дела такие же. Я всегда знала, что здесь когда-нибудь случится нехорошее.

— Однако вы не думали, что это случится с мисс Мегги?

— Да, сэр, воистину не думала! Ее-то уж наверняка никто не ненавидел.

Мне показалось, что мы напали на след. Но, к моему удивлению, Пуаро перескочил на совершенно новую тему.

— А вы не слышали выстрелов?

— Где ж их расслышишь во время фейерверка. Такой треск кругом.

— Вы не пошли его смотреть?

— Нет, я еще не кончила прибирать после обеда.

— Понятно. А слышали вы, как мадемуазель Мегги искала свой жакет и не могла его найти?

— Я слышала, как мисс Ник побежала наверх, сэр, и как мисс Мегги кричала ей из передней, что не найдет чего-то, а после сказала: «Ну ладно, возьму шаль...»

— Пардон, — перебил ее Пуаро. — И вы не предложили поискать для нее этот жакет или принести его из автомобиля, где его забыли.

— Я была занята работой, сэр.

— Да, верно... а молодые леди к вам, разумеется, не обратились, так как считали, что вы любуетесь фейерверком?

— Да, сэр.

— Так, значит, в прежние годы вы ходили на него глядеть.

Ее бледные щеки вдруг вспыхнули.

— Я не пойму, к чему вы клоните, сэр. Нам всегда разрешают выходить в сад. И если в нынешнем году у меня не было такого желания и мне захотелось управиться с работой и лечь, то это, полагаю, мое дело.

— Ну, конечно. Вы могли делать все, что вам угодно.

Он помолчал и добавил:

— Между прочим, не смогли бы вы помочь мне еще в одном небольшом деле? Это ведь очень старый дом. Вы не слыхали, есть здесь тайники?

— М-м... тут есть какая-то скользящая панель, вот в этой самой комнате. Мне помнится, ее показывали, когда я была девушкой. Да только не припомню где. Или в библиотеке? Нет, не скажу наверняка.

— За ней мог бы спрятаться человек?

— Да что вы, сэр! Этакий шкафчик, вроде ниши. Квадратный фут, никак не больше.

— О! Я имел в виду совсем другое.

Она снова покраснела.

— Если вы думаете, что я где-то пряталась, — так вы ошиблись! Я слышала, как мисс Ник сбежала по лестнице и выбежала из дому, и как она закричала, — и я пошла в прихожую узнать, не... случилось ли чего. И это истинная правда, сэр. Истинная правда.

ПИСЬМА

Избавившись, наконец, от Эллен, Пуаро повернулся ко мне.

— Вот интересно — слышала она выстрелы? По-моему, да. Она их услышала, открыла кухонную дверь. А когда Ник побежала по лестнице, вышла в прихожую узнать, в чем дело. Все это вполне естественно. Но почему она не пошла глядеть на фейерверк? Вот что хотел бы я узнать.

В гостиной не оказалось никаких документов. Мы перешли в библиотеку, полутемную комнату, окно которой выходило на подъездную аллею. В ней стояло большое, старинное, ореховое бюро.

Мы провозились с ним довольно долго. В нем была полная неразбериха. Счета, перемешанные с долговыми расписками. Письма пригласительные, письма, требующие возврата долга, письма друзей.

Через полчаса Пуаро с удовлетворением откинулся на спинку стула и оглядел дело наших рук. Все было аккуратно рассортировано, надписано, разложено по местам.

муазель свое завещание, там ясно сказано, что основная наследница мадам Райс. Ей досталось бы все, кроме Эндхауза. Однако подозрение падает не на нее одну.

— На кого же еще?

— На Чарльза Вайза.

— Но ведь ему завещан только дом.

— Он может этого не знать. Разве он составлял для мадемуазель завещание? Едва ли. Оно тогда бы у него и хранилось, а не «валялось где-то там», как выразилась мадемуазель. Вполне возможно, что Вайз о завещании не знает. Он может думать, что завещания вообще не существует, и считать себя наследником.

В этот момент мы вошли в калитку и очутились во владениях мисс Бакли. Около дома мы увидели мужчину, который подстригал траву. У него было длинное тупое лицо и тусклые глаза.

Мы направились к дому.

Дверь в гостиную была открыта. Мы вошли, и на звонок Пуаро появилась Эллен в опрятном черном платье. Увидев нас, она не выказала удивления.

Пуаро объяснил, что с разрешения мисс Бакли мы обыщем дом.

— Очень хорошо, сэр.

Она хотела выйти, но Пуаро остановил ее вопросом:

— Вы были очень удивлены вчера, когда узнали об убийстве мисс Бакли?

— Да, очень, сэр. Мисс Мегги такая славная. Я просто не представляю, каким же надо быть злодеем, чтобы поднять на нее руку.

— Выходит, если бы убили кого-нибудь другого, вы не были бы так удивлены, э?

— Я не пойму, о чем вы, сэр?

— Когда вчера вечером я вошел в холл, — заговорил я, — вы сразу же спросили, нет ли какой беды. Разве вы ожидали чего-нибудь подобного?

Она молчала и только загибала складочки на уголке передника. Наконец, покачав головой, прошептала:

— Вы джентльмены, вам не понять.

— Нет, нет, я пойму, — ответил Пуаро. — Даже если вы скажете что-нибудь совсем невероятное.

Она поколебалась, но, видимо, решила ему довериться.

— Видите ли, сэр, — заговорила она. — У нас в доме нехорошо.

Ее слова удивили меня и вызвали неприятное чувство к Эллен. Но Пуаро, казалось, не нашел в ее ответе ничего необычного.

— В старых домах, — заметил он, — бывает иногда что-то зловещее.

— В том-то и дело, сэр! — с жаром воскликнула Эллен. — Зловещее. Дурные мысли, да и дела такие же. Я всегда знала, что здесь когда-нибудь случится нехорошее.

— Однако вы не думали, что это случится с мисс Мегги?

— Да, сэр, воистину не думала! Ее-то уж наверняка никто не ненавидел.

Мне показалось, что мы напали на след. Но, к моему удивлению, Пуаро перескочил на совершенно новую тему.

— А вы не слышали выстрелов?

— Где ж их расслышишь во время фейерверка. Такой треск кругом.

— Вы не пошли его смотреть?

— Нет, я еще не кончила прибирать после обеда.

— Понятно. А слышали вы, как мадемуазель Мегги искала свой жакет и не могла его найти?

— Я слышала, как мисс Ник побежала наверх, сэр, и как мисс Мегги кричала ей из передней, что не найдет чего-то, а после сказала: «Ну ладно, возьму шаль...»

— Пардон, — перебил ее Пуаро. — И вы не предложили поискать для нее этот жакет или принести его из автомобиля, где его забыли.

— Я была занята работой, сэр.

— Да, верно... а молодые леди к вам, разумеется, не обратились, так как считали, что вы любуетесь фейерверком?

— Да, сэр.

— Так, значит, в прежние годы вы ходили на него глядеть.

Ее бледные щеки вдруг вспыхнули.

— Я не пойму, к чему вы клоните, сэр. Нам всегда разрешают выходить в сад. И если в нынешнем году у меня не было такого желания и мне захотелось управиться с работой и лечь, то это, полагаю, мое дело.

— Ну, конечно. Вы могли делать все, что вам угодно.

Он помолчал и добавил:

— Между прочим, не смогли бы вы помочь мне еще в одном небольшом деле? Это ведь очень старый дом. Вы не слыхали, есть здесь тайники?

— М-м... тут есть какая-то скользящая панель, вот в этой самой комнате. Мне помнится, ее показывали, когда я была девушкой. Да только не припомню где. Или в библиотеке? Нет, не скажу наверняка.

— За ней мог бы спрятаться человек?

— Да что вы, сэр! Этакий шкафчик, вроде ниши. Квадратный фут, никак не больше.

— О! Я имел в виду совсем другое.

Она снова покраснела.

— Если вы думаете, что я где-то пряталась, — так вы ошиблись! Я слышала, как мисс Ник сбежала по лестнице и выбежала из дому, и как она закричала, — и я пошла в прихожую узнать, не... случилось ли чего. И это истинная правда, сэр. Истинная правда.

ПИСЬМА

Избавившись, наконец, от Эллен, Пуаро повернулся ко мне.

— Вот интересно — слышала она выстрелы? По-моему, да. Она их услышала, открыла кухонную дверь. А когда Ник побежала по лестнице, вышла в прихожую узнать, в чем дело. Все это вполне естественно. Но почему она не пошла глядеть на фейерверк? Вот что хотел бы я узнать.

В гостиной не оказалось никаких документов. Мы перешли в библиотеку, полутемную комнату, окно которой выходило на подъездную аллею. В ней стояло большое, старинное, ореховое бюро.

Мы провозились с ним довольно долго. В нем была полная неразбериха. Счета, перемешанные с долговыми расписками. Письма пригласительные, письма, требующие возврата долга, письма друзей.

Через полчаса Пуаро с удовлетворением откинулся на спинку стула и оглядел дело наших рук. Все было аккуратно рассортировано, надписано, разложено по местам.

— Нет худа без добра. Нам так внимательно пришлось их разобрать, что мы, конечно, ничего не пропустили.

— Ваша правда. Хотя, впрочем, ничего и не нашли.

— Разве что это.

Он перебросил мне письмо. Оно было написано крупным, размашистым, очень неразборчивым почерком.

Милочек!

Вечеринка — прелесть. Сегодня ощущение довольно мерзкое. Ты умница, что не притрагиваешься к этой дряни: никогда не начинай, дорогая. Разделаться потом чертовски трудно. Приятелю я написала, чтоб поскорей возобновил запас. Какая гнусность наша жизнь! **Твоя Фредди.**

— Февраль этого года, — задумчиво заметил Пуаро. — Я знал, что она принимает наркотики. С первого взгляда видно.

— Да что вы? Мне и в голову не приходило.

Я вдруг вспомнил, как Ник сказала, что Фредерика не всегда бывает сама собой. Пуаро кивнул и постучал пальцами по письму.

— Вне всякого сомнения, она имела в виду это. Ну что ж, здесь мы вытащили пустой номер, как у вас говорится. Теперь идемте в комнату мадемуазель.

В комнате Ник также стояло бюро, но в нем было довольно пусто. И снова никаких признаков завещания.

Пуаро вздохнул — он был возмущен.

— Молодые девицы! Как их воспитывают нынче? Порядок и методичность! Они тут и не ночевали! Она очаровательна, наша мадемуазель Ник, но ведь она ветрогонка.

Он знакомился теперь с содержимым комода.

Ого! А это что такое?

Он показал мне пачку писем, перевязанную выцветшей розовой ленточкой.

— Если не ошибаюсь, любовные письма мсье Майкла Сетона. Они были написаны в разное время, начиная с прошлой зимы.

1 января.

Ну, вот и Новый год, родная, и я полон самых лучших замыслов. Я так счастлив, что ты меня любишь, я просто поверить боюсь своему счастью. Вся моя жизнь стала другой. Мне кажется, мы оба знали — с той самой первой встречи. С Новым годом, хорошая моя девочка. **Навсегда твой, Майкл.**

2 марта.

Я знаю, что не должен был писать тебе два дня подряд. Но не могу. Вчера, в самолете я думал о тебе. Я пролетал над Скарборо. Милое, милое, милое Скарборо, самое чудесное место на свете. Родная моя, ты и не знаешь, как я люблю тебя. **Твой Майкл.**

18 апреля.

Любимая!

Все решено. Окончательно. Если я выйду победителем (а я им буду), то с дядей Мэтью можно будет взять твердую линию, а не понравится — его дело. Ты прелесть, что так интересуешься моим длинным техническим описанием «Альбатроса».

Как я мечтаю полетать с тобой на нем! Дай срок! Бога ради не тревожься обо мне. Все это и вполовину не так опасно, как кажется. Я просто не могу погибнуть, теперь, когда знаю, что ты меня любишь. Все будет хорошо, голубонька, поверь мне. **Майкл.**

20 апреля.

Ты — ангел, я верю каждому твоему слову и вечно буду хранить твое письмо. Я не стою такого счастья. Как не похожа ты на всех остальных. Я обожаю тебя. **Твой Майкл.**

На последнем не было даты.

Ну, все, любимая, завтра в полет. Жду не дождусь, волнуюсь и абсолютно убежден в успехе. Мой «Альбатрос» в полной готовности. Старик меня не подведет.

Не падай духом, дорогая, и не тревожься. Конечно, я иду на риск, но в жизни мы ведь рискуем ежедневно. Между прочим, кто-то сказал, что мне следовало написать завещание. (Тактичный парень, что и говорить, но у него были хорошие намерения.) Я написал его на половинке почтового листка и отослал старому Уитфилду. Заходить в контору у меня не было времени. Мне как-то рассказывали, что один человек написал в завещании всего три слова: «Все моей матери», и завещание признали вполне законным. Мое не очень отличается от этого, но я был умник и запомнил, что твое настоящее имя Магдала. Двое ребят засвидетельствовали его.

Не принимай все эти мрачные разговоры по поводу завещаний близко к сердцу, ладно? Я буду цел и невредим. Пошлю тебе телеграмму из Индии, из Австралии и т. д. Будь мужественной. Все кончится благополучно. Ясно? Спокойной ночи и да благословит тебя бог. **Майкл.**

Пуаро снова сложил письма в пачку.

— Видите, Гастингс? Теперь мы убедились, что тот факт, что Майкл оставил все своей невесте, записан на бумаге и, может быть, известен каждому, кто прочитал письмо.

— А завещания нет как нет.

— Да, странно. Впрочем, скорей всего оно заброшено на книжный шкаф или лежит в какой-нибудь китайской вазе. Надо будет заставить мадемуазель порыться в памяти.

Когда мы сошли вниз, Эллен стирала пыль в прихожей. В дверях он обернулся и спросил:

— Я полагаю, вам известно, что мисс Бакли была помолвлена с пилотом Майклом Сетоном?

Она изумилась.

— Что? С тем самым, о котором так шумят в газетах?

— Да, с ним.

— Вот уж не думала. И в мыслях не было. Помолвлен с мисс Ник!

— Полнейшее и искреннее удивление, — заметил я, когда мы вышли из дому.

— На вид вполне.

— Возможно, так оно и есть, — предположил я.

— А эта пачка писем, несколько месяцев провалявшаяся под бельем? Нет, mon ami.

«Ну да, конечно, — подумал я. — Однако не каждый из нас Эркюль Пуаро. Не все суют нос, куда их не просят».

Но я молчал.

— Эта Эллен — какая-то загадка, — говорит Пуаро. — Мне это не нравится. Я здесь чего-то не могу понять.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с английского Е. КОРОТКОВОЙ

АГАТА КРИСТИ

Загадка Эндхауза

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ИСЧЕЗНУВШЕЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Мы тут же вернулись в лечебницу.

Ник посмотрела на нас с некоторым удивлением.

— Да, да, мадемуазель, — сказал Пуаро, отвечая на ее вопросительный взгляд. — Я словно попрыгунчик. Хоп — и снова выскочил. Ну-с, для начала сообщу вам, что разобрал ваши бумаги. Теперь они в образцовом порядке. Однако вашего завещания, мадемуазель, мы так и не нашли.

— О! — Ник нахмурилась. — Но разве это так уж важно? Я все-таки еще жива. А завещания играют роль лишь после смерти человека, верно?

— Верно-то верно. Но все-таки оно меня интересует. Попробуйте вспомнить, куда вы его положили или где видели его в последний раз.

— Едва ли я его куда-то специально положила, — сказала Ник. — Я ведь не кладу вещи в определенное место. Наверно, сунула в какой-нибудь ящик.

— А вы не могли случайно положить его в тайник?

— Куда, куда?

— Ваша горничная Эллен говорит, что у вас в гостиной или в библиотеке есть какой-то тайник за панелью.

— Чушь, — ответила Ник. — Впервые слышу. Эллен так говорила? А вы убеждены, что она не сочинила эту историю?

— Отнюдь не убежден, мадемуазель! Мне самому кажется, что в ней есть нечто странное, в этой вашей Эллен. Да, кстати, вы разрешили ей вчера вечером выйти из дому и поглядеть на фейерверк?

— Конечно. Они всегда ходят.

— А ведь она осталась дома.

— Но... боже мой, как странно.

— Вам кажется, что это странно?

— Еще бы. Я убеждена, что она никогда раньше так не делала. Она объяснила вам, что у нее случилось?

— Ничуть не сомневаюсь, что настоящей причины она мне не сказала.

— Вот еще новое дело с этой панелью, — задумчиво

Продолжение. Начало в № 5—7.

проговорила Ник. — Странная какая-то история... и неправдоподобная. Она вам показала эту нишу?

— Она сказала, что не помнит места.

— Уверена, что все вздор.

— Весьма возможно. Однако мы уклонились от темы, мадемуазель. Завещание. Последняя воля и завещание Магдалы Бакли.

— Я так и написала, — не без гордости сказала Ник. — Я написала так и велела уплатить все долги и издержки. Я вычитала все это в одной книге.

— Вы, стало быть, писали не на бланке?

— Нет, у меня не было времени. Я торопилась в больницу, к тому же мистер Крофт сказал, что с бланками мороки не оберешься.

— Мосье Крофт? Так он был при этом?

— Конечно. Ведь это он меня и надоумил. Сама я ни за что бы не додумалась. Он мне сказал, что если я умру без завещания, то государство почти все загребет себе, а это все-таки обидно.

— Как он любезен, этот превосходный Крофт!

— Да, очень, — с жаром подтвердила Ник. — И он привел Эллен и ее мужа, чтобы они были свидетелями. О господи, что я за идиотка!

Мы удивленно посмотрели на нее.

— Я просто законченная идиотка. Заставила вас шарить по всему Эндхаузу. Оно же у Чарльза! У Чарльза Вайза, моего кузена.

— О! Вот оно, в чем дело!

— Мистер Крофт сказал, что завещание положено хранить у адвоката или в банке. И я решила, что у Чарльза лучше. Мы сунули его в конверт и тут же отослали.

Со вздохом облегчения она откинулась на подушки.

— Мне очень жаль, что я была такая дура. Но теперь я, слава богу, вспомнила, и Чарльз, конечно, вам его покажет.

— Если на то будет ваша санкция, — с улыбкой произнес Пуаро.

— Какая глупость!

— О нет, простая осмотрительность, мадемуазель.

— А по-моему, глупость. — Она взяла со столика, стоявшего у ее изголовья, листок бумаги и написала несколько слов под диктовку Пуаро.

— Благодарю вас, — сказал он, принимая у нее листок. — До свидания, мадемуазель. — Он обвел взглядом комнату. — Ваши цветы очаровательны.

— Правда? Красную гвоздику принесла Фредди, розы — Джордж, а лилии — Джим Лазарус. А вот еще...

Она сняла обертку с большой корзины винограда.

Пуаро изменился в лице.

— Вы его уже пробовали? — спросил он, бросаясь к ней.

— Нет. Еще нет.

— Не трогайте его. Вы не должны есть ничего принесенного вам знакомыми. Вы поняли, мадемуазель?

— О господи!

Она впилась в него глазами, и краска медленно отхлынула от ее щек.

— Я поняла. Вам кажется, они все еще не угомонились?

Он взял ее за руку.

— Не думайте об этом. Здесь вы в безопасности. Только помните — ничего, принесенного извне.

Мы вышли, но ее бледное испуганное лицо долго еще стояло у меня перед глазами.

Пуаро взглянул на часы.

— Прекрасно. Мы как раз успеем захватить мосье Вайза в его конторе, прежде чем он отправится обедать.

Как только мы появились, нас немедленно провели к Чарльзу Вайзу.

Молодой адвокат поднялся нам навстречу. Он, как всегда, был сух и официален.

— Доброе утро, мосье Пуаро. Чем могу служить?

Пуаро без предисловий протянул ему записку Ник. Тот взял ее, прочел и, продолжая держать в руках, растерянно уставился на нас.

— Прошу прощения. Но я, право же, ничего не понимаю.

— Разве мадемуазель Бакли пишет недостаточно ясно?

— В этом письме, — он постучал по письму ногтем, — она просит меня дать вам завещание, которое в феврале сего года она написала и отдала мне на хранение.

— Да, мосье.

— Но, дорогой мой сэр, насколько мне известно, моя кузина вообще не делала завещания. Я, во всяком случае, для нее такового не составлял.

— Как я понял, мадемуазель Бакли сама написала его на листке почтовой бумаги и отослала вам по почте.

Адвокат покачал головой.

— В таком случае мне остается лишь сказать, что до моей конторы оно не дошло.

Воцарилось молчание, затем Пуаро встал.

— Ну что ж, мосье Вайз, тогда наш разговор окончен. По-видимому, произошло какое-то недоразумение.

— Да, явное недоразумение.

— Ну вот и все, — заметил я, когда мы снова очутились на улице.

— Вы думаете, он лжет?

— Попробуй угадай. Его ничем не прошибешь, даже той кочергой, которую он проглотил, если судить по его осанке. Он не получал никакого завещания. И с этого его уж никуда не сдвинешь.

— Что же нам делать?

— Как что? Мы повидаемся с мосье Крофтом. Возможно, он что-нибудь вспомнит. Ведь вся эта история, можно сказать, его рук дело.

— Он не извлекает в данном случае никакой выгоды, — заметил я с сомнением.

— Да, я не представляю, чем бы он мог воспользоваться. Возможно, что он просто хлопотун, из тех, кто обожает устраивать дела своих соседей.

Я был уверен, что мистер Крофт таков и есть.

Мы застали его в кухне. Он был без пиджака и что-то помешивал в кипящей кастрюльке, но при виде нас с готовностью отставил свою стряпню, явно сгорая от желания потолковать об убийстве.

— Минуточку, — проговорил он. — Идите наверх. Матери тоже ведь любопытно. Куи, Милли! К тебе идут двое друзей.

Миссис Крофт сердечно поздоровалась с нами и с искренним интересом стала расспрашивать о Ник. Она мне нравилась гораздо больше мужа.

— Бедная девонька, — говорила она. — Так, стало быть, она в больнице, вот оно что. Еще бы ей не заболеть после такого потрясения! Подумать только, взяли и застрелили ни в чем не повинную девушку! И ведь не в какой-нибудь богом забытой глуши, а в самом центре Англии. Я глаз нынче не сомкнула, всю ночь.

— А мне теперь невмоготу уйти куда-нибудь и бросить тебя здесь, старушка, — сказал

ее супруг, который, надев пиджак, присоединился к нам. — Как вспомню, что вчера вечером ты оставалась здесь одна-одинешенька, так прямо мороз по коже.

— Да я тебя и не пущу, — сказала миссис Крофт. — Вообще мне не терпится уехать поскорей из здешних мест. Мне уже тут не будет так, как прежде. Бедная Ник Бакли теперь, наверное, и ночевать-то никогда не сможет в этом доме.

Нам было не так-то просто добраться до цели своего визита. Мистер и миссис Крофт говорили без умолку и проявляли ко всему живейший интерес.

Но вот, воспользовавшись мимолетной паузой, Пуаро спросил о завещании.

— А как же, — сказал мистер Крофт. Задумчиво наморщив лоб, он дергал за шнурок от шторы, то поднимая, то опуская ее. — Я не забыл. Мы, помнится, тогда только приехали. Аппендицит — вот что сказал ей доктор.

А я спросил ее, оставила ли она завещание.

И она прямо при мне его и написала. Хотела было взять на почте бланк, но я отсоветовал. С ними, случается, хлопот не оберешься, мне как-то рассказывал один человек.

— Ну, а потом? Что же вы сделали с завещанием?

— О, мы послали его Вайзу. Этому адвокату.

— Вы точно знаете?

— Да, мистер Пуаро, голубчик, я сам ведь посылал.

Опустил прямо в ящик, в тот, что висит у калитки.

— Так, если мистер Вайз сказал, что он его не получил...

Крофт опешил:

— Что же, его на почте, что ли, потеряли? Да ведь такого не бывает.

— Во всяком случае, вы уверены, что отправили его?

— Еще бы не уверен! — с жаром воскликнул Крофт. — Да я готов в этом поклясться!

— Ну, хорошо, — заметил Пуаро. — По счастью, все это не так уж важно. Мадемуазель пока еще не на краю могилы.

— Ну вот! — заметил он, когда мы удалились на почтительное расстояние от флигелька. — Так кто же из них лжет? Мосье Крофт? Или мосье Вайз? Признаться, я не вижу причин лгать мосье Крофту. Что ему за выгода удерживать у себя завещание, написанное к тому же по его собственному совету? Нет, то, что он сказал, вполне правдоподобно и в точности совпадает с рассказом мадемуазель. И все-таки...

— Да?

— И все-таки я рад, что мосье Крофт занимался стряпней, когда мы пришли. На уголке газеты, которой накрыт кухонный стол, остались превосходные следы двух жирных пальцев — большого и указательного. Мне удалось незаметно оторвать этот уголок. Мы отошлем его нашему доброму приятелю, инспектору Джэпу из Скотленд Ярда. И может статься, что они ему небезызвестны.

— Как так?

— Да понимаете ли, Гастингс, меня не покидает ощущение, что наш добряк мосье Крофт чуточку слишком уж хорош. Ну, а теперь завтракать, — добавил он. — Я падаю от голода.

СТРАННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ФРЕДЕРИКИ

В тот же день, вскоре после ленча нас навестил начальник местной полиции полковник Уэстон.

Это был высокий, довольно приятной наружности мужчина с военной выправкой. Он с должным уважением относился к подвигам Пуаро, о которых был порядочно наслышан.

— Какая редкая удача, что вы оказались с нами, мосье Пуаро! — уже в который раз повторял он.

Единственное, чего он боялся, — это как бы ему не пришлось обратиться за помощью в Скотленд Ярд. Ему во что бы то ни стало хотелось распутать тайну и задержать преступника без их участия. Вот почему его так восхитило союзничество Пуаро.

Мой друг, по-видимому, был с ним совершенно откровенен.

— Дурацкое, запутанное дело, — говорил полковник. — В жизни не встречал ничего подобного. Надеюсь, что за девушку пока можно не опасаться. Но ведь не будете же вы всю жизнь держать ее в лечебнице.

— В том-то и дело, мосье Уэстон. Нам остается только один выход.

— Какой же?

— Захватить преступника. Если окажется, что это в самом деле Вайз, то это будет не так-то просто. Он человек осторожный, дельный юрист. Вайз себя не выдаст! Вот женщина — другое дело. Десять против одного, что она сделает еще попытку. У женщин нет терпения.

Он встал.

— С завтрашнего утра начнется следствие. Следователь будет работать вместе с нами и постарается все, что возможно, держать в тайне. Нам не нужна сейчас огласка.

Полковник направился к выходу, но что-то вспомнил и вернулся:

— Вот ведь голова! Забыл именно то, что интереснее всего для вас и о чем сам же хотел с вами посоветоваться.

Он снова сел, вытащил из кармана исписанный клочок бумаги и отдал его Пуаро.

— Мои полисмены нашли это, когда прочесывали участок, неподалеку от того места, где все вы любовались фейерверком.

Пуаро расправил бумажку. Буквы были крупные и расползались в разные стороны.

«...сейчас же нужны деньги. Если нет... то случится. Предупреждаю тебя». Пуаро нахмурился. Он два раза перечитал написанное.

— Интересно, — сказал он, — можно оставить это у себя?

— Конечно. Здесь не осталось отпечатков пальцев. Я рад буду, если это вам как-то пригодится.

Полковник Уэстон снова встал.

— Мне, право же, пора. Так, значит, завтра следствие. Да, кстати, вас не включили в число свидетелей — только капитана Гастингса. Мы не хотим, чтобы газетчики пронюхали о том, что вы участвуете в этом деле.

— Понятно. Между прочим, что слышно о родственниках той несчастной девушки?

— Ее отец и мать сегодня приезжают из Йоркшира. Бедняги. Я им сочувствую от всей души. Завтра они увезут тело.

После его ухода Пуаро снова осмотрел клочок бумаги.

— Важная нить? — спросил я его.

Он пожал плечами.

— Как знать? Немного смахивает на шантаж! У одного из тех, кто вчера вечером был

с нами, кто-то весьма бесцеремонно вымогает деньги. Не исключено, конечно, что это потерял кто-нибудь из незнакомых.

Он принялся рассматривать записку в маленькую лупу.

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Пуаро.

Это оказался капитан Челленджер.

— Я на минутку, — пояснил он. — Хотел узнать, насколько вы продвинулись вперед.

— Черт возьми! — ответил Пуаро. — Сейчас мне кажется, что я заметно отодвинулся назад. Я как бы наступаю пятясь.

— Скверно. Но вы, наверно, шутите, мосье Пуаро. Вас все так хвалят. Вы, говорят, ни разу в жизни не терпели поражения. И вы намерены докопаться до самой сути, верно?

— Во что бы то ни стало. Слово Эркюля Пуаро. Я та ищейка, что не бросает следа.

— Прекрасно. И что-то уже вырисовывается?

— Я подозреваю двоих.

— Мне, очевидно, не следует спрашивать, кто они?

— Я все равно вам не скажу! Я ведь мог ошибиться, понимаете?

— Мое алиби, надеюсь, не вызывает сомнений? — спросил Челленджер, смеясь глазами.

Пуаро снисходительно улыбнулся загорелому моряку.

— Вы выехали из Девонпорта около половины девятого. Сюда прибыли в пять минут одиннадцатого, то есть через двадцать минут после убийства. Однако от Сент-Лу до Девонпорта всего тридцать миль с небольшим, дорога хорошая, и у вас обычно уходило на этот путь не больше часа. Как видите, ваше алиби вообще никуда не годится.

— Так я же...

— Поймите, я проверяю все. Как я уже сказал, ваше алиби не годится. Но алиби — это еще не все. Мне кажется, что вы не прочь жениться на мадемуазель Ник?

Моряк покраснел.

— Я всегда хотел на ней жениться, — сказал он хрипло.

— Совершенно верно. А мадемуазель Ник была помолвлена с другим человеком. Возможно, для вас это достаточное основание, чтобы отправить его на тот свет. Но в этом уже нет необходимости — он умер, как герой.

— Так это правда, что Ник была помолвлена с Майклом Сетоном? Сегодня утром по городу прошел такой слушок.

— Да. Удивительно, как быстро распространяются всякие вести. Значит, вы прежде ничего такого не подозревали?

— Я знал, что Ник с кем-то помолвлена, — она сказала мне два дня назад. Но я не мог догадаться, кто он... Майкл Сетон... Если я не ошибаюсь, он оставил ей весьма круглое состояние.

— О! Это, разумеется, вовсе не причина для того, чтобы лишать ее жизни, — во всяком случае, с вашей точки зрения...

Раздался негромкий стук в дверь. Это была Фредерика Райс.

— А я ищу вас, — обратилась она к Челленджеру. — И мне сказали, что вы здесь. Я хотела узнать, не получили ли вы мои часы.

— Ох, ну конечно, я заходил за ними нынче утром.

Он вынул из кармана часики и отдал ей. Они были довольно необычной формы — круглые, словно шар, на простой ленточке из черного муара. Я вспомнил, что на руке у Ник видел какие-то похожие.

— Надеюсь, что теперь они будут идти лучше.

— Они мне надоели. Никогда не идут как следует.

Она обвела нас взглядом.

— Я помешала совещанию?

— Ни в коем случае, мадам. Мы толковали о сплетнях, а не о преступлении. Мы удивлялись, как быстро распространяются слухи — все уже знают, что мадемуазель Ник была помолвлена с этим отважным пилотом.

— Так Ник и вправду была помолвлена с Майклом Сетоном? — воскликнула Фредерика.

— Вас это удивляет, мадам?

— Немного. Сама не знаю почему. Я, конечно, видела, что он очень увлекся ею прошлым летом. Они часто бывали вместе. Но позже, после рождества, они как будто охладели друг к другу. Насколько мне известно, они даже не встречались.

— Это была их тайна. Они хорошо ее хранили.

— А! Наверное, из-за старого сэра Мэтью. Мне кажется, в последнее время он и в самом деле стал выживать из ума.

— И вы ни о чем не догадывались, мадам? Такая близкая подруга...

— Ник — очень скрытный дьяволенок, когда захочет, — чуть слышно прошептала Фредерика. — Так вот почему она так нервничала в последнее время.

— Ваша приятельница очень привлекательна, мадам.

— Старик Джим Лазарус тоже так считал одно время, — вставил Челленджер и довольно некстати захохотал.

— А, Джим... — Фредерика пожала плечами, но, кажется, была задета.

Она повернулась к Пуаро.

— А что, мосье Пуаро, вы не...

Ее высокая фигура покачнулась, лицо стало еще бледней. Глаза не отрываясь глядели на середину стола.

— Вам дурно, мадам?

Я пододвинул кресло и усадил ее. Она покачала головой, шепнула: «Все в порядке», и уронила голову на руки. Наступило молчание.

Наконец она выпрямилась.

— Боже, какая глупость! Джордж, голубчик, у вас такой испуганный вид. Давайте поговорим об убийстве. Это так интересно. Вы уже напали на след, мосье Пуаро?

— Пока еще рано говорить, мадам, — уклончиво ответил тот.

— Но вы ведь уже сделали какие-то выводы. Не так ли?

— Возможно. Однако не хватает еще очень многих улик.

— О!

Ее голос звучал неуверенно. Внезапно она встала.

— Голова болит. Пожалуй, мне надо лечь. Может быть, завтра меня пропустят к Ник.

Она быстро вышла из комнаты.

Челленджер насупился.

— Никогда не поймешь, что на уме у этой женщины. Ник, может быть, ее и любит, но сомневаюсь, чтобы это чувство было взаимным. Женщины, кто их разберет? Все «милая» да «милая», а сама небось думает: «Чтоб тебя черти взяли». Вы куда-то уходите, мосье Пуаро?

Пуаро встал и тщательно счищал со шляпы пятнышко.

— Да, я собрался в город.

— Я сейчас свободен. Можно мне с вами?

— Конечно. Буду очень рад.

Первым долгом Пуаро направился в цветочный магазин.

— Я хочу послать цветоз мадемуазель Ник, — объявил он.

Он оказался привередливым клиентом.

Но вот, наконец, выбрана роскошная корзина, отдано распоряжение наполнить ее оранжевыми гвоздиками и обвязать лентой с большим голубым бантом.

Продавщица дала ему карточку, и он начертал на ней с росчерком: «С приветом от Эркюля Пуаро».

БЕСЕДА С МИСТЕРОМ УИТФИЛДОМ

Следствие оказалось чистой формальностью. Сперва установили тождество убитой. Потом я дал показания о том, как было найдено тело. После этого сообщили результаты вскрытия и был объявлен недельный перерыв.

Дневные газеты ухватились за это убийство, кстати подоспевшее сразу же вслед за гибелью «Альбатроса» и позволившее сменить примелькавшиеся заголовки: «Сетон все еще не найден», «Судьба исчезнувшего пилота».

Дав показания и благополучно увильнув от репортеров, я встретился с Пуаро, и мы отправились к преподобному Джайлсу Бакли с супругой.

Бедняги были совершенно подавлены нежданным несчастьем, лишившим их нежно любимой дочери, — «нашей Мегги», как они говорили.

— Я до сих пор просто не могу осознать, — говорил мистер Бакли. — Такое милое дитя, мосье Пуаро! Тихая, бескорыстная, самоотверженная. Кому она помешала?

— Гляжу на телеграмму и ничего понять не могу, — рассказывала миссис Бакли. — Ведь только что накануне утром мы ее провожали.

— Я не могу выразить, мадам, как сочувствую вам в вашей утрате и как я восхищаюсь вашим мужеством.

— А разве я верну ее, если поддамся горю? — грустно ответила миссис Бакли и, помолчав, спросила: — Вы ведь самый знаменитый сыщик, мосье Пуаро?

— Так говорят, мадам.

— Нет, это действительно так, я знаю. Даже в нашу глухую деревушку доходят слухи о вас. И вы взялись выяснить правду?

— Я не успокоюсь, пока не сделаю этого, мадам.

— Она откроется вам, мосье Пуаро, — дрогнувшим голосом сказал священник. — Зло не может остаться безнаказанным.

— Зло никогда не остается безнаказанным, мосье. Но наказание не всегда бывает явным.

— Как вас понять, мосье Пуаро?

Но Пуаро лишь покачал головой.

— Бедная маленькая Ник,— проговорила миссис Бакли. — Мне никого так не жаль, как ее. Я получила от нее письмо, она так страшно убивается, бедняжка. Мне жаль, что я ее не повидала. Как это странно, что к ней не допускают даже родственников.

— Там очень строгие доктора и сиделки, — уклончиво заметил Пуаро.—А как давно вы не виделись с мадемуазель Бакли?

— С прошлой осени. Она была в Скарборо. Мегги ездила к ней туда на денек, а потом Ник ее проводила и ночевала у нас. Она славная, но не могу сказать, что мне по сердцу ее друзья. И ее образ жизни... Впрочем, ее не следует осуждать, бедняжку. Ее ведь никогда никто не воспитывал.

— Странный какой-то этот Эндхауз, — задумчиво заметил Пуаро.

— Я его не люблю, — сказала миссис Бакли. — И прежде не любила. Всегда мне в нем не по себе. А старого сэра Николаса я просто терпеть не могла. Меня от него в дрожь бросало.

— Боюсь, что он был нехороший человек, — подтвердил ее муж, — хотя в нем чувствовалось своеобразное обаяние.

— Ну что ж, — заговорил Пуаро, — не стану больше вам

докучать. Я хотел лишь выразить свое глубокое соболезнование.

— Вы очень добры к нам, мосье Пуаро. И мы вам искренне благодарны за все, что вы делаете.

— Чудесные, простые люди,— сказал я, когда мы вышли.

Пуаро кивнул.

— Да, просто сердце разрывается. Такая бессмысленная, нелепая трагедия. И я, Эркюль Пуаро, был там и не предотвратил преступления.

— Его никто не смог бы предотвратить.

— Вы говорите, не подумав, Гастингс. Обыкновенный человек не смог бы, но какой прок быть Эркюлем Пуаро и обладать столь тонко организованным мозгом, если я стану пасовать там, где пасуют все остальные?

— Ну, если так, тогда конечно... — ответил я.

— Да, только так. Я обескуражен, убит... я совершенно опозорен.

Я подивился странному сходству между унижением Пуаро и тщеславием простых смертных, однако благоразумно воздержался от замечаний.

— Ну, а теперь, — сказал он, — в путь. В Лондон.

— В Лондон?

— Ну да. Мы вполне успеваем к двухчасовому. Здесь воцарился мир. Мадемуазель в лечебнице. Ее никто не тронет. Сторожевые псы могут взять отпуск. Мне нужно получить кое-какую информацию.

В Лондоне мы первым долгом отправились к поверенным покойного капитана Сетона — мистерам Парджтеру и Уитфилду. Пуаро условился о встрече. И хотя было уже начало седьмого, нас вскоре принял глава фирмы, мистер Уитфилд.

Мистер Уитфилд обладал внушительной внешностью и изысканными манерами. На столе перед ним лежало письмо от начальника полиции и одного крупного должностного лица из Скотленд Ярда.

— Все это очень необычно и выходит за рамки правил, мосье — ах, да — мосье Пуаро, — проговорил он, протирая очки.

— Именно так, мосье Уитфилд. Но ведь и убийство — такой факт, который выходит за рамки правил и, рад заметить, считается не слишком обычным.

— Согласен, согласен. Однако я не вижу такой уж близкой связи между этим убийством и завещанием моего покойного клиента.

— Я другого мнения.

— О! Вы другого мнения. Ну что ж, при данных обстоятельствах и учитывая, что сэр Генри также убедительно просит об этом, я буду... гм... счастлив сделать все, что в моих силах.

— Вы были официальным поверенным покойного капитана Сетона?

— Всей их семьи, мой дорогой сэр. Мы ведем их дела — я хочу сказать, наша фирма ведет их дела уже сто лет.

— Отлично. Покойный сэр Мэтью Сетон оставил завещание?

— Мы приготовили для него завещание.

— И как он распорядился своим имуществом?

— Он сделал несколько пожертвований, одно из них в пользу музея естественной истории, однако основную часть своего большого — я сказал бы, очень большого — состояния он передал в безусловное владение капитану Майклу Сетону. У сэра Мэтью не было других родственников.

— Очень большое состояние, говорите вы?

— Сэр Мэтью был вторым богачом в Англии, — сдержанно отозвался мистер Уитфилд.

— Он придерживался, кажется, несколько странных воззрений?

Мистер Уитфилд устремил на Пуаро суровый взгляд.

— Миллионеру позволено быть эксцентричным, мосье Пуаро. От него этого даже ожидают.

Пуаро смиренно принял эту отповедь и задал вопрос:

— Как я понял, он умер неожиданно?

— Совершенно неожиданно. Сэр Мэтью обладал завидным здоровьем. Однако у него оказался рак, и сэра Мэтью пришлось без промедлений оперировать. Операция, как это и всегда бывает в таких случаях, прошла вполне успешно. Но сэр Мэтью умер.

— И его состояние перешло к капитану Сетону?

— Именно так.

— Перед тем как покинуть Англию, капитан Сетон, насколько мне известно, написал завещание?

— Да, если это можно так назвать, — с нескрываемым пренебрежением ответил мистер Уитфилд.

— Оно законно?

— Вполне. Воля завещания выражена ясно, завещание должным образом засвидетельствовано. О да, оно законно.

— Но вы его одобряете?

— Мой дорогой сэр, а для чего же существуем мы?

— Вот этого я никогда не мог понять. А каковы условия этого завещания? — осведомился Пуаро.

— Он оставляет все, чем владеет в день своей смерти, в полное распоряжение своей нареченной супруги мисс Магдалы Бакли. Меня он назначает душеприказчиком.

— Стало быть, мисс Бакли наследует?

— Мисс Бакли, безусловно, наследует.

— А если она скончалась в прошлый понедельник?

— Поскольку капитан Сетон скончался раньше понедельника, то деньги перешли бы к наследнику мисс Бакли, а в случае, если бы она не оставила завещания, к ее ближайшему родственнику.

— Должен сказать, — с нескрываемым удовольствием добавил мистер Уитфилд, — что налог на наследство достиг бы в этом случае неслыханных размеров. Неслыханных! Три смерти не забудьте, дорогой сэр, три смерти, одна за другой. — Он потряс головой. — Неслыханных!

— Но что-нибудь все же осталось бы? — кротко осведомился Пуаро.

— Мой дорогой сэр, я уже говорил, сэр Мэтью был второй богач в Англии.

Пуаро встал.

— Я очень благодарен вам за информацию, мистер Уитфилд.

— Не стоит, не стоит. Всего доброго, мосье Пуаро. Рад, что я был вам полезен. Ваше имя... кгм!.. небезызвестное имя.

Он произнес это с милостивым видом человека, делающего лестное признание.

— Все оказалось в точности, как вы предсказывали, Пуаро, — сказал я, выйдя из конторы.

— Вы не могли в этом не сомневаться, Гастингс. Единственный возможный вариант. Ну, а сейчас мы с вами отправляемся в «Чеширский сыр», где инспектор Джэп ждет нас к раннему обеду.

Инспектор Джэп из Скотленд Ярда поджидал нас в условленном месте. Он встретил Пуаро с распростертыми объятиями.

— Сто лет не виделись, а, мосье Пуаро? А я-то думал, вы растите тыкву где-нибудь на природе.

— Пробовал, Джэп, пробовал. Но даже, когда выращиваешь тыкву, то от убийства никуда не спрячешься.

Он вздохнул. Я знал, о чем он вспоминает, — о странном деле в Фернли Парк. Я очень сожалел, что был тогда в других краях.

— Ба, и капитан Гастингс тут! — проговорил Джэп. — Как поживаете, сэр?

— Благодарю, отлично.

— Так, значит, новые убийства? — игриво продолжал Джэп.

— Вы угадали... новые убийства.

— А вешать голову не годится, старина, — заметил Джэп. — Пусть даже вы и не в силах разобраться. Что ж тут такого, в вашем возрасте нельзя рассчитывать каждый раз попадать в яблочко. Однако он силен, а, капитан Гастингс? С виду не изменился, волосы малость поредели на макушке, зато эти ваши метелки вымахали почище прежнего.

— Э? — удивился Пуаро. — О чем это он?

— Восхищается вашими усами, — успокоительно ответил я.

— О да, они великолепны. — Пуаро самодовольно расправил усы.

Джэп оглушительно захохотал.

— Так вот, — заговорил он

немного погодя, — я провернул ваши делишки. Помните, те отпечатки пальцев, что вы мне прислали...

— Ну-ну? — встрепенулся Пуаро.

— Пустой номер. Кто б ни был этот господин, в наших руках он не побывал. Хотя, с другой стороны, я связался с Мельбурном, и там не знают ни человека с такой внешностью, ни человека под такой фамилией.

— Ага!

— Так что в конце концов с ним, может, что-то и не ладно. Только он не из наших.

— Теперь насчет второго дела, — продолжал Джэп.

— Что же?

— У «Лазаруса и Сына» хорошая репутация. Сделки ведутся честно, по всем правилам. Конечно, пальца в рот им не клади, но это уж другой вопрос В делах иначе невозможно. Но у них все чисто. Хотя они и сплоховали в смысле финансов.

— Да что вы?

— По ним чувствительно ударило падение спроса на картины. И на старую мебель. Входит в моду всякая современная дребедень, которую привозят с континента. В прошлом году фирма построила новое помещение. Ну и... как я уже сказал, считайте, что почти прогорела.

— Я вам очень обязан.

— Пустое. Вы ведь знаете, что собирать такие сведения не по моей части. Но я поставил себе за правило снабжать ими вас. Мы всегда можем получить информацию.

— Мой милый Джэп, что я стал бы делать без вас?

— О, можете быть спокойны. Всегда рад услужить старому другу. В старину вам, бывало, перепадали от меня недурные случаи, а?

Я сообразил, что таким образом Джэп выражает Пуаро свою признательность за то, что тот распутал многие дела, оказавшиеся не по зубам инспектору.

Вечер протекал в полном согласии. Вскоре мы погрузились в воспоминания. Один случай, другой, третий... Мне, признаться, было приятно вспоминать прошлое. Добрые были деньки. Каким старым и опытным чувствовал я себя сейчас!

Бедняга Пуаро! Судя по всему, орешек оказался ему не по зубам — не те уж у него силы. Я чувствовал, что он потерпит неудачу и что убийца Мегги Бакли выйдет сухим из воды.

— Мужайтесь, мой друг, — проговорил Пуаро, хлопая меня по плечу. — Еще не все потеряно. И не сидите с похоронным видом, прошу вас.

— Не беспокойтесь. Со мной все в порядке.

— Со мною тоже. И с Джэпом.

— Мы все в полном порядке, — радостно возвестил Джэп.

И мы расстались, весьма довольные друг другом.

На следующее утро мы вернулись в Сент Ярд. Едва мы прибыли в отель, Пуаро позвонил в лечебницу и попросил к телефону Ник.

Внезапно он изменился в лице и чуть не выронил трубку.

— Как? Что это значит? Повторите, прошу вас.

Минуту или две он молча слушал, потом сказал:

— Да, да, я немедленно приеду.

Он был бледен, когда заговорил со мной.

— Зачем я уехал в Лондон, Гастингс?! Зачем я уехал?

— Что же случилось?

— Мадемуазель Ник опасно больна. Отравление кокаином: добрались все-таки... Зачем я уехал?

КОРОБКА ШОКОЛАДНЫХ КОНФЕТ

По дороге в лечебницу Пуаро, не умолкая, что-то шептал и бормотал себе под нос. Он не мог простить себе того, что случилось.

Нас проводили в комнатку на первом этаже, а через несколько минут туда явился доктор Грехэм. Он заметно побледнел и осунулся.

— Все обойдется, — сообщил он. — Можно уже не беспокоиться. Самое трудное было установить, какое количество этой дряни она проглотила.

— Что это было?

— Кокаин.

— Она останется в живых?

— Но как это произошло? К ней кого-нибудь впустили? — Пуаро чуть ли не подпрыгивал от возбуждения.

— К ней никого не впускали. Это была коробка шоколадных конфет.

— О, черт. Я же ей говорил, чтобы она не ела ничего, принесенного извне.

— А как их приготовили?

— Чрезвычайно примитивным способом. Разрезали конфету пополам, примешивали к начинке кокаин и снова склеивали шоколадом. Дилетантская, так сказать, кустарная работа.

— Ах, если бы я знал, если бы я знал!.. Могу я повидать мадемуазель?

— Через час, очевидно, сможете, — ответил врач. — Не падайте духом, дружище. Она не умрет.

Весь следующий час мы пробродили по улицам. Я изо всех сил старался успокоить Пуаро. Но он только качал головой и повторял:

— Я боюсь, Гастингс, я боюсь...

Он говорил это таким странным тоном, что и меня самого охватывал страх.

Неожиданно он схватил меня за руку.

— Послушайте, мой друг. Здесь все не так. Я заблуждался с самого начала.

— Вы хотите сказать, что не деньги...

— Нет, в этом-то я не ошибся. Мотив — деньги, это ясно. Я говорю о тех, кого мы подозревали, этих двоих. Уж слишком здесь все неприкрыто... слишком в лоб... Напрашивается какой-то поворот. Должна быть, определенно должна быть еще одна линия.

Неожиданно он вскипел:

— Эта крошка! Мало ей было четыре раза уйти от смерти? Ей захотелось попробовать в пятый!

Но вот, наконец, мы вернулись в больницу. Нас почти сразу проводили наверх.

Ник сидела в постели. Ее зрачки были неестественно расширены, руки судорожно вздрагивали. Она казалась чрезвычайно возбужденной.

— Ну вот вам, опять, — прошептала она. Ее вид тронул Пуаро до глубины души. Он откашлялся и взял ее за руку.

— Ах, мадемуазель, мадемуазель...

— Как видите, меня не уберегла даже ваша хваленая больница.

— Если бы вы слушались советов, мадемуазель...

Она взглянула на него с легким удивлением.

— Я так и делала.

— Вам ясно было сказано: не ешьте ничего, принесенного вам извне.

— Я и не ела.

— А шоколадные конфеты?

— Но это же совсем другое дело. Ведь их прислали вы.

— Я? Никогда. Я ничего подобного не присылал.

— Как же не присылали, если там лежала ваша карточка?

— Что-о?

Ник порывисто потянулась к столику.

— Вот она.

У нас с Пуаро перехватило дыхание. На карточке стояла та же надпись, какую сделал Пуаро, отправляя корзину цветов: «С приветом от Эркюля Пуаро». И росчерк был тот самый.

— Черт побери!

— Вот видите, — укоризненно проговорила Ник.

— Я этого не писал! — воскликнул Пуаро.

— Как?..

— И все же, — прошептал Пуаро, — и все же, это моя рука.

— Я знаю. Точно такая карточка пришла с оранжевой гвоздикой. Я ни минуты не сомневалась, что конфеты от вас.

Пуаро покачал головой.

— Где уж тут сомневаться. Ах, дьявол! Умный, жестокий дьявол! Додуматься до такого! «С приветом от Эркюля Пуаро»! Так просто! Но это надо было предусмотреть. А я... проморгал этот ход.

Ник заметалась на кровати.

— Не надо волноваться, ма-

демуазель. Вы не виноваты, вы ни в чем не виноваты. Это я во всем виноват. Я опозорен и убит. Меня провели, одурачили, как школьника. Но еще раз это не повторится. Даю вам слово. Идемте, Гастингс.

Прежде всего он встретился с сестрой-хозяйкой, которая посоветовала ему поговорить с санитаром, дежурившим в то время.

Этот человек, по фамилии Худ, оказался глуповатым, но честным на вид парнем лет двадцати двух.

— Трудно сказать, сэр, — заговорил он, собираясь с мыслями. — Много народу ходит к нам, справляются насчет больных или оставляют им что-нибудь передать.

— Сестра говорит: коробку принесли вчера вечером, — заметил я. — Часов в шесть.

Лицо парнишки прояснилось.

— А, вот теперь я вспоминаю, сэр. Ее принес джентльмен.

— С худым лицом, со светлыми волосами?

— Волосы светлые... а вот насчет худого лица не скажу.

— Неужели Чарльз Вайз принес бы ее сам? — тихо спросил я Пуаро.

Мне совсем не пришло в голову, что санитар тоже может знать эту фамилию. Но он вдруг сказал:

— Нет, это был не мистер Вайз. Мистера Вайза я знаю. Тот джентльмен, что приходил, был выше ростом, красивый такой, и приехал в большом автомобиле.

— Лазарус! — воскликнул я.

Пуаро метнул на меня предостерегающий взгляд. Я прикусил язык.

— Итак, — проговорил Пуаро, — этот джентльмен приехал в большом автомобиле и оставил передачу. Что же вы с ней сделали?

— Я ее не трогал, сэр. Санитарка унесла ее наверх.

— Это понятно. Однако вы все же притрагивались к коробке, когда брали у джентльмена, не правда ли?

— А! Так-то, конечно, сэр. Я ее взял и положил на стол.

— На какой стол? Покажите мне его, сделайте милость.

Санитар провел нас в вестибюль. Входная дверь была открыта. Возле нее стоял длинный мраморный стол, на котором лежали письма и свертки.

— Сюда кладут все, что приносят, сэр. А санитарки уже разносят потом по палатам.

— Вы не помните, в какое время была оставлена та передача?

— Наверно, в полшестого, сэр, или чуть-чуть попозже. Помнится, только что пришла почта, а ее всегда приносят около половины шестого.

— Благодарю вас, — сказал Пуаро. — Ну, а теперь нам, очевидно, надо повидаться с той санитаркой, которая относила передачу.

Оказалось, что это одна из санитарок — крохотное существо, с пушистыми волосами, захлебывающееся от возбуждения. Она помнила, что взяла сверток в шесть часов, когда явилась на дежурство.

— В шесть часов, — тихо повторил Пуаро. — Выходит, около двадцати минут он пролежал на столе в вестибюле.

— Гастингс! — воскликнул Пуаро, когда мы вышли из больницы. — Кто-нибудь может хоть что-то сказать наверняка? В детективных романах сколько угодно, а вот в жизни, в настоящей жизни всегда все перепутано.

— Лазарус, — проговорил я.

— Да, вот еще сюрприз, не правда ли?

— Вы будете с ним говорить?

— Всенепременно. Мне интересно, как он станет вести себя. Да, кстати, неплохо было бы преувеличить серьезность положения мадемуазель. Ей не повредит, если мы распустим слух, что она на пороге смерти. Вы меня поняли? Мрачные лица... Вот так, восхитительно! Вылитый гробовщик. Превосходно, лучше некуда.

Лазаруса нам не пришлось долго разыскивать. Он стоял возле отеля, склонившись у поднятого капота своей машины.

Пуаро сразу же направился к нему.

— Вчера вечером, мосье Лазарус, вы оставили коробку шоколадных конфет для мадемуазель, — без предисловий начал он.

Лазарус взглянул на него с некоторым удивлением.

— Ну и что же?

— С вашей стороны это весьма любезно.

— Конфеты, собственно, были не от меня, а от Фредди, от миссис Райс. Она попросила меня их захватить.

— А! Вот как.

— Я ехал на своем автомобиле, ну и завез, конечно.

— Я понимаю вас.

Наступила довольно продолжительная пауза, после чего Пуаро задал новый вопрос:

— А мадам Райс, где она сейчас?

— Думаю, что в салоне.

Фредерика пила чай.

Когда мы вошли, она с озабоченным видом повернулась к нам и спросила:

— Что это за слухи насчет болезни Ник?

— Весьма загадочная история, мадам. Скажите мне, вы передали ей вчера коробку шоколадных конфет?

— Передала. Она просила меня их купить.

— Но к ней ведь никого не пускают. Как же вы с ней увиделись?

— Я с ней не виделась. Она мне позвонила.

— О! И что же она вам сказала?

— Спросила, не куплю ли я для нее двухфунтовую коробку фуллеровских конфет.

— И ее голос звучал... еле слышно?

— Нет... вовсе нет. Довольно громко. Только как-то непривычно. Сперва я ее даже не узнала.

— Пока она не назвала себя?

— Да.

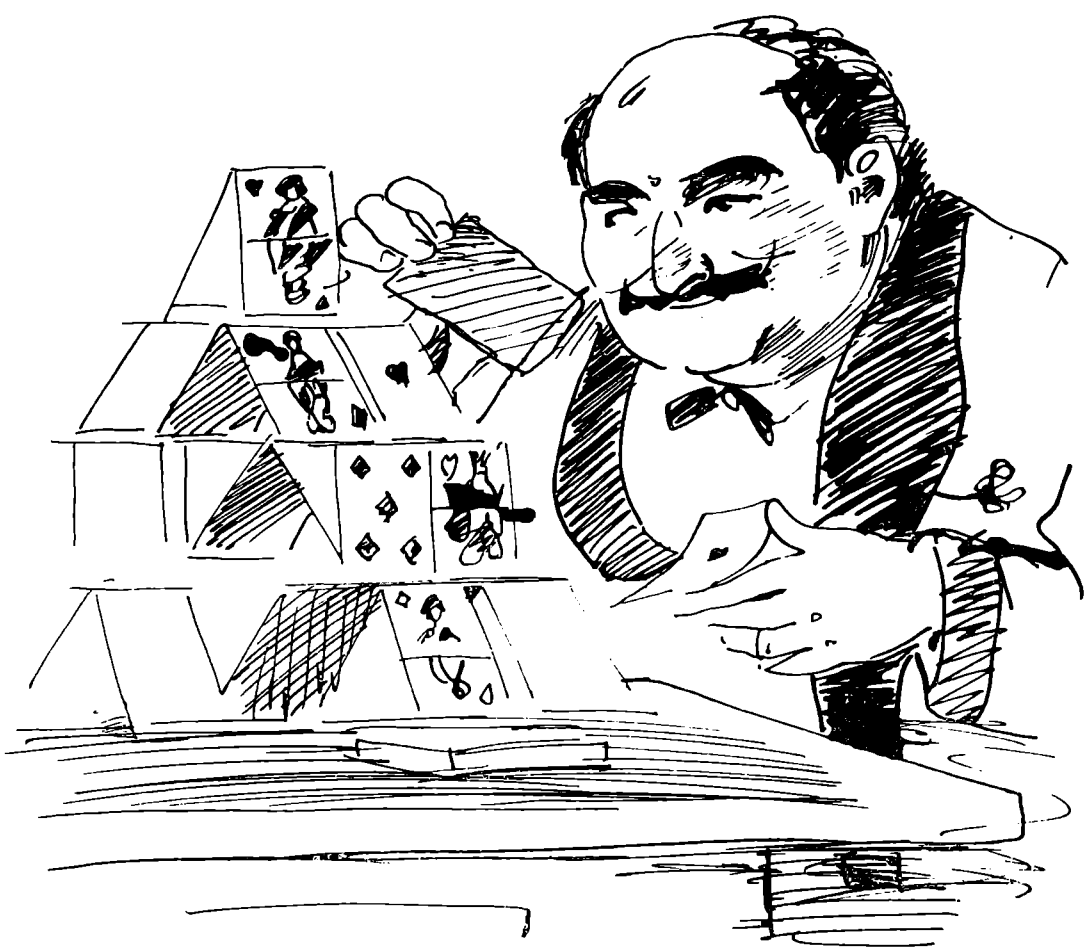
— А вы уверены, мадам, что это действительно была ваша подруга?

Фредерика опешила, потом задумалась.

— Нет, — медленно ответила она. — Голос был вовсе не похож. Я решила, что это из-за телефона или из-за болезни.

— Если бы она не назвала вам себя, вы бы ее узнали?

— Нет, нет, наверно, не узнала бы. Кто это был, мосье Пуаро? Кто это был?



— Именно это я и стремлюсь узнать.

Его угрюмое лицо, по-видимому, навело ее на тревожные мысли. Она прошептала:

— Ник разве... что-нибудь разве случилось?

Пуаро кивнул.

— Она больна, опасно больна. Конфеты были отравлены, мадам.

— Те, что послала я? Но это невозможно... нет, это невозможно!

— Не так уж невозможно, коль скоро мадемуазель при смерти.

— Боже мой!

Она закрыла лицо руками, а когда снова подняла голову, я увидел, что она бледна как смерть.

— Не понимаю, — пробормотала она, — ничего не понимаю. Все могу понять, только не это. Их не могли отравить. Кроме меня и Джима, к ним никто не прикасался. Вы делаете какую-то ужасную ошибку, мосье Пуаро.

— Не я ее делаю, хотя в коробке и лежала карточка с моей фамилией.

Она растерянно уставилась на него.

— Если мадемуазель Ник умрет... — Пуаро не договорил и сделал угрожающий жест рукой.

Она тихо вскрикнула.

Он повернулся к ней спиной и, взяв меня под руку, направился в гостиную.

— Ничего, ну, ровно ничего не понимаю! — воскликнул он, швыряя на стол шляпу. — Хоть бы какой-нибудь просвет! Я словно малое дитя! Кому выгодна смерть мадемуазель? Мадам Райс. Кто покупает конфеты, не отрицает этого, сочиняет небылицы о телефонном звонке, которые не лезут ни в какие ворота? Мадам Райс. Слишком уж просто, слишком глупо. А она не глупа... о нет.

— Да, но тогда...

— Но ведь она кокаинистка, Гастингс. Я убежден, что это так. Здесь не может быть никакого сомнения. А в конфетах оказался кокаин. И что значит эта фраза: «Все могу понять, только не это»? Это же надо как-то объяснить! Ну, а лощеный мосье Лазарус, он-то при чем тут? Что ей известно, этой мадам Райс? Она что-то такое знает. Но мне не удается заставить ее говорить. Она не из тех, кто может проболтаться с перепугу. И все же она что-то знает, Гастингс. Действительно ли ей кто-то звонил или она это выдумала? И если не выдумала, чей это был голос?

Он покачал головой. Тяжело вздохнул.

— Знаете что, Гастингс, если вы мне друг, истинный преданный друг...

— Конечно! — воскликнул я с жаром.

— Тогда сходите и купите мне колоду игральных карт.

В первую минуту я оторопел, потом холодно ответил:

— Хорошо.

Я ни минуты не сомневался, что он просто решил меня спровадить.

Однако я ошибся. Заглянув около десяти часов вечера в гостиную, я увидел Пуаро, поглощенного постройкой карточных домиков. И тут я вспомнил. Это был его испытанный способ успокаивать нервы.

Часов в пять утра меня разбудили, растолкав самым бесцеремонным образом. Я открыл глаза. У моей кровати стоял Пуаро.

— Тихо, — произнес он. — Дело в том, Гастингс, что мадемуазель скончалась.

— Что?! — крикнул я. Мою сонливость как рукою сняло.

— Тсс... тсс. Да, это так. Не в самом деле, разумеется, но это можно организовать. Всего на двадцать четыре часа. Я договорюсь с доктором и сестрами. Вы меня поняли, Гастингс? Убийца, наконец, добился своего. Четыре раза он предпринимал бесплодные попытки. Но пятая удалась ему. И тогда мы посмотрим, что же случится... Это будет очень интересно.

(Окончание следует)

Загадка Эндхауза

АГАТА КРИСТИ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ЛИЦО В ОКНЕ

События следующего дня припоминаются мне крайне смутно. Как на беду, у меня с самого утра начался приступ лихорадки.

В результате все, что произошло в этот день, слилось в моей памяти в какое-то подобие кошмара, а Пуаро, по временам забегавший в мою спальню, представлялся мне неким фантастическим клоуном, который периодически возникает на арене.

Мне кажется, он был наверху блаженства. Его растерянность, его отчаяние были неподражаемы. Не знаю, как ему удалось осуществить тот план, в который он посвятил меня на рассвете. Факт тот, что он его осуществил.

Почти весь день я просидел в глубоком кресле, закутав ноги пледом, и дремал. Каждые два-три часа ко мне врывался Пуаро и докладывал о ходе событий:

— Как я вам соболезную! Впрочем, возможно, что все к лучшему. Фарс — скорее моя, чем ваша стихия. Я только что заказывал венок — громадный, исполинский венок. Лилии, мой друг, великое множество лилий. «С искренней скорбью. От Эркюля Пуаро». О! Что за комедия!

И он исчез.

— Имел весьма трогательную беседу с мадам Райс, — сообщил Пуаро при очередном набеге на мою спальню. — Вся в трауре, что, кстати, ей весьма к лицу. Ее несчастная подруга! Какая трагедия! — Я сочувственно вздыхаю. — Она была так весела, так жизнерадостна. Немыслимо представить ее мертвой. — Я соглашаюсь. — «О да, смерть просто насмехается над нами. Старые, никому не нужные остаются, а такие, как Ник! О ла-ла!» — И я опять вздыхаю.

— Вы прямо наслаждаетесь, — сказал я.

— О нет! Часть моего плана, вот и все. Чтобы успешно разыграть комедию, в нее надо вложить душу. Ну, а покончив с ритуалом, мадам переходит к более насущным делам. Всю ночь ей не давала спать мысль о конфетах. Ведь это невозможно. Невозможно! «Мадам, это возможно, — отвечаю я. — Вы можете познакомиться с результатом анализа». Тогда она спрашивает, и голос ее звучит при этом весьма нетвердо: «Так вы сказали, это был кокаин?» Я подтверждаю. И она говорит: «Ах, боже мой! Я ничего не понимаю».

— Возможно, так оно и есть.

— Что ей грозит опасность, она отлично понимает. Она умна. Я уже говорил вам. Итак, она в опасности и знает это.

— И все-таки мне кажется, что в первый раз за все это время вы не верите в ее виновность.

Пуаро нахмурился и притих.

— Вы угодили в самую точку, Гастингс. Да, у меня такое впечатление, что все как будто поползло по швам. Что отличало все предыдущие попытки убить мадемуазель Ник? Тонкость, верно? А в этот раз? Какая уж тут тонкость! Все грубо, примитивно, откровенно. Нет, здесь что-то не так.

Окончание. Начало в № 5—8.

Он сел за стол.

— Итак, рассмотрим факты. Есть два варианта. Первый: конфеты, купленные мадам и доставленные в больницу мосье Лазарусом, отравлены. В этом случае виновен либо кто-нибудь из них двоих, либо оба вместе. А телефонный звонок якобы от мадемуазель Ник — явная и примитивная выдумка. Такое толкование напрашивается сразу, оно самое очевидное. Вариант второй, — продолжал Пуаро. — Коробку с отравленными конфетами подсунули вместо доброкачественной, купленной мадам. В этом случае звонок по телефону — вполне оправданный и остроумный ход. Мадам играет роль — как это говорят у вас? — козленка отпущения. Она должна таскать каштаны из огня. Такой вариант наиболее логичен, но, увы, его труднее всего привести в исполнение. Как быть уверенным, что сможешь подменить конфеты как раз в нужный момент? А что, если дежурный сразу же понесет коробку наверх?

В следующий раз я увидел Пуаро уже в конце дня.

Я не слыхал, как он вернулся. Должно быть, я уснул.

Проснувшись, я увидел, что он сидит за столом и пишет. Перед ним лежал какой-то смятый и расправленный листок бумаги. Я узнал в нем тот самый, на котором Пуаро написал когда-то свой список от «А» до «И».

Он подтвердил кивком мою невысказанную догадку.

— Да, это тот самый, мой друг. Теперь я штудирую его под другим углом зрения. Я записываю вопросы, касающиеся лиц, которые стоят в моем списке. Вопросы самые разные, часто совсем не связанные с преступлением. Это перечень фактов, которые мне непонятны и до объяснения которых я пытаюсь дойти своим умом.

— И много вы успели?

— Я кончил. Хотите послушать?

Он откашлялся.

— А. Эллен. Почему она осталась в доме и не пошла смотреть фейерверк? Судя по словам мадемуазель и высказанному ею удивлению, этот поступок явно необычен. Что, по ее мнению, должно было или могло произойти? Впустила ли она кого-нибудь (например, И) в дом? Правда ли то, что она рассказывает о скользящей панели? Мадемуазель, кажется, убеждена в обратном (а ведь мадемуазель обязательно должна была бы знать). Если Эллен солгала, то зачем? Читала ли она любовные письма Майкла Сетона или ее удивление, когда она узнала о помолвке, было искренним?

Б. Ее муж. Так ли он глуп, как кажется? Посвящен ли он в то, что известно его жене? (Если ей что-нибудь известно.) Вполне ли он вменяем?

В. Кто такой мистер Крофт? Откуда он приехал? Действительно ли он послал по почте завещание? Какую цель он мог преследовать, оставляя завещание у себя?

Г. То же, что и предыдущее. Кто такие мистер и миссис Крофт? Скрываются ли они по какой-либо причине, и если да, то по какой? Имеют ли они какое-нибудь отношение к семейству Бакли?

Д. Миссис Райс. Знала ли она о помолвке Ник и Майкла Сетона? Была ли это всего лишь догадка, или она прочла их переписку? (Во втором случае ей становится известным, что мадемуазель — наследница Сетона.) Знала ли миссис Райс, что и она сама наследует имущество мадемуазель? Есть ли хоть доля правды в намеке Челленджера на то, что Лазарус был увлечен мадемуазель? (Это могло бы послужить причиной натянутых отношений между двумя подругами, которые, по-видимому, установились в последние месяцы.) Кто этот «приятель», упомянутый в записке мадам, который снабжает ее наркотиками? Может быть, И? Чем объяснить ее недавний обморок? Был ли он вызван чем-нибудь, что она услышала, или же чем-то, что она увидела? Правдив ли ее рассказ о телефонном звонке и просьбе купить шоколад или она беззастенчиво лжет? Что она имела в виду, говоря: «Я все могу понять, только не это»? Если она сама не виновата, в чем заключаются те сведения, которыми она располагает и хранит про себя?

Как видите, — внезапно перебил себя Пуаро, — вопросам, касающимся мадам, буквально нет предела. Она загадка от начала до конца. И это вынуждает меня сделать вывод. Мадам Райс либо сама виновата, либо же знает или, скажем, думает, что знает истинного преступника. Только вот не ошибается ли она? Знает она или просто подозревает? И как мне заставить ее говорить?

Он вздохнул.

— Ну что ж, я возвращаюсь к своему списку.

Е. Мистер Лазарус... Любопытно, что у меня фактически нет к нему вопросов, не считая лишь одного, абсолютно не относящегося к делу. Я все же записал его. Зачем мосье Лазарус предложил пятьдесят фунтов за картину, которая стоит всего двадцать?

Ж. Капитан Челленджер. Почему мадемуазель Ник рассказала ему, что она с кем-то помолвлена? Что ее вынудило? Ведь никому другому она не рассказала. Может быть, он сделал ей предложение?

З. Мосье Вайз. Как объяснить его слова о фанатической привязанности его кузины к Эндхаузу? Какую цель мог он преследовать, утверждая это? Получил ли он завещание или не получил? Да и вообще честный он человек или нет? Наконец И... Здесь остается то же, что и прежде, — огромный вопросительный знак. Существует некто подобный в действительности или... Бог мой! Что с вами, мой друг?

С внезапным криком я вскочил со стула и дрожащей рукой указал на окно:

— Лицо! Я видел в окне чье-то лицо. Ужасное! Его уже нет, но я его видел!

Пуаро бросился к окну, распахнул его и выглянул наружу.

— Здесь никого нет, — заметил он с сомнением. — Вы уверены, что оно вам не почудилось, Гастингс?

— Я убежден. Кошмарное лицо.

— Здесь, правда, есть балкон. Если кому-то захотелось подслушать наш разговор, он без труда мог бы сюда забраться. Что вы имели в виду, когда назвали это лицо ужасным?

— Бледное, с вытаращенными глазами, почти нечеловеческое.

— Это все ваша лихорадка, дорогой друг. Лицо — допустим. Неприятное лицо — тоже возможно. Но почти нечеловеческое — это уж слишком. У вас создалось такое впечатление, потому что лицо было

прижато к стеклу, к тому же вы никак не ожидали его там увидеть.

— Это было ужасное лицо, — упрямо твердил я.

— Оно не показалось вам... знакомым?

— Ни в коем случае.

— Гм... а между тем это вполне возможно. Едва ли вы могли узнать его при этих обстоятельствах. Вот еще одна загадка и... очень любопытная.

Он задумчиво складывал свои записки.

— Одно по крайней мере хорошо. Если этот человек подслушивал наш разговор, то мы ведь с вами ни разу не упомянули, что мадемуазель Ник жива и здорова. Чего бы он там ни подслушал, но этого он все равно не узнал.

— Признайтесь все же, — заметил я, — что результаты вашего, э-э, блестящего маневра до сих пор были несколько

огорчительны. Ник мертва, а никаких ошеломляющих событий не последовало.

— Еще рано. Я ведь назначил двадцать четыре часа. Вот завтра, если я не ошибаюсь, кое-что должно произойти. Существует такая вещь, как почта. Я возлагаю большие надежды на завтрашнюю почту.

Проснувшись утром, я почувствовал, что очень ослаб, но лихорадка миновала. Мне хотелось есть. Мы с Пуаро позавтракали в гостиной.

— Ну-с, — ехидно спросил я, глядя, как он раскладывает свои письма, — почта не обманула ваших ожиданий?

Пуаро промолчал. Он только что вскрыл два конверта, и тот и другой явно со счетами. Я отметил, что вопреки обычаю мой друг не хорохорится и выглядит довольно угнетенным.

Затем я занялся своими письмами. В первом из них я нашел извещение о спиритическом сеансе.

— Ну что ж, — заметил я, — если остальные пути заведут нас в тупик, придется обращаться к спиритам. Я удивляюсь, почему к этому способу прибегают столь редко. Подумайте, душа жертвы возвращается на землю и называет своего убийцу. Чем вам не доказательство?

— Это едва ли помогло бы нам, — рассеянно ответил Пуаро. — Не думаю, что Мегги Бакли знала, кто ее застрелил. Если бы даже она смогла заговорить, она не сообщила бы нам ничего существенного. Ба! Вот забавно!

— О чем вы?

— Вы говорите мне о голосах с того света, и в ту же минуту я распечатываю это письмо.

Он передал его мне через стол. Письмо было от миссис Бакли. Вот что она писала:

«Приход Ленгли

Дорогой мосье Пуаро!

Вернувшись домой, я нашла здесь письмо, написанное моей несчастной девочкой после приезда в Сент-Лу. Боюсь, в нем не окажется ничего интересного для вас, но я подумала, что, может быть, вы захотите на него взглянуть.

Благодарю вас за участие,

искренне ваша

Джин Бакли».

Читая вложенное ею письмецо, я чувствовал, что у меня сдавило горло. Письмо девушки потрясло меня своим будничным тоном, не омраченным даже тенью надвигающейся беды.

«Дорогая мама!

Я жива и здорова, доехала благополучно. До самого Экзетера в вагоне было только двое пассажиров.

Здесь чудная погода. Ник выглядит здоровой и веселой, пожалуй, чуточку возбуждена, но я все же не понимаю, зачем она прислала мне такую телеграмму. По-моему, ничего бы не случилось, если бы я приехала во вторник.

Пока кончаю. Сейчас мы идем пить чай к соседям. Они австралийцы и снимают здесь флигель. Ник говорит, что они симпатичные зануды. У нее будут гостить миссис Райс и мистер Лазарус. Он торгует предметами искусства. Сейчас я брошу письмо в ящик у калитки, и почтальон успеет захватить. Завтра напишу еще.

Твоя любящая дочь Мегги.

P. S. Ник говорит, что у нее все же была причина послать такую телеграмму. После чая она мне расскажет. Она какая-то странная и очень нервничает».

— Голос с того света, — тихо заметил Пуаро. — Но он... не говорит нам ровно ничего.

Зазвонил телефон. Пуаро подошел и взял трубку.

В ту же минуту лицо его переменилось. Он держался очень сдержанно, и все же я заметил, что он взволнован донельзя.

Его собственное участие в разговоре сводилось к репликам, по которым невозможно было догадаться, о чем идет речь.

Но вот, проговорив: «Прекрасно. Благодарю вас», — он положил трубку и вернулся ко мне. Его глаза горели возбуждением.

— Ну, что я говорил вам, мой друг? События начались.

— Что же случилось?

— Это звонил мосье Вайз. Он сообщает, что сегодня утром он получил по почте завещание, подписанное его двоюродной сестрой мисс Бакли и датированное двадцать пятым февраля сего года.

— Нашлось-таки!

— И в самый подходящий момент, не так ли?

— Вы думаете, он сказал вам правду?

— То есть не думаю ли я, что все это время он скрывал завещание у себя? Не знаю, дело темное. Одно несомненно: я говорил вам, что если мадемуазель Ник будут считать умершей, начнутся всякие события, и вот вам, пожалуйста...

— Поразительно, — сказал я. — Это, наверно, то завещание, где Фредерика Райс объявлена наследницей?

— Мосье Вайз ни словом не обмолвился о содержании документа. Он не способен на такое легкомыслие. Все же, я думаю, что это вряд ли какое-нибудь другое завещание. Вайз говорит, что оно засвидетельствовано Эллен Уильсон и ее мужем.

— Итак, мы снова возвращаемся к тому же, — заметил я. — Фредерика Райс.

— Загадка!

— Фредерика Райс, — рассеянно бурчал я про себя. — Красивое имя.

— Да уж получше того, которым окрестили ее друзья. Фредди, — он скорчил гримасу. — нечего сказать, имя... для молодой дамы.

— От Фредерики не так много сокращений, — пояснил я. — Это не то что Маргарет, где уменьшительных имен полдюжины, если не больше: Мегги, Марго, Мэдж, Пегги...

— О чем это я собирался сказать как раз, когда зазвонил телефон? — задумчиво бормотал Пуаро. — Ах да, насчет письма от мадемуазель Мегги. Мне хочется еще раз на него взглянуть. Что-то мне мерещится, что когда я его читал, какая-то фраза показалась мне немного странной.

Я взял письмо и протянул ему.

— О-о! — сказал он. — Но я же был слеп... слеп!..

— Что случилось?

— Сложно, я вам говорил? Запутанно? О нет. Простота, сама простота. А я, ничтожество, я ничего, ничего не понял.

— Силы небесные, Пуаро, какой же это свет вас вдруг озарил?

— Стойте... стойте... ни слова больше. Я должен собраться с мыслями. Все перестроить в свете этого поразительного открытия.

Он схватил список вопросов и принялся читать его, бесшум-

но шевеля губами. Раз или два он энергично кивнул.

Потом он отложил листки, откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Но вот он вздохнул и вновь открыл глаза.

— Все так, — сказал он. — Все сошлось. Все эти неувязки, приводившие меня в недоумение. Все, что казалось мне несколько неправдоподобным, теперь все встало на свои места.

Он вдруг вскочил.

— Мой друг, вы помните, как мадемуазель Ник говорила, что ей всегда хотелось поставить в Эндхаузе пьесу? Так вот сегодня в Эндхаузе состоится спектакль. Но режиссером будет Эркюль Пуаро. Для мадемуазель Ник в нем тоже отведена роль. Видите ли, это будет пьеса с привидениями. Да, с привидениями. В Эндхаузе никогда еще не бывало привидения. А нынче оно там появится.

ПУАРО СТАВИТ ПЬЕСУ

Прелюбопытная компания собралась этим вечером в Эндхаузе.

Как только я пришел, меня ввели в столовую, и, оглядевшись, я сообразил, что здесь находятся все лица, включенные Пуаро в его список, начиная от «А» и кончая «З».

Здесь была даже миссис Крофт, полулежавшая в каком-то подобии инвалидного кресла. Она улыбнулась мне и кивнула головой.

— Не ожидали, а? — спросила она весело. — Это все мосье Пуаро придумал. Садитесь тут, капитан Гастингс. Не по душе мне почему-то это дело, да вот мистер Вайз очень уж настаивал.

— Мистер Вайз? — спросил я с некоторым удивлением.

Чарльз Вайз стоял возле камина. Пуаро что-то негромко и серьезно говорил ему.

Я обвел взглядом комнату. Да, здесь собрались все. Впустив меня в дом (я опоздал на минуту или на две), Эллен заняла свое место на стуле возле двери. На другом стуле, напряженно выпрямившись и тяжело сопя, сидел ее супруг.

Остальные расположились вокруг стола. Я сел в сторонке, около миссис Крофт. Но вот, в последний раз кивнув головой собеседнику, Чарльз Вайз занял место во главе стола, а Пуаро скромно уселся около Лазаруса.

Молодой адвокат откашлялся и встал. На вид он был такой же, как всегда, бесстрастный, чопорный и равнодушный.

— Наша сегодняшняя встреча, — заговорил он, — происходит в нарушение всех правил. Однако нас вынуждают к тому особые обстоятельства. Я, разумеется, имею в виду те обстоятельства, при которых произошла смерть моей кузины, мисс Бакли, ибо не приходится сомневаться, что она была отравлена, причем отравлена злонамеренно.

В обычных случаях волю усопшего объявляют после похорон, однако, идя навстречу настойчивому пожеланию мосье Пуаро, я собираюсь прочесть завещание мисс Бакли до этой печальной церемонии. Вот почему вы все приглашены сюда.

Обстоятельства, при которых завещание попало ко мне в руки, также несколько необычны. Хотя оно датировано февралем этого года, я получил его только сегодня утром. Однако завещание, бесспорно, написано рукой моей кузины. В этом у меня нет никаких сомнений. И невзирая на то, что документ составлен не по форме, он должным образом засвидетельствован.

Вайз помолчал и снова откашлялся.

Все не сводили глаз с его лица.

Из длинного конверта он вытащил исписанный листок бумаги. Мы увидели, что это обыкновенный почтовый бланк Эндхауза.

— Завещание невелико, — сообщил Вайз. И после приличествующей случаю паузы начал читать: — «Завещание и последняя воля Магдалы Бакли. Настоящим велю оплатить все расходы, связанные с похоронами и погребением. Кузена моего Чарльза Вайза назначаю своим душеприказчиком. Все, чем я владею в день смерти, завещаю Мильдред Крофт в знак благодарности за те ничем не оценимые услуги, которые она оказала моему отцу, Филиппу Бакли.

Подписано: Магдала Бакли
Свидетели: Эллен Уильсон, Уильям Уильсон».

Я был ошеломлен. Наверно, точно так же были поражены все остальные. Лишь миссис Крофт спокойно и задумчиво кивала головой.

— Все так и есть, — сказала она тихо. — Правда, мне не хотелось особенно болтать... Филипп Бакли жил в Австралии, и если бы не я... ну да ладно, не стоит об этом. Тайна пусть тайной и остается. Хотя она знала, Ник, то есть. Наверное, отец ей рассказал. Мы приехали сюда, чтобы взглянуть на это место. Мне всегда было интересно, что же это за Эндхауз, про который нам столько рассказывал Филипп Бакли. И вдруг оказывается, ей, голубушке, про все известно и она просто не знает, как нас отблагодарить. Сначала она хотела, чтобы мы поселились вместе с ней в доме. Право. Только мы не согласились. Тогда она нас уговорила снять этот флигель, но, между прочим, никакой платы она с нас не брала, ни пенни. Мы, правда, делали вид, что платим ей, чтоб люди не болтали, — да только она все нам возвращала. А теперь еще это!

Все были так потрясены, что не могли сказать ни слова. Пуаро взглянул на Вайза.

— Вы слышали хоть что-нибудь об этом?

Вайз покачал головой.

— Я знал, что Филипп Бакли жил в Австралии. Но я никогда не слышал, чтобы он был замешан в какую-нибудь нехорошую историю.

— Я полагаю, мистер Вайз, — заговорил Пуаро, слегка наклоняясь в его сторону, — что как ближайший родственник вы могли бы оспаривать это завещание? Дело идет, насколько мне известно, о колоссальном состоянии, а когда завещание писалось, его еще не было и в помине.

Вайз холодно посмотрел на него.

— Завещание абсолютно законно. Я и не подумаю оспаривать распоряжение моей кузины.

— Вы честный малый, — одобрительно сказала миссис Крофт. — Я позабочусь, чтобы вы не пострадали.

Вайза передернуло от ее щедрого, но несколько бестактного посула.

— Ну, мать, — заговорил мистер Крофт, и, несмотря на все старание скрыть радость, в голосе его прозвучали ликующие нотки. — Вот уж сюрприз

так сюрприз! А мне Ник ничего не говорила.

— Славная девочка, — прошептала миссис Крофт, прикладывая к глазам носовой платок. — Как бы мне хотелось, чтобы она смогла видеть нас сейчас! Кто знает, может быть, и видит.

— Возможно, — согласился Пуаро.

И вдруг он загорелся.

— Идея! — он окинул взглядом комнату. — Мы как раз очень удобно расположились вокруг стола. Давайте проведем спиритический сеанс.

— Сеанс? — переспросила миссис Крофт. — Но право... — Она была несколько шокирована.

— Да, да, это будет необыкновенно интересно. Ведь Гастингс превосходный медиум. («К чему это он еще меня припутал?» — подумал я.) Нам представляется редкая возможность получить послание из иного мира! Я чувствую, что обстоятельства благоприятны. Вы тоже чувствуете это, Гастингс?

— Да, — отозвался я, решительно вступая в игру.

— Прекрасно, я так и знал. Ну, быстро свет.

Он проворно вскочил и погасил все лампы. Это было так неожиданно, что если бы кто-нибудь и захотел протестовать, то просто не успел бы.

В комнате было не совсем темно. Из-за теплой погоды окна оставили открытыми, шторы не задернули, и в комнату просачивался слабый свет. Через минуту или две я начал различать смутные очертания мебели. Я не имел ни малейшего понятия, что мне полагается делать, и от души клял Пуаро за то, что он вовремя не дал мне инструкций.

На всякий случай я закрыл глаза и шумно задышал.

Вскоре Пуаро встал и на цыпочках приблизился к моему стулу.

Вернувшись на место, он прошептал:

— О да, он уже в трансе. Скоро начнется.

Когда сидишь в темноте да еще ждешь чего-то, невольно испытываешь смутную тревогу, которая гнетет, словно предчувствие беды. У меня, конечно, просто разыгрались нервы, как, впрочем, и у всех остальных. Но я-то хоть догадывался, что должно произойти, мне заранее было известно самое главное, о чем другие и не подозревали.

И все же у меня екнуло сердце, когда я увидел, что дверь начала тихо отворяться. Она открывалась совершенно бесшумно, ее, как видно, смазали, и это производило жуткое впечатление. Вот она медленно распахнулась, прошла минута-две. Нам показалось, что в отворившуюся дверь влетел порыв холодного ветра. Наверно, это был просто сквозняк или потянуло ветерком из отворенных окон, но все мы ощутили тот леденящий холод, о котором обязательно упоминается во всех рассказах с привидениями.

В дверях стояла призрачная белая фигура... Ник Баклн!..

Она двинулась к нам так тихо и бесшумно, словно летела или плыла по воздуху, и от этого в самом деле казалась потусторонним существом.

Я понял, что мир лишился большой актрисы. Когда-то ей хотелось поставить в Эндхаузе спектакль и сыграть в нем главную роль. Сейчас она играла эту роль, и я видел, что она упивается ею. Она играла вдохновенно. Ник подплывала к нам все ближе, и вдруг тишина разорвалась.

С инвалидного кресла подле меня раздался сдавленный крик. Мистер Крофт издал какой-то звук, напоминавший бульканье. Челленджер испуганно выругался. Вайз, как мне показалось, вместе со стулом попятился назад, а Лазарус, напротив, подался вперед. И лишь Фредерика была безмолвна и неподвижна.

И вдруг нас полоснул пронзительный вопль. Это кричала вскочившая со стула Эллен:

— Это она! Это она к нам воротилась. Она идет! Убитые, они всегда приходят. Это она! Это она!

Щелкнул выключатель, зажегся свет.

Пуаро смотрел на нас улыбаясь, как цирковой артист после удачно исполненного номера. А посредине комнаты стояла Ник, закутанная в белое покрывало.

Первой пришла в себя Фредерика. Она нерешительно протянула руку и дотронулась до подруги.

— Ник, ты... живая!

Она сказала это чуть ли не шепотом.

Ник засмеялась и сделала шаг вперед.

— О да, — ответила она. — Вполне живая. Я очень благодарна вам за то, что вы сделали для моего отца, миссис Крофт. Только боюсь, что вы пока не сможете воспользоваться преимуществами этого завещания.

— О господи, — шептала миссис Крофт, корчась в своем инвалидном кресле. — Господи! Забери меня отсюда, Берт. Увези меня. Я просто пошутила, дорогая... я пошутила, вот и все. Право...

— Странные шутки, — сказала Ник.

Дверь снова отворилась, и кто-то вошел так тихо, что я даже не услышал его шагов. К моему удивлению, это оказался Джэп. Он мельком кивнул Пуаро, словно отвечая на какой-то его вопрос, потом вдруг просиял и шагнул к инвалидному креслу.

— Хэлло-ло-о! — воскликнул он. — Кого я вижу? Старая знакомая! Милли Мертон, собственной персоной. И снова за свое, моя дорогуша?

Не обращая внимания на протестующие вопли миссис Крофт, он повернулся к нам и начал объяснять:

— По части подлогов Милли Мертон не знает себе равных. Мы слышали, что их машина попала в аварию, когда они смывались в последний раз. И что же? Милли снова за свое. Спину сломала, а все не оставляет своих фокусов. Артистка, настоящая артистка.

— Так это завещание подделыное? — воскликнул изумленный Вайз.

— А как по-вашему? — презрительно сказала Ник. — Неужели вы думаете, что я написала такое дурацкое завещание? Вам я оставила Эндхауз, а остальное Фредерике.

При этих словах она перекрестилась, шагнула к подруге и тут...

Да, как раз в это мгновение все и произошло. Над подоконником полыхнул огонь, послышался свист пули, потом раздался стон, и за окном что-то упало. В следующую секунду мы увидели, что Фредерика стоит посреди комнаты, а по ее руке стекает тоненькая струйка крови.

Все произошло так внезапно, что в первую минуту никто не мог сообразить, что случилось. Потом Пуаро яростно вскрикнул и бросился к дверям. За ним устремился Челленджер.

Вскоре они вернулись, неся на руках безжизненное тело.

— Лицо... лицо в окне! — невольно вскрикнул я.

Это был тот самый человек, который накануне вечером заглядывал к нам в комнату. Я узнал его сразу. Пуаро был прав, когда назвал преувеличением мои слова о якобы нечеловеческом лице. И все же было в нем нечто такое, что подтверждало и мое впечатление. Это было лицо конченого человека.

Бледное, безвольное, порочное, оно казалось застывшей маской. По щеке сползала струйка крови. Фредерика медленно, с трудом передвигая ноги, направилась к креслу.

— Вы ранены, мадам? — спросил Пуаро, становясь между ней и незнакомцем.

Она покачала головой.

— Пустяки, поцарапало плечо.

Мягко отстранив Пуаро, она наклонилась над креслом.

Незнакомец открыл глаза и встретился с ней взглядом.

— Ну, в этот раз я, кажется, добрался до тебя, — глухо и злобно прохрипел он. И вдруг заговорил жалобно, словно ребенок: — Ах, Фредди, я ведь не хотел. Я не хотел. Ты всегда со мной по-хорошему...

— Не надо, будет...

Она опустилась на колени.

— Я не хотел...

Он уронил голову, не договорив.

Фредерика взглянула на Пуаро.

— Да, мадам, он мертв, — тихо проговорил мой друг.

Тогда она медленно встала и, продолжая глядеть на умершего, ласково коснулась рукой его лба. Потом вздохнула и повернулась к нам.

— Это был мой муж, — сказала она тихо.

В ее голосе звучала смертельная усталость.

— Теперь, пожалуй, я могу все рассказать, — проговорила она. — Это был... совершенно опустившийся человек. Наркоман. Он и меня приучил к наркотикам. С того самого дня, как я ушла от него, я что есть сил стараюсь вытравить из себя это. И кажется... теперь почти излечилась. Но это было трудно. Нечеловечески трудно. Вы и представить не можете как! А он не оставлял меня в покое. Откуда-то появлялся, требовал денег, грозил. Если я не давала денег, он говорил, что застрелится. Это была его всегдашняя угроза. А потом начал грозить, что убьет меня. Он был способен на что угодно. Невменяемый... безумный...

— Мне кажется, что это он застрелил Мегги Бакли, — продолжала Фредерика. — Он, конечно, не собирался ее убивать. Наверное, он принял ее за меня. Мне, очевидно, не следовало молчать. Но ведь в конце концов все это были лишь догадки. И потом эти странные случаи с Ник... я решила, что, пожалуй, ошиблась. Мало ли кто мог оказаться виновником. Но вот однажды я вдруг увидела обрывок бумаги, исписанный рукой моего мужа, на столе у мосье Пуаро. Это был кусочек письма, которое я недавно получила. Тогда я поняла, что мосье Пуаро напал на след. С этого дня мне оставалось только ждать.

Но я до сих пор не понимаю, что получилось с конфетами. Ему незачем было покушаться на Ник. Да ему бы это никогда и не удалось. Тут какая-то загадка.

Она закрыла лицо руками, потом уронила их и с трогательной простотой добавила:

— Вот и все.

НА СЦЕНЕ — «К»

К ней быстрыми шагами подошел Лазарус.

— Милая. Милая моя... — пробормотал он.

Пуаро отступил к буфету, налил в стакан вина и подал Фредерике.

Она выпила и, улыбаясь, вернула ему стакан.

— Теперь все в порядке, — сказала она. — Так что же... что же мы станем делать?

Она посмотрела на Джэпа, однако инспектор лишь покачал головой.

— Я в отпуске, миссис Райс. Оказываю услугу старому приятелю, и только. А этим делом ведает местная полиция.

Она взглянула на Пуаро.

— А местной полицией ведает мосье Пуаро?

— Помилуйте, мадам! Я только скромный консультант.

— Мосье Пуаро, — сказала Ник, — нельзя ли просто замять это дело?

— Вы этого хотите, мадемуазель?

— Да, хочу. Если на то пошло, эта история касается главным образом меня. А на меня теперь уже не будет покушений.

— Вы правы. На вас больше не будет покушений.

— Вы думаете о Мегги? Но, мосье Пуаро, ее ведь не вернуть. А если вы предадите все это огласке, то лишь заставите безмерно страдать и опозорите Фредерику, а она этого не заслужила.

— Вы говорите, она этого не заслужила?

— Ох, ну, конечно же. Я вам давно сказала, что ее муж мерзавец. Сегодня вы сами увидели, каков он. Но ведь он умер. Так и кончим на этом. Пусть полицейские ищут убийцу Мегги. Они его не найдут, и дело с концом.

— Итак, замять эту историю. Я верно понял вас, мадемуазель?

— О да, пожалуйста! Ну согласитесь, ради бога согласитесь, милый мосье Пуаро.

Пуаро медленно обвел нас глазами.

— Я согласен, — сказал я, отвечая на его взгляд.

— Я тоже, — проговорил Лазарус.

— Лучше и не придумаешь, — одобрил Челленджер.

— Забудем все, что здесь сегодня было, — это весьма решительное заявление исходило от Крофта.

— Еще бы! Вам только этого и надо, — с усмешкой заметил Джэп.

— Не гневайтесь на меня, милочка, — процедила Мильдред, обращаясь к Ник.

Та бросила на нее презрительный взгляд, но промолчала.

— Эллен?

— Мы с Уильямом словечка никому не скажем, сэр. Лишнее болтать — только делу вредить.

— А вы, мосье Вайз?

— Такую историю замять невозможно, — сказал Чарльз Вайз. — Все эти факты следует сообщить в надлежащую инстанцию.

— Чарльз! — выкрикнула Ник.

— Мне очень жаль, дорогая. Но я смотрю на это дело с точки зрения закона.

Пуаро вдруг рассмеялся.

— Итак, семь против одного. Наш славный Джэп соблюдает нейтралитет.

— Я в отпуске, — заявил Джэп с ухмылкой, — я не в счет.

— Семь против одного. Один только мосье Вайз становится на сторону закона и порядка! А знаете, мосье Вайз, вы человек с характером!

Вайз пожал плечами.

— Ситуация предельно ясная. Это единственный путь.

— О да, вы честный человек. Я тоже примыкаю к меньшинству. Я тоже за правду.

— Мосье Пуаро! — воскликнула Ник.

— Мадемуазель, вы сами втянули меня в это дело. Я занимаюсь им по вашему желанию. Садитесь все, я расскажу вам правду.

Повинуясь его властному тону, мы молча сели и устремили на него выжидательные взгляды.

— Послушайте! Вот у меня здесь список — список лиц, как либо связанных с преступлением. Я обозначил их буквами алфавита, кончая буквой «И». Эта последняя символизирует некое неизвестное нам лицо.

Однако вчера я вдруг понял, что допустил серьезную ошибку. Я сделал одно упущение. И я добавил новую букву к своему списку. Букву «К».

— Еще один неизвестный? — не без иронии спросил Вайз.

— Не совсем так. Посредством буквы «И» я обозначил некую неизвестную нам особу. Если бы появился еще один незнакомец, он просто стал бы вторым «И». Иное дело «К». «К» — это человек, который с самого начала должен был попасть в мой список, но не попал туда по недосмотру.

Он наклонился к Фредерике.

— Вы можете не беспокоиться, мадам. Ваш муж не был повинен в преступлении. Мадемуазель Мегги была убита «К».

Пуаро кивнул Джэпу. Тот выступил вперед и заговорил таким же тоном, каким, наверно, давал показания в суде в те времена, когда был простым полицейским:

— Действуя согласно полученной информации, я в начале вечера занял указанный мне пост, для чего тайно проник в дом при содействии мосье Пуаро. Я спрятался за портьерой в гостиной. Когда все собрались в этой комнате, в гостиную вошла некая молодая леди и включила свет. Она направилась к камину и открыла маленькую нишу, находившуюся за панельной обшивкой, которая, как выяснилось, приводилась в действие посредством пружины. Из этой ниши она извлекла револьвер и, держа его в руке, покинула комнату. Я последовал за ней и, слегка приоткрыв дверь, смог наблюдать в дверную щель ее последующие действия. В прихожей находились пальто и жакеты, оставленные только что пришедшими гостями. Молодая леди тщательно вытерла револьвер платком и опустила его в карман серой накидки, являющейся собственностью миссис Райс.

— Ложь! Все до последнего слова! — это кричала Ник.

Пуаро указал на нее рукой.

— Voilà! — сказал он. — Вот кто был «К»! Это мадемуазель Ник застрелила свою кузину Мегги Бакли.

— Вы что, с ума сошли? — крикнула Ник. — Зачем мне было убивать Мегги?

— Чтобы унаследовать деньги, оставленные ей Майклом Сетоном. Ее тоже звали Магдала Бакли, и с ней-то он и был помолвлен, а не с вами.

— Вы... вы...

Ее всю трясло, она была не в силах говорить. Пуаро повернулся к Джэпу.

— Вы позвонили в полицию?

— Да, полицейские уже ждут в прихожей. У них есть ордер на арест.

— Да вы тут все сошли с ума! — воскликнула Ник.

Она кинулась к Фредерике.

— Фредди, дай мне свои часы... на память, ладно?

Фредерика медленно отстегнула часики и отдала их Ник.

— Спасибо. Ну, а теперь... пожалуй, пора кончать с этой нелепейшей комедией.

— Замысел которой принадлежит вам и постановка также осуществлена вами. Вам только не следовало приглашать на главную роль Эркюля Пуаро. Это была ваша ошибка, мадемуазель, весьма серьезная ошибка.

ГЛАВА ПОСЛЕДНЯЯ

— Вы ждете объяснений?

До чего же мне были знакомы и эта его удовлетворенная улыбка и напускное смирение.

Мы перешли в гостиную. Теперь нас было меньше. Слуги тактично удалились, а Крофтов попросили проследовать в полицию. Остались Фредерика, Лазарус, Челленджер, Вайз и я.

— Ну что же, — начал Пуаро. — Признаюсь, я был одурачен, целиком и полностью одурачен. Как метко говорит ваша пословица, малютка Ник вертела мною, как хотела. Ах, мадам, как правы были вы, когда сказали, что ваша подруга умная маленькая лгунья!

— Ник всегда лгала, — сдержанно отозвалась Фредерика. — Поэтому я и не верила рассказам о ее чудесных спасениях.

— А я... я, слабоумный, ей поверил!

— А разве в самом деле ничего такого не было? — спросил я.

— Все ее «случаи» были подстроены — умнейший ход! — чтобы создать нужное впечатление.

— Какое же?

— Что жизни мадемуазель Ник грозит опасность. Но я забегаю вперед. А всю эту историю, воссозданную мною постепенно и по кусочкам, лучше рассказывать с самого начала. Итак, живет на свете некая девушка, по имени Ник Бакли, молодая и красивая, не слишком щепетильная и одержимая фанатической привязанностью к своему дому.

Вайз кивнул.

— Я же вам говорил.

— И были правы. Мадемуазель Ник любила Эндхауз. Но у нее не было денег. Дом заложен. Ей нужны деньги, ей до зарезу нужны деньги, и она их никак не может достать. В Ле Туке она знакомится с молодым Сетоном, и он увлекается ею. Она знает, что он почти наверняка унаследует имущество своего дяди, а дядюшка — миллионер. «Ну, — думает она, — взошла моя звезда». Но его увлечение не серьезно. Ему с ней весело, и только. Они встречаются в Скарборо, он катает ее в своем самолете, и вдруг все рушится. Он знакомится с Мегги и влюбляется в нее с первого взгляда.

Мадемуазель Ник потрясена. Ей предпочли — и кого? — кузину Мегги, которую она даже не считает хорошенькой! Но молодой Сетон смотрит на Мегги совсем другими глазами. Для него она единственная на свете. Происходит тайная помолвка. О ней знает, должен знать, только один человек. И этот человек — мадемуазель Ник. Бедняжка Мегги счастлива, что хоть кому-то может открыться. Она, конечно же, читает кузине отрывки из писем жениха. Таким образом мадемуазель узнает о завещании. Это пока что проходит мимо ее внимания. Но застревает в памяти.

И вдруг скоропостижно умирает сэр Мэтью Сетон, и сразу же вслед за тем возникают слухи об исчезновении Майкла Сетона. И в голове нашей молодой леди немедля возникает чудовищный план. Сетону неизвестно, что ее тоже зовут Магдала. Он знает ее только как Ник. Можно не сомневаться, что завещание его предельно неофициально — там названо имя, и все. Но ведь в глазах света Сетон ее приятель! Его имя ассоциируют именно с ней. И если она объявит, что они были помолвлены, это ни в ком не вызовет удивления. Но для того, чтобы ей это удалось, необходимо устранить Мегги.

Времени у нее в обрез. Она уславливается с Мегги, что та погостит у нее несколько дней. Затем устраивает свои «несчастные случаи». Перерезает шнур от картины. Приводит в негодность тормоза. Что касается валуна, то он, возможно, свалился сам по себе, а она лишь добавила от себя, что находилась в это время на дорожке.

И тут... ей попадается в газете мое имя. Я же вам говорил, Гастингс, Эркюля Пуаро знают все. И у нее хватает наглости сделать меня своим сообщником. Она простреливает шляпку, и пуля падает у моих ног. Восхитительная комедия. И я клюю на эту наживку! Я верю, что ей грозит опасность! Таким образом она заручается поддержкой очень ценного свидетеля. Я играю ей на руку, предложив вызвать к себе подругу. Воспользовавшись этим, она телеграфирует Мегги, чтобы та выехала днем раньше.

Как ей легко осуществить свой план! Она оставляет нас за обеденным столом и, узнав по радио, что смерть Сетона установлена, начинает действовать. У нее достаточно времени, чтобы взять письма Сетона к Мегги, просмотреть их и отобрать те несколько, которые отвечают ее цели. Затем она прячет их в своей комнате. Ну, а позже она и Мегги оставляют нас любоваться фейерверком и идут в дом. Ник говорит кузине, чтобы та надела ее шаль. Потом она тихонько подкрадывается к ней и стреляет, сразу же бросается в дом и прячет револьвер в тайнике, о котором, как она думает, никто не знает. Потом бежит на второй этаж и ждет там, пока не раздаются голоса. Тело найдено. Теперь ее выход. Она бросается вниз и выбегает из дверей.

Ах, как она сыграла эту роль! Неповторимо! Да, что и говорить, спектакль был хоть куда. Горничная Эллен сказала, что в Эндхаузе есть что-то зловещее. Я склонен с нею согласиться. Именно он вдохновил мадемуазель Ник.

— Но что же вышло с этими конфетами? — спросила Фредерика.

— Конфеты были частью все того же плана. Ведь если после смерти Мегги не прекращаются попытки убить Ник, разве это не доказывает со всей определенностью, что Мегги была убита по ошибке? Выждав, сколько она считает нужным, она звонит мадам Райс и просит принести ей коробку шоколада.

— Так это все-таки она звонила?

— В том-то и дело! Самое простое объяснение чаще всего и бывает истинным! Она немного изменила голос, и дело сделано, сомнение посеяно. Теперь, когда вас спросят, с кем вы говорили, вы уже не сможете ответить с полной уверенностью. Затем приходит коробка, и все опять же очень просто. Она начиняет три конфеты кокаином — кокаин она незаметно пронесла с собой в больницу, — съедает одну конфету и заболевает... впрочем, не так уж сильно. Она отлично знает, сколько надо принять кокаина и как преувеличить симптомы отравления.

А тут еще карточка — моя карточка! О, дьявол, что за дерзость! Взять мою собственную карточку, ту самую, что

я прислал с цветами. Просто, не так ли? Но поди угадай...

Мы помолчали, потом Фредерика спросила:

— Зачем она положила револьвер в карман моей накидки?

— Я так и думал, что вы об этом спросите, мадам. Скажите, вам никогда не приходило в голову, что с некоторых пор мадемуазель Ник не чувствует к вам приязни? Вам не казалось иногда, что она, может быть, ненавидит вас?

— Трудно сказать, — в раздумье проговорила Фредерика. — В наших отношениях не было искренности. Когда-то она любила меня.

— А что, мосье Лазарус, — вы сами понимаете, сейчас не время для ложной скромности — между вами и мадемуазель Ник были какие-нибудь отношения?

— Да нет, — ответил Лазарус, качая головой. — Одно время я ею немного увлекся. Потом остыл, сам не знаю почему.

— Вот-вот, — проговорил Пуаро, глубокомысленно кивая головой. — В этом была ее трагедия. Ею увлекались... и остывали. Вместо того чтобы влюбиться в нее еще сильней, вы полюбили ее подругу. И тогда она возненавидела мадам за то, что у нее есть опора — богатый поклонник. Зимой, когда она писала завещание, она хорошо относилась к подруге. Но позже все переменилось.

Теперь она вспомнила об этом завещании. Она ведь не знала, что Крофты его перехватили, что оно не дошло до места назначения. У мадам, во всяком случае, в глазах света появилась причина желать ее смерти. Сегодня вечером здесь было бы оглашено завещание, где основной наследницей названа мадам... а чуть попозже в кармане у мадам нашли бы револьвер, тот самый, из которого была убита Мегги Бакли. А если бы его нашла сама мадам, она могла очернить себя, сделав попытку от него избавиться.

— Как она, должно быть, ненавидела меня! — прошептала Фредерика.

— Да, мадам. Вы обладали тем, что ей было не дано, — даром завоевать и сохранить любовь.

— Я, очевидно, глуп, — вмешался Челленджер, — но до меня все еще не доходит, что вышло с завещанием.

— Вот как? Ну что же, сейчас я объясню, хотя это уже совсем другая и, кстати, очень несложная история. Крофты скрываются от полиции. Мадемуазель Ник предстоит операция. У нее нет завещания. И Крофты решают рискнуть. Они убеждают ее написать завещание и обещают отправить его по почте. Теперь, если с мадемуазель что-то случится... если она умрет... они заменят ее завещание мастерски сделанной фальшивкой, в которой будет сказано, что мадемуазель отказывает все свое имущество миссис Крофт, и будет ссылка на Австралию и на Филиппа Бакли, который, как известно, бывал в этой стране.

Но операция проходит благополучно, и фальшивка оказывается бесполезной. Во всяком случае, на время. Затем начинаются покушения на жизнь мадемуазель. Крофты снова навостряют уши. Наконец я объявляю, что мадемуазель умерла. Соблазн слишком велик. Крофты немедля отсылают мистеру Вайзу поддельное завещание. К слову сказать, они, конечно, считали ее много богаче, чем она есть на самом деле. Им ведь неизвестно, что дом заложен.

— Больше всего мне хотелось бы узнать, мосье Пуаро, — сказал Лазарус, — как вам удалось догадаться? Когда у вас появились первые подозрения?

— Увы, стыдно сказать. Поздно, слишком поздно. Правда, меня и раньше кое-что смущало. Кое-что вызывало сомнения. И прежде всего постоянные несоответствия между тем, что говорила мадемуазель Ник, и тем, что говорили остальные.

К несчастью, я каждый раз предпочитал поверить ей. Но наступила минута, когда я прозрел. Мадемуазель Ник допустила ошибку. Она переиграла. Когда я посоветовал ей пригласить к себе подругу, она обещала сделать это и скрыла от меня, что мадемуазель Мегги уже приглашена. Ей показалось, что так будет менее подозрительно, но она ошиблась.

Дело в том, что сразу после приезда в Эндхауз Мегги Бакли написала домой письмо, а в письме этом была одна самая обычная фраза, которая показалась мне непонятной: «...не понимаю, зачем она прислала мне такую телеграмму. По-моему, ничего бы не случилось, если бы я приехала во вторник».

Что значило это упоминание о вторнике? Оно могло значить только одно. Мегги и так, без всякой телеграммы собиралась приехать сюда во вторник. Но в таком случае мадемуазель Ник мне солгала.

Тут я впервые за все время посмотрел на нее с другой точки зрения. Я взглянул на все ее утверждения критически.

Я сказал себе: «Посмотрим, что же действительно случилось? Каковы бесспорные факты?» И увидел, что бесспорным является только один факт — убийство Мегги Бакли. И больше ничего! Но кто же мог желать, чтобы умерла Мегги?

И тогда у меня появилась новая мысль — мне вспомнились досужие размышления Гастингса, в которые он пустился за несколько минут до этого. Он говорил, что от имени Маргарет есть много уменьшительных: Мегги, Марго и т. д. И у меня вдруг мелькнула мысль: интересно, а каково же полное имя мадемуазель Мегги?

В следующую минуту я понял все! Предположим, что ее тоже зовут Магдэла. Это фамильное имя, так говорила мне мадемуазель Ник. Стало быть, существуют две Магдалы Бакли.

Я перебрал в уме письма от Майкла Сетона. Ну что ж, ничего невозможного. Он пишет о Скарборо, так ведь и Мегги была в Скарборо вместе с Ник. Об этом говорила ее мать.

Кроме того, становилась понятной одна вещь, которая прежде смущала меня. Почему так мало писем? Если уж девушка хранит письма возлюбленного, она хранит их все. Почему она отобрала именно эти? Что их отличает?

И я вспомнил, что в них ни разу не названо ее имя. Они начинаются по-разному, но всегда с какого-нибудь ласкового обращения. И не единого разу мне не попалось имя Ник.

Тогда я просмотрел список своих вопросов. На этот раз я отвечал на них, находясь совсем на другой точке зрения.

И за очень немногими исключениями ответы оказались ясными и убедительными. Я ответил и еще на один вопрос, который возник у меня раньше. Зачем мадемуазель Ник купила себе черное платье? Ответ на него мог быть только один — она хотела быть одетой так же, как кузина, дабы красная шаль окончательно довершила их сходство. Такое объяснение правдоподобно и логично, а всякое другое нет. Ибо никакая девушка не станет покупать себе траур, не убедившись в смерти возлюбленного.

После этого я уже поставил свой собственный спектакль. И мой расчет подтвердился! Ник Бакли с невероятной горячностью отрицала существование тайника. Она заявила, что в доме нет ничего подобного. Но если бы тайник существовал — а у Эллен, по-моему, не было никаких причин его выдумывать, — Ник обязательно должна была знать о нем. К тому же почему она так горячилась? Не потому ли, что спрятала в тайнике револьвер с намерением подбросить его кому-нибудь и взвалить вину на этого человека?

Я дал ей понять, что подозрение падает на мадам. Именно это и отвечало ее расчетам. Как я предвидел, она не удержалась от искушения добавить еще одно, решающее доказательство. К тому же так было безопаснее и для нее самой. Ведь Эллен в любой момент могла найти тайник и спрятанный в нем револьвер.

Мы все собрались в столовой. Мадемуазель Ник в гостиной одна, ждет своего выхода. Ей кажется, что наступила минута, когда она без всякого риска может взять револьвер из тайника и положить его в жакет, принадлежащий мадам. Но на этот раз она просчиталась.

Фредерика вздрогнула.

— Нет, все-таки я не жалею, что дала ей часы.

— И правильно, мадам.

Она бросила на него быстрый взгляд.

— Вы и об этом знаете?

— А как же Эллен? — вмешался я. — Знала она о чем-нибудь или догадывалась?

— Ни о чем. Мы с нею беседовали. Она решила остаться в доме, так как, по ее собственным словам, почувствовала что-то неладное. По-видимому, Ник слишком усердно уговаривала ее пойти поглядеть на фейерверк: Эллен догадалась о неприязни, которую Ник питала к мадам. Как она сама говорила мне, она «нутром чуяла недоброе». Правда, она думала, что несчастье случится с мадам. Уж кому-кому, а ей-то отлично был известен нрав ее хозяйки, этой «шалой девчонки», как она ее называла.

— Ну что же, — тихо сказала Фредерика. — Пусть будет так. Шалая девчонка. Такой она для нас и останется...

Чарльз Вайз резко выпрямился на стуле.

— Неприятная, крайне неприятная история, — заметил он вполголоса. — Придется, наверное, позаботиться о защитнике.

— Мне кажется, в этом не будет необходимости, — тихо ответил Пуаро. — Если, конечно, я не ошибся в своих предположениях.

Он неожиданно повернулся к Челленджеру.

— Ведь вы именно там прячете свой товар, в дамских часиках, верно?

— Я... я, — запинаясь, пробормотал моряк. Он совершенно растерялся.

— Только не старайтесь одурачить меня своими сердечными манерами и видом рубахи-парня. Если вы провели Гастингса, то со мной это вам не удастся. Между прочим, это дело, я имею в виду торговлю наркотиками, оно и в самом деле оказалось прибыльным?

— Мосье Пуаро!

Челленджер встал со стула.

Мой друг безмятежно взирал на него снизу.

— Ведь вы и есть тот услужливый «приятель». Отрицайте это, если вам угодно. Но вот вам мой совет: если вы не хотите иметь дело с полицией, вам лучше исчезнуть.

И, к моему глубочайшему изумлению, Челленджер так и сделал. Его как ветром сдуло.

Пуаро рассмеялся.

— Я говорил вам, ваш инстинкт всегда вас подводит.

— Так кокаин... его прятали в часах? — начал я.

— Конечно же. Поэтому-то мадемуазель Ник и удалось так легко пронести его в больницу. А так как свой запас она израсходовала на конфеты, то она попросила у мадам ее часики с не тронутой еще порцией.

— Вы хотите сказать, что она не может без него обойтись?

— Нет, нет, она не наркоманка. Так иногда, забавы ради. Однако на этот раз у нее была другая цель. На этот раз доза будет вполне достаточной.

У меня перехватило дыхание.

— Неужели?..

— Да, для нее это лучший выход. Лучше уж это, чем веревка палача. Но тсс! Не надо говорить об этом при мосье Вайзе, ибо для него законность и порядок превыше всего. Формально я ничего об этом не знаю.

— Мне пора, — проговорил Чарльз Вайз и вышел с видом холодного неодобрения.

Пуаро взглянул на Фредерику, потом на Лазаруса.

— Значит, вы собираетесь пожениться, а?

— И как можно скорее.

— Поверьте мне, мосье Пуаро, — заговорила Фредерика, — я вовсе не такая кокаинистка, как вы считаете. Я уже свела свою порцию до крошечной дозы. А сейчас, когда меня ждет счастье, смогу, наверное, и вовсе обойтись без... часов.

— Надеюсь, что вы будете счастливы, мадам, — мягко сказал Пуаро. — Вам пришлось многое пережить. Но, несмотря ни на что, вы сохранили доброе, отзывчивое сердце.

— Я постараюсь, чтобы Фредерике было хорошо, — сказал Лазарус. — Дела у меня далеко не блестящи, но я надеюсь выкарабкаться. А нет — Фредерика согласна и на бедность... вдвоем со мной.

Фредерика улыбнулась и кивнула головой.

— Однако уже поздно, — сказал Пуаро, взглянув на часы.

Мы встали.

— Странный мы с вами провели вечер в этом странном доме, — продолжал Пуаро. — Эллен была права, когда назвала его «недобрый дом».

Он посмотрел на портрет старого сэра Николаса. Потом вдруг взял Лазаруса за руку и отвел в сторону.

— Прошу прощения, — сказал он. — Из всех моих вопросов один все же остался без ответа. Скажите, почему вы предложили за эту картину пятьдесят фунтов? Я был бы очень рад узнать это, потому что, понимаете... приятно, когда выяснено все до конца.

Некоторое время Лазарус смотрел на моего друга, сохраняя на лице бесстрастное выражение. Потом вдруг улыбнулся.

— Видите ли, мосье Пуаро, — сказал он. — Я делец.

— Именно так.

— Картина стоит двадцать фунтов, и ни пенни больше. Я знал, что если предложу Ник пятьдесят, она тут же заподозрит, что я даю ей слишком мало, и позовет оценщика. Тот, конечно, скажет, что я предложил намного больше, чем она стоит. В следующий раз, когда я снова предложу ей продать мне какую-нибудь картину, она уже не станет меня проверять.

— Ну и?..

— Картина, которая висит на противоположной стене, стоит не меньше пяти тысяч фунтов, — сухо ответил Лазарус.

— О! — Пуаро с облегчением вздохнул.

— Ну, а теперь я знаю все, — сказал он радостно.

Конец

Сокращенный перевод с английского Е. КОРОТКОВОЙ

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

ГРЭМ ГРИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Убийство ничего не значило для Рэвена. Это была его работа. Просто надо быть осторожным. Надо шевелить мозгами. Ненависть тут ни при чем. Он видел министра только однажды: Рэвену показали его, когда тот шел по новому жилому району, украшенному маленькими рождественскими елками, старый, довольно неопрятный человек, у которого не было друзей, но про него говорили, что он любит человечество.

Холодный ветер резал лицо. Это был хороший предлог для того, чтобы поднять воротник пальто и прикрыть им рот. Заячья губа — серьезный недостаток в его профессии: ее плохо зашили в детстве, и с тех пор она изуродована шрамом. Когда у тебя на лице особая примета, приходится быть жестоким. Рэвен с первого раза был вынужден уничтожать все улики.

Он нес портфель и был похож на других молодых людей, возвращающихся домой со службы. Он спокойно шел по улице, как и сотни похожих на него людей. Проехал трамвай, окна его светились в ранних сумерках. Он на него не сел. Вы бы сказали про Рэвена — экономный молодой человек, бережет деньги для дома. Может быть, он идет на свидание. Но у Рэвена никогда не было девушки. В этом была виновата заячья губа. Еще в молодости он узнал, как отталкивающе она выглядит.

Рэвен вошел в один из высоких серых домов и поднялся по лестнице. На последнем этаже он поставил на пол портфель и надел перчатки. Потом вынул из кармана кусачки и перерезал телефонный провод над дверью. Потом позвонил.

Он надеялся, что министр один. Маленькая квартира была домом социалиста: он жил одиноко, бедно и пусто. Рэвену сказали, что его секретарша уходила в половине седьмого: министр был внимателен к своим подчиненным. Дверь открыла пожилая женщина в пенсне. Она была в шляпе, и пальто висело у нее через руку. Она собиралась уходить и не дала ему раскрыть рта, сказав по-немецки: «Министр занят».

Он не хотел ее убивать не потому, что убийство что-нибудь значило для него, а потому, что хозяева могли быть недовольны, если бы он сделал больше, чем приказано.

Он молча протянул рекомендательное письмо. До тех пор пока она не слышала его иностранного акцента или не видела заячьей губы, она была в безопасности. Она взяла письмо и поднесла к пенсне. «Хорошо, — подумал он, — она близорука».

— Стойте здесь, — сказала женщина и ушла назад по коридору.

Он слышал, как она говорила что-то тоном недовольной гувернантки, затем она снова показалась в коридоре, говоря:

— Министр примет вас. Следуйте за мной.

Он не знал языка, но понял все по ее поведению.

Приключенческий роман английского писателя Грэма Грина «Наемный убийца» будет печататься в 10—12 номерах этого и в 1—2 номерах 1966 года.

Его глаза, как маленькие потайные камеры, немедленно сфотографировали комнату: письменный стол, кресло, карту на стене, дверь в спальню, широкое окно, выходящее на яркую и холодную рождественскую улицу. Комната обогревалась маленькой керосиновой печкой, и сейчас министр кипятил на ней воду в кастрюльке. Кухонный будильник на письменном столе показывал семь.

— Эмма, положите еще одно яйцо в кастрюльку, — послышался голос.

Министр вышел из спальни. Он был стар, тщедушен и неопрятен. Секретарша вынула яйцо из ящика стола.

— И соль, не забудьте соль, — сказал министр и объяснил на плохом английском: — Тогда скорлупа не лопнет. Садитесь, мой друг. Чувствуйте себя как дома. Эмма, вы можете идти.

Рэвен сел, глядя на грудь министру. Он думал: я ей дам три минуты, чтобы она отошла подальше. Он продолжал смотреть на грудь министру: сюда я выстрелю. Он опустил воротник пальто и с горькой яростью увидел, как старик отвернулся.

— Он мне несколько лет не писал. Но я его не забыл. Нет, не забыл. Я могу показать вам его фотографию. Очень приятно, что он вспомнил о старом друге. Тем более он стал таким богатым и могущественным. Вы обязательно спросите его, когда вернетесь, помнит ли он то время, когда... — рассказывал министр.

Резко зазвенел звонок.

Рэвен подумал: «Телефон? Я перерезал провод». Его нервы напряглись. Но это был всего-навсего будильник. Министр выключил его.

— Одно яйцо сварилось, — сказал он и нагнулся над кастрюлькой.

Рэвен открыл портфель. В клапане был укреплен пистолет с глушителем.

— Прошу прощения за то, что будильник вас так испугал. Понимаете, я люблю, чтобы яйца варились ровно четыре минуты, — сказал министр.

В коридоре застучали шаги. Дверь открылась. Рэвен яростно обернулся. Его заячья губа покраснела. Это была секретарша. Он подумал: боже мой, что за дом; не дадут человеку сделать свое дело спокойно. Он забыл о своей губе, он был зол.

— Я уже уходила, когда услышала телефон, — сказала она.

Потом она слегка поморщилась и отвернулась, высказывая неловкую деликатность по отношению к его уродству. Этим она приговорила себя к смерти. Он выхватил пистолет из портфеля и дважды выстрелил в спину министра.

Министр упал на керосиновую печку. Кастрюлька опрокинулась, и яйца разбились об пол. Рэвен, перегнувшись через стол, выстрелил еще раз в голову для верности, загнав пулю в основание черепа, разламывая его как фарфоровую куклу. Затем он обернулся к секретарше. Она застонала, глядя на него; она ничего не могла сказать: старческий рот не мог удержать слюну. Он решил, что она молит о пощаде. Рэвен снова нажал курок, она пошатнулась, как будто ее толкнули в бок. Но он просчитался. Ее немодное платье, складки ненужного материала, в котором она скрывала свое тело, ввели его в заблуждение. И она была крепка, так

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Мне есть за что вас пристрелить. Рассказали о моей заячьей губе. Почему вы не могли играть честно?

крепка, что он глазам не поверил. Она была за дверью и захлопнула ее за собой раньше, чем он успел выстрелить снова.

Но она не смогла запереть ее. Ключ остался на его стороне. Он повернул ручку и нажал на дверь. Пожилая женщина оказалась удивительно сильной. Дверь поддалась только на два дюйма. Она начала кричать, повторяя какое-то слово.

Времени терять было нельзя. Он отступил от двери и выстрелил в деревянную панель. Он услышал, как упало и разбилось пенсне. Еще раз раздался высокий крик, и все смолкло. Казалось, она всхлипывает. Это воздух выходил сквозь ее рану. Рэвен был удовлетворен. Он повернулся к министру.

Он должен был оставить одну улику, другую убрать. Рекомендательное письмо лежало на столе. Он положил его в карман и всунул между застывшими пальцами министра кусочек бумаги. Рэвен был нелюбопытен; он только взглянул на рекомендательное письмо, но подпись ничего ему не говорила. Он оглядел пустую комнату, чтобы проверить, не упустил ли чего-нибудь.

2

Они сидели рядом. Опускались сумерки. Светлая маленькая дымная клетка несла их над улицами. Автобус скатился к Хаммерсмиту. Окна магазинов поблескивали как льдинки.

— Погляди, — сказала она, — снег идет.

Когда они переезжали мост, несколько больших хлопьев проплыли за окном, падая как клочки бумаги в темную Темзу.

— Я счастлив, пока мы вместе, — сказал он.

— Мы завтра увидимся, Джимми. — Она всегда колебалась перед тем, как назвать его по имени. Это было глупое имя для человека такого размера и веса.

Она засмеялась, но немедленно посерьезнела.

— Я тоже счастлива.

Она всегда бережно относилась к счастью, она предпочитала смеяться, когда была несчастна. Она не могла не относиться серьезно к вещам, которые ее затрагивали, и счастье делало ее мрачной при мысли обо всем том, что может его разрушить.

— Как было бы ужасно, если бы сейчас была война, — произнесла она.

— Войны не будет.

— Прошлая началась с убийства.

— Там был эрцгерцог. А этот просто старый политик.

— Осторожнее. Ты сломаешь пластинку... Джимми.

— Черт с ней, с пластинкой.

Она начала напевать модную мелодию: «Для тебя это только Кай», — и большие хлопья падали за окном, тая на мостовой. — «Подснежник, привезенный из Гренландии».

— Это глупая песня, — сказал он.

— Это очень милая песня... Джимми, — возразила она. — Нет, я просто не могу называть тебя Джимми. Ты не Джимми. Ты куда больше размером. Сержант-детектив Матер. Из-за тебя люди шутят по поводу ботинок полисменов.

— Может быть, тогда «дорогой»?

— Дорогой, дорогой, — попробовала она кончиком языка между губ, как вишню. — О нет. Я буду так называть тебя, когда мы будем уже десять лет женаты.

— Ну, а «милый»?

— Милый, милый... Нет, мне не нравится. Как будто я тебя знаю уже давным-давно.

Автобус поднялся на холм. Еще две улицы, и у церкви, шпиль которой, взметнувшийся над крышами как ледяная игла, уже был виден, автобус повернет налево. Чем ближе они подъезжали к дому, тем несчастнее она себя чувствовала, и чем ближе к дому, тем веселее она болтала. Она старалась ни о чем не думать. Отстающие обои, холодный ужин с миссис Брюэр, завтрашний разговор с антрепренером и, возможно, снова работа в провинции, далеко от него.

Матер сказал тяжело:

— Ты меня не любишь так, как я тебя люблю. Я тебя увижу только через двадцать четыре часа.

— И, может, позже, если я найду работу.

— Ты меня не любишь, просто не любишь.

Она схватила его за руку.

— Посмотри, посмотри на объявление.

Но оно исчезло раньше, чем он успел разглядеть его через запотевшее окно. «В Европе объявлена мобилизация», — легло камнем на ее сердце.

— Что там было?

— Снова об этом убийстве.

— Если бы это случилось здесь, мы бы его уже поймали.

— Интересно, почему он это сделал?

— Политика. Патриотизм.

— Ну вот мы и приехали. Не будь таким мрачным. Ты же говорил, что счастлив.

— Это было пять минут назад.

— О, — сказала она от всего своего легкого и тяжелого сердца, — в наши дни жизнь идет так быстро.

Они поцеловались под фонарем. Ей пришлось встать на цыпочки. Он внушал спокойствие, как большой пес, даже когда он был молчалив и туповат. Разве вы выгоните пса одного в такую темную и холодную ночь?

— Энн, — спросил он, — мы поженимся после рождества, правда?

— У нас ни пенни нету, — ответила она. — Ты же знаешь. Ни пенни... Джимми.

— Я получу повышение.

— Ты опоздаешь на дежурство.

— Черт с ним. Ты меня не любишь.

— Ни гроша, дорогой, — усмехнулась она и пошла по улице к дому № 54, молясь о том, чтобы достать денег. «Господи, пусть получится сейчас, на этот раз, быстро», — она совсем не верила в себя. Навстречу шел человек, ему было холодно и неуютно в черном пальто. У него была заячья губа. «Бедняга», — подумала она и забыла о нем, открыла дверь, поднялась к себе, поставила новую пластинку.

Человек с заячьей губой быстро шел по улице. Он не согревался от быстрой ходьбы. Как Кай в «Снежной королеве», он нес холод в себе. Хлопья продолжали падать, расплываясь в грязь на тротуаре, с освещенного окна на четвертом этаже падали слова песни. Человек не остановился. Он быстро шел по улице. Он чувствовал боль от кусочка льда в своей груди.

3

Рэвен сел за пустой столик в Корнер-хаузе. Он смотрел с отвращением на длинный список сладких холодных напитков, эскимо и ассорти, крем-брюле и шоколадного мороженого. Некто за соседним столом ел черный хлеб с маслом и запивал молоком. Он потупился под взглядом Рэвена и загородился газетой. Одно слово — «Ультиматум» — пересекало страницу.

Мистер Чолмонделей пробирался между столиками. Он был толст и носил изумрудное кольцо. Его широкое квадратное лицо опускалось складками на воротник. Он присел за столик Рэвена и сказал: «Добрый вечер».

— Я думал, вы никогда не придете, мистер Чолмон-де-лей, — сказал Рэвен, раздельно произнося каждый слог.

— Чамбли, мой дорогой, Чамбли, — поправил его мистер Чолмонделей.

— Неважно как произносится. Я не думаю, что это ваше настоящее имя.

— В конце концов я его выбрал, — сказал мистер Чолмонделей и принялся листать меню, а его кольцо засверкало отражением перевернутых люстр. — Как насчет пломбира?

— Странно есть лед в такую погоду. Вышли бы на улицу, если жарко. Я не хочу терять времени понапрасну, мистер Чолмонделей. Принесли деньги? У меня ни гроша.

— Они здесь неплохо готовят «Девичью мечту», уже не говоря об «Альпийском блеске» или о «Славе Никербокера», — сказал мистер Чолмонделей.

— У меня во рту ничего не было с самого Кале.

— Дайте письмо, — потребовал мистер Чолмонделей. Он сказал официантке: — Принесите «Альпийский блеск» и стакан кюммеля.

— Деньги! — бросил Рэвен.

— В этом бумажнике.

— Они все по пять фунтов!

— Нельзя же заплатить две сотни мелочью. И кроме того, это меня не касается, — ответил мистер Чолмонделей. — Я только агент.

Его взгляд смягчился, когда он увидел малиновый пломбир на соседнем столике. Он с жаром признался Рэвену: «Я сладкоежка».

— Вы не хотите узнать, как все было? — спросил Рэвен. — Старуху...

— Что вы, что вы, — запротестовал Чолмонделей. — Я ничего не хочу слышать. Я только агент. Я не несу никакой ответственности. Мои клиенты...

— Неплохо вы их называете, — Рэвен презрительно сморщил заячью губу.

— Ну, скоро ли принесут мой пломбир? — пожаловался мистер Чолмонделей. — Мои клиенты замечательные люди. Это акты насилия... они рассматривают их как войну.

— А меня и старика... — начал Рэвен.

— В первой траншее, — он мягко засмеялся собственной шутке.

Большое белое лицо мистера Чолмонделея было похоже на экран, на котором можно показывать гротескные картины: кролика, человека с рогами. Маленькие глазки заблестели от удовольствия при виде мороженого, принесенного в высоком бокале.

— Вы очень хорошо поработали. Очень аккуратно. Они очень вами довольны. Теперь вы сможете как следует отдохнуть. — Он был толст, он был вульгарен, он был фальшив, но он производил впечатление большой силы. Мороженое капало у него

изо рта. Он был олицетворением благополучия, он был одним из тех, кому принадлежат вещи, а Рэвену принадлежали только содержимое его бумажника, одежда, в которой он поднялся из-за стола, его заячья губа, его пистолет, который ему следовало бы оставить в том доме.

— Я пошел, — сказал Рэвен.

— Прощайте, мой дорогой, прощайте, — ответил мистер Чолмонделей, посасывая мороженое через соломинку.

Рэвен встал и вышел. Темный, тонкий, созданный для разрушения. Он чувствовал себя неловко среди маленьких столиков, среди ярких фруктовых напитков.

Он вышел на площадь и пошел по Шафтесбюриавеню. Окна магазинов были украшены ветками и бутафорскими рождественскими вишнями. Он сжал кулаки в карманах. Его бесила их сентиментальность. Он прижал лицо к витрине магазина и молча глазел через стекло.

Что-то вроде затаенной жестокости завлекло его в магазин. Он открыл заячью губу, чтобы ее могла видеть девушка, подошедшая к нему. Он сделал это с таким же удовольствием, с каким разрядил бы пулемет в картинной галерее.

— Вот то платье на витрине. Сколько?

— Пять гиней, — ответила продавщица. Она не добавила «сэр». Его губа была клеймом класса. Губа говорила о бедности родителей, которые не смогли нанять хорошего хирурга.

— Платье ничего, а? — сказал он.

— Оно пользуется большим успехом, — прошелестела она изысканно.

— Мягкое, тонкое. О таком платье надо заботиться, правда? Сшито для какой-нибудь красивой и богатой?

— Это модель.

Она лгала без интереса. Она знала, как дешева и вульгарна эта лавка.

— В ней чувствуется класс, да?

— О да, — согласилась она.

— Хорошо, — сказал он. — Я дам вам за него пять фунтов. Он вынул банкнот из бумажника мистера Чолмонделея.

— Завернуть?

— Нет, — сказал он и ухмыльнулся изуродованной губой. — За ним зайдет девушка. Понимаете, девушка — высший класс. Так это лучшее платье у вас?

И когда она кивнула, пряча деньги, он добавил:

— Тогда оно как раз для Элис.

И снова вышел на улицу, излив часть своего презрения, и завернул за угол в немецкое кафе, у хозяина которого снимал комнату. Здесь его ждал сюрприз — маленькая елочка в горшке, украшенная цветными стекляшками и блестками. Он спросил старика, хозяина кафе:

— Вы верите в это? В эту чепуху?

— Неужели снова война будет? — спросил старик. — Так ужасно читать об этом. Я видел одну войну.

— Ненавижу сантименты.

— Ну что же, — сказал старик, — это полезно для дела.

Он поднялся к себе в комнату. Ее не убирали. В тазу была грязная вода, и кувшин был пуст. Он вспомнил, как толстяк говорил: «Чамбли, мой дорогой, Чамбли». Надо произносить «Чамбли», и яростно закричал, перегнувшись через перила:

— Элис!

Она вышла из соседней комнаты — одно плечо выше другого, пряди светлых крашеных волос спадают на лицо.

— Кричать-то зачем? — спросила она.

— Здесь свинюшник, — разозлился он. — Нельзя ко мне так относиться. Пойди и все вычисти.

Он ударил ее по голове, и она отпрянула, не смея сказать ничего — кроме: «Ты за кого себя принимаешь?»

— Нельзя же заплатить две сотни мелочью. И кроме того, это меня не касается, — ответил мистер Чолмонделей. — Я только агент.

— Давай, давай, скотина горбатая. — И засмеялся, когда она склонилась над постелью: — Я купил тебе рождественское платье, Элис. Вот чек. Пойди и получи. Красивое платье. Оно тебе подойдет.

— Думаешь, смешно? — сказала она.

— Беги, Элис, а то лавка закроется.

Но она отыгралась, крикнув снизу:

— Я не хуже тебя с твоей рваной губой.

Все в доме могли ее слышать, и старик в кафе,

и его жена в спальне, и клиенты у стойки. Он представил себе, как они ухмыляются: «Давай, Элис. Ну и парочка вы с ним». Он не то чтобы действительно страдал. Он впитывал в себя яд каплю за каплей, с самого детства, он вряд ли чувствовал его горечь сейчас.

Пора ужинать, сказал он себе. С его деньгами он мог пойти куда хотел. Он мог шикарно поесть с бизнесменами у Чимпсона.

Когда он спустился к автомату в темном углу под лестницей, он услышал свое имя.

Старик говорил:

— Он всегда живет здесь. Он уезжал.

— Ну-ка, — сказал незнакомый голос, — как тебя, Элис, покажи мне его комнату. Присматривай за дверью, Сондерс.

Рэвен опустился на колени в телефонной будке. Дверь была приоткрыта, потому что он не любил чувствовать себя запертым. Он не мог выглянуть, однако ему и не нужно было выглядывать, чтобы узнать обладателя голоса. Полиция, штатские из Скотланд-ярда. Человек прошел так близко, что дверь будки вибрировала от его шагов. Затем он снова спустился.

— Там никого нет. Он взял шляпу и пальто. Наверно, ушел.

— Должно быть, — согласился старик. — Он мягко ходит. Он увертливый.

— Какой он из себя? — спросил незнакомец.

Старик и девушка сказали одновременно:

— Заячья губа.

— Это полезно, — сказал детектив. — Ничего не трогайте у него в комнате. Я пришлю человека снять отпечатки пальцев. Как он себя вел?

Рэвену было слышно каждое слово. Он не мог представить, что им было нужно. Он знал, что не оставил никаких улик: он был не из тех, кто попусту утешает себя, он знал. Картина той комнаты и квартиры хранилась у него в мозгу и была такой ясной, будто он носил с собой фотографию. У них ничего против него не было. Правда, он вопреки приказу сохранил пистолет. Пистолет был при нем, он чувствовал его под мышкой. Если бы у них были улики, они взяли бы его еще в Дувре. Он прислушивался к голосам с тупой злостью, ему хотелось есть, он толком не ел уже целые сутки, а с двумя сотнями фунтов в кармане он мог купить все.

— Я бы его не стал держать в доме, — сказал старик. — Но он платит. Вы не можете выгнать того, кто платит. Особенно в наши дни.

— У него есть друзья?

— Не смешите меня, — ответила Элис. — У него — и друзья. А что он будет делать с друзьями?

— Ты зла на него? Что он такого тебе сделал? Он же собирался подарить тебе платье, не так ли?

— Это его грязная шутка.

— И все-таки ты хотела взять его.

— И не подумала. Неужели я от него взяла бы подарок? Я собиралась отдать платье обратно в магазин и деньги ему показать. То-то было бы смеху.

Он подумал с горьким интересом: «Они меня ненавидят. Если они откроют дверь, я всех перестреляю».

— Я поставлю человека на той стороне улицы, — послышался голос незнакомца, — подмигните ему, если этот парень придет.

Дверь в кафе закрылась.

— О, — сказал старик, — хотел бы я, чтобы моя жена все это слышала. Она бы и за десять шиллингов не отказалась от такого зрелища.

— Я позвоню ей, — предложила Элис. — Она у Мейсонов. Она сразу прибежит и приведет миссис Мейсон. Пусть тоже повеселятся. Еще на прошлой неделе миссис Мейсон говорила, что его морду видеть больше в своей лавке не хочет.

— Правильно, будь любезна, Элис, позвони ей.

Рэвен вытянул руку вверх и вывинтил лампочку из патрона. Встал и прижался к стене будки. Элис открыла дверь и захлопнула себя вместе с ним. Он закрыл ей ладонью рот, прежде чем она успела вскрикнуть.

— Не клади монету. Если положишь — застрелю, — сказал он. — Подними трубку. Притворись, будто ты разговариваешь со старухой. Давай. Мне плевать, если я тебя застрелю. Говори: «Добрый вечер, фрау Гренер».

— Добрый вечер, фрау Гренер.

— Теперь все по порядку.

— Они ищут Рэвена.

— Почему?

— За пять фунтов. Они ждут в лавке.

— Что это значит?

— У них номер записан. Эти деньги краденые.

Его обма́нули — мозг работал с механической аккуратностью, словно счетная машина. Ей только дай цифры, а она уж ответит. Он был во власти глубокого гнева. Если бы в будке с ним оказался мистер Чолмонделей, он бы его пристрелил, и плевать ему.

— Откуда украдены?

— Сам знаешь.

— Без лишних слов. Откуда?

Он даже не знал, кто нанял мистера Чолмонделея. Ясно, что случилось. Они ему не доверяли. Они так устроили, чтобы убрать его. По улице бежал газетчик и кричал: «Ультиматум! Ультиматум!» Его мозг зарегистрировал этот факт, но не больше.

Казалось, это не имело к нему никакого отношения. Он повторил:

— Откуда?

— Я не знаю. Я не помню.

Прижав пистолет к ее боку, он стал умолять ее:

— Вспомни, а? Это важно. Я этого не делал.

— Еще бы, не делал, — сказала она со злостью в молчащую трубку.

— Элис! — закричал старик из кафе. — Она придет?

— Я дам тебе десять фунтов.

— Твоих-то? Нет уж, спасибо, мистер Щедрый.

— Элис! — снова крикнул старик.

Они услышали, как он идет по коридору.

— Ради справедливости! — сказал он с отчаянием, вдавливая пистолет ей между ребер.

— Ты бы помолчал насчет справедливости, — ответила она. — Обращался со мной, как в тюрьме. Бил меня, когда хотел. Пепел по всему полу разбрасывал. С меня хватит. Помолчал бы насчет справедливости.

Он забыл о старике. Тот открыл дверь.

Рэвен прошептал из темноты:

— Ни слова, или я тебя прикончу.

Теперь оба стояли перед ним.

Он сказал:

— Поймите. Они меня не поймают. Я в тюрьму не пойду. И мне плевать, если я кого-нибудь из вас пришью. Мне все равно, если меня повесят. Моего отца повесили... и ему неплохо... Идите вперед, в мою комнату! Кто-то за это окажется в аду.

Он поднялся с ними и запер дверь. Какой-то клиент звонил в дверь кафе. Он обернулся к ним.

— Мне есть за что вас пристрелить. Рассказали им о моей заячьей губе. Почему вы не могли играть честно?

Он подошел к окну. Он знал, что оттуда легко спуститься. Поэтому он и выбрал эту комнату.

4

Энн Кроудер ходила по маленькой комнате, завернувшись в тяжелое пальто. Она не хотела тратить шиллинг на газовый счетчик, потому что до утра ей не истратить газа на шиллинг. Она говорила себе: мне повезло, что я достала эту работу, я счастлива, что уезжаю работать. Но она не могла себя убедить. Было восемь. У них останется четыре часа до полуночи. Ей придется обмануть его и сказать, что она едет с утренним, девятичасовым, иначе он отошлет ее спать пораньше. Он такой. Никакой романтики. Она улыбнулась нежно и подышала на пальцы.

Зазвенел телефон на первом этаже. Она подумала, что это дверной звонок, и побежала к зеркалу. Стеклянный мутный шар светил тускло, и она не была уверена, что ее косметика хороша для сияния танцевального зала «Астория». Она начала краситься снова: если она будет бледной, он заставит ее раньше вернуться домой.

Хозяйка просунула голову в дверь и сказала:

— Это ваш джентльмен. Звонит по телефону.

— Звонит по телефону?

— Да, — сказала хозяйка, настраиваясь на долгий разговор. — Он так спешит. Я бы сказала, он просто в нетерпении. Чуть не облаял меня, когда я пожелала ему доброго вечера.

— О, — сказала она в отчаянии, — он всегда так. Не обращайте на это внимания.

— Я полагаю, он хочет отменить свидание, — продолжала хозяйка. — Так всегда бывает. Вам, девушкам, которым приходится много ездить, никогда не везет.

Она бросилась вниз по ступенькам. Ей было все равно, если кто-нибудь увидит, как она спешит.

— Это ты, дорогой? — спросила она. Всегда что-нибудь случалось с их телефоном. Она услышала его голос, рычащий в самое ухо, так, что с трудом поняла, что это он.

— Тысячу лет не подходила. Это телефон-автомат. Я потратил все пенсы. Послушай, Энн, я не смогу приехать. Извини. Это работа. Мы ищем того человека, который ограбил сейф, помнишь, я тебе о нем говорил? Я буду всю ночь занят. Мы проследили один из банкнотов, — его голос возбужденно бился в трубке.

— Ничего, ничего, дорогой, — ответила она, но не смогла сдержаться и добавила: — Джимми, я тебя долго теперь не увижу. Несколько недель.

— Плохо дело. Дай подумаю... Послушай. Не езди ты к раннему поезду, какой смысл? А девятичасового нет. Я смотрел расписание, — сказал он.

— Я знаю. Я сказала...

— Лучше поезжай на ночь. Тогда сможешь отдохнуть перед репетицией. В полночь с Юстона.

— Но я еще не собралась.

Он не обратил внимания на ее слова. Он больше всего любил планировать и принимать решения.

— Если я окажусь рядом с вокзалом, я постараюсь... — продолжал он.

— Ваши две минуты истекли.

— Черт возьми, кончилась мелочь. Дорогая, я тебя люблю, — сказал он.

Она поднялась по лестнице. Она не плакала, ей казалось, будто кто-то умер и оставил ее одну, испуганную, боящуюся новых лиц, новой работы, грубых провинциальных шуток, парней, таких молодых, боящихся самих себя, боящихся того, что они не могут вспомнить, как это хорошо — быть любимым.

5

Часы на вокзале показывали без трех минут полночь.

Контролер у загородки сказал:

— Свободные места впереди.

— Меня провожает друг, — объясняла Энн Кроудер. — Можно мне сесть с этого конца, а когда мы поедем, я перейду вперед.

— Они заперли двери.

Она в отчаянии оглянулась. Выключали свет в буфете: с этой платформы больше не будет поездов.

— Поторопитесь, мисс.

Заголовок в вечерней газете не давал ей покоя. Она подумала, что война может начаться раньше, чем они встретятся снова. «Он пойдет на войну, он всегда делал все как другие», — сказала она себе в раздражении, но тут же подумала, что любила в нем именно эту надежность. Она хотела, чтобы ее мужчина был обыкновенным, она хотела знать заранее, что он скажет.

Она бежала мимо вереницы освещенных фонарями лиц. Поезд был полон, настолько полон, что в вагонах первого класса можно было увидеть робких, странных людей, которые чувствовали себя неловко в глубоких креслах, которые опасались, что контролер выгонит их. Она отказалась от мысли найти вагон третьего класса, открыла дверь, бросила «Женщину и красоту» на единственное свободное место и пробилась к окну, переступая через ноги и высовывающиеся из-под сидений чемоданы. Паровоз разводил пары, дым несся над платформой, и трудно было разглядеть что-нибудь за барьером.

Кто-то потянул ее за рукав.

— Простите, — сказал толстый человек. — Я хотел бы купить шоколаду.

— Одну минутку, пожалуйста. Меня провожают, — попросила она.

— Его нет. Уже поздно. Вы не имеете права монополизировать окно. Я хочу купить шоколаду. — Он оттолкнул ее и помахал рукой с изумрудным кольцом. Она старалась увидеть барьер через его плечо, но он заслонил почти все окно.

— Мальчик! Мальчик! — кричал он, размахивая изумрудным кольцом. — Какой у тебя шоколад? Что-нибудь послаще.

Вдруг в щель она увидела Матера. Он уже миновал барьер и шел вдоль поезда, разыскивая ее, заглядывая в вагоны третьего класса, пробегая мимо первого класса. Она взмолилась:

— Пожалуйста, пропустите меня. Я вижу друга.

— Один момент. Один момент. А у вас есть «Нестл»? Дайте мне плитку на шиллинг.

— Пожалуйста, пустите меня.

— У вас нет денег помельче, — спросил мальчик, — чем десять шиллингов?

Матер прошел мимо. Она стучала в окно, но он не услышал среди свистков, стука колес тележек, провозивших последние чемоданы и тюки в багажный вагон. Двери захлопнулись, раздался свисток, и поезд тронулся.

— Пожалуйста, пожалуйста...

Без двух минут двенадцать Рэвен побежал вперед. Паровозный дым мчался над платформой ему навстречу.

— Должен же я получить сдачу, — протестовал толстяк. А мальчик бежал рядом с вагоном, считая шиллинги на ладони. Когда она пробилась к окну и высунулась наружу, поезд уже проехал платформу, и она разглядела маленькую фигурку на конце асфальтовой дорожки.

Пожилая женщина сказала:

— Нельзя так высовываться. Это опасно.

Она возвращалась на свое место на цыпочках, чувствуя общее недоброжелательство. Каждый думал: «Ей не место в этом вагоне. Какой смысл нам платить за первый класс...» Нет, она не заплачет, она чувствовала, что избитые поговорки, которые пришли в голову, — о том, что, снявши голову, по волосам не плачут, о том, что слезами горю не поможешь, все обойдется — не помогают. Все-таки она заметила с неприязнью, что на ярлычке, свисавшем с чемодана толстяка, было написано название того же города, куда ехала и она, — Ноттвич. Толстяк сидел напротив с «Ивнинг ньюс», «Пассинг Шоу», «Файненшиал таймс» на коленях и жевал сладкий молочный шоколад.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Рэвен шел по Оксфорд-стрит, прижимая ко рту носовой платок. Это было опасно, но не так опасно, как показывать заячью губу.

Он многого не понимал. Не понимал этой войны, о которой все они говорят, не понимал, почему его обманули. Он хотел найти Чолмонделея. Сам Чолмонделей ничего не значил, но он выполнял приказ, и, если найти Чолмонделея, можно выжать из него... Он был загнан, замучен, одинок, он нес в себе чувство большой несправедливости и странной гордости; спускаясь по Чаринг Кросс-роуд, мимо музыкальных магазинов, он переполнялся ею: в конце концов не всякий может, как он, заварить войну.

Он не знал, где живет Чолмонделей, и единственным ключом был явочный адрес. Ему пришло в голову, что если он проследит за лавчонкой, куда он посылал письма Чолмонделею, то сможет его увидеть. Очень малый шанс, но Чолмонделей, очевидно, захочет исчезнуть на время и потом зайдет проверить, нет ли ему писем. Все зависело от того, использовал ли он этот адрес для других писем или только для писем Рэвена.

Лавка стояла в переулке напротив театра. Она состояла из одной комнатушки. Там продавались открытки из Парижа в заклеенных конвертах, американские и французские журналы.

За лавкой было трудно следить. Женщина-полисмен стояла на углу и поглядывала на проституток, а напротив тянулась глухая стена театра с единственным входом на балкон.

«У стены ты был бы виден как муха на обоях, кроме того случая, — подумал он, ожидая, пока зажжется зеленый свет и можно будет перейти улицу, — кроме того случая, когда пьеса пользуется успехом».

И она пользовалась успехом. Несмотря на то, что дверь на балкон откроется только через час, у стены стояла длинная очередь. Рэвен собрал последнюю мелочь, арендовал складной стул и сел. Лавка была напротив. Рэвен следил, прижав носовой платок ко рту. Он видел, как парень остановился перед витриной, посмотрел с вожделением на «Соблазны Парижа» и поспешил дальше; видел, как старик зашел в лавку и вышел со свертком.

К углу подъехало такси, и из него вышел мужчина. Это был Чолмонделей. Он вошел в лавку. Рэвен пересчитал деньги. У него было два шиллинга и шесть пенсов и сто девяносто пять фунтов краденых денег, на которые он ничего не мог купить.

На другой стороне улицы была стоянка такси. Он ждал до тех пор, пока не вышел Чолмонделей.

— Следуйте за тем такси, — сказал он и откинулся на сиденье с чувством облегчения. Машина ехала по Чаринг Кросс-роуд, Тотенхэм Корт-роуд, Юстон-роуд, где была велосипедная стоянка и где торговцы подержанными автомобилями с того конца Грейт Портленд-стрит выпивали по маленькой, прежде чем разойтись по своим квартирам. Он не привык, чтобы за ним охотились. Так было лучше — охотиться самому.

Счетчик тоже его не подвел. У него еще оставался шиллинг, когда мистер Чолмонделей проследовал мимо Юстонского памятника жертвам войны к громадному дымному входу в вокзал. Рэвен быстро сунул шиллинг шоферу. У него ничего не было, кроме ста девяноста пяти фунтов, на которые он не мог купить даже сандвича. Мистер Чолмонделей прошел, сопровождаемый двумя носильщиками, к багажному отделению и сдал там три чемодана, портативную пишущую машинку, сумку с клюшками для гольфа, маленький портфель и шляпную коробку. Рэвен слышал, как он спросил, с какой платформы уходит двенадцатичасовой поезд.

Рэвен сел в громадном зале рядом с моделью «Ракеты» Стефенсона[1]. Ему надо было подумать. В полночь отходил только один поезд. Если Чолмонделей ехал, чтобы доложить, значит его хозяева находятся где-то на дымном промышленном севере, так как поезд шел без остановок до Ноттвича. Номера банкнотов были уже везде известны. Кассиры в билетных кассах наверняка их получили.

Понемногу, пока он сидел под «Ракетой» среди узлов и оберток от сандвичей, в голове Рэвена формировался план. Возможно, кондуктора на поездах не получили номеров. О них могли позабыть. Конечно, оставалась опасность, что банкнот укажет потом, что он был в поезде, уходящем на север. Последует погоня, но она задержится примерно на полдня, а за это время он сможет подобраться поближе к своей жертве. Рэвен никогда не мог понять других людей. Они, как ему казалось, жили совсем не так, как он. И несмотря на то, что он был зол на мистера Чолмонделея, ненавидел его достаточно, чтобы убить, он не мог представить себе его страхов и причин его поступков. Он был борзой, а мистер Чолмонделей только механическим зайцем; но в данном случае и за борзой охотился еще один механический заяц.

Он был голоден, но он не мог рисковать, разменивая банкнот. У него не было медяшки для того, чтобы пройти в уборную. Через некоторое время он поднялся и, чтобы согреться, пошел по вокзалу. В одиннадцать тридцать он увидел, как мистер Чолмонделей получил свой багаж, миновал барьер и пошел вдоль освещенного поезда.

Без двух минут двенадцать Рэвен побежал вперед. Паровозный дым мчался над платформой ему навстречу. Он сказал контролеру у барьера:

— Я не успел купить билет. Заплачу в поезде. — И бросился к первому классу.

Вагоны были уже заперты и полны. Носильщик крикнул ему, чтобы он бежал дальше. И он побежал. Он успел только-только. Он не смог найти места и стоял в коридоре, прижав лицо к стеклу, чтобы скрыть заячью губу, глядя, как Лондон проплывает и исчезает из глаз. Зажженный семафор, освещенная будка стрелочника, длинная вереница черных домов на фоне усеянного холодными звездами неба... Он наблюдал, потому что ему больше ничего не оставалось делать, чтобы скрыть губу; наблюдал, как человек, который смотрит в последний раз на то, что он так любил.

2

Матер шел обратно по платформе. Он был расстроен, но в конце концов это не так важно: он увидит Энн через несколько недель. Это не значило, что его любовь была меньше ее любви, но просто его мозг стоял на более надежном якоре. Он на службе. Он трудится, чтобы избавить людей от преступлений. Его могут повысить, и они поженятся. И он перестал думать о девушке.

---

[1] «Ракета» — первый паровоз, построенный английским изобретателем Стефенсоном. (*Прим. переводчика.*)

Сондерс ждал по другую сторону барьера. Матер сказал:

— Поехали.

Они поехали на юго-восток, к Кеннингтону.

Динамик в машине произнес:

«Полицейским машинам проследовать в район Кингз Кросс для интенсивных поисков. Рэвен отправился к вокзалу Юстон в семь вечера. Мог не уехать поездом».

Матер наклонился к шоферу.

— Поверните назад к Юстону.

Горел свет на башне Вестминстера. Парламент заседал всю ночь, и оппозиция проигрывала битву против мобилизации.

Было уже шесть утра, когда они повернули обратно. Сондерс спал. Ему снилось, что он имеет независимый доход, что он пьет шампанское с девушкой. Что все замечательно. Матер делал записи в книжке. Он сказал Сондерсу:

— Он наверняка сел в поезд. Могу поспорить...

Заметил, что тот спит, накрыл его пледом и задумался.

Они повернули к воротам Скотланд-ярда.

Матер увидел свет в кабинете главного инспектора.

— Есть что доложить? — спросил Кьюсэк.

— Нечего. Он, должно быть, сел в поезд, сэр.

— У нас мало данных для такого предположения. Рэвен следовал за кем-то к Юстону. Мы стараемся найти водителя первой машины. Мы кое-что про Рэвена раскопали. Мальчишкой его отправили в ремесленную школу. Он сообразителен, и нам не попадался. Я не пойму, почему он так себя ведет. Неглупый парень. А оставляет такой след.

— Сколько у него денег, кроме этих банкнотов?

— Вряд ли много. Что-нибудь придумали, Матер?

Небо над городом светлело. Кьюсэк выключил настольную лампу, и комнату охватил полумрак.

— Я полагаю, — сказал Матер, — что во всех кассах есть номера банкнотов?

— Во всех без исключения.

— Мне кажется, — размышлял Матер, — что если у тебя ни копейки денег, кроме этих несчастных банкнотов, и ты хочешь сесть на экспресс...

— Почему вы решили, что экспресс?

— Не знаю, почему так сказал, сэр. Правда, если бы он сел на пассажирский, который останавливается на каждом углу, кто-нибудь обязательно сообщил бы нам...

— Может быть, вы и правы.

— Ну вот, если бы я хотел сесть на экспресс, я дождался бы последней минуты и купил бы билет в поезде. Я не думаю, чтобы у контролеров были номера.

— Ну что ж, вы, наверно, правы. Вы устали?

— Нет.

— Хорошо, а я устал. Не останетесь ли вы здесь и не обзвоните ли все вокзалы? Составьте список экспрессов, которые отошли после семи вечера. Скажите, чтобы позвонили на все станции, проверили, нет ли где человека, который покупал билет в поезде. Мы скоро узнаем, где он слез. Спокойной ночи, Матер.

— Доброго утра, сэр. — Он любил быть точным.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с английского
КИР. БУЛЫЧЕВА

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

ГРЭМ ГРИН

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Пропустили бы меня, — сказал мистер Чолмонделей с яростью. — Я здесь схожу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

3

Рассвет не наступил в Ноттвиче. Туман лежал над городом, как беззвездное ночное небо. Воздух на улицах был чист. Надо было только поверить в то, что это ночь. Первый трамвай выбрался из депо и покатил по рельсам к рынку. Старый газетный лист распластался у двери театра Роял. По окраинной улице Ноттвича, откуда было недалеко до шахт, шел старик с шестом и стучал в окна. Семафор подмигнул зеленым глазом будущему дню. Освещенные вагоны медленно тянулись мимо кладбища, клеевой фабрики, через широкую, в аккуратных цементных берегах реку. Зазвонил колокол на католическом соборе. Раздался свисток.

Переполненный поезд медленно въезжал в новое утро. Все спали в одежде. Чолмонделей съел слишком много сладостей, ему хотелось вычистить зубы: дыхание было приторным и душным. Он высунул голову в коридор. Рэвен быстро отвернулся и принялся глядеть на запасные пути, на платформы, груженные местным углем. С клеевой фабрики доносилась вонь гнилой рыбы. Мистер Чолмонделей перебежал на другую сторону вагона, чтобы посмотреть, к какой платформе подойдет поезд. Он повторял «извините», наступая на ноги. Энн улыбнулась про себя и загородила ему дорогу. Мистер Чолмонделей кинул на нее возмущенный взгляд. Она сказала «прошу прощения» и начала приводить в порядок лицо.

— Пропустили бы меня, — сказал мистер Чолмонделей с яростью. — Я здесь схожу.

Рэвен увидел в окне его отражение — мистер Чолмонделей спускался из вагона, — но не посмел сразу последовать за ним. Как будто донесшийся из многотуманных миль, через широкие поля охотничьих графств, через пригороды вилл, подползающих к городам, голос сказал ему: «Всякий, кто едет в поезде без билета...» Он задумался, сжимая в руке белый листок, выданный кондуктором. Он открыл дверь и следил за пассажирами, проходящими мимо него к барьеру. Ему была дорога каждая минута, и он понимал, что у него нет даже суток в запасе. Они зайдут в каждую гостиницу, в каждый дом Ноттвича, где сдаются комнаты. Ему негде было остановиться.

И тут в голову пришла мысль, которая заставила его вторгнуться в жизнь других людей, разрушить мир своего одиночества.

Большинство пассажиров ушло, но одна девушка задержалась, ожидая носильщика у двери в буфет.

Он подошел к ней и сказал:

— Разрешите помочь вам поднести чемоданы?

— О, если это вас не затруднит, — обрадовалась она.

Он стоял, слегка наклонив голову, чтобы она не увидела его заячьей губы.

— Как насчет сандвича? — спросил он. — Путешествие было нелегким.

— Разве уже открыто? — удивилась она. — Так рано?

Он попробовал дверь.

— Да, уже открыто.

— Это приглашение? — спросила она. — Вы хотите разориться?

Он взглянул на нее с легким удивлением. На ее улыбку, на маленькое чистое лицо, на глаза, расставленные чуть-чуть слишком широко. Он не при-

---

Продолжение. Начало в № 10.

вык к естественному дружелюбию. Он сказал: «Да-да, я плачу», — внес чемоданы и постучал по прилавку.

— Что будете есть? — спросил он.

Он стоял отвернувшись. Он не хотел пока ее пугать.

— Здесь богатый выбор, — сказала она. — Бобы во всех видах, прошлогодние бисквиты, сандвичи с ветчиной. Я остановлюсь на сандвиче с ветчиной и чашке кофе... Для вас это накладно? Если так, обойдемся без кофе.

Он дождался, пока буфетчица снова уйдет, пока девушка откусит большой кусок сандвича, так что если бы она захотела, то все равно не смогла бы закричать, и обернулся к ней. Он был озадачен: девушка не выразила отвращения, а улыбнулась настолько, насколько это можно было сделать с полным ртом...

— Мне нужен ваш билет. За мной гонится полиция. Я на все пойду, чтобы получить ваш билет.

Она проглотила хлеб и закашлялась. Сказала:

— Ради бога, стукните меня по спине.

Она сбивала его с толку. Он не привык к нормальным человеческим отношениям, и это действовало ему на нервы.

— У меня есть пистолет, — сказал он и добавил неуклюже: — Я дам вам вот это взамен.

Он положил листок на прилавок, и она прочла его с интересом, не переставая кашлять: «Первый класс. До самого...»

— Так я же могу за него еще деньги получить. Что ж, это неплохой обмен, но при чем здесь пистолет?

— Билет, — потребовал он.

— Пожалуйста.

— Со станции вы пойдете вместе со мной. Я не хочу рисковать.

— А почему бы не съесть сначала сандвич с ветчиной?

— Молчать. Мне некогда слушать ваши шуточки.

— Я люблю настоящих мужчин. Меня зовут Энн. А вас как?

Поезд снаружи засвистел, вагоны двинулись, как длинная полоса света в тумане, и пар помчался вдоль платформы. Рэвен на секунду отвернулся от нее; она подняла чашку и плеснула ему в лицо горячий кофе. Боль заставила его откинуться и прижать ладони к глазам, он зарычал, как зверь, — это была настоящая боль. То же чувствовал старый министр обороны, и женщина-секретарь, и его отец, когда скамейка ушла из-под ног и шея приняла груз тела. Его правая рука потянулась к пистолету, спиной он прижался к двери. Люди заставляли его терять голову. Он сдержался, с усилием победил боль ожога, мучения, толкавшие его к убийству.

— Ты под прицелом. Подними чемоданы. Иди впереди с бумажкой.

Она подчинилась, сгибаясь под тяжестью чемоданов.

— Передумали? Могли бы доехать до Эдинбурга. Хотите сделать остановку? — спросил контролер.

— Да, — сказала она. — Да, именно так.

Он вынул карандаш и принялся писать что-то на листке. Энн хотелось, чтобы он запомнил ее и ее билет. Быть может, потом будут выяснять.

— Нет, — сказала она. — Я дальше не поеду.

И прошла за барьер, думая: «Он не забудет обо мне сразу».

Длинная улица бежала между маленькими пыльными домами.

— А теперь мне можно уйти? — спросила она.

— Ты что, думаешь, я дурак? — сказал он со злостью. — Иди дальше.

— Вы можете взять один из чемоданов.

Она бросила чемодан на мостовую и пошла дальше. Рэвену пришлось поднять его. Чемодан был тяжелым, Рэвен взял его в левую руку: в правой был пистолет.

— Так мы в Ноттвич не попадем. Нам нужно было повернуть направо за угол, — сказала она.

— Я знаю, куда идти.

— Хотела бы и я знать.

Маленькие дома бесконечно тянулись в тумане. Было еще очень рано. Женщина вышла из двери и забрала молоко. Энн увидела в окне бреющегося мужчину. Она хотела закричать, но тот был словно в другом мире. Она могла представить себе его тупой взгляд, медленную работу мозга, прежде чем он поймет — что-то не в порядке. Они шли дальше. Рэвен на шаг сзади. Она раздумывала, не обманывает ли он ее; должно быть, его ищут за что-то очень серьезное, если он в самом деле готов выстрелить.

Она высказала свои мысли вслух:

— Это что, убийство?

Шепоток страха донесся до Рэвена как что-то знакомое, дружеское. Он привык к страху. Страх жил в нем уже двадцать лет. Он ответил без напряжения:

— Нет, меня не за это ищут.

— Тогда вы не посмеете стрелять, — вызывающе бросила она.

Но у него был готов убедительный ответ, убедительный, потому что был правдой:

— Я в тюрьму не пойду. Пусть уж лучше повесят. У меня отца повесили.

— Куда мы идем? — снова заговорила она, все время настороже в ожидании своего шанса.

Он не ответил.

— Вы знаете эти места?..

Но он уже свое сказал.

И внезапно ей представился случай. У писчебумажной лавочки, глядя на витрину, заваленную дешевой бумагой, ручками и бутылками чернил, стоял полисмен. Она почувствовала, как приблизился Рэвен, все произошло слишком быстро, она не успела ничего решить, как они уже миновали полисмена. Было поздно кричать, полисмен был в двадцати ярдах, он уже не успеет на помощь. Она сказала вполголоса:

— Должно быть, это убийство.

Повторение заставило его заговорить:

— Вот она, ваша справедливость. Всегда думаете самое плохое. Они клеят мне грабеж, а я даже не знаю, откуда эти бумажки взялись. — Рэвен не мог переменить руку, боясь отпустить пистолет. — Если человек родился уродом, то у него нет шансов в жизни. Это еще со школы начинается. Даже раньше, — сказал он.

— А что такое у вас с лицом? — спросила она. Ей казалось, что, пока он говорит, остается надежда. Должно быть, труднее убить человека, с которым вас что-нибудь связывает.

— Губа моя, конечно, разумеется.

— А что у вас с губой?

— Ты что, хочешь сказать, что не заметила?

— А-а, — сказала Энн, — вы, наверно, имеете в виду вашу заячью губу. Я видела вещи и похуже.

Они миновали маленькие грязные дома. Она прочла название новой улицы: авеню Шекспира. Они

— Ты под прицелом. Подними чемоданы. Иди впереди, — сказал Рэвен.

теперь были на самой окраине Ноттвича. Здесь спекулянты строили дома для продажи в кредит. Энн подумала, что Рэвен привел ее, чтобы убить в поле за жилым районом, там, где трава была затоптана в глину и торчали пни вырубленного леса. Они прошли мимо дома с открытой дверью, куда в любое время дня можно было зайти и осмотреть его, от маленькой квадратной спальни до маленькой квадратной гостиной, ванной и туалета у лестницы. Большой плакат гласил: «Десять фунтов задатка — и дом ваш».

— Вы собрались купить дом? — спросила она с юмором отчаяния.

— У меня сто девяносто фунтов в кармане, а я на них и коробки спичек купить не могу. Я ж говорил, меня обманули. Я этих денег не крал. Мне их подонок один дал, — сказал он.

— Он был щедрым.

Рэвен приостановился перед домом, таким новым, что со стенок еще не слезла краска.

— Это были деньги за работу. Я работу сделал. Он и должен был мне заплатить по совести. Я за ним сюда и приехал. Этого подонка зовут Чолмонделей.

Он подтолкнул ее к воротам, они проследовали вокруг дома к задней двери и очутились на краю тумана, на рубеже дня и ночи. Туман уплывал клочьями к серому зимнему небу. Он нажал плечом на заднюю дверь, и замок кукольного домика сразу вылетел из дешевого гнилого дерева. Они вошли в кухню, где провода ждали ламп, трубы — газовой плиты.

— Иди к стене, — сказал он, — чтобы я тебя мог видеть.

Он сел на пол, не выпуская пистолета, и сказал:

— Я устал. Всю ночь простоял в поезде. Я даже думать толком не могу. Не знаю, что с тобой теперь делать.

— Я сюда на работу приехала. У меня ни гроша не будет, если я ее потеряю. Честное слово, я ничего не скажу, если вы меня отпустите, — сказала Энн и добавила безнадежно: — Вы мне все равно не поверите.

— Люди никогда не держат слова, которое мне дают. Я в безопасности, пока ты здесь тоже, — сказал Рэвен, прижал ладони к лицу и поморщился от боли ожога.

Энн пошевелилась.

— Не двигайся. Я пристрелю тебя, если будешь двигаться, — предупредил он.

— Можно мне сесть? — спросила она. — Я тоже

устала. Мне придется весь день быть на ногах. — Она представила себя запихнутой в шкаф, всю в крови и добавила: — Разодетой, как конфетка. И петь.

Но он ее не слушал. Он строил планы в своей темноте.

— Отпустите меня, — попросила Энн. — Вы можете мне доверять. Я ни слова не скажу. Я даже не знаю, кто вы такой.

— Доверять тебе? Разумеется. Как только вернешься в город, увидишь в газетах, как меня зовут, и описание, и как я одет, и сколько мне лет. Я не крал этих денег, но я-то не могу напечатать описание человека, который мне нужен: имя Чолмон-де-лей, профессия — обманщик, толстый, носит кольцо с изумрудом, — засмеялся он печально.

— Смотрите-ка, мне кажется, я ехала сюда с таким человеком. Никогда бы не подумала, что у него хватит духу...

— Он только агент, но дай мне только до него добраться, и я вытрясу из него...

— Почему бы вам не сдаться полиции? Не рассказать, что произошло?

— Чудесная идея! Сказать им, что друзья Чолмонделея приказали убить старого чеха. Сообразительная девочка.

— Старого чеха?! — воскликнула она.

В кухню проникало чуть больше света, туман поднимался над жилым районом, над израненными полями.

— Уж не хотите ли вы сказать, что об этом самом все газеты твердят? — спросила она.

— Об этом самом, — сказал он с мрачной гордостью.

— И вы знаете человека, который это сделал?

— Как себя самого.

— И Чолмонделей в этом замешан?.. Это значит, что все ошибаются?..

— Они в газетах ни капельки не знают об этом.

— А вы знаете и Чолмонделея?.. Тогда, если вы найдете Чолмонделея, войны не будет?

— А мне плевать, будет война или нет. Мне только нужно узнать, кто меня провел. Я хочу рассчитаться, — объяснил он, глядя на нее через комнату, держа руку у рта, чтобы скрыть губу, замечая, что она молода, раскраснелась и хороша собой, не питая к ней большего личного интереса, чем волк, глядящий из клетки на откормленную, ухоженную суку по другую сторону решетки. — Война людям не повредит, — продолжал он. — Она покажет им, что к чему, она их заставит попробовать своего собственного лекарства. Я знаю. Для меня всегда была война.

Он дотронулся до пистолета.

— Меня сейчас одно заботит, как заставить тебя молчать в ближайшие двадцать четыре часа.

— Ведь вы меня не убьете? — спросила она затаив дыхание.

— Если другого пути не будет... — сказал он. — Дай мне подумать немножко.

— Но ведь я буду на вашей стороне, — умоляла она его, оглядываясь в поисках чего-нибудь, что можно кинуть, разыскивая лазейку, ведущую к спасению.

— Никого нет на моей стороне, — возразил Рэвен. — Я это уже выучил... Понимаешь, я урод. Я и не притворяюсь, что я один из твоих красавчиков. Но я образованный. Я придумывал разные штуки... — Он добавил быстро: — Я трачу время зазря. Мне пора идти.

— Что вы собираетесь делать? — спросила она, поднимаясь на ноги.

— Ну вот, — сказал он разочарованно. — Опять ты перепугалась.

Он глядел на нее с другой стороны кухни, направив ей в грудь пистолет. Он умолял ее: «Не нужно бояться. Эта губа...»

— Мне все равно, какая у вас губа, — сказала она в отчаянии. — Не такой уж вы урод. У вас должна быть девушка. Она заставит вас забыть о губе.

Он покачал головой.

— Ты так говоришь, потому что перепугалась. Меня этим не проведешь. Но тебе не повезло, не повезло, что я тебя выбрал. Ты не должна так бояться смерти. Нам всем придется помереть. Если будет война, ты все равно помрешь. Это сразу, и быстро, и не больно, — говорил он, вспоминая раздробленный череп старика — такой была смерть: не труднее, чем разбить яйцо.

— Вы хотите убить меня? — прошептала она.

— Да нет же, — сказал он, стараясь ее успокоить. — Повернись и иди к той двери. Мы найдем комнату, где я смогу запереть тебя на несколько часов.

Он смотрел на ее спину. Он хотел застрелить ее, но не хотел делать ей больно.

— Вы не такой плохой. Мы бы могли стать друзьями, если бы встретились не так. Если бы это была дверь на сцену. Вы встречали девушек у двери на сцену? — спросила она.

— Я? — удивился он. — Никогда. Они бы на меня и не взглянули.

— Вы не уродливый, — сказала она. — Уж лучше эта губа, чем уши, как цветная капуста, как у тех парней, которые думают, что они крепкие мужчины. Девушки с ума сходят по ним, когда они в трусах. Но в костюмах они выглядят глупо.

Рэвен думал: «Если я застрелю ее здесь, то кто-нибудь может увидеть ее через окно. Я застрелю ее наверху, в ванной».

— Давай двигайся, — сказал он.

— Отпустите меня к вечеру. Пожалуйста. Я потеряю работу, если не приду в театр, — попросила она.

Они вышли в маленькую чистенькую переднюю, которая пахла краской. Она сказала:

— Я достану вам билет на представление.

— Иди, — сказал он, — вверх по лестнице.

— Стоит сходить.

На лестничной площадке было три двери. Одна из них была застекленной.

— Открой дверь, — сказал он, — зайди внутрь.

Он решил выстрелить ей в спину, как только она переступит порог. Затем ему останется только закрыть дверь, и ее не будет видно.

Далекий голос зашептал за закрытой дверью его памяти. Воспоминания никогда его не мучили. Он не думал о смерти: глупо бояться смерти в этом пустом ветреном мире. Он спросил хрипло:

— Ты счастлива? Я имею в виду, ты довольна работой?

— Нет, не работой, — сказала она. — Работа — это не навсегда. Как вы думаете, кто-нибудь женится на мне? Я надеюсь.

Он прошептал: «Заходи. Посмотри в окно». Его палец дотронулся до курка.

Она послушно прошла вперед. Он поднял револьвер. Его рука не дрожала, он сказал себе, что она ничего не почувствует. Ей не стоило бояться смерти. Она подняла висящую на боку сумочку.

Он обратил внимание на старую изысканную форму вензеля — кружок из гнутого стекла и внутри него инициалы «Э. К.»...

Дверь закрылась, и голос сказал:

— Извините, что я привез вас сюда так рано, но мне придется допоздна задержаться в конторе...

— Ничего, ничего, мистер Грейвс.

— Итак, вы называете это премилым домиком?..

Когда Энн обернулась, он опустил пистолет. Она прошептала беззвучно: «Быстро сюда». Он подчинился, но не понял и готов был выстрелить, если она закричит.

Она увидела пистолет и сказала:

— Уберите. С этой штукой вы только наживете неприятностей.

— Твои чемоданы в кухне, — напомнил Рэвен.

— Я знаю. Они вошли через переднюю дверь.

— Газ и электричество, — послышался голос, — подведены. Десять фунтов сразу. Подпишитесь под пунктирной линией и ввозите мебель.

Четкий голос, который вязался с пенсне, высоким воротником и редкими прилизанными волосами, произнес:

— Мне надо будет обдумать.

— Пойдемте посмотрим верх, мистер Грейвс.

Они услышали, как те пересекли прихожую и поднялись по лестнице. Агент говорил не переставая.

— Я буду стрелять, если ты...

— Молчите, — сказала Энн, — ни слова. Послушайте, у вас эти деньги с собой? Дайте мне две пятерки.

Он заколебался, и она прошептала настойчиво:

— Нам придется рискнуть.

Агент и мистер Грейвс прошли в большую спальню.

— Вы только подумайте, — говорил агент, — ситцевые обои.

— Стены звуконепроницаемые?

— С помощью особого процесса. Закройте дверь.

Дверь закрылась, и голос агента продолжал приглушенно, но отчетливо:

— И в коридоре вы не услышали бы ни звука. Эти дома строились специально для семейных.

— А теперь, — произнес Грейвс, — я хочу посмотреть ванную.

— Не двигайся, — пригрозил Рэвен.

— Да уберите вы пистолет, — сказала Энн, — будьте самим собой.

Она закрыла дверь в ванную и подошла к двери в спальню. Дверь открылась, и агент сказал с немедленной галантностью человека, известного во всех барах Ноттвича:

— Так-так. И кого же мы видим?

— Я проходила мимо и увидела, что дверь открыта. Я собиралась как раз зайти к вам, но не думала, что вы встаете так рано.

— Всегда на месте для молодой леди, — ответил агент.

— Я хочу купить дом.

— Подождите, — возразил мистер Грейвс, молодой, в черном костюме, бледное лицо которого говорило о недосыпании, о детях в маленьких прокисших комнатах. — Вы не можете этого сделать. Я осматриваю дом.

— Мой муж прислал купить его.

— Я первым пришел сюда.

— Вы его купили?

— Я должен его осмотреть, не так ли?

— Вот, — сказала Энн, показывая две пятифунтовые бумажки. — И теперь я должна...

— Подписаться под пунктирной линией, — подсказал агент.

— Дайте мне подумать, — просил мистер Грейвс, — мне нравится вид отсюда.

Он подошел к окну, за которым лежало вытоптанное поле, простирающееся под тающим туманом к грудам мусора на горизонте.

— Тут как в деревне, — произнес мистер Грейвс, — полезно для детей и жены.

— Извините, — сказала Энн, — но вы же видите, что я готова заплатить и подписаться.

— Документы? — спросил агент.

— Я принесу во второй половине дня.

— Разрешите, я покажу вам другой дом, мистер Грейвс.

— Нет, — возразил мистер Грейвс, — если я не могу получить этот дом, другой мне не нужен.

— Ну что ж, — сказал агент. — Этот вы получить не сможете. Кто первый пришел, тому и карты в руки.

— До свидания, — сказал мистер Грейвс и понес свою жалкую, узкогрудую гордость вниз по лестнице. По крайней мере он мог быть доволен, что никогда не соглашался на замены, хотя всегда опаздывал к тому, чего хотел в самом деле.

— Я пройду с вами в контору, — сказала Энн, — прямо сейчас.

Взяв агента под руку и повернувшись спиной к ванной, где стоял в ожидании темный, загнанный человек с пистолетом в руке, они спустились вниз, в холодный облачный день, который благоухал для нее, как летний, потому что она снова была в безопасности.

4

„Что сказал Аладдин.

Как приехал в Пекин?..»

Весь длинный ряд покорно, с утомленной живостью наклоняясь вперед, повторил: «Чин-чин».

Они репетировали уже пять часов.

— Так не пойдет. Искры не вижу. Начинаем снова: «Что сказал Аладдин...»

— Скольких они уже прикончили? — спросила Энн соседку, переводя дыхание. — «Чин-чин».

— О, по крайней мере полдюжины.

— Я рада, что попала сюда в последнюю минуту. Две недели такого. Благодарю покорно.

— Да вдохните вы в это немного искусства! — умолял режиссер. — Есть у вас хоть какая-нибудь гордость? Это же не простая пантомима. «Что сказал Аладдин...»

— Вы выглядите вымотанными, — сказала Энн.

— О вас то же самое можно сказать.

— Здесь все так быстро случается.

— Еще раз, девочки, и мы перейдем к сцене мисс Мейдью.

«Что сказал Аладдин.

Как приехал в Пекин?»

— Побудете здесь недельку — не так заговорите.

— Кто этот человек в заднем ряду! — прошептала Энн. Он был ей почти не виден.

— Не знаю. Раньше его здесь не было. Наверно,

один из тех, кто вкладывал деньги. Пришел поглазеть.

Она принялась изображать его: «Не представите ли вы меня девушкам, мистер Колльер? Я хотел бы поблагодарить их за то, что они так самоотверженно трудятся для успеха представления. Как насчет пообедать вместе, девочки?»

— Никому не уходить из театра, — сказал мистер Колльер. Он нервно посмотрел через плечо на полного джентльмена, вышедшего на свет из задних рядов. Этот джентльмен был одним из колесиков, с помощью которых мистер Колльер оказался в Ноттвиче.

— Не представите ли вы меня девушкам, мистер Колльер? — спросил полный джентльмен. — Если вы уже заканчиваете, конечно. Я не хочу прерывать репетицию.

— О, разумеется, — сказал мистер Колльер. — Девушки, это мистер Дейвенент, один из тех, кто нас поддерживает.

— Дейвис, а не Дейвенент, — поправил толстяк.

Он взмахнул рукой, и Энн заметила, как сверкнуло изумрудное кольцо на его пальце.

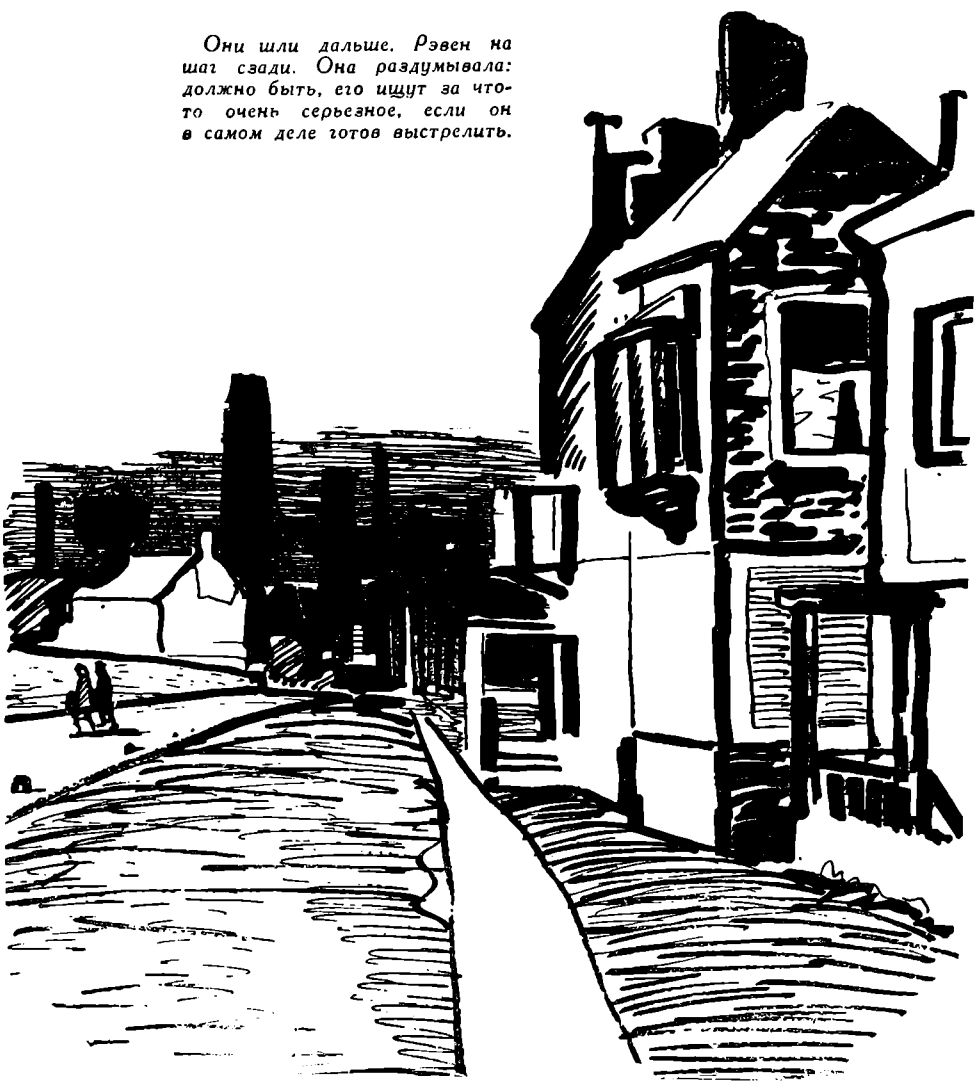
— Пока будет идти представление, я надеюсь пригласить пообедать каждую из девушек специально для того, чтобы выразить вам благодарность за ваш самоотверженный труд ради успеха представления. С кого мне начать? — продолжал он.

У него был вид отчаянного весельчака. Он был похож на человека, который вдруг обнаружил, что ему не о чем думать и он должен как-то заполнить вакуум.

Энн ушла со сцены. Она не хотела развлекать Дейвиса. Она отделалась от Рэвена, и дела Рэвена больше ее не занимали. Она его не собиралась выдавать, она еще не перешла на сторону права и порядка, но она и ему не будет помогать. Решив строго придерживаться нейтралитета, она вышла из театра прямо на Хай-стрит.

Но то, что она увидела, заставило ее остановиться. Улица была полна народу, люди протянулись по южной стороне мостовой до самого рынка. Они смотрели на электрические надписи над универмагом Уоллеса, повествовавшие о ночных новостях. Она не видела ничего подобного с последних выборов, но это было совсем по-другому, потому что не было радостных криков. Люди читали о передвижениях войск в Европе и предосторожностях против газовых атак. Энн была слишком молода, чтобы помнить, как начиналась прошлая война, но она читала о толпах у дворца, об энтузиазме, об очередях на пункты добровольцев — так она представляла себе начало любой войны. Она боялась только за себя и Матера. Она думала о войне как о личной трагедии, разыгрывающейся на фоне флагов и радостных криков. Но все оказалось иным. Молчаливая толпа была не веселой, а испуганной. Белые лица были обращены к небу, словно в молитве. Но они не молились никакому богу, они просто хотели, чтобы электрические лампы рассказали им о чем-нибудь другом. Они были пойманы здесь, на пути с работы, с инструментами и портфелями в руках у рядов ламп, повествующих о сложностях, которых им просто не понять.

«Может ли быть правдой, что этот толстый дурак... что парень с заячьей губой знает... Так, — сказала она себе, — я верю в судьбу, я думаю, что не имею права забыть обо всем этом. Я в этом запуталась по уши. Если бы Джимми был здесь! Но Джимми, — подумала она с болью, — был на другой стороне, среди тех, кто охотился за Рэвеном. А Рэвену надо дать шанс окончить ЕГО охоту».



Они шли дальше. Рэвен на шаг сзади. Она раздумывала: должно быть, его ищут за что-то очень серьезное, если он в самом деле готов выстрелить.

И она вернулась в театр.

Мистер Дейвенент — Дейвис — Чолмонделей — как уж там его, в самом деле, звали? — что-то рассказывал. Большинство девушек ушло переодеваться. Мистер Колльер нервно наблюдал и слушал. Он старался припомнить, кто такой мистер Дейвис.

— Я подумала, что кто-то произнес слово «обед», — сказала Энн. — Я проголодалась.

— Кто первый пришел, тому и карты в руки, — весело сказал мистер Чолмонделей. — Девушки, я еще увижу вас. Куда же мы пойдем, мисс...

— Энн.

— Очень приятно, — сказал мистер Чолмонделей — Дейвис. — Я — Вилли.

— Могу поспорить, вы знаете город лучше меня, — сказала Энн. — Я здесь новенькая.

Она подошла к свету и сознательно показала себя. Она хотела выяснить, узнает ли он ее. Но мистер Дейвис никогда не смотрел в лицо. Он смотрел сквозь вас. Его большому квадратному лицу не было нужды показывать свою силу с глазу на глаз. Его мощь заключалась в самом его существовании. Вы не могли не задуматься, как при взгляде на громадного дога, сколько же пищи надо потратить ежедневно, чтобы его прокормить.

— О, разумеется, я знаю этот город. Можно сказать, что я сделал этот город, — сказал мистер Дейвис и добавил: — Выбор тут невелик. «Гранд» или «Метрополь». «Метрополь» уютнее.

— Пошли в «Метрополь».

— У них там, кстати, лучшие пломбиры в Ноттвиче.

Улица уже не была переполнена. Обычное количество народу, людей, возвращающихся домой, глядящих в витрины, идущих в кино «Империал». Энн подумала: «Где сейчас Рэвен? Как я его найду?»

— Нет смысла брать такси, — сказал мистер Дейвис, — «Метрополь» сразу за углом. Вам там понравится. Там уютнее, чем в «Гранде».

Но это оказался не тот тип отеля, который вы обычно связываете с понятием об уюте. Красное кирпичное здание, громадное, как железнодорожный вокзал, с круглыми часами в островерхой башне занимало одну из сторон рынка.

Он подтолкнул ее к вращающимся дверям, и Энн заметила, что швейцар узнал его. Она подумала, что мистера Дейвиса будет нетрудно отыскать в Ноттвиче; но как найти Рэвена?..

В ресторане было достаточно места для пассажиров океанского лайнера. Крыша держалась на полосатых, зеленых с золотом колоннах, синий купол потолка был усеян золотыми звездами, собранными в соответствующие созвездия.

— Это одна из достопримечательностей Ноттвича, — пояснил мистер Дейвис. — Я всегда сижу за столиком под Венерой.

Он нервно засмеялся, устраиваясь на стуле, и Энн заметила, что они сидят не под Венерой, а под Юпитером.

— Вам бы сидеть под Большой Медведицей, — сказала она.

— Ха-ха, хорошо сказано, — засмеялся мистер Дейвис. — Нужно запомнить. — Он склонился над списком вин. — Я знаю, леди всегда предпочитают сладкое вино, — и признался: — Я сладкоежка.

Он сидел, уставясь в меню, потерянный для всего, он не обращал на нее внимания, он интересовался в данный момент только серией различных вкусовых ощущений, начиная с омара, которого он заказал первым. Это был дом, выбранный им, — громадный душный дворец пищи, это было его представление об уюте — стол среди двухсот других столов.

Энн думала, что он привел ее сюда пофлиртовать. Ей казалось, что будет нетрудно справиться с мистером Дейвисом, несмотря на то, что ритуал немного пугал ее. Пять лет провинциальных театров не сделали ее знатоком по части того, насколько далеко она может зайти. Ее отступления всегда были неожиданны и опасны. Она думала о Матере, о безопасности, о любви к одному человеку. Потом дотронулась коленкой до мистера Дейвиса. Он не обратил на это внимания, вгрызаясь в клешню. С таким же успехом он мог быть и один. Невнимание смутило ее. Она снова дотронулась до его колена.

— О чем-то задумался, Вилли?

Его глаза поднялись, как линзы мощного микроскопа:

— Что случилось? Омар в порядке, а?

Он глядел мимо нее.

— Официант, принесите вечернюю газету, — сказал он и снова принялся за клешню.

Принесли газету. Он сразу открыл ее на финансовой странице. Он казался удовлетворенным. То, что он читал, было сладко, как леденец.

— Извини, Вилли, — сказала Энн, вынула три монетки из сумки и пошла в женский туалет.

Она посмотрела на себя в зеркало над умывальником: все в порядке.

— Я нормально выгляжу, как вы думаете? — спросила она у пожилой женщины.

— Может быть, он не любит яркой помады? — усмехнулась женщина.

— Нет, — возразила Энн, — он из тех, кто любит губную помаду. Кто он такой?.. Он называет себя Дейвисом. Говорит, что он сделал этот город.

— Простите, дорогая, но у вас чулок побежал.

— Так кто же он?

— Никогда о нем не слыхала, дорогая. Спросите швейцара.

— Я так и сделаю.

Она подошла к входной двери.

— В ресторане так жарко. Вдохну свежего воздуха.

Это был мирный момент для швейцара «Метрополя». Никто не входил, никто не выходил.

— На улице холодно, — сказал он.

Человек без ноги стоял на обочине и продавал спички. Мимо проходили трамваи. Стояли маленькие освещенные дома, полные дыма, разговоров и дружелюбия. Часы пробили половину двенадцатого, и можно было услышать доносившиеся с улицы за площадью детские голоса, нестройно поющие хорал.

— Пора возвращаться к мистеру Дейвису, — произнесла Энн.

— У него всего до черта, — сказал швейцар.

— Он говорит, что сделал этот город.

— Хвастает, — сказал швейцар. — Город сделала компания «Мидлэнд Стил». Они и теперь правят городом. У них работало пятьдесят тысяч. А теперь и десяти тысяч нет. Я там сторожем был. Они даже сторожей уволили.

— Это, должно быть, очень жестоко, — сказала Энн.

— Ему еще хуже пришлось, — сказал швейцар, кивая на одноногого за дверью. — Он у них двадцать лет проработал. Потом потерял ногу, и суд постановил, что во всем виновата его неосторожность. И они ему ни пенни не дали. Понимаете, они на нем сэкономили... Конечно, это была его неосто-

рожность: он заснул. Так, если вас посадить за машину, которая делает одно и то же восемь часов подряд, и вы бы заснули.

— А мистер Дейвис?

— Я о нем ничего не знаю, об этом мистере Дейвисе. Он, наверное, с обувной фабрики. А может быть, один из директоров универмага Уоллеса. У них денег куры не клюют.

Энн вернулась. Но что-то произошло. Бутылка вина была почти пуста, газета лежала на полу у ног мистера Дейвиса. На столе стояли две порции пломбира, но мистер Дейвис даже не дотронулся до него. Это была не вежливость: что-то вывело его из себя. Он рявкнул на нее:

— Где ты была?

Она постаралась подглядеть, что он читал, — это уже была не финансовая страница.

— Не знаю, что у них здесь происходит. Они соль, что ли, кладут в пломбир? — Он повернул разъяренное лицо к проходившему официанту. — И это называется «Слава Никербокера»?

— Я принесу вам другой, сэр.

— Нет, не принесете. Счет.

— Итак, на этом попрощаемся? — спросила Энн.

— Нет, нет, — сказал он и взглянул на нее. — Я не это имел в виду. Вы не уйдете и не бросите меня?

— Ну, а что же вы тогда хотите делать? В кино пойдем?

— Я надеялся, что вы пойдете ко мне; послушали бы музыку, выпили бы чего-нибудь.

Он не смотрел на нее. Он вряд ли сознавал, о чем говорит. Он не казался опасным. Энн думала, что она знает этот тип мужчин и сможет отделаться от него одним-двумя поцелуями, а когда он выпьет, попотчевать его сентиментальной историей, так чтобы он начал думать, что она его сестра. Это в последний раз. Скоро она будет принадлежать Матеру и тогда будет в безопасности. Надо разузнать, где живет мистер Дейвис...

Когда они вышли на площадь, их окружили певцы, шесть маленьких мальчиков, не имеющих никакого представления о мелодии.

— Такси, сэр? — спросил швейцар.

— Нет, — и мистер Дейвис объяснил Энн: — Если мы возьмем машину со стоянки, то сэкономим три пенса.

Мальчики стояли у него на пути, протягивая шапки за деньгами.

— С дороги! — сказал мистер Дейвис.

Детской интуицией они разгадали его неуверенность и дразнили его, следуя по обочине и распевая. Прохожие оглядывались. Кто-то захлопал в ладоши. Мистер Дейвис неожиданно обернулся и схватил за волосы ближайшего мальчишку. Он тянул его за волосы, пока мальчик не закричал, тянул, пока клок волос не остался у него между пальцев. Он сказал:

— Это тебя научит, — и, опускаясь через минуту на сиденье такси, произнес с наслаждением: — Со мной они не поиграют.

Его рот раскрылся, и нижняя губа была мокрой от слюны. Он наслаждался своей победой так же, как недавно наслаждался омаром, он уже не казался Энн таким безобидным. Она напомнила себе, что он только агент. Он **знает** убийцу, говорил Рэвен. Но ведь он сам не совершал убийств.

— Что это за здание? — спросила она, увидев большой темный застекленный фасад, выделяющийся среди строгих викторианских контор.

— «Мидлэнд Стил», — сказал мистер Дейвис.

— Вы здесь работаете?

— Почему вы так думаете? — мистер Дейвис впервые взглянул на нее

— Не знаю, — ответила Энн и почувствовала, что мистер Дейвис прост, только когда дует попутный ветер.

— Как вы думаете, мог бы я вам понравиться? — спросил мистер Дейвис, опустив пальцы ей на колено.

— Посмею сказать — может быть. Вы живете за городом?

— На краю, — ответил мистер Дейвис.

— Им надо было бы побольше тратить на освещение этих мест.

— Какая сообразительная девочка! — удивился мистер Дейвис. — Могу поспорить, ты знаешь, что к чему.

Такси повернуло налево. Энн прочла название улицы: Кайбер авеню — длинный ряд жалких коттеджей. Такси остановилось в конце дороги.

— Уж не хотите ли вы сказать, что здесь вы живете?

Мистер Дейвис расплачивался с шофером.

— Номер шестьдесят один, — сказал он, улыбнулся мягко и добавил: — Внутри, дорогая, просто замечательно.

Он сунул ключ в замочную скважину и уверенно подтолкнул ее в маленький, слабо освещенный холл. Он повесил шляпу и мягко, на цыпочках пошел к лестнице.

— Мы включим радио, — сказал мистер Дейвис, — и послушаем музыку.

Дверь в коридоре открылась, и женский голос произнес: «Кто там?»

— Всего-навсего мистер Чолмонделей.

— Не забудьте заплатить, прежде чем пойдете наверх.

— Второй этаж, — сказал мистер Дейвис, — комната прямо по коридору... Я буду через минутку.

Он ждал, когда она пройдет мимо.

В комнате и в самом деле оказался приемник. Он стоял на мраморном умывальнике, но места для танцев не оставалось, потому что всю комнату занимала двуспальная кровать. Ничто не указывало на то, что здесь когда-нибудь жили. Зеркало было покрыто пылью, и кувшин возле приемника был пуст. Энн выглянула из окна в маленький темный двор. Рука, прижатая к раме, вздрогнула. Она на такое не рассчитывала.

Мистер Дейвис открыл дверь. Она была сильно напугана. Это заставило ее перейти в наступление. Она сказала сразу:

— Итак, вас зовут мистер Чолмонделей?

Он моргнул, мягко закрывая за собою дверь.

— Ну и что?

— И вы сказали, что везете меня к себе домой.

Мистер Дейвис сел на постель и снял ботинки.

— Нам нельзя шуметь, дорогая, — сказал он. — Старуха этого не любит.

Он открыл дверцу ящика под умывальником и вынул оттуда картонную коробку. Мелкий сахар, покрытый глазурью, просыпался из ее трещин на кровать и на пол:

— Попробуй турецких сладостей.

— Это не ваш дом, — настаивала она.

Пальцы мистера Дейвиса остановились на полпути ко рту.

— Конечно, нет, — ответил он. — Ты что, думаешь, я тебя домой повезу, что ли? Ты не такая невинная, чтобы не знать об этом. Я не собираюсь терять свою репутацию. — И добавил: — Что ж, включим сначала музыку?

Он начал крутить ручки приемника, выжимая из него хрипы и шумы.

— Атмосферные помехи, — сказал он, продолжая крутить ручки, пока не донесся издали звук оркестра: сонный ритм, прорывающийся сквозь скрежет. Можно было только угадать мелодию «Ночной свет, свет любви...».

— Это наша программа, из Ноттвича, — объяснил мистер Дейвис. — Лучше оркестра не найдешь во всем Мидлэнде. Из «Гранда». Потанцуем? — И, обхватив ее за талию, он начал трястись между кроватью и стеной.

Она заговорила быстро, о первом пришедшем ей в голову:

— Разве не ужасно, как они застрелили старую женщину?

Он посмотрел на нее, хотя она ничего не имела в виду.

— Чего это вы об этом вспомнили? — спросил он.

— Я об этом читала, — сказала Энн. — Наверно, тот человек чего только не натворил в квартире...

— Перестань, пожалуйста, хватит, — взмолился мистер Дейвис и объяснил, облокотившись о спинку кровати. — Я не выношу ужасов. У меня слабый желудок.

— Я люблю ужасы, — продолжала Энн. — Я еще вчера читала...

— У меня живое воображение, — сказал мистер Дейвис.

— Я, помню, как-то порезала палец...

— Не надо, пожалуйста, не надо.

Успех заставил ее забыть об осторожности:

— У меня тоже живое воображение. Мне показалось, что кто-то следит за этим домом.

— Что ты имеешь в виду? — спросил мистер Дейвис.

Он был явно напуган. Но она зашла слишком далеко:

— Темный такой парень следил за дверью. У него заячья губа.

Мистер Дейвис подошел к двери и запер ее.

— Здесь за двадцать ярдов ни одного фонаря. Тебе бы не разглядеть заячью губу, — произнес он.

— Я только подумала...

— Меня интересует, что он тебе успел рассказать, — сказал мистер Дейвис. Он сел на кровать и посмотрел на свои руки. — Ты хотела узнать, где я живу, где работаю... — Он оборвал фразу и в ужасе поглядел на нее. Но она уже поняла из его поведения, что он больше ее не боится, его пугало что-то другое.

— Они тебе никогда не поверят, — сказал он.

— Кто не поверит?

— Полиция. Слишком невероятно.

К ее удивлению, он засопел, сидя на постели, разглядывая свои большие волосатые руки.

— Надо что-то придумать. Мне не хочется делать тебе больно. Я никому не хочу делать больно. У меня слабый желудок.

— Я ничего не знаю. Пожалуйста, откройте дверь.

— Молчи. Сама накликала, — произнес мистер Дейвис низким яростным голосом.

— Я ничего не знаю, — повторила она.

— Я только агент, я ни за что не отвечаю.

Он объяснил нежно, сидя на кровати в одних носках и глядя на нее полными слез, глубокими эгоистичными глазами:

— Это наша политика: никогда не рисковать. И не я виноват, что этот парень сбежал. Я все сделал. Но он меня на этот раз не простит.

— Я закричу, если вы не откроете дверь.

— Кричи, только старуху разозлишь.

— Что вы собираетесь делать?

— Дело идет о полмиллионе. Я должен быть на этот раз уверен, — он встал и подошел к ней, вытянув руки.

Она закричала, дернула дверь, но затем отбежала от нее, потому что никто не откликнулся, и побежала вокруг кровати. Он не мешал ей. Ей некуда было скрыться в маленькой, заставленной комнате. Он стоял, бормоча про себя: «Ужасно, ужасно...» Она видела, что ему вот-вот станет плохо, но его гнал страх перед чем-то другим.

— Я пообещаю что хотите, — взмолилась Энн.

— Он меня никогда не простит, — покачал он головой, ринулся через кровать, схватил ее за кисть и сказал глухо: — Не сопротивляйся. Я не сделаю тебе больно, если не будешь сопротивляться.

Он потянул ее к себе через постель, шаря свободной рукой в поисках подушки. Она говорила себе в этот момент: «Это не меня, это других людей убивают. Меня нельзя убить». Жажда жизни, которая заставила ее не поверить в то, что это может быть концом всего для нее, для ее любвеобильного «Я», успокаивала даже тогда, когда на рот ей легла подушка, не давала ей осознать полностью весь ужас происходящего, пока она боролась с его руками — сильными, мягкими, липкими от сахара.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод Кир. БУЛЫЧЕВА

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

ГРЭМ ГРИН

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Поезд прибыл в одиннадцать вечера, и Матер вместе с Сондерсом добирался до полицейского участка по опустевшим улицам. Ноттвич укладывался спать рано: кинотеатры закрывались в половине одиннадцатого, а уже через четверть часа все разъезжались трамваями или автобусами из центра города. Единственная проститутка Ноттвича, замерзшая и посиневшая под своим зонтиком, бродила по базарной площади, да пара бизнесменов докуривали последние сигары в зале «Метрополя». Подходя к участку, Матер заметил афишу «Алладина» у театра «Роял». Он сказал Сондерсу: «Моя девушка здесь играет». Он был горд и счастлив.

Главный констебль пришел в полицейский участок, чтобы встретить Матера. Тот факт, что Рэвен был вооружен и готов на все, придавал делу серьезный характер. Главный констебль был толст и взволнован. Он нажил кучу денег на торговле, а во время войны был мобилизован и назначен председателем местного военного трибунала. Он гордился тем, что был грозой для пацифистов. Это не имело отношения к его семейной жизни и к жене, которая его презирала. Поэтому он приехал в участок, чтобы встретить Матера: этим можно будет похвалиться дома.

— Разумеется, сэр, мы не знаем, здесь ли он. Но ночью он был в поезде и его билет возвращен женщиной, — сказал Матер.

— Обзавелся сообщницей? — спросил главный констебль.

— Может быть. Найдем женщину, сможем найти и Рэвена.

Продолжение. Начало в № 10, 11.

— Как только мы получили сообщение из Скотленд-ярда, то разослали номера банкнотов по всем магазинам, отелям и меблированным комнатам, — заявил суперинтендант полиции.

— На этой карте, сэр, вы отмечаете обходы? — спросил Матер.

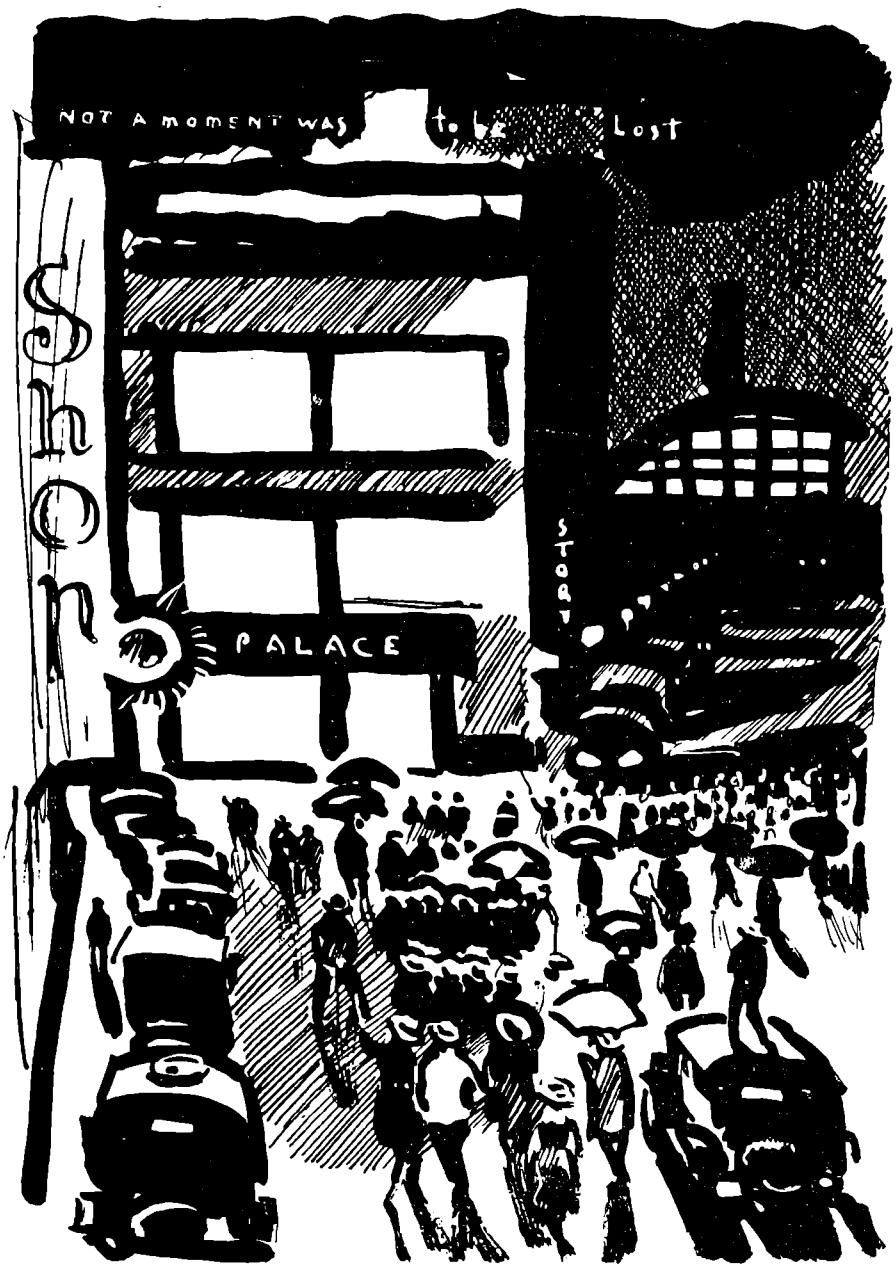
Они подошли к стене, и начальник показал карандашом основные пункты в Ноттвиче: вокзал, реку, полицейский участок.

— А театр «Роял» примерно здесь? — спросил Матер.

— Верно.

— Что привело Рэвена в Ноттвич? — спросил главный констебль.

На главной улице Ноттвича.



— Мы сами хотели бы знать, сэр. А на этих улицах, у вокзала, есть гостиницы?

— Меблированные комнаты. Но самое плохое то, — сказал суперинтендант, рассеянно поворачиваясь спиной к главному констеблю, — что во многих из них живут случайные постояльцы.

— Лучше будет всех их обойти.

— Надо бы и по ним разослать номера.

— Кое-кто из них не обратит особого внимания на просьбу полиции. Дома свиданий, знаете? Десять минут, дверь всегда открыта.

— Чепуха, у нас ничего подобного в Ноттвиче нет, — возразил главный констебль.

— Если вы позволите посоветовать вам, сэр, неплохо бы сдублировать констеблей в этих обходах. Пошлите самого бойкого из ваших людей. Полагаю, у вас есть описание примет Рэвена из вечерних газет? Он, очевидно, умелый взломщик.

— Вряд ли сможем что-нибудь сегодня сделать, — сказал суперинтендант. — Если ему негде спать, можно только посочувствовать ему.

— У вас найдется бутылочка виски, супер? — спросил главный констебль. — Сделайте доброе дело, угостите нас. Я пива перепил. Виски куда лучше, но жена не переносит запаха.

Он откинулся в кресле, скрестив толстые ноги, и смотрел на инспектора с выражением детского блаженства, словно говорил: что за жизнь — можно снова выпить с парнями! И только суперинтендант знал, каким чертом становился главный констебль с теми, кто был слабее его.

Матер чувствовал себя не в своей тарелке. Правда, сделать ничего было нельзя. Но он ненавидел бездействие. Он стоял у карты. Небольшой городок этот Ноттвич. Рэвена нетрудно будет найти, но Матер был здесь чужим: не знал, куда ехать, в какие клубы и танцзалы.

— Он сюда приехал за кем-то. Я хотел бы, сэр, поговорить с контролером. Может, припомнит, сколько местных сошло с поезда. Если нам повезет, — сказал Матер.

— Вы знаете анекдот об архиепископе Йоркском? — спросил главный констебль. — Да, да, мы все сделаем. Но спешить некуда. Чувствуйте себя как дома, старина, выпейте виски. Вы теперь в Мидлэнде, в неспешном Мидлэнде. Мы не суетимся, но все равно успеваем.

Спешить было некуда, и никто ничего не мог сделать в этот час, но Матер все стоял перед картой, как будто кто-то звал его: «Спеши, спеши, ты можешь опоздать». Он вел пальцем по главным улицам. Он хотел изучить их так же хорошо, как центр Лондона.

— Что это за большое здание? — спросил он.

— Это Мидлэнд Стил, — ответил суперинтендант и повернулся к главному констеблю. — Нет, сэр, я этого анекдота не слышал.

— Хороший анекдот. Его мне мэр рассказал, — говорил главный констебль. — Он свой парень, старина Пайкер. Вы никогда не дадите ему больше сорока. Знаете, что он сказал на заседании комитета по проведению учебной газовой тревоги? Он сказал: «Они дадут нам шанс забраться в чужую постель». Он имел в виду, что женщина не сможет узнать мужа, если на всех мужчин надеть противогазы. Понимаете?

— Да, сэр, мистер Пайкер очень остроумный человек.

— Но я-то, супер, почище его отмочил. Я был тогда в ударе. Знаете, что я сказал?

— Нет, сэр.

— Я сказал: вы не сможете разыскать чужую постель, Пайкер. Понимаете? Ох уж он и скотина, этот Пайкер!

— А как вы собираетесь проводить газовую тревогу, сэр? — спросил Матер.

— Конечно, мы не можем надеяться, что люди купят себе противогазы по двадцать пять шиллингов за штуку, но послезавтра у нас будет учебный налет с дымовыми шашками, и, если кого найдут на улице без противогаза, отправят в центральный госпиталь. Так что если вы не можете отсидеться дома, покупайте противогаз. Мидлэнд Стил снабжает всех своих людей противогазами, там работа будет идти как обычно.

— Шантаж, другими словами, — сказал суперинтендант. — Сиди дома или покупай противогаз. Транспортные компании порядком потратились на них.

— И во сколько начало, сэр?

— Мы не объявляем. Сирены скажут. Знаете, какая у нас идея? Бойскауты на велосипедах. Мы выдали им противогазы. Но мы-то знаем, что к полудню все кончится.

Матер снова обернулся к карте.

— А эти у́гольные склады, — спросил он, — за вокзалом? Вы приняли их в расчет?

— Мы следим за ними, — сказал суперинтендант. — Я позаботился об этом, как только позвонили из Ярда.

— Молодцы, ребята, молодцы, — сказал главный констебль, проглатывая последний глоток виски. — Я пошел домой. Завтра всем нам предстоит трудный день. Вы, полагаю, хотели бы со мной посовещаться утречком, супер?

— О, не думаю, что нужно будет беспокоить вас так рано.

— Ну что ж, если вам понадобится мой совет, я всегда у телефона. Спокойной ночи, мальчики.

— Спокойной ночи, сэр, спокойной ночи.

— Старик прав в одном, — суперинтендант поставил виски в шкаф. — Сегодня нам делать нечего.

— Не буду вас задерживать, сэр, — сказал Матер. — Не подумайте, что я так назойлив. Сондерс может подтвердить, что я люблю поспать, как и любой другой, но что-то в этом деле... Странное дело. Смотрю я на эту карту, сэр, и думаю, где бы я спрятался?.. Что это за пунктирная линия на востоке?

— Новый жилой район. Я послал туда в специальный обход двоих людей.

— Вы обо всем позаботились, сэр. Мы вам в общем и не нужны. Что-то нелегко у меня на душе. Он за кем-то гонится. А ведь он неглупый парень. Мы никогда на него ничего не имели, и вдруг двадцать четыре часа подряд он ничего не делает, кроме ошибок. Шеф сказал, что он оставляет горячий след, и это правда. Я уверен: он идет на все, чтобы догнать кого-то.

Суперинтендант взглянул на часы.

— Я ухожу, сэр, — сказал Матер. — Увидимся утром. Спокойной ночи, Сондерс. Я хочу немного пройтись. Хочу познакомиться с городом.

Матер вышел на главную улицу. Дождь перестал, и вода замерзла в канавах. Он поскользнулся, пришлось схватиться за фонарный столб: Ноттвич после одиннадцати освещали скупо. Через дорогу, ярдах в пятидесяти в сторону рынка, он увидел портик театра «Роял». Он поймал себя на том, что мурлычет «Но для меня это рай», и подумал: как хорошо любить, быть уверенным!

Он сделал самый необдуманный поступок за все время их знакомства. Он пошел взглянуть на дом, в котором она жила. У него был адрес.

Олл Сейнтс Роуд оказалась двумя рядами покрытых мелкой черепицей неоготических домиков, выстроенных аккуратно, как рота на параде. Он остановился у дома 14, подумал: спит ли она? Утром она удивится. Он отправил открытку с Юстона, в которой писал, что остановится в «Кроуне». На первом этаже горел свет. Хозяйка еще не спала. Он хотел бы послать весточку, которая пришла бы быстрее, чем открытка.

Ветер заморозил его, но он все бродил по другой стороне улицы, размышляя, достаточно ли одеял на ее постели и есть ли у нее шиллинги для газового счетчика. Он чуть было не позвонил, чтобы узнать у хозяйки, все ли есть у Энн, не нужно ли ей чего. Но вместо этого повернул к «Кроуну». Он не хотел выглядеть глупо. Он даже не скажет ей, что приходил сюда ночью, когда она спала.

2

Его разбудил стук в дверь. Еще не было семи. Женский голос сказал: «Вас к телефону». Он слушал, как женщина спускалась по лестнице, стуча ручкой щетки по перилам. День обещал быть счастливым.

Матер спустился к телефону, который висел за стойкой в пустом баре. Он сказал: «Матер у телефона. Кто говорит?» — и услышал голос сержанта полицейского участка: «У нас есть кое-какие новости. Он провел ночь в католическом соборе. Перед этим его видели у реки».

Пока он добрался до участка, поступили новые сведения. Агент прочел в местной газете о краденых деньгах и принес в участок две банкноты, полученные от девушки, которая заявила, что хочет купить дом. Ему показалось странным, что она не пришла оформить документы.

— Это, наверно, та самая, что сдала билет, — сказал суперинтендант, — они вместе работают.

— А в соборе?

— Одна женщина видела, как он выходил рано утром, и рассказала об этом дежурному констеблю. Надо будет распорядиться, чтобы запирали церкви.

— Нет, достаточно следить за ними, — сказал Матер. Он грел руки над железной печкой. — Я хотел бы поговорить с агентом.

Агент вбежал из соседней комнаты.

— Зовут Грином, — сказал он.

— Не могли бы вы, мистер Грин, описать девушку?

— Приятное созданьице, — сказал мистер Грин.

— Невысокая?

— Не сказал бы.

— Вы сказали «созданьице».

— К слову пришлось, — ответил мистер Грин. — С ней легко разговаривать.

— Блондинка, брюнетка?

— Не скажу. Не обратил внимания. Хорошие ноги.

— Что-нибудь странное в манерах?

— Нет, не сказал бы. Неплохо говорит. Понимает шутки.

— Вы, очевидно, не заметили и цвета ее глаз?

— Кстати, заметил. Всегда обращаю внимание на глаза девушек. Им это нравится. «Пью за ваше здоровье», понимаете? Чуть-чуть поэзии.

— Так какого цвета они были?

— Зеленые с золотыми точками.

— Во что она была одета? Не заметили?

— Разумеется, заметил, — сказал мистер Грин. Он очертил в воздухе руками. — Что-то темное и мягкое. Понимаете, что я имею в виду?

— Шляпа? Соломенная?

— Нет, не соломенная.

— Фетровая?

— Весьма возможно. Тоже темная, я обратил внимание.

— Вы бы ее узнали, если бы снова увидели?

— Конечно, узнал бы, — сказал мистер Грин. — Никогда не забываю лиц.

— Хорошо, — сказал Матер, — можете идти. Возможно, вы потом нам понадобитесь, чтобы опознать девушку. Банкноты мы оставим у себя.

— Однако, — сказал мистер Грин, — это настоящие деньги. И они принадлежат компании.

— Считайте, что дом все еще продается.

— Контролер пришел, — сказал суперинтендант. — Разумеется, ничего полезного для нас он не помнит. Если читать рассказы, то в них люди всегда что-то запоминают. Но в жизни говорят, что она была одета во что-то темное или во что-то светлое.

— Вы послали кого-нибудь осмотреть дом?.. Значит, она отправилась туда прямиком со станции. Почему?.. И зачем притворяться, что покупаешь дом, платить краденными деньгами?

— Такое впечатление, что она очень хотела, чтобы дом не достался другому покупателю... Как будто у нее там было что-то спрятано.

— Пусть ваши люди обыщут дом, сэр. Разумеется, они многого не найдут. Если бы там что-нибудь оставалось, она бы вернулась подписать бумаги.

— Нет, она боялась, что мы узнаем номера ассигнаций — деньги-то краденые, — сказал суперинтендант.

— Знаете, — сказал Матер, — я этим делом не очень интересовался. Оно показалось мне мелким. Ловить какого-то воришку в то время, когда весь мир скоро будет драться из-за убийцы, которого не смогли поймать эти идиоты в Европе... Но теперь оно меня захватило. Что-то в нем есть странное. Я говорил вам, что мой шеф сказал о Рэвене? Будто он нарочно оставляет след. Но пока ему удается нас обгонять. Можно взглянуть на показания контролера?

— В них ничего нет.

— Я с вами не согласен, сэр, — сказал Матер, вытаскивая лист из папки на столе. — В книгах пишут правду. Люди обычно что-нибудь замечают. Если бы они ничего не замечали, это было бы странно. Только привидения не оставляют никаких следов. Вот и агент запомнил цвет ее глаз.

— И возможно, ошибся, — сказал суперинтендант. — Так вот, он помнит только, что она несла два чемодана. Правда, и это что-то, но немногого стоит.

— И все-таки на этой основе уже можно строить догадки, — сказал Матер, — не так ли? Разве вы так не думаете?

Он не хотел показаться слишком умным в глазах провинциальной полиции, ему нужна была их помощь.

— Она приехала надолго (женщина может уместить уйму вещей и в один чемодан), или она несла и его чемодан, это значит — он командовал, обращался с ней сурово, заставлял делать тяжелую работу. Это соответствует характеру Рэвена. А что касается девушки...

— В рассказах о гангстерах таких зовут «милками».

— Итак, эта «милка», — продолжал Матер, — из тех девушек, которые любят, чтобы с ними обращались грубо. Если бы она была посильнее духом, он бы сам нес один из чемоданов...

— Ну как, эти чемоданы вам о чем-нибудь говорят? Прочтите протокол и тогда, наверно, сможете дать мне ее фотографию. Вот. Но он о ней ничего не помнит, даже не помнит, как она была одета.

Матер прочел протокол. Он читал медленно. Он ничего не сказал, но что-то в его поведении передалось суперинтенданту. Тот сказал: «Что-нибудь случилось?»

— Вы хотели, чтобы я дал ее фотографию? — спросил Матер, извлекая фотокарточку из-под крышки своих часов... — Вот она, сэр. Разошлите ее по всем участкам, а также в газеты.

— Но в протоколе ничего нет, — сказал суперинтендант.

— Каждый человек что-нибудь да вспоминает. Вы бы там ничего не смогли заметить, но у меня есть кое-какая своя информация об этом преступлении, хотя я о ней до сих пор не думал.

— Но ведь он ничего не вспомнил, кроме чемоданов, — сказал суперинтендант.

— Слава богу, что хоть это вспомнил. Это может значить... Понимаете, он здесь пишет, что запомнил ее, потому что она была единственной женщиной, которая сошла с поезда в Ноттвиче. А я знаю, что этим поездом в Ноттвич приехала эта девушка. У нее контракт с местным театром.

Суперинтендант спросил неосторожно:

— И она из того самого типа, о котором вы говорили? Падка на уродов?

— Я думал, что она любит обыкновенных, — сказал Матер, глядя сквозь окно на мир, который шел на работу в этот холодный ранний день.

— Но если бы у нее было побольше присутствия духа... — ухмыльнулся суперинтендант, он думал, что Матер растерян, потому что его догадка оказалась неправильной.

— Ей не надо занимать присутствия духа, — сказал Матер.

Он отвернулся от окна. Он забыл, что суперинтендант был старше его по чину, он забыл, что надо быть тактичным с этими провинциальными полицейскими.

— Черт возьми, неужели вы не понимаете? Он не тащил своего чемодана, потому что должен был держать ее под прицелом. Он заставил ее пойти в жилой район, — сказал он и добавил: — Мне надо ехать. Он собирался ее убить.

— Ну уж нет, — сказал суперинтендант. — Вы забыли, она заплатила Грину и ушла с ним из дома. Он вышел с участка вместе с ней.

— Но я могу поклясться, что она в этом не замешана. Это абсурд, — и добавил: — Мы с ней помолвлены.

— Вот это да! — сказал суперинтендант.

Он помолчал, подобрал горелую спичку и принялся чистить ею ногти, затем подвинул фотографию обратно.

— Заберите ее, — сказал он. — Мы придумаем что-нибудь другое.

— Нет, — сказал Матер. — Это дело поручено мне. Размножьте фотографию.

Он не хотел смотреть на нее.

— Ее трудно узнать, но я протелеграфирую домой, чтобы прислали фотографию получше.

— Извините, Матер, — сказал суперинтендант, — не лучше ли мне поговорить с Ярдом? Попросить их прислать другого человека?

— Лучше меня вам не найти, — ответил Матер. — Я ее знаю. И если можно найти, я ее найду. Я немедленно выезжаю туда. Ваши люди могли что-нибудь пропустить.

— Этому должно быть какое-нибудь объяснение, — сказал суперинтендант.

— Понимаете ли вы, что если есть какое-нибудь объяснение, значит она в опасности, что она, может быть, даже...

— Тогда бы мы нашли ее тело.

— Мы и живого человека пока не нашли, — ответил Матер. — Попросите, пожалуйста, Сондерса поехать со мной. Какой адрес? — он записал его аккуратно, он всегда записывал факты, он не доверял своей памяти в большем, нежели теории и догадки.

Путь к жилому массиву оказался долгим. У него было время обдумать различные возможности. Она могла проспать остановку и проехать до следующей станции. Она могла вообще не сесть в поезд... и в маленьком доме он не нашел ничего, что бы противоречило этому. Он обнаружил сотрудника в штатском в комнате, которая со временем станет гостиной.

— Ничего здесь нет, — сказал детектив. — Ровным счетом ничего. Конечно, понятно, что здесь кто-то был. По пыли видно. Но пыли недостаточно, чтобы отпечатались следы. Нет, тут мы ничего не найдем.

— Всегда что-нибудь можно найти, — сказал Матер. — Где вы нашли следы? Во всех комнатах?

— Нет, не во всех. Но это еще ничего не доказывает. Вот в этой, например, комнате ничего нет. Но пыли здесь было немного. Может быть, строители ее получше подмели. Нельзя сказать с уверенностью, что сюда никто не заходил.

— Как она проникла в дом?

— Замок на задней двери сорван.

— Смогла бы это сделать девушка?

— Кошка смогла бы. Кошка, знающая, что ей нужно.

— Грин говорит: он вошел с парадного. Открыл дверь в эту комнату, а затем провел клиента прямо наверх, в большую спальню. Девушка подошла к ним как раз тогда, когда они собрались осмотреть другие комнаты. Потом они вместе спустились вниз и вышли из дома. Только девушка зашла в кухню и взяла свои чемоданы. Передняя дверь была открыта, и он думал, что она прошла в дом следом за ними.

— Она была на кухне. И в ванной.

— Где это?

— Наверху налево.

Оба мужчины были велики ростом и полностью заполнили собой маленькую ванную.

— Похоже, что она услышала шаги, — сказал детектив, — и спряталась здесь.

— Что привело ее сюда? Если она была в кухне, ей ничего не стоило выскользнуть через заднюю дверь.

Матер стоял в маленькой комнате между ванной и унитазом и думал: «Она была здесь вчера. Это невероятно!» Это не вязалось ни с чем, что он о ней знал. Они помолвлены уже шесть месяцев, она не смогла бы так притворяться. И в автобусе в тот вечер, мурлыча песенку о снежинках. В тот вечер они просидели два сеанса в кино, потому что он уже истратил свое недельное жалованье и

не смог поужинать с ней. Она была прямой, честной, верной, он мог поклясться в этом. Но если так, он просто не смел представить себе всю опасность. Рэвен — человек отчаявшийся... И он услышал, как сам говорит с твердым убеждением:

— Рэвен был здесь. Он привел ее под дулом пистолета. Он собирался запереть ее здесь и, может быть, застрелить. Тут он услышал голоса.

...Тайни и Эки что-то замышляли.

Он дал ей деньги и велел отделаться от этих людей. Если бы она что-нибудь задумала, он бы застрелил ее. Черт возьми, разве не ясно?

Но детектив только повторил возражение суперинтенданта:

— Она вышла вместе с Грином. И ничто не мешало бы ей пойти в полицию.

— Может быть, он следил за ней на расстоянии?

— Мне кажется, что вы придерживаетесь самой невероятной версии.

Матер мог понять по его тону, что тот удивлен позицией человека из Ярда: эти лондонцы слишком большие фантазеры, а он верил в добрый, мидлэндский здравый смысл. Это задевало профессиональную гордость Матера, он даже почувствовал слабый холодок неприязни к Энн за то, что чувства влияли на его суждения.

— У нас нет доказательств, что она не пыталась обратиться в полицию, — сказал он и подумал: «Хочу ли я, чтобы она была мертва, но невиновна, или жива, но виновна?» Он принялся тщательно обследовать ванную. Он даже провел пальцем по трубам. Потом выпрямился и сказал раздраженно: «Здесь нет ничего». Он вспомнил, что ей предстояла репетиция.

— Я хочу позвонить по телефону, — сказал он.

— Дальше по улице, в конторе агента.

Матер позвонил в театр. Там никого не было, кроме сторожихи. Она сказала ему, что никто не пропустил репетицию: режиссер мистер Колльер всегда вывешивает имена прогульщиков у двери на сцену, он очень заботится о дисциплине, мистер Колльер. Она помнит, что была одна новенькая, она заметила, когда пришла убирать театр, как та выходила с каким-то мужчиной после репетиции. Мужчину она не знает. Может быть, это один из тех, кто финансирует представление.

— Одну минутку, одну минутку, — сказал Матер.

Ему надо было решить, что делать дальше, она была девушкой, которая дала агенту краденые деньги, ему надо было забыть, что она — та самая Энн, на которой он так надеялся жениться к рождеству, которая так ненавидела неразборчивость своей профессии, которая обещала ему в тот вечер, в автобусе, что ни за что не будет иметь ничего общего ни с богачами, которые финансируют постановки, ни с теми, кто крутится у дверей на сцену.

— А где я могу найти мистера Колльера? — спросил он.

— Он будет вечером в театре. В восемь репетиция.

— Мне он нужен сейчас.

— Ничего не получится. Он уехал в Йорк.

— Где я могу найти кого-нибудь из девушек, которые были на репетиции?

— Я не знаю. У меня нет адресов. Они живут по всему городу.

— Должен же быть кто-нибудь, кто прошлым вечером...

— Но вы, разумеется, можете найти мисс Мэйдью.

— Где?

— Я не знаю, где она остановилась. Вам достаточно взглянуть на объявления о базаре.

— О базаре? Что вы имеете в виду?

— Она открывает благотворительный базар в два часа.

Сквозь окно конторы Матер увидел Сондерса. Он повесил трубку и подошел к нему.

— Есть новости?

— Да, — сказал Сондерс.

Суперинтендант рассказал ему обо всем, и он был глубоко огорчен. Он любил Матера, который помог ему подняться по лесенке чинов в полиции и убедил начальство, что заика может быть таким же хорошим полисменом, как и победитель конкурса чтецов. Но он любил бы его и без этого, за душевные качества.

— Ну, выкладывайте.

— Это о вашей д-девушке. Она исчезла, — он выложил новости сразу, на одном дыхании. — Ее хозяйка позвонила в участок и сказала, что ее н-не было всю ночь и что она не вернулась утром.

— Сбежала, — сказал Матер.

— И не думайте, — сказал Сондерс. — Вы сами в-велели ей сесть на н-ночной поезд.

— Вы правы, — сказал Матер, — я об этом

забыл. Значит, она его встретила случайно, Сондерс. Возможно, она уже мертва.

— З-зачем ему это? Мы его ловим только за кражу. Что вы сс-собираетесь делать дальше?

— Вернуться на станцию. А затем к двум часам, — улыбнулся он жалко, — на благотворительный базар.

3

Викарий был взволнован. Он не слышал Матера. У него своих забот хватало.

Сухая бойкая женщина с брошкой-камеей в волосах просунула голову в дверь.

— Генри, — сказала она, — комиссия чистит наши киоски. Неужели ты ничего не можешь поделать? Так к началу базара ничего не останется.

— Где Мандер? Это его дело, — ответил викарий.

— Мистер Мандер, разумеется, уехал за мисс Мэйдью, — бойкая женщина шмыгнула носом и с криком: «Констанция! Констанция!» — исчезла.

— С этим ничего не поделаешь, — сказал викарий. — Так каждый год. Эти добрые женщины добровольно жертвуют своим временем. Обществу Алтаря без них было бы плохо. И они надеются, что им будет предоставлена возможность первыми выбрать из того, что прислано на базар. Правда, главная трудность в том, что они назначают цены.

— Генри, — сказала бойкая женщина, снова появляясь в дверях, — ты должен вмешаться. Миссис Пенни оценила шляпку, которую прислала леди Кандифер, в восемнадцать пенсов и сама ее купила.

— Дорогая, как я могу что-нибудь сказать? Они никогда больше не вызовутся помогать добровольно. Ты должна запомнить, что они отдают свое время и труд... — но он обращался уже к закрытой двери.

— Меня беспокоит, — сказал он Матеру, — что эта юная леди надеется на овации и не поймет, что всех интересует сам базар. В Лондоне все совсем по-другому.

— Она опаздывает, — заметил Матер.

— Они могут взять двери приступом, — сказал викарий, нервно взглянув через окно на растущую очередь. — Я должен сознаться в маленькой военной хитрости. В конце концов она наша гостья. Она жертвует временем и трудом.

Матер поднял голову и увидел по другую сторону киоска темную злую фигуру человека, которого искал...

Время и труд были дарами, к которым викарий был наиболее чувствителен. Ими жертвовали охотнее, чем медяками. Он продолжал:

— Вы не видите снаружи мальчиков?

— Только женщин, — ответил Матер.

— О ужас! Я же предупредил начальника отряда Лэнса. Понимаете, я думал, если один или два бойскаута, не в форме разумеется, принесут свои альбомы для автографов, это понравится мисс Мэйдью, она поймет, что мы ценим время и труд... — И добавил скорбно: — Но отряд святого Люка всегда был самым ненадежным...

Матер взглянул на часы.

— Я должен поговорить с мисс Мэйдью сразу, — сказал он.

Вбежал молодой человек. Он обратился к викарию:

— Простите меня, мистер Харрис, но я хотел узнать, будет ли мисс Мэйдью говорить речь?

— Надеюсь, что нет. Я глубоко надеюсь, что не будет, — ответил викарий. — Уж не знаю, как удержать женщин от киосков, пока я буду читать молитву. Где мой молитвенник? Кто видел мой молитвенник?

Матер хотел сказать: «Послушайте. Ваш чертов базар совсем неважен. Моя девушка в опасности. Может быть, она уже мертва».

Гулкий голос произнес:

— Поднимитесь сюда, поднимитесь сюда, мисс Мэйдью.

— Не могли бы вы уделить мне минутку для личного разговора, мисс Мэйдью? — сказал Матер.

Но викарий оттащил ее.

— Один момент, один момент. Сначала наша маленькая церемония. Констанция, Констанция!

И почти немедленно комната опустела.

Необычайный шум послышался из соседней комнаты. Казалось, большое стадо животных ворвалось туда. Топот внезапно прервался. В наступившей тишине можно было услышать, как викарий спешно кончает молитву, а чистый мальчишеский голос мисс Мэйдью произнес: «Я объявляю этот благотворительный база...» — и снова послышался топот. Она сказала не так, как положено. Но никто не заметил. Все почувствовали облегчение, потому что она не стала произносить речь. Матер подошел к двери. Полдюжины мальчиков стояли перед мисс Мэйдью с альбомами для автографов в руках. Отряд святого Люка все-таки не подвел викария. Представительная дама в тоге сказала Матеру: «Этот киоск заинтересует вас, это Мужской киоск». Матер взглянул на кучу грязноватых перочисток, вышитых от руки кисетов. Кто-то подарил набор старых трубок. Он быстро соврал: «Я не курю».

— Вы пришли сюда истратить деньги, чувствуя, что это — ваш долг. Вы можете взять что-нибудь, что вам пригодится. В других киосках вы ничего подобного не найдете, — сказала представительная дама, следя через плечи женщин за мисс Мэйдью.

Он видел ненужные вазы, подставки для фруктов, стопки пожелтевших пеленок.

— У меня есть несколько пар подтяжек. Вы можете взять пару подтяжек.

— Может быть, она уже мертва, — сказал Матер, к собственному удивлению и расстройству.

— Кто? — спросила женщина, протягивая пару лиловых подтяжек.

— Извините, — сказал Матер, — я не подумал.

Он ужаснулся тому, что потерял контроль над собой. Он подумал: «Надо было попросить, чтобы меня заменили, для меня это слишком», — и сказал: «Простите», увидев, что последний из бойскаутов закрыл свой альбомчик.

Он провел мисс Мэйдью в комнату викария.

— Я ищу девушку из вашей труппы, по имени Энн Кроудер.

— Я ее не знаю, — ответила мисс Мэйдью.

— Она приехала только вчера.

— Они все на одно лицо, — сказала мисс Мэйдью. — Я никогда не запоминаю, как их зовут.

— Она блондинка, с зелеными глазами. У нее хороший голос.

— Только не в этой труппе, — сказала мисс Мэйдью. — Только не в этой труппе. Я их слышать не могу. У меня от них зубы болят.

— Вы не помните, чтобы она уходила вчера вечером с мужчиной после репетиции?

— Зачем мне это? Не будьте таким гнусным.

— Он вас тоже приглашал?

— Толстый дурак, — сказала мисс Мэйдью.

— Кто он такой?

— Не знаю. По-моему, Колльер его называл Дейвенантом. Или Дейвисом. Никогда раньше его не видала. Наверно, это тот человек, с которым ссорился Коэн. Хотя кто-то говорил что-то насчет Каллитропа.

— Это очень важно, мисс Мэйдью. Та девушка исчезла.

— Так всегда случается в этих поездках. Когда ни зайдешь в их уборные, они всегда болтают о мужчинах. Как они надеются играть? Это же гнусно.

— Вы мне не сможете помочь? Вы не имеете представления, где мне найти этого Дейвенанта?

— Колльер должен знать. Он вернется вечером. А может быть, и нет.

Матер ушел подавленный. Инстинкт вел его туда, где были люди, потому что улики легче найти в толпе, нежели в пустой комнате или на пустынной улице. Вы бы никогда не подумали, глядя на этих женщин, что Англия находится на пороге войны. «Я сказала миссис Хопкинсон, если вы обращаетесь ко мне...», «Это будет Доре к лицу...» И чего этим людям думать о войне? Они передвигались от киоска к киоску в воздухе, густом от их собственных смертей, болезней и любви. Женщина с изможденным лицом дотронулась до руки Матера. Ей, должно быть, было лет шестьдесят. Когда она говорила, то втягивала голову в плечи, будто ожидая удара, но тут же голова высовывалась обратно с кислой, живучей угрозой. Он следил за ней, сам того не замечая, пока шел вдоль киосков. Она взглянула на него. Он подумал, что ее пальцы должны пахнуть рыбой.

— Достаньте мне эту, — попросила она. — У вас длинные руки. Нет, нет, не эту, розовую.

И начала искать деньги... в сумочке Энн.

4

Он думал: не к чему спешить, не к чему было казаться дураком перед этой женщиной с подтяжками. Энн мертва. Не к чему было так спешить.

Старуха сказала: «Спасибо, дорогой». У него не было и тени сомнения относительно сумки. Он сам ее подарил. Это была дорогая сумка, не из тех, что можно найти в Ноттвиче, а для полной уверенности достаточно было увидеть место, откуда — из кружка гнутого стекла — были вырваны инициа-

лы. Все кончилось, и навсегда. Некуда было спешить.

Но тут он почувствовал совершенно холодное расчетливое удовлетворение. Теперь дьяволы были у него в руках. Кто-то за это умрет.

Старуха подняла маленький бюстгальтер и пробовала эластичность его со злобной усмешкой, потому что он предназначался для кого-то молодого и красивого, чьи груди стоили того, чтобы их беречь.

— Ну и глупые штуки они таскают, — сказала старуха.

Он мог бы ее сразу арестовать, но решил, что не будет этого делать. Дело было не только в старухе: он до всех до них доберется, и чем дольше будет погоня, тем лучше. Ему не надо будет думать о будущем, пока все это не кончится.

Теперь он был рад, что Рэвен вооружен, потому что в этом заключалось оправдание тому, что и он будет вынужден взять оружие, и кто скажет, помешают ли обстоятельства использовать его.

Матер поднял голову и увидел по другую сторону киоска темную злую фигуру человека, которого искал, чья заячья губа была слегка прикрыта щетиной, выросшей за несколько дней. Глаза его были прикованы к сумке Энн.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рэвен все утро был на ногах. Ему приходилось двигаться, он не мог потратить на еду мелочь, которая у него оставалась, потому что не смел остановиться и дать кому-нибудь шанс рассмотреть его. Он купил газету у почтового отделения и увидел описание своих примет, напечатанное черным по белому, в рамке. Он разозлился, потому что оно было не на первой странице: первая страница была целиком посвящена положению в Европе. К полудню — все время на ногах, все время в поисках Чолмонделея — он устал как собака. Он остановился на минуту у окна парикмахерской и взглянул на свое отражение. Он не брился с самого бегства из кафе. Усы скроют губу, но он знал, что волосы будут расти пучками гуще на подбородке, редко на губе и совсем не будут на другой стороне шрама. Щетина на подбородке обращала на себя внимание, но он не посмел зайти в парикмахерскую побриться. Если бы не ненависть, он бы сдался полиции. Они не дадут ему больше пяти лет, но смерть министра лежала сейчас, когда он так устал, на его плечах. Трудно было поверить, что его ищут только за грабеж. Он миновал шоколадный автомат, для которого годились только шиллинги и шестипенсовики, у него их не было.

Пока Рэвен глядел в витрину, мимо, не взглянув на него, прошел полисмен. Он не знал, что известно полиции. Та девушка рассказала им? Он решил, что теперь уж наверно. Ее рассказ должен быть в газете. Он посмотрел. Но там об этом не было ни слова. Это потрясло его. Он ее чуть не убил, а она к ним не пошла. Значит, она ему поверила, но он подумал: «Никаких шансов. Я даже Чолмонделея найти не могу».

Он пошел дальше, увидел на обочине шестипенсовик, подобрал его и повернул назад, к шоколадному автомату. Автомат был рядом с кондитерским магазином, напротив церкви, у которой стояла очередь женщин, ожидающих какой-то распродажи. Они шумели и были нетерпеливы. Наверно, двери давно должны были открыться, и он подумал: какая здесь добыча для настоящего карманника. Женщины были так тесно прижаты друг к другу, что и не заметили бы прикосновения к замку сумки. В этой мысли не было ничего личного. Он никогда не опускался, как он полагал, так низко, чтобы залезать в сумки к женщинам. Но эта мысль заставила его обратить на них внимание, и он медленно пошел вдоль очереди. Такую же сумку, как ту, что держала пожилая и довольно неопрятная женщина, — новую, дорогую, изысканную — он уже видел. Он сразу вспомнил маленькую ванную, поднятый пистолет и пудреницу, которую Энн вынула из сумки.

Дверь открылась, женщины бросились внутрь. Он оказался сразу один на мостовой около автомата и объявления о благотворительном базаре: «Входная плата — 6 пенсов». «Это не ее сумка, — сказал он себе. — Таких сумок, наверное, сотни». Но все-таки он бросился за старухой. «И не введи нас во искушение», — говорил викарий с кафедры в дальнем конце зала, возвышаясь над старыми шляпами, вазами и грудами женского белья. Когда молитва была окончена, его прижало толпой к киоску, где лежали любительские акварели в рамках, изображавшие озерные пейзажи, сигаретницы, медные, бронзовые пепельницы и груды читаных романов. Он ничего не мог поделать. Он не смог бы никого найти в этой толпе, но это ровным счетом ничего не значило, потому что по другую сторону киоска стояла старуха. Он перегнулся через киоск и поглядел на сумку. Он помнил, как девушка сказала: «Меня зовут Энн», и увидел слегка выдавленную на коже букву «Э» там, где была снята хромированная монограмма. Он поднял глаза, но не заметил, что у киоска стоял еще один человек, глаза которого не отрывались от злого лица старухи.

Он был потрясен этим так же, как был потрясен предательством Чолмонделея. Он не чувствовал вины перед министром обороны — тот был из сильных мира сего, из тех, кто заседал и знал правильные слова. Но это было зло: люди одного и того же класса охотятся друг за другом. Он продвигался вдоль киоска, пока не оказался рядом со старухой. Он наклонился. Он прошептал: «Как вы достали эту сумку?» Но между ними просунулась голова другой женщины. Она даже не увидела, кто прошептал. Она подумала, что это одна из женщин, решившая, что сумка куплена в одном из киосков. Но все-таки вопрос испугал ее. Он увидел, как она пробивает локтями путь к двери, и стал проталкиваться за ней.

Когда он выбрался из зала, старуха уже сворачивала за угол. Он прибавил шагу, не замечая в спешке, что его самого преследует человек, одежду которого — мягкую шляпу и плащ, сидевший как форменный, — он бы сразу распознал. Скоро он начал узнавать путь, по которому шел, — он был здесь с девушкой. Это было все равно, что воссоздавать в памяти прошлое. Сейчас появится газетный киоск, там стоял полисмен, а он хотел убить ее, завести куда-нибудь за дом и застрелить безболезненно, в спину. Злобное лицо, которое он видел по ту сторону киоска, казалось, шептало ему: «Не волнуйся, мы все за тебя сделали».

Удивительно, как быстро семенила старуха. Она держала в одной руке сумку, а другой придерживала абсурдно длинную юбку. Она казалась Рип

Ван Винклем[1] женского пола, проснувшимся в одежде пятидесятилетней давности. Он думал: «Они с ней что-то сделали, но кто «они»?» Девушка не была в полиции, она ему поверила. Значит, только Чолмонделею было нужно, чтобы она исчезла. Впервые с тех пор, как умерла его мать, он беспокоился за кого-то другого, беспокоился, потому что знал — Чолмонделей не остановится ни перед чем. На Кайбер Авеню, у дома 61, старуха остановилась и достала ключ. Это дало Рэвену возможность настичь ее. Он вставил ботинок в закрывающуюся дверь и сказал:

— Мне нужно кое-что спросить.

— Уйди, — сказала старуха. — Мы с такими, как ты, дела не имеем.

Он нажал на дверь.

— Послушай, тебе же лучше будет.

Она отступила в темноту маленькой прихожей.

— Где ты достала эту сумку? — спросил он и добавил: — Мне не доставит труда свернуть тебе шею.

— Эки! — закричала старуха. — Эки!

— Чем вы тут занимаетесь, а? — спросил Рэвен.

Он открыл наудачу одну из дверей и увидел дешевый диван с торчащими пружинами, большое зеркало в позолоченной раме, картинку, изображающую обнаженную девушку по колено в море. В комнате пахло духами и газом.

— Эки! — снова закричала старуха. — Эки!

— Так вот в чем дело, — сказал он. — Ты — старая сводня! — И вернулся в холл. Но старуха уже была не одна. С ней был Эки. Он пришел из глубины дома, беззвучно ступая резиновыми подошвами. Высокий и лысый, с бегающими глазками, он поглядел на Рэвена.

— Что тебе нужно, мой милый?

Он принадлежал совсем к другому классу: хорошая школа и богословский колледж сформировали его выговор, что-то еще сломало ему нос.

— Какие выражения! — сказала старуха, глядя на Рэвена из-под опекающей руки Эки.

— Я спешу. Я не хотел сюда врываться. Скажите мне только, где она достала эту сумку, — ответил Рэвен.

— Если вы имеете в виду ридикюль моей супруги, — сказал лысый, — он был подарен ей (разве не так, Тайни?) квартиранткой.

— Когда?

— Несколько дней назад.

— Где она теперь?

— Она останавливалась только на одну ночь.

— Почему она отдала сумку?

— Мы в этом мире только раз, — сказал Эки, — а потому... вы помните эту цитату?

— Она была одна?

— Разумеется, она была не одна, — вставила старуха.

Эки кашлянул и мягко оттолкнул ее.

— С ней был ее возлюбленный, — он надвинулся на Рэвена. — Это лицо мне о чем-то говорит. Тайни, дорогая, принеси мне сегодняшнюю газету.

— Не трудитесь, это я, — сказал Рэвен и добавил: — Вы соврали насчет сумки. Если девушка была здесь, то она была вчера ночью. Я намерен обыскать этот бордель.

— Тайни, дорогая, — сказал лысый. — Выйди в заднюю дверь и позови полицию.

Рука Рэвена лежала на пистолете, он не вынимал его, но не спускал глаз со старухи, которая неуверенно затрусила к двери в кухню.

— Поскорее, Тайни, дорогая.

— Если бы я подумал, что она в самом деле пошла, я бы вас на месте пристрелил, но она ни в какую полицию не пойдет. Вы трусите больше меня. Она сейчас прячется в уголке, — сказал Рэвен.

— О нет, я уверяю вас, что она пошла в полицию. Я слышал, как хлопнула дверь, можете пойти и проверить, — сказал Эки. И когда Рэвен проходил мимо, он поднял руку и ударил его по виску кастетом.

Рэвен отдернул голову — он ожидал этого, — проскользнул в кухню, вынул пистолет.

— Стой, — сказал он. — Пистолет бесшумный. Я пришью тебя, как только двинешься.

Старуха была там, где он и ожидал ее увидеть, она скорчилась в углу между шкафом и дверью.

— О, Эки, чего ж ты его не ударил? — стонала она.

Эки начал ругаться. Грязная ругань текла из его рта без усилий, но ни тон, ни выговор не изменились. Это была все та же хорошая школа и богословский колледж. Многих латинских слов Рэвен не понимал. Он нетерпеливо сказал:

— Так где же девушка?

Но Эки просто не слышал его. Он стоял в нервном припадке, и глаза его закатились, можно было подумать, что он молится.

— Где девушка? — вновь повторил Рэвен.

— Оставьте его в покое, — сказала старуха, — он вас не слышит. Эки, — простонала она из угла, — все в порядке, Эки, ты дома, — она сказала яростно Рэвену: — Вот что вы с ним наделали!

Неожиданно ругань прервалась. Эки двинулся и закрыл дверь в кухню. Рука с кастетом схватилась за пиджак. Он сказал мягко:

— В конце концов, господин епископ, вы тоже, я уверен, в свое время среди стогов... — и захихикал.

— Велите ему уйти. Я обыщу дом, — сказал Рэвен.

Он не спускал с них глаз. Маленький душный дом действовал ему на нервы, сумасшествие и злоба кипели в кухне. Старуха с ненавистью следила за ним из угла.

— Господи, вы ее убили, — произнес Рэвен и добавил: — Знаете, что такое получить пулю в живот? Вы будете лежать здесь и истекать кровью.

Ему казалось: это все равно, что застрелить паука. Он вдруг закричал на ее мужа:

— С дороги!

Эки сказал:

— Даже святой Павел...

Он не сводил с Рэвена горящих глаз и не отходил от двери. Рэвен ударил его по лицу, а затем отскочил от его цепкой руки. Он поднял пистолет, и женщина закричала:

— Стойте, я уведу его! Не смейте трогать Эки. Они его уже достаточно побили в свое время.

Она не доставала ему до плеча, серая, земная и жалко-нежная.

— Эки, дорогой, пойдем баиньки. — Она потерлась морщинистым лицом о его рукав. — Эки, там письмо от епископа.

Его зрачки сместились вниз, как у куклы. Он почти пришел в себя.

---

[1] Персонаж одноименного рассказа Вашингтона Ирвинга. *(Прим. перев.)*

Рэвен добрался до камина и отодвинул медную решетку. Внутри камина было тело женщины...

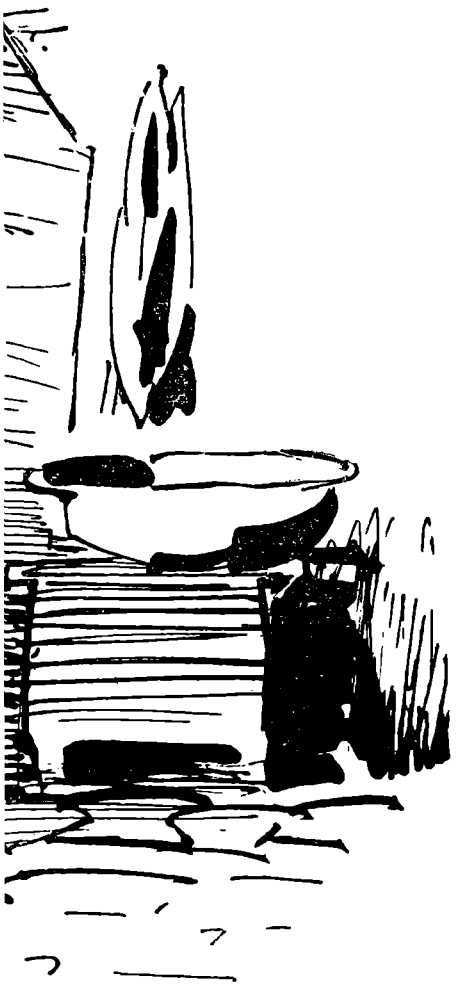
— Так, так, я поддался, полагаю, вспышке гнева, — сказал он и взглянул на Рэвена, наполовину узнавая его. — А этот парень все еще здесь, Тайни?

— Идем в спальню, Эки, дорогой, мне надо с тобой поговорить.

Он дал увести себя из кухни, и Рэвен последовал за ними по лестнице. Он слышал, как они все время говорили, они о чем-то договаривались; как только он уйдет, они могут побежать в полицию: если девушки здесь не было или если они избавились от трупа, им нечего бояться полиции. На площадке стояло большое треснутое зеркало. Он поднимался по лестнице, глядя на свое отражение с небритым подбородком, с заячьей губой. Его сердце билось о ребра: если бы ему сейчас пришлось выстрелить — быстро, для того чтобы спасти свою жизнь, — рука и глаз подвели бы его. Он думал безнадежно: «Это конец, я теряю хватку, меня одолела юбка». Он открыл первую попавшуюся дверь и вошел в комнату, которая наверняка была лучшей спальней — с широкой двухспальной кроватью, с мебелью, фанерованной орехом, с маленьким вышитым мешком для гребенок.

Он открыл дверь большого шкафа, и оттуда вырвался запах старой одежды и нафталина. Он подошел к закрытому окну и выглянул на Кайбер Авеню, и все время, пока он глядел, ему был слышен шепот из спальни — Тайни и Эки что-то замышляли. Его глаз на мгновение отметил крупного, несколько неуклюжего мужчину в мягкой шляпе, разговаривающего с женщиной у дома напротив, к нему подошел другой человек, и они вместе ушли. Он сразу узнал — полиция. Они, конечно, могли и не видеть его здесь — занимались обычным обходом. Он быстро вышел на лестничную площадку и прислушался. Эки и Тайни замолчали. Сначала он подумал, что они покинули дом, но когда прислушался, уловил свистящее дыхание старухи, доносящееся из-под лестницы.

На площадке была еще одна дверь. Он попробовал ручку. Дверь была заперта. Он не намеревался терять время. Он выстрелил в замок и вышиб дверь. Но и там никого не было. Комната была пуста. Это была маленькая комната, почти заполненная двойной кроватью, с холодным камином, прикрытым закопченной медной решеткой. На умывальнике стоял приемник, кувшин для воды



был пуст. Он выглянул из окна и ничего не увидал, кроме маленького каменного двора, мусорного ящика, высокой стены, ограждающей двор от соседей, и серого света тающего дня. Ясно было, для чего эта комната предназначалась.

Но что-то заставило его остаться. Он не мог уйти отсюда. Да и запертая дверь требовала объяснения. Зачем бы им запирать пустую комнату, если в ней не было каких-то улик, какой-то опасности для них? Он перевернул подушки на кровати и задумался, не выпуская из руки пистолета. Мозг его чувствовал агонию другого мозга. О, если бы знать! Он ощущал болезненную слабость человека, привыкшего всегда полагаться на пистолет. «Я же образованный, не так ли», — пришла ему в голову издевательская фраза, но он знал, что если в эту комнату попадут полицейские, они смогут найти в ней куда больше, чем он. Он встал на колени и заглянул под кровать. Ничего. Сама прибранность комнаты казалась неестественной, как будто ее убрали после того, как было совершено преступление. Даже коврик вытрясли.

Он спросил себя: не мерещится ли ему. Может быть, девушка и в самом деле подарила сумку старухе? Но не мог забыть, что они обманули его, сказав, что она была здесь раньше, чем на самом деле, что они отодрали от сумки инициалы девушки. И заперли эту дверь. Правда, люди запирают двери, чтобы не забрались грабители, но эти наверняка оставили бы ключ снаружи. Конечно, было объяснение всему, и он понимал это. Зачем оставлять на сумке чужие инициалы? А когда у вас много постояльцев, можно и забыть, в какую из ночей... На все были объяснения, и все-таки он не мог отделаться от мысли, что в этой комнате что-то случилось, а потом комнату прибрали. Он сожалел, что не сможет позвать полицию, чтобы она нашла эту девушку, — он был вне закона, и девушка тоже станет вне закона.

Он вышел на лестницу, но что-то тянуло его вернуться, как будто он покидал место, дорогое ему. Это чувство преследовало его, когда он поднялся на третий этаж и заглянул там в каждую комнату. В них ничего не было. Только кровати, шкафы, застоявшийся запах духов, пудры да сломанная трость в одном из шкафов. Все они были еще пыльнее, неприбранней и в то же время чаще посещались, чем комната, из которой он ушел. Он стоял в пустых комнатах, прислушивался, но не было слышно ни звука. Тайни и Эки примолкли, ожидая, когда он спустится к ним. Он подумал опять: не свалял ли дурака, рискуя всем? Но если им нечего прятать, почему они не позвали полицию? Он оставил их в одиночестве, и им нечего было бояться, пока он наверху. Что-то удерживало их в доме, так же как что-то притягивало его к комнате на втором этаже.

И заставило вернуться обратно. Он почувствовал себя лучше, когда закрыл за собой дверь и встал в узком пространстве между широкой большой кроватью и стеной. Он принялся осматривать комнату тщательно, дюйм за дюймом. Он даже подвинул радиоприемник на умывальнике. Тут он услышал, как скрипнула ступенька и кто-то, очевидно Эки, с неуклюжей осторожностью поднимался по лестнице. Вот он пересек лестничную площадку и остановился у двери, ожидая и прислушиваясь. Было невозможно поверить, что этим старикам нечего бояться. Рэвен прошел вдоль стен, ощупывая пальцами шелковистые цветастые обои, он слышал где-то, что раньше люди заклеивали обоями ниши в стенах. Он добрался до камина и отодвинул медную решетку.

Внутри камина было тело женщины, ногами оно касалось решетки, а голова скрывалась в трубе. Он подумал: «Если это та девушка и она мертва, я застрелю их обоих, я застрелю их так, чтобы они умерли не сразу и помучились».

Затем он опустился на колени, пытаясь освободить тело. Руки и ноги были связаны, старый бумажный жилет был забит между зубами, как кляп, глаза закрыты. Он вынул кляп, но не мог понять: жива она или мертва. Он ругал ее: «Проснись, сука, проснись». Он наклонился над ней, умоляя: «Проснись». Он боялся оставить ее. В кувшине не было воды, он не мог ничего поделать. Когда он разрезал веревки, то просто сел на пол рядом с ней, не спуская глаз с двери и держа в одной руке пистолет. Когда он почувствовал, что она дышит, ему показалось, что сам он начал жить снова.

(Продолжение следует)

Сокращенный перевод с английского КИР. БУЛЫЧЕВА

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

ГРЭМ ГРИН

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Она не знала, где находится, и сказала:

— Пожалуйста, уберите солнце, оно такое яркое.

В комнате не было солнца, скоро уже станет так темно, что нельзя будет читать. Он подумал: сколько же они продержали ее там, и прикрыл ей глаза ладонью, чтобы защитить их от слабого света раннего зимнего вечера.

— Теперь я могу заснуть. Здесь воздух, — сказала она устало.

— Нет, нет, — возразил Рэвен. — Нам надо отсюда выбраться.

Но он не был готов к простому вопросу: куда?

— Ты не помнишь, кто я такой? У меня нет ничего, но я найду для тебя безопасное место.

— Я кое-что выяснила...

Он подумал, что она говорит о жизни и смерти, но как только ее голос окреп, она объяснила:

— Это был человек, про которого вы мне говорили. Чолмонделей.

— Так, значит, ты меня узнала?

Она не обратила внимания на его слова.

— Я догадалась, где он работает. В одной компании. Это его напугало. Он, должно быть, там работает в самом деле. Я не помню, как она называется. Мне надо вспомнить.

— Не волнуйся, — сказал Рэвен. — Все в порядке. Ты вспомнишь. Но как ты не сошла с ума?.. О господи, ты молодец!

— Я все время помнила. Я услышала, как вы ищете меня в комнате, а потом вы ушли, и я все забыла.

— Ты сможешь сейчас идти?

— Конечно, смогу. Нам надо спешить.

— Куда?

— У меня все продумано. Я вспомню. У меня было много времени, чтобы все продумать.

— Ты говоришь, будто совсем не испугалась.

— Я знала, что меня обязательно найдут. Я спешила. У нас мало времени. Я все время думала о войне.

— Ты молодец! — снова сказал он.

Она начала двигать руками и ногами так методично, будто следовала программе, которую сама для себя выработала.

— Я много думала о войне. Я где-то читала, не помню где, что дети не могут носить противогазов, потому что им не хватает воздуха. Там было мало воздуха. И от этого все становилось таким четким. Мы должны это остановить. Это, наверно, покажется глупым, не правда ли, нас всего двое.

— А еще о чем ты думала?

— А еще я думала о вас. Я жалела, что мне пришлось уйти и оставить вас одного, — ответила она.

— Я думал, что ты пошла в полицию.

— Нет, я этого бы не сделала, — ей удалось

«Матер вскочил на платформу и увидел удаляющиеся силуэты...»

В 10—12 номерах прошлого года мы начали печатать приключенческий роман английского писателя Грэма Грина «Наемный убийца».

События, описываемые в романе, происходят накануне второй мировой войны.

По заданию политических воротил, нагревающих руки на военных приготовлениях и идущих на любые провокации, Рэвен, наемный убийца, совершает покушение на министра-социалиста одной из небольших европейских стран. Преступнику без труда удается скрыться.

В Лондоне Рэвен получает через мистера Чолмонделея, агента воротил, заказавших политическое убийство и поставивших европейский мир на грань войны, 200 фунтов стерлингов. Деньги оказываются краденными; полиция в лице сержанта — детектива из Скотланд-ярда Джимми Матера — и его помощника Сондерса нападает на след Рэвена, в котором видит пока лишь опытного взломщика сейфов.

Тем временем обозленный Рэвен решается разыскать мистера Чолмонделея и его хозяев, чтобы отомстить за обман. «Они так устроили, чтобы убрать меня», — догадывается он.

В Ноттвиче, куда скрылся Чолмонделей, он же мистер Дейвенант и Дейвис, Рэвен, чтобы запутать следы, делает своей невольной сообщницей бедную актрису Энн Кроудер, невесту сержанта Матера. Тот узнает об этом и ищет теперь не только преступника, но и свою исчезнувшую невесту.

Энн Кроудер, узнав от Рэвена, что Чолмонделей причастен к убийству министра, решается помочь Рэвену, надеясь раскрыть подлинных виновников убийства и тем предотвратить войну.

Энн принимает ухаживания мистера Дейвиса, соглашается поехать к нему после репетиции в театре, чтобы узнать для Рэвена его адрес. Но, пытаясь раскрыть его планы, она проговаривается, и Дейвис, почувствовав в ней сообщницу Рэвена, делает все, чтобы убрать ее со своей дороги.

Рэвену чудом удается спасти Энн Кроудер.

Благодарность к женщине, которая могла выдать его как убийцу и не сделала этого, ее ненависть к богачам, толкающим правительства на путь войны, пробуждает в Рэвене чувство, близкое к чувству ответственности за свои поступки; раньше им руководил лишь гнев жулика, которого обманули другие жулики.

Таково краткое содержание глав романа, опубликованных в предыдущих номерах.

встать, опираясь о его плечо. — Я на вашей стороне.

— Нам надо выбраться отсюда. Сможешь идти?

— Да.

— Тогда отпусти меня. Там кто-то стоит за дверью.

Он подошел к двери с пистолетом в руке и прислушался. У них, у тех двоих, было достаточно времени, чтобы что-нибудь придумать. Больше времени, чем у него. Он распахнул дверь. Было почти совсем темно. Он никого не увидел на площадке и подумал: «Старый черт стоит в сторонке и ждет момента, чтобы пришибить меня кочергой. Я брошусь ему навстречу», — решил он и тут же упал, споткнувшись о веревку, натянутую поперек площадки. Его пистолет валялся на полу. Он не успел подняться, как удар Эки обрушился на его левое плечо. Удар оглушил его, он не мог двинуться, он только успел подумать: «Сейчас он ударит по голове, я распустился, я должен был догадаться о веревке». И тут послышался голос Энн:

— Бросьте кочергу!

Энн подхватила выпавший пистолет и держала Эки под прицелом.

— Здорово, — сказал Рэвен изумленно, с трудом поднимаясь на ноги.

— Где ты, Эки? — крикнула старуха снизу.

— Дай мне пистолет, спускайся по лестнице и не бойся этой старой суки, — он шел за ней, не опуская пистолета, но старики уже были ни на что не способны.

— Если бы он только двинулся, я бы всадил в него пулю, — произнес он с сожалением.

— Я бы не расстроилась, — ответила Энн. — Я бы сама это сделала.

— Ты молодец, — повторил он.

Рэвен почти совсем забыл о детективах, которых видел на улице, но, подойдя к входной двери, вспомнил о них:

— Быть может, придется бежать, если снаружи полиция. Я нашел укрытие на ночь. На товарном складе. Там есть сарай, который они не используют.

Он открыл дверь. На улице никого не было.

— Вы заметили человека в подъезде напротив? — спросила Энн.

— Да, —ответил Рэвен, — я его видел.

— Я подумала, что он похож... но как это могло быть?..

— Там был другой, в конце улицы. Они из полиции, но меня не узнали. Если бы узнали, попытались бы взять.

— И вы бы стали стрелять?

— Да, конечно. Но они меня не узнали, — он засмеялся. — Я их здорово обманул.

В городе за железнодорожным мостом зажгли свет, но там, где были они, царили серые сумерки.

— Мне далеко не уйти, — сказала Энн, — извините. Боюсь, что после всего этого я себя не очень хорошо чувствую.

— Тут недалеко, — сказал Рэвен. — Здесь одна доска отстает. Я все приготовил для себя с утра. Там даже мешки. Много мешков. Там будет как дома.

— Как дома? Немного голо для дома, — сказала Энн.

— Не бойся меня, — сказал Рэвен. — Присядь и расскажи, что с тобой Чолмонделей сделал, а потом можешь уйти, куда хочешь.

— Даже если бы вы мне заплатили, я все равно никуда больше и шагу ступить не могу.

Дрожа от холода, он из последних сил поддерживал ее, стараясь разглядеть в сумерках ее лицо.

— Ты отдохнешь в сарае. Там много мешков.

Он был горд, как человек, показывающий свой дом.

2

Матер отступил в темноту подъезда. Это было хуже, чем его худшие опасения. Ему стоило только выйти вперед и арестовать Рэвена или остановить его пулей при попытке к бегству, но он был полисменом и не мог стрелять первым. В конце улицы Сондерс ждал его знака. Дальше констебль в форме ждал знака Сондерса. Но Матер не двинулся. Он позволил им пройти по улице в уверенности, что за ними никто не следит. Затем присоединился к Сондерсу.

— Ч-чч-ерт, — сказал Сондерс.

— Нет, — ответил Матер, — это только Рэвен... и Энн.

Он зажег спичку и поднес ее к сигарете, которую держал в зубах уже минут двадцать. Он с трудом различал мужчину и женщину, уходящих по темной дороге к товарным складам.

— Они не уйдут, — сказал Матер. — Им теперь от нас не скрыться.

— Вв-ы б-б-б-удете брать их обоих?

— Мы не можем поднимать стрельбу, пока с ним женщина, — сказал Матер, — понимаете, какой шум поднимут газеты, если пострадает женщина? Ведь мы его не за убийство ловим.

— Нам надо быть осторожнее с вашей девушкой, — произнес Сондерс.

— Давайте пойдем следом, — предложил Матер, — нельзя терять их из виду. Я о ней больше не думаю. Все кончилось. Она меня как следует провела. Я просто думаю, как нам лучше взять Рэвена... и любого сообщника, который у него есть в Ноттвиче. Если придется стрелять — будем стрелять.

— Они остановились, — сказал Сондерс: он был зорче, чем Матер. — Он отодвинул доску забора.

— Не волнуйся, — сказал Матер, — я пойду за ними. Возьми еще троих и поставь одного у лазейки. У всех ворот склада уже стоят люди. Остальных веди внутрь. Но тихо.

Он увидел их движущиеся тени, но тут паровоз выпустил клубы пара. Теплые грязные брызги оседали на лицо. Когда пар рассеялся, он никого уже не увидел. Везде стояли вагоны: можно забраться в один из них и лечь. Тут он совершенно явственно расслышал голос Энн: «Я больше не могу». Затем снова послышалось движение, тяжелые шаги, словно кто-то тащил тяжелый груз. Матер вскарабкался на платформу и всмотрелся в темный лабиринт рельсов и сараев, груд угля и кокса. Это было похоже на ничейную полосу, через которую пробирался солдат, неся на себе раненого товарища. Тонкая прихрамывающая тень стала человеческим существом, которое знало его любимую девушку. Он почувствовал какую-то связь между собой и тем человеком и подумал: «Сколько лет он получит за ограбление?» Ему уже не хотелось стрелять. Он подумал: «Бедняга дошел до ручки. Ищет место, где можно хотя бы присесть, и вот оно, это место, — маленький деревянный сарай между путями...»

Появился Сондерс, ожидающий приказаний.

— Они в сарае, — сказал Матер. — Расставьте людей. Если попытаются выйти, берите их сразу, если нет — ждите утра. Мы не хотим никаких несчастных случаев. Я буду ночью на участке. — Он добавил мягко: — И не думайте обо мне, Сондерс. Делайте свое дело. Думайте о себе. Оружие с вами?

— Конечно.

— Я подошлю еще людей. Будет довольно холодно, но нет смысла бросаться на этот сарай сейчас. Он сможет пробиться и уйти.

— Т-т-трудно вам приходится, — сказал Сондерс.

3

— Кто будет к обеду, дорогая? — спросил главный констебль, просовывая голову в дверь спальни.

— Не твое дело, — ответила миссис Калкин, — ты лучше переодевайся.

Он позвонил в полицейский участок.

— Есть новости? — спросил он безнадежно, зная, как мало надежды на то, что они попросят его совета.

— Мы знаем, где он. Мы его окружили. Ждем рассвета, — ответил голос инспектора.

— Я не нужен?.. Я могу приехать... посоветуемся.

— В этом нет никакой нужды, сэр.

Он положил трубку и пошел наверх. «Майор Калкин, майор Калкин, — размышлял он. — Моя беда, что я настоящий мужчина». Глядя из окна своей комнаты на огни Ноттвича, он вспомнил войну, трибунал, вспомнил, с каким удовольствием

«Сэра Маркуса встретил лакей, он же фельдшер...»

нагонял страху на пацифистов. Его мундир висел в шкафу. Легкий запах нафталина исходил от него. Его настроение внезапно поднялось. Он подумал: «Боже мой, может быть, через неделю все начнется снова! Покажем чертям, из чего мы сделаны. Интересно, впору ли мундир?» Он не смог удержаться, чтобы не примерить китель поверх вечерних брюк. Китель был узковат, он не мог этого отрицать, но он остался доволен своим отражением в зеркале. С его влиянием в графстве через две недели можно будет снова надеть мундир. Если повезет, то он будет в эту войну занят, как никогда.

— Джозеф, — спросила жена, — что ты делаешь?

Он увидел ее в зеркале: манекен, выставленный в витрине.

— Сними немедленно. От тебя нафталином будет вонять. Жена мэра уже здесь и каждую минуту может появиться сэр Маркус... — сказала она.

— Ты бы раньше сказала, — откликнулся главный констебль. — Если бы я знал, что сэр Маркус придет... Как ты его к нам затащила?

— Он сам напросился, — сказала с гордостью миссис Калкин. — Поэтому я и позвонила миссис Пайкер, жене мэра.

Главный констебль снял китель и аккуратно отложил его. Если война продлится год, его сделают полковником. У него были замечательные отношения со штабом, потому что он снабжал армейскую столовую бакалейными товарами только чуть выше себестоимости. В следующую войну он обязательно дослужится... Звук машины сэра Маркуса заставил его спуститься вниз.

Сэр Маркус вошел на цыпочках. Это был очень старый, больной человек с клочком седой бороды, напоминающей цыплячий пух. Он болтался в своем костюме, как зернышко в орешке.

— Я так благодарен вам, миссис Калкин, что вы предоставили мне возможность... — трудно было понять, что он говорит. Его водянистые глаза вобрали всех присутствующих. — Я всегда надеялся...

— Сэр Маркус, разрешите представить вам леди Пайкер.

— О, такое известное имя в Ноттвиче.

В голосе его не было сарказма или покровительственности. Просто он не брал на себя труда различать их.

— Я думал, что вы на Ривьере, сэр Маркус, — бодро произнес главный констебль. — Выпейте шерри.

— Боюсь, что я не пью, — прошептал сэр Маркус. У главного констебля вытянулось лицо. — Я вернулся два дня назад.

— Слухи о войне, а? Собаки лают...

— Да, да, — старые водянистые глаза блеснули, — слухи.

— Говорят, вы снова набираете рабочих у себя в Миддленд Стил, сэр Маркус?

— Мне так посоветовали, — прошептал сэр Маркус.

Горничная объявила, что обед подан.

Сэр Маркус не стал есть суп, он не стал есть и рыбу. Когда же подали жаркое, он прошептал: «Не могли бы вы мне принести сухой бисквит и немного горячей воды?»

— Мой доктор ничего больше мне не позволяет на ночь, — объяснил он.

— Да, нелегко, — сказал главный констебль.

Он уставился в свой пустой бокал: «Все отдал бы за шанс убежать, побыть среди парней, повеселиться и знать, что ты — настоящий мужчина».

— Как эти косточки понравились бы Чинки, — внезапно сказала леди Пайкер и поперхнулась.

— Кто такой Чинки? — прошептал сэр Маркус.

— У миссис Пайкер очаровательный котик, — быстро сказала миссис Калкин.

— Очень рад, что не собака, — прошептал сэр Маркус. — В собаках есть что-то... — старческая рука приподнялась, сжимая кусочек бисквита. — А из собак хуже всех болонки. — Он добавил не-

ожиданно злобно: — Гав, гав-гав, — и отпил немного горячей воды. Он был человеком, почти не имевшим радостей, его основным чувством была злоба, его основной целью — защита: защита богатства, той искорки жизни, которую он добывал ежегодно под каннским солнцем. Он был вполне удовлетворен перспективой есть бисквиты до конца своих дней, если это могло продлить его дни.

Главный констебль встречал его несколько раз на приемах. После всеобщей забастовки сэр Маркус подарил полностью оборудованный спортивный зал местной полиции в знак признания ее трудов, но никогда сэр Маркус не появлялся у него дома.

Каждый много знал о сэре Маркусе. Но сведения эти противоречили друг другу. Имени его не было в «Кто есть кто», и предприимчивый журналист, который бы собрался написать его биографию, обнаружил бы в ней обширные пробелы. Существовал даже пробел в официальных документах города Марселя, с которым слухи связывали эпизод из юности сэра Маркуса, когда тот был задержан за кражу в публичном доме. Теперь он восседает здесь, стряхивая крошки бисквита с пиджака, один из богатейших людей в Европе.

Никто, кроме его дантиста, не знал, сколько ему на самом деле лет, — главный констебль полагал, что возраст человека определяется по его зубам. Но, наверное, в его возрасте и нет своих зубов: еще один пробел в документах.

— Ну что ж, не стоило бы оставлять вас наедине с напитками, — сказала миссис Калкин значительно, поднимаясь с места и вперив в супруга предупреждающий взгляд, — но я полагаю, что вам о многом надо переговорить.

— Вы не будете возражать, если я капну себе портвейна? — спросил главный констебль, когда дверь закрылась. — Я не сторонник выпивки в одиночку, но если вы действительно не желаете... хотите сигару?

— Нет, — прошептал сэр Маркус, — я не курю. — Он продолжал: — Я хотел поговорить с вами частным порядком, об этом парне, о Рэвене. Дейвис очень взволнован. Беда в том, что он видел этого человека. Совершенно случайно. Во время грабежа в конторе его друга. Дейвис теперь опасается, что этот взбесившийся парень захочет убрать его. Как свидетеля.

— Передайте ему, — сказал главный констебль с гордостью, наливая себе вторую рюмку портвейна, — что нет никаких оснований беспокоиться. Считайте, что этот Рэвен уже пойман. Мы знаем, где он скрывается в данный момент. Он окружен. Мы только ждем рассвета...

— Так зачем же ждать? — прошептал сэр Маркус.

— Понимаете, он вооружен. В темноте всякое может случиться. Он может открыть стрельбу и пробиться. И второе. Там с ним его девушка. Нас не устраивает, если он скроется или если девушка попадет под пулю.

Сэр Маркус кивнул старческой головой.

— Я хочу, чтобы вы поняли. В определенной степени мы за это отвечаем. Из-за Дейвиса. Если будут какие-нибудь неприятности — допустим, убьют эту девушку, — все наши деньги встанут на защиту полиции. Если же будет расследование, то лучший адвокат... у меня тоже есть друзья, как вы могли предположить... — мягко сказал он.

— И все-таки лучше подождать рассвета, сэр Маркус. Я знаю свое дело. Я был солдатом.

— Да, я вас понимаю, — сказал сэр Маркус.

— Вроде все идет к тому, что старому бульдогу придется снова обнажить клыки, а? Слава богу, что у нас правительство соображает что к чему.

— Да, да, — сказал сэр Маркус, — я бы сказал, что теперь почти наверняка. — Водянистые глаза обратились к графину. — Я не хотел бы, чтобы мое присутствие помешало вам выпить рюмку портвейна, майор.

— Ну что ж, если вы настаиваете, сэр Маркус, я налью себе еще на сон грядущий.

— Я очень рад, что вы сообщили мне такие приятные новости. Нехорошо, когда вооруженный грабитель бродит по улицам Ноттвича. Вы не должны рисковать жизнью ваших замечательных парней, — сказал сэр Маркус и внезапно откинулся в кресле, начал ловить ртом воздух.

— Таблетку, живо... пожалуйста, — сказал он.

Главный констебль выхватил золотую коробочку из его кармана, но сэр Маркус уже пришел в себя. Он сам вынул таблетку.

— Вызвать вашу машину, сэр Маркус?

— Нет, нет, — прошептал сэр Маркус, — это не опасно. Это только больно. — Он опустил глаза и посмотрел старческими, мутными глазами на складки своих брюк. — О чем мы говорили? Замечательные парни, да, и вы не имеете права рисковать их жизнями. Они еще понадобятся родине.

— Совершенно справедливо.

— Для меня этот преступник — предатель. В такое время, когда каждый человек на счету. Нет, я бы обращался с ним, как с предателем, — со злобой прошептал сэр Маркус.

— Конечно, можно и так посмотреть на дело.

— Выпейте еще портвейна, майор.

— Да, это не помешает.

— Подумайте, скольких людей отвлечет от службы стране этот человек, даже если никого не убьет. Тюремщики, полицейская стража. И будут его кормить и содержать за счет государства, тогда как другие...

— ...будут умирать. Вы правы, сэр Маркус, — пафос его слов упал на благодатную почву. Он вспомнил о своем мундире: «Надо бы почистить пуговицы». Запах [illegible]олина все еще окружал его.

— Значительно [illegible] будет, майор Калкин, если ваши люди не будут рисковать. Если они будут стрелять без предупреждения. Полоть надо с корнем.

— Да, так будет лучше.

— Вы же отец своим людям.

— То же самое мне как-то сказал Пайкер... Я хотел бы, чтобы вы выпили со мной, сэр Маркус. Вы меня отлично понимаете. Вы понимаете, как себя чувствует офицер. Я ведь в армии служил.

— Наверно, через неделю вернетесь туда.

— Вы понимаете чувства мужчины. Я не хотел бы, чтобы между нами хоть что-нибудь было не договорено, сэр Маркус. Я хотел бы вам сознаться в одной вещи, чтобы она не мучила мою совесть. Под диваном была собака.

— Собака?

— Болонка, по кличке Чинки.

— Она сказала, что это кот.

— Она не хотела, чтобы вы узнали об этом.

— Я не люблю, когда меня обманывают. На следующих выборах я займусь Пайкером, — сказал

Маркус. Он устало вздохнул, будто говоря, что слишком многим ему приходится заниматься, слишком многое приходится устраивать, слишком многим приходится мстить... Он шепнул: — Так что вы позвоните сейчас в участок и прикажите им стрелять без предупреждения. А я уж о вас позабочусь.

— Я не совсем понимаю, как я...

Старческие руки нетерпеливо шевельнулись: сколько всего приходится устраивать!

— Послушайте. Я никогда не обещаю ничего, за что бы я не брал на себя ответственность. В десяти милях отсюда находится учебный лагерь. Я могу устроить так, что как только начнется война, вы будете назначены начальником лагеря в чине полковника.

— А полковник Бэнкс?

— Он будет переведен.

— Вы имеете в виду, если я позвоню?

— Нет, я имею в виду, если все получится.

— Если человек умрет?

— Он никому не нужен. Молодой негодяй. Нет причин колебаться. Выпейте еще портвейну.

Главный констебль протянул руку к графину. Он думал, но с меньшей сладостью, чем ожидал: «Полковник Калкин», — но он не мог не думать и о другом. Он был сентиментальным человеком средних лет. Он вспомнил, как добился назначения. Это было устроено, разумеется, так же, как будет устроено назначение в учебный лагерь, но он тут же вспомнил чувство гордости, овладевшее им оттого, что он возглавляет одно из лучших полицейских управлений в стране.

— Нет, уж лучше я не буду больше пить портвейна, — сказал он извиняющимся тоном. — Плохо пить перед сном, да и моя жена...

— Ну, полковник, — мигнув старческими глазами, сказал сэр Маркус, — вы можете на меня во всем рассчитывать.

— Хотел бы я... — сказал Калкин, — мне хотелось бы сделать вам приятное, сэр Маркус. Но я не вижу путей...

— Об этом никто не узнает.

— Я не думаю, что они послушаются меня.

— Вы хотите сказать, что, несмотря на ваше положение, вы не имеете никакой власти?

Он говорил с изумлением человека, который всегда заботился о том, чтобы иметь власть даже над самым младшим из своих подчиненных.

— Мне так хотелось бы сделать приятное для вас.

— Вот телефон, — сказал сэр Маркус. — В любом случае вы можете использовать ваше влияние. Я никогда не прошу от человека большего, чем он может сделать.

— Они хорошие парни. Я часто захожу вечерком на участок и пропускаю рюмочку. Они сообразительные. Сообразительнее не найдешь. Они его возьмут. Не бойтесь, сэр Маркус.

— Вы хотите сказать, мертвым?

— Живым или мертвым. Они не дадут ему убежать. Они хорошие парни.

— Но он должен быть мертв, — сказал сэр Маркус.

Он чихнул. Глубокий вдох совершенно истощил его. Он снова откинулся, часто дыша.

— Я не могу просить их, сэр Маркус, об этом, не могу. Ведь это же похоже на убийство.

— Чепуха.

— Эти вечера с парнями для меня много значат. А я не смогу больше к ним ходить после этого. Лучше уж я останусь, где я есть. Или меня назначат в трибунал. Пока есть войны, будут и дезертиры.

— Для вас не будет никакого назначения, — сказал сэр Маркус. — Я об этом позабочусь. Я могу устроить и так, что вы больше не будете главным констеблем. Позабочусь и о вас и о Пайкере.

Он странно присвистнул носом. Он был слишком стар, чтобы смеяться, чтобы использовать так непроизводительно свои легкие.

— Давайте выпейте еще рюмочку.

— Нет, я думаю, не стоит. Послушайте, сэр Маркус, я пришлю детективов к вам в контору. Они будут охранять мистера Дейвиса.

— Не подумайте, что я забочусь о мистере Дейвисе, — сказал сэр Маркус. — Вызовите моего шофера.

— Мне так хотелось помочь вам, сэр Маркус. Вы не желаете присоединиться к дамам?

— Нет, нет, — прошептал сэр Маркус, — только не с этой собакой. Если вы передумаете сегодня, можете мне позвонить. Я не собираюсь спать.

Пришлось помочь ему подняться и подать трость.

4

Сэр Маркус со своим лакеем, который был и опытным медицинским братом, жил на верхнем этаже большого здания Миддленд Стил. Это был его единственный дом. В Лондоне он останавливался в «Клэридже», в Каннах — в «Ритце». Лакей встретил его у порога здания с креслом на колесиках, вкатил его в лифт, а потом по коридору — в кабинет. Температура в комнате поддерживалась на нужном уровне, телетайп негромко потрескивал у письменного стола. Шторы не были опущены, через широкие двойные окна было видно ночное небо, раскинувшееся над Ноттвичем, исчерченное лучами прожекторов с аэродрома в Хэнлоу.

— Можете ложиться, Моллисон. Я не буду спать. — Сэр Маркус мало спал. В недолгое время, которое ему осталось жить, нескольких часов сна было достаточно. Да ему и не требовался сон. Не было физического напряжения, вызывающего его. Он начал читать бумаги на столе, затем ленту телетайпа. Он прочел о приготовлениях к газовой тревоге. Все клерки, работающие внизу, которым придется выходить наружу, уже получили противогазы. Сирены должны завыть почти сразу после начала рабочего дня. Работники транспорта, водители грузовиков, курьеры наденут маски немедленно, как только приступят к работе.

Сэр Маркус читал телетайпную ленту. Акции оружейных компаний росли в цене, росла и сталь. То, что английское правительство закрыло экспортные лицензии, ровным счетом ничего не значило: страна сама поглощала больше оружия, чем когда бы то ни было. У сэра Маркуса было много друзей в разных странах, он виделся с ними регулярно в Каннах или на яхте у Родоса: он был близким другом миссис Кранбейм. Сейчас было невозможно экспортировать оружие, но можно экспортировать никель и другие металлы, необходимые вооружающимся странам. И даже когда война будет объявлена, английское правительство не запретит экспорт никеля в Швейцарию или другую нейтральную страну, если потребности Великобритании будут удовлетворены. Будущее представлялось в розовом свете, ибо вы полностью могли положиться на слова миссис Кранбейм. Ее

сведения были из первых уст, если считать таковыми уста крупного государственного деятеля, чьим доверием она пользовалась.

Из телетайпных сообщений, которые читал сэр Маркус, совершенно явно следовало, что два правительства, которых это касалось в первую очередь, не намерены ни изменять, ни принимать условия ультиматума. Вернее всего, дней через пять по крайней мере четыре страны будут находиться в состоянии войны, и потребление боеприпасов поднимется до миллиона фунтов ежедневно.

И все-таки сэр Маркус не был полностью счастлив. Дейвис напорол лишку. Когда он предупреждал Дейвиса, что убийца не должен извлечь выгоды из преступления, он никак не ожидал этой идиотской выдумки с краденными деньгами. Теперь придется всю ночь ждать, пока позвонит телефон. Старческое тело устроилось как можно удобнее на надутых подушках: сэр Маркус болезненно ощущал свои кости. Часы пробили полночь. Он прожил еще один полный день.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Рэвен шарил в темноте, пока не нашел мешки. Он свалил их в кучу, встряхивая, как встряхивают подушку.

— Ты здесь сможешь немножко отдохнуть, — прошептал он взволнованно.

Энн позволила ему провести себя за руку в угол.

— Страшно холодно, — сказала она.

Он зажег спичку, и маленький огонек поплыл сквозь холодную темноту. Он принес мешки и накрыл ими Энн.

— Свет нельзя зажечь? — спросила Энн.

— Это опасно. Да и притом, — сказал он, — мне повезло. Тебе меня в темноте не видно. Ты этого не увидишь.

Он потихоньку дотронулся до своей губы. Он прислушался: у двери кто-то споткнулся о железо, затем через некоторое время кто-то тихо заговорил.

— Мне надо подумать... Они знают, что я здесь. Наверно, тебе лучше уйти. Они против тебя ничего не имеют. Если они придут сюда — будет стрельба, — сказал он.

— Думаете, они знают, что я здесь?

— Они, должно быть, следили за нами все время.

— Тогда я остаюсь, — сказала Энн. — Пока я здесь, никакой стрельбы не будет. Они дождутся, пока вы выйдете утром.

— Я должен подумать, — повторил он.

— Вы спасли меня сегодня, — сказала Энн.

— Эта компания тебя бы не убила — духу бы не хватило убить.

— Но ваш друг Чолмонделей был близок к этому. Он чуть не задушил меня, когда узнал, что я вместе с вами.

— Вместе со мной?

— Чтобы найти того человека, за которым вы охотитесь.

— Мерзкий предатель... А ты соображаешь. Ты мне нравишься.

— Спасибо за комплимент.

— Это не комплимент.

— Вспомнила. Вспомнила место, в котором работает Дейвис.

— Дейвис?

— Человек, которого вы зовете Чолмонделеем. Я в этом уверена. Миддленд Стил. На улице неподалеку от «Метрополя». Дом как большой дворец.

— Мне надо отсюда выбраться, — сказал Рэвен, постукивая пистолетом по замерзшей земле.

— Вы не можете пойти в полицию?

— Я? В полицию? — он засмеялся. — Это будет неплохо. Протянуть руки за наручниками.

— Я подумаю, как быстрее найти Дейвиса.

Когда голос ее пропал, ему показалось, что она ушла. Он спросил резко:

— Ты здесь?

— Конечно, здесь. Что вас беспокоит?

— Страшно остаться одному, — к нему вернулось ощущение горечи. — Тебе не холодно?

— Я бывала в местах и потеплее.

Оставались только его мешки.

— Завернись, — сказал он.

— А вам хватит?

— Еще бы, конечно. Я уж о себе позабочусь, — ответил он грустно. Его руки так замерзли, что он с трудом удерживал пистолет. — Мне надо отсюда выбраться.

— Мы придумаем что-нибудь. Лучше поспите немного.

— Я не могу спать, — сказал он. — Мне снятся плохие сны.

— Мы можем рассказывать друг другу разные истории.

— Я не знаю никаких историй.

— Совсем не знаете? Вас плохо воспитывали...

— Нет, я образованный, как полагается, — запротестовал он. — Но у меня другое на уме. До черта всего.

— Бодритесь. Другим хуже.

— Кому?

— Тому парню, который все это начал, кто убил старика. Вы знаете, о ком я говорю. Друг Дейвиса.

— Что ты говоришь! — возмутился он. — Друг Дейвиса, — он сдержал гнев. — Дело не в убийстве. Дело в предательстве.

— Ну, конечно, — сказала Энн весело, — я и сама не обращаю внимания на такой пустяк, как убийство.

Он попытался разглядеть ее в темноте.

— Ты не это хочешь сказать? Ты серьезно?

— Но есть убийства и убийства, — ответила Энн. — Если бы мне попался человек, который убил, — как звали того старика?

— Я не помню.

— И я тоже. Все равно не выговорить.

— Давай дальше. Если бы он был здесь...

— Я бы разрешила вам застрелить его и даже пальцем бы не пошевелила. И потом сказала бы вам: молодец! Вы помните, как я вам говорила, что не могут изобрести противогазов для детей?

«Вот что у нее в голове: матери в противогазах остались живы и смотрят, как их дети выкашливают внутренности». Он сказал упрямо:

— Беднягам, считай, повезет. А какое мне дело до богатых? Я бы своих детей в этот мир и не впустил... Понимаешь, я получил образование. В одном из домов Ее Величества. Они их так называют — «дома». А что ты думаешь значит — «дом»? — но не дал ей ответить. — Не знаешь. Ты думаешь, это муж на работе, газовая печка, двойная кровать, шлепанцы, колыбельки и так далее. Это не дом. «Дом» — это одиночное заключение для мальчишки, который заговорил в церкви, и розги почти за все, что бы ты ни сделал. Хлеб и вода. И сержант, раздающий подзатыльники, если ты захотел побаловаться. Вот что значит «дом».

— Так он же и старался это исправить. Он был такой же бедный, как и мы.

— О ком ты говоришь?

— Об этом старике, как его там звали. Разве вы не читали о нем в газетах? Он снизил расходы на армию, чтобы очистить трущобы. Там были фотографии. Он открывает новые квартиры, говорит с детьми. Он был не из богатых. Он не хотел войны. Потому-то они его и убили. Могу поспорить, что есть люди, которые наживаются на его смерти. И он сам выбился в люди, писали в газетах. Его отец был вор, а мать кончила жизнь...

— Самоубийством? — прошептал Рэвен. — Ты читала, как она...

— Она утопилась.

— Этого достаточно, чтобы задуматься.

— Да, я сказала бы, что парню, который убил старика, есть о чем подумать.

— Может быть, он не знал того, что написано в газетах. Люди, которые платили ему, — они знали. Может быть, если бы мы знали, каково пришлось тому парню, поняли бы его точку зрения.

— Пришлось бы немало поговорить, чтобы я его поняла. Давайте лучше спать.

— Мне надо подумать.

— Вы будете лучше думать, если поспите.

Но ему было слишком холодно, чтобы он мог заснуть. Ему нечем было укрыться, а его поношенное черное пальто было тоньше, чем бумага. Под дверь вполз сквозняк, который, быть может, прилетел по замерзшим рельсам из Шотландии и принес с собой дыхание ледяного тумана с моря. Он подумал про себя: «Я не хотел зла старику, в этом не было ничего личного...» «Я бы разрешила вам застрелить его и даже пальцем бы не пошевелила. И потом сказала бы вам: «Молодец». Он поймал себя на сумасшедшей мысли: встать, выйти с пистолетом в руке и дать им застрелить себя. Но тут он подумал, что все, что он узнал о старике, прибавилось к его счетам с Чолмонделеем. Чолмонделей обо всем этом знал. За это он получит еще одну пулю в жизот, и еще одну получит хозяин Чолмонделея. Но как их найти? Он вспомнил, что на стене в кабинете старого министра висела фотография, которую тот как-то связал с рекомендательным письмом, фотография молодого человека со шрамом, человека, который сейчас уже стар.

— Вы спите? — спросила Энн.

— Нет, — сказал Рэвен. — Что тебя тревожит?

— Мне показалось, кто-то ходит.

Он прислушался. Это ветер гремел оторвавшейся доской. У него застучали зубы от холода. Энн услышала. Она протянула руку и дотронулась до его пальцев.

— Вы совсем холодный, — сказала она. — Вы отдали мне все мешки.

— Мне они не нужны. У меня пальто.

— Мы друзья, не так ли? — спросила Энн. — Мы же здесь вместе. Возьмите два мешка.

— Там еще должны быть мешки. Я поищу.

Он зажег спичку и побрел вдоль стены.

— Вот два мешка, — сказал он, садясь подальше от нее, так, чтобы она не могла до него дотянуться. — Я не могу заснуть. Мне только что снился сон о старике. Я убил старика в этом сне. Он сидел за столом. У меня был бесшумный пистолет. Он упал. Я не хотел мучить его. Он для меня ничего не значил. Потом я положил ему в руку клочок бумажки. Мне было приказано ничего там не брать.

— Как так ничего не брать?

— Они мне не платили за то, чтобы я чего-нибудь брал. Чолмонделей и его хозяин.

— Это был не сон.

— Нет, это был не сон.

Молчание испугало его. Он быстро заговорил:

— Я не знал, что старик был один из нас. Я бы его и пальцем не тронул, если бы знал, что он был таким. И все эти разговоры о войне. Для меня они ничего не значили. Какое мне дело до войны? Для меня всегда была война. Ты много говорила о ребятишках. А почему бы тебе не пожалеть взрослых? Шел разговор — или он, или я. Двести фунтов, когда я вернусь, и пятьдесят фунтов сразу. Это большие деньги... Теперь ты от меня уйдешь?

В тишине Энн слышала его прерывистое дыхание.

— Нет, я не уйду.

— Это хорошо. О, как это хорошо! — сказал он.

Он вытянул руку и нашел ее руку, холодную как лед. Он на секунду приложил ее к своей небритой щеке, он не мог дотронуться до нее своей изуродованной губой. Он сказал:

— Как хорошо довериться кому-нибудь во всем!

2

Энн долго не могла заставить себя заговорить снова. Она хотела, чтобы голос ее звучал нормально, чтобы в нем не слышалось отвращения. Она

«Он зажег спичку...»

попыталась сказать что-нибудь, но ничего не придумала, кроме: «Нет, я вас не оставлю».

— Как хорошо, что можно кому-нибудь довериться! — повторил Рэвен.

И внезапно его рот, который не казался ей раньше особенно уродливым, возник в памяти, ее передернуло от этого воспоминания. И все-таки он должен найти Чолмонделея и хозяина Чолмонделея и потом... она отодвинулась от него в темноте.

— Они теперь ждут там. К ним фараоны из Лондона приехали, — сказал он.

— Из Лондона?

— Об этом в газете писали, — сказал он с гордостью. — Детектив Матер из Ярда.

Она с трудом сдержала крик отчаяния и ужаса.

— Здесь?

— Может быть, он сейчас как раз снаружи.

— А почему он не войдет?

— Им меня в темноте не взять. И к тому же они знают, что ты здесь. Им поэтому нельзя стрелять.

— А вам, вам можно стрелять?

— Там никого нет, кому бы я боялся повредить.

— А как же вы хотите выбраться утром?

— Я не буду ждать утра. Мне нужно только немного света, чтобы видеть, куда бежать. И видеть, куда стрелять. Они первыми стрелять не будут. Это мне на руку. Если я сбегу, они никогда не догадаются, где меня искать. Мне нужно только несколько часов. Ты одна будешь знать, что я в Миддленд Стил.

Она почувствовала отчаянную ненависть:

— И вы будете стрелять, ни о чем не думая?

— Ты же сказала, что ты за меня, не так ли?

— Да, — сказала она устало, стараясь придумать что-нибудь, — да.

«Спасти мир и Джимми — это было слишком много. Если уж дело пойдет об окончательном выборе, мир отступит на второе место. А что, — подумала она, — думает Джимми?» Она знала о его тяжелой серьезной честности... Потребуется больше, чем голова Рэвена на блюде, чтобы он понял, почему она действовала так с Рэвеном и Чолмонделеем. Даже для нее самой звучало слабо и неубедительно то, что она хотела остановить войну.

— Давайте спать, — сказала она. — У нас впереди долгий-предолгий день.

— Наверно, я засну, — сказал Рэвен. — Ты не знаешь, как хорошо...

Теперь уже Энн не могла заснуть. Слишком многое надо было осмыслить. Она подумала, что может украсть его пистолет, пока он спит, и позвать полицию. Это спасет Джимми от опасности, ну, а что дальше? Они никогда ей не поверят. У нее нет никаких доказательств, что он убил старика. Да и в этом случае он может убежать. Ей нужно было время, но времени не было.

Пробили часы. Энн сосчитала удары, как она считала их всю ночь. Уже скоро день, а она так ничего и не придумала. Она кашлянула, у нее покалывало в горле, и неожиданно она поняла с радостью, что снаружи туман. Не тот, черный, верхний, а холодный, мокрый, желтый туман с реки. Человеку, если туман будет достаточно густ, нетрудно скрыться. Она вытянула руку и с трудом, потому что он теперь был ей противен, дотронулась до Рэвена. Тот сразу проснулся.

— Туман, — сказала она.

— Вот повезло, вот повезло... Так можно и поверить в бога, не правда ли?

Они видели друг друга в раннем свете.

— Надо было тебя стукнуть, — сказал он. — Тогда они не подумали бы, что ты со мной. Но я размяк. Я бы тебе не повредил и за деньги.

— Ну уж не за двести пятьдесят фунтов, — не смогла удержаться она.

— Он был чужой, — сказал Рэвен. — Это не то же самое. Я думал, он один из сильных мира сего. А ты... — он колебался, глядя на пистолет, — друг.

— Не бойтесь, — сказала Энн, — я придумаю, что им рассказать.

— Ты умная, — произнес он с восхищением, глядя, как туман проползал в щели и заполнял сарай. «Скоро он будет достаточно густ, чтобы попробовать». Он переложил пистолет в левую руку и пошевелил пальцами правой. Усмехнулся, чтобы подбодрить себя: «Они меня никогда не найдут в тумане».

— Вы будете стрелять?

— Конечно, буду.

— У меня идея, — сказала Энн. — Не стоит рисковать. Дайте мне ваше пальто и шляпу, я надену их и выйду первой, и пусть они за мной погоняются за свои деньги. В таком тумане они не разглядят ничего, пока меня не поймают. А как только услышите свистки, медленно досчитайте до пяти и бегите. Я побегу направо. Вы — налево.

— Ты с характером, — ответил Рэвен и покачал головой. — Нет, они могут стрелять.

— Вы же сами сказали, что они первыми стрелять не будут.

— Это-то так. Но ты пару лет заработаешь.

— О, — сказала Энн, — я расскажу им сказку. Я скажу, что вы меня заставили. — И добавила с горечью: — Они мне дадут повышение. Из хора в солистки.

— Если уж решила, то притворись, что ты моя девушка, они тебе ничего не привесят. Я им скажу об этом. Они отпустят мою девушку, — сказал Рэвен робко.

— У вас есть нож?

— Да, — сказал он.

Он обыскал все карманы, но ножа не было. Он, должно быть, выронил его на пол в гостиной Эки.

— Я хотела разрезать юбку, чтобы быстрее бежать, — сказала Энн. — Дайте мне пальто.

Он задрожал, снимая его, и казалось, потерял часть своей самоуверенности без тесной черной трубы, которая скрывала очень старый клетчатый костюм с дырками на локтях. Костюм плохо сидел. Рэвен выглядел недокормленным. Он никому не показался бы сейчас опасным. Он обхватил себя руками, чтобы скрыть дыры.

— И шляпу, — попросила Энн.

Он поднял шляпу с мешков и подал ей... Он выглядел униженным, а он никогда не примирялся с унижением без ярости.

— Теперь, — сказала Энн, — помните: ждите свистков, а потом считайте.

— Мне это не нравится, — сказал Рэвен. Он пытался безнадежно выразить глубокую боль, которую чувствовал от того, что Энн уходила, это уж очень было похоже на конец всему.

— Мы увидимся когда-нибудь? — спросил он. И когда она машинально согласилась, засмеялся с болезненным отчаянием.

— Вряд ли после того, как я убью... — но он даже не знал имени того человека, которого хотел убить.

(Окончание в следующем номере)

Сокращенный перевод Кир. БУЛЫЧЕВА

RO

НАЕМНЫЙ УБИЙЦА

ГРЭМ ГРИН

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Сондерс задремал; голос совсем рядом разбудил его.

— Туман густеет, сэр.

Туман и так был густ, рассвет окрашивал его в пыльно-желтый цвет.

— Передайте по цепи, чтобы люди сомкнулись,— приказал он.

— Будем брать сарай, сэр?

— Нет, там девушка. Нам нельзя с-с-стрелять. Подождем, п-п-ока он выйдет.

Но не успел отойти полицейский, как Сондерс заметил — дверь открывается... Он поднес ко рту свисток, спустил предохранитель пистолета. Еще было недостаточно светло, но он узнал черное пальто, когда силуэт скользнул направо, к платформам с углем. Он засвистел и бросился вслед. У черного пальто было полминуты форы, и оно быстро исчезло в тумане. Видимость была не больше двадцати футов. Но Сондерс не отставал и не переставал свистеть. Как он и надеялся, другой свисток ответил спереди; это сбило с толку беглеца; он на секунду замешкался, и Сондерс приблизился к нему. Ему было некуда деваться, и Сондерс знал, что это самый опасный момент. Он трижды резко свистнул, чтобы полицейские сомкнулись в сплошное кольцо, и свист был подхвачен в желтой бездонности, прокатываясь по невидимому кругу.

Но Сондерс потерял темп, беглец рванулся вперед и исчез. Сондерс свистнул дважды — «Продвигайтесь медленно, не теряя контакта». Справа и спереди один долгий свисток возвестил, что человека увидели. Полицейские бросились на звук. Каждый видел товарищей справа и слева. Беглецу не скрыться, пока круг не разорван. Кольцо смыкалось, а беглеца не было видно.

Внезапно Сондерс увидел его. Он занял удобную позицию, пустая платформа за спиной охраняла его с тыла. Полицейские не могли заметить беглеца, и он повернулся, как дуэлянт, показывая Сондерсу плечо. Пара старых шпал скрывала его ноги. Сондерсу почудилось, что тот собирается отстреливаться — человек, должно быть, отчаялся: шляпа надвинута на лицо, пальто странно повисло, руки засунуты в карманы. Сондерс крикнул сквозь желтые клубы тумана:

— Лучше выходи спокойно!..

Он поднял пистолет и приблизился, не спуская пальца с курка. Но неподвижность фигуры, полускрытой туманом, пугала его. Сондерс, подходивший с востока, ясно вырисовывался на фоне неба. Это было подобно ожиданию казни, ибо он не имел права выстрелить первым. И все-таки, зная Матера, зная, что этот человек был связан с девушкой Матера, он мог бы и выстрелить первым. Матер будет на его стороне. Одного движения достаточно. Он резко, не заикаясь, произнес:

— Руки вверх!

Фигура не пошевельнулась. Он повторил про себя с растущей ненавистью к человеку, который сделал зло Матеру: «Я продырявлю его, если он не подчинится, все будут на моей стороне». Еще раз: «Руки вверх!» И когда фигура осталась стоять, спрятав руки в карманы, он выстрелил.

Но в тот миг, когда нажимал курок, он услышал свисток, прерывистый и долгий, донесшийся со стороны дороги. Не было сомнения, что он значил. Он сразу понял, что стрелял в девушку Матера. Он крикнул стоявшим сзади него: «Назад, к воротам!» И бросился вперед. Он видел, как она пошатнулась после выстрела. Он спросил: «Вы ранены?» — и снял шляпу с ее головы, чтобы лучше разглядеть лицо.

— Вы — третий человек, который пытается меня убить, — сказала Энн слабым голосом. — «Добро пожаловать в солнечный Ноттвич». Ну что ж, у меня еще шесть жизней в запасе...

— К-к-к-к-к... — заикался Сондерс.

— Вы попали вот сюда, если для вас это важно, — и она показала ему длинную желтую царапину на борту платформы. — Пуля пошла за молочком.

— В-вам придется п-п-пройти со мной.

— С удовольствием. Вы не возражаете, если я сниму пальто? Я в нем глупо себя чувствую.

У ворот четыре полисмена стояли вокруг лежащего на земле. Один из них сказал:

— Мы послали за «Скорой помощью».

— Он мертв?

— Нет еще... Пуля попала в живот.

Сондерса охватил гнев.

— Отойдите, парни, — сказал он. — Пусть леди поглядит.

2

— Если вы хотите сделать заявление, я вас должен предупредить: все, что вы скажете, может быть использовано против вас, — сказал Матер.

— Я не собираюсь делать никаких заявлений, — ответила Энн. — Мне нужно с тобой поговорить, Джимми.

— Если бы здесь был суперинтендант, — сказал Матер, — я бы просил его вести допрос. Я хочу вас предупредить, что не допущу ничего личного — то, что не я вас задержал, не значит...

— Мог бы предложить чашку кофе, — сказала Энн, — скоро время завтрака.

— Куда он пошел? — в ярости ударил кулаком по столу Матер.

— Подожди, — сказала Энн. — Мне есть что рассказать. Но ты все равно не поверишь.

— Я видел человека, которого он застрелил, — сказал Матер. — У него жена и двое детей. Звонили из госпиталя: внутреннее кровоизлияние.

— Сколько времени? — спросила Энн.

— Восемь часов. Вам нет смысла молчать. Он от

Окончание. Начало в № 10—12 за 1965 год и в № 1 за 1966 год.

нас не скроется. Через час начнется воздушная тревога. На улицах не будет ни души без противогаза. Его сразу заметят. Как он одет?

— Если бы ты дал мне чего-нибудь поесть. У меня уже сутки во рту ни крошки не было.

— Есть один шанс, что вас не обвинят в сообщничестве. Если вы сейчас же сделаете заявление... — сказал Матер.

— Это допрос третьей степени? — спросила Энн.

— Почему вы покрываете его? Зачем держать слово, если вы не...

— Продолжай, — сказала Энн, — внеси личную струю. Никто тебя не обвинит. И я в том числе. Но я не хочу, чтобы ты думал, что я дала ему слово. Он убил старика. Он сам мне сказал.

— Какого старика?

— Министра обороны.

— Мог бы придумать что-нибудь получше.

— Но это правда. Он никогда не крал этих денег. Его просто обманули. Этими деньгами ему заплатили за убийство.

— Ну и кружево он сплел для вас, — сказал Матер. — Но я-то знаю, откуда взялись эти деньги.

— Нетрудно догадаться. Откуда-нибудь в этом же городе.

— Он обманул вас. Они из Юнайтед Рейл Майкерс с Виктория-стрит.

— Но в самом-то деле они из Миддленд Стил, — покачала Энн головой.

— Так вот куда он направился. В Миддленд Стил?

— Да, — сказала Энн.

Она теперь ненавидела Рэвена. Полицейский, лежавший в луже крови, взывал к смерти Рэвена, но она не могла забыть сарай, кучу мешков, полное и безнадежное доверие. Она сидела с опущенной головой, пока Матер по телефону отдавал приказания.

— Мы подождем его здесь, — сказал он. — Кого он там собирается увидеть?

— Он сам не знает.

— В этом может что-нибудь быть, — сказал Матер. — Может быть, его обманул какой-то клерк.

— Ему платил деньги не клерк, и не клерк пытался меня убить просто потому, что я знала...

— Ваши сказки могут подождать, — сказал Матер.

Он сказал вошедшему констеблю:

— Девушка задержана. Можете дать ей сандвич и чашку кофе.

— Ты куда идешь?

— Привести вашего дружка, — сказал Матер.

— Он будет стрелять. Он быстрее, чем ты. Почему не дать другим, — молила она его. — Я обо всем расскажу.

— Записывайте, — сказал Матер констеблю. Он надел плащ. — Туман рассеивается.

— Неужели ты не понимаешь, что если все это правда, дайте только ему время найти того человека, и не будет войны.

— Он вам рассказывал сказки.

— Он говорил правду, ты там не был, ты не слушал. Тебе все кажется по-другому. Я думала, что спасу всех.

— Все, что тебе удалось сделать, — добиться, чтобы убили человека.

— Здесь все звучит так нереально. Но ведь он верил. Может быть, — сказала она безнадежно, — он сумасшедший.

Матер открыл дверь.

— Джимми, он не сумасшедший. Они же пытались меня убить! — закричала вдруг она.

— Я прочту твое заявление, когда вернусь, — сказал он и закрыл за собой дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Бадди был занят по горло. Все были готовы подчиняться его приказам. Он был вождем. Они схватят любого, на кого он покажет. Он ощущал необъятную власть: это замечательная компенсация за неудовлетворительные результаты экзаменов, за сарказм хирургов. Сегодня даже хирурги не будут в безопасности, если он отдаст приказ.

Он созвал самых отчаянных студентов и объяснил:

— Кто выйдет на улицу без противогаза — дезертир. Кое-кто хочет сорвать учебную тревогу. Мы им покажем.

Подобно громадному зверю, которому надо поразмяться, которого слишком долго держали на одном сене, Бадди Фергюссон ощущал свое тело, свои бицепсы. Слишком много экзаменов, слишком много лекций. Бадди Фергюссон требовал действия. Пока все суетились вокруг него, он воображал себя вождем. Когда начнется война, Красный Крест не для него. Бадди Фергюссон, командир роты, отчаянный дьявол траншей.

— Противогазы готовы? — обратился он к студентам, неоспоримый лидер, отчаянный Бадди. «Что там экзамены, когда ты — вождь». Он видел в окнах головы нескольких молоденьких медсестер.

Фабричная сирена завыла нарастающим свистом, все на секунду застыли. Затем, взбираясь на крыши карет «Скорой помощи», надевая противогазы, выкатили на холодные улицы Ноттвича. Кареты сбрасывали их на каждом углу, и они расходились с разочарованным видом — улицы были почти пусты. Сквозь круглые линзы противогазов они поблескивали голодными глазами, разыскивая жертвы. Бадди Фергюссону предложили захватить полисмена, стоявшего на посту без противогаза. Но Бадди наложил вето на это предложение. Им нужны были только люди, которые так мало думали о родной стране, что не позаботились даже обзавестись противогазом.

Они шли по улице, полдюжины чудовищ в масках, в белых, измазанных сажей халатах. Их невозможно было отличить друг от друга. Сквозь большую стеклянную дверь Миддленд Стил они увидели трех человек, стоявших у лифта и разговаривавших со швейцаром. Вокруг было множество полицейских, а на площади они заметили братьев-студентов, которым повезло больше: они уже тащили отбивающегося человечка. Полицейские смотрели и смеялись, звено самолетов прорычало над головами над самым центром города, чтобы придать правдоподобие тревоге. Они схватили старуху, которая так и не могла понять, что к чему. Она думала, что собирают деньги на что-то, и предложила им пенни. Когда ей сказали, что надо отправиться в госпиталь, старушка засмеялась. Она сказала: «Никогда не поймешь, что вы, мальчики, еще придумаете». Тогда один из них взял ее под руку и повел по улице. Она сказала: «Кто из вас дед-мороз?» Бадди это не понравилось. Это коробило его гордость... Он постоял на месте. Ос-

тальные повели старуху. Бадди стоял один на улице, пока не появился Майк. Майк сказал, что у него есть славная идея. Почему бы не вытащить из музея мумию и не привезти ее в госпиталь, за то, что она без противогаза.

— Нет, — сказал Бадди, — это баловство. — И вдруг увидел человека без противогаза, нырнувшего в подворотню при виде их.

— Быстро, возьмем его! — закричал Бадди.

Бадди был склонен к полноте, и Майк скоро обогнал его.

— Вперед! — орал Бадди. — Держи его.

Майка уже не было видно.

— Привет, куда спешишь? — произнес голос из подъезда. Человек стоял, прижавшись спиной к двери. Оказывается, он просто отступил с дороги и Майк в спешке его не заметил. Что-то продуманное и опасное чувствовалось в его поведении.

— Меня ищешь, что ли? — спросил человек.

— Где ваш противогаз? — резко произнес Бадди.

— Это что, игра такая? — спросил человек со злобой.

— Разумеется, не игра, — сказал Бадди. — Вы отравлены, вам придется последовать за мной в госпиталь.

— Мне-то? — спросил маленький человек.

— И лучше поспешите, — сказал Бадди. Он надул грудь и поиграл бицепсами.

«Этот сморчок не понял, что говорит с будущим офицером», — подумал он. Он чувствовал превосходство своей физической силы. Он ему нос разобьет, если тот не послушается.

— Хорошо, — сказал человек. — Я пойду. — Он вышел из темной ниши. У него было злое лицо, заячья губа, плохо сшитый костюм в клетку. Человек даже в покорности был агрессивен.

— Не туда, — сказал Бадди, — налево.

— Иди-иди, — сказал маленький человек, прижав к его боку пистолет. — Это я-то отравлен? Ничего шуточка, — продолжал он и засмеялся невесело. — Давай в ворота, а то сейчас сам будешь отравлен.

Они остановились у небольшого гаража. Гараж был пуст.

Бадди выпалил: «Что за черт!», но уже узнал лицо, которое видел в местных газетах. Действия человека убедили ужаснувшегося Бадди: будет стрелять не колеблясь.

Этого он никогда не забудет. Всю его жизнь эта история будет встречаться в самых неожиданных местах — в серьезных исторических трудах, в отчетах о знаменитых преступлениях. Она будет следовать за ним с одной жалкой работы на другую. Никто не увидит ничего особенного в том, что он сделал, каждый сделал бы на его месте то же самое: вошел бы в гараж, закрыл бы по приказанию Рэвена ворота. Но друзья не стояли на улице под градом воображаемых бомб, не ждали войны с нетерпением и с радостью, они не были Бадди, отчаянным дьяволом траншей за секунду до того, как началась настоящая война, принявшая обличие пистолета в тонкой отчаявшейся руке, прижатой к его боку.

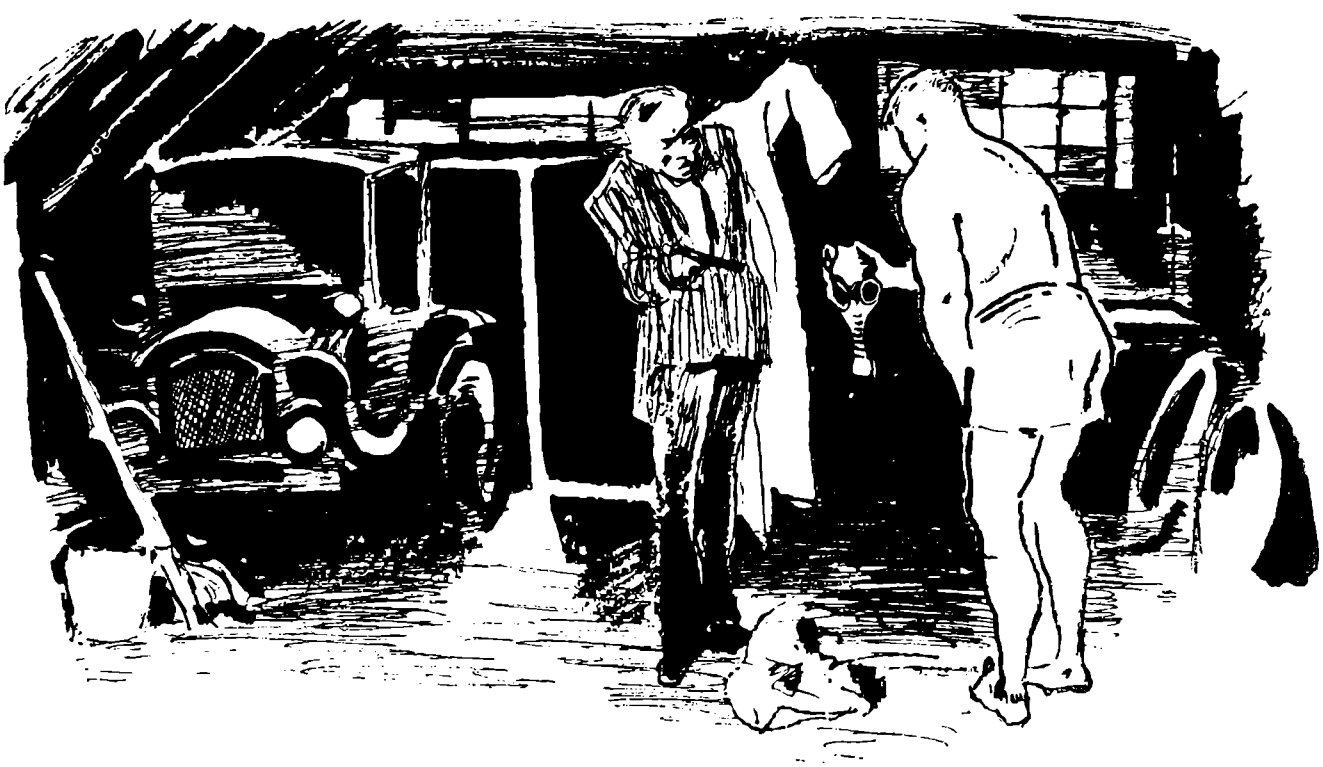
— Раздевайся, — сказал Рэвен.

Бадди послушно разделся.

С него сняли не только противогаз, но и белый халат и зеленый твидовый костюм. У него не оставалось никаких надежд. Нечего было надеяться, что война докажет его способность руководить людьми. Нет, он был просто-напросто полным, испуганным молодым человеком, дрожащим в одних трусиках в холодном гараже.

— Руки назад, — сказал Рэвен. Бадди Фергюссон подчинился. Рэвен связал розовые, как ветчина, сильные кисти Бадди галстуком. — Ложись. —

— Раздевайся, — сказал Рэвен. Бадди послушно разделся.



И Бадди Фергюссон покорно лег. Рэвен связал ему ноги носовым платком, а другой платок засунул в рот. Это не очень надежно, но и так сойдет. Приходилось спешить. Он вышел из гаража, закрыл дверь. Он мог надеяться, что в его распоряжении несколько часов, но не мог рассчитывать полностью даже на несколько минут.

Он шел медленно и осторожно, поглядывая, нет ли поблизости студентов. Но их группы уже ушли. Главной опасностью был отбой, который мог прозвучать в любой момент.

Вокруг было много полицейских, он знал почему, но без колебаний проходил мимо них. Его план не предусматривал ничего большего, чем достижение стеклянных дверей Миддленд Стил. У него была слепая вера в судьбу, в поэтическую справедливость. Уж если он проникнет в здание, то найдет путь к человеку, который его обманул.

Из-за дверей Миддленд Стил выглядывал человек, следя за машинами, стоявшими на пустынной улице... Он был похож на клерка. Рэвен пересек улицу, взглянул через очки противогаза на человека за дверью. Что-то заставило его заколебаться — память о лице, которое он видел у дома, в котором жил? Он внезапно повернулся и испуганно поспешил от двери.

«Это ничего не значит», — сказал он себе, выходя на пустую Хай-стрит.

Мистер Дейвис слегка позавтракал: два тоста, две чашки кофе, четыре почки, кусок бекона, немного сладкого мармелада. Ему доставила большое удовольствие мысль о том, что Рэвену такого завтрака и не нюхать: приговоренному в тюрьме, может, и дадут, а Рэвену нет.

Единственное, что его заботило, если не считать неудовольствия сэра Маркуса, была девушка. Он зря потерял голову: ее нужно было убить. Во всем виноват сэр Маркус. Он и представить себе не мог, что сэр Маркус сделает с ним, если узнает о случае с девушкой. Но теперь все будет в порядке. Девушку задержали как сообщницу: ни один суд не поверит, если она обвинит сэра Маркуса. Он совсем забыл о газовой тревоге. Он спешил в театр, чтобы немного развлечься.

Хай-стрит была странно пуста, только полицейских было больше, чем обычно. Никто не пытался остановить мистера Дейвиса, хорошо знакомого всем полисменам, хотя никто из них не смог бы сказать точно, чем мистер Дейвис занимается. Но они сказали бы без улыбки, глядя на его редкие волосы, тяжелый живот, толстые морщинистые руки, что он один из мальчиков конторы сэра Маркуса. (Если хозяин так стар, трудно не быть по сравнению с ним молодым человеком.) Мистер Дейвис весело помахал сержанту и вынул из пакетика конфетку. В задачи полицейских не входило доставлять в госпитали отравленных газами, а потому никто по своей воле не остановил бы мистера Дейвиса. Они следили за ним со скрытым интересом и надеждой, как за человеком, который идет по скользкому льду.

По улице навстречу ему шел студент-медик в противогазе. Мистер Дейвис заметил студента не сразу. Вид противогаза испугал его. Он подумал, что пацифисты заходят слишком далеко: сенсационная чепуха. А когда человек остановил мистера Дейвиса и сказал что-то неразборчивое, мистер Дейвис подтянулся и ответил гордо: «Чепуха. Мы хорошо подготовлены...» Тут он вспомнил о тревоге, и к нему вернулось дружелюбие. Это ведь был патриотизм, а не пацифизм: «Ну-ну, — сказал он, — я совсем забыл. Конечно, учебная тревога». Лишенный индивидуальности взгляд сквозь толстые стекла противогаза и приглушенный голос смущали его. Он сказал, пытаясь обратить все в шутку: «Ну меня-то вы в госпиталь не потащите? Я занятый человек». Студент, казалось, задумался, положив руку на рукав мистера Дейвиса. Мистер Дейвис заметил, как ухмыляются полисмены на той стороне улицы, и почувствовал раздражение. В воздухе висели еще остатки тумана, и звено самолетов пронеслось сквозь него, летя низко над улицей, заполняя ее глубоким гулом и уносясь на юг, к аэродрому.

— Видите, — сказал мистер Дейвис, — тревога окончилась. С минуты на минуту прозвучит отбой. Глупо тратить все утро в госпитале. Вы же меня знаете. Мое имя — Дейвис. Каждый человек в Ноттвиче меня знает. Спросите полицейских. Никто не скажет, что я плохой патриот. Мне нравится ваш энтузиазм, мальчики, — продолжал мистер Дейвис. — Надеюсь, мы как-нибудь встретимся в госпитале. Я там бываю на больших приемах. В конце концов ведь никто другой, как я, внес больше всех на сооружение новой операционной.

Мистер Дейвис хотел было продолжить путь, но человек встал у него на дороге, и было бы не совсем солидно сойти с тротуара. Человек подумает, что он хочет убежать, может завязаться потасовка, а с угла наблюдают полицейские. Неожиданно злость охватила мистера Дейвиса подобно щупальцам спрута, отравила мысли темным ядом: «Ах ты, усмехающаяся обезьяна в форме... я добьюсь, чтобы тебя уволили...» В то же время он продолжал весело говорить человеку в противогазе, маленькому, тонкому, мальчишке на вид.

— Вы, ребята, замечательно работаете. Никто лучше меня не понимает этого. Если начнется война...

— Так вы себя зовете Дейвисом? — спросил приглушенный голос.

— Вы разбазариваете мое время. Я занятой человек. Разумеется, меня зовут Дейвис, — раздраженно ответил Дейвис. Он с трудом сдержал растущий гнев. — Послушайте, я деловой человек. Заплачу госпиталю, сколько вы пожелаете. К примеру, выкуп в десять фунтов.

— Да, — сказал человек.

— Я не ношу таких сумм с собой, — сказал мистер Дейвис и удивился, услышав нечто напоминающее смех. Это было уж слишком. — Хорошо, вы можете пройти со мной в контору, и я заплачу вам там. Но я надеюсь получить расписку от вашего казначея.

— Расписку получите, — сказал человек приглушенным голосом и отошел на шаг в сторону. К мистеру Дейвису вернулось хорошее настроение.

— Нет смысла угощать вас конфеткой, раз вы в этой штуке, — сказал он.

Потом мистер Дейвис сказал:

— Я уверен, мы где-то встречались.

Но его спутник не отзывался.

— Вы случайно не тот паренек, который переоделся тогда девочкой и спел рискованную песенку? Вы неплохо спели там, на открытии новой палаты.

Мистер Дейвис громко засмеялся, вспомнив об этом. Он распахнул дверь в Миддленд Стил.

Вышел незнакомец из-за угла, и клерк за столиком для справок сказал сдавленным голосом:

— Все в порядке. Это мистер Дейвис.

— Что это? — спросил мистер Дейвис руководящим голосом. Он теперь был у себя.

— Мы проверяем, — ответил детектив

— Рэвен? — визгливо спросил Дейвис. — Вы дали ему улизнуть? Какие идиоты...

— Вы зря волнуетесь, — ответил детектив. — Его заметят немедленно, как только он выйдет из укрытия. Ему на этот раз не удастся скрыться.

— Но почему? — спросил мистер Дейвис. — Почему вы здесь? Почему вы думаете...

— У нас приказ, — сказал детектив.

Дейвис казался усталым и старым.

— Поднимитесь со мной, я дам вам деньги. У меня нет ни минуты свободной.

К лифту он шел впереди, неуверенно волоча ноги по коридору, устланному чем-то черным, блестящим. Человек в противогазе проследовал за ним. Они медленно поднимались, неразлучные, как две птицы в клетке.

Мистер Дейвис медленно подошел к двери, осторожно повернул ручку, словно опасался, что кто-то ждет его внутри. Но комната была совершенно пуста. Открылась внутренняя дверь, и молодая женщина с пышными золотыми волосами и в очках сказала: «Вилли», но тут же увидела его спутника и поправилась: «Мистер Дейвис, вас хочет видеть сэр Маркус».

— Хорошо, мисс Коннетт, — сказал мистер Дейвис. — Принесите мне, пожалуйста, железнодорожный справочник.

— Вы уезжаете? Сейчас?

— Взгляните, какие поезда есть после обеда.

— Хорошо, мистер Дейвис.

Они остались одни. Мистер Дейвис поежился и включил электрическую печку. Человек в противогазе снова заговорил, и снова приглушенный голос потревожил память мистера Дейвиса.

— Вы чем-то напуганы?

— Один сумасшедший вырвался на свободу.

Его нервы были напряжены, он прислушивался к каждому звуку в коридоре, к шагам, к звонку: требовалось больше смелости, чем он имел, чтобы сказать «после обеда». Он хотел убежать немедленно, подальше от Ноттвича. Он запер дверь. К нему вернулось ощущение безопасности. Он был заперт в знакомой комнате вместе со своим столом, вертящимся стулом, буфетом, в котором хранились две рюмки и бутылка сладкого портвейна. Он запер двойное окно. Он сказал тоном, в котором слышалось нервное раздражение:

— Сэр Маркус подождет.

— Кто такой сэр Маркус?

— Мой босс.

Его раздражала открытая дверь в комнату секретарши. Ему казалось, что кто-нибудь может войти в нее. Теперь он не спешил. Ему хотелось общества.

— Спешить некуда. Снимайте эту штуку, в ней, должно быть, душно, и выпейте стаканчик вина.

— Так вы себя зовете Дейвисом? — спросил приглушенный голос.

По пути к бару он закрыл внутреннюю дверь, повернул ключ и вздохнул с облегчением, доставая портвейн и рюмки.

— Теперь мы в самом деле одни.

— Деньги, — сказал приглушенный голос.

— Ну уж, — сказал мистер Дейвис, — вы слишком невежливы. Вы могли бы мне и поверить.

Он подошел к столу, вынул две пятифунтовые бумажки и протянул их.

— Не забудьте, — сказал он, — я надеюсь получить расписку от вашего казначея.

Человек спрятал деньги. Его рука задержалась в кармане. Он сказал: «Это тоже дутые деньги!» И вся сцена всплыла в памяти мистера Дейвиса —

вкус «Альпийского блеска», убийца, сидящий напротив и старающийся рассказать о старухе, которую он убил. Мистер Дейвис завизжал. Это были не слова, не мольба о помощи, а просто беспомощный визг, который вырывается у человека, когда нож врезается ему в тело. Он бросился к внутренней двери. Он барахтался, будто в колючей проволоке между траншеями.

— Отойди оттуда, — сказал Рэвен. — Ты же сам запер дверь.

Мистер Дейвис вернулся к столу. Ноги отказали ему, он опустился на пол рядом с корзиной для бумаг.

— Я болен. Вы же не убьете больного человека, — сказал он.

Эта мысль вселила в него надежду. Он убежденно икнул.

— Я тебя пока что убивать не буду, — сказал Рэвен. — Может, вовсе не буду убивать, если будешь вести себя тихо и слушать меня. Этот сэр Маркус и есть твой босс?

— Он старик, — запротестовал мистер Дейвис.

— Он хочет тебя увидеть, — сказал Рэвен, — мы к нему пойдем. Я несколько дней ждал, пока найду вас обоих. Вставай. Вставай же, — яростно твердил он рыхлой туше, сидящей на полу. — И запомни. Если пикнешь, я тебя нашпигую свинцом так, что тебя можно будет повесить вместо грузила на дверь.

Мистер Дейвис шел впереди. В коридоре встретилась мисс Коннетт, которая несла листок бумаги.

— Я записала поезда, мистер Дейвис. Лучше всего поехать в три пять. Два семь идет так медленно, что приходит только на десять минут раньше.

— Положите мне на стол, — сказал мистер Дейвис. Ему хотелось попрощаться с множеством вещей, но он не смел сделать этого. Он хотел бы попрощаться со своим богатством, комфортом, властью. Но Рэвен стоял у него за спиной, держа руку в кармане. Он казался настолько больным, что мисс Коннетт спросила:

— Вы себя хорошо чувствуете, мистер Дейвис?

— Отлично, — сказал мистер Дейвис.

И как исследователь, отправляющийся в неведомую страну, он почувствовал потребность оставить след на грани цивилизации, сказать последнему случайному встречному: «Ищите меня на севере», или: «На западе». Он сказал: «Мы идем к сэру Маркусу, Мей».

— Он срочно хотел вас увидеть, — ответила мисс Коннетт.

Она застучала по коридору очень высокими каблучками, и мистер Дейвис снова почувствовал безжалостное прикосновение к своему локтю.

Сэр Маркус сидел в кресле на колесиках, держа на коленях нечто вроде больничного обеденного столика. С ним был его лакей. Сэр Маркус сидел спиной к двери. «Это Дейвис?» — прошептал он, разломил сухой бисквит и отхлебнул немного горячего молока.

— Да, сэр, — лакей изумленно наблюдал за вошедшими.

— Можете идти, — сказал сэр Маркус лакею.

— Слушаюсь, сэр, — ответил тот, но человек в противогазе повернул ключ в двери. Легкое выражение радости, почти безнадежного ожидания появилось на лице лакея: наконец случится что-нибудь особенное, что разрушит однообразие одевания и раздевания старика, подавания ему горячего молока, или воды, или сухих бисквитов.

— Я все отрицаю. Вы с ума сошли, — прошептал он.

— Чего вы ждете? — прошипел сэр Маркус.

— Отойди к стене, — внезапно скомандовал лакею Рэвен.

— У него пистолет! — отчаянно завопил мистер Дейвис.

— Делайте, как вам говорят.

Но лакею и не надо было этого говорить. Пистолет был вынут, и все трое были под прицелом — лакей у стены, мистер Дейвис, дрожащий посредине комнаты, и сэр Маркус, который повернулся с креслом, чтобы видеть их.

— Чего вам нужно? — спросил сэр Маркус.

— Вы здесь босс?

— Внизу полиция. Вам не уйти, если я не...

— У вас шрам под бородой, не правда ли? Я не хочу ошибиться. У него была ваша фотография. Вы с ним были вместе, — сказал Рэвен.

Он со злобой оглядел громадный богатый кабинет, сравнивая его с маленькой квартиркой. Да, этот человек пошел дальше, чем старый министр.

— Вы с ума сошли, — прошептал сэр Маркус.

Он был слишком стар, чтобы испугаться. Пистолет представлял для него не больше опасности, чем неосторожный шаг. Он чувствовал только легкое раздражение, легкое сожаление, что прерван его завтрак. Он вытянул губы и отхлебнул молоко.

— У него есть шрам, — неожиданно сказал лакей.

Но сэр Маркус продолжал тянуть молоко.

Рэвен повернул дуло пистолета к Дейвису.

— Это он был? Если не хочешь получить пулю в живот, скажи.

— Да-да, — сказал мистер Дейвис торопливо. — Это все он придумал. Это была его идея. Нам нужны были деньги. Он на этом заработал больше полумиллиона.

— Полмиллиона! — сказал Рэвен. — А мне заплатил две сотни никуда не годными бумажками.

— Я просил его быть справедливым, а он ответил мне: «Заткнись».

— Я никогда бы этого не сделал, — сказал Рэ-

вен. — Если бы я знал, каким тот старик был на самом деле! А я пробил ему череп. И старуху — по пуле в каждый глаз. — Он закричал на сэра Маркуса: — Это все ваши штучки!

Но старик сидел, не обращая никакого внимания на Рэвена. Старость убила в нем воображение. Смерти, которые он заказывал, были для него не более реальными, чем те, о которых он читал в газетах. Капелька жадности (к молоку), капелька порока (сунуть иногда руку под блузку девушки и почувствовать теплоту жизни), капелька скупости и расчета (полмиллиона за одну смерть) и очень маленький, почти механический инстинкт самосохранения — вот и все его страсти. Инстинкт заставил его незаметно двинуться с креслом к звонку на краю стола.

— Я все отрицаю. Вы с ума сошли, — прошептал он.

— Теперь-то уж я сделаю с вами, что захочу, — сказал Рэвен. — Даже если полиция меня пришьет. — Он постучал пальцем по пистолету. — Вот мое доказательство. Я стрелял из этого пистолета. Они смогут его опознать. Вы мне велели его оставить, а я его взял с собой.

Сэр Маркус прошептал мягко-мягко, незаметно поворачивая бесшумные, на резиновых шинах, колеса:

— Кольт номер семь. Фабрики выпускают их тысячами.

— Полицейские разберутся, — со злостью сказал Рэвен. — У них эксперты...

Он захотел запугать сэра Маркуса, прежде чем его убьет, ему казалось несправедливым, что сэр Маркус будет страдать меньше старухи, которую он не хотел убивать.

— Вы не желаете помолиться? Люди получше вас верили в бога.

Колесо кресла достигло стола, дотронулось до звонка, и приглушенный звон поднялся вверх по лифтовой шахте. Это ничего не говорило Рэвену, пока лакей не произнес:

— Старая скотина, — в голосе его звучала годами копившаяся ненависть. — Он звонит.

Прежде чем Рэвен успел решить, что делать, кто-то уже был у двери и поворачивал ручку.

— Прикажите им отойти, — сказал Рэвен.

— Дурак, — прошептал сэр Маркус. — Они ищут тебя за воровство. Если убьешь меня, тебя повесят.

Но мистер Дейвис был готов уцепиться за любую соломинку.

— Уйдите, ради бога, уйдите, — завизжал он человеку снаружи.

— Вы дурак, Дейвис. Если он собирается нас убить в любом случае... — сказал ядовито сэр Маркус.

И пока Рэвен стоял с пистолетом в руке, между ними разгорелась нелепая ссора.

— Ему не за что меня убивать! — кричал мистер Дейвис. — Это вы виноваты. Я вам подчинялся.

— Счет два-один, — засмеялся лакей.

— Молчать, — шипел ядовито сэр Маркус, обращаясь к мистеру Дейвису, — я вас могу в любой момент убрать с дороги.

— Попробуйте только! — кричал мистер Дейвис высоким петушиным голосом.

Кто-то тяжело ударил в дверь.

— Я уже приобрел Вест-Рэнд Голфилдс, — сказал сэр Маркус, — и Восточно-Африканскую нефтяную.

Волна нетерпения охватила Рэвена. Он поднял пистолет и выстрелил в грудь сэру Маркусу. Это был единственный путь заставить его замолчать. Сэр Маркус упал вперед, на столик, опрокинув стакан молока.

Мистер Дейвис заговорил очень быстро:

— Это все он, старый дьявол. Что я мог поделать? Он держал меня в руках. Вы же ничего против меня не имеете, — сказал он и завизжал: — Он меня убьет, если вы не отойдете!

И немедленно заговорил снова. Молоко капало со столика на письменный стол.

— Если бы не он, я бы ничего не сделал. Знаете, что он придумал? Он пошел к главному констеблю, чтобы приказать полиции стрелять в вас без предупреждения.

Он старался не смотреть на пистолет. Лакей, побелевший, молча стоял у стены: он зачарованно смотрел, как вытекала жизнь из сэра Маркуса. «Так вот как это выглядело бы, если бы, — казалось, думал он, — как-нибудь разок за эти годы я набрался бы смелости».

— Откройте дверь немедленно, или мы будем стрелять сквозь нее, — произнес голос снаружи.

— Ради бога, — молил мистер Дейвис, — оставьте меня в покое. Он меня застрелит. — Сквозь стекла противогаза на него глядели с удовлетворением глаза Рэвена.

Через голову Рэвена он увидел часы. Не прошло еще и трех часов после завтрака, он еще ощущал во рту привкус почек и бекона, он не мог поверить, что это в самом деле конец.

— Это ты, — сказал Рэвен, — пытался убить...

— Нет, не я, я ничего... — стонал мистер Дейвис.

Рэвен заколебался: слово было непривычно для его языка — «моего друга».

— Я ничего не знаю. Я ничего не понимаю.

— ...Девушку, — сказал он.

Мистер Дейвис затрясся, словно человек, одержимый пляской святого Витта.

— Она вам не друг. Если бы она не донесла...

— Я тебя за одно это пришью. Она не продаст.

— Нет, — завизжал мистер Дейвис. — Она девушка полисмена. Она девушка того парня из Ярда. Она девушка Матера!..

Рэвен застрелил его. С намеренным отчаянием он выпустил в него свой последний шанс к спасению, всадив две пули, когда было достаточно одной, будто расстреливал весь мир в лице толстого, обливающегося кровью Дейвиса.

Пуля разбила замок двери.

«Надо спешить, — думал Рэвен, — когда откроется дверь, я выстрелю первым». Он плохо видел в противогазе, сорвал его и бросил на пол. Лакей смотрел на его заячью губу, темные жалкие глаза.

— Через окно выберешься на крышу, — сказал он.

Но он обращался к человеку, который не понимал, хочет ли спастись, который так медленно поворачивал лицо к окну, что лакей первым увидел малярную люльку за широким стеклом.

В люльке был Матер! В отчаянной попытке взять Рэвена с тыла детектив не учел собственной неопытности: маленькая люлька вовсю раскачивалась. Одной рукой он держался за веревку, другую протянул к окну и не мог достать пистолет, когда Рэвен обернулся. Он раскачивался за окном на высоте шестого этажа и был беззащитной целью для пистолета Рэвена.

Рэвен смотрел на него затуманенными глазами. Это был нетрудный выстрел, но ему уже не хо-

телось убивать. Он чувствовал только боль и отчаяние, которые превращались в полнейшую усталость и безразличие. И когда он в конце концов поднял руку, Сондерс, вбежавший в растворившуюся дверь, выстрелил ему в спину. Смерть пришла к нему немыслимой болью. Он стонал и захлебывался в муках. Наконец боль вышла из него, и он провалился в необъятную пустоту.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Сондерс мыл руки и думал: «Кончили работу». Работа оказалась не такой уж и хорошей. Началось с простого воровства, а кончилось двумя убийствами и смертью убийцы. В этом деле была какая-то тайна. Наверху Матер и начальник политуправления Ярда разбирали бумаги сэра Маркуса. Шло к тому, что рассказ девушки мог оказаться правдой.

Девушка волновала Сондерса больше всего. Он не мог не восхищаться ее храбростью и дерзостью и в то же время ненавидел ее за то, что она заставила Матера страдать. Он был готов возненавидеть всякого, кто нанесет боль Матеру.

— Ее отвезут в Ярд, — сказал Матер. — Против нее могут быть выдвинуты обвинения. Посади ее на поезд в три пять. Я не хочу ее видеть, пока все не выяснится.

Единственным просветом во всей этой истории было то, что констебль, раненный Рэвеном, был вне опасности.

Сондерс вышел из Миддленд Стил с ощущением, что ему ровным счетом нечего делать. Он зашел в пивную, выпил полпинты пива и съел две холодные сосиски. Жизнь вошла в свои берега, и он снова мирно плыл между ними. Ему в глаза попалось объявление, висевшее в баре.

«Новое средство от заикания. Мистер Монтэгю Фелпс, магистр, проводит публичную лекцию в Масонском Холле для разъяснения своего метода. Вход свободный. Начало в два часа дня».

Сондерс испробовал множество средств от заикания, он мог попытать еще одно.

Это был большой зал. На стенах висели фотографии масонских знаменитостей. На них были ленты и знаки непонятного назначения. Фотографии являли мир благополучия и успешной бакалейной торговли. Знаменитости висели, откормленные, преуспевающие, самоуверенные, над небольшой кучкой неудачников в старых макинтошах и потрепанных фетровых шляпах.

Сондерс сознавал, что даже если он не будет заикаться, вряд ли ему будет легче выражать свое восхищение или привязанность. Возможность говорить еще не одаривает словами.

Мистер Монтэгю Фелпс, магистр, взошел на кафедру. Он был во фраке, темные волосы напомажены, синеватый подбородок слегка припудрен. На вид ему было лет сорок пять. Он умел жить и явно не отказывался от личной жизни. В его присутствии думалось об удобных постелях, обильных обедах и отелях Брайтона. На секунду он напомнил Сондерсу мистера Дейвиса, который так важно вошел в контору Миддленд Стил утром и так неожиданно умер через полчаса после этого. Ему казалось, что поступок Рэвена ни к чему не привел, что убийство было таким же нереальным, как сон. Вот снова стоит мистер Дейвис: их отливают в формах и вам не разбить форму. Неожиданно над плечом мистера Монтэгю Фелпса Сондерс увидел фотографию Великого Мастера Масонской Ложи: старческое лицо, орлиный нос и мочалка бороды — сэр Маркус.

2

Майор Калкин был бледен. Впервые в жизни он увидел следы насильственной смерти. Это была война. Он добрался до полицейского участка и был рад застать там суперинтенданта. Он весьма скромно попросил глоточек виски.

— Это встряхивает. Только вчера вечером он ужинал у меня в доме, — сказал он. — Он хотел, чтобы я приказал стрелять в этого парня без предупреждения. Я ему сказал, что не могу. Послушайся я, и мы спасли бы две жизни.

— Не беспокойтесь, сэр, — ответил суперинтендант, — мы таких приказов не можем выполнять. Даже если нам министр внутренних дел прикажет.

— Странный он был человек, — сказал майор Калкин. — Он думал, что я наверняка могу коекем из вас распоряжаться. Чего он мне только не обещал. — Он налил себе еще виски. — Как раз в такое время, когда нам нужны люди вроде него... Война. — Майор Калкин замолчал.

Он глядел в виски и видел учебный лагерь, мундир в шкафу... Нет, не быть ему полковником, но, с другой стороны... сэр Маркус не сможет помешать... Он уже не чувствовал радости от мысли, что он снова будет председательствовать в трибунале... Учебная тревога прошла неплохо. Но стоило ли так много позволять студентам.

— Да, они заходят слишком далеко, — сказал суперинтендант. — Мне звонил Хиггинботам, кассир из Вестминстера. Его дочка нашла в гараже одного из студентов без штанов.

Жизнь возвращалась к майору Калкину.

— Это Роза Хиггинботам. Верьте ей больше. И что она сделала?

— Она говорит, что дала ему халат.

— Халат — это неплохо, — сказал майор Калкин. Он повернул рюмку и выпил виски. — Так что вы на это ответили?

— Я сказал, что его дочке повезло, раз она не нашла в гараже трупа. Наверно, тут-то Рэвен достал халат и противогаз.

— Все равно, что делал парень у Хиггинботамов? — спросил майор Калкин. — Узнаю у старого Хиггинботама об этом.

Он засмеялся. Воздух был снова чист, жизнь продолжалась как прежде. Небольшой скандальчик, выпивка с супером — есть о чем рассказать старине Пайкеру.

3

Энн осторожно нажала на ручку двери купе. Дверь была заперта, как она и предполагала. Она с отвращением смотрела на замызганный вокзал. Ей казалось, что все, ради чего стоило жить, потеряно: она даже потеряла работу. Поезд тронулся, миновал зал ожидания, туалеты, бетон платформы...

«Какой я была дурой, — думала она, — когда воображала, что могу спасти людей от войны. Умерло три человека. Вот и все». Теперь, когда она сама была ответственна за смерть этих людей, она уже не могла чувствовать отвращения к Рэвену.

Она потеряла единственного человека, который был ей дорог. «Страдание всегда считалось искуп-

лением, — думала она, — но потерять его ни за что...» Она не могла предотвратить войну. В газете, оставленной Сондерсом, она прочла, что в четырех странах уже завершена мобилизация, что в полночь истекает срок ультиматума.

Она прижала лицо к окну, чтобы сдержать слезы.

Поезд набирал скорость, проносясь мимо маленькой неоготической церкви, ряда вилл, мимо полей, мимо коров, бредущих к открытым воротам, мимо извилистой дороги, мимо велосипедиста, зажегшего фару. Она принялась напевать, чтобы подбодриться, но не могла вспомнить ни одной мелодии, кроме «Аладдина» и «Это только Кай». Она думала о долгой дороге к дому, о том, как она не смогла пробиться к вагонному окну, чтобы помахать ему, как Дейвис стоял там, загородив спиной окно. Даже тогда мистер Дейвис все разрушил.

Она глядела на бледные, замерзшие поля, и ей пришло в голову, что даже если бы и удалось спасти страну от войны, страна не стоила того, чтобы ее спасать. Она подумала о мистере Дейвисе, об Эки и его жене, о режиссере и мисс Мейдью, о своей квартирной хозяйке с каплей на носу. Что заставило ее играть эту абсурдную роль? Если бы она не пошла обедать с Дейвисом, Рэвен был бы в тюрьме, а остальные живы. Она постаралась вспомнить взволнованные лица, обращенные к светящимся новостям на Хай-стрит в Ноттвиче, но не смогла представить их себе с прежней яркостью.

Дверь открылась, и она подумала, продолжая глядеть в окно на серый, тускнеющий зимний день: «Снова допрос... Неужели им не надоело ко мне приставать?» Вслух она сказала:

— Я уже все написала, разве не так?

— Стоит еще кое о чем поговорить, — ответил голос Матера.

— Зачем ты пришел? — обернулась она.

— Я отвечаю за это дело, — ответил Матер, глядя на пейзаж, уплывающий за ее плечо.

— Мы проверяли то, что ты рассказала. Это очень странная история.

— Это правда, — сказала она.

— Мы связались по телефону с половиной посольств в Лондоне. Не говоря уж о Лиге Наций в Женеве.

Ее напускное равнодушие было разрушено его присутствием, его большими, неуклюжими, когда-то дружескими руками.

— Но что еще я могу добавить?.. Я говорю «извини», когда пролью твой кофе, и вынуждена говорить то же слово, когда убиты все эти люди. Все вышло не так, как я думала. Я ошиблась. Я не хотела сделать тебе больно...

Она заплакала без слез.

— Я получаю повышение. Не знаю, почему-то мне кажется, что я потерпел неудачу, — сказал он и добавил просяще, наклоняясь к ней: — Мы могли бы пожениться. Хотя я понимаю, если не захочешь теперь, то будешь права. Они, наверное, тебя наградят...

Это было так, как будто ты входишь в кабинет к директору, думая, что тебя уволят, а вместо этого получаешь повышение или роль со словами, но ведь такого никогда не случалось... Она молча смотрела на него.

— Конечно, — сказал он мрачно, — тебе теперь проходу не будет. Остановила войну. Я тебе не поверил. Я думал, что всегда и во всем буду тебе верить. Теперь мы уже нашли достаточно доказательств тому, что ты была права. Они теперь вынуждены взять обратно ультиматум. У них нет выбора. — И он добавил со всей ненавистью к шумихе: — Это будет сенсация века.

— Ты хочешь сказать, — спросила она, не веря собственным ушам, — что когда мы приедем, мы сможем пойти и пожениться?

— А ты согласишься?

— Даже на такси будет слишком медленно.

— Нет, не так быстро. На это требуется три недели. Мы не можем позволить себе платить за специальное разрешение.

— А разве ты не сказал о награде? Я ее потрачу на разрешение, — сказала она.

Внезапно они вместе рассмеялись.

— Все равно, — сказала Энн. — Я потерпела неудачу. — Ей казалось, что Рэвен снова укрывает ее мешком и дотрагивается до ее заледеневшей руки.

— Неудачу? — сказал Матер. — Это же колоссальная удача.

На мгновение Энн почудилось, что ощущение неудачи никогда не исчезнет, что оно всегда будет чуть-чуть затенять ее счастье. Она никогда не сможет этого объяснить, ее возлюбленный никогда не поймет этого. Но тут же, видя, как его лицо очищается от печали, она снова потерпела неудачу — на этот раз она не смогла вернуться к искуплению. Его голос развеивал облака, они таяли под его большой, неуклюжей и нежной рукой.

— Такая удача, — он стал немногословен, как Сондерс, — стоит небольшой шумихи.

Темнеющая земля за окном вагона была в безопасности еще на несколько лет. Он был одним из жителей своей страны и не просил большего, чем несколько лет безопасности для всего, что было ему так дорого. Непрочность безопасности делала ее только более ценной. Кто-то жег сучья у изгороди, и по темной дороге возвращался домой с охоты фермер, сидя на лошади, которой никогда не перепрыгнуть и канавы. Маленькая освещенная деревня выплыла за окном и пропала, как прогулочный пароходик, увешанный фонарями. Он успел разглядеть серую англиканскую церковь, окруженную ветлами и могилами — толстым слоем смерти, — похожую на старую собаку, которая не покидает своего угла. На деревянной платформе носильщик пытался прочесть адрес, прикрепленный к рождественской елке.

Ее сердце уже было в Лондоне. Она ничего не видела в темных полях, она отвернулась от них и смотрела на счастливое лицо Матера.

Вот поезд пришел в Лондон, они ехали по большому виадуку, под которым узкие, ярко освещенные бедные улочки разбегались лучами.

«Им ничего не грозит», — подумала она и, протерев запотевшее стекло, прижала к нему лицо и счастливо, с нежностью смотрела, как смотрят на малышей, о которых нужно заботиться, не понимая еще, что ответственность, которая на нее ляжет, слишком велика.

Толпа ребятишек с криком бежала по улице.

Человек торговал горячими жареными каштанами на углу, и огонь от печки отражался на его лице, кондитерские были полны белыми чулками, набитыми дешевыми сластями...

— О, — сказала она с безмятежным счастливым вздохом, — мы дома.

Конец

Сокращенный перевод с английского Кир. БУЛЫЧЕВА

Каратели ворвались в хутор на рассвете. Через час бой с небольшой группой партизан был окончен, и командир полицейского отряда приступил ко второй части акции. Население затерянного в лесах Гродненщины хуторка было собрано у большого сарая. Обер произнес речь, пунктуально объяснив, что жители хутора, приютившие партизан, совершили «преступление против рейха». Потом солдаты и полицаи загнали людей в сарай и подожгли его.

...Мне было тогда пять лет, я жил в Сибири, но, как и у всех русских, боль войны вошла в мою кровь и мозг, отпечаталась в глубинах сознания: достаточно малейшего толчка, чтобы вызвать в памяти картины, которых я не видел. Надо мной пролетают серо-зеленые длиннотелые «мессершмитты» так низко, что различимы чужие, холодные лица летчиков; я вижу беженцев, угловатые темные танки, мнущие стебли кукурузы, вижу обмерзлые пустые квартиры Ленинграда... Есть страны, где не видели фашизма вблизи, но мы видели, и память о пережитом передается от поколения к поколению.

Так вот, сарай догорал, и те, кому хотелось, насмотрелись досыта; полицейский начальник допросил четверых партизан, захваченных в хуторе, и, озлобленный молчанием, застрелил одного из них.

ВИКТОР СМИРНОВ

Приключенческая повесть

Остальных повели берегом реки к городу. Их не сожгли — их должны были повесить на площади.

От реки поднимался туман, и в низинке, где он был особенно густ, партизаны, точно сговорившись, разом бросились бежать. Двое, петляя, помчались в прибрежный кустарник, а третий прыгнул с обрыва в реку, в туман.

Полицейские долго стреляли из автоматов, срезая очередями ветки кустов. Двух партизан вскоре нашли, но третий, тот, что прыгнул в воду, исчез. Командир отряда до самого города оставался мрачным и злобно гонял желваки: он не любил оставлять свидетелей в таких делах. Он боялся, этот фашистский прихвостень. Люди не могли забыть содеянного им, и он предчувствовал время, когда каждый встречный будет казаться ему свидетелем обвинения.

Повесть печатается в № 1—4.

1

Я просыпаюсь с тяжелой головой и не сразу сознаю, где нахожусь. Лишь когда вижу плюшевую портьеру и репродукцию картины Шишкина в позолоченном багете, вчерашний день смыкается с настоящим, все встает на место. С чего я должен начать? Да, нож... Нож, отмеченный клеймом африканского корпуса Роммеля. Из всех возможных орудий убийца предпочел почему-то этот экзотический клинок.

Николай Семенович спит на диване, тяжело, с присвистом дыша. Множество листков на столе исписано его неровным почерком. Темно-синий китель с майорскими погонами небрежно брошен на стул.

Беру патрончик из-под валидола — он пуст. Вчера шеф высыпал на ладонь таблетки, их было не меньше восьми. Когда работаешь в угрозыске, привыкаешь замечать такие мелочи.

Я надеюсь ускользнуть из номера, чтобы позвонить врачу, но шеф предупреждает меня.

— Присядь, Паша, — говорит он, приподнимаясь.

Лицо его мне не нравится. Оно сиреневого оттенка, в тон портьерам. Конечно, человек, получивший в войну три ранения и не знающий, что такое нормированный рабочий день, не может рассчитывать на здоровый цвет лица. Но это уже слишком и для Николая Семеновича.

— Я вызову врача.

— Спасибо. Но я вот о чем... Тебе придется поработать сегодня за двоих. Я отлежусь.

— Работа небольшая. Если выяснится с ножом...

— Сейчас ты — мои глаза, и уши, и руки. Ты часто надеешься на меня. Но если что упустишь сейчас, никто не восполнит пробела.

— Ясно, — говорю я.

Мне льстит перспектива самостоятельной работы. И пугает.

— А я облюбовал диванчик. Мотор отказывает...

«Вчерашний день доконал», — думаю я. Угораздило загрипповать перед выездом. Сердце. Грипп для него слишком тяжелая нагрузка. Сердце. Черт, мне никогда не приходилось задумываться над тем, что у меня есть сердце, всякие там легкие, селезенки!

— Так я пошел?

— Давай, — соглашается шеф. — И предоставь действовать Комаровскому.

Это в характере Н. С. — не вмешиваться в работу местных следователей, пока нет необходимости. Он только направлял поиск, не давая ему зайти в тупик, и умудрялся делать это так незаметно, что казалось, будто все идет само собой. В управлении часто говорили о стиле майора Комолова и пытались «передавать» этот стиль, но так получалось далеко не у каждого. По-моему, никакого продуманного стиля не существовало, а был просто характер Комолова. Он и дома держался точно так же, никому не навязывая себя.

Большой, вялый, Николай Семенович дремлет на диванчике, закрыв глаза. Наверно, молча борется с болью.

Ну что ж, попробуем. Будем глазами, ушами и руками. Даже головой — по возможности...

Правление общества охотников занимает рубленый домишко возле рынка. Нижний этаж отдан под магазин. Комаровский решил вызвать местных охотников сюда, а не в отделение, чтобы избежать лишних пересудов и слухов, которые быстро распространяются по такому городку, как Колодин.

Мальчишкой я любил бегать в этот магазинчик. Иногда Дмитрий Иванович, заведующий, давал мне подержать «Зауэр три кольца» или еще какую-нибудь редкую штуковину, а в девятом классе я и сам обзавелся одностволкой. У магазина я часто встречал дочь Дмитрия Ивановича — Лену...

Городок мало изменился с тех пор, как я уехал в «область». Он остался деревянным, и даже тротуары, за исключением главных улиц, были дощатыми. Зато на окраине, ближе к Мольке — гряде невысоких сопок — вырос новый каменный городок. Там строился химкомбинат. Этот белый поселок со временем должен был поглотить Колодин. Бетон и стекло вели неуклонное наступление на старый таежный городок.

Сейчас над Молькой громоздятся тучи, пахнет затяжным августовским дождем. Доски тротуара гибко пружинят под ногами... Вот дом Коробьяникова, выглядывающий резными фризами из-за тополей; баня, славящаяся ажурными деревянными кружевами. Тихий Колодин. И вот — на тебе! — расследование загадочного и зверского убийства...

У охотничьего магазина порывистый ветер треплет афишу: «Первенство области по футболу. «Химстрой» — «Металлург». Футбольные страсти коснулись и моего городка.

Уже на пороге магазина какой-то внутренний толчок удерживает меня...

Двухцилиндровая «Ява» мягко подкатывает к крыльцу. С заднего сиденья соскакивает мужчина в кожаной куртке, плотный и широкоплечий. Наклонившись к мотоциклисту, подростку в белом шлеме и очках, он что-то тихо говорит; извинительно-ласкова, даже заискивающа его поза. Рука осторожно и примирительно касается плеча мотоциклиста.

Мотоциклист... Что-то знакомое в его фигуре, повороте головы, в прямой, изящной посадке. Он сбрасывает руку с плеча, и это небрежное и гибкое движение также кажется знакомым мне.

Видимо, я присутствую при какой-то ссоре.

«Ява» скрывается в пыли. Я останавливаю мужчину, поднимающегося на крыльцо.

— Простите.

— Да? — раздраженно спрашивает он.

Ему лет тридцать пять, лицо довольно красивое, из тех, что принято называть мужественными: тяжелый подбородок, крупные скулы, глубоко сидящие жесткие глаза. Темный, прочно въевшийся в кожу загар. Только морщины белеют.

— Видите ли, я жил когда-то в этом городе... Этот человек... Эта девушка на мотоцикле — Лена Самарина?

— Самарина!

Он взбегает по деревянной лесенке. Ступеньки скрипят под тяжелым телом. «Очень энергичный мужичок, — думаю я, глядя на широкую выпуклую спину. — Такие берут жизнь просто, как яичницу со сковородки. Ну, пусть! Ладно».

В маленькой конторе правления — начальник колодинской милиции капитан Комаровский, его помощник и Дмитрий Иванович, бессменный предводитель здешних охотников.

Дмитрий Иванович сразу узнает меня.

— Паша! — говорит он. — Наконец-то завернул к нам. Несчастье-то какое! Не думали, не гадали...

— Как Лена? — спрашиваю я.

— Лена! — сияет старик. — Сорванец, как прежде. Преподает физкультуру. На мотоцикле гоняет. Хуже парня...

Это в восьмом классе мы с ней взбудоражили весь город, когда тайком отправились в путешествие по Катице, а лодка перевернулась, и мы очутились на скалистом островке. Нас нашли на пятые сутки.

— Ты бы хоть писал изредка. Все дела?

— Дела...

Сказать бы прямо — забыл, вот и не писал. А тут, приехав в Колодин, вспомнил. Невозможно не вспомнить, потому что Колодин — мое детство. Да и только ли детство? Там, у дома Коробьяникова, мы впервые поцеловались. «Отец говорит, он был хороший, Коробьяников, — сказала Ленка. —

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО и В. НЕМУХИНА

Больницу выстроил и библиотеку». — «Он был купец, буржуй, — ответил я. — А больница — это филантропия». — «Ты дурак. Филантроп, знаешь, что значит? Любящий людей». Мы, как всегда, поспорили, а потом... поцеловались. В доме Коробьяникова светилось окно, и тополя шумели под ветром. Городок наш безлесный, и только у этого дома был зеленый оазис. Здесь шелест листвы заглушал шепот.

Позднее мне пришлось задумываться над этим спором, и, познакомившись с Н. С., я понял, что филантропом можно быть, работая и в милиции.

— Ну что ж, начнем? — предлагает Комаровский. Долговязый, худой, он возвышается каланчой в полосах табачного дыма. «Дядя Степа» — так мы звали Комаровского, когда он был старшиной и дежурил на колодинском рынке.

Входит широкоплечий человек в кожаной куртке, тот самый, которого привезла на мотоцикле Ленка Самарина.

— Жарков, из автошколы ДОСААФ, — шепчет Дмитрий Иванович. — Чемпион области по мотокроссу, мастер спорта.

В голосе Самарина я улавливаю нотки неприязни. Чемпион спокойно оглядывает нас, глаза его твердо поблескивают.

— Нас интересует эта штука, — говорит Комаровский, показывая на стол, где лежит злополучный нож. — Дмитрий Иванович как будто видел нож у кого-то из охотников, но точно не помнит. Вы нам не поможете?

Жарков внимательно рассматривает нож. Лезвие тускло мерцает. Вот от этого холодного куска стали погиб инженер Осеев.

Нож заметный. Наборная плексигласовая рукоять, отличной стали лезвие. У самой рукояти отчеканен странный рисунок: лев под пальмой. Николай Семенович, взглянув на это клеймо, сразу определил: «Золингеновский. В Германии сделали несколько тысяч таких ножей для африканского корпуса Роммеля. Кто-то, наверно, привез с войны как трофей, а потом уже переделал рукоятку и переточил лезвие».

— Боюсь, что не смогу помочь. — Жарков пожимает плечами. — Не видел...

— Ну что ж, лиха беда начало, — говорит Комаровский, едва закрывается дверь за чемпионом. — Продолжим.

Тучи, перевалившие через Мольку, заполонили небо. В окно ударяет дождь — словно горсть песка сыпанули. Комаровский включает свет, и на ноже вспыхивает зайчик.

Высокий хромой охотник, отставив в сторону клюку, рассматривает нож. Выражение настороженности появляется на его хмуром лице.

— Анданов. На почте работает, — шепчет Дмитрий Иванович, — на медведей ходит, мастак! Охотник первоклассный.

Анданов смотрит на нож с опаской, как на существо, готовое взбеситься.

— Не видел раньше... Нет, не видел!

Он выходит, постукивая клюкой. Одного за другим представляет Дмитрий Иванович новых охотников. Врач Малевич, тракторист Рубахин, летчик Бутенко. «Не знаю», «не видел»... Слесарь промкомбината Лях, рослый парень, добродушный и улыбчивый, с транзистором на ремне. Едва взглянув на нож, Лях заявляет:

— Видывал это «перышко» У Шабашникова. Факт!

Лях подписывается под протоколом, улыбаясь: он и не догадывается, какая мрачная трагедия привела нас сюда.

Комаровский постукивает пальцами по столу.

— Шабашников? Невероятно... Кстати, его пригласили?

— Приглашали, — отвечает пожилой усатый лейтенант, помощник Комаровского. — Он в загуле. Говорит, поминки справляет. Они соседи были с инженером.

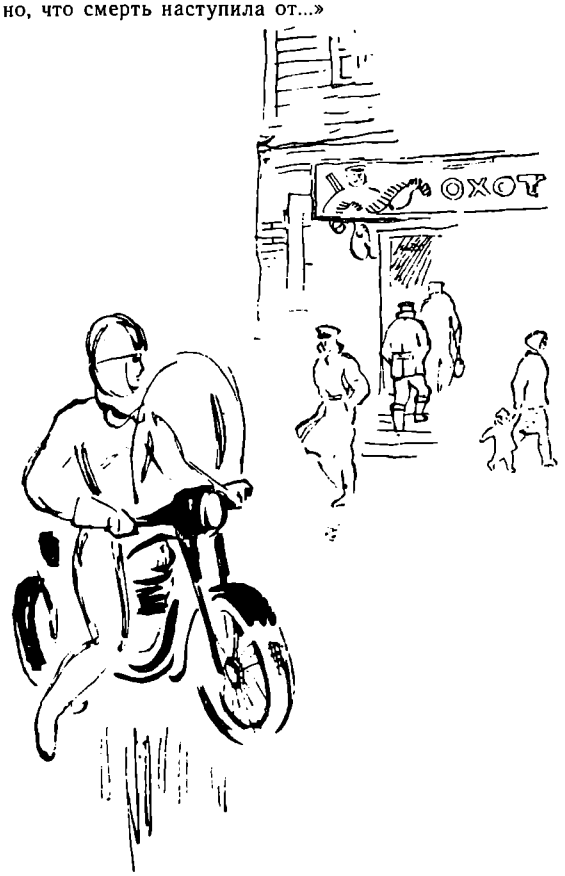
— Пригласите еще раз!..

— Помните, собака метнулась через забор? — замечаю я. — Это по направлению к дому Шабашникова?

Тогда собака потеряла след — после такого ливня самая лучшая ищейка была бы беспомощна. Мы с майором Комаровым и экспертом вылетели в Колодин, как только в областном угрозыске получили сообщение об убийстве. Пилот мастерски посадил маленький «Як» на раскисшую площадку, усыпанную оспинами луж. Шеф во время полета был мрачен, то и дело кашлял в кулак — я не знал, что у него грипп.

Возле дома номер девять на улице Ветчинкина собралась толпа. Осеева уже увезли на судебно-медицинскую экспертизу. Комаровский показал только что отпечатанные фотокарточки: Осеев лежал на пороге дома, голова свисала на ступеньки.

Пока мы осматривали двор, приехал следователь прокуратуры вместе с патологоанатомом. Врач без лишних слов приступил к чтению длинного документа, начинавшегося с классического: «Осмотром и судебно-медицинским исследованием трупа установлено, что смерть наступила от...»



— Чем? — перебил Комолов.

— Нож, длиной не менее двенадцати сантиметров. Проникающий в сердце. Умер сразу. Следов борьбы нет. Опытная, сильная рука. Судя по положению трупа, убийца ударил сразу, как только открыли дверь. Был нанесен еще один удар, но уже после фактической смерти — полагаю, минут через пятнадцать.

Комолов поморщился.

— Когда наступила смерть?

— Время мы знаем точно, — заметил Комаровский, — преступник уронил будильник, шаря на столе. В двенадцать ночи. В двенадцать и семь минут.

Я представил себе эту ночную сцену: тусклый свет лампочки в сенях, фигуру Осеева, возникшую в проеме двери, и черную крутую спину убийцы с головой, убранной в плечи, — как хищник перед прыжком. Преступник знал, как надо действовать. Если бы он замахнулся, Осеев успел бы прихлопнуть дверь. Но удар был коротким и резким.

Мы вошли в дом. Следы, оставленные грязными сапогами убийцы, вели в глубь дома. Эксперт снимал и зарисовывал отпечатки, я непрерывно щелкал фотоаппаратом. Кое-где с сапог осыпалась глина, и я аккуратно собрал ее в конверты.

Мы подошли к письменному столу. Ящики был выдвинуты, какие-то бумаги валялись на полу. Будильник с разбитым стеклом лежал циферблатом вверх. Убийца, видимо, спешил. В верхнем ящике стола лежала раскрытая сберкнижка. Незадолго до трагической гибели Осеев снял с книжки довольно крупную сумму — около шестисот рублей. Денег в столе не было.

Преступник предусмотрительно надел перчатки. Он оставил несколько жирных отпечатков на бумаге, покрывавшей стол. От пятен исходил едва уловимый запах бензина.

Мы детально исследовали дом и двор, но больше ничего не удалось найти. Вскоре привезли собаку, толстолапую черную овчарку. Она было взяла след, но дождь уже смыл запахи. Неожиданно собака рванулась через забор, натянув длинный поводок, но дальше, за забором, беспомощно закрутилась и с виноватым видом легла на брюхо.

— Кто живет в этом направлении? — спросил Комолов.

Комаровский назвал фамилии соседей: Казырчук, Сажин, Шабашников...

Поблизости от того места, где крутилась собака, стояла дощатая покосившаяся уборная.

— Вызывай золотарей, — сказал шеф Комаровскому.

Через три часа мы нашли в уборной узел. Нож и сапоги были завернуты в махровое голубое полотенце, похищенное в доме убитого. Край полотенца был оторван.

...Комолов, едва дойдя до гостиницы, свалился с ног: «Грипп по сердцу резанул». Тем временем мы получили первые результаты экспертизы: найденные нами сапоги действительно принадлежат человеку, входившему той ночью в дом Осеева. Зазубрина, имевшаяся на ноже, оставила характерный след, задев ребро...

Через полчаса в конторку правления охотничьего общества является усатый лейтенант. Он хмыкает в кулак.

— Не намерен Шабашников явиться, Борис Михайлович. Не хочет. Выпивши он.

— Что ж, если Магомет не идет к горе... — сердито говорит капитан. — Пойдемте...

2

В гостиницу я возвращаюсь поздно. На улицах горят фонари, неоновая реклама, установленная над гостиницей, светится сквозь морось: «Для Аэрофлота нет расстояний. Москва — через 10 часов».

Увидев меня, Н. С. прежде всего заставляет вскипятить чайник и переодеться.

— Кажется, мы скоро сможем закончить это дело.

— Ну-ну. По порядку! — напоминает шеф. — Выводы потом. И помни: я ничего не видел...

Домишко Шабашникова стоял за ветхим забором, ворота висели на одной петле, открывая вход во двор. Повсюду были разбросаны какие-то хомуты, поленья, миски с собачьей едой. За сараем, через два или три двора, виднелась «круглая», на четыре

В КАЖДОМ НОМЕРЕ «ВОКРУГ СВЕТА» — ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ СОВЕТСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ската, крыша. Это был дом убитого инженера Осеева.

— Он чем занимается, Шабашников? — спросил я у капитана.

— Да так... Охотник. Можно сказать, профессионал. Шкурки сдает. Собаки у него знаменитые, щенками торгует. Сейчас увидите Найду — лучшая, говорят, лайка в Сибири, универсал.

— Один живет?..

— Один

Мы вошли в дом после того, как на стук никто не отозвался. В доме было сумрачно. Хозяин сидел на кровати и, держа на коленях фокстерьера, разговаривал с ним. Поджарая лайка настороженно следила из-за шкафа. У ее ног барахтались два щенка. Здесь было собачье царство. Да и сам Шабашников показался мне похожим на служебного пса, получившего отставку по возрасту. Обвислые щеки, слезящиеся глаза, весь пожухлый, мятый.

— Извините, что побеспокоили, — мягко сказал Комаровский. — Нам известно, что у вас имеется охотничий нож...

— У меня разрешение, — буркнул Шабашников, не поднимая головы. — На карабин и нож.

— Идет проверка... Оружие у вас? Покажите, пожалуйста.

Шабашников принес карабин и стал рыться в брезентовой полевой сумке. Комаровский, бегло осмотрев ружье, с интересом следил за поисками.

— Нет ножа, — растерянно пробормотал Шабашников.

— Поищите хорошенько.

Ножа, как мы и ожидали, нигде не оказалось.

Через несколько минут мы уже знали, что у охотника «исчезли» также старые кирзовые сапоги сорок второго размера, и получили заодно подробное описание ножа: золингеновская сталь, лев и пальма на лезвии, наборная рукоятка.

— Когда вы в последний раз видели нож?

Шабашников наморщил лоб.

— Да вот позавчера...

— Восьмого августа? — Комаровский бросил взгляд в мою сторону. Преступление было совершено в ночь с восьмого на девятое.

— Ну да, восьмого... Я ходил к соседям, к Зуренковым, проводку чинить и брал нож для зачистки провода.

— Может быть, забыли там?

Комаровский предоставлял ему возможность выкрутиться.

— Нет, принес, положил в сумку.

— Ну, а дальше? Вспомните подробности. Вечером и в ночь с восьмого на девятое вы были дома?

Комаровский задавал короткие вопросы, словно гвозди вбивал. Он толково вел этот разведывательный допрос. Я чувствовал, что еще немного — и Шабашников сам загонит себя в угол.

— Дома... Вообще-то плохо помню... Под хмелем был...

И тут я увидел, как в нем шевельнулся страх, выполз из-под спиртной дремы. Глаза меняли выражение — словно диафрагма открылась в объективе, — и реальная жизнь вместе с сумрачным светом дождливого дня хлынула внутрь. Диафрагма открывалась все шире; и чем больше вбирали в себя глаза Шабашникова, тем сильнее росла в них тревога. Он был не так уж стар, это ясно чувствовалось сейчас.

— Щеночков я продавал в тот день, — сказал охотник. — Щеночков. Жалко мне их всегда, вот и...

Он сказал это так, будто любовь к собакам могла оправдать любой его поступок, и вдруг улыбнулся мне. Я отвернулся. Да, бывает и так. Пьяная дурь, неожиданная вспышка алчности и жестокости...

— Значит, в ночь с восьмого на девятое вы были дома? — еще раз спросил Комаровский.

— Где же еще?

— И, выходит, только в тот вечер или ночью ваш нож и сапоги могли быть похищены?

— Не знаю, — пробормотал Шабашников.

— В таком случае необходимо задержать вора. Мы осмотрим место происшествия...

Шабашников нехотя написал заявление в милицию. Привезли розыскную собаку. Проводника предупредили, как вести поиски. Вскоре овчарка, рыскавшая по двору, настороженно принюхиваясь, принялась разрывать лапами груду щебня, сваленного у сарая. Мы извлекли из-под щебня небольшой сверток. В обрывок полотенца, того самого, махрового, голубого, была завернута пачка денег. Десять «четвертных».

— Это ваши деньги? — спросил Комаровский.

Шабашников побледнел. Руки его тряслись, и он никак не мог унять эту дрожь.

— Нет, не мои... Никогда их не видел в глаза!

— Откуда же они взялись?

Шабашников молчал. «Возможно, он действительно ничего не помнит, — подумал я. — Бывает ведь... Алкогольное помешательство. Это может пройти так же быстро, как и пришло».

Я был очень удивлен, когда Комаровский ограничился лишь тем, что взял с Шабашникова подписку о невыезде. По дороге в отделение я сказал об этом капитану.

— За Шабашниковым мы посмотрим, — ответил Комаровский. — Но что-то мне не верится в его злодейство.

Я промолчал. Подумал: «не верится» — слабый аргумент против улик. Комаровскому, так толково проведшему допрос, не хватает логики в его действиях. Вправе ли следователь поддаваться чувству симпатии или антипатии?

(Продолжение следует)

ВИКТОР СМИРНОВ

Приключенческая повесть

— Значит, улики достаточно веские? — спрашивает Николай Семенович.

— По-моему, да.

— Позвони Комаровскому. Нужны данные о Шабашникове.

Дождь все идет. За окном крупные капли описывают траектории, словно падающие звезды. Город лежит внизу темной массой, как уснувшее животное. Шевелится, вздыхает. Окна домов плотно прикрыты ставнями.

— Ты как будто спокоен, Паша?

— Да ведь тупое дело, Николай Семенович... По пьянке.

Я и впрямь не чувствую следовательского азарта. Это унылое лицо с обвислыми щеками, мутные с похмелья глаза... Нелепый случай. Нелепая жестокость.

— Так-так.

Николай Семенович недоволен, это я хорошо чувствую.

— Нет ли у тебя ощущения, что твоя работа ставит тебя над людьми, а, Паша? Я так и не понял, что ты думаешь о человеке, которого подозреваешь. Кто он, мог ли он? Ты доверяешь лишь обстоятельствам.

— Но улики... Я не адвокат.

— И адвокат. И прокурор. Человек.

Меня задевают слова шефа. Я люблю его, он «мой старик». Мне хотелось бы, чтобы обо мне говорили: у Павла Чернова «комоловский» стиль работы. Я всегда старался быть похожим на него и перенять у него все, даже привычки. Одно время даже покашливал в кулак, точь-в-точь как Николай Семенович.

Комаровский является в номер. Под мышкой у него маленький школьный портфельчик. Обычно с такими портфельчиками ходят управдомы или колхозные бухгалтеры. Длинная темно-синяя шинель подчеркивает худобу и нескладность фигуры.

— Сегодня ты кое-что нащупал, Борис Михайлович? — спрашивает майор.

Капитан вытирает костлявой рукой лицо, покрытое каплями дождя. Хмыкает. Он застенчив — особенно с высокими чинами. Это у него, видимо, от «старшинского» прошлого.

— Нащупал?.. Как сказать.

Комаровский тоже в чем-то сомневается. Чутье. Тонкое растение, выросшее на почве, которая называется опытом. В этом они оба превосходят меня.

Капитан раскладывает на столе фотокарточки, сделанные в доме Осеева и Шабашникова. Комолов пристально рассматривает снимки.

— Понимаете, Шабашников в городе на хорошем счету, — говорит Комаровский. — Человек добрый, отзывчивый... В войну был в армии снайпером. Жена погибла на фронте, медсестрой была. Один живет. Ну пьет, факт, это у него периодами. Есть такой минус... С уголовным миром никаких связей.

— С деньгами у него как?

— Туговато, раз пьет.

— В каких отношениях он был с Осеевым?

— Вроде дружили... Шабашников бывал у Осеева.

— Он мог знать, что Осеев хранит дома наличными крупную сумму?

— Думаю, да. Говорят, Осеев советовался с ним насчет покупки мебели.

— Понятно, — сказал Комолов и открыл свою алую кожаную папку. — А что нам известно об Осееве?.. Полгода назад в Колодин на строительство химкомбината приезжает инженер Осеев. Вот телеграмма — компрометирующими материалами о нем мы не располагаем. Напротив, характеристика положительная... Приехав в Колодин, Осеев покупает дом и участок на улице Ветчинкина. Очевидно, собирается осесть после выхода на пенсию. У Осеева жена и дочь. Они живут в Иркутске. В июле дочь гостит у отца. В августе Осеев ожидает приезда семьи. Пятого августа берет с книжки пятьсот рублей, чтобы купить кое-что из мебели. А в ночь с восьмого на девятое августа его...

На втором этаже гостиницы, под нами, начинает играть оркестр. В ресторане веселье. Пол в номере слегка вздрагивает. Комолов морщится и расстегивает воротник рубашки.

— Открой окно, Паша. Душно...

В номере холодно, но я распахиваю окно. Плохо шефу.

— Итак, какие улики против Шабашникова? Доложи, Паша.

— Ну, во-первых, нож и сапоги! Нож, которым совершено убийство, принадлежит Шабашникову. Следы, оставленные на полу в доме Осеева, — это следы его сапог.

Комолов утвердительно кивает.

— Далее. Шабашников знал, что Осеев хранит деньги. Именно деньги интересовали преступника.

— А в состоянии он был нанести такой удар?

Тут я могу выказать эрудицию в области, где майор, житель большого города, не очень силен.

— Он ведь «забойщик», Николай Семенович.

— «Забойщик»?

— Ну да. Так у нас говорят — капитан знает. Колодинцы приглашают его на забой скотины. Это тонкая работа. Нужен глаз и крепкая рука, чтобы попасть точно в сердце.

— Это верно, — соглашается Комаровский.

— И еще. Осеев вел довольно замкнутый образ жизни. Ночью он мог открыть дверь только хорошо знакомому человеку. Именно таким был для него Шабашников, сосед. Ну и, конечно, деньги, найденные во дворе Шабашникова, — улика неоспоримая. Сло-

---

Продолжение. Начало в № 1.

вом, основная версия: Шабашников либо убийца, либо соучастник.

— Твое мнение, Комаровский? — спрашивает шеф.

Капитан смущенно кашляет в рукав:

— Правильно доложено. Но Шабашников!.. Очень сомнительно: человек никогда не ценил деньги, сам раздавал — и вдруг...

Верный своей дипломатической манере, Комаровский не вступает в открытый спор. Стоит ли перечить товарищу из «центра»? Ведь он приехал помочь. Но я чувствую, капитан остается при своем мнении.

— Что ж, Паша, логика, даже формальная, штука полезная, — говорит Комолов. — Но у версии, которую ты предлагаешь, несколько неувязок — из-за поспешности они отметены тобой. Первое противоречие. Убийца нанес удар, едва лишь Осеев приоткрыл дверь. Зачем Шабашникову, пользовавшемуся доверием инженера, так спешить? Похоже, преступник опасался, что Осеев, увидев, кто стоит на пороге, тотчас захлопнет дверь. Если так, то Осеев либо вовсе не знал его, либо знал как человека, которого надо бояться. Второе. Преступнику были нужны деньги. Очевидно, он знал, что они хранятся в письменном столе — кроме стола, ничего в комнате не тронуто. Но деньги лежали в первом же ящике, на виду. Отчего все ящики перевернуты, а бумаги разбросаны? Более того, следы, оставленные на бумагах, говорят, что убийца интересовался всем содержимым стола уже после того, как были найдены деньги. Что он искал? Может быть, не только деньги. Третье. Если Шабашников — преступник или соучастник, опасающийся разоблачения, что мешало ему получше запрятать деньги? Убийца, проявивший ловкость и сноровку, на редкость неумело распорядился похищенным. Четвертое: следы на полу. Преступник позаботился о перчатках, а вот то, что грязные сапоги оставят четкие отпечатки, не учел. Как ты все это объясняешь, Паша?

— Ну... ведь он был в состоянии опьянения, Николай Семенович! Отсюда странные промахи.

— А не похоже, что удар нанесен пьяным человеком, Паша! Тебе не кажется? Я бы предположил, что в доме инженера побывал матерый зверь... Он не вышмыгнул из двери, сторонясь трупа, как можно было ожидать от грабителя, пошедшего на «мокрое дело». Он спокойно нанес второй удар. Это хищник. Беспощадный, жестокий, хладнокровный. Таков ли Шабашников? Логика логикой, но есть еще психология. Тут надо подумать.

Я молчу. Крыть нечем. Слишком увлекла меня перспектива быстрого и легкого раскрытия преступления. Салага, неофит.

— Не спеши, Паша. — Комолов кладет мне на плечо тяжелую ладонь. — Мы только начинаем следствие. И я могу ошибаться. И ты. Но наши ошибки не должны выходить из этой комнаты, чтобы не наделать зла. Презумпция невиновности. Это не просто термин, это существо и стиль нашей работы. Если ты не доказал на все сто процентов, что человек совершил преступление, ты не имеешь права считать его виновным.

Холодный ветер врывается в комнату. Комолов жадно дышит, его бледное, слегка оплывшее лицо искажено гримасой боли.

— Прилягте, Николай Семенович.

— Сделаем так, — продолжает майор. — За Шабашниковым пока посмотрит Комаровский. А ты, Паша... поработай над версиями. Если не Шабашников, то кто? Видимо, тот, кто мог украсть нож и подбросить деньги, чтобы навести на ложный след. Может быть, не так уж нужны были ему деньги, если он отказался от половины суммы ради собственной безопасности?

Звонит телефон. Я сразу узнаю голос.

— Павел? Это Лена Самарина. Ты еще помнишь? Отец сказал, что ты здесь такой сверхзанятый, почти секретный! А видеться с женщинами тебе разрешают?

«Женщина, — отмечаю я про себя. — Господи, я помню ее совсем цыпленком».

— Что там еще? — спрашивает майор.

— По личному делу, Николай Семенович, — отвечаю я, прикрыв ладонью трубку. — Знакомая... по школе.

Не вовремя позвонила Ленка. Но Комолов смеется:

— Ну так что ж смущаешься? Иди, ты свободен.

Все еще сыплет дождь, и мы с Ленкой договариваемся встретиться в ресторане. Единственный ресторан Колодина находится как раз под нами на втором этаже гостиницы.

4

В ресторане шумно. Компания геологов празднует окончание полевого сезона. Бородатые парни в ковбойках и вельветовых куртках, рыцари тайги... Девчонки в грубых свитерах, счастливые, с сияющими влажными глазами.

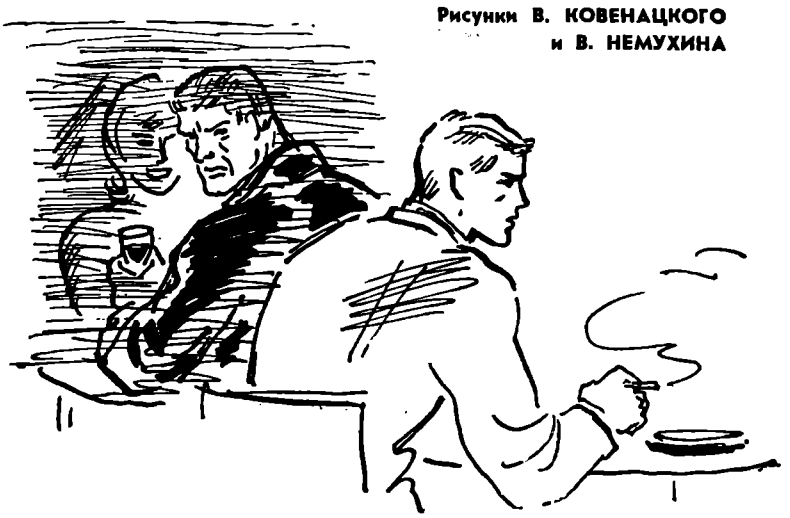
Наверно, человек моей профессии выглядит рядом с этими парнями страшным анахронизмом. Нож из уборной, похищенные деньги, старые сапоги, оставляющие следы на полу... Жестокость, алчность, алкогольный психоз. Варварство, заглянувшее в наш век из далекого прошлого.

А кто-то ходит по тайге. Ищет ванадий. Спутники запускает. Строит батискафы.

— Венька, ты ешь третий бифштекс.

— Я недобрал за сезон сто одиннадцать бифштексов.

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО и В. НЕМУХИНА



— Парни, Сиротка Люпус притащил рюкзак с образцами!

Геологи... Из нашего выпуска трое ребят пошли в геологи. И еще наш класс дал двух физиков, врача, летчика, шахтера... Я знаю, о моем выборе ребята говорят, пожимая плечами и улыбаясь: «Чернов Пашка, лучший математик, медалист, пошел в милиционеры!» Ну, а кто же должен «идти в милиционеры», хотелось бы знать?

Через два столика от меня сидит человек со спиной широкой и мощной, как стальной щит скрепера. Спины, если присматриваться, могут быть так же выразительны и неповторимы, как форма уха или отпечаток пальца.

Этого человека я уже видел.

Он оборачивается. А... преподаватель из школы ДОСААФ, Ленкин приятель. Он в обществе белокурой дамы с губами, накрашенными слишком ярко для Колодина.

Геологи едят апельсины, оркестр в бодром танцевальном темпе играет «Бродягу». Мрачная личность в шароварах старателя, заказавшая «Бродягу», горюет у пустых графинов.

В застекленной двери я вижу Ленку. Светлая, коротко стриженная головка. В школе девчонки говорили ей: тебе не придется краситься, ты всегда будешь «в моде». У нее волосы льняного цвета.

Я иду к выходу, и кажется, что все столики смотрят на меня, даже оркестранты. Застыла кулиса в руке тромбониста. «Вы видите лейтенанта в штатском? С хохолком на затылке?» Я снова превращаюсь в мальчишку. Прошлое ожило.

— Пашка!

Мы почти одного роста — так она вытянулась. От нее пахнет дождем и прохладой улицы, этот запах особенно ощутим в теплом табачно-кухонном воздухе ресторана.

— Пашка, я рада.

Мальчишки из детства уходят так далеко, что их можно безбоязненно целовать у широкой застекленной двери ресторана. Мальчишки из детства становятся родственниками.

— Дай я посмотрю на тебя, лейтенант милиции. Какие складочки у рта!..

Мы идем к столику, продолжая разговаривать, но я уже плохо слышу Ленку. Что-то изменилось в ресторанной обстановке. Я никак не могу собраться и «настроить фокус». А... мотоциклиста — вот кого нет. Пока я встречал Ленку, он исчез со своей дамой. В ресторане два выхода — один в вестибюль гостиницы, другой на улицу. Он не хотел, чтобы его видела Ленка. Почему?

— Ты меня слушаешь, Паш?

— Да-да!

— Я хотела уехать из Колодина. Все уезжали. Поступила в Ленинграде в Лесгафта. У меня всегда было хорошо с гимнастикой, ты знаешь. Но отец разболелся, пришлось вернуться. Преподаю в школе. Смешно, да? Самарина — «училка».

— С тройкой за поведение!

Это когда мы убежали на Катицу, на необитаемый остров, нам закатили в табель по тройке.

— Мне и сейчас достается за поведение.

— Я подумал об этом, когда увидел тебя на мотоцикле. Слишком экстравагантно для Колодина.

— Привыкли. В институте пристрастилась к мотоциклу. Когда вернулась, купила «Яву».

— Ну, у вас даже чемпион по мотокроссу живет.

Она становится серьезной — глаза холодные, неулыбчивые.

— Подвох?

— Что ты, Ленка. Просто я видел у магазина...

— Ну да, ты должен быть наблюдательным.

Она крутит пальцами ножку бокала. Ногти у нее покрыты бесцветным лаком. Слишком длинные и аккуратные ногти для мотоциклистки. Вероятно, кто-то помогает ей возиться с машиной. Жарков? Это как болезнь — следить за мелочами, даже близкий человек становится объектом наблюдения.

Ленка стала взрослой. Наверно, было кое-что в ее жизни за эти годы. И был кое-кто. Неприятно думать об этом. Не мальчишечья ревность, нет. Элементарный мужской эгоизм.

— Ты не замужем?

— Нет.

Она постепенно оттаивает после моей неловкой фразы о чемпионе. Надо быть осмотрительнее. Вернувшееся детство — только иллюзия.

Ох, Ленка, я рад тебе, но мысли мои все время убегают к опустевшему дому на улице Ветчинкина.

— Паш, да ты не слушаешь меня! Ну ладно, я не буду обидчивой.

...Мы выходим под дождь, когда часы бьют полночь, а оркестр, фальшивя от усталости, играет «До свиданья, москвичи». Женщина в черном платье поет: «Все равно от меня никуда не уйдете». Мы не москвичи, мы уходим. На пустой площади мокрый булыжник отражает алый неоновый свет рекламы. «Для Аэрофлота нет расстояний...» Ленка, озоруя, шлепает по лужам.

— Смотри, какой дождь. Веселый дождь. Славный дождь.

Темный Колодин тонет в холодной августовской мороси.

— Ну что ты такой насупленный, Паш? Не надо. Утро вечера мудренее — царевна это знала! Смотри, какой веселый дождь!

Нет, она осталась прежней Ленкой, которая хочет щедро сеять радость и доброту.

5

Сонная дежурная отпирает дверь гостиницы.

— Вас искали.

Взбегаю наверх. Номер пуст, сладко пахнет камфарой. На столе записка. «Николаю Семеновичу стало плохо. Увезли в больницу. Комаровский».

Звоню в больницу. Дежурный врач отвечает, что у майора Комолова предынфарктное состояние и они настоятельно рекомендуют не беспокоить его.

— Никаких записок, никаких дел. Полный покой. Ему нельзя было выезжать с гриппом!

— Что ему принести?

— Ничего. Майор просил не сообщать родственникам до выздоровления.

Только сейчас я ощущаю, как важно было для меня присутствие шефа. То, что рядом всегда был старший по возрасту, умный, доброжелательный человек, я воспринимал как должное. Смогу ли я работать без него?

Впрочем, все это неважно... Лишь бы выздоровел!

Я решаюсь отправиться к Комаровскому. Начальнику гормилиции не привыкать к ночным визитам.

Дождь льет по-прежнему. Всхлипывают ручьи.

За обшитой войлоком дверью слышатся возбужденные детские голоса. Кажется, я всех разбудил.

Мне открывает толстая женщина в халате. Детские головы выглядывают из темной комнаты.

— Бориса Михайловича нет, ушел по делам, — говорит жена капитана. У нее мягкое, добродушное лицо. Руки красны от бесконечных стирок. — Вы посидите. На кухне ничего? Больше негде: детвора...

Через час приходит Комаровский. Он несколько смущен моим визитом — стесняется многоголосого семейства, заполнившего его тесную квартирку.

— Майор-то, а?.. Трудно будет без него. — Комаровский сокрушенно качает головой.—А я у Шабашникова был. Решил поговорить начистоту, с глазу на глаз.

Худой, усталый, без форменного кителя, Комаровский похож на мастера-токаря, вернувшегося из цеха после тяжелой работы.

— Знаете, Павел Иванович, я думаю, Шабашников нас не обманывает... Он, конечно, догадался, в чем его подозревают и почему. Очень переживает, взвинчен до предела. Кстати, мы навели кое-какие справки. Шабашников действительно был восьмого августа у соседей, чинил электропроводку. Он пользовался своим «роммелевским» ножом и унес с собой в сумке. Это было в четырнадцать часов.

— Значит, нож, а заодно сапоги могли быть украдены только восьмого августа, с четырнадцати до полуночи?

— Выходит, так, — подтверждает капитан. — Я узнал у Шабашникова, кто навещал его в тот день.

Комаровский достает из бухгалтерского портфельчика листок. Что ж, будем считать, Шабашников дал «объективные показания». Однако что за иронический тон? — останавливаю я себя. Доверие — цепочка, тянущаяся от человека к человеку. Разорви одно звено, и вся цепь уже никуда не годится... Комаровский верит в Шабашникова, и эта вера должна передаться мне.

— Так вот, пять человек, — продолжает Комаровский. — В тот день, как помните, Шабашников продавал щенков. Ну, и наши охотники заходили к нему. Вы их знаете, наверно: врач Малевич, Анданов с почты, Лях из райпромкомбината, преподаватель автошколы Жарков. Был еще пятый. Но ни фамилии его, ни имени Шабашников не знает. Видел его впервые.

— А подробности этих визитов известны? — спрашиваю я Комаровского.

— Кое-что. Врач пробыл у Шабашникова несколько минут. Он просто зашел посмотреть на потомство знаменитой Найды. Лях тоже пробыл недолго, взял щенка в долг, под зарплату. Анданов выбрал щенка, но с собой не взял и оставил задаток — шесть рублей. Пробыл около получаса. После этого Шабашников отправился в магазин. К приходу Жаркова он был уже изрядно «навеселе». Жарков купил щенка и предложил «обмыть» покупку. Последнего посетителя Шабашников уже не смог толком разглядеть. Тот говорил, что гостит у родственников, неподалеку от Колодина...

— А когда ушел этот последний гость?

— Неизвестно.

Значит, у нас теперь две задачи: отсеять лиц, имеющих достоверное алиби, и установить личность этого незнакомца.

Выйдя от Комаровского, я обнаруживаю, что небесное ситечко перестало сеять влагу.

Я и сам не замечаю, как через полчаса оказываюсь на улице Ветчинкина, возле дома инженера. Видно, меня привела сюда смутная надежда на то, что близость к месту преступления поможет разгадать загадку.

Дом Осеева пуст и темен, как деревянный склеп. На другой стороне улицы, у забора, я замечаю неподвижную темную фигуру. Кто-то из сотрудников Комаровского. А вот и знакомые ворота на одной петле.

Бац! От неожиданного толчка чуть не лечу с дощатого тротуара в грязь. Машинально хватаюсь за кобуру.

— Извините, извините, ради бога!

Включаю фонарик. Слесарь Лях, улыбаясь, растерянно разводит руками. Засмотревшись на дежурного, я и не заметил, как слесарь выскочил из ворот.

— Извините, товарищ лейтенант! — Он уже узнал меня. — Задумался! Но это хорошо, что случайно встретил вас. Я был у Шабашникова.

— Догадался.

— Мне не дает покоя... Я и не знал, когда опознал нож, что это дело связано с убийством инженера. Я, таким образом, обвиняю Шабашникова, да?

— Почему вы так думаете?

— У нас слухи распространяются быстро. Я тут же помчался к Шабашникову, несмотря на ночь. Хотел расспросить его. Он не виноват, товарищ лейтенант. Десять лет знаю его!

Похоже, весь Колодин собирается встать на защиту Шабашникова. Странная, однако, эта ночная встреча.

— Идите лучше спать, товарищ Лях. Приходите завтра в горотдел, выскажете свои соображения.

Он уходит. Начинает светать. Колодин в этот час кажется таким мирным, уютным, он спит и видит сладкие утренние сны. Кажется невероятным, что в этом городке могла произойти такая трагическая история.

Произошла ведь! Где-то поблизости коротает тревожную ночь убийца... Один из пяти?

6

Воздух по-осеннему прозрачен, сопки, на которых просматривается каждое деревце, окружают умытый, прилизанный Колодин как декорации. В девять я уже в больнице. Главврач не может сообщить о Комолове ничего утешительного. Состояние «более или менее удовлетворительное». Резиновая формулировочка.

К двенадцати в горотдел собираются сотрудники Комаровского, они сообщают данные об охотниках, посетивших Шабашникова накануне убийства.

Врач Малевич вечером заступил на дежурство в поликлинике. Он не отлучался с места дежурства ни на минуту. «Исключается». Анданов в тот же вечер уехал из города, повез больную жену в областную клинику. Жена почувствовала себя хуже, этим и был вызван срочный отъезд. «Проверить». Лях, выйдя от Шабашникова, направился вместе со щенком к приятелю Новикову, который раньше служил в милиции собаководом. Беседа затянулась до часу ночи. Показание Новикова не вызывает сомнений.

У Жаркова четкого алиби нет. Сторожиха продовольственного магазина, дежурившая неподалеку от дома Жаркова, сообщила, что часов в десять вечера чемпион укатил на своем спортивном ИЖе. Когда вернулся Жарков, сторожиха не знала. В одиннадцать на улице был выключен свет в результате аварии на электростанции. «Разобраться». О пятом посетителе ничего не известно, но меры к розыску приняты.

Что ж, «иксом» мы еще займемся. Пока остаются двое. «Почтмейстер» с его срочным отъездом интересует меня больше, чем Жарков. Не слишком новый способ получить алиби: отправляешься на вокзал, берешь билет и незаметно возвращаешься обратно. Задача в том, чтобы в конце концов оказаться в пункте назначения. Комолов называл этот маневр «заячьим скоком». Бывает, что заяц, уходя от преследования, вдруг делает прыжок в сторону, и охотник натыкается на оборванную строчку следов.

Что касается мотоциклиста...

— Борис Михайлович, давно Жарков живет в Колодине?

— Постоянно — с полгода.

— То есть он приехал в одно время с Осеевым? Что привлекло его в Колодине? Чемпион мог поселиться поближе к «центру».

— Видимо, личные дела. Но долго не удержится. Летун.

— Ну, а как Анданов?

— Этот сменил несколько городов, пока не осел у нас. Он — охотник до мозга костей. Ему глушь нужна, тайга. А в наши дни, сами знаете: сегодня глушь, а завтра заводские трубы выросли. Строятся сибирячки...

Как бы в подтверждение слов капитана со стороны химкомбината доносится мощный удар. Дом крякает, дребезжат стекла.

— Диабаз подрывают, — объясняет Комаровский. Густое облако пыли поднимается над Молькой, тянется к небу.

— Кстати, сегодня должны прилететь жена и дочь Осеева, — замечает Комаровский.

Звоню Анданову. «Надо бы побеседовать. Когда удобно?»

— С двух до трех я обедаю дома, — говорит Анданов.

Дом двухэтажный, старый. Лестница музыкальна, словно ксилофон. У каждой ступеньки свой неповторимый скрип. Ровно в два я у двери. И тут же чьи-то шаги повторяют музыкальную фразу. Стук палки отбивает такт.

Ступеньки даются Анданову нелегко, на лице появляется гримаса боли, когда он заносит негнущуюся правую ногу. В руке — новенькая, еще не захватанная пальцами клюка.

Держится он холодно и с достоинством, подчеркивая всем поведением, что пригласил меня не из

чувства гостеприимства, а исполняя свой гражданский долг.

— В моем распоряжении минут двадцать. Я должен еще пообедать. Вам достаточно двадцати минут?

Он говорит так же, как и движется, — размеренно и четко. Мышцы лица при этом остаются неподвижными: словно маской прикрыт. Что ж, профессия налагает отпечаток. Дотошность, пунктуальность, сосредоточенность, малоподвижный образ жизни — все это отразилось в сидящем передо мной человеке. Наверно, он хороший почтовый работник.

— Я не знал, что у вас больная нога.

— Пустяки. Ушибся, пройдет.

Я коротко объясняю: дело об убийстве Осеева требует выяснения кое-каких деталей, и он, Анданов, может нам помочь. Медлительно, заученными движениями Анданов набивает трубку, открыв ярко-желтую коробочку «Золотого руна». У него сильные волосатые пальцы. Он спокоен, как отец-инквизитор.

— Не знаю, смогу ли помочь, — говорит Анданов. — Я плохо его знал. Кажется, он не увлекался охотой.

— Но вы, наверно, знакомы с кем-нибудь из людей, близко знавших Осеева. С Шабашниковым, например.

— С Шабашниковым я знаком.

— Когда вы видели его в последний раз?

Анданов затягивается, душистый дым плывет по комнате.

— Постойте... Это было перед моим отъездом, восьмого августа. Я заходил к нему, хотел купить щенка.

— Шабашников ничего не говорил вам об Осееве?

— Ничего. Я слышал, что Шабашников якобы заподозрен... Извините, что вмешиваюсь. Но Шабашников не способен совершить что-либо противозаконное.

Мельком оглядываю фотографии на стенах. Бесчисленные снимки жены: маленькая полная девочка в кудряшках, с ямочками на щеках, потом маленькая полная девушка с ямочками, потом женщина все с той же не тронутой годами улыбкой.

«Самого» не видно на фотографиях. Бывают люди, которых трудно представить детьми, и Анданов из их числа. Длинное пальто, барашковый воротник, руководящий «пирожок» на затылке. Таким, наверно, он появился на свет и сразу принялся за сортировку писем, телеграмм и другую общественно полезную деятельность.

— Во сколько вы ушли от Шабашникова?

— Часов в пять.

Мягко и деликатно я стараюсь получить от Анданова ответ на вопрос, который не хочу задавать «в лоб». Анданов оказывается гораздо более понятливым, чем я ожидал. Он облегчает мою задачу.

— В тот же вечер я выехал из Колодина. Жена почувствовала себя хуже, и я решил поместить ее в областную клинику. Здешние врачи, увы... Очевидно, молодой человек, вы хотите установить алиби всех, кто был у Шабашникова?

Как бы ни раздражал меня этот холодный тон, я начинаю чувствовать нечто вроде благодарности к этому спокойному, сдержанному человеку. С ним не надо финтить.

— Я выехал со станции Коробьяниково в десять тридцать. Вагон шесть. Мягкий. Там были двое проводников-мужчин.

Он говорит уверенно и спокойно.

— Зря вы оставили задаток Шабашникову. Он тут же пропил деньги.

Комната у Анданова большая и сумрачная. Тю-

левые накидки на тумбочках, герань и «слезки» на окне, ракушечные шкатулки — здесь ощутимо недавнее присутствие хозяйки, домовитой и рачительной. Квитанции и жировки аккуратно подколоты на гвоздик. В этом доме, должно быть, знают цену деньгам. Красочное расписание поездов в рамочке: белый реактивный самолет над красным электровозом. «Почтмейстер» и дома — как на работе.

— Надеюсь, содержание нашего разговора...

— Я знаю порядок, — перебивает меня Анданов.

Я скатываюсь по лестнице-ксилофону под дикий вопль ступенек. Интересно, что у него на обед? Мне представляется длиннолицый, унылый человек, сосущий сухарь над стаканом бледного чая.

7

— Не похищены ли у вашего мужа вместе с деньгами какие-либо драгоценности, дорогие вещи?

Женщина в черном шерстяном платке и черном платье смотрит на меня, стараясь сквозь ворох собственных мыслей добраться до смысла вопроса. Вся наша суета так далека от нее, так ничтожна. Если бы мы приходили д о. Н е п о с л е, а д о.

Дочь Осеева сидит чуть поодаль. Похожа на мать, такое же строгое красивое лицо, брови вразлет.

— Драгоценности?

Если бы убийца унес с собой хоть что-нибудь еще, кроме денег, мы получили бы в руки нить. Вещи оставляют заметный след.

— Разве что янтарные запонки, — говорит дочь.

Они смотрят на меня неподвижными глазами. Зачем все это? Для меня запонки — это запонки. Вещественное доказательство. Для них — ощутимое прикосновение к прошлому. Может быть, день рождения, торжественный вечер, свечи в праздничном пироге. Горе заслоняет им весь мир. А тут еще я со своими вопросами. Но я не могу ждать.

Я смотрю в опись, составленную при осмотре дома Осеева. Вот — «запонки янтарные, одна пара». На месте.

— Ваш муж никогда не делился с вами своими опасениями?.. Может быть, вражда, сложные отношения с кем-либо?

— Нет. Он ладил с людьми.

— Вы гостили в Колодине, — обращаюсь я к дочери. — Кому ваш отец без опасений мог открыть дверь ночью?

— Трудно сказать. Отец еще не обзавелся друзьями. Разве что Шабашникову.

У меня еще много вопросов, но Осеевы держатся из последних сил. Если бы мы приходили д о...

— Я только об одном попрошу, — говорит мать. — Верните мне дневник мужа. Он дорог как память.

— Дневник?

Мне не надо заглядывать в опись: дневник никак не мог пройти мимо глаз.

— Вы уверены, что ваш муж вел дневник в последние дни?

— У него это вошло в привычку.

— Да, у отца был дневник, — подтверждает дочь. — Толстая тетрадь, он сам сшивал листы.

Мне становится как-то зябко. Словно дорожка, по которой я шел, вдруг оборвалась и оттуда, из темноты, из провала, веет холодом. Если дневник похищен преступником, значит подтверждается опасение шефа: деньги только маскировка, ложный след! Но... дневник мог быть утерян Осеевым, сожжен. А что, если в дневнике лежали деньги и убийца прихватил его впопыхах? Десятки вопросов вспыхивают один за другим, как цифры на электронном табло.

— Скажите, могли быть в дневнике какие-либо данные о строительстве химкомбината, обо всех стройках, в которых участвовал инженер?

— Не думаю, — отвечает дочь. — Скорее всего это были записи личного характера.

Я смотрю, как Осеевы садятся в машину. Милицейский шофер предупредительно распахивает дверцу фургончика перед двумя женщинами, одетыми в черное.

— Дневник скорее всего мог понадобиться человеку, который уже сталкивался с Осеевым, — говорит Комаровский. Он расхаживает по кабинету, долговязый, как цапля, и размахивает руками. — А Шабашников уже двадцать лет безвыездно живет в Колодине.

— А «наши охотники»?

— Уже полюбопытствовал. Анданов за последние годы жил в Рассолье, Рубахине, Карске. Обращаю внимание: он, в отличие от Осеева, не искал строек, а бежал от них. Рассолье, Рубахино и Карск — ныне города индустриальные. Кстати, Осеев там никогда не работал. Жарков несколько раз бывал в Нижнеручьинске и Слюсарке, где жил инженер. Но что тут удивительного? Жарков в недавнем прошлом цирковой артист, гастролер.

— Но мы еще ничего не знаем о незнакомце.

— Да! Звонили из областного управления, — спохватывается Комаровский. — Помилуйко намерен прилететь. Заменит Комолова.

Помилуйко. Как бы неуверенно ни чувствовал я себя, оставшись без Комолова, мне бы не хоте-

лось, чтобы Помилуйко заменил шефа. Есть причины.

— Все равно, Паша, это ваше первое дело, и вы доведете его до конца.

Комаровский наклоняется надо мной, такой добрый, усталый и домашний, что милицейский китель, который топорщится на его костлявых плечах, кажется реквизитом, позаимствованным в местном народном театре. И я впервые думаю, что он почти вдвое старше меня. Он уже был «дядей Степой-милиционером», когда я только пошел в первый класс.

«Первое дело». Ну, а если мне не удастся найти подтверждение версии о преступнике, похитившем нож и сапоги у старика? Тогда останется один подозреваемый. Шабашников. Выходит, его репутация и судьба в моих руках...

— Как-нибудь доедем, — уверяет меня шофер. Ему лет девятнадцать, и он большой оптимист.

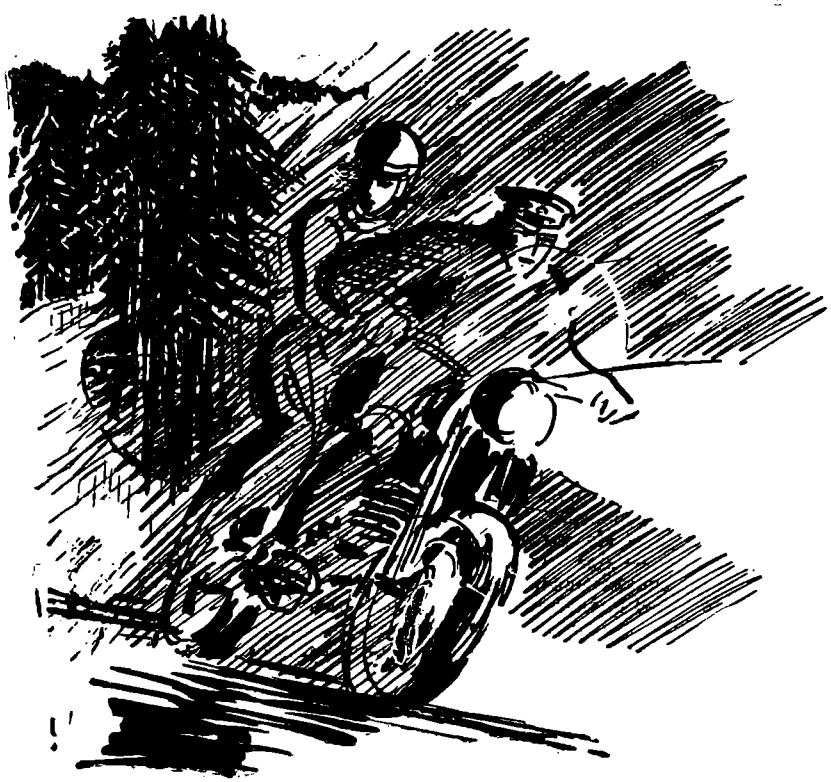
Задний мост скрежещет, как будто там, под днищем, работают жернова. Худо у колодинской милиции с транспортом.

Вокзал находится в четырнадцати километрах от города, это, собственно, самостоятельная станция, и называется она Коробьяниково. Но в Колодине говорят «наш вокзал». Городу хочется быть значительным.

В десять тридцать на станцию приходит двадцать второй поезд: тот, в котором ехал Анданов. Сегодня я могу застать ту же бригаду проводников, и мне надо обязательно успеть, иначе бригада сменится и проверка усложнится.

Ухабистая дорога, присыпанная щебенкой, мотает машину, словно катер на волне.

— Вот пришлют новую, — бормочет шофер. — Мигалку поставим на крышу, радиостанцию. Как в Москве!



— Здорово! — говорю я. — Как бы побыстрее? Опаздываем.

Шофер, сделав свирепое лицо, разгоняет машину. «Козлик» совершает лихие прыжки, оправдывая свое название. Потом скрежет переходит в поросячий визг. Мы останавливаемся.

— Теперь, значит, не успеем, — говорит шофер.

Улица темна и пустынна. Автобус к поезду, вероятно, уже ушел. И ни одной машины. Справа тянется длинный унылый забор. Склад... Но ведь там должен быть телефон!

Я отыскиваю проходную. Кому звонить? И тут меня осеняет: Ленка — возмутительница тишины. У Самариных есть телефон...

— Помнишь, ты обещала научить ездить на мотоцикле?

— Десять часов вечера — самое удобное время.

— Но ты должна меня выручить!

Через несколько минут Ленка лихо тормозит около «газика». На ней белый марсианский шлем.

— Давай сяду за руль, — говорю я.

— Ты не умеешь.

— Посмотрим, чему нас учили в милиции.

Черные рукоятки руля согреты Ленкиными ладонями. Мы летим в ночь, неся перед собой узенький коридорчик света. Поднимаемся на сопки и спускаемся в распадки, словно в воду ныряем — холодный сырой воздух бьет в лицо. Километровые столбы возникают как белые привидения.

Здорово это — скорость! В пути у тебя всегда есть четкая и желанная цель. И все, что мучало недавно, становится простым и понятным. Изобретатель колеса был великим человеком...

Я чувствую затылком дыхание Ленки. Руки закоченели, и весь я закоченел, но мне удивительно хорошо. Вокзал выплывает, как каравелла времен Колумба. Это неуклюжее бревенчатое строение со множеством пристроек.

Кассирша меланхолично щелкает компостером.

— Как с билетами на тридцать второй?

— В августе всегда свободно...

— А в шестой вагон?

— Тем более. Это мягкий.

Странно, что Анданов взял мягкий вагон, когда были свободны купированные. Он не похож на человека, который с легким сердцем извлекает из кармана бумажник.

(Продолжение следует)

Приключенческая повесть

ВИКТОР СМИРНОВ

Глухо гудят рельсы, дальний свет паровоза шарит по сопкам. Вскоре платформу заливает сияние прожектора и фигуры людей становятся просто черными силуэтами. За палисадником я вижу Ленку. Лунно сияет ее шлем. Дурацкая песенка почему-то приходит на память: «И марсианочка с фотон-наю ракетою ко мне летит, летит...»

Проводник мягкого вагона на редкость словоохотлив. Он фонтанирует, как тюменская скважина. Вид милицейского удостоверения приводит его в восторг. Этот курносый увалень любит приключения.

Да, он помнит: такой высокий, строгий пассажир, а жена его маленькая, и он поддерживал ее за руку, потому что она была больна. Да, это он на фотокарточке, факт. Наверно, научный работник. Почему? Ну, такой серьезный и ехал в мягком. Не остался ли пассажир на перроне? Нет, он ехал до конца. Билет у них был в третье купе, там ехал какой-то инженер, который пил много чая, просто даже подозрительно!

Значит, пассажир с больной женой вошли в купе, а инженер выскочил оттуда со своим чемоданом и подстаканником. У него был собственный серебряный подстаканник — тяжелый, как гиря. Даже подозрительно... Инженер сказал, что не хочет ехать в одном купе с женщиной, которая больна и громко стонет.

Инженера перевели в другое купе, а строгий пассажир с женой ехали одни. Вагон-то свободный! Выходил ли пассажир из купе? Ну, этого он не знает, потому что вскоре пошел спать, а дежурить заступил напарник.

На станции бьют в колокол.

— Да где же напарник?

— Он за кипятком помчался... Федя!

Я вижу, как мчится Федя с ведром. Поезд лязгает и трогается. В два прыжка я оказываюсь у палисадника.

— Ленка! Я поехал. Соскочу на первой станции и завтра вернусь. Спасибо!

— Выходи в Лихом! — кричит Ленка. — Подожди на станции. Я скоро буду там... Вернусь в Колодин, а оттуда по тропинке.

— Не надо!

— Жди!

В служебном купе напарник Федя косит на меня глазом. Он осторожен, себе на уме и, в отличие от приятеля, не склонен радоваться приключениям.

— Значит, я заступил. Зашел в купе: не нужно ли чего? Нет, говорит, не нужно. Жена хворая лежала. В третьем часу он вышел из купе. Спросил бинта. Ногу он поранил, прыгая с полки. Соды спросил для жены.

— Вы точно видели пассажира в третьем часу?

— А вот как вас вижу, так и его.

Вот и все. Можно возвращаться. Круг сузился. Теперь их остается только двое: Жарков и незнакомец.

— Вы извините, конечно, — говорит курносый проводник, чрезвычайно довольный происшествием. — Он что, преступник большой? Замечу где — поймаю! Я такой...

— Лучше не ловите. И про разговор этот забудьте, — говорю я сдержанно.

Пусть почтмейстер спокойно охотится на медведей. Сортирует письма. Рассылает телеграммы. Нависшее над ним подозрение в эту минуту рассыпалось прахом.

8

В Лихом на пустой платформе горит керосиновый фонарь, вокруг — августовская темь. Шумят невидимые деревья и пахнет сырым лесом.

Зря я втянул Ленку в эту поездку. Где она блуждает на своей «Яве»? Разъезд Лихое соединяет с Колодином тропка, вьющаяся по тайге, как слабый ручеек. Тридцать пять километров тайги. Уж лучше бы мы договорились встретиться не в Лихом, а в Полунино — там хоть какая-то дорога.

Еще слышен шум поезда. Он плетется по однопутке, по краю озера, минуя многочисленные разъезды. Часа через три неторопливой езды поезд достигнет станции Полунино. Когда погаснет стук колес, можно будет услышать голос Катицы, той реки, по которой мы с Ленкой когда-то плыли к необитаемому острову.

В Полунино достали старую лодку. Да, тогда мы чудом избежали опасности. Железная дорога не сразу уходит от Колодина — она описывает дугу. Огромное озеро Лихое прижимает рельсы к самому хребту. Это обстоятельство и выручило нас с Ленкой во время робинзонады: обходчик заметил, как лодка входила в Катицу. Если бы мы ушли к востоку, в глухую тайгу, нас не нашли бы после «кораблекрушения».

Ленки нет. Надо идти навстречу.

Еще прежде чем услышать стук двигателя, я вижу, как над головой загорается верхушка ели, потом выступает еще несколько вершин пониже. Фара в темном лесу кажется ярче солнца.

— Ленка, сумасшедшая...

— Устала чертовски... — Голос у нее хриплый. — Разожги костер. Хорошо, что какая-то добрая душа догадалась проложить мостик через Черемшанку...

Огонь с треском поедает хвою. Ленка сидит, как любят сидеть все девчонки у костра, — подтянув колени к подбородку и неподвижно глядя на огонь. Ее щеку пересекает царапина, брюки в грязи.

Мы сидим у костра и молчим. Есть самые простые радости на свете, которые чаще всего не замечаешь, настолько они бесхитростны. Но потом — только потом — узнаешь, что они-то и были счастьем. С годами начинаешь понимать это. Мы думаем о счастье в будущем времени, но оно всегда в прошлом, потому что как настоящее неощутимо. Этот костер, и Ленка, положившая подбородок на колени, и алые сосновые стволы, и короткое ощущение покоя — все это станет потом счастьем, я знаю.

— Тебе что-нибудь дала эта поездка? — нарушает молчание Ленка.

— Да. Есть линии, которые мы называем ложны-

Продолжение. Начало в № 1—2.

ми. Но сначала надо узнать, действительно ли они ложные.

Глаза у нее сейчас темные-темные.

— Да, в жизни бывают ложные линии, — говорит она.

Что-то беспокойное, тяжелое лежит у нее на душе. Я беру ее руку и ощущаю живую прохладу. Как будто коснулся речной быстрой воды и она ящерицей трепещет в ладони.

— Я так мало знаю о тебе, Ленка.

— Любопытство следователя?

Она всегда была такой — мягкая, добрая и вдруг неожиданно резкая.

— Прости. Знаешь, мне кажется, будто я отдала ему всю жизнь и мне ничего не осталось.

Она говорит так, словно мне знаком каждый ее день из этих шести лет. Но я знаю, кого она имеет в виду.

— Я вернулась из Ленинграда... Нельзя надолго уезжать из маленьких городов, а если уезжаешь, лучше не возвращаться... Весной к нам прибыл аттракцион «Бесстрашный рейс». Знаешь — мотоциклист гоняет внутри деревянного колодца? Леша-Лопушок — он теперь завотделом культуры — потащил меня: «Пойдем, познакомлю с интересным человеком». Мотоцикл ревел, стена качалась, публика ахала. Он действительно здорово работал. Потом Леша познакомил меня с ним. Он показал новый трюк и сказал: «Только для вас». Я села на его машину и спросила, как ездят по стене. Он думал, я шучу. А я поехала. Надо было резко набрать скорость и лезть наверх, когда почувствуешь, что инерция плотно прижимает машину к доскам... Мы стали встречаться. Он показался мне необыкновенным человеком. Всегда в дороге, новые города, опасность. Он предложил работать вместе, и я научилась ездить как следует. Мы должны были пожениться, но я увидела, что смельчак, ищущий тревожной жизни, давно стал торговцем и фигляром. Каждый виток он переводил в монету. Он любил браваду, видимость успеха, балаганное почитание. Его надо было вытащить с «вертикальной стены». Мне удалось сделать это. Он переехал в Колодин. Стал чемпионом области, мастером спорта. Я думала, что все плохое позади. Но он не мог без дурных денег, без восхищенных почитательниц, ресторанного хвастовства. Завертелись темные болельщики, дельцы, девицы...

— А я-то думал: чего это чемпион живет в Колодине?

— Он все собирается уехать, но... когда ему трудно, я нужна. Он понимает, что без меня покатится вниз. Он хочет сохранить и меня и свою бездумную «артистическую» жизнь. И я тоже никак не решусь порвать с ним, хотя знаю, что прошлое — пепел, не больше... Отчего мы, женщины, так привязчивы, отчего мы живем только тогда, когда живем для кого-то?

— Просто ты хорошая, Ленка. Добрая. Человек.

Ну, что я могу сказать ей? Такие клубки распутывает жизнь, время. Ни я, ни кто-либо другой не в силах ей помочь... Горит костер, и «Ява», как верный пес, смотрит на нас выпуклым глазом фары.

9

...На меня несется узенькая таежная тропинка, мелькают деревья, луч света шарит по лесу... Будит меня деликатное покашливанье. Комаровский, подобрав полы шинели, сидит на стуле верхом.

— Сон — первое благо молодости. Я не мог дозвониться.

Протираю глаза. Телефон на столе как черный укор.

— Ну, что Анданов? — спрашивает Комаровский.

— Ехал в поезде. Чистое алиби.

— Я так и думал. А у меня новости. Помилуйко прибывает послезавтра. Из области пришел результат анализа. Ну и напали на след «пятого». В тайге его видели, на охоте.

Через полчаса мы сидим в горотделе.

Передо мной бланки из лаборатории криминалистики. Анализ отпечатков, оставленных преступником на бумагах Осеева, показал, что перчатки, как мы и предполагали, были смочены в бензине. Причем в бензине содержалась примесь машинного масла.

— Преступник имел дело с двигателем внутреннего сгорания. С любым двигателем, где нет централизованной смазки, — говорит Комаровский. — Но Шабашников далек от всей этой техники. И в доме у него нет никаких смазочных материалов.

— Значит, нам остается предположить самое очевидное: преступник пользовался мотоциклом или велосипедом с моторчиком...

— У нас сейчас развелось много мотоциклистов, — задумчиво говорит Комаровский. — Особенно, как началась стройка.

— Но вряд ли найдется много охотников разъезжать глубокой ночью. По здешним-то дорогам! Убийство произошло в ноль часов семь минут. Надо опросить жителей: не слышал ли кто ночью, около двенадцати, шума мотоциклетного или велосипедного движка? Может, нам удастся определить маршрут?

Комаровский отдергивает занавеску, закрывающую

милицейскую карту Колодина. Кружочки на карте обозначают места, где за последнее время были совершены какие-либо преступления.

— Нет ли здесь связи? Смотрите...

Капитан показывает на два кружочка, прилепившихся к окраине города.

— Не так давно у нас были похищены два мотоцикла. Один найден в лесу под Колодином, другого не нашли. Похититель неизвестен. Похоже, что это одно и то же лицо. Самое странное, что раньше у нас не уводили мотоциклов. Зачем? Угнать невозможно: тайга.

— Что гадать?.. Давайте пока займемся этим незнакомцем, проживающим вне Колодина.

— Это уж Кеша нам должен помочь. Жду его с минуты на минуту. Вы знаете Кешу Турханова?

Кто в Колодине не знает таежника Кешу? Турханов — первый здешний охотник, соболятник, в годы войны на пожертвованные им деньги были построены два истребителя. Я узнал о Кеше задолго до того, как научился читать.

— Он не раз помогал нам, — с гордостью говорит Комаровский. — Другого такого следопыта не найти.

Кеша Турханов входит без стука, отстранив секретаршу. У него свои понятия — если нужно, входи. Люди всюду должны встречаться так же просто, как встречаются они в тайге. Кеша немолод, могуч и сутул. Спина его привыкла к двухпудовой паняле, а ноги — к тридцативерстным переходам. Узкие глаза смотрят зорко и проникновенно.

— Здравствуй, следователь. Звал?

Комаровский рассказывает о новом охотнике, который объявился под Колодином. Кеша сосет трубочку и рассматривает капитана. Он такой, Кеша: если захочет, поможет, нет — и не пытайся добиться ответа. То, что мы «представители власти», для него не имеет никакого значения. Но он знает, что работа у нас справедливая, нужная, а превыше всего Турханов ценит справедливость и закон.

— Есть такой охотничек, следователь. Городской. Приехал погостить. В деревне живет, однако, у родственников.

Выезжаем на исполкомовском «газике». День облачный и ветреный. Дорога, по которой мы едем, носит гордое название — Полунинский тракт. Это семьдесят километров проселка, соединяющего Колодин со станцией Полунино. Когда-то тракт имел значение, а сейчас по нему впору ездить лишь вездеходам.

— Кеша, ты уверен, что мы его застанем?

— Охотника-то? Он этой ночью, однако, в засадке сидел. Отдыхает...

— Откуда ты знаешь, Кеша?

— В тайге все видно. Не город ведь.

На двенадцатом километре мы сворачиваем на таежную узкую дорогу и вскоре въезжаем в деревню. Ни одного деревца близ домов. Так уж водится у сибиряков, привыкших враждовать с лесом. Останавливаемся у большой избы-пятистенки, рубленной по-старинному, «связью», с охлупнями над крышей.

Охотничек вовсе не кажется смущенным неожиданным милицейским наездом. Горбоносый, смуглый, в меховой расшитой безрукавке, он похож на радушного жителя Закарпатья.

— Дело, говорите, имеется? Милости прошу. Квасу?

Знакомимся. Сащенко Евгений Петрович, тридцати восьми лет, инженер ОТК в «почтовом ящике» большого сибирского города. Приехал погостить у родственников. Сащенко охотно рассказывает о своей поездке в Колодин, к Шабашникову. Он уже слышал о трагическом событии и готов помочь нам, чем может.

— Собаку себе подыскиваю. У меня была чудесная лайка, Орест. Погибла. Что я могу рассказать об этом визите? Шабашников, понимаете, был под хмельком. Пришлось отложить покупку.

— Вы впервые в Колодине?

— Впервые.

— А долго пробыли у Шабашникова?

— Минут пятнадцать. Было около девяти, когда я пришел.

— Вы сразу отправились домой?

— Сразу.

— И часам к двенадцати были у себя?

— Нет. Это целая история... В двенадцать ночи я был на Полунинском тракте.

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО и В. НЕМУХИНА

— Один?

— Как перст! Я опоздал на «летучку» и решил дождаться попутной. Как назло — ни одной машины. Я не знал, что это такой пустой тракт... Пришлось идти пешком.

— Никого не встретили на тракте?

Наконец-то Сащенко понимает, что наш приезд вызван желанием установить его алиби. В глазах его вспыхивает и тут же гаснет тревожный огонек.

— Кого встретишь на тракте ночью? Хотя... Вы сможете разыскать его!

— Кого?

— Мотоциклиста. В Выселках, в нескольких километрах от Колодина, я присел отдохнуть у будочки. И тут услышал мотоцикл. Проголосовал. Но мотоциклист пронесся мимо как на пожар.

— Как выглядел этот человек?

— Козырек кепки закрывал лицо, я не рассмотрел. Мне показалось, он нагнул голову, проезжая мимо.

— А марку машины вы можете назвать?

— Думаю, ИЖ.

— Вы не можете вспомнить поточнее, когда это было?

— Я специально посмотрел на часы, когда промчался этот летун. Чем-то он напугал меня, я даже хотел заявить в милицию, но, видите, вы меня опередили. Без восемнадцати час, вот когда это было! Время у меня абсолютно точное.

— Ну что ж, спасибо за помощь.

Сащенко, в безрукавке, надев тяжелые охотничьи сапоги, провожает нас к «газику».

— Я пробуду здесь недельку. Если понадоблюсь, прошу...

«Газик» снова трясется по ухабам. Кеша Турханов меланхолично сосет свою коротенькую трубочку.

— Этому Сащенко можно доверять, кажется, — говорит Комаровский. — Если он действительно впервые в Колодине... Нетрудно проверить. Такое преступление мог совершить лишь человек, хорошо знающий город и Осеева.

10

Жарков, развалясь в кресле, насмешливо поглядывает на меня. Я нервничаю, чиркаю на бумаге какие-то закорючки. Он, конечно, знает о ночной поездке Лены в Лихое и, кажется, намерен своим поведением подчеркнуть, что к нашей беседе примешаны и личные счеты.

— Итак, Шабашников пошел за водкой, а вы оставались в его доме. Затем вы отправились к себе?

— Да.

Он длинной струей выпускает дым — облачко заволакивает мое лицо. Будь терпелив, говорю я себе.

— Вы были дома весь вечер и всю ночь?

— Вечером я выезжал к знакомым, а ночью был дома.

— Выезжали? На чем?

— Такси в Колодине нет. И трамвай еще не успели пустить. Поэтому, извините, я выехал на мотоцикле.

Что ж, сторожиха продмага, заметившая отъезд Жаркова, права: он действительно выводил свой ИЖ.

— Скажите, пожалуйста, когда вы вернулись домой?

— Двенадцати еще не было.

До убийства Осеева, отмечаю я. Так ли это? Знает ли он, что в одиннадцать тридцать на улице был выключен свет?

— Вы уверены, что до двенадцати?

— Ну, знаете ли! — возмущается Жарков. — Уж не подозреваете ли вы меня?

— Мы работаем, — как можно более спокойно отвечаю я. — Нам приходится беседовать не только с вами. Каждый точный ответ — это помощь в нашей работе.

— Хорошо, — соглашается Жарков. — Я говорю «до двенадцати», потому что, когда приехал, включил приемник, а потом услышал, как били куранты.

— У вас какой приемник?

Жарков смеется, показывая два ряда безупречных зубов. «Ну и вопросы задает мальчишка из угрозыска!» — читаю я в его прищуренных глазах. Он очень самоуверен.

— «Сакта». Радиола. Это важно?

— Важно. Еще один вопрос. Как долго вы слушали радиолу «Сакта» после двенадцати?

— Ну, часа полтора.

Удивительная выдержка у чемпиона. Кажется, права физиономистика, уверяя, что тяжелые подбородки свидетельствуют о незаурядной воле. Таким подбородком, как у чемпиона, орехи только колоть.

— Прочитайте ваши показания и подпишите.

Жарков внимательно читает. Ставит лихую закорючку.

— У вас неплохой слог. Все?

— Нет. Хотелось бы знать, как вы пользовались сетевым приемником, если с одиннадцати тридцати до четырех, в ночь с восьмого на девятое августа, у вас был выключен свет?

Улыбка сходит с лица Жаркова. Ошибку уже не исправить.

— «На пушку» берете?

— Весь квартал был отключен, на электростанции устраняли аварию. Вспомните, где вы находились той ночью?

Он выплевывает намокшую сигарету.

— Хорошо: я не был дома. Но отвечать не собираюсь. Если считаете, что я виноват в чем-то, докажите. Я не обязан обосновывать собственную невиновность. Правильно я понимаю закон?

— Вы правильно понимаете закон. Жаль только, что не хотите помочь нам. Не знаю, как это расценить!

— Как хотите. Вам я не отвечу.

Жарков с ударением произносит «вам». К нему возвращается самоуверенность. Во мне медленно, колючим клубком растет раздражение. Провожу кончиком языка по нёбу. Говорят, успокаивает.

— Очень жаль, — повторяю я.

Пожалуй, не стоит продолжать. Пусть Жарков успокоится, а мы посмотрим, как он будет вести себя дальше.

В сумрачной комнатушке, увешанной схемами, Комаровский вместе с начальником ГАИ колдует над картой, словно над шахматной доской.

— Нам пришлось поднять человек тридцать дружинников. Ну и все ГАИ, разумеется... Опросили жителей этого участка, — капитан обводит ладонью добрую половину города. — Некоторые действительно слышали ночью шум мотоциклетного движка. Я отметил места.

Красные кружочки лежат на карте как конфетти.

— Один человек даже видел нашего «гонщика». Дворник, проживающий в доме сорок шесть по Ямщицкой, заметил мотоциклиста, мчавшегося к тракту.

— А когда это было?

— Тут нам повезло. Дворник говорит: «Сразу же

после того, как на стройке раздался взрыв. Еще земля не успела успокоиться». Я звонил взрывникам, на стройку, узнал время: ноль часов тридцать минут. Через двадцать минут после убийства. Как видите, совпадает... Скорость мотоциклиста, заявляет дворник, была очень большой. Кепка с козырьком, прикрывавшим лицо, темный плащ, перчатки. Показания Сащенко подтверждаются.

— Дружинники и наши сотрудники опросили всех владельцев мотоциклов, — продолжает Комаровский. — В городе и районе. Никто из них не проезжал в первом часу ночи по Ямщицкой и Полунинскому тракту.

— Однако показания дворника и Сащенко совпадают. Ну... а если это был сам Сащенко?

— Подтверждено, что Сащенко действительно ранее не был в Колодине.

— Борис Михайлович, что вы можете рассказать о Жаркове?

— Он у нас заметная фигура, местная знаменитость, — говорит капитан. — Человек легковесный, любит успех, деньги, ресторанную жизнь. Все это, конечно, не повод для подозрений, связей с уголовным миром у него нет. Откровенно говоря, мне жаль Лену Самарину — в городе считают, что она невеста Жаркова, и не без оснований считают. Он не очень порядочно ведет себя по отношению к ней. А она хорошая девушка. Я ведь Лену давно знаю, да и вы, Павел Иванович, тоже.

Капитан, вздохнув, испытующе смотрит на меня. Очевидно, наша встреча с Ленкой в ресторане и ночное путешествие не прошли незамеченными для Колодина... Интересно, действительно ли боязнь потерять Лену удерживает чемпиона в Колодине?

— А вчера Жаркова видели вместе с дочерью Осеева, — как бы незвначай бросает Комаровский.

Дочь инженера Осеева заметно осунулась с тех пор, как я видел ее. Глаза тусклые. Завтра похороны. Будет долгий путь на Мольку, где в защищенном от ветров распадке приютилось кладбище. Старушки в платочках будут бросать с машин еловые ветви, угощать «панафидкой». Для них, старушек, хоть горький, но привычный ритуал, а для Осеевых — ни с чем не сравнимая боль.

Я только вношу лишнее беспокойство в эти суетные черные дни — словно еще одна ненужная бумажка в той канцелярской волоките, которой окружают уход человека из жизни... Сверстники — физики, летчики, геологи, здоровые, веселые хлопцы, — знаете ли вы подлинную тяжесть грубого милицейского дела?

— Скажите, вы давно знакомы с Жарковым?

Она отвечает бесстрастным глухим голосом:

— Мы познакомились, когда я первый раз приезжала в Колодин.

Она не спрашивает, почему меня интересует Жарков. Ей все равно.

— Он подошел ко мне как-то... в магазине. Сказал, что знает отца. Помог донести домой покупки.

Даже сейчас, с лицом, серым от бессонницы и волнений, она очень красива. Словно монашенка с картин Нестерова.

— Жарков бывал у вас дома?

— Нет. Он провожал меня, случалось.

— Как вы открывали дверь? Ключом?

— Я стучала в окно. Отец знал мой стук.

— Условный?

— Да, пожалуй. Он ведь был радистом в армии. Ну, а я — телеграфистка. Морзянке он меня выучил еще в детстве.

— Что же вы выстукивали?

— Да так, глупость... Три точки, три тире, три точки.

Сигнал «SOS».

Наверно, еще девчонкой она придумала это. Возвращалась со школьного вечера и постучала в окно: три точки, три тире, три точки. Было морозно, она зябла в легких туфельках и подала сигнал о помощи. С тех пор отец всегда ждал, когда раздастся знакомый стук. Ждал и в последние дни...

— Жарков знал, что вы должны были снова приехать к отцу?

— Да. Я писала ему, просила достать машину, чтобы помочь отцу перевезти мебель.

До Осеевой так и не доходит смысл вопросов. Мы с ней существуем сейчас в разных измерениях времени.

11

Облачный день стремительно несется над Колодином. Он выплывает из-за Мольки и уходит в тайгу, словно падает где-то там, за лесным морем, в хранилище времени.

Скоро сумерки. Мне хочется, чтобы облака неслись помедленнее и не так спешили стрелки часов...

Просмотренные мною дела об украденных мотоциклах ничего не дали. В конце июля с окраины Колодина исчез БМВ. Спустя два дня БМВ нашли близ тропы, ведущей к Черемшанке. По этой тропе мы с Ленкой возвращались из Лихого. Места там глухие, можно надежно припрятать мотоцикл. Однако поломка машины помешала вору, и он просто бросил ее. Второго августа точно так же неизвестным лицом был уведен ИЖ. На этот раз мотоцикл найти не удалось.

Возможно, между кражей машин и убийством Осеева есть связь, но приходится заняться главным вопросом — откуда мог взяться таинственный ночной мотоциклист, кто он?

Стандартный перечень вопросов... Как он выглядел? Неизвестно. Как был одет? Кепка, серый плащ... Вся мужская половина Колодина носит кепки (дань моде) и плащи благородного мышиного цвета (постарались снабженцы). Откуда он держал путь? Неизвестно. Хорошо ли он ездил на мотоцикле? Неизвестно.

Стоп. Это можно определить. Дом сорок шесть на Ямщицкой, где дворник в половине первого ночи заметил мотоциклиста, стоит на окраине. Отсюда до Выселок, места встречи «гонщика» с Сащенко, девять километров. Сверенные с нашими часы Сащенко показывали сорок две минуты первого. Итак, гонщик мчался со средней скоростью около пятидесяти километров в час. Это ночью, по плохой дороге! Наверняка такой стремительный бросок под силу только опытному мотоциклисту, асу.

Это предположение надо проверить. Следственный эксперимент — вот как будет называться мой следующий шаг. Но надо спешить. Маленькая милицейская комнатушка с грубыми деревянными столами и стульями уже в полумраке.

— Лена, мне опять понадобится твоя «Ява».

— Бедная милиция, безлошадные!

— У нас тяжелые мотоциклы. А мне нужны «средние кубики».

— Ну что же, я начинаю привыкать к твоим звонкам, — отвечает Ленка.

На Ямщицкой, у дома 46, я останавливаюсь, чтобы засечь время. Еще горит вечерняя заря, ставни не закрыты. Восходит луна, огромная, алая и такая близкая, что рукой можно достать.

Резко поворачиваю рукоятку газа и едва не вылетаю из седла. Рывок. Шестнадцать лошадиных сил ревут в цилиндрах. Держитесь, амортизаторы!

Колеса упруго прыгают через выбоины. Я едва успеваю вертеть рулем, выбирая безопасный путь.

Луч света мечется, свистит ветер, тело коченеет от ночной летящей в меня сырости. Мотоцикл, подпрыгнув, повисает на миг в воздухе, и мне кажется, что я лечу над дорогой, словно ведьма на шабаш.

Врываюсь в лес, рассеченный трактом. Шумно! Бегает эхо. Корни деревьев бьют в шины. Сосновые стволы раскалены закатом. Близость их обжигает лицо.

Раз! Проскакиваю между двумя сосенками. Чувствую, как заднее колесо вертится, не находя опоры. Доля секунды — и оно рвануло дорогу, метнуло ее за спину.

Лужи бросаются под мотоцикл — склизкие, округлые, как черные медузы. Грязь брызжет в лицо.

Вот уже светятся Выселки. Фонарь у автобусной остановки — как вторая луна.

У столба с фонарем я торможу. Сразу на оба тормоза. «Ява» приседает, словно готовясь поползти по земле.

Восемнадцать минут. А мне казалось, что я мчался как рекордсмен. Я проигрываю «ему» по меньшей мере минут пять.

Попробуем еще раз. До Колодина я доезжаю за шестнадцать минут. Прогресс. И еще раз — в сторону Выселок. Удается побить собственное достижение, но у самых Выселок, на взгорке, меня подстерегает беда.

Вылетев на вершину крутого холмика, «Ява» угрожающе задирает переднее колесо, стартуя в небо. Сбрасываю газ, но уже поздно. И я, описывая дугу, лечу в кювет. К счастью, склон крут. Скольжу по наклонной, прямо к темной воде. Сверху, продолжая светить фарой, сползает по грязи «Ява».

Я хватаю мотоцикл, чтобы остановить его угрожающее движение. Резкая боль обжигает руку, и машина наваливается на меня. Я не сразу освобождаюсь от тяжести.

Наконец поднимаюсь на ноги. Кости целы. И мотоцикл невредим. Левую руку жжет нестерпимо. Так и есть: приложился к раскаленному глушителю. Кожа уже вздувается волдырем. Говорят, при ожогах помогает сода. Знать бы да прихватить!..

А все-таки можно считать, что я выиграл в по-

следний раз по крайней мере еще минуту. Так что не горюй, лейтенант. Свою задачу ты выполнил: от Колодина до Выселок можно проехать за двенадцать минут. Только для этого необходимо быть гонщиком высокого класса.

Нет, так просто чемпион по мотокроссу от меня не уйдет!

12

Помилуйко развивает бурную деятельность. Его начальственная хватка помогает в первые же дни сотворить чудо. Райисполком выдает в распоряжение майора единственную в городе «Волгу». На этой «Волге» я мотаюсь по Колодину, привожу и отвожу людей — сначала Жаркова, потом белокурую девицу, которую я видел с чемпионом в ресторане, потом Сащенко, еще какую-то бородатую личность...

Так я превращаюсь в «рыбку на посылках». Но иного и не следовало ожидать. Помилуйко любит работать в одиночку.

После обеда майор решает ознакомить меня и Комаровского с результатами следствия, которое он прочно взял в свои руки.

— Садись, Чернов. Как рука? Все на перевязи?

Помилуйко торжественно перебирает бумаги. Он доволен сегодняшней работой. Низенький, коренастый, энергичный, он любит говорить: «Я — человек действия». Это так. Он умеет быть бесстрашным и решительным, когда нужно. Я видел, как Помилуйко один, отстранив помощников, взял пьяного бандита, вооруженного пистолетом.

Но в таком деле...

— Мне пришлось кое-что привести к общему знаменателю. Почитай-ка, Чернов.

Это протокол допроса Жаркова. «В ночь с 8 на 9 августа я находился у гражданки Любезновой М. Н.». Так вот зачем я ездил за этой белокурой «гражданкой». «Однако в беседе с оперуполномоченным Черновым вынужден был скрыть этот факт, так как Чернов находится в дружеских отношениях с моей невестой Самариной Е. Д. и мое признание, как я считал, могло стать известным ей». Хорош гусь этот Жарков!

— И вот это почитай.

Протокол допроса гр. Любезновой. «Жарков находился у меня с 23 часов 8 августа до четырех часов утра 9 августа, что может засвидетельствовать А. И. Русых, присутствовавший на вечеринке...» Русых — та самая бородатая личность, которую я возил на «Волге». Я перевожу взгляд на Комаровского. Долговязый капитан сочувственно и несколько виновато улыбается:

— Да, показания безупречны. Алиби...

— Он как на духу все выложил мне, — гремит Помилуйко. — Тики-так. Вот так, Чернов. Жизнь посложнее наших схем.

Он подмигивает и шутливо грозит коротким пальцем.

— Ох, Чернов, молодец! Не успел приехать, невесту чуть не отбил. Напугал мотоциклиста! Молодежь. За ней глаз да глаз нужен. А, Комаровский?

Начальник колодинской милиции улыбается в ответ. Это характерная улыбка капитана, который откликается на шутку майора. Субординационная улыбочка. А мне невесело. Дал я маху с этим Жарковым. Что ж, остается лишь признаться майору, что следствие заходит в тупик?

— Видимо, вы тут усложняете, — говорит майор сочувственно. — «Комоловщиной» занимаетесь, интеллигентскими штучками. Надо нам вернуться к этому Шабашникову. Но ты не огорчайся, Чернов. Не твоя вина.

Он предоставляет мне возможность принять сторону сильного. В данной ситуации сильная сторона — майор Помилуйко.

— Я продолжаю сомневаться в причастности Шабашникова к преступлению.

Две сердитые морщинки появляются на лице майора.

— А твои ли это сомнения? Ты еще молод, легко поддаешься влиянию. Посуди сам: ты логично замечаешь, что сапоги и нож могли быть похищены только одним из тех, кто посетил Шабашникова вечером восьмого августа. Так? Ни Лях, ни Малевич, ни Анданов, ни Сащенко, судя по твоим же правильным заключениям, не могут быть замешаны в преступлении. Отпадает и последний, Жарков. Ну?

Я молчу.

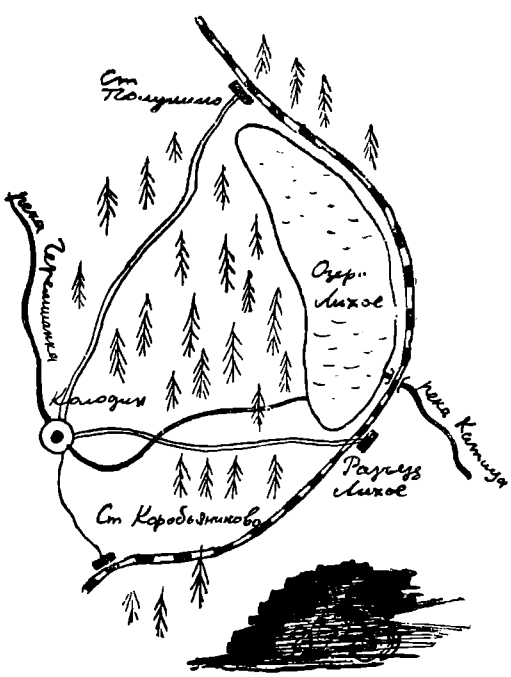
— А ведь улик, свидетельствующих против Шабашникова, достаточно для прокуратуры... И для суда, разве нет? Надо только доработать кое-что. Тики-так!

Он практик, Помилуйко, он умеет «глядеть в корень». Шабашников — это синица в руки, тогда как я со своими сомнениями предлагаю ловить журавля в небе... А что, если этот журавль окажется «глухарем», безрезультатно закончившимся делом?

Я смотрю на Комаровского. Он молчит.

— Я остаюсь при своем мнении, — говорю я. — Исчезновение дневника, следы горючего на бумагах — не вижу ответа на эти вопросы. Прошу дать мне возможность доработать версию, согласно плану, намеченному Комоловым. Вы ничем не рискуете.

— Ну, хорошо, — поморщившись, соглашается майор. — Попробуй. Только не напортачь. А я займусь Шабашниковым.



13

Теперь я могу отлежаться в номере как следует, баюкая обожженную руку. Медный маятник настенных часов отмахивает секунды. Лежи, братец. Ты бестолочь. Ты запутался в этом деле и никак не найдешь разгадку. Скажи: «Шабашников виновен», — и все сразу станет легко и просто. Не можешь? Не веришь, значит.

Что бы ты ни делал, твоя судьба всегда скрещивается с чужими судьбами. И никуда не уйти от этой огромной ответственности.

Попробуй еще раз. Собери себя в кулак. Еще раз восстанови в памяти трагическую ночь восьмого августа. Попытайся найти новые звенья.

В двенадцать десять о н был у дома Осеева. Кто о н? Не рецидивист, не профессионал — такие идут на «мокрое» лишь в случае крайней необходимости. А необходимости-то и не было. О н мог оглушить Осеева, связать. Но о н убил. Нанес второй удар, чтобы быть полностью уверенным в смерти инженера. Эта хладнокровная жестокость свидетельствует о преступном опыте, о привычке у б и в а т ь.

О н сделал все, чтобы запутать след. Выкрал нож. Подсунул деньги. Что еще должен был сделать такой осмотрительный, расчетливый преступник? Обеспечить алиби. Дутое алиби — вот с чем я обязательно должен был столкнуться.

В начале первого ночной мотоциклист покинул дом Осеева. В полпервого он на Ямщицкой, без восемнадцати час — в Выселках. Куда он спешил?

Вот карта. Можно построить график движения. Скорость, как установлено, около пятидесяти километров в час. В час двадцать он должен был приехать в Медведково. Это небольшое тихое сельцо. В нем ему делать нечего. Значит, он миновал Медведково и помчался дальше. В час сорок он — у Рубиной заимки. В два часа он достиг Полуника, конечного пункта на тракте. Далее лишь узкие таежные тропы.

Полунино, Полунино. Захудалая станция, приткнувшаяся к берегу озера Лихого. Три десятка домов... Можно предположить, что он спешил на железнодорожную станцию, его интересовал поезд.

На первом этаже гостиницы должно быть расписание поездов. Спускаюсь в вестибюль. Вот оно, на стене. Где я видел этот белый реактивный самолет над красным электровозом?.. Впрочем, это неважно. «Ст. Полунино». Сюда в два пятнадцать прибывает тридцать второй пассажирский поезд: стоянка десять минут.

В тридцать втором в эту ночь ехал Анданов! Странное совпадение. Стоит подумать. Когда столько разрозненных фактов, малейшее их совмещение заслуживает пристального внимания. «Ищите странное. В странном — разгадка».

Анданов... Восьмого августа почтмейстер навещает Шабашникова. В тот же вечер срочно выезжает из Колодина. С больной женой. В отдельном купе. Что мне известно о его поведении в вагоне?

«Значит, я заступил. Зашел в купе: не нужно ли чего? Нет, говорит, не нужно. Жена хворая лежала. В третьем часу он вышел из купе. Попросил бинта. Ногу он поранил, прыгая с полки. Соды спросил для жены».

В третьем часу — сразу же после того, как поезд вышел из Полунина. Говорят, сода помогает при ожогах. Говорят еще, что у мотоциклистов ожог ноги — довольно частая травма. Если бы «Ява» сразу же накрыла меня, я бы вспомнил об этом в ту же секунду. Странное совпадение.

Факты, только факты. Не спеши...

Медсестра в районной поликлинике, полная и меланхоличная, перебирает карточки — вот-вот заснет.

— Анданов? Да, был на перевязке. У хирурга Малевича.

С Малевичем мы уже добрые друзья. Утром он бинтовал мою руку, предварительно в пламенной речи изничтожив изобретателей, которые додумались до мотоцикла. «Раньше предпочитали лошадок. Тихая, мирная езда. Укрепляла нервную систему. Сейчас у нас в Колодине каждый второй — мотоциклист. Мои пациенты. Настоящие или будущие».

Малевич — очень экспансивный товарищ, с жестикуляцией, какую можно увидеть только в старых немых фильмах.

— Вы снова ко мне? Рука беспокоит? Может, вы опять взобрались на это железное помело?

Я объясняю причину визита.

— Анданов? Только что был у меня. Весь мир помешался на мотоциклах. Даже этот немолодой человек. У него тоже травма. Ожог ноги. И выглядел он вначале похуже, чем вы. Он смешной человек. Стыдится признаться. Думает, что я посмеюсь над его увлечением. «Кипятком обварил». Это он мне говорит. Как будто я не видел ожогов.

— Доктор, когда Анданов впервые пришел к вам с травмой?

Медсестра приносит историю болезни. Малевич с трудом вчитывается в записи, сделанные его торопливой рукой.

— Сейчас, сейчас... Да, вот. Десятого августа, утром.

Десятого августа утром Анданов, оставив жену в клинике, возвратился в Колодин. Как он умудрился получить ожог в купе мягкого вагона?

(Окончание в следующем номере.)

ВИКТОР СМИРНОВ

Приключенческая повесть

Помилуйко слушает, барабаня пальцами по столу. Этот стук раздражает меня, сбивает с толку.

— Стоп, стоп, братец, — говорит Помилуйко строго-снисходительным голосом экзаменатора. — По-твоему, Анданов мог совершить такой бросок?

— Посмотрите расчет, товарищ майор.

Если бы я не прожил в Колодине семнадцать лет, то, пожалуй, не сумел бы сделать этого расчета. Вот они, цифры, на листке. В десять тридцать поезд вышел из Коробьяникова. В одиннадцать остановился в Лихом, а затем медленно пополз по однопутке, берегом озера, через тоннели и мосты. Он как бы описывал полукруг с центром в Колодине, и на этом могла быть основана затея преступника. Затея, которая свидетельствовала о незаурядном уме и изобретательности.

Лихое — Колодин, Колодин — Полунино. Вот он, маршрут. В Лихом преступник мог незаметно покинуть вагон и пересесть на мотоцикл. Тридцать пять километров отделяли его от Колодина. Та самая таежная тропка, по которой ехала Ленка. К двенадцати преступник на окраине Колодина. В двенадцать ноль семь происходит убийство. А затем стремительный бросок в Полунино на перехват поезда.

— Ну, а где он взял бы мотоцикл? — спрашивает Помилуйко, продолжая барабанить пальцами.

— Он мог использовать только чужую машину. Запрятать ее недалеко от станции. Перед убийством в Колодине были уведены два мотоцикла. Один из них найден близ Черемшанки, то есть по дороге из Колодина в Лихое.

— А приехав в Полунино, он втащил мотоцикл в вагон?

Я пожимаю плечами. У Помилуйко веселеют глаза.

— Теоретик ты, Паша. Я тоже в твои годы был теоретиком.

— Но бывают случаи, когда...

— Скажи, можно проехать эти тридцать пять километров по таежной тропе за пятьдесят минут?

— Не знаю.

Мне следовало бы сказать: «сомневаюсь». Ленка проскочила эту тропку за полтора часа. А она ездит классно.

— Допустим, что возможно. Но, значит, Анданов великолепный мотоциклист, да? Есть сведения об этом?

— Нет.

— Еще вопрос. У тебя этот Анданов просто демон какой-то. Разрабатывает тончайший план, идет на огромный риск... Ради чего? Он обеспеченный человек, тихий, скромный. И вдруг! Взгляни на свою версию с точки зрения реальной жизни.

— Дело, по-видимому, не в деньгах. Мы не знаем, что было в дневнике.

При моей версии ограбление как причина убийства отпадает само собой. Может, сведение каких-то давних счетов? Но пути Анданова и Осеева не пересекались... Однако кто знает. Я вспоминаю комнату Анданова, фотографии в рамках. Я еще подумал — бывают люди, которых нельзя представить детьми. Они пришли в этот мир без молодости, без прошлого. Или боясь прошлого? Опять теории, лейтенант.

— Это скорее материал для романа, Павел.

Да, Помилуйко не любит «теоретиков». Дело, за которое он взялся, должно быть закрыто. А я предлагаю длинный и сомнительный путь.

— Посмотри, какую любопытную штуку я нашел.

Помилуйко достает из ящика стола старую, сделанную из медной гильзы зажигалку.

— Зажги.

Фитиль чадит и, наконец, вспыхивает. Я стряхиваю бензин с пальцев. «Адская машина» течет.

— В связи с делом о хищении ножа я еще раз осмотрел дом Шабашникова, — говорит Помилуйко. — Жаль, что вы с Комоловым не обратили внимания на зажигалку... Значит, перчатки были смочены бензином с небольшой примесью масла, да? Так вот, Шабашников заправляет свою зажигалку из бутыли, которую взял у своего соседа Зуенкова. А в бутыли — горючее для мопеда, понял? В бензине разбавлено масло.

Помилуйко подбрасывает на ладони зажигалку.

— Вот и разгадка. Я так понимаю: Шабашников не хотел включать свет в доме и воспользовался своей старой зажигалкой. Горючее попало на перчатки. Тики-так.

Майор прав: на зажигалку стоило обратить внимание.

— Все-таки я попробую найти доказательства для своей версии, — говорю я. — Уверен, что это удастся.

— Упрям, упрям, — благодушно ворчит Помилуйко.

Останавливать меня он не хочет. Но и помощи от него не добиться. Что же я могу сделать сейчас?

Ожог, который Анданов пытался выдать за ушиб, пока еще не улика. Это скорее исходный пункт в той сложной умственной динамике, которую мы называем догадкой.

Должны найтись доказательства. Моя теория — соляной раствор, насыщенный предположениями и умозрительными расчетами. Нужна хотя бы тоненькая ниточка, чтобы раствор начал кристаллизоваться. Нужны реальные детали, которые сами собой, без принуждения, укладывались бы в версию.

Нет преступника, который не оставлял бы улик. Аксиома, известная каждому новичку. Прежде все-

---

Окончание. Начало в № 1—3.

го—мотоцикл. Куда он делся, где был укрыт? Надо снова отправляться в Лихое, по той злополучной тропе. Только один человек сможет помочь мне в тайге. Кеша Турханов, лесной житель.

14

Утром звонит Комаровский: «Кеша будет ждать в Лихом, у станции. Я просил его разузнать, где охотничал последние дни Анданов».

С опаской сажусь на «Яву». Забинтованная рука едва держит рычаг сцепления. Никакие мази доктора Малевича не спасают от боли. А мне еще предстоит доказать, что от Лихого до Колодина можно проскочить за пятьдесят минут.

Небо хмурится, вершинки сопок исчезают в облаках. Опять пахнет дождем. Еду не спеша, изучая тропу. Надо полагать, преступник не один день присматривался к этой дороге, прежде чем решился привести в исполнение свой план.

В ту ночь, когда мы с Ленкой возвращались из Лихого, дорога показалась мне легче и безопаснее, чем теперь. Иногда тропа натыкается на каменные осыпи, руль дергается, вырывается из рук. Толчки отдаются во всем теле. Скальные обломки по сторонам как надолбы. Гонка будет с препятствиями.

Внизу холодно светится Черемшанка. Тропа уходит прямо в воду. Камни, разводья пены, белые бурунчики, а на том берегу — крутой и скользкий подъем.

Как это Ленка отважилась? Да, мостик! Она говорила о мостике, выстроенном «доброй душой».

Мостик белеет наверху — там, где сближаются отвесные берега. Четыре тесаные жерди, сбитые скобами. Настил достаточно широкий, чтобы провести мотоцикл. Белая щепа разбросана на траве. Пахнет смолой. Новенький мостик. Надо же — появился совсем недавно, как раз вовремя. Еще одно совпадение.

...Кеша Турханов ждет меня на тропе, недалеко от разъезда. Сидит, сгорбившись, на поваленном дереве, трубочка словно приросла к губам. Эдакий лесовичок, хранитель таежной тишины. Подает ладошку дощечкой.

— Начальник просил прийти.

Сидим курим. Кешу лучше не беспокоить вопросами, он сам знает охотничий этикет. Когда спрашивать, когда отвечать.

— Анданов-то на Бычковом зимовье бывал последние дни, — говорит Кеша. — Мастерил, знать, мостик.

Бычкова зимовьюшка — старый сруб на Черемшанке, недалеко от нового мостика. Охотники давно не посещают зимовьюшку. Зверье ушло от Колодина, от шумных мест.

— Почему думаешь, что он, Кеша?

— Откуда знать?.. Стружка с одежды насыпалась. А зимовьюшка чистая была, сам подметал.

— А точно Анданов?

Турханов хмыкает, выбивает трубочку на жесткую бугристую ладонь. Держит горячую золу, как в пепельнице.

— Видел табачок? Из кореньев... Простой. Анданов медовый табак курит, духовитый. Только он.

— Слушай, Кеша. Вот у меня мотоцикл. Надо его запрятать возле станции. Куда бы ты запрятал?

— Зачем прятать? Оставь на станции, никто не возьмет.

— Нельзя, чтобы кто-нибудь видел, понимаешь?

Кеша косит на меня прищуренным темным глазом.

— Понял, следователь. Подумать надо.

Он поднимается с бревна, сутулый, пригнутый к земле, но все еще крепкий. Он из той породы потомственных таежников, которые не знают, что такое райсобес, больница...

— Надо бы Савкину яму посмотреть, следователь.

Он идет медвежьей походкой через завалы кедрача. Когда-то здесь похозяйничал шелкопряд, оставив черный, мертвый лес.

Савкина яма — неглубокий, густо заросший котлованчик.

— Отсюда песок брали, когда строили дорогу, — бормочет Кеша и, кряхтя, лезет по откосу вниз. Он копошится в яме, осторожно разгребая валежник. Дождь наверняка смыл следы.

Я касаюсь тонкой, едва ощутимой нити разгадки, которая возникла из неясного предположения. Но кристаллы уже начали выпадать. Раствор твердеет. Мостик, выстроенный Андановым. Его интерес, проявленный к этим скучным для охотника местам. Такие совпадения не могут быть случайными. Теперь не я ищу факты, а они меня. Значит, я на верном пути.

— Погляди-ка, — зовет Кеша из кустарника.

Густые ветви прикрывали здесь землю от дождя. На песке — отпечаток протектора. Неподалеку от рубчатого узора находим темное пятно. Здесь масло натекло из карбюратора. Очевидно, мотоцикл лежал на боку. Бензин испарился, а масло осталось. Мы находим еще кусок промасленной тряпки. Больше ничего не удается обнаружить.

— Съездишь со мной в Полунино, Кеша?

— Опять мотоцикл искать?

— Да. Но там его насовсем запрятали, понимаешь?

— Это легко. В озеро, однако, бросить нужно. В Лихое. Шаман-скалу знаешь? Могила, однако, — поразмыслив, протяжно тянет Кеша.

С Шаман-скалы станция Полунино как на ладони. Поблескивают стальные ниточки рельсов. Облако пара застыло над паровозом. Внизу тусклое зеркало озера. Рябь кажется неподвижной.

От Полунинского тракта к Шаман-скале ведет узкая тропинка. Сюда, случается, забредают туристы, любуются озером. Оно диковинка: воды из озера вытекает больше, чем вносят реки. А вот не скудеет. И глубины удивительные. Полно провалов, расщелин, метров на триста глубины, говорят.

У Шаман-скалы как раз такой провал. Если он сбросил мотоцикл со скалы, нам никогда не найти машину... Неужели в тихом корректном почтмейстере таится такой изощренный ум? Не верится.

Скала почти отвесно уходит в воду. Гладкая, вылизанная дождями. Лишь небольшой карнизик метрах в шести подо мной.

— Веревка есть, Кеша?

Кеша-таежник запаслив. Мы связываем два небольших обрывка. Только рука не подвела бы. Авось... Хорошее русское слово «авось».

Спускаюсь, преодолевая боль. Карнизик пологий, стоять на нем трудно. От каменной стенки несет вековым холодом. В одном месте камень хранит след соприкосновения с металлом. Светлый, свежий шрам. Осколки стекла, разбросанные на карнизе, кажутся вкраплениями драгоценного минерала.

Осторожно подбираю осколки. Ребристое стекло от фары. Еще одно совпадение...

— Живой, следователь? — спрашивает сверху Кеша.

Живой. Сейчас выберусь. Отдышусь сначала. Надо поберечь силы. Что будут стоить эти открытия, если я не смогу доказать, что о н мог проскочить из Лихого в Колодин за пятьдесят минут?

В номер Помилуйко я врываюсь, забыв поздороваться. У майора изумленное лицо.

— На кого ты похож, Чернов?

Наверно, у меня не слишком респектабельный вид.

— Я из Лихого... За пятьдесят две минуты... Это трудно, но возможно!

— Выпей воды. Ты энергичен. Комолов знал, кого брать в помощники. А у меня тоже новость, — Помилуйко тяжелой ладонью хлопает меня по плечу. — Шабашников «раскололся».

Хорошо, что подо мной оказывается стул.

— Сознался Шабашников, да. Подписал!

— Как же с Андановым? — бормочу я. — Ведь он...

Я рассказываю о результатах поездки. Помилуйко терпеливо выслушивает, хмурится.

— Интересные наблюдения. Но где хоть одна явная улика? Мостик построил? Хорошо, построил. И ногу обжег... утюгом, предположим. Дома, перед отъездом.

— Но до отъезда он не хромал, это подтверждено.

— Ну, не сразу почувствовал боль. Не в этом дело в конце концов. Ты доказываешь, что он м о г совершить преступление. Думаешь, этого достаточно, чтобы прокуратура вынесла обвинительное заключение?

— Но разве мы — только для прокуратуры? Человек...

— Человек, человек! Шабашников уже в наших руках. Хочешь запутать дело? Завести в тупик? У тебя нет ни одной явной улики. Думаю, что и не будет.

Майор любит ясность. Шабашников признался. Точка. Подписал.

— В общем хватит анархии, — Помилуйко рубит ладонью воздух. — Действуй теперь только в соответствии с моими указаниями, ясно?

Остается один человек, с которым я еще не встречался и который может рассказать многое. Жена Анданова.

Я снова на приеме у Малевича. Бинт пропитался кровью, отвердел, словно гипс. Но Малевич нужен мне не только как хирург. Если он знает точно, где сейчас жена Анданова, я выеду немедленно.

— Вы не бережетесь, лейтенант. Так больно? Ножницы, сестра... Вам знакомо слово «сепсис»? Дождетесь, если не будете держать руку на перевязи.

Звякают инструменты. Я дергаюсь, как лягушка на школьном опыте.

— Не будете беречься — уложу в больницу. Право!

Удивительные у него руки. Сильные и нежные. Я всегда чувствовал особую симпатию к хирургам. Их работа сродни нашей. Такое же непосредственное проникновение в человеческие жизни. Каждый шаг, каждое движение связано с чьей-то судьбой. Они, как и мы, не имеют права ошибиться. Ночные вызовы, вечное беспокойство. Смысл нашей профессии, в сущности, тоже заключается в том, чтобы обнаружить вредную ткань и отделить ее от здоровой, очистить среду.

— Скажите, доктор, жена Анданова лечилась в вашей поликлинике?.. В какой больнице она сейчас?

— Да, она лечилась у нас. Вам я могу сказать: была безнадежна.

— Была?

— Да. Неоперабельная опухоль. Анданов знал и все-таки повез. Люди всегда надеются на чудо.

Малевич плещется над умывальником. Есть в его фигуре что-то скорбное, как у человека, несущего на себе тяжесть чужих бед.

— Ах, вы не знаете? Я думал, слухи распространяются в Колодине молниеносно. Анданов уже вылетел, его вызвали телеграммой. Летальный исход. Он был готов к этому.

Сестра помогает мне спуститься по лестнице, придерживая за локоть. Малевич разбередил ожог — боль адская. Только бы добраться до гостиницы.

15

— Пашка, как ты себя чувствуешь? Я осмотрела мотоцикл и подумала: как же должен выглядеть ты?!

— Нормально. Шишкинских медведей разглядываю. Симпатичные.

— Тебе плохо, Паша?

— Елена Самарина, телепат и провидец?

— Я знаю. Я всегда знаю про тебя. Изучила... Приезжай к нам. Послушаем музыку... А?

— Рихтер в Колодине, запись по трансляции?

— «Итальянское каприччио», ладно? Или двадцатый Моцарта.

С «Итальянского каприччио» для меня и для Ленки началась музыка. Мы купили пластинку случайно. Нам понравилось звонкое название — каприччио. Потом скупили все пластинки Чайковского. Мы ведь были глубокими провинциалами, нам приходилось открывать для себя то, что жители больших городов впитывают вместе с воздухом.

— Приеду!

Рисунки В. КОВЕНАЦКОГО и В. НЕМУХИНА

На окне знакомые с детства занавески... Вот чего мне не хватало эти дни — спокойствия, чувства дома. Ленка сидит рядом, я вижу только ее руки.

Я люблю музыку, но, признаться, плохо понимаю ее. Я слушаю музыку и думаю о чем-то своем: она становится моими мыслями, проходит глубоко внутрь и растворяется во мне.

Игла извлекает из черного диска мелодию... Вот детство. Безмятежное, тихое, как падающий лист. Говор Черемшанки, шелест тайги. Остров на Катице, огонь костра, первые беспокойные и сладкие мысли о любви. И тарантелла. Вихрь. Любовь, юность. Страстные, зовущие звуки. Все тише, глуше. И снова черная поступь смерти. Печаль, сожаление. Как предчувствие осени после весенней вспышки. Расслабляющая горечь проникает в сердце. Светлые впечатления детства придавлены шагами судьбы. Что дальше — покорность, ожидание? Каждый раз, прислушиваясь к тяжелым шагам, я замираю.

Вот оно — словно нарастающий бег конницы. Вклинивается в траурный марш и одолевает его. Мотив, который олицетворяет детство, превращается в торжественный гимн. Молодость вечна, если ты способен к страсти, подвигу. Все быстрее скачут всадники...

Так всегда действует музыка. Накипь слетает с сердца. Все проясняется. Я и он. Мы противостоим друг другу в немой схватке. Он расчетливее, хитрее меня. Он знает, что, совершив изощренное злодейство, не оставил следов, которые могли восстановить против него закон. Закон придуман справедливыми людьми, которые хотели исключить возможность ошибки. Это тот случай, когда ты догадываешься, кто преступник, и не можешь ничего поделать. Он все предусмотрел.

Но я не выпущу его. У военных есть выражение «вызвать огонь на себя». Я попробую...

— Ну вот, у тебя лицо посветлело, — говорит Ленка. — Я же знала...

В темном окне я вижу целое созвездие. Там поселок строителей. Сотни семей за стеклами как сотни миров. А в доме Осеева не зажгутся окна. Убийца еще ходит по городу. Пока убийца на свободе, смерть всегда может ступить на порог дома. Может войти и в эту комнату.

— Ленка, я пойду.

— Следователь, вы уже на посту?

— Ты все посмеиваешься.

— Нет, — она серьезно смотрит на меня. — Мне не хочется, чтобы ты уходил так внезапно.

Мы молчим. Между нами пролегли несколько лет. И Жарков. И многое другое. Нам трудно теперь отыскать дорогу друг к другу. Но, может быть, она существует, эта дорога?

— Почему признался Шабашников?

Комаровский упрямо смотрит в стол. На жилистой тонкой шее дергается кадык.

— Не знаю... Он в таком состоянии, когда все безразлично. Майор ярко нарисовал перед ним, как произошло убийство. Вчера Шабашников сказал: «Может, это в самом деле я? В беспамятстве. В городе меня, наверно, осудили. Уж все равно». Сегодня он признался.

— Ну, а вы?

— Что же мне кричать: «Не ты!» — говорит капитан. — У одного майора одна точка зрения, у другого — другая.

— Но у вас свое мнение!

— Вам двадцать четыре года, Павел Петрович, — устало говорит Комаровский. — Вам легко.

Да, мне двадцать четыре. Я не был старшиной, и я не приобщился ко всем жизненным сложностям. Но какое значение имеет это сейчас?

— Боюсь, это как раз то дело, когда не находят виновного, — говорит капитан.

Во мне волной поднимается злость. Неужели он сумел перехитрить всех? Помилуйко не в силах отказаться от приманки. Я черпаю воду решетом. Комаровский ждет.

— И все-таки мы найдем, — говорю я капитану. — И вы мне поможете.

Комаровский после минутного раздумья протягивает руку. Ладонь его костлява и суха.

— Куда вы сейчас? — спрашивает он.

— К Кеше Турханову. Он даст знать, когда Анданов вновь появится в тайге.

Окно зимовья светится тусклым желтым светом. Над деревьями догорает день. Придерживая одностволку, я осторожно подхожу к окну. Кеша прав — он здесь.

Помощник Комаровского принес утром записку. Корявым почерком Кеша вывел: «Анданов ружьишко брал, подался в Лиственничную падь».

Теперь нас двое в тайге, в тридцати километрах от Колодина. Я знал, что Анданов выедет в тайгу Полунинским трактом. Даже если деньги не были причиной убийства, он — такова уж психология преступников — не станет отказываться от «добычи». Половину суммы Анданову пришлось подбросить, чтобы навести следствие на ложный путь. Остальные деньги он наверняка припрятал.

Он мог сделать это только близ тракта, когда мчался в Полунино. Брать деньги с собой было бы рискованно.

Нас двое в тайге. Это мне и нужно. Я должен дать понять Анданову, что многое знаю о ночном убийстве. Для Анданова на карту поставлено все. Если он решит, что его карта бита, то, не задумываясь, пойдет и на второе убийство, чтобы скрыться в бескрайней тайге. Тут-то он выдаст себя, и я должен его взять.

Вот только не оплошать бы...

Стволы лиственниц, еще недавно отливавшие медью, слились в одну темную неразличимую массу. В окно зимовья видно: Анданов склонил над столом крупную лысеющую голову. Листает кредитки. Я немного опоздал. Мне бы взять его с поличным, у тайничка!

Анданов резко поднимает голову. Заметил. Я рывком распахиваю дверь. Сердце бьется неровными толчками. Не дрейфь, лейтенант.

— Гостем будете, — говорит Анданов и помешивает кочергой в печурке.

Он совсем не похож на того Анданова, с которым я встречался в городе. Там он был смиренным почтарем. Тайга распрямила его. Глаза блестят угрюмым блеском, рубаха, обтягивающая плечи, подчеркивает их ширину и мощь. Впервые в голову приходит мысль, что орешек может прийтись не по зубам.

— Тоже решили поохотиться? — спрашивает он.

— Вроде того.

— С больной рукой?

— Они так жгутся, эти глушители.

В зимовье жарко, трещит огонь в печурке, пахнет медовым «руном».

— Слышал, вы успешно закончили дело, лейтенант.

Он уверен в себе. Знает, что у нас на руках ничего нет. Но пальцы все-таки выдают волнение. Сильные, поросшие темными волосами пальцы. Он сдавли-

вает гильзу так, что картон трескается, и порох сыплется на стол. Мертвая хватка. Плохо, если такие пальцы нащупают горло или сожмут наборную рукоять ножа. Так вот ты каков, Анданов!

«Кто ты? — думаю я. — Ты мастерски владеешь ножом и ездишь на мотоцикле, как гонщик. Как шахматист, ты умеешь видеть на много ходов вперед. Где, когда ты столкнулся с Осеевым? Как возникла вражда, вызвавшая страшный исход? Прошлое, судя по документам, у тебя самое заурядное...»

Мы сидим в тесной зимовьюшке, как добрые друзья.

— Знаете, Анданов, я впервые распутал сложное дело.

Он молчит. Главное для меня — не оступиться ни в одном слове.

— Путевой обходчик помог. Он стоял у другого вагона и все видел.

— Не совсем понимаю вас.

Лицо у него по-прежнему непроницаемое. Длинное, темное лицо — как маска.

— И еще Савкина яма, где лежал ИЖ. Сохранились следы, которые вели от разъезда к яме. В общем мотоциклетный бросок не совсем удался. Не обошлось без свидетелей.

Анданов наклоняется и помешивает палкой угольев. Так вот что жарко горело в печурке, когда я вошел! Он успел избавиться от денег.

— Вы что-то непонятное рассказываете, — говорит Анданов. — Пойду лучше дровец принесу.

Сгибаясь, чтобы не задеть о бревенчатый потолок, он выходит на разведку. Не привел ли я кого-нибудь? Возвращается успокоенный.

— Любопытно все-таки, что мы встретились.

Он разглядывает меня с высоты своего роста. Бицепс перекатывается под кожей. Гантелями небось занимается.

— Однако я в засадку собираюсь, на солонцы. Вы со мной?

— Уж куда вы, туда и я.

Мы выходим в темноту. Ружье висит у него на плече. Я стараюсь держаться поближе к Анданову, чтобы он не успел вскинуть свою «тулку». Близок финал.

Он молчит. Я иду следом почти вплотную. Темнота густая и вязкая.

Говор реки становится громче. Мы выходим к Черемшанке. Здесь река широка и бурлива. Чуть приметен с откоса свинцовый блеск воды. На месте Анданова я бы дальше не пошел. Чувствую, как напрягаются мышцы. Я готов.

...И все же Анданов застает меня врасплох. Он делает ловкий нырок, выворачивается, и от мощного броска я лечу вниз, в Черемшанку.

Шлепаюсь на мокрые камни: боль пронизывает тело. Но я тут же заставляю себя вскочить и броситься в сторону. Сверху бьет огонь. Картечь рвет воздух над ухом. Все-таки успел отскочить. Я издаю громкий протяжный стон, хриплю. Прислушиваюсь: не щелкнет ли экстрактор, извлекая гильзу? Но Анданов решает, что выстрела дуплетом достаточно.

Приникаю к камням, втискиваюсь в воду. Мое ружье отлетело куда-то. Осторожно пытаюсь достать пистолет. Рука вялая, непослушная.

Анданов прыгает — и прямо на меня. У меня неплохой удар левой. Плотно забинтованный кулак обрушился бы на него, как кувалда, но я прижат к камням и не могу замахнуться. В борьбе у него все преимущества: десять пальцев против пяти.

Пытаюсь высвободиться. Он цепок и ловок. Нащупывает горло. Я борюсь, не думая уже о боксе. Только одно — жажда жить. Инстинкт самосохранения. Он клокочет в нас обоих.

Бью головой, он скатывается. Мне удается привстать. Теперь я могу достать его правой.

Он отклоняется и перехватывает руку. Попадаюсь на прием. В плече раздается хруст, боль пронизывает тело. Правая рука висит как парализованная, а забинтованной левой я не могу достать пистолет. Анданов знает это и не спешит, переводит дыхание.

Мы стоим в темноте друг перед другом. Эту секундную передышку надо использовать. Бью левой, свингом. Кажется, не промахнулся. Он не ожидал этого. Голова его глухо стукается о камни.

Я зубами разматываю бинт и, высвободив пальцы обожженной руки, включаю фонарик. Анданов лежит между двумя обточенными водой валунами. Я приподнимаю ему голову: не захлебнулся бы!

Анданов, камни, торчащий из воды приклад — все это начинает плясать, кружиться в свете фонарика. Продержаться еще немного! Анданов скоро придет в себя, и я уже не смогу справиться с ним. Достаю пистолет и стреляю в воздух. Отдача выбивает пистолет из ослабевшей руки, он падает в воду.

Но неподалеку, в темном лесу, раздается ответный выстрел из охотничьего ружья.

17

— Ну, ты бойкий малый! — говорит Помилуйко, поправляя одеяло на моей кровати.

Не пойму, осуждает он меня или хвалит. Я еще ни разу не видел на лице крепыша майора выражение неуверенности и смущения.

— Да, братец, как обернулось дело. Тики-так.

Ветер колышет тюлевые занавески, шишкинские медведи гуляют по туманному лесу. Прохладно, чисто и попахивает больницей. Всего лишь несколько дней назад я, проснувшись в этом номере, раздумывал над тем, удастся ли найти человека, которому принадлежит роммелевский кинжал.

— А вдруг бы он тюкнул тебя? — спрашивает Помилуйко, стараясь придать голосу начальственную строгость, но это ему не удается. — Хорошо, что Кеша Турханов выручил!..

Кеша не внял моей просьбе, отправился следом в Лиственничную падь. Конечно, это Комаровский попросил Кешу не оставлять меня. Тихий колодинский капитан!

— А вообще-то бригада выполнила задачу, — говорит Помилуйко. — Несмотря на отдельные ошибки.

Я молча смотрю на него. Шея майора багровеет. Если бы я мог рассказать в управлении о том, что видел, как покраснел «железный Помилуйко», сообщение вызвало бы сенсацию. Но я не буду рассказывать.

— А знаешь ли ты, Павел, кого мы... кого ты взял?

Он извлекает из пухлой папки стопку листов.

— Познакомься. Передаю дело в высокие инстанции.

Помилуйко показывает большим пальцем в потолок.

— Сознался как на духу. А что ему оставалось? Не отрываюсь от протоколов, пока не дочитываю

до конца. Не сразу удается представить картину преступлений, совершенных человеком, которого в Колодине знали под фамилией Анданов.

Я вижу его в полутемном купе мягкого вагона. Настороженный, с головой, вдвинутой в плечи, он весь в ожидании... Постукивают колеса. Скоро разъезд Лихое. Их сосед только что покинул купе, напуганный стонами больной женщины.

Они остались вдвоем с женой. Все идет в соответствии с планом. Анданов растворяет в стакане четыре таблетки нембутала. «Пей! Станет легче!» Беспомощная, привыкшая подчиняться беспрекословно, она выпивает стакан. Через десять минут крепко спит.

Анданов прислушивается к ее дыханию. Он боится, что нембутал не окажет воздействия.

Жена, Единственный близкий и преданный ему человек. Но сейчас он боится ее. Она может невольно выдать его, дать следствию пищу для подозрений. С затаенной радостью Анданов думает о том, что дни жены сочтены. Переезд нанесет последний удар. О, «добрая школа» была пройдена им. Он знает, что жалость ложное и опасное чувство.

Анданов выскальзывает в коридор: никого. В тамбуре, открыв дверь заранее припасенным ключом, он соскакивает с подножки на неосвещенную сторону платформы. Никто не заметил его в Лихом. Анданов надевает перчатки. Нож Шабашникова, старые сапоги, завернутые в бумагу, тоже с ним. Теперь к Савкиной яме, где спрятан ИЖ. Через час он постучится в дверь Осеева.

— Телеграмма из Иркутска, — скажет Анданов. — От дочери.

Он знает, что инженер ждет приезда дочери. Но в руке у мотоциклиста не телеграмма — нож. Остро отточенный клинок со странным рисунком у рукоятки. Это третья и последняя встреча Осеева и Анданова. Первая состоялась двадцать лет назад. Рука убийцы через годы дотянулась до партизана, сумевшего избегнуть смерти в сорок третьем.

А как это началось?

В июне сорок первого года под Львовом шел жаркий бой. Железнодорожники — одна винтовка на троих — штурмовали гору Подзамче, захваченную немецкими парашютистами. Он решил перейти линию фронта. Притаил под шинелью пропуск — листовку, на которой был изображен вонзившийся в землю трехгранный штык. Не трусость, не вспышка панической слабости руководили предателем. Он сознательно решил переметнуться к тому, кто казался более сильным. Он хотел власти над людьми, богатства, хотел «быть наверху». Увидев офицера в эсэсовской форме, Анданов взметнул руку в фашистском приветствии.

— Прошу не считать военнопленным, — выпалил он заученную немецкую фразу. — Цель моей жизни — служение фюреру.

Это был великолепно разыгранный спектакль.

Фашисты формировали диверсионные группы, и предатель вступил в одну из таких групп. Риск был велик, но велика была и выгода, а он решил вести крупную игру. Его обучали искусству рукопашной схватки, меткой стрельбе, всем хитростям, необходимым для диверсанта. Сильный, жестокий, решительный, он быстро пошел «в гору».

В конце сорок второго года он командир специального полицейского отряда в Белоруссии. Карательные акции. Сожженные хутора. Свидетелей своих «подвигов» он старался не оставлять, проявляя известную предусмотрительность.

В сорок третьем судьба свела Анданова с Осеевым, радистом небольшого партизанского отряда. Осеев был в числе четверых оставшихся в живых партизан, захваченных на хуторе. Хутор со всем населением был сожжен. Осеева и его товарищей ждала виселица. По дороге в город радист бежал. Это был один из немногих свидетелей, видевших собственными глазами зверства, чинимые этим фашистским прихвостнем.

Когда гитлеровцы покатились под ударами Красной Армии, командир полицаев «раздобыл» необходимые документы и бежал из Белоруссии на Украину, где его никто не знал. Так, собственно, и появился на свет человек, по фамилии Анданов.

Он забился в глухой сибирский городок. Никуда не выезжал: захолустье представлялось ему единственным надежным убежищем. Боялся новых людей, встреч. Но жизнь оказалась неутомимым преследователем. В захолустные города вторглась индустрия. Анданов бежит от строек и поселяется, наконец, в Колодине. Но этот городок тоже наводняют беспокойные строители. И судьба неожиданно снова свела Анданова с Осеевым. Бывший полицай не сразу узнал бывшего партизана, но тревога коснулась его. Он почувствовал, что Осеев присматривается.

Анданову нетрудно было перехватить письмо Осеева, в котором инженер сообщал приятелю о своих подозрениях.

Анданов сжег письмо. Однако за первым письмом могло последовать второе, третье... Бежать? Срочный выезд еще больше укрепил бы подозрение инженера. Анданов решил устранить Осеева. Устранить так, чтобы избежать возмездия. Прежде всего — алиби. Тщательное изучение карты и железнодорожного расписания натолкнуло его на мысль использовать мотоцикл. Он рассчитывал, что проводники не заметят «отлучки».

Труднее было раздобыть мотоцикл. Купить машину он не мог — выдал бы себя. После первой неудачной попытки Анданов сумел угнать чужой ИЖ. Алиби было только половиной плана. Нужно было пустить следствие по ложному пути. У Шабашникова Анданов похищает нож и сапоги.

...Ударив ножом, он прошел в темную, пустую избу, нашел дневник, о существовании которого подозревал. Взял деньги. Затем, покинув дом инженера, Анданов снял сапоги и завернул их вместе с ножом в обрывок полотенца. Выбросил все эти «вещественные доказательства» в уборную. Он понимал, что милиция произведет тщательный осмотр. Пробравшись к сараю Шабашникова, Анданов запрятал деньги. Не всю сумму, нет: жалко стало. «И без того влипнет старик».

Близ станции Полунино Анданов полетел в кювет и обжег ногу. Но мотоцикл остался невредимым. Анданов сбросил машину в озеро и успел к поезду. Через несколько минут, переодевшись, он вышел к проводникам напомнить о своем присутствии и заодно достать соды.

Зверюга. Хитрый, беспощадный хищник. Фашист. Затаившийся, надевший маску добропорядочности, он продолжал нести заряд смерти. Так мина, найденная много лет спустя после войны, кажется безобидной консервной банкой. Но прикосновенье к ней несет гибель и разрушение.

Я рос в этом городе, ходил по тем же улицам, что и он. Я наивно полагал, что прошлое — это прошлое... Зверюга, фашист.

— Ну, ты не волнуйся, Чернов, — говорит Помилуйко и осторожно берет у меня протоколы.

— А Шабашников? — спрашиваю я.

Помилуйко чешет затылок:

— Да, Шабашников. Зачем взял вину?

— Я думаю так. Шабашников уже был отмечен клеймом, и, как ему казалось, на всю жизнь. Он хотел избавиться от позора и решил, что это можно сделать, лишь смирившись с ним.

— Выздоравливай, я тут постараюсь все довести до кондиции. Приедут ведь о т т у д а.

Большой палец снова описывает дугу. Помилуйко уходит. В номере появляется Комаровский.

— Тут записка от Николая Семеновича.

«Паша! Врачи разрешили общаться с миром, но говорят, что с работой придется пока проститься. Я все узнал от Комаровского. Ты поступил, как мальчишка. Но знаешь — я рад за тебя. Спокойствие и мудрость — все, что мы называем опытом, — придут, а сердце дается человеку от рождения, и тут я — неисправимый идеалист...»

— И еще звонила Самарина.

Лицо у Комаровского добродушно-хитрое, понимающее. «Дядя Степа», он тут в Колодине все секреты знает. Недаром первая его служба началась на посту на базаре.

— Спрашивала — можно ей прийти сегодня? Я сказал: конечно...

КОНЕЦ

ПОТОНЯ

Жорж Сименон

Дома мы всегда, бывало, ходили к полуночной мессе. Не припомню рождества, чтобы мы ее пропустили, хотя от нашей фермы до деревни было добрых полчаса езды...

Лекёр, сидевший за коммутатором, снял наушники, чтобы слышать, о чем говорят.

— Ну вот, когда после мессы мы возвращались домой, каждого из нас оделяли куском кровяной колбасы, и, скажу вам, с тех самых пор мне ничего подобного есть не приходилось. Уж не знаю, что наша мать клала в эту свою колбасу, но только вкуснее ни у кого не было. Жена пыталась ее готовить, но так у нее никогда не выходило, хотя у моей старшей сестры она достала точный матушкин рецепт — по крайней мере сестра утверждала, что он тот самый...

Сомме подошел к одному из огромных незавешенных окон помещения, за которыми ничего, кроме тьмы, не было видно.

— Глядите-ка! Подмораживает. Это мне тоже напоминает детство. Бывало, у нас в комнатах вода к утру замерзала, и, чтобы умыться, приходилось ломать лед...

— Да, центрального отопления люди тогда не знали, — бесстрастно отозвался Лекёр.

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

«Полуночники» — так называли их смену. С одиннадцати вечера они сидели здесь, в этой просторной комнате, и теперь в шесть часов рождественского утра все трое выглядели изрядно уставшими. Три или четыре пустые бутылки и остатки бутербродов валялись на голом столе.

Гигантская карта Парижа висела на стене перед Лекёром, и каждый полицейский участок обозначался на ней крохотной лампочкой. Стоило чему-нибудь где-либо произойти, как загоралась соответствующая лампочка и Лекёр тотчас вставлял штекер коммутатора в нужное гнездо.

— Шалло?.. Послушайте!.. Вызвали ваш патруль...

Перед каждым полицейским участком во всех двадцати округах Парижа стояли в ожидании автомобили, готовые сорваться с места по первой тревоге.

— Чем отравилась?

— Вероналом...

Это, конечно, женщина. Третье самоубийство за эту ночь, два из них — в благопристойном районе Пасси. Еще один крестик появился в разграфленной на колонки записной книжке Лекёра. Мамбре, третий «полуночник», сидел за конторкой, заполняя какие-то формуляры.

— Одеон? Что там у вас происходит?.. А, угнали машину...

Это было уже по части Мамбре, который тотчас записал данные сорок восьмого автомобиля, угнанного этой ночью, и затем передал их по телефону Пьебёфу — оператору телетайпа, сидевшему в комнате этажом выше.

Обычная, в сущности, ночь — для них. Совсем иной она была для тех — за окнами. Ибо это была великая ночь, ночь под рождество. Не только месса привлекала в этот вечер людей. Переполнены были все театры и кино, а в больших магазинах, которые по случаю праздника торговали до двенадцати, парижане в свалке пытались в последнюю минуту купить все необходимое к рождеству.

В семьях собирались вокруг столов с жареными индейками и, возможно, с кровяной колбасой, приготовленной, как и та, о которой толковал Сомме, по семейному рецепту, передаваемому от матери к дочери.

Дети беспокойно спали в своих постелях. Родители крались к ним на цыпочках, изображая Санта-Клаусов, и оставляли подарки, которые будут обнаружены утром.

В ресторанах и кабаре каждый столик был заказан по крайней мере за неделю вперед. На Сене, на палубе баржи Армии Спасения бродяги и нищие выстраивались в очередь за рождественской добавкой.

Не появись на окнах наледь, дежурившие и не узнали бы, что

на дворе подмораживает. В этой просторной, тускло освещенной комнате они были словно в каком-то особом, замкнутом мирке, окруженные пустынными кабинетами префектуры, здание которой стоит напротив Дворца правосудия. Не раньше чем завтра снова наполнятся бесчисленными людьми все эти кабинеты и коридоры, людьми, пришедшими за визами, водительскими правами и еще бог знает какими разрешениями и справками.

Во дворе, внизу, полицейские автомобили стояли в ожидании экстренного вызова, патрульные дремали на сиденьях.

В эту ночь, однако, не случилось ничего достаточно важного, что потребовало бы их вызова. Это было видно по крестикам в записной книжке Лекёра. В колонке, отведенной для пьяных, крестиков было около двухсот.

Пять случаев нападений с ножом. Два — возле Итальянских ворот. Три — в отдаленной части Монмартра, не на Монмартре «Мулен-Руж» и «Веселого кролика», а там, в Зоне, за которой когда-то около ста тысяч арабов прозябали в лачугах, сколоченных из старых упаковочных ящиков и рубероида.

Несколько детей потеряно в сутолоке, когда народ после мессы повалил из церквей. Но они вскоре были возвращены родителям.

В коридоре зазвучали шаги, и ручка двери повернулась. Все трое оглянулись одновременно, удивляясь, кого бы это могло принести в такую рань.

— Салют! — произнес вошедший, швыряя шляпу на стул.

— Какими судьбами, Жанвье?

Жанвье — детектив отдела, занимающегося расследованием убийств, — прошел прямо к плитке, чтобы согреть руки.

— Скука сидеть одному. А если наш убийца собирается сегодня сделать свое дело, здесь я узнаю об этом быстрее, чем где бы то ни было.

Он тоже дежурил ночью — в соседнем здании за углом.

— Вы не возражаете? — спросил он, берясь за кофейник. — Ветер на улице просто ледяной.

— Не думаю, что какие-либо новости для вас будут до восьми, — сказал Лекёр.

Он знал, что говорит, ибо последние пятнадцать лет ночами просидел здесь, за этим коммутатором, не сводя глаз с огромной карты, усеянной лампочками. Он знал по именам половину парижских полицейских, во всяком случае, тех, кто дежурил по ночам. В часы затишья им случалось, чтобы скоротать время, подолгу беседовать друг с другом по телефону. «О, это вы, Дюма... Ну, как там дома?..» Но хотя их было так много — тех, чьи голоса были ему знакомы, едва ли кого-либо из них он знал в лицо.

Знакомства его не ограничивались полицией. На дружеской ноге он был и с персоналом многих парижских больниц.

— Алло!.. Биша?.. Что с этим парнем, которого привезли к вам полчаса назад?.. Уже умер?..

Да, он уже умер, и еще один маленький крестик был занесен в записную книжку. Эта книжка была в общем-то настоящим кладезем информации. Если вы спрашивали Лекёра, сколько убийств из-за денег было совершено за последние двенадцать месяцев, он в ту же секунду отвечал: «Шестьдесят семь». — «Сколько убийств совершено иностранцами?» — «Сорок два».

Так могло продолжаться час за часом, и Лекёра невозможно было подловить. Он, однако, выкладывал свои цифры без малейшей тени бахвальства. Цифры были его увлечением — и только. Никто не обязывал его заносить в книжку эти крестики. Это была его собственная идея. Крестики помогали коротать ночь, и он получал от них такое же удовольствие, какое другие получают, коллекционируя марки.

Лекёр не был женат. Очень немногие знали, где он живет и чем занимается за пределами этой комнаты. Было трудно представить его где-либо еще, даже просто идущим по улице.

Он повернулся к Жанвье:

— Чтобы произошло что-нибудь по вашей части, надо подождать, когда люди начнут просыпаться. Убийства обычно обнаруживают, когда консьержка пойдет наверх с почтой или горничная понесет завтрак в спальню хозяйке.

— Шеф убежден, что этот наш парень сегодня снова даст о себе знать, — сказал Жанвье. — Для людей такого сорта ночка сегодня самая подходящая.

Имя названо не было, ибо имени не знал никто. И никто не мог бы описать его, сказав, к примеру, что это человек в желтом плаще или человек в серой шляпе, потому что никто никогда его не видел. Некоторое время газеты называли его «мсье Воскресенье», так как первые свои три убийства он совершил в воскресные дни, но потом было еще пять жертв, и все в будни, по одному убитому в неделю, хотя и нерегулярно.

— Это из-за него вы дежурите по ночам? — спросил Мамбре.

Жанвье был не один. По всему Парижу дежурили дополнительно выделенные полицейские, ведя наблюдение за улицами или просто ожидая сигнала.

— Вот увидите, — вмешался Сомме, — когда его накроют, окажется, что он просто-напросто чокнутый.

— Чокнутый или нет, но он убил восемь человек, — вздохнул Жанвье, потягивая кофе. — Смотрите-ка, Лекёр! Зажглась одна из ваших лампочек.

— Алло!.. Вызван ваш автомобиль... Что такое?.. Минуточку...

Они видели, что Лекёр колеблется, не зная, в какую колонку поставить крестик. У него были колонки для тех, кто вешался, кто выбрасывался из окна, кто...

— Только подумайте, — сказал он, — на Аустерлицком мосту какой-то человек взобрался на парапет. Он связал себе ноги, надел на шею веревку, намертво примотав ее к фонарному столбу, а когда кинулся с парапета в воду, то пустил еще себе и пулю в лоб!

— Да, застраховался... В какую же колонку он пойдет?

— Есть у меня одна для неврастеников. Я думаю, мы вправе определить его именно там.

— ...Совсем не факт, что тот парень сумасшедший. Эксперты утверждают, что, будь он болен, он бы каждый раз убивал все тем же способом. Если в первый раз это был нож, то нож был бы и во всех остальных случаях.

— Почему вы думаете, что это один и тот же человек?

— Во-первых, то обстоятельство, что случилось восемь убийств одно за другим. Маловероятно, чтобы в Париже так вот сразу появились вдруг восемь убийц.

Работая в судебной полиции, Жанвье, разумеется, знал все подробности дела.

— Помимо этого, во всех случаях все же виден один и тот же почерк. Жертвы неизменно люди одинокие, живущие уединенно, без семьи и друзей...

Сомме взглянул на Лекёра, которому он не мог простить, что тот не был семейным человеком. У него самого было пятеро ребятишек и вот-вот должен был появиться шестой.

— Поберегись, Лекёр! Видишь, к чему это может привести!

— Затем, ни одно из этих преступлений не было совершено в районе, где живут богатые люди...

— И все же он заодно и грабит, разве нет?

— Верно, но видно, что это для него не главное. Иногда прихватит с собой что-нибудь припрятанное жертвой в матрасе — и все. Он не взломщик.

Еще час-полтора — и они будут свободны от дежурства, все, кроме Лекёра, который обещал коллеге продежурить еще и первую дневную смену, чтобы тот смог побыть на рождество со своей семьей, где-то возле Руана.

Ему часто случалось дежурить за других, так что на него уже смотрели как на всегда готовую подмену каждому, кому захотелось бы денек отдохнуть.

— Алло! Жавель?..

Еще одна лампочка. Около набережной Жавель в пятнадцатом округе, в районе фабрик.

— Ваш автомобиль вызван...

— Мы еще не знаем, в чем дело. Кто-то разбил стекло звонка тревоги на улице Леблан.

— Разбили и ничего не сообщили?

— Нет, ничего. Мы послали машину разобраться. Я позвоню вам еще.

Здесь и там, по всему Парижу на обочинах тротуаров расставлены выкрашенные в красную краску стойки с телефонами, и требуется лишь выдавить стекло, чтобы немедленно связаться с ближайшим полицейским участком. Разбил ли случайно это стекло прохожий? По всему было видно, что так оно и есть, потому что спустя пару минут снова раздался звонок из пятнадцатого округа.

— Алло! Центральная? Наша машина только что вернулась. Никого не обнаружили. Весь район словно вымер. Мы отправили туда патруль.

Как должен был Лекёр классифицировать этот случай? Не желая признавать поражения, он внес крестик в самую правую колонку, озаглавленную «Разное».

— Кофе у нас не осталось? — спросил он.

— Я сейчас приготовлю еще.

Та же самая лампочка зажглась снова, через какие-то десять минут после первого вызова.

— Жавель?.. Что там у вас на этот раз?

— Снова то же самое. Разбили еще одно стекло.

— И ничего не сказали?

— Ни слова. Должно быть, какой-нибудь крайне остроумный шутник. Думает, это забавно — держать нас начеку. Когда он нам попадется, он узнает, забавно это или нет!

— Где разбили на этот раз?

— У моста Мирабо.

— Похоже, он довольно скор на ногу, ваш шутник!

Эти две сигнальные стойки и в самом деле были расположены очень далеко друг от друга.

До сих пор никто не воспринимал происшествие всерьез. Ложные тревоги не такое уж редкое явление. Некоторые пользуются этим всегда доступным средством связи с полицией, чтобы выразить свое к ней отношение. «Смерть фликам!» — любимая фраза в таких случаях.

Жанвье дремал, поставив ноги на радиатор отопления, когда услышал, что Лекёр снова звонит по телефону. Он приоткрыл глаза, увидел, какая лампочка светится на карте Парижа, и сонно прошептал: «Снова он!»

Жанвье был прав. На этот раз было разбито стекло в начале проспекта Версай.

— Вот глупое животное! — проворчал Жанвье, устраиваясь поудобнее.

— Алло! Что?.. Уж не собираетесь ли вы мне сообщить, что кто-то вышиб стекло из вашей телефонной стойки? В самом деле? Это, наверное, все тот же парень... Нам уже сообщили о двух таких случаях из пятнадцатого... Да, они пытались схватить его, но вокруг не было ни души... Да, движется он довольно ходко, верно?.. Он перешел реку через мост Мирабо... Похоже, что направляется в эту сторону... Да. Вы тоже можете попытаться...

Еще один крестик. К половине восьмого, всего за полчаса до конца ночного дежурства, в колонке «Разное» у Лекёра стояло уже пять крестиков.

Этот человек не жалел ног. Некоторое время казалось, что таинственный прохожий держится правого берега Сены, но затем он отклонился в сторону Отейля, богатого района Парижа, и разбил стекло на улице Лафонтена.

— Он всего в пяти минутах ходьбы от Булонского леса, — сказал Лекёр. — Если только он доберется туда, им его уже не поймать.

Но человек снова направился к набережным, судя по тому, что вскоре было выдавлено стекло на улице Бертон.

Шестой вызов. Обогнув площадь Трокадеро, он вошел в улицу Лоншам.

— Похоже, будто парень полагает, что участвует в кроссе, где нужно оставлять после себя какой-нибудь след, — заметил Мамбре. — Только вместо клочков бумаги он использует битое стекло...

— Алло? Снова Жавель... Жавель? Не может быть, чтобы на этот раз опять был ваш шутник: он сейчас должен находиться где-нибудь в районе Елисейских полей... О да. Он все еще занят этим делом... Да, так что у вас там стряслось?.. Что?.. Скажите-ка по буквам... Улица Миша. Да, понял. Между улицей Лекурб и бульваром Феликса Фора... Возле виадука, да, я знаю... Номер семнадцать... Облезлый семиэтажный дом... Кто об этом сообщил?.. Консьержка?..

В том районе полным-полно было таких домов, вовсе не старых, но построенных так бездарно, что они уже почти разваливались. Дома эти, открытые всем ветрам, торчат на пустырях, мрачными башнями возвышаясь среди трущоб, и их слепые стены заляпаны рекламными щитами.

— Вы говорите, она слышала, как кто-то пробежал вниз по лестнице и затем хлопнула дверь... На каком этаже квартира?.. На антресолях... А куда выходят окна?.. Во внутренний двор... Минуточку. Мне звонят из восьмого округа. Это, должно быть, опять наш друг, который вышибает стекла из телефонных стоек...

Лекёр попросил, чтобы на том конце провода подождали, и снова вернулся к набережной Жавель.

— Старуха, говорит... Мадам Файе... Работала поденщицей. Мертва?.. Тупым орудием... А доктор там?.. Вы уверены, что она мертва?.. А что с ее деньгами? Я полагаю, у нее были где-нибудь припрятаны... Ладно. Позвоните мне снова... Или я вам позвоню.

Он повернулся к детективу, который теперь уже спал вовсю.

— Жанвье! Эй, Жанвье!.. Это для тебя.

— А? Что? Что такое?

— Тот самый убийца.

— Где?

— Около улицы Лекурб. Вот адрес... На этот раз он убил старую поденщицу, некую мадам Файе.

Жанвье надел пальто, поискал глазами шляпу и в один глоток допил остаток кофе из своей чашки.

— Кто занялся этим делом?

— Гонес из пятнадцатого округа.

— Позвоните в судебную полицию — ладно? — и скажите, что я отправился на место...

Минуту или две спустя Лекёр смог добавить еще один крестик к тем шести, что уже были в колонке. Кто-то выбил стекло в стойке на проспекте Йены, в каких-нибудь ста пятидесяти метрах от Триумфальной арки.

— Среди осколков стекла они нашли носовой платок в пятнах крови. Детский платок.

— На нем есть какие-нибудь инициалы?

— Нет. Это обычный платок в голубую клетку, довольно грязный. Парень, должно быть, замотывал им кулак, когда бил стекло.

В коридоре послышались шаги. Это шла принимать дежурство дневная смена. Они были такие чистые, свежевыбритые, румяные от холодного ветра.

— Счастливого рождества!

Сомме закрыл жестянку, в которой приносил бутерброды. Мамбре выколотил трубку. И только Лекёр остался сидеть на своем месте — для него смены не было.

— Алло! Да, я еще здесь. Дежурю за Потье, он уехал к семье в Нормандию... Да. Я хочу знать об этом деле все... В деталях... Жанвье ушел, но я передам это в судебную полицию. Инвалид, вы сказали?.. Какой инвалид?

На этой работе надо было быть очень терпеливым, потому что людям свойственно объяснять обстоятельства дела так, будто остальные тоже видели все своими глазами.

— Низкое здание позади, верно... Значит, не на улице Миша?.. Я знаю. Маленький домик, палисадник огорожен заборчиком... Только я не знал, что он инвалид... Правильно... Он не слишком много спит... Видел мальчишку, который карабкался по водосточной трубе?.. Какого возраста? Он не разглядел?.. Конечно, нет — в темноте... С чего же он тогда взял, что это был мальчик?.. Послушайте, позвоните-ка мне попозже, ладно?.. О, вы сменяетесь... А кто будет вместо вас?.. Жюль?.. Ладно. Ну, так попросите его, чтобы он держал меня в курсе...

— Что происходит? — спросил Годэн, заступивший на дежурство вместо Сомме.

— Старуху убили. По улице Лекурб.

— Кто?

— Там напротив живет инвалид, который говорит, что видел какого-то мальчонку, когда тот лез вверх по водосточной трубе.

— Ты хочешь сказать, что это мальчишка прикончил старуху?

— Мы еще не знаем...

Никого это особенно не интересовало. В конце концов для этих людей убийства были привычной повседневностью, рутиной.

Лекёр задумчиво глядел на свои семь крестиков. Затем со вздохом поднялся со стула и постоял, пристально рассматривая огромный план города на стене.

— Освежаешь в памяти Париж?

— Думаю, что знаю его уже достаточно хорошо. Мне кое-что пришло в голову. Тут какой-то чудак шатается по улицам и выбивает стекла у наших телефонных стоек. Семь за последние полтора часа. И двигается он не по прямой, а все зигзагами — сначала сюда, потом туда...

— Может быть, он не знает Парижа?

— Или знает его слишком хорошо! Он ни разу не появился вблизи полицейского участка. Если бы он шел по прямой, то уж наверняка бы миновал два или три. Стороной он обошел и все главные перекрестки, где была вероятность встретить постового.

— Похоже, тебя это чертовски заинтересовало!

— Меня это пугает!

— А что такое?

Странно было видеть на лице Лекёра, который славился своим спокойствием, тревожное выражение.

— Алло! Жавель?.. Это Жюль?.. Лекёр говорит... Послушай, Жюль. Позади многоквартирного дома на улице Миша есть домик, где живет этот самый инвалид... Так вот, с одной стороны там стоит жилой дом — такое здание из красного кирпича, на первом этаже там еще лавка бакалейщика. Знаешь, да? Хорошо... Ничего там не случилось? Я не могу объяснить, почему, но мне думается, тебе следовало бы туда наведаться...

Внезапно ему стало жарко. Он ткнул в пепельницу наполовину недокуренную сигарету.

— Алло! Терн?.. Не было ли в вашем районе каких-либо происшествий? Ничего? Только пьяные?.. А мотоциклетный патруль на объезде?.. Выезжают?.. Скажите им, чтобы не пропустили мальчика, усталого с виду и, по всей вероятности, с окровавленной правой рукой... Потерялся? Да не совсем... Я не могу сейчас объяснить...

Зажглось еще несколько лампочек. Сообщили о новых происшествиях, в том числе о столкновении легкового автомобиля с автобусом на улице Клинанкур, а потом на линии снова появилась набережная Жавель.

На этот раз к телефону подошел не Жюль, а Гонес, детектив, который уже побывал на месте преступления. Он принял переданное Лекёром предложение проверить, не произошло ли что-нибудь в том, другом доме на улице Васко да Гамы и пошел разузнать.

— Это ты, Лекёр? — В голосе его слышна была какая-то странная нотка — не то раздражение, не то подозрительность. — Послушай-ка... Что заставило тебя вспомнить об этом доме? Ты знаешь старуху, мадам Файе?

— Я никогда ее не видел, но знаю про нее все.

То, что случилось в это рождественское утро, Андрэ Лекёр предвидел и, возможно, боялся этого вот уже больше десяти лет. Каждый раз, глядя на огромный план Парижа с его лампочками, он говорил себе: «Это только вопрос времени. Рано или поздно это случится с кем-нибудь из тех, кого я знаю...»

— Ты видел консьержку? — спросил Лекёр. Он представил себе изумление на лице детектива на том конце провода, когда добавил: — Мальчик дома?

— О... так, значит, ты и его тоже знаешь? — невнятно пробормотал Гонес.

— Он мой племянник. Разве тебе не сказали, что его фамилия Лекёр?

— Да, но...

— Ладно, это все пустое. Расскажи, что там случилось.

— Мальчика там нет.

— А что его отец?

— Он возвратился домой немного позже семи.

— Как обычно. Он тоже работает по ночам.

— Консьержка слышала, как он поднялся к себе в квартиру — она расположена на третьем этаже с задней стороны дома.

— Я знаю...

— Минуту или две спустя он скатился по лестнице сам не свой. Как она выразилась, он ровно бы спятил.

— Исчез мальчик?

— Да. Отец хотел знать, не видела ли она, как он выходил из дому. Она не видела. Затем он спросил, не приносили ли какую-нибудь телеграмму.

— Телеграмма была?

— Нет. Ты что-нибудь понимаешь?.. Раз ты член семьи, ты бы мог нам помочь. Не можешь устроить, чтобы там кто-нибудь тебя подменил, а сам ты приедешь сюда?

— Это ничему не поможет. Где Жанвье?

— В комнате старухи. Парни из судебной экспертизы уже принялись за работу. Первое, что они обнаружили, — отпечатки детских пальцев на ручке двери. Давай! Хватай такси и приезжай...

— Нет. Что бы там ни было, здесь некому меня подменить.

Все это было верно, с одной разве что поправкой. Он не хотел отсюда уезжать и не думал, что, если он уедет, это поможет делу.

— Послушай, Гонес... Я должен найти мальчика, а отсюда мне это сделать легче, чем из любого другого места. Ты ведь понимаешь меня?.. Передай Жанвье, что я остаюсь здесь. Да скажи ему, что у старой мадам Файе были деньги, и не исключено, что она прятала их где-нибудь в комнате.

Словно в лихорадке, вставлял он свой штекер в одно гнездо за другим, вызывая различные полицейские участки восемнадцатого округа.

— Продолжайте поиски мальчика десяти лет, довольно бедно одетого... Держите под наблюдением все телефонные стойки.

— Ты думаешь, все это — дело мальчишки?

Лекёр не потрудился ответить. В следующую минуту он соединился с телетайпной, где занимались и радиосообщениями.

— Жюстен?.. У меня срочное дело... Не пошлешь ли ты вызов всем нашим патрульным машинам в районе площади Звезды? Пусть они начнут поиски...

И снова приметы мальчика, Франсуа Лекёра.

— Нет. Я понятия не имею, куда он направляется. Могу сказать только, что он, по-видимому, старается держаться на приличном расстоянии от полицейских участков и как можно дальше от мест, где можно наткнуться на какого-нибудь регулировщика.

Он знал квартиру брата на улице Васко да Гамы. Две темные комнаты и кухонька. Мальчик всегда ночевал один — в это время его отец был на работе. Из окон через двор, обычно завешанный бельем, видна была задняя сторона дома на улице Миша. Кое-где на подоконниках в этом доме стояли горшки с геранью, а сквозь проемы незанавешенных окон можно было наблюдать самых разных представителей рода человеческого.

Правда, сейчас стекла там тоже должны быть затянуты изморозью... Лекёр спрятал эту мысль до поры до времени где-то в уголке мозга. Она могла оказаться важной.

— Ты думаешь, это мальчик бьет стекла на телефонных стойках?

— Платок, который они нашли, принадлежал ребенку, — отрывисто сказал Лекёр.

Он не хотел быть втянутым в дискуссию. Некоторое время он молча сидел за коммутатором, размышляя, что еще можно предпринять.

Похоже было, что на улице Миша работа подвигалась вовсю. Когда он дозвонился до них еще раз, доктор и представитель магистратуры были уже там.

Какую помощь мог оказать им Лекёр? Хотя он и не был с ними, место преступления стояло перед его глазами почти столь же ясно, как и перед глазами тех, кто находится там, — и угрюмые дома, и покрытый копотью виадук метрополитена, наискось перерезавший пейзаж. Во всем районе только бедняки, одни бедняки.

Он снова позвонил на набережную Жавель:

— Гонес еще там?

— Он строчит отчет. Позвать его?

— Да, будьте добры... Алло, Гонес!.. Это Лекёр... Извини, что я тебя оторвал, но я хочу узнать — ты поднимался в квартиру моего брата?.. Была ли смята постель мальчика?.. Была?.. Хорошо. Это уже лучше... И еще: не было ли там каких-нибудь свертков?.. Ну да, свертков, рождественских подарков... Что?.. Небольшой радиоприемник... Нераспакованный... Естественно. Еще что-нибудь? Еда?.. Какая? Курица, кровяная колбаса...

Он удивился, когда, взглянув на часы, увидел, что уже половина десятого. Нечего было и ждать теперь каких-либо известий с площади Звезды. Мальчик уже мог быть далеко.

— Алло!.. Судебная полиция?.. Нет ли там инспектора Сэлара?.. — Сэлар был вторым, кого случившееся убийство оторвет от домашнего очага, чье рождество безвозвратно пропадет.

— Извините, что я беспокою вас, господин комиссар. Это насчет этого мальчика. Франсуа Лекёра.

— Вы что-нибудь знаете? Он ваш родственник?

— Это сын моего брата... И похоже, что это именно он разбивает стекла наших телефонных стоек. Семь штук. Я не знаю, успели или нет вам уже доложить об этом... Я хотел попросить у вас разрешения объявить всеобщий вызов...

— Не могли бы вы зайти ко мне?

— Здесь некому сменить меня.

— Хорошо, тогда я сам приду к вам. А тем временем можете объявлять всеобщий.

Лекёр оставался спокоен, хотя руки его, когда он снова соединялся с комнатой наверху, вздрагивали.

— Жюстен?.. Снова Лекёр... Всеобщий вызов. Да. Это все тот же мальчик. Франсуа Лекёр. Десять с половиной. Для своего возраста довольно рослый. Худощав. Не знаю, в чем он; возможно, это джемпер цвета хаки, перешитый из американского военного мундира. Нет. На голове у него ничего нет. Он всегда ходит с непокрытой головой, и волосы торчат во все стороны вокруг лба... Может быть, нелишне будет разослать также и приметы его отца. Это не так легко... Ты ведь представляешь меня, верно? Ну, так Оливье Лекёр — это что-то вроде моей бледной копии. На вид он робок и не отличается здоровьем. Из тех, кто никогда не идет посередине тротуара и всегда уступает дорогу другим. Походка у него немного неровная из-за раны, которую он получил в первую мировую... Нет, я понятия не имею, куда они могут идти, только я не думаю, что они вместе. По-моему, мальчику угрожает опасность.

К тому времени, как Лекёр кончил говорить, инспектор Сэлар уже пришел, ему и идти-то было — завернуть за угол с набережной Орфевр. Вид у него был импозантный, особенно в этом его просторном пальто. Широким движением руки он приветствовал троих дежурных, а затем, схватив стул так, словно это был пук соломы, развернул его и тяжело сел.

— Что мальчик? — осведомился он наконец, не сводя с Лекёра внимательных глаз.

— Не понимаю, почему он перестал нас вызывать.

— Вызывать?

— Ну, словом, привлекать наше внимание.

— Но зачем ему вызывать нас и — молчать?

— Предположим, его преследовали. Или он преследовал кого-нибудь.

— Я понимаю, что вы имеете в виду... Послушайте, Лекёр, ваш брат, у него что — денежные затруднения?

— Он живет бедно, это верно.

— И все?

— Три месяца назад он потерял работу.

— Какую работу?

— Он был линотипистом в «Ла Пресс» на улице Круассан. Работал в ночную смену. Он всегда работал по ночам. Это у нас фамильное...

— Как случилось, что он лишился работы?

— Я предполагаю, что он с кем-то повздорил.

— Он женат?

— Его жена умерла через два года после того, как они поженились, оставив его с десятимесячным ребенком.

— Он его сам воспитал?

— Сам, все сам. Прямо перед глазами у меня стоит, как он купает мальчонку, меняет ему пеленки, греет молоко...

— Это все не объясняет, почему он ссорится с людьми.

— Верно. Только словами это очень трудно выразить.

— Раздражителен?

— Не совсем. Вся штука...

— Что?

— Дело в том, что он никогда не жил, как все.

— Считаете ли вы, что он был способен убить эту старуху?

Инспектор пыхнул трубкой. Слышно было, как ходят в комнате наверху. Двое копались в своих бумагах, делая вид, что не слушают разговора Лекёра с инспектором.

— Она была его тещей, — вздохнул Лекёр. — Вы все равно бы это узнали.

— Они не ладили?

— Она его ненавидела.

— Почему?

— Считала его виноватым в смерти дочери. Похоже, что ее можно было спасти, если бы операцию сделали вовремя. Брат был не виноват. Врачи в больнице отказались ее принять. Какие-то идиотские придирки по поводу того, что у нее бумаги были не в порядке. Но мадам Файе считала, что во всем виноват Оливье.

— Они виделись?

— Разве только когда встречались на улице, да и тогда они не разговаривали.

— А мальчик знал?

— Что она была его бабушкой? Не думаю.

— Вы полагаете, отец ему никогда ничего не говорил?

— Алло!.. Да. Инспектор здесь. Не отходите.

Он передал трубку Сэлару.

— Это Жанвье.

Положив трубку, инспектор проворчал:

— Доктор Поль утверждает, что преступление было совершено между пятью и половиной шестого утра.

— Они нашли орудие убийства?

— Нет. Это мог быть молоток. А еще более вероятно — кусок свинцовой трубы или что-нибудь в этом роде.

— Деньги нашли?

— Только кошелек, в нем немного мелочи и ее удостоверение личности. Скажите-ка, Лекёр, вы знали, что она дает деньги под залог?

— Да. Знал.

— И еще вы говорили мне, что брат ваш остался без работы?

— Да.

— Консьержка этого не знала...

— Мальчик тоже не знал. Ради мальчика-то он и не распространялся об этом.

— Вы отдаете себе отчет, на какие мысли это наводит?

— Да.

— Вы и сами об этом подумали?

— Нет.

— Потому что он ваш брат?

— Нет.

— Сколько времени прошло с тех пор, как этот убийца начал орудовать? Девять недель, не так ли?

Не спеша Лекёр проглядел колонки в своей книжке.

— Да. Чуть больше девяти. Первый случай был двадцатого октября, в районе Эпинетт.

— Вы говорите, что ваш брат не сообщил сынишке, что он безработный... Значит ли это, что по вечерам он по-прежнему уходил из дому, как будто шел на работу?

— Да. Он и думать боялся сказать ему об этом. Понимаете... Это трудно объяснить. Он души не чаял в мальчике. Сын — это для него все, ради чего стоит жить. Он для него стряпал, укладывал его в постель перед уходом и будил по утрам...

— Это не объясняет, почему он не мог ему сказать.

— Для него непереносима была мысль, что в глазах ребенка он будет выглядеть неудачником.

— Но чем же он занимался по ночам?

— Перехватывал случайную работу. Когда с ним случался один из его приступов...

— Приступов чего?

— Астмы... Его схватывало время от времени... Тогда он отлеживался где-нибудь на вокзале, в зале ожидания. Однажды мы с ним так целую ночь просидели, все говорили...

— А теперь предположим, что мальчик проснулся сегодня рано утром и увидел отца в окне комнаты мадам Файе.

— Окна замерзли.

— Вряд ли, если окно было открыто. Множество людей спит с открытыми окнами, даже в самые холода.

— К брату это не относится. Он всегда мерз. И он слишком беден, чтобы транжирить тепло.

— Ну, что касается окна его комнаты, мальчику стоило лишь процарапать изморозь ногтями. Когда я был мальчишкой...

— Да. Мне тоже приводилось... Но дело-то все в том — было ли открыто окно у старухи?

— Оно было открыто, и в спальне горел свет.

— Я все думаю: куда же мог уйти Франсуа?

— Мальчик?

То, что он все время возвращался к мальчишке, удивляло и даже несколько приводило в замешательство. Положение, вне всякого сомнения, было запутанным и запутывалось еще больше по мере того, как Андрэ Лекёр в своей спокойной манере сообщал инспектору самые что ни на есть компрометирующие детали о своем брате.

— Когда он вернулся сегодня утром, — снова начал Сэлар, — он принес с собой несколько свертков. Вы понимаете, что...

— Но ведь это же рождество.

— Верно. Однако чтобы купить курицу, торт и этот новый радиоприемник, ему нужны были деньги, и не малые. Брал он у вас взаймы в последнее время?

— Последние недели — нет. Я его месяц не видел. Было бы лучше, если бы мы встретились. Я бы сказал ему, что сам собираюсь подарить Франсуа приемник. Он у меня здесь. То есть там, внизу, в гардеробной. Собирался сразу же занести его им, как только освобожусь.

— Согласилась бы мадам Файе дать ему в долг?

— Маловероятно. Странная это была женщина. Ей вполне должно было хватать на жизнь, но все равно она с утра до вечера работала на других. Случалось,

что ей приходилось давать в долг людям, у которых она была поденщицей.

Все еще в замешательстве, инспектор встал.

— Поеду посмотрю, — сказал он.

— К мадам Файе?

— Туда и на улицу Васко да Гамы. Если будут какие-нибудь новости, дайте мне знать, ладно?

— Там нет телефонов, но я смогу связаться с вами через полицейский участок на набережной Жавель.

Едва затихли шаги инспектора, как зазвонил телефон. На карте на этот раз не зажглось ни одной лампочки. Звонили из города, с вокзала Аустерлиц.

— Лекёр? Говорит вокзальный полицейский пост. Мы его взяли.

— Кого?

— Человека, чьи приметы были разосланы. Его фамилия Лекёр. Как у вас. Оливье Лекёр. Ошибки быть не может, я видел его удостоверение личности.

— Не отходите от телефона, хорошо?

Лекёр бросился из комнаты, потом вниз по лестнице и как раз успел перехватить инспектора, когда тот садился в одну из машин префектуры.

— Инспектор!.. Аустерлицкий вокзал на проводе. Они нашли моего брата.

Сэлар был грузен, и лестница далась ему с трудом — он пыхтел и отдувался. Трубку он взял сам.

— Алло!.. Да... Где он был?.. Что он делал?.. Что?.. Нет. Допрашивать его там сейчас нет никакого смысла... Вы уверены, что он не знал?.. Лекёра сразу отправьте сюда, в префектуру...

Инспектор набил трубку и раскурил ее. Потом заговорил, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Его забрали после того, как в течение часа он слонялся по вокзалу. Он был страшно возбужден. Говорил, что ждет сына, который оставил ему какую-то записку.

— Они сказали ему об убийстве?

— Да. Похоже было, что эта новость его пришибла и испугала. Я попросил, чтобы они прислали его.

Несколько неуверенным тоном он добавил:

— Чтобы прислали прямо сюда. Учитывая, что вы родственники... Я не хотел, чтобы вы думали, будто...

Что делал всю эту ночь его брат Оливье? Старая женщина была найдена мертвой. Мальчик, едва занялся рассвет, пустился в сумасшедшую гонку по улицам, разбивая по пути стеклышки сигнальных телефонов.

И чего дожидался Оливье на Аустерлицком вокзале — то в жаркой духоте залов ожидания, то на пронизывающем ветру перрона, слишком возбужденный, чтобы усидеть на месте?

Прошло много меньше десяти минут.

С видом еще более неуверенным, чем когда-либо, Сэлар наклонился к Лекёру, чтобы вполголоса спросить:

— Хотите, мы допросим его в соседней комнате?..

Нет, Лекёр вовсе не собирался покидать свой пост. Он хотел оставаться здесь, со своими лампочками и коммутатором. Быть может, он больше думал сейчас о мальчике, чем о брате?

Оливье вошел в сопровождении двух детективов, но зато без наручников. Выглядел он отвратительно, словно плохая выцветшая от времени фотография. Он сразу же обратился к Андрэ:

— Где Франсуа?

— Мы не знаем. Ищем.

— Где?

Андрэ Лекёр указал на карту Парижа и коммутатор на тысячу номеров:

— Везде.

— Присядьте, — пригласил инспектор. — Как я понимаю, вам уже сообщили о смерти мадам Файе?

Оливье очков не носил, но выражение его глаз было таким же бледным и ускользающим, как и у его брата, когда тот снимал очки. Он взглянул на инспектора, который, казалось, ни в малейшей степени не внушал ему страха, затем снова повернулся к Андрэ.

— Он оставил записку, — сказал Оливье, сунув руку в карман поношенного плаща. — Вот. Посмотри, может, хоть ты что-нибудь поймешь.

Он протянул брату клочок бумаги, оторванный от листа школьной тетрадки.

«Дядя Гедеон приезжает сегодня утром на Аустерлицкий вокзал. Приходи как можно быстрей, и там ты нас встретишь. Целую. Биби». Не сказав ни слова, Андрэ Лекёр передал запис-

ку инспектору, который начал вертеть ее так и сяк в своих толстых пальцах.

— А почему — Биб?

— Это его прозвище. Детское имя. Я никогда не называю его так при чужих. От слова «biberon»[1]... Когда я давал ему соску...

Оливье говорил монотонно.

— А кто это дядя Гедеон?

— Такого человека не существует.

Понимал ли он, что разговаривает с главой отдела особо тяжких преступлений, который занят расследованием убийства?

На помощь ему пришел брат:

— По правде сказать, дядя Гедеон у нас был, но он умер несколько лет назад. Один из братьев матери, эмигрировавший в Америку еще в молодости.

Оливье посмотрел на брата, словно хотел спросить его, стоит ли вдаваться во все эти частности.

— У нас в семье выработалась привычка вспоминать, в шутку конечно, о нашем богатом американском дядюшке и о той куче денег, которую он нам оставит в один прекрасный день.

— Он умер?

— Когда Франсуа было четыре года.

— Ей-богу, Андрэ... Стоит ли...

— Погоди. Инспектор хочет знать все... Брат продолжил эту семейную традицию, рассказывал сыну о нашем дяде Гедеоне, который в конце концов вырос в прямо-таки легендарную фигуру. Он служил превосходной темой для сказок на сон грядущий, и бог знает каких только приключений с ним не происходило. Само собой, он был сказочно богат, и когда однажды он вернется во Францию...

— Понятно... Он умер там, в Америке?

— В одной из больниц Кливленда. Тогда-то мы и узнали, что он служил гардеробщиком в ресторане. Было бы слишком жестоко рассказать мальчику об этом, так что легенда продолжала жить.

— Он верил?

На этот раз ответил Оливье:

— Мой брат полагал, что нет, что малыш раскусил правду, но просто не хотел портить игру. Я же всегда считал, что сын верил, и сейчас так считаю. Его товарищи по школе, например, давным-давно уже перестали верить в Деда Мороза, а для него старик с бородой все еще был живым.

Этот разговор о сыне оживил Оливье, превратил его совсем в другого человека.

— Но вот что касается записки, которую он оставил, я ничего не могу взять в толк. Я спросил консьержку, не приходила ли телеграмма. Я подумал сначала, что Андрэ решил пошутить, разыграть нас, но потом решил, что нет, здесь что-то другое. Какая же это шутка — заставить ребенка по морозу ни свет ни заря мчаться на вокзал. Само собой, я полетел на Аустерлицкий вокзал. Там я сначала обежал все закоулки, потом стал просто прохаживаться — все ждал, когда же он появится... Андрэ, ты уверен, что с ним...

Он взглянул на план улиц и на коммутатор. Он отлично знал, что сюда сообщают о каждом происшествии.

— Его еще не перехватили, — сказал Андрэ. — Около восьми часов он был в районе площади Звезды, но с тех пор мы полностью потеряли его след.

— У площади Звезды? Откуда ты знаешь?

— Долго рассказывать, но в двух словах дело вот в чем. Мы получили целую серию вызовов по тревоге — кто-то выбивал стекла на телефонных колонках. Эти колонки лежали на дуге, идущей от твоего дома к Триумфальной арке. У подножья самой последней колонки среди осколков стекла полиция нашла носовой платок в голубую клетку.

— У него есть такие...

— Начиная с восьми он не подал о себе никакой вести.

— Тогда я лучше вернусь на вокзал. Он обязательно придет туда, раз написал мне, чтобы я его там встретил...

Его удивило внезапное молчание, которым были встречены его последние слова. Он переводил взгляд с одного на другого в изумлении и тревоге:

— В чем дело?

Его брат смотрел в пол. Инспектор Сэлар прочистил горло, поколебался немного, затем спросил:

— Вы заходили этой ночью к своей теще?

Смысл вопроса дошел до него не сразу. Пустыми глазами он смотрел на инспектора. Внезапно он резко повернулся к брату, румянец выступил на его щеках, глаза горели.

— Андрэ! Ты мог предположить, что я...

Без всякого перехода его раздражение внезапно улеглось. Он подался вперед на своем стуле, обхватил голову ладонями и разразился рыданиями.

Чувствуя себя неловко, инспектор Сэлар глядел на Андрэ Лекёра, удивляясь его спокойствию и, быть может, даже недоумевая перед лицом этого бессердечия. Возможно, у самого Сэлара никогда не было брата. Андрэ знал характер Оливье с детства. И уже не в первый раз видел он этот срыв. В этот раз он даже испытывал нечто вроде облегчения, так как все могло быть значительно хуже. Он боялся как раз стадии крайнего раздражения и был рад, что она так быстро прошла. Если бы Оливье завелся, он здесь всех бы восстановил против себя.

Не так ли он терял и одну работу за другой? Неделями, целыми месяцами он бывал тише воды, ниже травы, мягкое, застенчивое существо, безропотно сносящее все унижения, пока однажды он не мог уже больше сдерживаться, и какой-нибудь пустяк, случайно оброненное слово, вздорное противоречие неожиданно воспламеняли его, обычно робкий, незаметный, он начинал вызывать всеобщее раздражение.

«Как же нам теперь быть?» — спрашивали глаза инспектора. В ответном взгляде Андрэ Лекёра он прочел: «Ждать».

Ждать пришлось недолго. Оливье кинул угрюмый взгляд на инспектора, затем снова спрятал лицо в ладонях.

В конце концов с видом горькой покорности судьбе он выпрямился и сказал с ноткой гордости:

— Давайте ваши вопросы. Я на все отвечу.

— В котором часу ночи вы пришли к мадам Файе?.. Впрочем, минуточку. Прежде всего: во сколько вы ушли из дому?

— В восемь вечера, как обычно, когда Франсуа ляжет спать. Мы вместе поужинали. Потом он помог мне вымыть посуду.

— Вы говорили с ним о рождестве?

— Да. Я намекнул ему, что его ждет сюрприз.

— Настольный радиоприемник. Он давно его хотел?

— Очень давно. Понимаете, он ведь не играет на улице с другими мальчиками. Все сво-

[1] Biberon — соска *(франц.)*.

бодное время он практически проводит дома.

— Вам никогда не приходило в голову, что мальчик мог узнать о том, что вы больше не работаете в «Ла Пресс»? Он вам когда-нибудь звонил туда?

— Никогда. В те часы, когда я был на работе, он спал.

— Ему никто не мог сказать о вашем увольнении?

— Никто не знал. Соседи, во всяком случае.

— Он наблюдателен?

— Очень. Он все замечает.

— Итак, вы увидели, что он уже лег, и затем ушли... Вы что-нибудь захватили с собой, я имею в виду — из еды?

Инспектор подумал об этом как-то вдруг, заметив, что Годэн вытащил бутерброд с ветчиной. Оливье беспомощно взглянул на свои руки:

— Взял свою жестянку.

— В которой вы брали на работу бутерброды?

— Да. Когда выходил, она у меня была. Я уверен. Я мог оставить ее... впрочем, может быть, я оставил ее у...

— У мадам Файе?

— Да.

— Минуточку... Лекёр, соедините меня, пожалуйста, с набережной Жавель... Это вы, Жанвье?.. Не попадалась ли вам там жестянка с бутербродами?.. Не попадалась. Вы уверены?.. Все равно, я хочу, чтобы вы просмотрели все еще раз... Позвоните тогда мне... Это важно... — Повернувшись к Оливье, он спросил: — Когда вы уходили, Франсуа и в самом деле спал?

— Нет. Но он уже улегся и скоро должен был заснуть... Когда я вышел на улицу, я еще подумал: уснул он или еще нет? Я пошел по направлению к Сене и постоял на набережной, подождал.

— Подождали? Чего именно?

— Пока Франсуа не заснет как следует. Из его комнаты видны окна мадам Файе.

— Значит, вы решили зайти к ней?

— Это был единственный выход. У меня не осталось ни гроша.

— А брат не мог вам помочь?

Оливье и Андрэ посмотрели друг на друга.

— Он мне уже столько давал... Я чувствовал, что не могу просить у него еще раз.

— Вы, как я понимаю, позвонили внизу, в парадном... В котором часу?

— Чуть позже девяти. Консьержка меня видела. Я и не думал делать это тайком — только вот разве от Франсуа.

— Ваша теща уже лежала?

— Нет. Встретила она меня словами: «А, это ты, негодяй!»

— И после такого начала вы все еще надеялись, что она даст вам денег?

— В этом я был уверен.

— Почему?

— Для нее это был бизнес. Она даст, подумал я, хотя бы из удовольствия наступить мне на горло, если я не смогу вернуть долг. Она дала мне десять тысяч франков, но долговое обязательство заставила подписать на целых двадцать тысяч.

— И когда вы обещали вернуть ей деньги?

— В течение десяти дней.

— Каким образом вы надеялись их раздобыть?

— Не знаю. Как-нибудь. Главное для меня было — чтобы у мальчика на рождество был праздник.

Андрэ Лекёра так и подмывало вмешаться и сказать изумленному инспектору: «Вот, пожалуйста! Он всегда так!»

— Она легко дала вам в долг?

— Да нет. Мы толковали об этом довольно долго.

— Сколько именно?

— С полчаса, должно быть, и все это время она меня честила, говорила, что я никому не нужен и разбил жизнь ее дочери, а потом еще вогнал ее в могилу! Я с ней не спорил. Мне слишком нужны были деньги.

— Вы ей не угрожали?

Оливье покраснел.

— Не то чтобы угрожал... Я сказал, что, если она мне не даст денег, я на себя руки наложу.

— И вы бы сделали это?

— Не думаю. По крайней мере... Нет, не знаю. Мне было тошно, и я очень устал.

— А когда она дала вам деньги?

— Я пошел пешком до ближайшего метро — Лурмель — и поехал к Пале-Рояль. Там я зашел в луврский универмаг. Народу было очень много, у прилавков стояли очереди.

— Во сколько это было?

— Я оттуда ушел уже после одиннадцати. Я не спешил... Поглазел по сторонам. Долго простоял, к примеру, возле игрушечной электрической железной дороги.

Андрэ не мог не улыбнуться инспектору.

— Вы не хватились своих бутербродов?

— Нет. Я все думал о Франсуа и о подарке.

— В кармане у вас были деньги, и вы забыли все свои заботы!

Инспектор не знал Оливье Лекёра с детства, как Андрэ, но сразу же раскусил его характер. Он попал в самую точку: когда дела обстояли неважно, Оливье ходил, опустив плечи, словно побитый бродячий пес, но стоило тысячефранковой бумажке захрустеть в его кармане, как он начинал чувствовать себя властелином мира.

— Возвращаясь к мадам Файе... вы сказали, что дали ей расписку... Что она с ней сделала?

— Уложила ее в старый бумажник, с которым она не расставалась, пряча его в кармане где-то под юбками.

— Значит, вы знали об этом бумажнике и раньше?

— Знал. О нем все знали.

Инспектор повернулся к Андрэ:

— Его не нашли? — И снова обратился к Оливье: — Вы сделали несколько покупок — все в Лувре?

— Нет. Радиоприемник я купил на Монмартре.

— В каком магазине?

— Я не знаю, как он называется. По соседству с обувным.

— А остальное?

— Чуть подальше.

— В котором часу вы купили все, что хотели?

— Около полуночи. Народ как раз валил из театров и кино и ломился в рестораны. Многие уже были навеселе.

— Что вы делали в остальное время?

— На углу бульвара Итальянцев есть кино, которое открыто всю ночь...

— Вам уже приходилось там бывать и раньше?

Избегая взгляда Андрэ, Оливье застенчиво признался:

— Два или три раза. В конце концов это стоит не дороже, чем выпить чашечку кофе в кафе, а сидеть там можно сколько хочешь. Тепло и все такое... Некоторые постоянно ходят туда спать.

— Когда именно вы решили пойти в этот кинотеатр?

— Как только вышел от мадам Файе.

...Андрэ Лекёра так и подмывало снова вмешаться, чтобы сказать инспектору: «Вот видите, люди, с которыми жизнь обхо-

дится сурово, не так уж жалки. Иначе им не выжить. У них свой собственный мир, в темных углах которого они могут укрыться от невзгод и даже найти развлечение».

Это было так похоже на Оливье! С несколькими банкнотами в кармане — одно небо знало, как он собирался выплатить долг, — с несколькими банкнотами в кармане он позабыл все свои горести. Одна мысль сверлила ему голову: у мальчика должно быть настоящее рождество. И когда он этого добился, он разрешил и себе совсем немного радости.

— А когда вы ушли из кинотеатра?

— Часов около шести.

— Какой фильм они там показывали?

— «Пылающие сердца». И хроникальный — про эскимосов.

— Сколько же раз вам пришлось просмотреть эту программу?

— Два раза подряд, кроме журнала, который как раз начинался, когда я оттуда ушел.

Андрэ Лекёр знал, что все это будет проверено, хотя бы просто потому, что так полагается. Необходимости, однако, в этом не было. Порывшись в карманах, Оливье вытащил оторванную половинку билета в кино, а затем еще один билет розового цвета.

— Вот, посмотрите. Это билет метро, я купил его, когда возвращался домой.

На билете стояло название станции — «Опера», дата и час поездки.

Оливье говорил правду. Между пятью и половиной седьмого утра он не мог находиться в квартире мадам Файе.

В его глазах зажглось и промелькнуло выражение триумфа с оттенком презрения. Казалось, он говорил им всем, включая и брата Андрэ: «Меня заподозрили в убийстве только потому, что я беден и мне не везет в жизни. Я знаю: это в порядке вещей. И я вас не виню». Но странная вещь: в комнате внезапно стало словно бы холодней. Возможно, потому, что теперь, когда с Оливье Лекёра было снято подозрение, мысли каждого вернулись к мальчику. Словно повинуясь одному импульсу, глаза всех обратились к огромной карте Парижа на стене.

Окончание следует.

Сокращенный перевод
Е. КУБИЧЕВА

ПОГОНЯ

Жорж Сименон

Рассказ

Сегодня, в рождество, улицы были почти безлюдны, еще безлюдней, чем они бывают в августе, когда добрая половина Парижа разъезжается на отдых.

Одиннадцать тридцать. О Франсуа не было никаких вестей уже в течение трех с половиной часов.

— Алло! Да, инспектор Сэлар... Это Жанвье?.. Нигде, говорите, не можете найти эту жестянку? Ладно, послушайте... Это вы обыскивали ее одежду? Ага. Гонес это сделал... Там в юбках где-то должен быть старый бумажник... Вы уверены, что ничего такого не было? А что консьержка? Она видела, как кто-то поднимался по лестнице после девяти вечера... Я знаю. Жильцы входили и выходили почти всю ночь? Я хочу, чтобы вы снова зашли в дом на улице Васко да Гамы.

Инспектор повернулся к отцу Франсуа, который теперь смиренно сидел на стуле, напоминая запуганного пациента в приемной у врача.

— Вам понятно, почему я интересуюсь этим, не так ли? Бывает, что Франсуа просыпается по ночам?

— Ему случалось вставать во сне.

— А когда вы возвращаетесь по утрам, он спит?

— Не всегда. Но если он уже и проснулся, он притворяется, будто спит, чтобы я, как всегда, мог разбудить его, обняв.

— Жильцы в вашем доме сегодня ночью, возможно, шумели больше, чем обычно. Они могли разбудить мальчика. Если он встал с постели, то вполне мог выглянуть из окна и заметить вас в комнате у мадам Файе. Он ведь не знал, что она его бабушка, верно?

— Да. Она ему не нравилась.

— Он удивился бы, увидев вас с ней?

— Конечно.

— Он знал, что она дает деньги под залог?

— Это все знали.

— А рождество — рабочий день в «Ла Пресс»?

— Там всегда кто-нибудь есть.

Инспектор попросил Андрэ позвонить туда.

— Узнайте, может быть, кто-нибудь приходил туда справляться о вашем брате.

Видно было, что Оливье это не по душе, но когда Андрэ потянулся за телефонной книгой, он сам назвал ему номер. Пока Андрэ дозванивался, они оба — и Оливье и инспектор — молча глядели на него.

— Это очень важно, барышня. Речь может даже идти о жизни человека... Что?.. Три недели назад... Мальчик...

Оливье побледнел. Он опустил глаза и в течение всего разговора сидел, упорно разглядывая свои руки.

— Он не звонил, нет?.. Просто пришел... Когда?.. В четверг, говорите... И что он хотел?.. Спросил, работает ли здесь Оливье Лекёр... Что? Что ему ответили?..

Подняв на секунду глаза, Оливье увидел, как по лицу брата разлилась краска.

— Франсуа приходил к ним в четверг после обеда. Должно быть, он что-то заподозрил... Они ему сказали, что ты уже некоторое время не работаешь у них.

Не стоило повторять то, что он сейчас услышал. Мальчику было сказано так: «Уже несколько недель прошло, как мы вышибли отсюда этого старого дурака».

Может быть, и не от жестокости. Просто могло не прийти в голову, что они разговаривают с сыном того самого человека.

— Ты начинаешь понимать, Оливье?

Осознал ли он, что сложилось положение, как раз обратное тому, которого он добивался? К ночи Оливье уходил из дому со своей жестянкой с бутербродами, все под одним и тем же предлогом. Мальчик выследил его. И разве не логично предположить, что он насквозь видел и эту сказку про дядю Гедеона?

Он не сказал отцу ни слова. Он просто включился в игру.

Все молчали, боясь сказать что-нибудь не то, чтобы не разбудить в этом человеке горестной мысли.

Отец и сын, лгавшие друг другу во имя любви...

Взгляните на всю эту историю глазами ребенка, со всей трагической честностью детства. Отец

Окончание. Начало в № 1 за 1968 год.

целует его перед сном и уходит на работу, которой у него нет, говоря на прощанье: «Спи спокойно... Утром тебя ждет сюрприз!»

Радиоприемник. Это может быть только радиоприемник. Но разве он не знал, что в карманах у отца пусто? Пытался ли он уснуть? Или, стоило отцу уйти, мальчик сразу поднялся, чтобы, отдавшись одной-единственной мысли, сесть у окна, несчастными глазами уставившись в ночь?

У отца нет денег — и все равно он хочет купить радиоприемник! — вот о чем он думал...

Инспектор вздохнул и выколотил трубку о каблук.

— Похоже, что он видел вас у мадам Файе.

Оливье кивнул:

— Некоторое время я сидел на подоконнике.

— А окно в это время было открыто?

— Приоткрыто на несколько сантиметров. Я это хорошо помню, потому что перешел от окна, когда почувствовал, что мне дует в спину.

— Значит, на стеклах не было изморози. И если он смотрел в окно, он обязательно должен был вас увидеть.

Звонок. Лекёр сунул свой штекер в одно из гнезд.

— Да... Что такое?.. Мальчик?..

Оливье и инспектор затаили дыхание.

Не теряя времени на объяснение, Лекёр соединился с Северным вокзалом.

— Алло!.. Северный! Кто это? А, Ламбер... Послушайте, это срочно. Обыщите весь вокзал. Спрашивайте всех, не видали ли они мальчика лет десяти?.. Что?.. Один?.. Может быть, он и один...

— Ты сказал, что он может быть не один? — обеспокоенно спросил Оливье.

— Почему бы и нет? Это возможно. Все возможно... Конечно, может случиться, что это и не он. Если же это он, то мы опоздали на полчаса. Это произошло в маленькой бакалейной лавочке на улице Мобеж — прилавок там выходит прямо на тротуар... Хозяин увидел, как какой-то мальчишка схватил пару апельсинов...

— Были у вашего сына деньги?

— Ни одного су.

— Разве у него нет копилки?

— Есть. Но я вытряхнул ее два дня назад, сказав, что мне не хочется разменивать бумажку...

Трогательное признание, способное перевернуть душу человеку, но кто в наше время задумается над ним?

— Не полагаете ли вы, что будет лучше, если я поеду на Северный вокзал?

— Сомневаюсь, что это поможет, да и потом вы можете понадобиться здесь.

— Если у него нет денег, он не мог воспользоваться метро или автобусом. Позвонить из какого-нибудь кафе по автомату он тоже не мог. И вполне вероятно, что со вчерашнего ужина у него маковой росинки во рту не было.

— Но что же тогда он делает? — воскликнул Оливье. — И зачем ему было нужно послать меня на Аустерлицкий вокзал?

— Может быть, для того чтобы помочь вам скрыться, — проворчал Сэлар.

— Скрыться? Мне?

— Послушайте... Мальчик знает, что вы на мели. И тем не менее вы собираетесь купить ему приемник... Я вас не упрекаю. Просто взвешиваю факты. Он подходит к подоконнику и видит вас в обществе старухи, которая, как он знает, занимается ростовщичеством. Что он из этого заключает?

— Я понимаю...

— Что вы пошли к ней брать в долг. Это может его тронуть, может опечалить — мы не знаем... Он снова ложится в постель и спит.

— Вы думаете?

— Я просто уверен. Но рано поутру он просыпается, как большинство ребятишек на рождество... И первое, что замечает, — это морозные узоры на стекле. Первый мороз этой зимы, заметьте. Он хочет взглянуть поближе, потрогать изморозь...

Слабая улыбка промелькнула на лице Андрэ Лекёра. Этот массивный человек, инспектор полиции, еще не забыл, что значит быть мальчишкой.

— Ногтем он процарапывает себе лунку... И что же он замечает?... Что в доме напротив одно окно освещено, только одно — окно комнаты, в которой за несколько часов перед этим он видел своего отца. Это, конечно, догадки, но я не побоюсь держать пари, что он разглядел убитую старуху.

— Вы хотите сказать... — начал Оливье, широко раскрыв глаза.

— ...Что он подумал, будто это вы убили ее. Как подозревал и я — по крайней мере некоторое время. Человек, который совершает все эти убийства, как и вы, бродит по ночам. Его жертвы живут в бедных кварталах Парижа, как мадам Файе на улице Миша. Знает ли мальчик о том, как и где вы проводите ночи с тех пор, как потеряли работу? Нет. Он видел вас в комнате убитой. Стоит ли удивляться, если его воображение дорисует остальное? Далее. Вы сказали, что сидели на подоконнике. Могли вы оставить там свою жестянку с бутербродами?

— Сейчас, когда я думаю об этом... Да... Я почти уверен.

— Тогда, значит, он увидел ее... И он уже достаточно взрослый мальчик, чтобы понимать, что подумает полиция, когда найдет ее там... Есть на ней ваша фамилия?

— Есть. Нацарапана на крышке.

— Вот видите! Он прикинул, что между семью и восемью вы, как обычно, вернетесь. И он хотел сделать так, чтобы вы сразу же ушли из дому.

— Вы имеете в виду... Поэтому он оставил мне эту записку?

— Совершенно верно. Он не знал, что написать. Писать об убийстве он не мог, чтобы не скомпрометировать вас. Тогда он вспомнил про дядю Гедеона. Верил он в него или нет — не имеет значения. Он знал, что вы придете на Аустерлицкий вокзал.

Шаги в коридоре. В обычный день на них бы не обратили внимания, но в тишине рождественского утра все прислушались.

Это был патрульный полицейский. Он принес запачканный кровью белый в голубую клетку носовой платок, тот самый, который был найден среди стеклянного крошева возле седьмой по счету разбитой телефонной стойки.

— Это его платок, точно, — сказал отец мальчика.

— Должно быть, кто-то его преследует, — сказал инспектор.— Будь у него время, он не стал бы бить эти стекла. Он бы что-нибудь сказал.

— Кто его преследует? — спросил Оливье. — Кому это нужно? И зачем ему вызывать полицию?

Они поколебались, прежде чем сказать ему правду. Сделать это решился брат:

— Когда он отправился на квартиру к старухе, он думал, что убийца — это ты. Когда он оттуда ушел, он знал, что ты не имеешь к убийству никакого отношения. Он знал...

— Что знал?

— Он знал, кто убийца. Теперь понимаешь? Он что-то выяснил,

хотя мы не знаем, что именно. Он хочет сообщить нам об этом, но кто-то ему мешает.

— Что ты имеешь в виду?

— Сейчас либо Франсуа преследует убийцу, либо убийца преследует его. Один убегает от другого — мы не знаем, кто от кого. Между прочим, инспектор, награда за поимку назначена?

— После третьего убийства была назначена кругленькая сумма, а на прошлой неделе ее удвоили. Это было во всех газетах.

— Тогда, на мой взгляд, именно мальчик преследует убийцу, а не наоборот.

Может быть, это и был тот случай, который выпадает раз в жизни? Андрэ Лекёр прочитал где-то, что рано или поздно жизнь дарит такой случай даже людям с самой что ни на есть скучной и бесцветной судьбой.

Он никогда не был особенно высокого мнения о себе или о своих способностях. Когда его спрашивали, почему он выбрал себе такую нудную стезю, а, скажем, не работу в криминальной полиции, он обычно отвечал: «Я, должно быть, ленив». Иногда он добавлял: «Я боюсь, что меня могут избить».

Но на самом деле он не был ни лентяем, ни трусом. Если чего-то ему и не хватало, так это способностей.

Он это знал. Все, чему он научился в школе, стоило ему громадных усилий. Экзамены в полиции, экзамены, которые другим давались так легко, он смог одолеть лишь упорством. И не сознание ли своей ограниченности мешало ему завести семью?

Пришла очередная группа дежурных, вторая смена; в своих праздничных костюмах они были похожи на женихов. Они отпраздновали рождество вместе с семьями и теперь принесли с собой запахи яств и напитков.

Старина Бедо занял свое место за коммутатором, но Лекёр и не подумал уходить.

На его брате усталость сказывалась в большей степени. Он снова стал беспокоиться. Он ерзал на своем стуле, похожий на того мальчишку, которого когда-то в детстве ставили в угол. Андрэ решил все-таки немного отдохнуть. По соседству с большой комнатой находился закуток с умывальником, где они вешали пальто и где стояли две походные койки, на которых «полуночники» могли вздремнуть, если выдавался часок поспокойней.

Он закрыл глаза, но лишь на момент. Затем рука нащупала блокнот, с которым он никогда не расставался, и, лежа на спине, Лекёр принялся перелистывать страницы.

На них не было ничего, кроме крестиков, бесчисленных колонок, заполненных этими крохотными пометками, которые он собирал здесь месяц за месяцем, год за годом.

Эти крестики рассказывали о ночной жизни Парижа...

— Кофе, Лекёр?

— Благодарю.

Почувствовав себя выключенным из дела, он вытащил свою раскладушку в большую комнату и поставил ее так, чтобы видеть карту Парижа. Время от времени он поглядывал на брата, который, сгорбившись, сидел в уголке; плечи его были опущены, и только длинные белые пальцы, которые то сплетались, то расплетались, выдавали пытку, которую он терпел.

Теперь уже сотни мужчин, и не только в Париже, но и в пригородах, искали мальчика.

Лекёр взглянул на часы, затем поискал глазами инспектора.

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

— Можно вас на два слова, инспектор?

Раскладушку Лекёр снова утащил в закуток. Туда он и пригласил шефа криминальной полиции.

— Надеюсь, вы не будете ничего иметь против того, что я вмешиваюсь... Я знаю, что не мое это дело высказывать предположения... Но вот насчет этого убийцы... — Он держал в руке свою записную книжку. Должно быть, он знал все ее содержимое наизусть. — С самого утра я сегодня только об этом и думал, и...

Совсем недавно, когда он лежал на раскладушке, все представлялось так ясно, но теперь, когда все это нужно было объяснить, он почувствовал, что ему трудно привести свои соображения в стройную логическую систему.

— Я тут проглядел, в какие часы совершались все убийства за последние три года. Почти все они случились между десятью вечера и двумя часами ночи...

Это его наблюдение, казалось, не слишком поразило инспектора. Почему тогда не взять быка за рога и не высказать прямо все, что он надумал?

— И вот сейчас, когда я смотрел на брата, меня вдруг осенило, что человек, которого мы ищем, должен во многом походить на него. По совести говоря, и я тоже какое-то время думал, уж не он ли это... Минуточку.

Выражение вежливой скуки исчезло с лица Сэлара.

— Будь у меня побольше опыта в такого рода работе, я бы смог лучше объяснить, к чему я веду... Но вы сейчас поймете... Человек, который одного за другим убил восьмерых, это если не сумасшедший, то, уж во всяком случае, человек неуравновешенный. Может быть, он испытал какой-то внезапный шок. Возьмите, к примеру, моего брата. Когда он потерял работу, это так его расстроило, что он предпочел жить в паутине лжи, лишь бы только не говорить сыну.

Нет. На словах все это выходило так неуклюже.

— Когда человек внезапно теряет все, что у него было в жизни...

—...Он не обязательно сходит с ума.

— Я не говорю, что он и в самом деле сумасшедший. Но представьте себе человека, в котором чувство обиды и возмущения так

сильно, что он начинает считать себя вправе мстить за свои неудачи своим собратьям... Мне не нужно напоминать вам, инспектор, что другие убийцы всегда убивают примерно одним и тем же способом. Этот же использовал молоток, нож, гаечный ключ, а старуху задушил. И ни разу его не видели, ни разу он не оставил ни одной зацепки. Где бы он ни жил в Париже, ему нужно было пройти пешком многие километры, потому что ночью не работает транспорт, порой в такие часы, когда бывала объявлена тревога, когда патрули колесили по городу. Как же это получилось, что он сумел не встретиться с ними?..

Он был уверен теперь, что правильно развивает свою мысль. Если только Сэлар дослушает его...

Инспектор сел на одну из раскладушек. Комнатка была очень мала, и Лекёр, который ходил из угла в угол, мог делать каждый раз не больше трех шагов.

— Этим утром, например, допуская, что он был вместе с мальчиком, он прошел пол-Парижа, держась в стороне от всех полицейских участков и всех тех мест, где может стоять регулировщик.

— Вы хотите сказать, что он наизусть знает пятнадцатый и шестнадцатый округа?

— И не только эти. По крайней мере еще два — двенадцатый и двадцатый, как это видно из предыдущих случаев... Он не выбирает свои жертвы наугад. Он знает, что они живут одни и с ними можно разделаться без особого риска.

Какая досада! Это появился брат:

— Я принес бутерброды, Андрэ.

— Спасибо. Ты ешь, ладно?.. Не жди меня. Я сейчас приду.

Он пристроил Оливье снова в его угол, а сам вернулся в маленькую комнату. Он не хотел, чтобы брат его слышал.

— Если каждый раз он использует новое орудие убийства, так это потому, что он знает — нас это озадачит.

Инспектор встал и теперь смотрел на Андрэ отсутствующим взглядом, как будто следил за ходом каких-то своих мыслей.

— Вы считаете, что он...

— Что он один из нас или был им... Я никак не могу отделаться от этой идеи.

Он понизил голос.

— Кто-то, кто один против всех, так же как мой брат. Уволенный пожарник может заняться поджогами. Такое случалось два или три раза... Полицейский...

— Но почему он не стал вором?

— А мой брат — разве ему не нужны были деньги?.. Предположим, что и он тоже работал по ночам, а теперь делает вид, что продолжает ходить на работу. Ему нужно быть вне дома всю ночь. В первую половину ночи это легко — кафе и бары открыты... А потом он остается наедине с собой.

Сэлар прошептал, словно про себя:

— В такой день в отделе кадров никого нет.

— Может быть, вы смогли бы позвонить домой самому директору. Он может помнить.

— Алло! Могу я говорить с господином Гийомом? Будьте любезны... Его нет дома?.. Где я могу его найти?.. У его дочери в Отейле... У вас есть номер телефона?..

— Алло! Господин Гийом?.. Сэлар говорит. Надеюсь, я не слишком вас беспокою... Это насчет этого самого убийцы... Да, было еще одно... Нет. Ничего определенного. Просто у нас возникла идея, которую необходимо проверить, и срочно. Пусть вас не очень удивляет мой вопрос. Не был ли недавно, скажем два или три месяца назад, уволен кто-нибудь из парижской полиции?... В этом году никто... Понимаю...

Лекёр почувствовал, как что-то внезапно сдавило ему сердце, словно ощущение катастрофы, и с жалким видом, в отчаянии уставился на план Парижа. Он уже сдался и поэтому был удивлен, когда услышал, что шеф продолжает разговор:

— Строго говоря, вовсе не обязательно, чтобы это случилось недавно. Это мог быть кто-нибудь, кто работал в различных округах Парижа, включая пятнадцатый и шестнадцатый. Возможно, что еще и двенадцатый с двадцатым. Похоже, что работа у него была больше по ночам. Кроме того, увольнение привело его в состояние горькой обиды... Что?..

То, как Сэлар произнес последнее слово, вселило в Лекёра новые надежды.

— Сержант Лубэ?.. Да. Я помню имя, хотя встречаться с ним мне не доводилось. Три года назад!.. Где он живет, вы, я полагаю, не знаете?.. Где-то в районе Рынка?

Три года тому назад. Нет. Это не подходило, и сердце у Лекёра снова упало. Трудно ожидать, чтобы человек три года носил в себе свое озлобление и вдруг неожиданно начал мстить.

— ...Нет ли у вас хоть малейшего представления, что с ним сталось?.. Нет. Конечно, нет... И не тот это день, чтобы выяснять...

Он повесил трубку и задумчиво посмотрел на Лекёра. Когда он заговорил, то звучало это так, будто он обращался к равному.

— Вы слышали?.. Сержант Лубэ. Он постоянно попадал в какие-то скандальные истории, и его три раза переводили с места на место, прежде чем уволить. Выпивка — вот что его погубило... Он очень тяжело переживал увольнение. Гийом не может сказать наверняка, что с ним сталось дальше, но, по его словам, Лубэ поступил в частное сыскное бюро... Если вы хотите попытаться...

Лекёр принялся за работу. Надежды на успех у него почти не было, но делать хоть что-то было все-таки лучше, чем просто сидеть, глядя на лампочки настенного плана улиц этого города. Он начал с сыскных бюро, пользующихся самой сомнительной славой, не веря, что человек, подобный Лубэ, легко сможет подыскать себе работу в какой-то уважаемой фирме. Большинство бюро было закрыто, и ему пришлось звонить на дом их владельцам.

— Не знаю такого. Позвоните лучше Тиссерану, на бульвар Сен-Мартэн. Это он берет к себе всяких подонков...

Но Тиссеран, фирма которого специализировалась на выслеживании, тоже не мог сообщить ничего определенного.

— Не говорите мне об этом бездельнике. Уже добрых два месяца прошло, как я выставил его вон. Если он еще когда-нибудь покажется у меня, я спущу его с лестницы.

— Чем он у вас занимался?

— Ночная работа. Посматривал за некоторыми квартирами.

— Много пил?

— Трезвым его редко видели. Не знаю, где ему удавалось напиваться на дармовщину. Должно быть, шантажировал кого-нибудь.

— Можете сообщить мне его адрес?

— Улица Па-де-ла-Мюль, 27.

— Телефон у него есть?

— Может, и есть. Я не знаю. Никогда не испытывал ни малейшего желания позвонить ему. Ну что, все? Я могу вернуться к своему бриджу?

Инспектор уже держал телефонную книгу и искал телефон Лубэ. Позвонил он ему сам. Между ним и Лекёром установилось теперь что-то вроде безмолвного взаимопонимания. Они жили одной и той же надеждой, одним и тем же нетерпением. Не ожидая приглашения, Андрэ сделал то, о чем он и думать бы не посмел еще утром: он взял параллельную трубку. Телефон звонил в квартире на улице Па-де-ла-Мюль. Он звонил и звонил, как будто бы в квартире никого не было, и нетерпение Андрэ становилось уже нестерпимым, когда, наконец, гудки исчезли.

Благодарение господу! Голос принадлежал женщине, и, видно, немолодой:

— Это ты наконец? Откуда ты звонишь?

— Алло! Нет, мадам, это не ваш муж.

— С ним что-нибудь стряслось?

В голосе звучала надежда, как если бы женщина уже давно ждала этого случая и не была бы слишком расстроена, если бы несчастье случилось.

— Я говорю с мадам Лубэ, не так ли?

— А с кем же еще?

— Вашего мужа нет дома?

— Перво-наперво вы сами кто такой?

— Инспектор Сэлар.

— Зачем он вам нужен?

Инспектор закрыл ладонью микрофон трубки и обратился к Лекёру:

— Свяжитесь с Жанвье. Пусть мчится туда сломя голову.

— Разве сегодня утром ваш муж не вернулся домой?

— Вам лучше знать! Я думаю, что полиции все известно!

— И часто это случается?

— Это его дело, не так ли?

Без сомнения, она ненавидела пьяницу мужа, но теперь, когда ему грозила опасность, она была исполнена решимости встать на его защиту.

— Полагаю, вам известно, что он больше не служит в полиции?

— А может, он нашел работу почище!

— Когда он бросил работу в бюро «Аргус»?

— Чего?.. Куда это вы метите?

— Могу заверить вас, мадам, что ваш муж был уволен из сыскного бюро «Аргус» уже больше двух месяцев назад.

— Все вы врете...

— ...Что означает, что последние два месяца он каждый вечер отправлялся на службу...

— А куда еще ему было идти? В Фоли-Бержер?

— Вам известно, почему он сегодня не вернулся домой? Он не звонил вам, не правда ли?

Она, должно быть, боялась сказать что-нибудь не так, потому что, не издав больше ни звука, повесила трубку.

Когда инспектор опустил свою, он повернулся к Лекёру, тот стоял за ним, глядя в сторону. Голос Лекёра прерывался, когда он сказал:

— Жанвье уже в пути.

К нему относились, как к равному. Он понимал, что это продлится недолго, что завтра, сидя за коммутатором, он снова будет только спицей в огромном колесе парижской полиции.

Розыски теперь расширились. Приметы бывшего сержанта Лубэ были сообщены во все полицейские участки, всем патрулям.

Теперь искали не только десятилетнего мальчугана, но еще и мужчину пятидесяти восьми лет, в сером пальто с бархатным воротником и в старой серой фетровой шляпе, мужчину, который знал Париж, как свою ладонь, и был знаком с повадками полиции.

Вернулся Жанвье.

— Она хотела захлопнуть дверь перед моим носом. Она ничего не знает. Говорит, что муж каждый месяц вручал ей свою получку.

— Вот почему ему приходилось воровать. Большие суммы ему были не нужны — он просто не знал бы, что с ними делать. Как она выглядит?

— Низенькая и темнолицая, с пронзительным взглядом. Волосы крашеные — чуть ли не в синий цвет. Носит митенки — должно быть, у ней экзема или еще что-нибудь.

— Удалось достать его снимок?

— Стоял один на буфете в столовой. Она не хотела отдавать, пришлось забрать силой.

Ладно скроенный, пышущий здоровьем мужчина с глазами навыкате, который в юности, должно быть, слыл у себя в деревне первым красавцем, навсегда сохранил это выражение тупой самонадеянности. Снимку было уже много лет. Без сомнения, теперь Лубэ выглядел иначе.

— О чем вы думаете, Лекёр? — спросил инспектор.

— Да вот о том, что мой племянник и Лубэ могут и не быть вместе.

— Что вы имеете в виду?

— Они не были вместе в самом начале, иначе Лубэ не дал бы мальчику возможности поднимать тревогу. Между ними должна была быть какая-то дистанция. Один преследовал другого.

— Как вы к этому пришли?

— Когда мальчуган взбирался по водосточной трубе, он считал, что во всем виноват его отец. Иначе с какой стати он отослал бы его на Аустерлицкий вокзал, если он не рассчитывал встретиться там с ним, избавившись предварительно от жестянки с бутербродами?

— Из окна своей комнаты, — вставил Жанвье, — он мог видеть ноги убитой.

— Чего мы не знаем, так это был ли убийца еще там.

— Не могу поверить, что он все еще находился в квартире, — сказал Сэлар. — Будь он там, он бы притаился, подождал бы, пока мальчик спустится с подоконника в комнату, а потом сделал бы с ним то же самое, что и со старухой.

— Послушай, Оливье... Когда ты вернулся домой сегодня утром, свет у вас горел?

— Да.

— В комнате мальчика?

— Да. Это было первое, на что я обратил внимание. Меня это встревожило. Я подумал, уж не заболел ли он.

— Весьма вероятно, что этот свет увидел убийца и испугался. Он, должно быть, сразу же выбежал из дома...

— И ждал, что произойдет.

Догадки? Да. Но это было все, что им оставалось делать. Нужно было поставить себя на место того человека и думать так же, как думал он. Все остальное зависело от патрулей, сотен полицейских, рассеянных теперь по всем уголкам Парижа, и, наконец, от удачи.

— Минуточку, инспектор... К тому времени мальчик, возможно, уже знал, что его отец не убийца.

— Каким образом?

— Мадам Файе потеряла много крови. Если бы убийцей был его отец, кровь успела бы подсохнуть. Ведь с того момента, когда Франсуа видел его в комнате, прошло девять часов...

— Он узнал, кто это сделал, — Лубэ или кто-то другой, когда выходил из дома мадам Файе. Лубэ не знал, видел ли его мальчик в комнате. Франсуа, наверное, испугался и пустился наутек...

На этот раз его перебил отец мальчика.

— Нет. Он не убежал, если ему было известно, что объявлена большая награда. Что я потерял работу. Не убежал, если он видел, что я пошел к старухе брать в долг.

Инспектор и Андрэ Лекёр переглянулись. Они должны были признать, что Оливье прав, и это вселило в них страх за ребенка.

Нет, необходимо было нарисовать эту картину иначе. Темная, безлюдная улица в отдаленном квартале Парижа за два часа до рассвета.

И этот бывший полицейский, одержимый чувством обиды и недовольства, который только что убил свою девятую жертву, чтобы отомстить за себя обществу, которое изгнало его, чтобы доказать самому себе, что он все еще достаточно умен и осторожен и может бросить вызов всей полиции, а в сущности, и всему миру.

Был ли он снова пьян? В такую ночь, когда бары были открыты дольше, чем обычно, он, без сомнения, выпил больше, чем всегда. И что увидели на той темной, безлюдной улице его выпученные, воспламененные алкоголем глаза? Маленького мальчишку, первого, кто узнал, что убийца — это он...

— Хотел бы я знать, есть ли у него оружие, — вздохнул инспектор.

Жанвье тотчас же ответил:

— Я спросил его жену. Похоже, что он всегда носит его с собой — автоматический пистолет, но только незаряженный.

— Откуда она знает, что незаряженный?

— Несколько раз, упившись больше обычного, он кидался на нее, угрожал пистолетом. После этого она вынула и спрятала патроны, а ему сказала, что и незаряженного вполне хватит, чтобы пугать людей, а стрелять не обязательно.

Где теперь эти двое? Странная дуэль, в которой на стороне взрослого была сила, а на стороне ребенка — скорость.

Мальчик мог быть сильно испуган, но им руководило нечто способное отодвинуть страх на задний план: награда за поимку убийцы, которая должна была положить конец унижениям отца.

Когда люди, томящиеся ожиданием в префектуре, дошли до этого в своих рассуждениях, больше им, в сущности, и не о чем было говорить. Они сидели, разглядывая план улиц, а воображение рисовало им ночной Париж и ребенка, который, соблюдая приличную дистанцию, неотступно по пятам преследовал взрослого мужчину. На улицах не было никого, кто мог бы угрожать одному и помочь другому. Доставал ли Лубэ свой пистолет, пытаясь отогнать от себя мальчика?

Когда город проснулся и люди стали выходить на улицы, что мог предпринять мальчик? Мог ли он кинуться к первому встречному и закричать: «Убийство!»

— Конечно, — медленно сказал Сэлар, — ведь он шел позади Лубэ.

— А я в свое время рассказал мальчику о системе сигнальных телефонов, — вставил Андрэ Лекёр.

Маленькие крестики в блокноте пробудились к жизни. То, что вначале было загадочным, стало теперь почти простым. Простым, но трагичным.

Мальчик рисковал своей жизнью, чтобы спасти отца. Слезы медленно бежали по лицу Оливье. Он и не пытался их скрыть.

Инспектор был погружен в глубокое раздумье.

— Какова бы ни была причина, — прошептал он, — я полагаю, теперь они шагают вместе.

В тот же самый момент на стене зажглась лампочка. Словно зная, что это зовут его, Лекёр ответил вместо Бедо.

— Да. Я так и думал...

— Это насчет тех двух апельсинов, — сказал он инспектору. — Они нашли какого-то маленького араба, он спал в зале ожидания третьего класса на Северном вокзале. Апельсины все еще были у него в карманах. Он убежал из дому, потому что отец его колотил.

— Ты думаешь, что Биба... уже нет?

— Если бы он был мертв, Лубэ вернулся бы домой, потому что ему больше нечего было бы бояться.

Значит, где-то в залитом солнцем Париже, где семьи прогуливались по бульварам, наслаждаясь свежим воздухом, еще продолжалась борьба.

Ясно, что Франсуа шел теперь след в след за своей добычей, потому что боялся потерять Лубэ в уличной толкотне. Но почему он не звал на помощь? Без сомнения, потому, что Лубэ пригрозил ему пистолетом. «Одно слово, мой мальчик, и я разряжу его в твой живот...»

Каждый из них преследовал свою цель: один хотел как-то отвязаться от ребенка, другой ждал момента, когда убийца потеряет бдительность и тогда он сможет поднять тревогу, прежде чем тот успеет выстрелить.

Речь шла о жизни и смерти.

— Лубэ вряд ли будет держаться центра города, где, к его неудовольствию, слишком много полицейских, которые к тому же знают его в лицо. Скорее всего от площади Звезды они направились в отдаленные и тихие районы Монмартра.

Половина третьего. Ели они что-

нибудь? Смог ли Лубэ, который думал сейчас только об одном — как бы ускользнуть, удержаться от выпивки?

— Господин комиссар... — Андрэ Лекёр не мог говорить с той уверенностью, с какой бы ему хотелось. — Я знаю, в Париже — тысячи маленьких баров. Но если мы выберем наиболее вероятные районы и бросим на это дело достаточно много людей....

Погоней занимались теперь все присутствующие, но Сэлар позвонил еще и в судебную полицию, где было шестеро дежурных, и приказал каждому из них прозванивать шесть телефонных линий.

— Алло!.. Это «Бар друзей»?.. В течение дня вы не видели мужчину средних лет с мальчиком лет десяти? На мужчине серое пальто и...

Снова Лекёр ставил маленькие крестики, но на этот раз не в своей книжке, а в телефонном справочнике. Бары занимали в нем десять страниц, и некоторые носили самые зловещие названия.

План Парижа был на столе, и вскоре на маленькой аллее позади площади Клиши, в районе, пользующемся дурной репутацией, инспектор сделал первую отметку красным мелком.

— Да, у нас был мужчина, который подходит под это описание, был около двенадцати. Он выпил три рюмки кальвадоса и заказал стакан белого вина для мальчика. Мальчик сначала не хотел пить, но под конец выпил и с жадностью проглотил пару яиц...

Увидев, как осветилось лицо Оливье Лекёра, можно было подумать, что он услышал голос своего сына.

— Не знаете, куда они направились?

— К бульвару Батиньоль, я думаю... У мужчины вид был такой, будто он уже перехватил рюмку-другую еще до нас.

— Алло!.. «Занзи-Бар»?.. Не видели ли вы...

Это стало рефреном. Стоило кончить одному, как те же самые слова повторял его сосед.

Улица Дамремон. Снова Монмартр, но на этот раз подальше. Час тридцать. Лубэ разбил стакан, его движения к этому времени стали уже неловки. Мальчик поднялся и пошел было к уборной, но когда мужчина двинулся за ним, он передумал и вернулся на свое место.

— Да, мальчик выглядел немного испуганным... Что же касается мужчины, то он хохотал и ухмылялся, как будто радовался хорошей шутке...

— Слышишь, Оливье? В час сорок Биб еще был там.

Андрэ Лекёр не решился сказать, что было у него на уме. Поединок приближался к своей высшей точке. Теперь, когда Лубэ всерьез принялся накачиваться алкоголем, это был только вопрос времени. Сможет ли мальчик продержаться достаточно долго?

Мадам Лубэ было легко говорить, что пистолет не заряжен. Рукоятка достаточно тверда, чтобы проломить мальчику голову.

— Алло!.. Да... Где? Бульвар Ней?

Они уже достигли окраины Парижа. Бывший сержант, похоже, все еще был в здравом уме. Мало-помалу он уводил мальчика к одному из тех отдаленных районов, где возвышались в лесах молчащие еще стройки и лежали безлюдные пространства пустырей.

Три полицейских автомобиля и все свободные патрульные на мотоциклах, с которыми удалось связаться, были немедленно отправлены в тот район. Даже Жанвье умчался, взяв маленький автомобиль инспектора. Им пришлось сделать все, что было в их силах, чтобы уговорить Оливье остаться.

— Алло!.. Да... «Ориент-Бар»... Что, что такое?..

Трубку поднял Андрэ Лекёр. Приложив ее к уху, он встал, делая рукой такие отчаянные и странные знаки, что комната мгновенно затихла.

— Что?.. Не говорите так близко в трубку...

В тишине всем был слышен высокий голос.

— Это для полиции... Скажите в полицию, что я его поймал... Этого убийцу... Алло!.. Что? Это дядя Андрэ?

Тон голоса вдруг стал ниже:

— Говорю вам, я буду стрелять... Дядя Андрэ...

Вряд ли Лекёр разобрал, кому он сунул трубку. Он рванулся из комнаты и кинулся вверх по лестнице, едва не оторвав дверь.

— Быстро!.. Все машины к «Ориент-Бару», застава Клиланкур...

И, не дожидаясь, пока приказ будет передан, с той же стремительностью бросился назад. В дверях он остановился как вкопанный, пораженный внезапно воцарившейся в комнате тишиной.

Сэлар держал трубку, из которой доносился голос, говорящий на самом что ни на есть парижском диалекте:

— Все в порядке... Не беспокойтесь... Я уговорил этого друга бутылкой по черепушке... Уложил его в лучшем виде... Бог знает, что ему надо было от ребенка... Что такое?.. Хотите с ним поговорить?.. Эй, малютка, ну-ка... Иди сюда... И дай мне твой пугач... Не люблю я таких игрушек... О-ла-ла! Он не заряжен!

Другой голос:

— Это дядя Андрэ?

Инспектор оглянулся и не Андрэ, а Оливье передал трубку.

— Дядя Андрэ... Я его поймал.

— Биб! Это я...

— Что ты там делаешь, папа?

— Ничего... Ждал вестей про тебя... Было так...

— Ты не представляешь, что со мной случилось... Подожди минутку... Это полицейские. Они только что приехали...

Какие-то неразборчивые звуки. Голоса, шарканье подошв, звон стекол. Оливье Лекёр слушал, неловко стоя около коммутатора, глядя на огромный план города на стене и не видя его, мыслями весь там, на далекой северной окраине Парижа, на продутом ветром бульваре.

— Они забирают меня с собой...

Другой голос:

— Это вы, шеф?.. Говорит Жанвье...

Можно было подумать, что это Оливье Лекёра стукнули бутылкой по голове, — так он стоял, держа трубку, и невидящими глазами глядел прямо перед собой.

— Он отключился, шеф, просто отключился. Сейчас его уносят отсюда... Когда мальчик услышал, что звонит телефон, он решил, что это его шанс. Он выхватил пистолет из кармана у Лубэ и кинулся к аппарату... Хозяин здесь твердый орешек... Если бы не...

Маленькая лампочка зажглась на плане Парижа.

— Кто-то разбил стекло сигнального телефона на площади Клинанкур... Говорит, что в баре там побоище... Я позвоню снова, когда мы выясним, что там происходит...

В этом не будет особенной нужды.

Так же, как теперь Андрэ Лекёру не было нужды ставить в колонку «Разное» еще один маленький крестик...

Сокращенный перевод
Е. КУБИЧЕВА

Агата Кристи

Замаскированный клад

— Наконец,— сказала Джейн Хелиер,— познакомьтесь с мисс Марпль!

По торжественному тону актрисы гости должны были понять, что перед ними незаурядная личность, так сказать, гвоздь сезона. Но на вид в этой особе не было ничего примечательного. Старушка и старушка. Представленные ей молодые люди — стройная брюнетка Чармиэн Строуд и белокурый гигант Эдвард Росситер — с трудом скрывали свое разочарование.

Чармиэн пробормотала из вежливости: «Мы так рады с вами познакомиться». И тут же вопросительно поглядела на хозяйку дома.

— Дорогая, — незамедлительно откликнулась Джейн, — теперь вы спасены. Она — просто чудо. Ведь вы поможете им? — добавила она, обращаясь к мисс Марпль. — Для вас это пустяк.

Мисс Марпль невозмутимо перевела взгляд своих небесно-голубых глаз на мистера Росситера.

— Может быть, вы расскажете мне, в чем дело, — предложила она.

— Мы с Джейн подруги, — перебила ее Чармиэн. — Она обещала познакомить нас с лицом, которое могло бы... сумело бы...

Эдвард поторопился вмешаться:

— По словам Джейн, вы первоклассный сыщик, мисс Марпль!

Скрывая насмешливый блеск в глазах, мисс Марпль скромно возразила:

— Ну что вы! Ничего подобного. Просто, когда живешь в деревне, как я, невольно становишься знатоком человеческой психологии. Но вы меня заинтриговали: в чем ваше затруднение?

— Боюсь, что я вас разочарую,— ответил Эдвард.— Всего лишь клад.

— Правда? Звучит заманчиво!

— Так только кажется. В действительности никакой романтики. Ни острова Сокровищ, ни карты с черепом и костями. Сплошная проза — не знаем, где копать.

— Но вы уже пробовали?

— Еще бы! Вскопали целый гектар! Теперь спорим, что сажать: морковку или картошку.

— Давайте лучше мы вам все расскажем, а? — решилась вдруг Чармиэн.

— Ну, конечно, милочка.

— Пойдемте куда-нибудь, где нам не будут мешать. Пошли, Эдвард.

Выбравшись из прокуренной гостиной, они поднялись по лесенке и расположились в маленькой комнатке второго этажа.

Когда все уселись, Чармиэн выпалила:

— Ну так вот! Дело в том, что у нас с Эдвардом был дядя, или скорее прапрадядюшка, до того он был древний. Он очень любил нас с Эдвардом и всегда говорил, что после своей смерти завещает нам все свое имущество. Тем более что мы были его единственные родственники. И вот в марте он умер. Как он и обещал, он все оставил нам в наследство. Только наследство оказалось липовое; дом и участок, и никаких денег. Мы с Эдвардом этого не ожидали.

— Да, — с готовностью подтвердил Эдвард, — у нас нет своих средств, и нам не на что содержать фамильный особняк, так что, видимо, придется его продать. Это, конечно, очень печально. Кроме того, рассчитывая получить много денег, мы наделали долгов, и, если мы не разыщем дядюшкиного клада, нам нелегко будет расплатиться.

— Ты не рассказал самого главного, Эдвард.

Тот повернулся к мисс Марпль.

— Понимаете ли, чем дядя Мэтью становился старше, тем он делался подозрительнее. Он никому не доверял.

— И правильно делал, — заме-

тила мисс Марпль, — людская испорченность непостижима.

— Может быть, вы и правы. Во всяком случае, дядя Мэтью тоже так думал. Один его приятель разорился из-за банкротства банка, другой пострадал оттого, что доверился нечестному нотариусу, сам он потерял значительную сумму, купив акции жульнической компании. После этого он стал уверять, что единственный надежный способ хранить деньги, — это перелить их в золотые слитки и закопать в землю.

— Ага, — сказала мисс Марпль,— я начинаю понимать.

— Да. Друзья спорили с ним, что таким образом он лишается процентов, но он отвечал, что это неважно. Деньги, говорил он, надо держать в сундуке под кроватью или закопать в саду.

— Наверное, так он и сделал, — подхватила Чармиэн. — Ведь он был очень богат, а никаких ценных бумаг после его смерти не обнаружили.

— Он продал ценные бумаги на большую сумму, — пояснил Эдвард, — но что он сделал с деньгами, никто не знал. Отсюда и возникло предположение, что он закопал деньги, следуя своим принципам.

— А он не оставил вам какой-нибудь записки или письма?

— В том-то и обида, что нет. Перед смертью он несколько дней был в бессознательном состоянии. Потом он пришел в себя, поглядел на нас и тихонько хихикнул. Он сказал: «Я о вас позаботился, голубчики». Он дотронулся до своего правого глаза, подмигнул нам и... умер. Бедняга!

— «Дотронулся до глаза», — задумчиво повторила мисс Марпль.

— Вам это что-нибудь говорит? — оживился Эдвард. — Мне лично сразу вспомнился рассказ про Арсена Лупена, где что-то было спрятано в стеклянный глаз. Но у дяди Мэтью оба глаза были настоящие.

Мисс Марпль покачала головой:

— Нет, пока мне ничего не приходит в голову.

— Ну вот, а Джейн уверяла, что вы сразу скажете нам, где копать! — огорчилась Чармиэн.

Мисс Марпль улыбнулась:

— Я ведь не волшебница, знаете ли. Я не была знакома с вашим дядей, плохо представляю себе, что он был за человек, и не видела дома и участка.

— А если бы видели? — спросила Чармиэн.

— Тогда все было бы просто, — ответила мисс Марпль.

— Просто! — возмутилась Чармиэн. — Вот приезжайте к нам, увидите, как это просто!

Она сказала это в запале и вовсе не расценивала свои слова как приглашение, но мисс Марпль отрезала ей пути к отступлению:

— Большое спасибо, милочка, — сказала она. — Я давно мечтала принять участие в отыскивании клада. — И одарила молодых людей благосклонно-старомодной улыбкой.

— Видите! — воскликнула Чармиэн с трагической миной.

Они только что обошли дом и угодья. Побывали в огороде, порядком перекопанном, в рощице, где около каждого дерева зияла яма; осмотрели лужайку, обезображенную следами раскопок. Они поднимались на чердак поглядеть на переворошенное содержимое сундуков и корзин. Опускались в подвал, плиточный пол которого был безжалостно вскрыт. Мисс Марпль убедилась, что в стенах не было тайников, а в шкафах — двойных стен.

На столе в гостиной высилась груда бумаг покойного Мэтью Страуда. Эдвард и Чармиэн без конца перебирали старые счета, приглашения и письма, надеясь отыскать какой-нибудь ключ к загадке.

— Могли мы что-нибудь проглядеть, как по-вашему? — спросила Чармиэн.

Мисс Марпль покачала головой:

— Вы действовали очень старательно, милочка. Пожалуй, даже перестарались. Мне кажется, надо всегда сначала подумать... Совсем как у моей приятельницы, миссис Элдрич: ее горничная замечательно натирала паркет, но однажды она натерла и пол в ванной комнате, и, когда миссис Элдрич ступила на коврик, он поехал, и миссис Элдрич упала и сломала себе ногу! Ужасно неприятно, тем более что дверь ванной была заперта, и дворнику пришлось влезть через окно по приставной лестнице. Вообразите, каково было смущение миссис Элдрич — она от природы крайне стыдливая женщина!

Эдвард начал проявлять нетерпение.

Мисс Марпль поспешила извиниться:

— Простите меня. У меня привычка уклоняться в сторону. Но, знаете ли, одно напоминает мне другое. Иногда это очень полезно. Я хочу сказать, что если напрячь мозги, можно сообразить, в каком месте...

— Вот вы и соображайте, мисс Марпль, — сердито перебил ее Эдвард, — у нас с Чармиэн полная пустота в мозгах

— Бедняжечки! Конечно, вы переутомились. Разрешите, я просмотрю эти бумаги. — Она указала на ворох, лежащий на столе. — Если, конечно, тут нет ничего секретного.

— О нет, смотрите. Только, боюсь, напрасно потратите время.

Она уселась за стол и методично проглядела все бумаги, машинально сортируя их и складывая аккуратными пачками. Закончив просмотр, она задумчиво уставилась перед собой.

Эдвард спросил ее с некоторым злорадством:

— Ну что, мисс Марпль?

Вздрогнув, мисс Марпль пришла в себя.

— О, простите. Это было очень поучительно.

— Нашли что-нибудь важное?

— О нет, но зато я теперь знаю, что за человек был ваш дядюшка. Весьма похож на моего дядю Хенри, по-моему. Любитель незамысловатых шуток. Холостяк, конечно. Трудно сказать почему. Может быть, разочарование юности? Довольно методичен, но не любит брать на себя обязательств, как все вообще холостяки!

За спиной мисс Марпль Чармиэн знаком показала Эдварду: «По-моему она того!»

А мисс Марпль с увлечением распространялась о своем дяде Хенри:

— Он обожал игру слов. Многих это раздражало. Потом он был ужасно подозрителен. Ему казалось, что слуги обворовывают его. Иногда, конечно, так и было, но не всегда же. К концу своей жизни он решил, что его хотят отравить, и ничего не ел, кроме вареных яиц! Уверял, что в вареное яйцо яд не положишь. А до того он был страшный весельчак.

Эдвард почувствовал, что, если мисс Марпль не перестанет рассказывать про дядю Хенри, он сойдет с ума.

— Он любил ребятишек и подшучивал над ними: например, вешал сладости так, что дети не могли дотянуться.

Забыв про вежливость, Чармиэн вскричала:

— Какой противный старик!

— О, вовсе нет, милочка. Просто холостяк, не привыкший к детям. Он держал деньги в доме и заказал специальный сейф. Без конца хвастался, какой он надежный. В результате всех этих разговоров в дом забрались жулики и проделали в сейфе огромную дыру какими-то химическими средствами.

— Так ему и надо, — сказал Эдвард.

— Но в сейфе-то ничего не оказалось, — продолжала мисс Марпль. — Он, видите ли, держал деньги совсем в другом месте: на книжной полке, за молитвенником. Он утверждал, что никому не придет в голову снять подобную книгу с полки!

Эдвард встрепенулся:

— Послушайте, это идея! Может, деньги в библиотеке?

Но Чармиэн грустно покачала головой.

— Я уже думала об этом. Когда ты ездил в Портсмут, я просмотрела всю библиотеку. Снимала каждую книгу и перетряхивала ее. Ничего.

Эдвард вздохнул. Потом решил как-нибудь потактичнее отделаться от бесполезной гостьи.

— С вашей стороны было очень мило приехать в надежде нам помочь. Жаль, что ничего не вышло. Мы только зря отняли у вас время. Но я могу вас отвезти на станцию на машине, и вы еще успеете на трехчасовой...

— Что вы, — сказала мисс Марпль, — ведь мы еще не нашли денег. Не надо отчаиваться, мистер Росситер. Надо бороться до победного конца.

— То есть вы хотите продолжать поиски?

— Точнее говоря, — возразила мисс Марпль, — я еще и не начинала. «Сначала поймайте кролика», как советует миссис Битон в своей поваренной книге. Замечательная книга, между прочим, хотя и очень неэкономная. Большинство рецептов начинается так:«Возьмите дюжину яиц и кварту сметаны»... Да, позвольте, о чем это я? Ну, словом, мы уже поймали кролика, то есть вашего дядюшку, остается только сообразить, куда он мог спрятать деньги. Это, должно быть, нетрудно.

— Нетрудно? — усомнилась Чармиэн.

— Ну конечно, милочка. Он должен был поступить самым прямолинейным образом. Потайной ящик — вот мое мнение.

Эдвард не выразил энтузиазма:

— В потайной ящик золотые слитки не спрячешь.

— Конечно, нет. Но откуда вы взяли, что деньги в слитках?

— Он всегда говорил...

— Так же, как мой дядя Хенри насчет сейфа! Я подозреваю, что этим он просто отводил глаза. А вот бриллианты, например, вполне могут храниться в потайном ящике.

— Но мы уже осмотрели всю мебель. Мы даже приглашали столяра.

— Правда? Как это умно с вашей стороны, милочка. По-моему, вероятнее всего, что ящик находится в письменном столе вашего дядюшки. Кажется, вот тот, у стены?

— Да. Сейчас я вам покажу.— Чармиэн подошла к письменному столу и подняла крышку. Внутри оказалась масса отделений и ящичков. Она открыла маленькую дверцу посередине и нажала кнопку в левом ящичке. Стенка среднего отделения отодвинулась. За ней обнаружилось пустое пространство.

— Какое удивительное совпадение! — воскликнула мисс Марпль. — У дяди Хенри был точно такой же письменный стол, только у него был ореховый, а этот из красного дерева.

— Во всяком случае, — заметила Чармиэн, — как вы видите, в нем ничего нет.

— Наверное, — сказала мисс Марпль, — ваш столяр был молодой человек. А то бы он *знал*, что люди в прежние времена были весьма хитроумны в изобретении потайных мест. Внутри каждого тайника существовал еще тайник.

Она вытащила шпильку из своего аккуратного пучка седых волос. Выпрямив шпильку, она воткнула ее в едва приметную дырочку в стенке пустого потайного отделения. С видимым усилием она выдвинула маленький ящичек, наполненный доверху связками писем.

Эдвард и Чармиэн жадно кинулись на находку. Дрожащими руками Эдвард развернул лежавшую сверху сложенную вчетверо бумагу. И тут же пренебрежительно отбросил ее в сторону.

— Кулинарный рецепт! Жареная грудинка!

Чармиэн развязала ленточку, связывавшую письма. Она вытащила одно письмо и пробежала его глазами.

— Любовные письма!

Мисс Марпль проявила неподдельный восторг:

— Как интересно! Может быть, мы узнаем, почему ваш дядя не женился.

Чармиэн прочла вслух:

«Навеки дорогой мне Мэтью, должна признаться, что время показалось мне долгим со времени получения вашего последнего письма. Я стараюсь отвлечься исполнением своих многочисленных обязанностей и часто говорю себе, как мне повезло, что я увидела так много частей света, хотя, по правде говоря, отправляясь в Америку, я совсем не предполагала, что окажусь на сих островах!»

Чармиэн прервала чтение:

— Откуда это послано? Ах, с Гавайских островов!

Она перевела дух и стала читать дальше:

«Увы, туземцы еще далеки от прозрения. Они пребывают в диком и раздетом состоянии и большую часть времени отдают танцам, и плаванью, и разукрашиванию себя гирляндами цветов. Мистер Грей обратил нескольких, но это тяжкий труд, и он и миссис Грей сильно обескуражены. Я делаю все, что могу, чтобы подбодрить их, но я и сама часто грущу по причинам, известным вам, дорогой мой Мэтью. Увы, разлука — жестокое испытание для любящего сердца. Ваши новые заверения в неослабевающей привязанности весьма обрадовали меня. Навсегда преданная вам, любящая вас В е р а Г л а з».

— Вот это да! — воскликнул Эдвард. — Миссионерша! Ай да дядя Мэтью! Но интересно, почему он на ней не женился?

— Глядите-ка, она объехала весь свет, — заметила Чармиэн, просматривая письма. — Остров Маврикия и тому подобное... Может быть, она умерла от желтой лихорадки?

До них донеслось сдержанное хихиканье. Это веселилась мисс Марпль, изучая кулинарный рецепт. «Господи, — приговаривала она, — ну и ну!»

В ответ на вопросительные взгляды молодых людей, она прочитала вслух: «Возьмите жареную грудинку, добавьте укропа и прочей чепухи и поджарьте на постном масле».

— Что вы на это скажете?

— Неаппетитно, — поморщился Эдвард.

— О, я спрашиваю вас не о том, вкусно это или нет.

Эдварда вдруг осенило:

— Вы полагаете, что это шифр?! Знаешь, Чармиэн, это вполне возможно, — сказал он, подумавши. — Иначе, зачем бы он стал класть кулинарный рецепт в потайной ящик!

— Вот именно, — подчеркнула мисс Марпль. — Это со значением.

Тут оживилась и Чармиэн.

— Знаю, — закричала она. — Невидимые чернила! Давайте нагреем рецепт. Эдвард, включи камин.

Эдвард включил электрокамин. Но, увы, от нагрева на рецепте не появилось новых букв.

Мисс Марпль деликатно кашлянула.

— Вы, видите ли, совершенно напрасно все усложняете. Рецепт — всего лишь присказка. Намек заключается в письмах.

— В письмах?

— И в частности, — продолжала мисс Марпль, — в подписи.

Но Эдвард уже не слушал ее.

— Поди сюда, Чармиэн! — возбужденно взывал он. — Гляди! Конверты пожелтели, а письма — нет, значит они были написаны позже!

— Несомненно, — подтвердила мисс Марпль.

— Подделка под старину. Держу пари, дядя Мэтью сам написал их.

— Совершенно очевидно, — согласилась мисс Марпль.

— Сплошной обман. И миссионерши никакой не было. Здесь какой-то шифр.

— Дорогие мои дети, вы опять усложняете. А ваш дядя был очень прямолинейный человек. Он любил немного пошутить, только и всего.

Молодые люди впервые серьезно прислушались к словам мисс Марпль.

— Что вы хотите сказать? — спросила Чармиэн.

— Я хочу сказать, что деньги у вас в руках.

Чармиэн недоверчиво воззрилась на нее.

— Подпись, милая. В ней все сказано. Рецепт — только намек. Судите сами: «Чепуха на постном масле». Значит, главное — в письмах. А теперь вспомните, что сделал ваш дядя перед смертью? По вашим словам, он дотронулся до глаза. Вот где ключ к разгадке!

Чармиэн покачала головой:

— Не знаю, кто из нас сошел с ума!

— Неужели, дорогая моя, вы никогда не слышали поговорки: «Не верь глазам своим?»

Эдвард так и охнул, поглядев на подпись под письмом, которое он держал в руках:

— «Вера Глаз!»

— Разумеется, мой дорогой. Как вы сами догадались, такой особы не существовало вовсе. Письма все написаны вашим дядюшкой. И как он, наверное, веселился, когда их писал! А конверты гораздо старше писем. Например на том, что вы держите в руках, марка со штампом 1851 года.

Она сделала многозначительную паузу. Потом повторила с ударением:

— 1851 года. Теперь вам все ясно, не правда ли?

— Лично мне — нет, — сказал Эдвард.

— Ах, да, — спохватилась мисс Марпль, — я бы и сама ничего не поняла, если бы не мой внучатый племянник. Такой милый мальчик и страстный коллекционер. Он мне все рассказал о ценных марках. Я, помню, очень удивилась, когда он рассказал мне, что на аукционе за марку со штампом 1851 года дают около 25 тысяч долларов. Вообразите себе. Вероятно, и на остальных письмах такие же ценные марки. Недаром ваш дядюшка принял меры предосторожности и «замел следы», как выражаются в детективных романах.

Эдвард застонал. Он сел на диван и закрыл лицо руками.

— Что с тобой? — спросила Чармиэн.

— Ничего. Просто я подумал, что, если бы не мисс Марпль, мы наверняка сожгли бы эти письма!

— Да, — сказала мисс Марпль, — старые шутники не принимают в расчет нетерпение, свойственное молодежи. Я помню, мой дядя Хенри послал одной из своих племянниц пять фунтов, вклеенные в открытку, а сверху написал: «Это все, что я могу подарить тебе на Новый год». Бедняжка была так разочарована, что бросила открытку в огонь вместе с его пятью фунтами.

Но к этому времени отношение Эдварда к дяде Хенри в корне переменилось.

— Мисс Марпль, — объявил он, — я пойду принесу бутылку шампанского. Надо выпить за вашего дядю Хенри.

Перевела с английского
ТАТЬЯНА ИВАНОВА

Рисунки В. ВАКИДИНА

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

Роман

ГЛАВА 1. ТРУБНЫЙ ЗВУК МОРСКОЙ РАКОВИНЫ

Белокурый мальчик спустился со скалы и направился к лагуне. Хотя он снял школьный свитер и нес его в руке, серая рубашка на нем взмокла от пота, а волосы прилипли ко лбу. На развороченной в джунглях полосе, которая длинной просекой пролегла почти до самого берега, было жарко, как в парной. Он с трудом пробирался среди лиан и сломанных стволов, когда вдруг какая-то птица — вспышка красного и желтого — метнулась вверх с колдовским криком, и тут же эхом откликнулся другой крик:

— Эй! Подожди!

Заросли на краю просеки затряслись, и дробью осыпались дождевые капли.

— Подожди минутку. Я догоню

Белокурый остановился и подтянул гольфы таким обыденным движением, что джунгли на мгновение показались не страшнее рощи в Англии.

— Тут лианы такие — двинуться не могу!

Кричавший выбрался из зарослей, пятясь задом, и по грязной кожаной куртке скребнули ветки. Шипы тянувшихся за ним лиан расцарапали его пухлые голые ноги. Он наклонился, извлек занозы и повернулся. Он был ниже белокурого и очень жирный. Глядя под ноги, он осторожно вышел вперед и тогда поглядел на белокурого через толстые стекла очков.

— А где тот человек с мегафоном?

Белокурый пожал плечами.

— Это остров. Во всяком случае, я так думаю. Вон там — риф, видишь? Взрослых здесь, наверное, нигде и нет.

На лице жирного проступил испуг.

— А пилот? Правда, он был не в пассажирском салоне, он был в кабине.

Белокурый, щурясь, приглядывался к рифу.

— Все остальные — дети, — продолжал жирный. — Наверное, кое-кто из них выбрался, да?

Небрежной походкой белокурый пошел дальше. Всем своим видом он старался показать, что ему решительно наплевать, есть кто рядом или нет, но жирный поспешил за ним.

— Неужели взрослых совсем нет?

— Я думаю так.

Белокурый сказал это торжественно, но затем его обуял восторг. Прямо посреди просеки он встал на голову и ухмыльнулся жирному.

— Никаких тебе взрослых!

Жирный на секунду задумался.

— А пилот?

Белокурый опустил ноги и сел на распаренную землю.

— Улетел, я думаю, когда сбросил нас. Приземлиться он не мог. На самолете с колесами здесь не сядешь.

— Нас подбили!

— Он-то вернется обратно.

Жирный покачал головой.

— Когда мы пошли вниз, я взглянул в окошко. Я увидел ту часть самолета. Оттуда пламя так и било. — Он окинул просеку взглядом. — А все это фюзеляж наделал.

Белокурый протянул руку и потрогал зазубренный пень.

— А что с ним стало? — спросил он. — Куда он делся?

— Буря сволокла его к морю. Вокруг деревья падали — ужас! А кое-кто, наверное, остался внутри. — Поколебавшись, он продолжил: — Как тебя зовут?

— Ральф.

Жирный ждал, что и ему зададут тот же вопрос, но белокурый смутно улыбнулся, встал на ноги и зашагал к лагуне.

Жирный шел за ним по пятам.

— Вокруг, наверное, еще много наших. Ты никого не видел?

Белокурый покачал головой и пошел быстрее, но, зацепившись за сук, полетел на землю.

Жирный, тяжело дыша, остановился над ним.

— Моя тетушка не велела мне бегать, — объяснил он. — У меня астма.

— Фигас-сма?

— Астма. Задыхаюсь я. Во всей школе у меня одного была астма, — сказал он не без гордости. — А очки я ношу с трех лет.

Он снял очки и протянул их Ральфу, мигая и улыбаясь, затем принялся протирать стекла о грязную куртку. Внезапно он изменился в лице. Размазывая по щекам пот, он стал торопливо прилаживать очки.

— Фрукты... — Он беспокойно завертел головой. — Это все от них. Я думаю... — Он нацепил очки, полез напролом через завалы сучьев и присел на корточки. Я на минутку...

Ральф осторожно высвободился из лиан и, пригибаясь, стал красться среди ворохов листвы и сучьев. Не прошло и нескольких секунд, как за его спиной послышалось пыхтенье жирного, и Ральф поспешил к рядку деревьев, оставшихся между ним и лагуной.

Берег оперяли высокие пальмы. Отчетливые на ярком фоне, они стояли и прямо, и навалившись друг на друга, и откинувшись в стороны, и их зеленые веера были футах в ста от земли. Терраса, на которой высились пальмы, поросла грубой травой; повсюду пучился дерн, развороченный корнями упавших деревьев, валялись гнилые кокосовые орехи и торчали пальмовые побеги. Позади чернел лес и виднелся коридор просеки. Ральф стоял, взявшись за серый ствол, и щурил глаза на мерцавшую воду. Там, примерно в миле от берега, белые буруны наползали на коралловый риф, а за ним разливалась темная синева открытого моря. Внутри неровной коралловой дуги лагуна была спокойная, как горное озеро, синяя всех оттенков, сумеречно-зеленая, лиловая. Узкий пляж, чуть изогнутый, как лук, казался нескончаемым, потому что слева от Ральфа перспектива пальм, пляжа и воды сходилась где-то в неопределенной точке, и над всем этим стояла почти зримая жара.

Он спрыгнул с террасы. Черные ботинки утонули в песке, огнем обожгло солнце. Он ощутил тяжесть одежды и яростно стряхнул ботинки, затем двумя рывками сдернул гольфы. Вспрыгнув на террасу, он скинул рубашку и постоял среди похожих на черепа кокосовых орехов, в зеленой пестроте теней, скользивших по его коже. Он расстегнул «змейку» на ремне, стащил шорты вместе с трусами и выпрямился, глядя на воду и ослепительный пляж.

Он был довольно большой — ему шел тринадцатый год — и уже утратил детскую выпуклость животика; и, однако, еще не превратился в нескладного подростка. Судя по ширине и массивности плеч, со временем из него мог бы получиться боксер, но едва приметная кротость в глазах и линиях рта не предвещала в нем дьявола. Он легонько побарабанил пальцами по стволу пальмы; заставив себя, наконец, поверить, что остров ему не снится, он засмеялся от счастья и встал на голову. Ловко перевернувшись, он упал на колени и обеими руками пригреб к груди горку песка. Затем он откинулся назад и посмотрел на воду горящими глазами.

— Ральф... — Жирный слез с террасы и осторожно сел на ее край, как на скамейку. — Прости, что я так долго. Эти фрукты...

Он протирал очки и быстро прикладывал их к вздернутому носику. На переносице дужка выдавила розовую птичку. Он критически посмотрел на золотистое тело Ральфа, затем вниз, на свою одежду.

— Моя тетушка... — Он решительно рванул молнию и стащил куртку через голову. — Вот!

Ральф покосился и ничего не сказал.

— Я думаю, нужно узнать, кого как зовут, — сказал жирный, — и составить список. И собрание устроить.

Ральф не понял намека, и жирный был вынужден продолжать.

— Мне все равно, какое у меня будет прозвище, — сказал он доверительно. — Лишь бы не звали так, как в школе.

— А как тебя звали?

Жирный оглянулся, наклонился к Ральфу и шепнул:

— Хрюшка.

Ральф взвизгнул от восторга. Он вскочил на ноги.

— Хрюшка! Хрюшка!

— Ральф, ну пожалуйста... — Хрюшка сцепил руки в ужасном предчувствии. — Я же тебе сказал... я не хочу...

Ральф закружился в горячем воздухе пляжа, развернулся, как истребитель с занесенными назад крыльями, и обстрелял Хрюшку из пулемета:

— Ду-ду-ду-ду!

Он бросился на песок возле Хрюшкиных ног и лежал, корчась от хохота.

— Хрюшка!

Хрюшка нехотя улыбнулся, польщенный даже и таким признанием.

— Ну ладно... только другим не говори...

Ральф хихикнул в песок. На лице Хрюшки опять появилась гримаса боли.

— Я на полсекундочки...

Хрюшка почти бегом кинулся к лесу. Ральф встал и рысцой пустился направо по берегу.

Здесь пляж резко прерывался: огромная платформа розового гранита, квадратные очертания которой были лейтмотивом ландшафта, решительно раздвинула лес, пролегла через террасу и песок и сползла в лагуну, как мол, выступая из воды на четыре фута. Верх платформы был покрыт тонким пластом земли с грубой травой и затенен молодыми пальмами. Чтобы вырасти в гигантов, им не хватало земли, и когда деревья достигали примерно двадцатифутовой высоты, они падали и засыхали, исчертив платформу узорами скрещенных стволов, на которых было бы очень удобно сидеть. Пальмы — те, что еще стояли, — образовали зеленую крышу, подсвеченную дрожащей путаницей бликов. Ральф вскарабкался на платформу. Почувствовав прохладу, он прикрыл один глаз и решил, что тени на его теле действительно зеленые. Он вышел на край, обращенный к морю, и посмотрел вниз. Вода была прозрачной до дна и яркой от тропических водорослей и кораллов. Взад-вперед носилась стайка блестящих рыбок. У Ральфа вырвался восторженный возглас:

— Ииууух!

По другую сторону платформы было еще большее чудо. Стихия — возможно, тайфун или буря, бушевавшая ночью, когда Ральф очутился на острове, — воздвигла в лагуне косу так, что на взморье образовался длинный и глубокий бассейн, дальним концом упиравшийся в высокий барьер из розового гранита. Однажды Ральфа обманула кажущаяся глубина воды у берега, и теперь, подходя к бассейну, он был готов к разочарованию. Но остров не подвел: удивительный бассейн, в который море вторгалось, по-видимому, лишь во время прилива, был таким глубоким у одного

конца, что вода казалась там темно-зеленой. Ральф внимательно обследовал бассейн на протяжении тридцати ярдов — не меньше, и лишь тогда нырнул. Вода была горячее его собственной крови, казалось, он плыл в огромной ванне.

Снова появился Хрюшка и, усевшись на каменный край, стал с завистью глядеть на зеленое и белое тело Ральфа.

— Как ты пла-ва-ешь!

Ральф нырнул и поплыл под водой с открытыми глазами: песчаный край бассейна круто выпятился расплывчатым холмом. Ральф лег на спину, зажав нос, и золотистый свет, дробясь, заплясал на его лице. Хрюшка стоял с решительным видом и уже снимал шорты. Наконец он предстал в своей бледной и жирной наготе. Он на цыпочках зашел в бассейн с песчаного края, сел в воду по шейку и гордо улыбнулся Ральфу.

— А ты что, плавать не будешь?

— Я не умею. Мне не разрешали. Моя астма...

— Подавись ты со своей фигас-смой!

Хрюшка отнесся к этому со смиренным терпением.

— Как ты здорово плаваешь!

— Я научился, когда мне пять лет было. Папа научил. Он у меня капитан третьего ранга. А твой отец кто?

Хрюшка вдруг покраснел.

— Папа мой умер, — сказал он быстро. — И мама тоже... — Он снял очки и тщетно искал, чем бы их протереть. — Я жил с моей тетушкой. У нее своя кондитерская. Сластей было — ешь не хочу. А когда твой папа спасет нас?

— Как сможет, так и спасет.

Хрюшка поднялся, увлекая за собой струи воды, и, голый, стал носком протирать очки. Единственным звуком, который доносился до них в знойном воздухе, был протяжный и однообразный рев бурунов у рифа.

— Как он узнает, где мы?

«Узнает, — думал Ральф, — потому что... потому что...»

— Ему скажут в аэропорту.

Хрюшка покачал головой, надел сверкающие очки и посмотрел вниз на Ральфа.

— Скажет кто? Разве ты не слыхал, что пилот говорил? Про атомную бомбу? Они там все погибли.

Ральф вышел из воды, стал перед Хрюшкой и задумался.

Хрюшка наседал.

— Ведь мы на острове — так?

— Я залезал на одну скалу, — задумчиво ответил Ральф. — Похоже, что это остров.

— Там все погибли, — продолжал Хрюшка, — а мы на острове. Никто и не знает, что мы здесь. И папа твой не знает, и никто не знает... — У него задрожали губы, и от влаги помутнели очки. — Так мы и будем здесь, пока не умрем.

При этих словах жара будто усилилась, навалилась невыносимой тяжестью, а лагуна засверкала так, словно хотела ослепить их своим блеском.

— Пойду за одеждой, — пробормотал Ральф. — Она там.

Он пробежался рысцой по песку, терпеливо снося немилосердие солнца, пересек платформу и нашел свою разбросанную одежду. Было удивительно приятно снова надеть серую рубашку. Затем он забрался на платформу и сел в зеленую тень на удобный ствол. Притащился Хрюшка: почти вся одежда была у него под мышкой. Он осторожно сел на ствол возле маленького утеса, смотревшего на лагуну, и по его телу запрыгали солнечные зайчики. Немного погодя он заговорил:

— Нужно найти остальных. Нужно что-то делать.

Ральф молчал. Вот, пожалуйста, коралловый остров. Укрытый от солнца, Ральф блаженно мечтал и не слушал зловещую болтовню Хрюшки.

— Сколько нас всех на острове?

Ральф пошел вперед и остановился возле Хрюшки.

— Не знаю.

Здесь и там по полированной глади воды лениво струился легкий бриз. Когда он достигал берега, пальмы шептались, и смазанные пятна солнечного света скользили по телам ребят и порхали в тени яркими крылатыми существами.

— Нужно что-то делать.

Ральф, казалось, смотрел сквозь него. И тут до Ральфа окончательно дошло, что все то, о чем он догадывался, так и не осознавая полностью, существует на самом деле. Его губы раздвинулись в счастливой улыбке, а Хрюшка, отнеся ее на свой счет, засмеялся от удовольствия.

— Если это и впрямь остров...

— Что это там?

Ральф перестал улыбаться и показал на воду. Среди водорослей виднелось что-то кремовое.

— Камень, — сказал Хрюшка.

— Нет. Раковина.

— Верно! Это раковина. Я такую видел. У одного. Морской рог — так он ее называл. Бывало, как задудит в нее — тут же его мать выбегала. Эта раковина ужасно дорогая...

Под рукой у Ральфа оказалась тонкая пальма, накренившаяся над водой. Земля, слишком тощая и для такого деревца, вспучилась под его тяжестью, и оно должно было вот-вот упасть. Ральф выдернул деревцо и стал им ощупывать дно, и сверкающие рыбки метнулись в стороны.

— Смотри не разбей ее!

— Заткнись.

Изогнутым стволом пальмы Ральф осторожно проталкивал раковину через водоросли. Используя одну руку как опору рычага, Ральф другой рукой отжимал конец ствола вниз, пока из воды не поднялась кремовая раковина, и Хрюшка подхватил ее. Теперь, когда раковину можно было и потрогать, Ральф заволновался.

— ...морской рог, он такой дорогой, — верещал Хрюшка. — Держу пари, если бы ты захотел купить его, нужны были бы деньги, деньги и деньги. Он висел на заборе в саду, и моя тетушка...

Ральф забрал раковину, и по его руке скатились капли воды. Раковина была темно-кремовая, кое-где линялая, розовая. Между острием, в самом кончике которого протерлась маленькая дырочка, и розовыми губами раструба было восемнадцать дюймов слегка закрученного перламутра, покрытого нежным рифленым узором. Ральф вытряхнул песок из раковины.

— ...мычала в него, как корова, — продолжал Хрюшка. — И еще у моего приятеля были белые камни и клетка с зеленым попугаем. В камни эти он, конечно, не дудел, и он говорил... — Хрюшка умолк, чтобы перевести дыхание, и погладил блестящую игрушку, лежавшую на руках у Ральфа. — Ральф! — Тот поднял глаза. — Теперь мы можем всех созвать! И устроить собрание. Они придут, когда услышат нас. — Хрюшка сиял. — Ведь ты же это и хотел сделать?

— А как твой приятель дудел?

— Он вроде фыркал туда, — ответил Хрюшка. — Мне-то тетушка не разрешала — из-за астмы. Он говорил, нужно дунуть как-то отсюда, от самого низа, — Хрюшка прижал руку к брюшку. — Попробуй, Ральф, а?

Ральф недоверчиво приставил

раковину к губам и дунул. Из раструба послышался шорох, и только. Ральф вытер с губ соленую воду и дунул еще раз, но раковина молчала.

— Он вроде фыркал.

Ральф поджал губы и выдохнул воздух струей — раковина отозвалась сиплым хрипом. Это так развеселило ребят, что Ральф, давясь от смеха, дул в нее еще несколько минут.

— Как-то отсюда, от самого низа.

Ральф сообразил, что от него требовалось, и выдохнул всей грудью, от живота. И раковина ожила. Густая, грубо взятая нота загудела под пальмами, разнеслась по лабиринтам леса и отразилась эхом от розового гранита горы. С вершин деревьев тучами поднялись птицы, что-то взвизгнуло и пробежало в зарослях. Ральф опустил раковину.

— Черт возьми!

После раковины его обычный голос показался шепотом. Ральф поднес раковину к губам, набрал сколько мог воздуху и дунул. Снова загудела та же нота, затем, когда он поднатужился, звук взметнулся на октаву выше и превратился в резкий пронзительный рев. Хрюшка что-то кричал, он был в восторге, его очки сверкали. Загалдели птицы, какие-то маленькие зверьки бросились врассыпную. Ральф задохнулся, звук съехал вниз, басовито ухнул и оборвался шуршанием.

Раковина, похожая на гладкий, блестящий бивень, молчала; лицо Ральфа потемнело; над островом стоял птичий гвалт и звенело многоголосое эхо.

— Держу пари, тебя было слышно и за сотню миль!

Ральф отдышался и выдул серию пронзительных звуков.

— Вот и первый! — воскликнул Хрюшка.

Среди пальм, примерно в ста ярдах по пляжу, показался ребенок. Это был русый крепыш лет шести, в изорванной одежде, весь перемазанный липкой мякотью диких плодов. Свои штанишки, приспущенные для вполне определенной цели, он так и не успел натянуть. Он спрыгнул с террасы — и штанишки спали до колен; он вышагнул из них и побежал к платформе. Забраться ему помог Хрюшка. А Ральф все дудел и дудел, пока из леса не послышались крики. Малыш сидел перед Ральфом на корточках и, задрав голову, смотрел на него смышлеными глазами. Когда малыш уверился, что делается нечто важное, на его лице появилось удовлетворенное выражение, и его розовый большой палец — единственно чистый — скользнул в рот. Хрюшка наклонился к малышу.

— Как тебя звать?

— Джонни.

Хрюшка пробурчал его имя себе под нос, потом выкрикнул для Ральфа, но тот и бровью не повел: он трубил. Упоенно глуша округу тупым ревом, он весь потемнел, и натянувшаяся на нем рубашка мелко дрожала от ударов сердца.

Теперь и на берегу стали заметны признаки жизни. Струившееся над пляжем марево скрывало в себе не одну дюжину детей; они сбредались за много миль, пробираясь к платформе по раскаленному белому песку. Три малыша — каждый не старше Джонни — появились пугающе близко, как из-под руки, выйдя из леса, где они объедались дикими плодами. Смуглый мальчик, пониже и помладше Хрюшки, раздвинул кусты, прошел по платформе и каждому улыбнулся приветливой улыбкой. Подходили все новые и новые. Видя в простодушном Джонни намек на то, что им следует делать, они рассаживались на упавшие стволы и ждали. Ральф продолжал выдувать короткие пронзительные звуки. Хрюшка расхаживал среди толпы, спрашивал имена и, пытаясь запомнить их, хмурился. Дети слушались его так же просто, как они повиновались взрослым с мегафонами. Одни были голые и держали одежду в руках, другие — полуголые и более или менее одетые, в школьной форме;

в сером, синем и коричневом, в куртках и джемперах. Со значками и даже с девизами, в полосатых цветных чулках и пуловерах. Головы, точно живые грозди, шевелились над стволами в зеленом сумраке: головы каштановые и русые, черные и рыжие, золотистые и пепельные; головы бормочущие и шепчущие. Ребята во все глаза следили за Ральфом и соображали. Что-то делалось.

Дети, шагавшие по пляжу парами и в одиночку, появлялись из марева как-то вдруг, когда пересекали неопределенную линию между террасой и водой неподалеку от платформы. Прежде всего в глаза бросалось черное существо, похожее на летучую мышь, которое странно плясало на песке, и лишь потом над ним воспринимались очертания человеческой фигуры. Летучая мышь была тенью, сжатой отвесными лучами солнца в пятно между семенящими детскими ступнями. Даже Ральф, хотя он еще дул в раковину, заметил последнюю парочку, когда она подходила к платформе, ступая по порхающему черному пятну. Оба мальчика, круглоголовые, с волосами как кудель, бросились на землю и лежали, ухмыляясь Ральфу и часто дыша, как собаки. Они были близнецы и поражали своей невероятной до смешного схожестью. Верхние губы у них вздернулись, будто на лица им не хватило кожи, и поэтому профили были смазаны, а рты остались разинутыми. Хрюшка наклонился к близнецам и твердил:

— Сэм... Эрик... Сэм... Эрик.

Он запутался, близнецы замотали головами, показывая друг на друга, и толпа рассмеялась.

Наконец Ральф перестал дудеть и сидел, уронив голову на колени и свесив руку, державшую раковину. Перекаты эха заглохли вдали, смех умолк, и наступила тишина.

На пляже, в алмазном облаке марева, замельтешило что-то черное. Ральф первый заметил это и стал всматриваться, пока его пристальный взгляд не заставил и всех остальных повернуть головы в ту же сторону. Когда существо вышагнуло из марева, то оказалось, что чернота была не столько тенью, сколько одеждой. По пляжу более или менее в ногу, двумя шеренгами маршировала целая партия эксцентрично одетых мальчиков. Шорты, рубашки и прочее одеяние они несли в руках, но на каждом была черная шапочка с серебряным значком. От подбородка до колен тела ребят были скрыты под черными плащами с оборками вокруг шеи и длинным серебряным крестом слева на груди. Тропическая жара, катастрофа, поиски пищи да еще нелепый марш — все это так подействовало на ребят, что их потные лица стали походить на свежевымытые сливы. Мальчик, руководивший ребятами, был одет так же, но значок на его шапочке блестел позолотой. Когда его отряд подошел к платформе ярдов на десять, он выкрикнул команду, и они стали смирно, хватая ртами воздух, обливаясь потом и пошатываясь. Сам он вышел вперед, лихо, так что его плащ взвился, вскочил на платформу и уставился в сплошную после яркого света темноту.

— Где человек с трубой?

Ральф сообразил, что тот еще ничего не видит, и ответил:

— Нет никакого человека с трубой. Трубил я.

Мальчик подошел, впился глазами в Ральфа, и чем больше он приглядывался, тем сильнее хмурилось его лицо. То, что он сумел разглядеть, его, по-видимому, не удовлетворило. Он круто повернулся, и черный плащ поплыл по воздуху.

— Значит, тогда и корабля нет?

Пока плащ описывал дугу, было видно, что мальчик долговязый и костлявый; из-под черной шапочки выглядывали рыжие волосы. Лицо, веснушчатое и сморщенное, казалось гадким, но неглупым. С этого лица пристально смотрели голубые глаза, еще растерянные, но они уже вспыхивали или были готовы вот-вот вспыхнуть гневом.

— И взрослых нет?

— Нет, — Ральф говорил ему в спину. — У нас собрание. Давайте присоединяйтесь к нам.

Первая шеренга рассыпалась.

— Хор! — закричал долговязый. — Смирно!

— Мерридью... ну пожалуйста, Мерридью... можно мы, а?

Один из мальчиков рухнул лицом в песок, и строй смешался. Мальчика подняли, втащили на платформу и положили. Глаза у Мерридью вытаращились, но он как ни в чем не бывало сказал:

— Ладно уж, садитесь. А его не трогайте.

— Как же так, Мерридью?

— Вечно с ним обмороки, — сказал Мерридью. — И в Гибралтаре падал, и в Аддис-Абебе, и на заутренях — прямо на регента.

Его шутка вызвала смех у хористов, которые, как черные птицы, расселись на стволах, лежащих крест-накрест, и с интересом разглядывали Ральфа. Хрюшка не спрашивал, как их зовут. Он был подавлен видом формы и бесцеремонной властностью в голосе Мерридью. Он незаметно оказался по другую сторону от Ральфа — подальше от Мерридью — и занялся очками.

Мерридью повернулся к Ральфу.

— Неужели нет ни одного взрослого?

Мерридью сел на ствол и обвел глазами ребят.

— Тогда придется самим о себе позаботиться.

Чувствуя себя под защитой Ральфа, Хрюшка заговорил:

— Ральф для этого и собрал всех. Чтобы решить, что делать. Мы уже знаем, кого как зовут. Это Джонни. Те двое — они близнецы — Сэм и Эрик. Ты Эрик, да? Нет, ты Сэм?

— Я Сэм...

— А Эрик — я.

— Пожалуй, нужно знать всех, — сказал Ральф. — Так вот, я — Ральф.

— Мы уже знаем имена почти всех ребят, — сказал Хрюшка.

— Детские имена, — фыркнул Мерридью. — Какой я вам Джек. Я — Мерридью.

Ральф быстро обернулся. Это был голос человека, у которого своя голова на плечах.

— Вот, — продолжал Хрюшка. — Этого зовут... забыл...

— Слишком ты много болтаешь, — сказал Мерридью. — Заткнись, Жирняга!

Раздался смех.

— Он не Жирняга! — крикнул Ральф. — Он Хрюшка!

— Хрюшка?! Хрюшка!!. Ой, не могу, Хрюшка!

Поднялась буря хохота, смеялись даже самые маленькие. На

мгновение замкнулась цепь взаимопонимания, и лишь один Хрюшка остался в стороне; он покраснел как рак, нагнул голову и стал опять протирать очки.

Наконец хохот умолк, и возобновилась перекличка. Морис — среди хористов второй по росту после Джека, но широкоплечий и все время ухмылявшийся. Потом — хрупкий, никому не известный мальчик с вороватым взглядом, внутренне напряженный от своей обособленности и скрытности. Он пробормотал, что его зовут Роджер, и снова замолчал. И еще Бил, Роберт, Гарольд и Генри; хорист, до этого лежавший в обмороке, сел, привалившись спиной к стволу пальмы, улыбнулся Ральфу бескровными губами и сказал, что его зовут Саймон.

— Теперь, — проговорил Джек, — нужно решить, как нам спастись.

Загудели голоса. Один из малышей заявил, что он хочет домой.

— Заткнись, — рассеянно сказал Ральф. Он поднял раковину. — Мне кажется, нужно выбрать вождя, который будет решать, что и как.

— Вождя! Выбрать вождя!

— Вождем должен быть я, — легко и самоуверенно сказал Джек, — потому что я пою на клиросе и еще я староста хора. Я могу взять си-диез.

Снова гул голосов.

— Ну, а тогда... — продолжал Джек, — тогда... тогда...

Он колебался. Роджер — тот самый мальчик с вороватым взглядом — заерзал, потеряв терпение, и сказал:

— Вождя нужно выбрать!

— Да!.. Выбрать вождя!..

Игра в выборы казалась такой же занятной, как и раковина. Джек было запротестовал, но поднявшийся гвалт означал, что просто иметь вождя теперь им мало — они хотели его выбрать, и кто-то выкрикнул имя Ральфа. В его пользу у ребят не было никаких разумных доводов: единственным, кто проявил хоть какую-то смекалку, был Хрюшка, самым властным показал себя Джек. Но в Ральфе, в том, как он сидел, было какое-то спокойствие, отличавшее его от остальных; притягивала и его внешность, и его стать, но сильнее всего и притом самым непостижимым образом на них действовала раковина. Тот, кто трубил в нее, кто сидел и ждал их на платформе с такой восхитительной вещью, не мог быть как все.

— Тот пусть будет вождем, с раковиной!

— Ральф! Ральф!

— Парень с дуделкой, он!

Ральф поднял раковину, требуя тишины.

— Ну ладно. Кто хочет, чтобы вождем был Джек?

Хористы обреченно подняли руки.

— Кто за меня?

Все, кроме хористов и Хрюшки, подняли руки. Затем и Хрюшка нехотя поднял руку. Ральф считал.

— Тогда, значит, вождь — я.

Собрание взорвалось аплодисментами. Даже хористы аплодировали, и Джек от обиды покраснел так, что его веснушки исчезли. Он вскочил, передумал, сел, а воздух все звенел от криков. Ральф смотрел на него, горя желанием что-нибудь предложить взамен.

— Хор, конечно, останется за тобой.

— Они будут нашей армией...

— Нет, охотниками...

— Пусть они будут...

На лице Джека снова выступили веснушки. Ральф помахал рукой, требуя тишины.

Рисунки С. ПРУСОВА

— Джек командует хористами. Они у нас будут... кем ты хочешь, чтобы они были?

— Охотниками.

Джек и Ральф в застенчивой признательности улыбнулись друг другу. И сразу все заговорили наперебой. Джек встал.

— Хор! Снять тоги!

Хористы, как по школьному звонку, повскакали со своих мест, затараторили и побросали в кучу свои плащи. Джек положил плащ на ствол рядом с Ральфом.

Ральф улыбнулся и, добиваясь тишины, поднял раковину.

— Слушайте все! Мне нужно время, чтобы подумать. Я не могу так сразу решить, что делать. Если это не остров — мы спасены. Так что сперва нужно узнать, остров это или нет. Пусть все останутся здесь, ждут и никуда не уходят. Трое — пойдет больше, мы не будем знать, кто где, и потеряем друга друга — трое из нас пойдут в экспедицию и все узнают. Пойду я, Джек и... и... — Со всех сторон на него смотрели томящиеся лица. — ... и Саймон.

Вокруг Саймона захихикали, и он встал, тоже чуть посмеиваясь. Теперь, когда обморочная бледность сошла с его лица, это был живой мальчуган, худенький, смотревший из-под шапки черных волос, прямых и жестких, нависших на лоб. Он кивнул Ральфу.

— Я пойду.

— И я...

Джек выхватил из-за спины большой нож и вонзил его в ствол. Голоса загудели и сразу стихли. Хрюшка пошевелился.

— И я пойду.

Ральф обернулся к нему:

— Для такого дела ты не годишься.

— И все равно...

— Ты нам не нужен, — отрезал Джек. — Хватит и троих.

Хрюшкины очки засверкали.

— Я был с ним, когда он нашел раковину. Я был с ним, когда вас еще никого не было.

Никто на это не обратил внимания. Все стали расходиться. Ральф, Джек и Саймон спрыгнули с платформы и пошли по песку вдоль купального бассейна. Хрюшка тащился следом.

— Саймон, — сказал Ральф, — ты иди между нами, тогда мы сможем разговаривать через тебя.

Они зашагали в ногу. Это означало, что время от времени Саймону приходилось делать двойной шаг, чтобы не отстать. Наконец Ральф остановился и повернулся к Хрюшке.

— Ну что? — Джек и Саймон притворились, что ничего не видят. — Тебе же нельзя с нами.

Хрюшкины очки увлажнились от обиды.

— Все-таки сказал... А я же просил тебя... — Его лицо горело, губы дрожали. — Я же просил тебя не говорить...

— Что ты мелешь? О чем ты?

— Все о том же. Я ведь сказал, мне все равно, лишь бы Хрюшкой не называли, а ты...

Они оба притихли. Ральф посмотрел на Хрюшку более сочувственно и увидел, до чего тот был обижен и подавлен. Он раздумывал, извиниться ли ему или и дальше изводить Хрюшку.

— Уж лучше быть Хрюшкой, чем Жирнягой, — сказал он, наконец, с прямотой подлинного вождя. — Ладно, прости, если ты так переживаешь. А теперь, Хрюшка, ступай обратно и займись именами. Это твое задание. И будь здоров.

Он повернулся и побежал за остальными. Хрюшка стоял, и жгучий румянец медленно остывал на его щеках.

Троица проворно шагала по берегу. Был отлив, и полоса пляжа, выстланная водорослями, стала твердой, как дорога. Во всей этой сцене и в самих ребятах было что-то романтическое, и они, сознавая это, чувствовали себя счастливыми. Они то и дело поворачивались друг к другу, взволнованно смеялись и болтали взахлеб. Вокруг все сверкало. Ральф, не в силах выразить свой восторг, встал на голову и перевернулся. Когда они отсмеялись, Саймон нежно погладил его по руке, и они снова засмеялись.

— Давай, давай, пошли, — сказал Джек. — Мы — исследователи.

— Нужно дойти до этого конца острова, — сказал Ральф, — и посмотреть, что там за углом.

— Если это остров...

Теперь, когда день пошел на убыль, миражи понемногу оседали. Ребята обнаружили, что с этой стороны остров уходил в море острым мысом. В беспорядке громоздились квадратные, как и повсюду, глыбы, и уже в лагуне высилась еще одна скала. Там гнездились морские птицы.

— Как глазурь на розовом торте, — заметил Ральф.

— Дальше не пойдем, — сказал Джек. — И за угол нам не заглянуть, потому что его и нет. Берег чуть изгибается, и все. А идти там трудно: скалы одни...

Ральф прикрыл глаза ладонью и, все выше задирая голову, окинул взглядом скалистую вершину. Отсюда до горы было ближе, чем от любой другой точки пляжа, где они успели пройти.

— Здесь и попробуем взобраться на гору, — сказал Ральф.— Я думаю, это самый легкий путь. Меньше зарослей проклятых, больше розовых скал. Пошли.

И они начали карабкаться вверх. Какая-то неведомая сила выворотила эти кубы и разбросала их так, что они лежали вкривь и вкось, наваленные друг на друга. Розовый утес обычно подпирал перекошенную глыбу, та — другую, поменьше, и так снова и снова, пока все это сооружение не завершалось шаткой грудой розовых камней, пронзивших хитросплетения лиан. Там, где розовый гранит выходил прямо из земли, к скалам, огибая их, жались узкие тропинки. Мальчики пробирались по ним боком, лицом к скале.

— Кто проложил эту тропинку? — Джек остановился, вытирая пот. Запыхавшийся Ральф стал рядом.— Люди?

Джек покачал головой:

— Животные.

Ральф уставился в густой мрак под деревьями. Заросли чуть заметно подрагивали.

Крутые витки тропинок давались ребятам без труда; туго им приходилось изредка, когда они пробирались через заросли, чтобы выйти на очередную тропинку. Здесь корни и стебли ползучих растений сплетались, словно пряжа, и ребята должны были, как гибкие иглы, продеваться в ее петли. Единственным ориентиром для них был подъем склона: лишь бы следующий лаз, как бы его ни опутывали канаты лиан, находился выше предыдущего.

И они поднимались. В самую трудную минуту, когда они, казалось, были наглухо замурованы в зеленой гуще, Ральф обернулся и посмотрел сияющими глазами.

— Сила!... Блеск!.. Классно!..

Трудно было понять, чему они радовались. Все трое вспотели, перемазались и изнемогали от усталости. Ральф был жестоко исцарапан. Туннели между лианами стали такими узкими, что в них едва можно было протиснуться.

Ральф громко крикнул, и мальчики прислушались к приглушенным раскатам эха.

— Настоящая экспедиция! — воскликнул Ральф. — Держу пари: здесь никто еще не был.

— Карту бы нарисовать, — отозвался Джек. — Да бумаги нет!

— Нацарапать на коре, — сказал Саймон.

И сверкающие в сумраке глаза снова торжественно причастились дружбе.

Лианы и деревья чуть подались от розовой стены, и мальчики пустились по тропинке рысцой. Тропинка привела на опушку, и они мельком увидели море. Появилось солнце; оно высушило пот, пропитавший их одежду, пока они пробирались в душной и сырой темноте. Теперь они карабкались по голым скалам, и им больше не приходилось нырять в зеленый мрак.

Идти стало легко. Когда они вышли к последнему перед вершиной подъему склона, Ральф остановился.

— Вот здорово, а?

Они были на краю цирка или полуцирка, расположенного на самом склоне. Голубые цветы и горные травы, заполнив чашу, переливались через край широкими потоками и растекались среди зарослей. В глазах рябило от бабочек; они взлетали, порхали в воздухе, садились. Сразу за цирком была вершина, и вскоре они стояли на ее квадратной площадке.

Ребята уже давно не сомневались, что они на острове; море по обе стороны, пока они карабкались, кристальный воздух и высокое небо — все это заставляло их каким-то инстинктом чувствовать, что вода здесь со всех сторон. И все же был некий смысл в том, чтобы оставить последнее слово до той минуты, когда они ступят на вершину и смогут увидеть море по всему кругу горизонта.

Ральф повернулся к ребятам.

— Он — наш!

Остров, своими очертаниями напоминающий корабль, взгорбился у этого конца, и за их спинами был крутой спуск к берегу. По каждую сторону — скалы, утесы, верхушки деревьев и крутой склон; впереди, по всей длине корабля, — более пологий спуск, одетый деревьями, с розовыми прогалинами, дальше — покрытая джунглями ровная часть острова, густо-зеленая, которая к концу сужалась розовым хвостиком. Там, где остров сходился на нет, был еще островок — скала, почти особняком стоящая в воде, как форт, обращенный к ним крутым розовым бастионом.

Они осмотрели остров и принялись разглядывать море. Они были высоко, день клонился к вечеру, и миражи уже не резали глаз.

— Это риф, — сказал Ральф. — Я такие на картинках видел.

Риф запирал остров с одной стороны и еще загибался; он шел параллельно той части пляжа, которую они считали своей, и находился от нее примерно в миле. Коралловая линия была смазана: как будто великан, задумав воспроизвести очертания острова, наклонился и повел мелом волнистую черту, да притомился и так и не закончил ее. Внутри — переливчатая вода, скалы и водоросли, отчетливо видные, как в аквариуме; снаружи — темная синь моря. Был отлив, от рифа в море тянулись длинные полоски пены, и на мгновение ребятам показалось, что их корабль плавно движется кормой вперед.

— Вон где мы приземлились, — сказал Джек, указывая вниз. За обрывами и скалами на зелени леса виднелся косой срез, затем шли расщепленные стволы и глубокая борозда просеки, не затронувшая лишь бахрому пальм у лагуны. Там же была и выдвинутая в воду платформа со снующими вокруг фигурками

— Не видать ни дыма, ни лодок, — со знанием дела сказал Ральф. — Потом мы это проверим, но, по-моему, он необитаемый.

— Будем добывать пищу! — закричал Джек. — Охотиться! Ловить зверей... пока за нами не приедут.

Саймон смотрел им в рот, молчал и кивал головой так, что его черные волосы то падали на лоб, то откидывались; его лицо горело. Ральф посмотрел вниз на ту сторону, где рифа не было.

— Здесь еще круче, — сказал Джек.

Ральф сомкнул руки кольцом.

— Вон тот лесок, внизу. он как в чаше.

На каждой ступени горы были деревья — цветы и деревья. Лес зашевелился, зарычал, забился. На скалах, неподалеку от ребят, размашисто закачались цветы, и бриз обдал их лица прохладой.

Ральф широко распростер руки.

— Все наше!

Они заплясали на вершине, смеясь и что-то выкрикивая.

— Хочу есть.

Слова Саймона напомнили им, что они голодны.

— Ну пошли,— сказал Ральф.— Мы узнали что нужно.

Они спустились по скалистому склону, прошли среди цветов и зашагали вдоль леса. Здесь они остановились и стали с любопытством разглядывать кустарник.

— Как свечки! — воскликнул Саймон. — Кусты, а на них свечки растут. У них такие почки.

Это был вечнозеленый кустарник, источавший душистый аромат; бледно-зеленые почки, туго сложенные, четко вырисовывались на фоне яркого неба. По одной из них Джек полоснул ножом, и вокруг разлился терпкий запах.

— Кусты, а на них свечки.

— Зеленые свечки, — презрительно отозвался Джек. — В рот их не положишь. Пошли.

Шлепая по камням усталыми подошвами, они входили в лес, когда вдруг послышался какой-то шум... визг... твердые удары копыт по тропинке. Пока ребята пробивались туда, визг усилился и стал бешеным. Они увидели поросенка, застрявшего в завесе лиан и с безумным страхом рвавшегося из эластичных пут. Поросенок визжал не переставая, тонко и пронзительно. Мальчики бросились вперед, и Джек снова выхватил нож. Рука высоко замахнулась. Затем пауза, какая-то задержка: поросенок продолжал визжать, лианы дергались, а лезвие все поблескивало в занесенной руке. Секунда, другая, и поросенок вырвался из лиан и юркнул в щель. Они переглядывались и смотрели на это ужасное место. Лицо Джека под веснушками стало белым. Он заметил, что все еще стоит с занесенным ножом, и, опустив руку, убрал его в ножны. Все трое пристыженно засмеялись и начали выбираться на свою тропинку.

— Я смотрел, куда ударить, — сказал Джек, — и чуть опоздал.

— Нужно было заколоть его, и все тут, — свирепо сказал Ральф. — Свиней закалывают...

— Им перерезают горло, чтобы выпустить кровь, — возразил Джек. — А то мясо нельзя есть.

— Тогда почему же ты не...

Они прекрасно знали почему: потому что гнусно ударить ножом живое существо, потому что вид крови невыносим.

— Я так и хотел, — ответил Джек. Он шел впереди, и они не видели его лица. — Я выбирал, куда ударить. В другой раз...

Джек выхватил нож и вонзил его в дерево. В другой раз пощады не будет. Он яростно обернулся, требуя от них подтверждения.

Они вышли на солнечный свет и, пока пробирались к платформе по просеке, некоторое время были заняты тем, что отыскивали плоды и жадно поедали их.

ГЛАВА 2. ОГОНЬ НА ГОРЕ

Когда Ральф перестал трубить, вокруг уже собралась толпа. По правую руку от него были хористы, по левую — старшие мальчики, незнакомые друг с другом раньше, прямо перед ним, в траве, — малыши, сидевшие на корточках.

Установилась тишина. Ральф нерешительно приподнял до колен розовато-кремовую раковину; внезапный порыв ветра, колыхнув листву, рассеял свет по всей платформе. Ральф колебался, встать ли ему или продолжать сидеть. Он посмотрел налево, в сторону бассейна. Хрюшка сидел близко, но на помощь не приходил.

Ральф откашлялся.

— Значит, так. — И сразу же он почувствовал, что может складно говорить и рассказать все, что ему нужно. Он провел рукой по волосам и заговорил: — Мы на острове. Мы забрались на вершину горы и увидели со всех сторон море. Мы не видели ни домов, ни дыма, ни следов ног, ни лодок, ни людей. Кроме нас, здесь никого нет.

— И все равно армия нужна,— вмешался Джек. — Для охоты. Будем охотиться на свиней.

— Да. На острове водятся свиньи.

И они втроем попытались дать остальным почувствовать, как бьется в лианах живое розовое существо.

— Мы увидели...

— Он как завизжит...

— Вырвался и юркнул в щель...

— Я не успел заколоть... но... в другой раз!..

Джек вонзил нож в ствол и вызывающе посмотрел вокруг. Стало тихо.

— Видите? — продолжал Ральф. — Нам нужны охотники, чтобы добывать мясо. И еще одна вещь. — Он положил раковину на колени и обвел глазами обожженные солнцем лица. — Взрослых нет. Нам придется самим о себе заботиться. — Собрание загудело и стихло. — И еще одна вещь. Нельзя, чтобы все говорили сразу. Нужно поднять руку, как в школе. — Он поднес раковину к лицу и заглянул внутрь. — И тогда я дам этот рог.

— Рог?

— Так называется эта раковина: морской рог. Буду давать его по очереди каждому, кто захочет что-нибудь сказать. И пока говоришь — держи его в руках.

— А если я...

— И его никто не смеет прерывать — того, кто говорит, — кроме меня.

Джек вскочил на ноги.

— У нас будут свои законы! — закричал он взволнованно. — Много законов! И если кто их нарушит...

— Гыыыы!.. Блеск!.. Классно!..

Ральф почувствовал, что рог взяли с его бедра. Хрюшка стоял, покачивая огромной кремовой раковиной, и крики утихли.

— Вы только сбиваете Ральфа. Не даете сказать ему самое важное. — Он эффектно помолчал. — Кто знает, что мы здесь?

— В аэропорту знают...

— Человек с мегафоном...

— Мой папа...

Хрюшка надел очки.

— Никто не знает, — сказал он. Он был бледнее обычного и задыхался. — Может, знают, куда мы летели. А может, и нет. Но никто не знает, где мы, потому что мы не долетели.

Он молча поглазел на них, затем покачнулся и сел. Ральф взял у него рог.

— Как раз это я и хотел сказать, когда... когда вы все... — Он пристально вглядывался в их напряженные лица. — Никто не знает, где мы.

Стояла такая тишина, что было слышно, как судорожно дышит Хрюшка. Солнце заметно клонилось и покрыло позолотой половину платформы. Легкие порывы ветра, как котята, гонявшиеся по лагуне за своими хвостами, пробегали по платформе и терялись в лесу.

— Так что, может быть, мы здесь надолго.

Все молчали. Ральф вдруг ухмыльнулся.

— Но остров отличный! Мы — Джек, Саймон и я — мы залезли на гору. Чудо, а не остров! Есть и еда, и вода...

— И скалы...

— И голубые цветы...

Хрюшка — он чуть отдышался — показал, что рог в руках у Ральфа, и Джек с Саймоном замолчали. Ральф продолжал:

— Пока нас не найдут, мы хорошенько повеселимся! — Он распростер руки. — Как в книжке!

— «Остров сокровищ»!

— «Ласточки и амазонки»!

— «Коралловый остров»!

— Остров — наш! Отличный остров! Пока взрослые до нас доберутся, мы повеселимся что надо!

Джек протянул руку за рогом.

— Есть свиньи, — сказал он. — Есть пища, и есть где купаться — вон там, в том прудке... все есть. Может, кто еще что-нибудь нашел?

Он вернул рог Ральфу и сел. По-видимому, больше никто ничего не нашел.

Старшие первыми заметили упиравшегося малыша. Его подталкивали почти такие же дети, но он никак не хотел идти. Это был совсем крошка, лет шести; с одной стороны его лицо было заляпано бордовым родимым пятном. Он стоял, поеживаясь под наведенными на него взглядами, и носком ботинка ковырял в траве. Он что-то пробормотал и был готов вот-вот заплакать.

— Давай, — сказал Ральф. — Выходи сюда.

Малыш в ужасе озирался.

— Ну, давай же говори!

Малыш потянулся за рогом, и раздался дикий хохот; малыш отдернул руку и зарыдал.

— Дайте ему рог! — кричал Хрюшка. — Дайте ему рог!

Ральф вложил малышу в руки огромную раковину, но теперь у того пропал голос. Хрюшка стал рядом на колени, послушал и начал «переводить»:

— Он хочет знать, что вы собираетесь делать с летучей змеей?

Ральф засмеялся, и вместе с ним засмеялись остальные. Малыш совсем сжался.

— Так расскажи нам про твою летучую змею.

— Он говорит — это был огромный зверь.

— Зверь? Огромный?

— Крылатый змей. Очень большой. Он его видел.

— Где?

— В лесу.

Из-за бриза или оттого, что солнце уже клонилось к закату, только под деревьями стало прохладно. Мальчики почувствовали холодок и беспокойно заерзали.

— На таком острове не могут водиться огромные звери, — терпеливо начал Ральф. — Они бывают только в больших странах, вроде Африки или Индии.

— Он говорит — этот зверь приходил в темноте.

— Как же он его увидел?!

Раздался смех.

— Но он все равно говорит, что видел этого зверя. Зверь при-

шел, потом ушел, потом снова пришел и хотел его съесть...

— Да это ему приснилось!

Смеясь, Ральф обвел глазами ребят — за подтверждением. Старшие поддакивали ему, но на лицах многих малышей осталось сомнение, и чтобы рассеять его, требовалось нечто большее, чем разумные доводы.

— Ему, наверное, приснился страшный сон. Насмотрелся на лианы — вот они и приснились.

— Он говорит, что видел этого зверя, и спрашивает, не придет ли зверь сегодня вечером?

— Но ведь нет этого зверя!

— Говорит, утром зверь превратился в такие штуки, как эти канаты на деревьях, и остался висеть на суку. Он спрашивает, не придет ли этот зверь ночью?

— Но ведь нет этого зверя!

Теперь уже никто не смеялся, лица стали еще угрюмее. Ральф запустил обе руки в волосы и с изумлением и досадой посмотрел на малыша. Рог схватил Джек.

— Ральф, конечно, прав. Нет никакой летучей змеи. Но если какая змея и есть, мы выследим ее и убьем. Мы будем охотиться на свиней, чтобы добывать мясо. Заодно поищем и эту змею...

— Но ведь ее нет!

— Мы узнаем наверняка, когда будем ходить на охоту.

Ральф был раздражен и на мгновение растерялся. Он чувствовал, что столкнулся с чем-то непостижимым. В глазах, смотревших на него так напряженно, не было и тени юмора.

— Но ведь нет этого зверя! — Что-то неведомое ему самому поднялось в нем и заставило еще раз упрямо крикнуть: — Я же говорю вам — его нет!

Все молчали.

Ральф снова поднял рог, и при мысли о том, что он собирается сказать дальше, к нему вернулось хорошее настроение.

— А теперь мы подошли к самому важному. Я все время думаю об этом. Я думал и когда мы лазили по скалам. — Он заговорщически ухмыльнулся Джеку и Саймону. — И сейчас думаю. Вот что я думаю: нам нужно весело пожить! И мы хотим, чтобы нас спасли.

Крики всеобщего ликования оглушили его, и он потерял нить. Он задумался и снова сказал:

— Мы хотим, чтобы нас спасли, и нас, конечно, спасут.

Голоса одобрительно гудели. Простое утверждение, бездоказательное, подкрепленное одним лишь возродившимся авторитетом Ральфа, вернуло всем радость.

— Мой отец служит на флоте. Он сказал, что все острова уже открыты. Он говорит, что у королевы есть такая комната, где полно всяких карт, и на них все острова на свете. Так что у королевы есть карта и нашего острова. — Снова крики, уже веселые и беззаботные. — Раньше или позже, но корабль все равно придет сюда. Может, даже корабль моего папы. Вот увидите, все равно нас спасут.

Его слова вселили уверенность в благополучном исходе. Теперь ребята снова любили и уважали своего вождя. От радости кто-то забил в ладоши, и все собрание бурно зааплодировало.

— Тише! Ну погодите! Дайте сказать!

Он продолжал уже в тишине.

— И еще одна вещь. Мы можем помочь им найти нас. А то корабль пройдет рядом и не заметит нас. Нужно, чтобы на вершине горы был дым. Мы разведем там костер.

— Костер! Разведем костер!

Половина собрания уже была на ногах. В самой гуще толпы кричал Джек. Раковина была забыта.

— Скорее! За мной!

Казалось, что и пальмы, под которыми неистовствовали крики, пришли в движение. Ральф вскочил на ноги и кричал, чтобы все замолчали, но его никто не слышал. Толпа рванулась к горе, за Джеком, и платформа опустела. Даже самые маленькие кинулись за остальными и во все лопатки бежали уже среди ворохов листвы и сломанных сучьев. Ральф

все еще держал рог; убежали все, кроме Хрюшки.

— Как малые дети! — сказал он презрительно.

Ральф с сомнением взглянул на него и положил рог на ствол.

— Держу пари: файф-о-клок уже прошел, — сказал Хрюшка. — Как ты думаешь, что они собираются делать на горе? Эй! Ральф! Куда ты?

Ральф уже был на просеке и перебирался через первый ряд поваленных деревьев. Далеко впереди трещали сучья и слышался смех. Хрюшка с отвращением посмотрел Ральфу вслед.

— Совсем как малые дети...

Он вздохнул, нагнулся и зашнуровал ботинки. Шум мятежного конвента затихал на горе. С видом родителя-мученика, которому приходится идти на поводу у взбалмошных детей, Хрюшка поднял раковину, повернулся, пошел к лесу и начал пробираться через завалы сломанных стволов.

По другую сторону от вершины было небольшое плато, покрытое лесом. Ральф сделал такой жест, словно собирался что-то обнять.

— Оттуда будем брать топливо для костра. Там его завались!

Джек кивнул и подергал себя за нижнюю губу. Участок, начинавшийся футах в ста, внизу, на более крутом склоне, словно и предназначался для того, чтобы снабжать их топливом. В теплой сырости деревья подрастали быстро, но из-за нехватки почвы раньше времени падали и сгнивали; поверх сплошным покрывалом ложились лианы, но между ними просовывались новые прутики будущих деревьев.

Джек повернулся к хористам, уже стоявшим наготове. Черные шапочки были сдвинуты набок, как береты.

— Сложить костер. Живо!

К лесу вела очень удобная тропинка; они сбежали по ней и принялись растаскивать сушняк. Малыши, которые по одному добирались до вершины, тоже скатывались вниз по тропинке, и вскоре работали все, кроме Хрюшки. Сушняк был таким гнилым, что, когда они раздергивали его, их обдавало ливнем крошек и трухи. Впрочем, несколько стволов удалось вытащить целиком. Близнецы — Сэм и Эрик — первые взялись за подходящее дерево, но ничего не могли с ним поделать, пока Ральф, Джек, Саймон, Роджер и Морис не нашли, за что ухватиться. Шаг за шагом они втащили этого лесного мертвеца на вершину и там осторожно положили. Каждая группка ребят добавляла свою долю, побольше или поменьше, и куча росла. Вернувшись вниз, Ральф вдруг заметил, что ствол, за который он взялся, с другого конца в руках у Джека, и они, ухмыльнувшись друг другу, вдвоем разделили тяжесть этой ноши.

— Что, не легко, а?

Джек ухмыльнулся.

— Это нам-то с тобой?

Вместе, сплоченные тяжестью ноши, они, пыхтя, поднялись по круче. Вместе они пропели протяжное «Раз! Два! Три!» и закинули ствол на огромную кучу сушняка. Затем они отступили назад, смеясь от восторга и удовольствия, и Ральф немедленно встал на голову. Внизу еще работали, но самые маленькие, потеряв интерес, разбредались по новому для них лесу и искали плоды. Близнецы проявили неожиданную смекалку: они поднялись с полными охапками сухих листьев и привалили все это к куче. Убеждаясь, что куча предостаточная, мальчики один за одним оставались на вершине.

Джек и Ральф смотрели друг на друга, остальные ждали. А они, похолодев от страшной догадки, не знали, с чего начать позорное признание. Ральф, красный, как рак, заговорил первым:

— Ну давай зажигай.

Теперь нелепость ситуации перестала быть тайной, и Джек тоже залился краской.

— Нужно потереть две палочки. Потереть...

Он взглянул на Ральфа, и тот поставил точку над «и»:

— Спички у кого-нибудь есть?

— Нужно сделать лук и вертеть стрелу, — сказал Роджер и стал тереть ладони, показывая, как это делается.

Над горой повеял легкий ветерок. И словно вместе с ним из леса вышел Хрюшка, как обычно, в шортах и рубашке; он осторожно поднимался по тропинке, и на его очках поблескивало косое солнце. Под мышкой он держал раковину.

— Хрюшка! — крикнул Ральф. — Спички есть?

Мальчики подхватили его крик так, что зазвенела гора. Хрюшка покачал головой и подошел к огромной куче сушняка.

— Боже ты мой! Ну и наворотили, ничего не скажешь!

Джек резко вскинул руку.

— Очки... это же зажигательные стекла!

Хрюшка и попятиться не успел, как его обступили.

— Пустите!.. Пустите меня! — Он взвизгнул, когда Джек сорвал с него очки. — Что ты делаешь?! Отдай! Я же почти не вижу! Рог разобьете!

Ральф локтем оттолкнул его и упал на колени перед сушняком.

— Свет не заслоняйте!

Вокруг шла толкотня, выкрикивались советы. Ральф двигал линзы взад-вперед, поворачивал так и этак, пока глянцевитая белая копия косого солнца не легла на кусочек гнилого дерева. Почти сразу взвилась тонкая струйка дыма, и Ральф закашлялся. Джек тоже упал на колени и стал тихонько дуть. Дым отклонился, загустел, и появился язычок пламени. Пламя, сперва едва заметное при солнечном свете, обвило маленькую ветку, стало больше, обрело цвет и дотянулось до сука, который с треском взорвался. Пламя ударило вверх, и ребята закричали от восторга.

— Очки! — завывал Хрюшка. — Отдайте мои очки!

Ральф стал чуть дальше от костра и вложил очки в шарившие по воздуху руки.

— Пятна одни, и все... Даже руки своей не вижу...

Мальчики ликовали. Дерево было таким гнилым и уже таким сухим, что желтые волны разом заглатывали толстые суки и катились вверх, тряся в воздухе огненную бороду двадцатифуто-

вой высоты. На много ярдов вокруг костра разлился нестерпимый жар, и бриз превратился в целую реку искр. Стволы рассыпались белой пылью.

— Все вниз! — закричал Ральф. — Несите еще!

Началось состязание с огнем, и мальчики заметались по лесу. Это состязание с высоченным пламенем, как знамя развевающимся на вершине, должно было прийти к неминуемому концу, но никто и не подумал заглянуть вперед. Даже малыши, на время позабыв о плодах, приносили прутики и швыряли их в огонь. Движение воздуха стало чуть быстрее и превратилось в легкий ветер, разграничив подветренную и наветренную стороны. По одну из них было прохладно, зато по другую обдавало таким свирепым жаром, что у ребят и на большом расстоянии потрескивали волосы. Натыкаясь на порывы прохладного бриза, мальчики останавливались, чтобы освежить мокрое лицо, и тут же у них подкашивались ноги. Один за другим они валились в тень между скалами. Гигантская борода пламени быстро уменьшалась, затем все сооружение рухнуло с каким-то вздохом, и вверх рванулся столб искр; он распустился огненным деревом, изогнулся и поплыл по воздуху. Мальчики дышали, как загнанные собаки.

Ральф приподнял голову.

— Так не годится.

Роджер смачно плюнул в горячую пыль.

— Что ты хочешь сказать?

— Дыма-то не было. Одно пламя.

Хрюшка устроился на пятачке между двумя скалами и сидел с раковиной на коленях.

— От такого костра никакой пользы, — сказал он. — Как бы мы ни старались, с таким костром нам не справиться.

— Много ты старался, Жирняга, — презрительно сказал Джек. — Ты сидел себе, и все.

— Без его очков ничего бы не было, — сказал Саймон, размазывая копоть по всей щеке. — Значит, он помогал.

— Рог у меня! — негодующе воскликнул Хрюшка.

— На вершине горы рог не считается, — сказал Джек. — Так что можешь заткнуться.

— Нужно сверху наложить зеленых веток, — сказал Морис. — Тогда и дым будет.

— Я держу рог...

Джек яростно обернулся.

— Да заткнись ты, наконец!

Хрюшка сник. Ральф взял у него рог и посмотрел вокруг.

— Мы назначим тех, кто будет отвечать за костер. В любой день там, — он помахал рукой в сторону тугой нити горизонта, — там может появиться корабль, и если будет дым, нас спасут. И еще одна вещь. Нам нужно установить еще одно правило. Где рог — там и собрание.

Они дали свое согласие. Хрюшка было открыл рот, но, перехватив взгляд Джека, промолчал. Джек протянул руки за рогом и встал, бережно держа хрупкую игрушку на закопченных ладонях.

— Я согласен с Ральфом. Мы должны иметь законы и подчиняться им. Ведь мы не дикари. Мы же англичане, а англичане всегда и во всем лучше всех. Так что мы должны вести себя как надо. — Он повернулся к Ральфу. — Я разобью мой хор... то есть моих охотников, на смены, и мы будем отвечать за костер, чтоб он всегда горел...

Такая щедрость вызвала бурные аплодисменты, и Джек, ухмыльнувшись ребятам, помахал рогом.

— Сейчас незачем разводить костер. Кто увидит дым ночью? А развести костер мы всегда успеем. Альты, вы отвечаете за костер всю эту неделю. А следующую — дисканты...

Собрание выражало мрачное согласие.

— И еще мы возьмем на себя наблюдение за морем. Если там покажется корабль, — головы повернулись в ту сторону, куда указывала костлявая рука Джека, — мы сразу навалим зеленых веток. И будет много дыму.

Они напряженно вглядывались в густую синеву у горизонта, будто маленький силуэт мог появиться там в любую минуту. На западе солнце сползало к горизонту пылающей каплей золота. И ребята вдруг осознали, что вечер — это конец свету и теплу. Роджер взял рог и обвел всех мрачным взглядом.

— Я и так все время смотрю за морем. Ничего похожего на корабль там не было. Может, нас никогда и не спасут.

Ребята тревожно зашептались. Ральф снова взял рог.

— Я же сказал вам: нас спасут. Нужно только подождать.

Хрюшка весь закипел и набрался дерзости взять рог.

— А я? Что я говорил? Я говорил вам про собрания, как их вести, а вы мне — «заткнись!».

В его голосе зазвенели обличительные нотки. Все заволновались и стали кричать, чтобы он замолчал.

— Вы сказали, вам нужен маленький костер, а сами... сами навалили кучу со стог сена. Когда я что-нибудь хочу сказать, — с горечью кричал Хрюшка, — вы мне сразу — «заткнись», а когда говорит Джек или Морис...

Он захлебнулся в смятении и стоял, глядя мимо них, вниз по склону, на плато, откуда они брали сушняк. Затем он разразился таким странным хохотом, что все притихли и изумленно посмотрели на его сверкающие очки. Проследив за его взглядом, ребята поняли.

— Вот вам ваш маленький костер!

Здесь и там, среди лиан, гирляндами опутавших мертвые деревья, подымался дым. На их глазах у одной из таких вязанок блеснул огонь, и дым начал густеть. Маленькие огоньки заметались вокруг комля и поползли через кусты и листья. Огонь лизнул ствол стоящего дерева и поскакал вверх, как яркая белка. Дым густел, просачивался через листву и растекался над лесом. Ветер, будто на крыльях, перенес огненную белку на соседнее дерево, и она принялась пожирать его сверху. Под пологом темной листвы и дыма огонь распространялся по лесу и глодал стволы. К морю покатились огромные клубы белого и желтого дыма. При виде огня и непреодолимого шествия пожара толпа ребят огласилась пронзительными и взволнованными криками ликования. Комья пламени, словно живые существа, ползли, как ягуары на животах, к линии тонких и чахлых деревьев, за которыми был голый гранит розовой скалы. Пламя хлестнуло по первому дереву этой полосы, и его ветви на мгновение распустились огненной кроной. Лавина огня гибко скользнула в брешь между деревьями и, полыхая, заметалась по всему ряду. Мальчики ошалели от восторга: внизу четверть квадратной мили леса бушевала огнем и дымом. Разрозненные завывания огня слились в могучий барабанный гул, и казалось, что от этого гула задрожала гора.

— Вот вам ваш маленький костер!

Вздрогнув, Ральф вдруг заметил, что все притихли, начиная испытывать ужас перед стихией, вырвавшейся на волю. Ральф, чувствуя, как его охватывает страх, рассвирепел.

— Да заткнись же ты!

— Рог у меня, — с обидой в голосе сказал Хрюшка. — Я имею право говорить.

Ребята посмотрели на Хрюшку отсутствующими взглядами, тревожно прислушиваясь к барабанному гулу пожара. Хрюшка нервно взглянул вниз, на ад, и покачал рогом.

— Теперь все так и сгорит. А ведь мы собирались из этого леса брать сушняк. — Он облизнул губы. — Тут уж ничего не поделаешь. Нужно быть осторожнее. Боюсь, как бы...

Джек с трудом отвел взгляд от пожара.

— Ты всегда боишься, Жирняга!

— Рог у меня, — пролепетал Хрюшка. Он повернулся к Ральфу. — Рог у меня, верно, Ральф?

Ральф неохотно оторвался от восхитительного и жуткого зрелища.

— Что ты там?

— Рог у меня. Я имею право говорить.

Близнецы разом захихикали.

— Нужен был дым?..

— Вот вам и дым!

Шлейф дыма тянулся на много миль от острова. Все, кроме Хрюшки, засмеялись, и через секунду они уже визжали от хохота. Хрюшка взорвался.

— Рог у меня. И слушайте, вот! Прежде всего нужно было построить хижины — там, внизу. На берегу и ночью не холодно. Но не успел Ральф сказать «костер», как вы все взвыли и сломя голову понеслись на гору. Стыдно! — Теперь мальчики слушали его тираду. — Кто же нас спасет, если мы будем делать все шиворот-навыворот?

Он было снял очки и хотел положить рог, но увидел, как со всех сторон потянулись руки, и передумал.

— Вместо этого вы устроили здесь бессмысленный костер. Потом подожгли остров. Весело нам будет, когда он весь сгорит! Печеные фрукты — вот и вся еда, какая у нас останется, да еще жареная свинина. И нечему здесь смеяться! Вы хотели, чтобы Ральф был вождем, а сами даже не даете ему подумать. Он только рот откроет, а вы уже несетесь как угорелые... — Хрюшка перевел дыхание, и им показалось, будто огонь зарычал на них. — И это еще не все. А малыши? Кто о них позаботился? Кто знает, сколько их?

Ральф резко подался вперед.

— Я же велел тебе... Я сказал, чтобы ты составил список!

— Разве один может это сделать! — негодующе закричал Хрюшка. — Пару минут они подождали и полезли в воду, пошли в лес, разбрелись во все стороны. Поди узнай, кто из них кто?

Ральф облизнул побелевшие губы.

— Значит, ты даже не знаешь, сколько нас?

— Поди узнай, когда эти малыши так и ползают вокруг, как муравьи! Потом, когда вы трое вернулись, я хотел сосчитать, а ты сказал «костер», и все как побежали...

— Хватит! — оборвал его Ральф и отнял рог. — Нет — значит, нет.

— ...пришли сюда — сорвали с меня очки...

Джек обернулся.

— Заткнись ты!

— ...а малыши разбрелись по лесу — там, где сейчас пожар. Откуда вы знаете, что они и сейчас не там?

Хрюшка встал и указал рукой на горящий лес. Ребята зашептались и притихли. С Хрюшкой творилось что-то странное, он судорожно открывал и закрывал рот.

— Тот малыш... — Хрюшка задыхался. — Тот самый, с пятном во всю щеку... я не вижу его. Где он?

Толпа была немой, как сама смерть.

— ...тот самый... он еще болтал про змею...

Как бомба, в огне взорвалось дерево. Длинные ленты лиан на мгновение поднялись из огня, забились в агонии и рухнули вниз.

— Змеи! — визжали малыши. — Смотрите! Змеи!

На западе солнце незаметно подкралось к самому горизонту. Лица ребят снизу подсвечивались красноватым светом. Хрюшка привалился к скале.

— Тот малыш... с пятном во всю... щеку... где он... теперь? Говорю же вам, я его не вижу!

Мальчики испуганно и недоверчиво поглядывали друг на друга.

— ...где он... где?

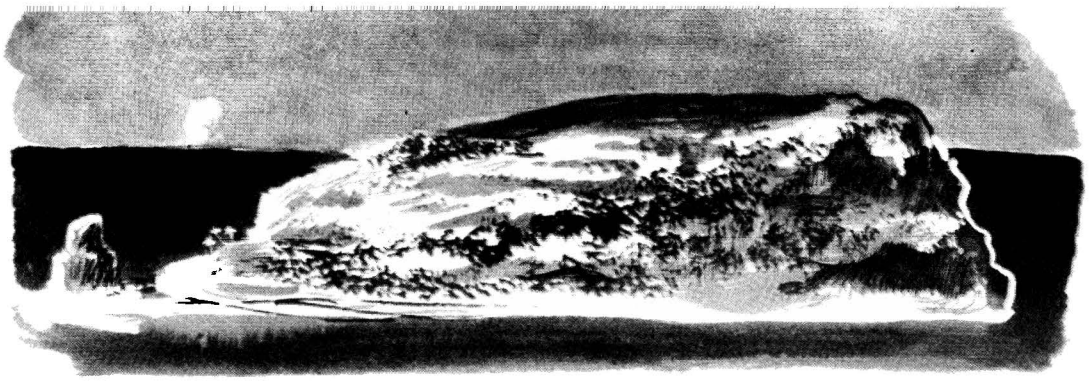
Словно оправдываясь, Ральф сбивчиво забормотал:

— Он... наверно... наверно, вернулся... на эту самую...

Под ними на склоне горы неистовствовал барабанный гул.

Продолжение следует

Перевел с английского
В. ТЕЛЬНИКОВ



УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

Роман

ГЛАВА 3.
ХИЖИНЫ НА БЕРЕГУ

Джек весь собрался в комок. Как спринтер на старте, он замер, чуть не касаясь носом сырой земли. Над головой в зеленом сумраке терялись стволы деревьев, увешанные гирляндами лиан, а вокруг были густые заросли кустов. Приметы кабаньей тропы были едва различимы: треснувшая наискосок ветка да крохотная лунка, которая могла оказаться отпечатком копыта. Прижав подбородок к груди, Джек глазел на эти следы так, словно пытался заставить их заговорить. Затем по-собачьи, на четвереньках он прокрался вперед на пять ярдов и остановился. Одна из лиан перевилась петлей, и с узла свисал ворсистый побег. Снизу побег был отполирован: свиньи, пролезая через петлю, натерли его жесткой щетиной до блеска.

Джек припал лицом к этому указателю, затем уставился вперед, в полутьму зарослей. Его рыжие волосы, заметно выросшие с тех пор, как он оказался на острове, выгорели; голая спина, сплошь покрытая темными веснушками, шелушилась от загара. В правой руке он держал наперевес заостренную палку футов пяти длиной; кроме шорт, перехваченных охотничьим ремнем, на нем ничего не было. Он закрыл глаза и, пытаясь хоть что-то учуять, втянул теплый воздух. Он замер, но и в лесу ничто не шевелилось.

Наконец он сделал затяжной выдох и открыл глаза. Ярко-голубые глаза эти от злобы, казалось, хотели выпрыгнуть из орбит. Он провел языком по сухим губам и стал тщательно разглядывать безучастный лес. Затем снова двинулся вперед, рыская глазами по земле.

Немота леса угнетала еще сильнее, чем жара; и в этот час не было слышно даже жужжания насекомых. И лишь когда Джек вспугнул пеструю птицу с ее нехитрого гнезда из одних прутиков, тишина разбилась вдребезги, и зазвенело эхо пронзительного крика, который, казалось, пришел из бездны веков. Джек вздрогнул, с присвистом глотнув воздух, и на мгновение из охотника превратился в испуганного зверя, в человекообразную обезьяну, схоронившуюся среди зарослей. Затем след снова позвал его, разъяренного неудачей, и он алчным взглядом обшарил землю. У ствола огромного дерева, серая кора которого поросла бледными цветами, он задержался, закрыл глаза и еще раз носом потянул воздух. У него перехватило дыхание, кровь на мгновение отхлынула от лица, затем прилила снова. Как тень, он скользнул под деревом и застыл, глядя вниз на прибитую землю у своих ног.

Помет был теплым. Он лежал кучей на взрытой земле. Гладкие оливково-зеленые лепешки еще чуть дымились. Джек поднял голову и уставился на непроглядную массу лиан, преградивших ему путь. Затем, взяв копье наизготовку, стал осторожно пробираться вперед. По другую сторону завесы лиан след выходил на довольно широкую кабанью тропу. Джек выпрямился во весь рост и в ту же секунду услышал легкий шум. Джек занес правую руку назад и изо всех сил метнул копье. Рассыпалась дробь копыт, словно защелкали кастаньеты, — соблазнительный, сводящий с ума звук... обещание мяса. Джек выскочил из кустов и подхватил копье. Стук копыт затерялся вдали.

Джек, чертыхаясь, сошел с тропы и продирался напролом, пока лес не поредел и вместо голых стволов, подпиравших темную крышу листвы, не появились светло-серые пальмы с коронами из зеленых перьев. Впереди поблескивало море и раздавались голоса. Ральф стоял возле своего изобретения — примитивной хижины из пальмовых стволов и листьев, которая смотрела на лагуну и, казалось, была готова вот-вот рухнуть. Он не замечал Джека, хотя глядел прямо на него.

— Вода есть? Я говорю: вода есть?

Ральф, наконец, осознал, что перед ним Джек, и даже вздрогнул.

— Вода? А, привет! Там, под деревом. Наверное, еще осталась.

Джек взял скорлупу кокосового ореха, до краев наполненную пресной водой, — одну из тех, что были заранее приготовлены

Продолжение. Начало в № 7.

и лежали в тени, — и стал пить. Струйки потекли по подбородку, по шее и скатились на грудь. Выпив воду, он шумно вздохнул.

Из лачуги послышался голос Саймона:

— Чуть повыше.

Ральф повернулся к хижине и приподнял ветку, на которой держалась вся кровля из листьев. Кровля развалилась, и листья посыпались вниз. Из дыры выглянуло виноватое лицо Саймона:

— Ох, прости!

Ральф с досадой смотрел на развалившуюся хижину.

— Так мы никогда не кончим.

Он бросился на землю.

— Столько дней работаем — и вот, полюбуйся!

Две готовые хижины едва держались. Третья совсем развалилась.

— А им лишь бы удрать. Помнишь собрание? Все хотели работать не покладая рук, пока не построим хижины.

— Все, кроме меня и моих охотников...

— Кроме охотников. Ну, малыши, они... — Он жестикулировал, подбирая нужное слово. — Что с них взять? Но ведь и большие не лучше. Вот видишь? Целый день работаем мы с Саймоном. И больше нет никого. Они купаются, или жрут, или играют.

Саймон осторожно высунул голову.

— Ты вождь. Прикажи им.

Ральф лежал на спине и смотрел на пальмы и на небо.

— Собрания! Они у нас каждый день. По два раза. — Он приподнялся на локте. — Стоит мне только начать трубить, хоть сейчас, и они тут же сбегутся. И все будут важные, и кто-нибудь скажет, что нам нужно построить реактивный самолет, или подлодку, или телевизор. А когда собрание кончится, минут пять они поработают и разбегутся, кто так, кто на охоту.

Джек покраснел.

— Мясо-то нам нужно.

— Ну, пока его еще не было. И хижины нам тоже нужны. А охотники твои уже несколько часов как вернулись. И с тех пор все купаются.

— Но я же не бросил охоту, — сказал Джек. — А их я отпустил. Я думал, что, когда останусь один... — В его глазах появилось безумное выражение. — Я думал, что смогу...

— И не смог.

— Я думал — смогу.

— Пока что ты не смог. — Голос Ральфа вдруг чуть задрожал. — Поможешь нам строить хижину? — Просьба показалась бы совсем обычной, если бы не какая-то нотка в его голосе.

— Нам нужно мясо...

— Нужно, да нету. — Теперь враждебность была отчетливо слышна.

— Но оно будет! В следующий раз! Нужно сделать зазубрины на копье. Мы ранили свинью, да копье выпало...

— Нужно сделать хижины!

Джек закричал в ярости:

— Обвиняешь меня, да?

— Я только говорю, что мы здесь надрываемся. Вот и все.

Они оба покраснели, и им было трудно смотреть друг на друга. Ральф перекатился на живот и стал поигрывать травинками.

— Если польет такой дождь, как в первую ночь, хижины нам очень пригодятся. И еще одна вещь. Хижины нужны, потому что... — Он помолчал, и они оба взяли себя в руки. Затем он продолжил разговор уже на безопасную тему: — Ты это замечал?

Джек положил копье и присел на корточки.

— Что замечал?

— Боятся они. — Ральф повернулся на бок и уставился в свирепое и грязное лицо Джека. — Я о том, как оно вообще. Ты хоть раз просыпался ночью? — Джек покачал головой. — Они разговаривают во сне и визжат. Малыши. И не одни малыши. Как будто...

— Как будто это страшный остров.

От неожиданности они вздрогнули, подняли головы и увидели серьезное лицо Саймона.

— Как будто тот зверь, — ска-

Рисунки С. ПРУСОВА

зал Саймон, — или летучая змея есть на самом деле. Помните?

Двое старших потупились. Змеи не упоминались в разговорах, само это слово никогда не произносилось.

— Как будто это страшный остров, — медленно проговорил Ральф. — Да, ты прав.

Джек сел на землю и вытянул ноги.

— Они уже совсем спятили.

— Малость того. А помните, как мы ходили в экспедицию?

Они заухмылялись, припоминая романтические картины первого дня. Ральф продолжал:

— Вот поэтому нам нужны хижины... все равно... как...

— Как дом родной.

— Верно.

Джек подтянул ноги, охватил колени и нахмурился, пытаясь обрести ясность мысли.

— И в лесу... тоже... Ну, что ли, когда охотишься... когда плоды собираешь — совсем другое дело... А вот когда ты сам по себе, один...

Неуверенный, что Ральф отнесется к его словам всерьез, он замолчал.

— Ну говори, говори.

— Когда идешь по следу... идешь — и вдруг тебе кажется, будто... — Он покраснел. — Будто не ты охотишься, а за тобой... Будто у тебя за спиной все время кто-то есть...

Теперь они снова молчали: Саймон напряженно, Ральф недоверчиво и даже чуть возмущенно. Он сел и стал растирать плечо грязной ладонью.

— Ну... не знаю.

Джек вскочил и быстро-быстро заговорил:

— Вот каково в лесу... Конечно, все это ерунда, кажется — и все... Только... только, — он сделал несколько стремительных шагов к пляжу, затем вернулся. — Только знаю я, каково им ночью. Ясно?

— Нужно сделать все, чтобы нас спасли, и лучше ничего не придумать.

Джек не сразу сообразил, о каком спасении идет речь.

— Чтобы нас спасли? Ах да, конечно! Но сперва я хочу поймать свинью... — Он схватил копье и вонзил его в землю. Глаза у него снова стали мутными, безумными.

— Не забыли бы твои охотники про костер...

— Дался тебе твой костер!

Они вместе пробежали через пляж и, повернувшись у самой воды, посмотрели на розовую гору. Струйка дыма прочертила на ровной синеве неба меловую линию, которая в вышине становилась извилистой и совсем расплывалась. Ральф нахмурился.

— Интересно, далеко ли это видно?

— Конечно, далеко.

— Дыму все-таки маловато.

Струйка, словно почувствовав их пристальный взгляд, сгустилась снизу в кремовую кляксу, которая стала вытягиваться вверх зыбкой колонной.

— Зеленых веток подбросили,— пробормотал Ральф. — Вот было бы здорово! — Он прищурил глаза и повернулся кругом, чтобы осмотреть весь горизонт.

— Там!

Джек крикнул так громко, что Ральф даже подпрыгнул.

— Что? Где? Корабль?

Но рука Джека указывала на пологий склон, спускавшийся к равнинной части острова.

— Конечно, там! Они залягут там, наверху... Где ж еще? В самую жару... — Ральф ошеломленно смотрел на восторженное лицо Джека. — ...они забираются наверх. Заберутся там в тень и лежат, пока жарко, как коровы у нас дома.

— Я думал, ты корабль увидел!

— Мы подкрадемся к одной из них... раскрасим лица, чтобы они нас не заметили... окружим и...

Ральф уже не мог сдержать негодования.

— Я же тебе про дым говорил! Ты что, не хочешь, чтобы тебя спасли? Тебе не нужно? Только и знаешь: свиньи, свиньи, свиньи!..

— Но ведь мясо нам нужно!

— Весь день я работаю, и со мной никого, кроме Саймона, а ты... ты пришел и даже не взглянул на хижины!

— Я тоже дело делал...

— Да, но тебе это нравится! — закричал Ральф. — Охотиться ты и сам хочешь! А для меня это...

Они стояли на ярком пляже лицом к лицу, изумленные силой собственного раздражения. Ральф первый отвел глаза, притворившись, что его заинтересовала возня малышей на песке. Из-за платформы доносились крики купавшихся охотников.

— От людей мало толку. — Ему хотелось объяснить, что люди всегда оказываются иными, чем думаешь. — Один Саймон помогает. — Ральф показал на хижины. — Остальные удрали. Все. А он работал со мной наравне. Вот только...

— Саймон всегда под рукой.

Они направились к хижинам.

— Малость поработаю, — пробормотал Джек, — а потом уж искупаюсь.

Но когда они подошли к хижинам, Саймона там не было.

— Смылся, — сказал Ральф.

— Осточертело ему это, — отозвался Джек. — Купаться пошел.

— Чудной он какой-то. Смешной.

Джек кивнул — то ли в знак согласия, то ли просто так, — и, не сговариваясь, они повернулись и пошли к бассейну.

— Потом, — сказал Джек, — когда искупаюсь и перекушу, я заберусь на ту сторону горы и посмотрю, нет ли там следов. Пошли вместе, а?

— Что ты! Ночь скоро!

— Может, успею...

И они шли рядом — два мира чувств и переживаний, два замкнутых в себе мира.

— Попалась бы мне свинья!

— Вот вернусь и буду достраивать хижину.

Они посмотрели друг на друга с недоумением, любя и ненавидя. Теплая соленая вода, брызги, веселые крики, смех — всего этого как раз хватило, чтобы снова примирить их.

Вопреки их предположениям Саймона не было среди купавшихся. Когда Ральф и Джек побежали к берегу, чтобы оттуда взглянуть на вершину, он было пошел за ними, но остановился. Он постоял, нахмурясь, перед горкой песка на пляже, где кто-то пытался построить себе домик. Затем он решительно повернулся и с деловым видом направился в лес. У этого худенького мальчика был острый подбородок и такие яркие глаза, что Ральф, обманутый ими, считал Саймона неутомимым весельчаком и проказником. Длинные космы жестких волос почти совсем прикрыли его низкий и широкий лоб. Шорты Саймона превратились в лохмотья; как Джек, он ходил босиком. И до этого смуглый, теперь он покрылся черно-коричневым загаром, лоснившимся от пота. Некоторое время он шел по просеке, затем, пройдя мимо высокой скалы, на которую забирался Ральф в первое утро, свернул направо в заросли. Он привычно шагал среди плодовых деревьев, где за пищей, хоть и несытной, нужно было лишь руку протянуть. На деревьях были сразу и цветы и плоды, всюду проникал густой аромат спелости и стоял

могучий гул несметных полчищ пчел. Здесь Саймона настигли собиравшие плоды малыши. Перебивая друг друга, они невразумительно кричали и тянули его к деревьям. В лучах вечернего солнца среди пчелиного гула он отыскивал плоды, до которых малышам было не дотянуться, срывал самые лучшие и, не глядя, передавал их вниз в снова и снова протягиваемые руки. Оделив всех, он перевел дух и оглянулся. Малыши прижимали к груди плоды и следили за ним с каким-то загадочным выражением на лицах.

Саймон отвернулся и пошел по едва приметной тропинке. Вскоре вокруг сомкнулись густые заросли. Неожиданные здесь бледные цветы покрывали длинные стволы до темного полога. Внизу было тоже темно, и лианы свисали к земле, словно канаты на затонувшем корабле.

Потом стало светлее. Лианам уже не нужно было так высоко тянуться за светом, и они сплелись огромной циновкой, завесившей опушку; здесь гранит выходил почти к самой поверхности земли и давал расти лишь маленьким кустикам и папоротнику. Опушка была кругом обнесена стеной душистого темно-зеленого кустарника, и внутри ограды, как в чаше, разлилась жара и плескался солнечный свет. Рухнувшее дерево-гигант, захватив край опушки, легло кроной на еще стоявшие деревья, и на нем, до самой его вершины, проворный плющ будто напоказ развесил красные и желтые побеги.

Саймон остановился. Как и Джек, он искоса глянул через плечо — нет ли кого за спиной — и быстро посмотрел вокруг, чтобы убедиться, что он абсолютно один.

Несколько мгновений он шел крадучись. Затем нагнулся и заполз в самую гущу лиан. Он оказался в природном шалашике, отгороженном от опушки просвечивающим пологом листвы. Он сел на корточки, раздвинул листья и окинул опушку взглядом. Ничто не двигалось, только две яркие, пестрые бабочки плясали одна вокруг другой в горячем воздухе. Затаив дыхание, Саймон прислушался. На остров надвигался вечер; крики ярких фантастических птиц, пчелиный гул и даже стенания чаек, слетавшихся к своим гнездам на скалах, стали тише. Вдали от берега дробившиеся на рифе океанские валы создавали слабый фон, почти неслышный, как стук собственного сердца.

Саймон отпустил листья. Стрелы медовых лучей солнца уже не касались земли; они скользили над кустами, задевая зеленые бутоны-свечки, подбирались к темной крыше листвы, а внизу под деревьями сгущалась тьма. С угасанием света тускнели буйные краски, и знойная жара сменялась прохладой. Похожие на свечки бутоны зашевелились. Их зеленые створки чуть раздались, и белые кончики цветов нежно потянулись вверх, навстречу свежему воздуху.

Солнечный свет покинул опушку и быстро сходил с неба. Разливалась темнота, затопляя проходы между деревьями, и все становилось расплывчатым и странным, как на морском дне. Бутоны-свечки распахнулись большими цветами, и они замерцали в свете первых звезд, пронизавшем лиственный полог. Пряный запах цветов растекался волнами и вступал во владение островом.

ГЛАВА 4

РАСКРАШЕННЫЕ ЛИЦА И ДЛИННЫЕ ВОЛОСЫ

Веселое утро с его ярким солнцем, упоительным морем и сладостным воздухом было временем беззаботных игр, и жизнь казалось такой полной, что мальчики забывали на время о своих тревогах и надеждах на спасение. Ближе к полудню, когда потоки света падали почти отвесно, четкие утренние краски разглаживались в жемчуг и опал, а жара — будто солнце с высотой набирало силу — становилась разящей, как удар, и мальчики, увертываясь от него, мчались к деревьям и, подремывая, лежали в тени.

В полдень происходили странные вещи. Искрящееся море вздувалось и совершенно немыслимо расслаивалось полосами: коралловый риф вместе с несколькими чахлыми пальмами, которые цеплялись за его возвышенные участки, воплывал в небо, дрожал, рвался, словно бумажная лента, и растекался, как дождевые капли на проводах, или множился, будто обставленный нечетным набором зеркал. Иногда земля вдруг вырисовывалась там, где ее не было, и на глазах у ребят исчезала, как мыльный пузырь. Во всем этом Хрюшка научно опознал мираж; и поскольку никто не мог вплавь добраться до рифа через лагуну, где днем и ночью шныряли зубастые акулы, ребята постепенно привыкли к этим мистериям и перестали замечать их, как не замечали сверхъестественно пульсирующих звезд. В полдень видения погружались в глубину неба, и солнце глядело оттуда, как разгневанный глаз. Затем, к концу дня, мираж оседал; и по мере того, как клонилось солнце, все отчетливее проступала синяя линия горизонта. Это была еще одна пора относительной прохлады, омраченная, однако, близостью ночи. Сразу же после захода солнца на остров, как из огнетушителя, выливалась темнота, и на берегу, под далекими звездами, хижины наполнялись тревожной жизнью.

По ночам малышей терзали жуткие кошмары, и от страха они сбивались в кучу. Днем, как ни были заняты они поисками пищи, у них все же находилось время для игр, бесцельных и примитивных, среди белых песков у яркой воды. О своих матерях малыши плакали гораздо реже, чем того можно было ожидать; тела их стали коричневыми и до омерзения грязными. Зову раковины они повиновались и потому, что в нее трубил Ральф — он достаточно взрослый, чтобы через него поддерживать связь с авторитетным миром «взрослых», — и еще потому, что сами собрания казались им веселым развлечением.

На берегу, возле устья маленькой речки, они понастроили из песка замки. Высотой около фута, замки эти были украшены ракушками, засохшими цветами и затейливыми камушками. Вокруг замков был целый комплекс сооружений, в которых, если нагнуться и посмотреть сбоку, можно было угадать стены, шоссе, железные дороги и даже пограничные столбы. Малыши играли здесь если и не вполне счастливо, то по меньшей мере увлеченно.

И на этот раз здесь играли три малыша, самым большим из которых был Генри. Малыш с лиловым родимым пятном во всю щеку — тот самый, что пропал во время пожара, — приходился ему дальним родственником, но Генри был еще слишком мал, чтобы понимать все это; и если бы ему сказали, что тот, другой малыш улетел домой на самолете, он бы воспринял такое утверждение спокойно и доверчиво.

В сегодняшней игре верховодил Генри, потому что двое других —

Персиваль и Джонни — были самыми маленькими на острове. Персиваль, серенький, похожий на мышь мальчик, не показался бы красивым и родной матери. Русоволосый крепыш Джонни был задирой от природы. Но сейчас он подчинялся, потому что ему было интересно, и все трое, сидя на коленях, мирно играли.

Из леса вышли Морис и Роджер. Они отдежурили свое у костра и пришли искупаться. Роджер шагал по песочным замкам, нарочно наступая на них, засыпая цветы и расшвыривая старательно отобранные камушки. Те сооружения, вокруг которых шла игра сейчас, по счастью, не попались им под ноги, и поэтому ни Генри, ни Джонни не запротестовали. Лишь Персиваль, которому песком запорошило глаза, захныкал, и Морис поспешил прочь. В той, другой, жизни его как-то наказали за то, что он засыпал глаза какому-то малышу. И хотя сейчас ему не грозила тяжелая рука родителей, он все же почувствовал себя неловко. Где-то в глубине сознания у него шевельнулось желание извиниться. Он что-то пробормотал про купание и побежал.

Роджер задержался и стал следить за малышами. Он не сделался заметно смуглее с тех пор, как оказался на острове, но черные космы его волос, уже спадавшие на шею и закрывшие лоб, казались под стать этому мрачному лицу и изменили его выражение: прежде замкнутое и настороженное, лицо это стало каким-то зловещим. Выплакав песок, Персиваль перестал скулить и вернулся к игре. Джонни следил за ним своими фарфорово-голубыми глазами, затем принялся швырять в него песок, пока Персиваль снова не заплакал.

Когда Генри, которому надоело играть, побрел вдоль пляжа, Роджер пошел следом, держась под пальмами. Генри шагал посреди пляжа, ничуть не беспокоясь о том, чтобы укрыться от солнца. Затем он подошел к воде и чем-то занялся у самой ее кромки. Был прилив, могучий тихоокеанский прилив, и каждые несколько секунд относительно спокойная вода в лагуне поднималась на дюйм. Крохотные прозрачные существа, обитавшие в этой последней складке моря, продвигались вместе с водой над раскаленным песком. Неразличимыми органами чувств они дотошно исследовали каждый клочок своей нивы. Как терка с мириадами крохотных зазубрин, они протирали песок и очищали его от праха биологической жизни.

Эти-то существа и приворожили Генри. Палочкой, выбеленной и отшлифованной морем, он помешивал пленку воды и пытался регулировать движение крохотных мусорщиков. Он проводил бороздки, в которые тут же вползала вода, и старался заполнить их занятными козявками. Забыв обо всем на свете, он был более чем счастлив, потому что чувствовал себя властителем живых существ. Он с ними болтал, убеждал их, приказывал. Теснимый приливом, он пятился; следы его ног становились заливчиками, в которые, как в ловушку, попадали эти существа, и у него создавалась иллюзия власти. Согнувшись, он сидел на корточках у воды, упавшие на лоб волосы заслонили ему глаза, а тем временем полуденное солнце осыпало его градом невидимых стрел.

Роджер тоже ждал. Сперва он спрятался за толстый ствол пальмы, но Генри был так занят прозрачными козявками, что прятаться от него не было никакого смысла. Роджер посмотрел вдоль пляжа. Рыдавший Персиваль уже скрылся из виду, а Джонни, которому достались все замки, упивался своим счастьем. Он сидел там, что-то напевал и швырял песок в воображаемого Персиваля. Дальше виднелась платформа, и там, где ныряли Ральф, Саймон и Морис, то и дело вспыхивали брызги. Роджер настороженно прислушался, но ничего, кроме их криков, слышно не было.

Налетевший бриз так встряхнул пальмы, что их листья вскинулись и забились. Роджер нагнулся, поднял камень, прицелился и запустил им в Генри, но все же так, чтобы не попасть. Камень просвистел в пяти ярдах от Генри и упал в воду. Роджер набрал горсть камней и стал бросать их один за другим. Однако вокруг Генри оставалось пространство ярдов шести в диаметре, куда Роджер старался не попасть. Действовало хотя и невидимое, но строгое табу его прошлой жизни. Сидевший на корточках ребенок все еще находился под защитой родителей, школы, полиции и закона. Рука Роджера сдерживалась цивилизацией, которая ничего не знала о нем и сама лежала в развалинах.

Генри удивился, услышав хлюпающие звуки. Он оторвался от немых козявок и, как сеттер, сделал стойку на центр расходившихся кругов. Камни падали то по одну сторону от Генри, то по другую, и он послушно поворачивался, но всякий раз слишком поздно, когда камень уже пролетел. Наконец он увидел падающий в воду камень, засмеялся и стал глазами искать приятеля, который дразнил его. Но Роджер уже скользнул за ствол и прижался к нему, часто дыша и мигая веками. Генри потерял интерес к камням и куда-то пошел.

— Роджер!

Примерно в десяти шагах от него под деревом стоял Джек. Когда Роджер разомкнул веки, его смуглое лицо как-то посерело, но Джек ничего не заметил. Распаленный, он нетерпеливо махал рукой, и Роджер пошел за ним.

У самого устья речушки была маленькая заводь, отгороженная песчаной перемычкой, вся покрытая водяными лилиями и утыканная иглами тростника. Здесь их дожидались Бил, Сэм и Эрик. Джек зашел в тень, опустился перед водой на колени и развернул два больших листа, которые он принес с собой. В одном была белая глина, в другом — красная. Возле комков глины легла палочка древесного угля. Не отрываясь от дела, Джек объяснял Роджеру:

— Чуять-то они меня не чуют. Наверное, увидели. Заметили что-то розовое под деревьями. — Он размазывал глину по лицу.— Достать бы зеленую краску! — Он повернул наполовину раскрашенное лицо и ответил на недоуменный взгляд Роджера: — Чтоб охотиться. Как на войне, понимаешь?.. Ну, маскировка, вот...

Роджер понял и угрюмо кивнул. Близнецы подвинулись к Джеку и из-за чего-то робко запротестовали. Джек только отмахнулся от них.

— А-а, заткнитесь! — Угольком он затушевывал просветы между красными и белыми пятнами на лице. — Нет-нет. Вы пойдете со мной.

Он взглянул на свое отражение и разочаровался. Нагнувшись пониже, он зачерпнул полные пригоршни воды и стал отмывать лицо. Снова показались веснушки и рыжие брови.

Джек стал раскрашиваться по-новому. Одну щеку и подбородок он сделал белыми, затем растер красную глину по другой половине лица и провел угольком черную линию от правого уха к левой скуле. Он снова посмотрел на свое отражение, но оно замутилось от его дыхания.

— Сэм-и-Эрик, подайте кокосовый орех. Пустой.

Он стоял на коленях и держал в руках скорлупу с водой. На его лицо упал солнечный зайчик, и в глубине чаши появилось яркое отражение. Джек изумленно смотрел — уже не на себя, а на нечто незнакомое и внушающее страх. Взволнованно смеясь, он выплеснул воду и вскочил на ноги. Вместо лица у него была жуткая маска, которая приковала к себе взгляды пораженных ребят. Джек пустился в пляс, и его хохот превратился в кровожадное рычание. Он сделал прыжок в сторону Била, и маска зажила сама по себе, а скрывшийся за ней Джек освободился от стыда и неловкости. Красно-белое с черным лицо метнулось в воздухе и надвинулось на Била. Тот, смеясь, вскочил на ноги, затем вдруг умолк и попятился в кусты. Джек кинулся к близнецам.

— Вы все пойдете цепью.

— Но... Нам же... Мы...

— Пошли! Я подкрадываюсь и закалываю ножом...

Маска подчинила их.

Ральф вылез из воды, пробежал вприпрыжку через пляж и сел в тень под пальмами. Его волосы залепили весь лоб, и он отвел их назад. Саймон плавал, отчаянно колотя ногами по воде, а Морис учился нырять. Хрюшка слонялся вокруг, бесцельно подбирая что-то с земли и тут же выбрасывая. Увидев под пальмами Ральфа, он подошел и сел рядом.

Кроме шорт, от которых остались одни лохмотья, на нем ничего не было, его жирное тело стало золотисто-коричневым, и лишь очки по-прежнему вспыхивали, когда он на что-нибудь смотрел. Из всех ребят только у него одного волосы, как казалось, совсем не отрастали. У остальных головы покрылись космами, а у Хрюшки волосы лежали редкими жгутиками, будто ему по природе полагалось быть лысым, и жидким волосикам вскоре предстояло исчезнуть, как бархатной шерстке на рогах молодого оленя.

— Я вот все о часах думаю, — сказал он. — Можно сделать солнечные часы. Втыкаешь в песок палочку, потом...

Невольно ухмыляясь, Ральф обернулся. Хрюшка был занудой; и то, что он был жирный, и его «фигас-сма», и практические идеи — все это наводило тоску, но зато, хотя бы и скуки ради, ему всегда можно было поморочить голову.

Хрюшка заметил улыбку и ошибочно истолковал ее как проявление дружеских чувств.

— Палок у нас сколько угодно. Представляешь: у каждого свои часы! Мы бы всегда могли узнать, сколько времени.

— А черта жирного не хочешь?

— Ты же сам сказал, что нужно все делать как положено. Чтобы нас могли спасти.

— Да заткнись ты!

Ральф вскочил на ноги, побежал к воде и оказался у бассейна как раз в ту секунду, когда Морис нырнул, и притом неудачно.

— Пузом шлеп! Пузом шлеп!

Морис улыбнулся, глядя, как Ральф легко скользнул в воду. Ральф плавал лучше всех и в воде чувствовал себя, как рыба, но сейчас он был разозлен упоминанием о спасении, бесполезным и глупым упоминанием, и ни зеленая толща воды, ни рассеянный золотистый свет солнца не стали для него успокоительным бальзамом. Вместо того чтобы остаться в бассейне, он, мощно и резко гребя руками, проплыл под Саймоном и, вынырнув у другого края, вылез на берег и лежал там, мокрый и лоснящийся, как тюлень. Неуклюжий Хрюшка встал со своего места и пошел к Ральфу; и тогда тот, перекатившись на живот, притворился, что не видит его. Миражи рассеялись, и Ральф угрюмо обводил взглядом четкую синюю линию горизонта. В следующий миг он уже был на ногах и кричал:

— Дым! Дым!..

Саймон, позабыв, что он в воде, сел и захлебнулся. Морис, который в эту секунду приготовился нырнуть, откинулся всем телом назад, рванулся к платформе, затем к пальмам. Там он стал лихорадочно натягивать рваные шорты, чтобы быть готовым ко всему.

Ральф стоял, одной рукой придерживая волосы и стиснув другую в кулак. Саймон, отчаянно барахтаясь, выбирался из воды. Хрюшка протирал очки и косился на море. Впопыхах Морис попал обеими ногами в одну штанину, и лишь один Ральф не шевелился.

— Не вижу я никакого дыма, — недоверчиво проговорил Хрюшка. — Никак не могу увидеть. Ральф... где же дым?

Ральф молчал. Теперь он придерживал волосы обеими руками. Он стоял, наклонившись вперед, и на его теле выступал белый налет соли.

— Ральф... где же корабль?

Саймон стоял рядом и смотрел туда же, что и Ральф. Шорты на Морисе почти бесшумно разъехались, и он отбросил их.

Дым казался тугим узелком на горизонте, и мало-помалу узелок этот начал развязываться. Под дымом виднелась точка — возможно, это была дымовая труба. Ральф побледнел и заговорил, ни к кому не обращаясь:

— Они должны увидеть наш дым.

Теперь и Хрюшка смотрел куда надо.

— Не очень-то заметно.

Он повернулся кругом и стал приглядываться к вершине горы. Ральф, не отрываясь, следил за кораблем.

— Вижу я, конечно, плохо, — сказал Хрюшка. — Не пойму, есть на горе дым или нет?

Ральф нетерпеливо отмахнулся, продолжая следить за кораблем.

— Дым-то, говорю, на горе есть?

Подбежал Морис и уставился на горизонт. Саймон и Хрюшка смотрели на вершину. Хрюшка весь сморщился от напряжения, и в эту секунду Саймон завопил так, словно порезался.

— Ральф! Ральф!..

Его крик заставил Ральфа круто повернуться.

— Скажите, ну скажите... — тревожно просил Хрюшка, — сигнал на вершине есть?

Ральф оглянулся на рассеивающийся дымок у горизонта, затем снова посмотрел на вершину.

— Ральф... ну, пожалуйста, сигнал есть?

Саймон робко протянул руку, чтобы дотронуться до Ральфа, но тот уже бежал напрямик через мелкий край бассейна, поднимая фонтаны брызг, затем помчался по горячему белому песку и замелькал между пальмами. В следующую секунду он уже сражался с подлеском, которым обрастала просека. Вдогонку пустился Саймон, за ним — Морис.

— Ральф! — крикнул Хрюшка. — Ну, пожалуйста... Ральф!

Позади дымок медленно смещался вдоль горизонта, а на пляже Генри и Джонни швырялись песком в Персиваля, который тихонько скулил, и все трое пребывали в полном неведении.

Когда Ральф добрался до конца просеки, ему едва хватило дыхания, чтобы выругаться. Шипы и колючки так ободрали его голое тело, что оно было все в крови. У крутого подъема горы он оста-

новился. Морис был от него всего лишь в нескольких ярдах.

— Хрюшкины очки! — закричал Ральф. — Если костер погас...

Он замолчал и покачнулся. Хрюшка еще только выбирался на просеку и был едва виден. Ральф посмотрел на горизонт, затем вверх, на гору. Что хуже: отнять у Хрюшки очки или дать кораблю уйти? Ведь если они заберутся на вершину без Хрюшкиных очков и костер прогорел, им только останется, что смотреть, как тащится Хрюшка и уходит за горизонт корабль. Терзаемый нерешительностью, Ральф заорал:

— Господи, о господи!..

Саймон, не переводя дыхания, отбивался от зарослей. Его лицо перекосилось. Ральф из последних сил полез вверх, а жгутик дыма все смещался по горизонту.

От костра осталось одно пепелище. Теперь они воочию убедились в том, что им было ясно на берегу, когда их поманил дымок родины. Костер прогорел, ничто не тлело и не дымилось; кострожоги ушли. Наготове лежала груда неиспользованного сушняка.

Ральф повернулся к морю. На горизонте, уже снова безликом, не было ничего, кроме едва приметных следов дыма. Спотыкаясь, Ральф помчался вдоль скал и, едва не сорвавшись с розового утеса, закричал:

— Вернись! Вернись!..

Он метался вдоль утеса, не отрывая глаз от моря и истошно завывая, как сумасшедший:

— Вернись! Вернись!..

Подошли Саймон и Морис. Ральф смотрел на них немигающими глазами. Саймон отвернулся, стирая со щек соленую воду.

— Сволочи... Костер бросили...

Ральф посмотрел вниз, на «чужой» склон. Подошел Хрюшка, судорожно раскрывая рот и всхлипывая, как маленький. Ральф стиснул кулак и густо покраснел.

— Вон они.

Далеко внизу, среди розовых осыпей, у самого края воды, показалась процессия. Ребята шли почти голые, кое у кого на головах были черные шапочки. Они пели что-то имеющее отношение к странному мешку, который так бережно несли бросившие костер близнецы. Ральф легко узнал Джека — длинного, рыжеволосого, идущего, конечно, впереди процессии.

Саймон переводил взгляд с Ральфа на Джека, как до этого переводил взгляд с Ральфа на горизонт, и то, что он сейчас видел, как будто испугало его. Ральф ждал, пока процессия подойдет ближе. Пение стало слышнее, хотя слова все еще были неразборчивы. За Джеком шли близнецы, неся на плечах большую жердь. На ней висела выпотрошенная свиная туша, которая тяжело покачивалась, когда тропа становилась неровной и близнецы спотыкались. Свиная голова на развернутой шее свисала вниз и, казалось, что-то высматривала на земле. Из-за плато с горелым лесом донеслись слова песни:

«Убей свинью! Перережь ей глотку! Выпусти кровь!»

Процессия начала подниматься по самому крутому участку склона, и песня на одну-две минуты смолкла. Хрюшка захныкал, но Саймон тут же шикнул на него, словно тот непочтительно громко заговорил в церкви.

Разрисованный Джек поднялся на вершину и поднял копье, взволнованно приветствуя Ральфа.

— Смотри! Мы убили свинью... Подкрались к ним...

Его перебили голоса охотников.

— Окружили их со всех сторон...

— Подползли... Свинья как завизжит!..

Близнецы стояли с покачивающейся между ними тушей, и черные сгустки крови падали на камни. Казалось, они оба улыбались одной широкой и исступленной улыбкой. Джек должен был рассказать Ральфу сразу очень многое. Вместо этого он пустился в пляс, но тут же вспомнил о своем достоинстве и остановился ухмыляясь. Он заметил на своих руках кровь и с отвращением стал искать, обо что бы их вытереть, затем вытер их о шорты и засмеялся.

— Вы бросили костер, — сказал, наконец, Ральф.

— Зажжем снова! Жалко, тебя с нами не было, Ральф. Вот потеха была! Близнецы полетели вверх тормашками...

— Мы подшибли свинью...

— Я навалился сверху...

— Я перерезал ей глотку, — сказал Джек с гордостью, но както передернулся.

Охотники затараторили, приплясывая. Близнецы все улыбались.

— Кровищи было... — сказал Джек, смеясь, и снова передернулся. — Видел бы ты!..

— Будем ходить на охоту каждый день...

Ральф стоял неподвижно.

— Вы бросили костер, — повторил он хриплым голосом.

В настойчивости Ральфа Джек уловил нечто такое, что заставило его почувствовать себя неловко. Он взглянул на близнецов, затем посмотрел на Ральфа.

— Пришлось взять их с собой, — сказал он. — Людей-то не хватало... чтобы окружить... — Почувствовав за собой вину, он покраснел. — Костер не горел какой-то час или два. Можем и разжечь его. Хоть сейчас.

Он заметил, что тело Ральфа иссечено до крови и что все четверо подавленно молчат. Щедрый в своем счастье, он хотел и их

увлечь тем, что пережил на охоте. В его голове теснились воспоминания о том, что́ познали они, когда навалились на бьющую копытами свинью; они перехитрили живое существо, подчинили его своей воле, отняли его жизнь, словно утолили древнюю жажду. Он широко распростер руки.

— Видели бы вы, сколько было крови!..

Приумолкнувшие было охотники снова загудели. Ральф отвел назад волосы. Другая его рука указывала на пустой горизонт. Его голос, громкий и отчаянный, поверг всех в молчание.

— Там был корабль!..

Джек, на которого пало столь ужасное обвинение, резко отвернулся, пригнув голову. Он положил ладонь на тушу и вытащил нож. Ральф опустил руку, стиснув кулак, и заговорил с проникновенной дрожью в голосе:

— Был корабль. Вон там. Ты сказал, что будешь отвечать за костер, а он из-за тебя погас!.. — Ральф сделал несколько шагов к Джеку, который обернулся и смотрел ему в лицо. — Они же могли нас заметить. Мы бы тогда уехали домой...

Это было чересчур для Хрюшки, и горечь такой утраты заставила его позабыть о своей робости. Он стал визгливо выкрикивать:

— Все из-за тебя и твоей проклятой крови, Джек Мэрридью! Из-за твоей дурацкой охоты. Мы бы могли уехать домой.

Ральф оттолкнул Хрюшку в сторону.

— Я вождь, и ты обещал делать то, что я скажу. Но это все слова! Ты даже хижины не стал строить... А теперь ушел на охоту и бросил костер... — Он отвернулся и на мгновение умолк. Затем его голос зазвенел: — Там был корабль!

Один из охотников завыл. Жуткая правда пробрала их до костей. Густо покраснев, Джек рубил тушу ножом.

— Трудов-то вон сколько было. Нам понадобились все...

Ральф обернулся.

— У тебя и так было бы все, если бы мы построили хижины. Так нет, тебе лишь бы охотиться...

— Нам нужно мясо.

С этими словами Джек встал, держа в руках окровавленный нож. Оба смотрели друг на друга в упор. Блистательный мир охоты, азарта, буйного веселья и ловкости и мир здравого смысла, пребывающий в эту минуту в тоске и смятении. Джек переложил нож в левую руку и отвел с глаз прилипшие волосы, замарав лоб кровью.

— Нельзя было бросать костер, — снова начал Хрюшка. — Ты же сказал, что костер будет всегда гореть...

От Хрюшки такое, да еще под жалобный скулеж его охотников, — нет этого он не потерпит! В глазах Джека появилось безумное выражение. Он шагнул к Хрюшке, саданул его в живот. Тот хрюкнул и сел на землю. Джек стоял над ним.

— Что, съел? Съел?.. — В голосе Джека клокотала ярость унижения. — У-у, Жирняга!

Ральф шагнул вперед, и в этот миг Джек ударил Хрюшку по голове. Очки слетели с него и зазвенели на камнях.

— Мои очки!.. — в ужасе закричал Хрюшка.

Он пополз на четвереньках, ощупывая камни, но Саймон опередил его и подал ему очки. На вершине горы страсти, как черные птицы, бились жуткими крылами вокруг Саймона.

— Одного стеклышка нет...

Хрюшка схватил очки и надел. Он злобно посмотрел на Джека.

— Без очков я не могу. Теперь у меня только один глаз. Ну погоди...

Джек сделал движение в его сторону, и Хрюшка на четвереньках улепетнул за скалу. Затем он высунул голову над камнем и засверкал на Джека единственным стеклом.

— Теперь у меня только один глаз. Ну погоди...

Джек пробежал на четвереньках и заскулил передразнивая:

— «Ну погоди-и-и...»

Это было так смешно, что охотники покатились со смеху. Джек ободрился. Он быстро пополз на четвереньках, и хохот превратился в бурю. Ральф почувствовал, как у него невольно задергались губы, и разозлился на самого себя.

— Подлость это... — пробормотал он.

Джек прервал свой вираж на половине и встал перед Ральфом.

Его слова сорвались на крик:

— Ну ладно, ладно! — Он посмотрел на Хрюшку, на охотников, затем на Ральфа. — Костер погас из-за... меня. Я виноват. Вот. Я... — Он весь напружился. — Я приношу извинения...

Гул голосов приветствовал это достойное признание. Охотники явно считали, что Джек повел себя благородно, и потому правота на его стороне, а не на стороне Ральфа, и теперь они ждали от Ральфа такого же великодушия. Но на это у Ральфа язык не поворачивался. Ральф был возмущен до глубины души: мало того, что Джек натворил, так теперь еще этот трюк с извинением! Костер погас, корабль уплыл... Неужели они не понимают? И вместо любезности раздались гневные слова:

— Подлость это, вот что!

Глаза Джека налились мутью; и пока они снова не прояснились, на вершине горы стояла тишина. Ральф хмуро буркнул:

— Ладно. Разжигайте костер.

У них появилось дело, и напряжение несколько разрядилось. Ральф больше ничего не говорил, ничего не делал и стоял, глядя на пепел у своих ног. Джек держался шумно и деятельно. Он отдавал приказы, пел, насвистывал, походя обращался к Ральфу со словами, которые не требовали ответа, а Ральф все молчал.

Никто, и даже сам Джек, не попросил его отойти в сторону; и в конце концов они сложили костер от него в трех ярдах, на гораздо менее удобном месте.

Так за Ральфом утвердился авторитет вождя; и лучшего способа, сколько бы он ни ломал голову, ему было не придумать. Против этого оружия, столь неопределенного и такого действенного, Джек был бессилен и, сам не зная почему, все больше разъярялся. К тому времени, когда костер сложили, они оказались по разные стороны высокого барьера.

Нужно было зажечь костер, и возникла новая трудность. Нечем было разжечь огонь. И тогда, к величайшему изумлению Джека, Ральф подошел к Хрюшке и взял очки.

Хрюшка стоял позади, чувствуя себя затерянным островком в море бессмысленных красок, пока Ральф, опустившись на колени, собирал лучи в блестящую точку. Едва появилось пламя, как Хрюшка протянул руку и выхватил у него очки.

Фантастически привлекательные огненные цветы — фиолетовые, красные и желтые — росли у них на глазах, и враждебность растаяла. Они снова стали мальчишками, сгрудившимися у бивачного костра, и казалось, что даже Хрюшка и Ральф были втянуты в их кольцо. Вскоре вниз и вверх по склону засновали собиратели хвороста, а тем временем Джек принялся разделывать тушу. Сперва они попытались зажарить ее целиком, но вертел перегорел раньше, чем она успела покрыться румяной коркой. Тогда они стали нанизывать отдельные куски на ветки и держали их так над огнем, но и при таком способе они сами поджаривались не хуже мяса.

У Ральфа потекли слюнки. Он собирался отказаться от мяса, но долгая диета из фруктов и орехов лишила его твердости. Он принял кус полусырого мяса и вгрызся в него, как волк. Хрюшка, тоже глотая слюни, жалобно спросил:

— А мне ничего?

Чтобы показать свою власть, Джек хотел помучить его неопределенностью. Но, во всеуслышание выказав свое нетерпение, Хрюшка сам толкнул его на новую жестокость.

— Ты не охотился.

— И Ральф не охотился, — плаксиво сказал Хрюшка. — И Саймон. — Затем добавил: — Они и на вот такусенький кусочек мяса не наохотились.

Ральф заерзал. Саймон, сидевший между Хрюшкой и близнецами, обтер губы и протянул ему через камень свой кусок, и Хрюшка жадно схватил мясо. Близнецы захихикали, и Саймон от стыда опустил голову. Тогда Джек резко вскочил, отсек от туши огромный кусок и швырнул его в ноги Саймону.

— Жри, черт бы тебя побрал! — Он впился в Саймона свирепыми глазами. — Бери! — Он метался среди ошеломленных ребят. — Я, я достал вам мясо! — Невысказанная горечь стольких неудач разрешилась шквалом первозданной ярости. — Я раскрасил лицо... Я подкрался... А теперь жрите... вы все... А я...

На вершине горы воцарилось молчание, стали отчетливо слышны потрескивание огня и мягкое шипение жарившегося мяса. Джек обвел ребят взглядом, ища сочувствия, но, к своему удивлению, обнаружил, что на всех лицах написано лишь почтительное уважение. Ральф стоял на пепелище сигнального костра с куском мяса в руках и ничего не говорил.

Наконец молчание нарушил Морис. Он вернул разговор к той единственной теме, которая еще могла объединить всех.

— А где вы увидели эту свинью?

Роджер указал на «чужой» склон.

— Они были там... у моря.

Джек сразу же вмешался:

— Мы рассыпались. Я пополз на четвереньках. Копья все выпали, потому что на них нет зазубрин. Свинья как заверещит...

— Повернула обратно, вбежала в круг... вся в крови...

Охотники с чувством облегчения взволнованно заговорили разом:

— Мы сомкнулись...

После первого удара у свиньи отнялись задние ноги, и ребята навалились на нее, и били, и били...

— Я перерезал ей глотку...

Близнецы, все с той же одинаковой улыбкой на лицах, вскочили, подпрыгнули и закружились один вокруг другого. Остальные присоединились к ним, визжа, как подыхающая свинья, и кричали:

— По черепку ее!

— По пятачку!

Морис, изображая свинью, с визгом выбежал на середину, а охотники, кружа вокруг него, притворялись, будто наносят удары. К пляске добавилась песня:

«Убей свинью! Перережь ей глотку! Выпусти кровь!»

Ральф следил за ними со смешанным чувством зависти и отвращения. И лишь когда они замолчали, он сказал:

— Я созываю собрание.

Один за другим они останавливались и следили за Ральфом.

— Я протрублю в рог. Я созываю собрание, даже если нам придется заканчивать его уже ночью. Там, на платформе. Когда я подам сигнал. Сразу же!

Он повернулся и стал спускаться.

ГЛАВА 5

ЗВЕРЬ ВЫХОДИТ ИЗ МОРЯ

Был прилив, и между белым бугристым подножием террасы и водой осталась лишь узкая полоска плотного песка. Ральф выбрал ее, потому что ему надо было думать, и только здесь он мог позволить себе идти, не глядя под ноги. Он шагал вдоль воды — и вдруг его охватило изумление. Внезапно он понял, как утомительна здесь жизнь из-за того, что на острове нет настоящих тропинок и при ходьбе все время приходится смотреть себе под ноги. Он остановился, глядя на сузившийся пляж, и, вспомнив, как все это было, когда они в первый раз ходили обследовать остров, словно это было в счастливом и уже далеком детстве, горько усмехнул-

ся. Затем он повернулся и пошел назад, к платформе, прямо навстречу лучам заходящего солнца. Пора было созывать собрание; и, шагая в слепящем сиянии, он пункт за пунктом обдумывал свою речь. На этом собрании нельзя допускать ошибок, заниматься баснями... или...

Он запутался в мыслях, смутных из-за нехватки слов, которыми их можно было бы выразить. Нахмурясь, он начал сначала.

Собрание это не для потехи, а для дела.

И Ральф прибавил шаг, так что даже ветерок скользнул по его лицу. Ветерок прибил его серую рубашку к груди; и Ральф в этот момент просветления заметил, что складки ткани жесткие, как картон, что обтрепанные по краям шорты до красноты натерли ему ноги, и ему стало противно. Охваченный брезгливостью, он вдруг увидел, каким он стал грязным и как опустился; понял, что ему неприятно то и дело откидывать со лба спутанные волосы и каждую ночь шумно ворочаться на сухих листьях, прежде чем заснуть. И он пустился бегом.

На пляже возле бассейна уже толпились мальчики, дожидавшиеся собрания. Они молча расступались перед Ральфом, отдавая дань его мрачному настроению и чувствуя вину за костер.

Место для собраний, куда пришел Ральф, напоминало треугольник — впрочем, кривой и неправильный, как и все, что было сделано их руками. Основанием треугольника было бревно, на котором всегда сидел Ральф, — мертвое дерево, слишком огромное, чтобы оно могло вырасти на платформе. По-видимому, его забросил сюда один из легендарных тихоокеанских ураганов. Этот пальмовый ствол лег параллельно пляжу, и, сидя на нем, Ральф оказывался лицом к горе, вырисовываясь перед другими темным силуэтом на фоне мерцающей лагуны. Боковые стороны треугольника были менее четкими. Справа лежало бревно, отполированное сверху ерзавшими задами, не такое большое, как у вождя, и не такое удобное. Слева было четыре тонких ствола, один из которых — самый дальний — гнулся и пружинил. Собрание разражалось хохотом, когда кто-нибудь из сидевших там откидывался слишком далеко назад и бревно срабатывало, как катапульта, стряхивая ребят в траву. «И до сих пор, — подумал Ральф, — никто, ни он сам, ни Джек, ни Хрюшка, не додумался подложить камень. Так они и будут шлепаться с этой качалки, потому что... потому что...» И он снова запутался в горьких мыслях.

Перед каждым стволом трава была вытоптана, но зато ей ничто не мешало расти в середине треугольника. И у его вершины трава тоже была густой и высокой, потому что там никогда не садились. Вокруг площадки стояли серые пальмы, прямые и покосившиеся, на которых покоилась низкая крыша листвы. По обе стороны был пляж, позади — лагуна, впереди чернел остров.

Ральф подошел к своему месту вождя. Так поздно они еще не устраивали собраний. Вот почему все выглядело иначе. Обычно листва была подсвечена снизу путаницей золотистых бликов, и лица ребят освещались так, «...будто, — думал Ральф, — будто в руках у тебя фонарик, наставленный вверх».

Ральф снова погрузился в странное состояние: он размышлял, что прежде было ему совсем несвойственно. Если лица меняются от того, падает ли свет сверху или снизу, тогда что же такое лицо? И что вообще все?

Ральф сделал нетерпеливое движение. Все дело в том, что, раз уж ты вождь, приходится думать, приходится разбираться. А бывают случаи, когда надо срочно принимать решение. Тут поневоле станешь думать, потому что мысль — ценная штука, от нее многое зависит. «Вот только я, — думал Ральф, стоя перед местом вождя, — я не умею думать. Не то что Хрюшка».

И еще раз в этот вечер Ральфу пришлось сделать переоценку ценностей. Хрюшка умел думать. В его жирной голове мысли складывались, как кубики. Только Хрюшка — не вождь. Хоть он и жирный, а голова на плечах у него есть. Став специалистом по части размышлений, Ральф теперь мог и в других распознать этот дар.

Лучи заходящего солнца слепили ему глаза, напоминая, что время идет, и он взял висевшую на дереве раковину и осмотрел ее со всех сторон. На воздухе она потускнела, из желто-розовой став почти белой и прозрачной. Ральф испытывал к ней нежность и почтение, хотя сам выудил ее тогда из воды. Он повернулся и приставил к губам морской рог.

Все ждали этого и тотчас же собрались. Те, кто знал, что костер не горел и мимо острова прошел корабль, предчувствовали гнев Ральфа и были удручены; остальные, включая малышей, которые вообще ничего не знали, были под впечатлением необычной торжественности. Площадка быстро заполнялась; Джек, Саймон, Морис и большинство охотников уселись справа от Ральфа, остальные — лицом к солнцу. Хрюшка пришел, но остался сто-

ять чуть поодаль от треугольника. Это означало, что слушать он будет, а говорить не собирается: так Хрюшка выразил свое неодобрение.

— Значит, так. Нам надо устроить собрание.

Никто не проронил ни слова, но повернутые к Ральфу лица были напряжены. Он выставил рог напоказ. По опыту он знал, что такие важные заявления, как это, нужно по меньшей мере повторить дважды, чтобы они непременно дошли до каждого. Нужно сидеть, и держать у них перед глазами морской рог, и ронять слова, как тяжелые круглые камни. Он рылся в памяти, отыскивая самые простые слова, чтобы и малыши поняли, о чем речь.

— Нам понадобилось созвать собрание. Не для потехи. Не для того, чтобы смеяться и лететь с бревна, — малыши на «качалке» переглянулись и захихикали, — не для того, чтобы шутки шутить или... — пытаясь найти неотразимое слово, он приподнял рог, — или умничать. Не для того. А чтобы во всем разобраться.

Он помолчал.

— Я ходил один. Ходил один и думал, что к чему. Я знаю, что нам нужно. Собрание, чтобы договориться обо всем. И первым начинаю я.

Он снова помолчал и механически отодвинул волосы со лба. Хрюшка подошел на цыпочках к треугольнику и присоединился к остальным.

— Много было у нас собраний, — продолжал Ральф. — Всем нравится говорить и собираться вместе. Мы принимали решения. Но ничего не делали. Мы решили набирать в кокосовые орехи воду из речки и накрывать их свежими листьями. Делали так несколько дней. А теперь воды нет. Скорлупки сухие. Все ходят пить на речку. — Послышался приглушенный шум, означавший согласие. — Можно и из речки пить, ничего в этом такого нет. Я хочу сказать, что мне самому приятнее пить воду там, вы знаете где, у водопада, чем из скорлупы кокосового ореха. Но ведь мы решили носить воду. И не делаем этого. Сегодня было только две скорлупы с водой. — Он облизнул губы. — Дальше — хижины. О них.

Легкий шум поднялся и тут же стих.

— Большинство из нас спит в хижинах. Прошлой ночью, кроме Сэм-и-Эрика — они дежурили у костра, — все спали в хижинах. Кто их строил?

Поднялся гвалт: «Все строили!» Ральфу пришлось помахать рогом.

— Погодите! Я хотел сказать, кто строил все три хижины? Первую мы все строили, вторую — вчетвером, а последнюю — только я да Саймон. Поэтому-то она и трясется. Нет. Не смейтесь. Эта хижина может развалиться, если пойдет сильный дождь. А тогда нам очень они понадобятся, эти хижины. Он помолчал, затем откашлялся.

Хрюшка потянулся за раковиной, но Ральф покачал головой. Его речь была спланирована по пунктам. Собрание замерло в предчувствии чего-то важного.

— А теперь — костер...

Ральф едва слышно перевел дыхание, и собрание отозвалось вздохом. Джек принялся строгать ветку и что-то шепнул Роберту, который смотрел в сторону.

— Костер — это самое важное на острове. Как же мы можем рассчитывать, что нас увидят и спасут, если будем бросать костер? Неужели нас мало для того, чтобы он всегда горел?

Он выбросил руку вперед.

— Смотрите сами: сколько нас! Разве мало? И все равно не можем справиться с костром, чтобы он горел и шел дым. Разве вы не понимаете? Неужели вам не ясно, что костер должен гореть — хоть умри!

Среди охотников раздался неловкий смешок. Ральф страстно повернулся к ним.

— Вы, охотники! Еще смеетесь!.. Но я говорю вам: дым важнее вашей свиньи. Вам понятно это? Костер должен гореть — хоть умри!

Он перевел дух, подбираясь к следующему пункту.

— И еще одна вещь.

— Слишком много у тебя вещей! — крикнул кто-то.

Голоса одобрения, хотя и невнятные. Ральф лишь отмахнулся.

— И еще одна вещь. Мы чуть не сожгли весь остров. И мы только попусту тратим время, перетаскивая камни и разводя маленькие костры, чтобы пожарить что-нибудь. Я говорю, и отныне это закон, потому что я вождь: костер можно разжигать только на вершине. Раз и навсегда.

Немедленно поднялся гвалт. Мальчики повскакали и кричали, и Ральф тоже кричал в ответ.

— Захотели пожарить краба или рыбу — живенько на вершину. Зато так мы будем всегда спокойны. Вот все, что я хотел сказать. И сказал. Вы выбрали меня вождем. Так делайте то, что я говорю вам.

Ребята понемногу утихомирились и расселись по местам.

— Итак, запомните. Нужно поддерживать огонь, чтобы шел сигнальный дым. Не уносить огонь с вершины. Жарить еду только там.

Джек, сердито нахмурившись, встал и протянул руку.

— Я еще не кончил.

— Но ты все говоришь и говоришь без конца!

— Рог у меня.

Раздраженно ворча, Джек сел.

— И последняя вещь. О чем болтают все. — Он подождал, пока на платформе не стало очень тихо. — Дела наши разладились. И я не знаю почему. Начали мы хорошо. А потом... — Он нежно качнул рог, глядя куда-то поверх голов и вспоминая про зверя, змею, пожар и разговоры о страхе. — А потом все стали чего-то бояться.

По собранию пробежал гул, похожий на стон. Джек перестал строгать. Ральф продолжал резким голосом:

— Только все это болтовня. Малыши выдумали. Сейчас мы в этом разберемся. Так что последнее, что мы должны решить, — это насчет страха. — Волосы опять сползли ему на глаза. — Обсудим и решим, что все это — пустое. Мне и самому бывает страшно, только все это вздор. Вроде леших. Мы это обсудим и примем решение, и тогда сможем жить, как раньше, и осторожно обращаться с огнем. — Перед ним на миг возникла картина, как три мальчика весело шагают по залитому солнцем пляжу. — И нам опять будет хорошо.

Ральф церемонно положил рог на ствол возле себя в знак того, что его речь закончена. Последние лучи солнца стлались по земле. Джек встал и взял рог.

— Мы собрались сегодня, чтобы решить, что к чему. Я вам скажу, что к чему. Это все из-за вас, малышня, с вашими страшными рассказами. Звери! Да откуда им взяться? Конечно, нам бывает страшно, но мы терпим. Ральф говорит: вы визжите по ночам. Значит, вам просто снятся страшные сны. Что ни го-

вори, вы и не охотитесь, и хижин не строите, и не помогаете... Сопливые вы сосунки, вот кто! Страшно вам — терпите. Мы-то терпим — и ничего. — Ральф от изумления открыл рот, но Джек ничего не замечал. — Так ведь страх... он же не кусается... все равно что сон. На острове нет таких зверей, которых нужно бояться. — Он бросил взгляд на шепчущихся малышей. — А сожрет вас кто, так и поделом, бесполезные вы сосунки! Только зверя здесь нет...

— Да о чем ты? — раздраженно прервал его Ральф. — Разве кто говорил про зверя?

— Ты сам говорил. Пару дней назад. Ты сказал, что по ночам они кричат и визжат. А теперь они говорят — и не только малыши... иногда и мои охотники, — говорят о каком-то существе, о чем-то черном, о звере. Я сам слышал. Ты думал, нет? Я обошел весь остров. Сам. Если бы на острове был какой зверь, я бы его увидел. Бойтесь, раз вам так нравится, только в лесу нет никакого зверя.

Джек отдал рог и сел. Собрание облегченно зааплодировало. Хрюшка протянул руки за рогом.

— Я не согласен с Джеком. Не во всем, а только кое в чем. Конечно, в лесу нет никакого зверя. Как ему здесь быть? Что бы он ел?

— Свиней!

— Свиней мы едим.

— Хрюшек!

— Рог у меня! — негодующе воскликнул Хрюшка. — Ральф, должны же они замолчать или нет? Заткнитесь вы, малышня! А вот насчет страха я не согласен. Ясное дело — в лесу нечего бояться. — Он снял очки и заморгал глазами.

Солнце зашло так стремительно, словно кто-то выключил свет.

— Что ж ты думаешь, надо все время бояться просто так, неизвестно чего? В жизни, — вдохновенно продолжал Хрюшка, — все объясняется по науке, вот как. Через год-другой, когда закончится война, люди будут летать на Марс, туда и обратно. Я знаю, что здесь нет никакого зверя, у которого есть клыки там и еще... И я знаю, что бояться нечего. — Хрюшка перевел дыхание. — Разве только...

Ральф подался вперед.

— Что?

— Разве только мы станем бояться друг друга.

Со всех сторон загикали, засмеялись. Хрюшка пригнул голову и торопливо продолжал:

— Так давайте выслушаем того малыша, который болтал про зверя, и, может, мы объясним ему, какой он глупый.

Малыши затараторили между собой, затем один из них встал и чуть вышел вперед.

— Как тебя зовут?

— Фил.

Для малыша он держался очень уверенно: он протянул руки, покачал рогом, точно как Ральф, обвел всех взглядом, чтобы привлечь к себе внимание, и лишь тогда заговорил:

— Вчера ночью мне снился сон, страшный... Я отбивался. Я был один в лесу и отбивался от этих, ну, на деревьях висят. Тут я испугался и проснулся. Стою я у хижины, а эти... которые извиваются, ушли.

Жуткая реальность этого описания, такого правдоподобного и непереносимо страшного, сковала их всех молчанием. А детский голос звенел из-за белой раковины Ральфа.

— И вижу, как что-то движется между деревьями, что-то большое и страшное.

Он замолчал, напуганный своими воспоминаниями, но все же гордый произведенным впечатлением.

— Ему приснилось, — сказал Ральф. — Он ходил во сне.

Соглашаясь, собрание угрюмо перешептывалось. Малыш упрямо покачал головой.

— Я спал, когда эти, ну, которые извиваются, нападали, а когда они ушли, я проснулся и увидел, как что-то страшное пробирается между деревьями.

Ральф забрал рог, и малыш сел.

— Ты спал. Никого там не было. Ну кто станет ночью разгуливать по лесу? Ну кто? Кто из вас выходил?

Все усмехнулись при мысли о том, что кто-то мог отважиться войти ночью в лес. Вдруг поднялся Саймон, и Ральф ошалело посмотрел на него.

— Ты? Для чего тебе нужно было шляться ночью?

Саймон, решившись, схватил рог.

— Мне нужно было... сходить в джунгли...

— Ладно, — сказал Ральф. — Больше этого не делай. Понял? Ночью не ходи. И так хватает глупой болтовни о зверях, а уж когда малыши увидят ночью, как ты...

В издевательском гоготе можно было уловить не только осуждение, но и страх. Саймон хотел что-то сказать и уже открыл рот, но рога у него уже не было, и ему пришлось вернуться на свое место.

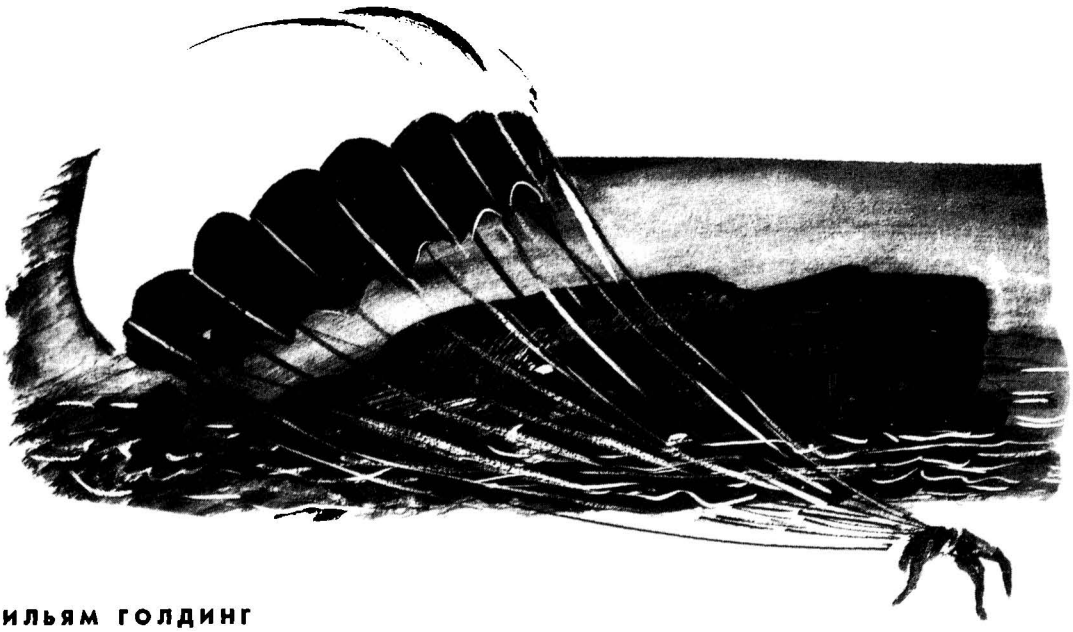
Когда собрание утихомирилось, Ральф повернулся к Хрюшке.

— Ну, Хрюшка?

— Тут еще один. Вот этот...

Продолжение следует

Перевел с английского
В. ТЕЛЬНИКОВ



УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

Роман

Малыши вытолкнули Персиваля на середину собрания, а сами — скорей обратно. Он стоял один по колено в высокой траве и, глядя под ноги, пытался вообразить, будто скрыт от взглядов весь, до самой макушки. А Ральф вспомнил другого малыша, вот так же стоявшего тогда в траве, но поспешил увернуться от воспоминания. Эту мысль он давно загнал в самый темный угол сознания, откуда ее могло вытащить на свет только прямое и настойчивое напоминание, как это. Малышей так и не пересчитали: отчасти потому, что их невозможно было собрать вместе, и еще потому, что Ральф и так знал ответ по крайней мере на один вопрос — тот, который задавал Хрюшка на вершине горы в день пожара. Малыши попадались и русые, и темноволосые, и веснушчатые, и все они были грязные, но на их лицах вызывающе отсутствовали сколько-нибудь заметные изъяны. Лилового пятна во всю щеку с тех пор никто не видел. Но то, о чем говорил и кричал тогда Хрюшка, не забылось. И молчаливо признавая, что он все помнит, Ральф кивнул Хрюшке:

— Ну, спрашивай его.

Хрюшка опустился на колени с рогом в руках.

— Ну, малыш, как тебя звать?

Тот съежился, словно хотел с головой уйти в траву.

— Персиваль Уимис Мэдисон, графство Гемпшир, Харкорт Сент-Энтони, дом викария, телефон... телефон... теле...

И словно эти сведения отпустили где-то в глубине его существа сжатую пружину тоски, малыш заплакал. Лицо его искривилось, из глаз хлынули слезы, рот широко открылся, превратившись в черный квадрат. Несколько мгновений малыш казался воплощением немого горя, затем раздался рев, громкий и протяжный, словно опять затрубили в рог.

— Замолчи ты! Замолчи!

Персиваль Уимис Мэдисон не замолкал. Могучий поток тоски, вырвавшись на волю, был уже неподвластен ни приказанию, ни угрозе.

— Перестань сейчас же, слышишь?

Остальные малыши теперь тоже зарыдали. Каждый вспомнил и свои собственные беды, а может быть, осознал и общее горе. Положение спас Морис.

— Смотри на меня! — закричал он.

Он сделал вид, будто споткнулся и упал. Встал, потер зад, сел на качающийся ствол и тут же свалился с него на траву. Клоун из него получился никудышный, но и этого оказалось достаточно, чтобы Персиваль и остальные малыши, все еще всхлипывая, засмеялись. И вот уже все они неизвестно с чего так покатились со смеху, что вслед за малышами захохотали и большие.

Раздался голос Джека. Джек не взял рог, и, хотя это было против правил, никто ему ничего не сказал.

— Ну так как же насчет зверя?

С Персивалем случилось что-то странное. Он зевнул во весь рот, покачнулся, и Джеку пришлось подхватить его, чтобы он не упал.

— Где живет этот зверь?

Персиваль поник в объятиях Джека.

— Видно, зверь этот очень умный, — язвительно сказал Хрюшка, — раз он сумел спрятаться на таком острове.

Персиваль что-то пробормотал, и собрание снова разразилось хохотом. Ральф вытянул шею.

— Что он там говорит?

Выслушав ответ Персиваля, Джек разнял руки. И Персиваль,

Продолжение. Начало в №№ 7—8.

успокоенный присутствием людей, упал в высокую траву и заснул. Джек кашлянул и небрежно пояснил:

— Он говорит, зверь этот выходит из моря.

Смех замер. Ральф невольно обернулся — черная ссутулившаяся фигура на фоне лагуны. Все посмотрели туда же, думая о бескрайних водных просторах, о таинственных океанских глубинах, об этой неведомой сини, в которой может быть все что угодно, и прислушиваясь к долетающему через лагуну бормотанию прибоя. И вдруг заговорил Морис — так громко, что все вздрогнули:

— Папа рассказывал, что в море есть и такие животные, которых люди еще не знают.

Снова вспыхнул спор. Ральф протянул мерцавшую раковину, и Морис послушно взял ее. Собрание смолкло.

— Вот Джек говорит, бывает страшно просто потому, что люди так устроены... ну, верно. И что на этом острове одни только свиньи водятся, тоже, я думаю, верно. Но точно-то он не знает... ну, наверняка... Мой папа говорил, что есть такие, как их?.. еще чернила выпускают... кальмары, что ли? Так они бывают ярдов на двести в длину и целиком кита проглатывают. — Он помолчал и весело рассмеялся. — Я, конечно, не верю ни в какого зверя. Правильно Хрюшка сказал, что жизнь нужно объяснять по науке... но ведь мы не знаем точно, наверняка. Правда?

— Кальмар не может выходить из воды! — закричал кто-то.

— Может!

— Не может!

В следующее мгновение на площадке собраний заметались тени, яростно споря и жестикулируя. Ральфу это показалось взрывом безумия. Страхи, звери, а про то, что костер — самое важное, так и не договорились. Хочешь им что-нибудь растолковать, уходят в сторону и переводят разговор на эти неприятные вещи.

И, выхватив из рук Мориса белеющую в темноте раковину, он дунул что было силы. Потрясенное собрание стихло. Саймон дотронулся до раковины. Ему так нужно было высказаться — дух захватывало, но выступать перед всем собранием было страшно.

— Может быть, — начал он неуверенно, — может быть, зверь этот... есть.

В ответ собрание огласилось яростными криками, и Ральф даже встал от изумления.

— И ты, Саймон?! Ты веришь в него!

— Я не знаю, — сказал Саймон. Сердце у него колотилось так, что он задыхался. — Но только...

Разразилась буря негодования.

— Замолчите все! — закричал Ральф. — Рог у него!

— Я думаю, что зверь... это мы сами.

— Чушь! — заорал Хрюшка, от возмущения даже позабывший о правилах.

— Мы сами стали вроде... — Саймон запнулся, отчаянно пытаясь найти слова, которыми можно было бы выразить, в чем главный порок человечества. Внезапно пришло вдохновение:

— Что на свете самое грязное?!

В недоуменной тишине отчетливо прозвучало в ответ произнесенное Джеком грубое ругательство. Разрядка была как гром. Малыши, забравшиеся на «качалку», полетели в траву и не вставали. Охотники визжали от восторга. Саймон был повергнут в прах; хохот бил его со всех сторон, и, беззащитный, он шмыгнул на место. Наконец установилась тишина. Кто-то крикнул, не дожидаясь своей очереди:

— Может, он о привидениях говорил?

В секундной тишине прозвучал чей-то приглушенный голос:

— Зверь этот, наверное, и есть привидение...

— Да хватит вам без очереди говорить, — сказал Ральф. — Потому что если не соблюдать правила, так это уже и не собрание будет, а так... — Он остановился. От его плана ничего не осталось. — Что же вам теперь я могу сказать? Зря я созвал собрание так поздно. Придется проголосовать, есть они или нет, привидения, и разойдемся по хижинам, потому что все мы устали. Постой... — это ты, Джек?.. — погоди. Я скажу сразу: я в привидения не верю. Ну, я думаю, что не верю. Но думать о них мне неприятно. Во всяком случае, сейчас, ночью. Но ведь мы хотели разобраться что к чему. — Он поднял рог и на секунду задумался, как лучше сформулировать вопрос. — Кто считает, что привидения есть?

Несколько минут стояла тишина, и никто не шевелился. Ральф снова вперился в темноту и разглядел поднятые руки.

— Ясно, — сказал он ровным голосом.

Мир, понятный мир, послушный законам, распался. Когда-то все в нем было на своих местах, а теперь... да еще корабль ушел.

— Я не голосовал за привидения! — Хрюшка рывком обернулся к собранию. — Запомните все, все вы! — Было слышно, как он топнул ногой. — Мы кто? Люди? Или звери? Или дикари? Да что о нас подумают взрослые!

Перед ним выросла грозная тень.

— Заткнись ты, шматок жира!

Они сцепились, и мерцающая раковина задергалась вверх и вниз. Ральф вскочил.

— Джек! Джек! Рог не у тебя! Дай ему сказать!

Из темноты выплыло лицо Джека.

— И ты заткнись. Ты-то кто

Рисунки С. ПРУСОВА

такой! Кто? Сидит и другим указывает! Охотиться ты не умеешь... петь не умеешь...

— Я вождь. Меня выбрали.

— Подумаешь, выбрали — ну и что? Распоряжаешься, а что ты понимаешь...

— Рог у Хрюшки.

— Давай-давай, заступайся за него, ты всегда за него...

Джек!

— Джек! Джек! — злобным голосом передразнил его Джек.

— А законы?! — закричал Ральф. — Ты нарушаешь законы!

— Плевать я на них хотел!

— Не плюй, потому что законы — единственное, что у нас есть.

— На кой черт нам эти законы! — кричал ему в лицо Джек. — Мы сильные... мы охотники! Если зверь этот есть, мы его выследим! Окружим и будем бить, бить, бить!

Он издал дикий вопль и спрыгнул на бледный песок. На платформе послышались крики, визг, взволнованный хохот, топот бегущих ног. Всех как ветром сдуло, и они, растягиваясь, уже бежали от пальм к воде и дальше, по пляжу, туда, где их поглощал мрак. Ральф щекой почувствовал холодное прикосновение раковины и взял ее из рук Хрюшки.

— Что будут говорить взрослые! — снова крикнул Хрюшка. — Нет, ты только посмотри на них!

С пляжа доносились крики и улюлюканье охотников, визг, вой, истеричный хохот и вопли неподдельного ужаса.

— Ральф, труби в рог.

Хрюшка стоял так близко, что Ральф видел, как поблескивало единственное стеклышко очков.

— Костер... Неужели они не понимают?

— Сейчас нужно быть твердым, Ральф. Заставь их делать то, что считаешь нужным.

В голосе Ральфа была осторожность ученика, доказывающего теорему.

— Если я протрублю в рог и они не вернутся, тогда все пропало. Мы не сможем поддерживать костер. Мы превратимся в зверей. Нас никогда не спасут.

— А если не протрубить в рог, мы все равно скоро превратимся в зверей. Я не вижу, что они там вытворяют, но зато я хорошо слышу.

Ральф поднес рог к губам и... опустил его.

— Вот в чем дело, Хрюшка, — есть привидения или нет? И зверь этот есть или нет?

— Конечно, нет.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что тогда ничего бы не было. Ни домов, ни улиц, ни телевизоров... В жизни не было бы смысла.

Пляшущая и поющая толпа, кружась, продвигалась все дальше по пляжу, пока крики и пение не превратились в ритмичный бессловесный гул.

— А если этого смысла и нет? Ну, хотя бы здесь, на острове. Что, если о н и следят за нами и ждут?

Ральф вздрогнул и так резко подался к Хрюшке, что они столкнулись, напугав друг друга.

— Не смей так говорить! Мало нам неприятностей, что ли! И без того хватает. Если еще и привидения есть...

— Нужно мне отказаться... хватит с меня быть вождем. Ты только послушай их!

— Господи! Да ни за что, Ральф! — Хрюшка схватил его за руку. — Если вождем станет Джек, все только и будут, что охотиться, а о костре и не вспомнят. Мы здесь так и умрем. — Его голос вдруг сорвался на визг: — Кто там сидит?

— Это я, Саймон.

— А-а, что толку от нас! — сказал Ральф. — Как от трех слепых мышей. Я откажусь.

— Если ты откажешься, — испуганно прошептал Хрюшка, — что тогда со мной будет?

— Ничего не будет.

— Он ненавидит меня. А за что — не знаю. И если он сможет делать, что захочет... да, тебе-то что, он тебя уважает. А случись чего — ты и отлупишь его.

— Да и ты только что с ним во как дрался!

— У меня рог был, — просто ответил Хрюшка. — Я имел право говорить.

В темноте пошевелился Саймон.

— Оставайся вождем, Ральф.

— Ты-то уж моячал бы, умник! Почему ты не сказал, что нет никакого зверя?

— Боюсь я Джека, — продолжал Хрюшка, — вот поэтому я его насквозь вижу. Всегда так: боишься кого-нибудь, ненавидишь, а выкинуть из головы не можешь... это как астма... дышать нечем. И вот что я тебе скажу, Ральф. Он тебя тоже ненавидит.

— Меня? Это за что же?

— Не знаю. Ты опозорил его с костром, и потом ты вождь, а он нет.

— Но он — это он, Джек Мередью!

— Я много болел, в постели лежал, все думал... Я разбираюсь в людях. Себя я тоже знаю. И его. Тебе он ничего не может сделать, но, если ты уйдешь с дороги, он разделается с тем, кто был рядом с тобой. Со мной, значит.

— Хрюшка прав, Ральф. Либо ты, либо Джек. Оставайся вождем.

— Все мы плывем по течению — вот что, и дела наши все хуже и хуже. Дома-то всегда был кто-нибудь взрослый. Пожалуйста, сэр, будьте так любезны, мисс, — и получил ответ. А здесь?!

— Была бы здесь моя тетушка...

— Был бы мой отец... Да что об этом говорить!

— Нужно, чтобы костер горел.

Дикарский танец кончился, и охотники побрели к хижинам.

— Взрослые во всем разбираются, — сказал Хрюшка. — И темнота им нипочем. Они бы собрались, пили бы чай и обсуждали, что да как. И дела бы у них пошли как надо...

— Они бы не подожгли остров. И не бросили бы костер.

— Они бы построили корабль...

Стоя в темноте, три мальчика безуспешно пытались выразить словами величие взрослых.

— Они бы не ссорились...

— Не разбили бы мои очки...

— Не стали бы выдумывать зверей...

— Эх, если бы они могли с нами связаться! — воскликнул Ральф в отчаянии. — Прислали бы нам что-нибудь... знак какой или еще что...

Из темноты, откуда-то снизу, послышалось тоненькое завывание, и, обомлев, они прижались друг к другу. Завывание это, такое далекое и неземное, стало громче, затем превратилось в нечленораздельное бормотание. Лежа в высокой траве, Персиваль Уимис Мэдисон, Харкорт Сент-Энтони, дом викария, испытывал во сне муки ужаса, и магия заученного адреса ничем не могла ему помочь.

ГЛАВА 6.

ЗВЕРЬ СПУСКАЕТСЯ С НЕБА

В темноте светили только звезды. Когда мальчики поняли, кто завывал привидением и Персиваль успокоился, Ральф и Саймон неловко подняли его с земли и отнесли в одну из хижин. Хрюшка, несмотря на свои смелые заявления, крутился рядом, и все

трое пошли к соседней хижине вместе. Они шумно ворочались на сухих листьях, тревожно поглядывая на обращенный к лагуне лаз, который, казалось, был завешан звездным пологом. Время от времени вскрикивали малыши, а как-то раз в темноте заговорил кто-то из больших. Наконец и эти трое уснули.

Из-за горизонта выглянул серп луны — такой тонкий, что его света, даже когда он весь уселся на воду, едва хватило на то, чтобы вырвать из темноты узенькую дорожку; в небе зажглись новые огоньки: они быстро перемещались, мигали и вдруг пропадали, но с высоты в десять миль, где шел бой, до земли не доносилось ни звука. И все же мир взрослых послал свой знак, хотя дети не могли прочесть его: они спали. Темноту озарила яркая вспышка, и по всему небу сверху вниз протянулась огненная спираль, затем снова стало темно и зажглись звезды. Над островом появилась какая-то крапинка — человеческая фигурка под быстро опускавшимся парашютом, фигурка с безвольно обвисшими руками и ногами. Переменные ветры разных высот мотали ее в воздухе и сносили каждый в свою сторону. Но в трех милях над землей устойчивый ветер подхватил ее и потащил по огромной дуге через все небо и вниз, над рифом и лагуной, прямо к горе. Фигура, как мешок, упала на склон, покрытый голубыми цветами, но и здесь, на этой высоте, тоже дул ветер, и парашют захлопал, расправился и продолжил свой путь уже по земле. Следом за ним вверх по склону волочилась фигура. Ярд за ярдом, рывок за рывком ветер проволок ее по лужайке с голубыми цветами, по уступам и красным камням, втащил на вершину и оставил там лежать среди расщепленных скал. На вершине ветер дул порывами; стропы парашюта перепутались, обмотали камни, и фигура села; ее голова в шлеме свесилась между колен, подтянутых перепутанными стропами. Когда налетал порыв ветра, стропы затягивались, и тело выпрямлялось, а голова вскидывалась так, словно парашютист вглядывался куда-то через кромку скал. И всякий раз, когда ветер падал, стропы ослабевали, и фигура наклонялась вперед, свесив голову между колен. В вышине звезды совершали свое движение по небу, а внизу, на вершине горы, фигура кланялась, выпрямлялась и снова кланялась.

В предрассветной темноте у одной из скал неподалеку от вершины раздался шорох. Из груды валежника и сухих листьев выкатились два мальчика — две смутные тени, заговорившие сонными голосами. Это были близнецы, которые в ту ночь дежурили у костра. По теории, пока один из них спит, другой должен был следить за костром. Но они были просто не способны что-нибудь сделать один без другого, и поскольку бодрствовать всю ночь напролет невозможно, они вместе пошли спать. Привычно ступая босыми ногами, они подходили к грязному пятну на земле, которое осталось от костра, позевывая и протирая глаза, но, подойдя, перестали зевать, и один из них бросился назад за валежником, а второй опустился на колени.

— Кажется, совсем прогорел. — Он пошуровал золу пучком сухих веток, подсунутых ему другим близнецом. — Нет.

Он лег на землю, приставив губы почти к самой золе, и тихонько подул. Его лицо, подсвеченное красным, выделилось из темноты. На мгновение он перестал дуть.

— Сэм... нам нужно...

— ...взять гнилушку.

Эрик снова нагнулся и тихонько дул, пока в золе не заалело пятнышко. Сэм подложил кусочек гнилого дерева, затем ветку. Уголек стал еще ярче, и ветка вспыхнула. Сэм наложил сверху еще несколько веток.

— Много не жги, — сказал Эрик. — Слишком много ты положил.

— Давай сперва согреемся.

Эрик сидел на корточках и смотрел, как Сэм раскладывает костер. Поверх пламени он построил шалашик, и теперь костру был бы не страшен и сильный порыв ветра.

— Да-а, еще немного и...

— ...он бы совсем...

— ...взбесился.

— Ага.

Несколько минут близнецы молча смотрели на огонь.

— И все из-за этого костра да из-за свиньи.

— Еще хорошо, что он вместо нас на Джека напустился.

— А помнишь старуху Бешеную? Она учила нас, помнишь?

— Как же! «Мальчик-ты-меня-сведешь-с-ума»!

Близнецы совершенно одинаково захохотали, затем, вспомнив о темноте и обо всем остальном, тревожно оглянулись по сторонам.

Тепло от костра накатывалось на них приятными волнами. Сэм развлекался тем, что старался ставить ветки в самый огонь. Эрик вытянул вперед руки, определяя расстояние, на котором жара была еще терпимой. От нечего делать он смотрел на вершину и пытался в наборе теней и силуэтов угадать дневные контуры скал. Там была большая скала, вот там — три камня, рядом расщепленная скала, а еще дальше — впадина... как раз там...

— Сэм.

— А?

— Так, ничего.

Языки пламени охватывали сучья, кора завивалась и отваливалась, сухое дерево рвалось с треском. Шалашик рухнул, и вверх метнулся неровный круг света.

— Сэм.

— А?

— Сэм! Сэм!

Где-то далеко внизу лес вздохнул и зарычал. У обоих близнецов на лбу затрепыхались волосы, пламя костра заметалось. В пятнадцати ярдах от мальчиков громко захлопала вздувшаяся на ветру ткань.

Они не вскрикнули и только еще крепче обняли друг друга, а их рты вытянулись в две узкие вертикальные щелочки. Секунд пятнадцать они сидели не шелохнувшись, бьющееся пламя вместе с дымом и искрами окатывало вершину волнами неровного света.

Затем они в ужасе сорвались с места и помчались вниз.

Ральфу снился сон. Прежде чем ему удалось заснуть, он, наверное, часа два шумно ворочался на сухих листьях. Но теперь до него не доносились даже громкие крики бредивших малышей, потому что он был далеко-далеко, там, откуда он попал на этот остров, и через садовую ограду кормил пони сахаром. Вдруг кто-то потряс его за плечо и сказал, что пора пить чай.

— Ральф. Проснись!

Листва ревела, как морской прибой.

— Да проснись же, Ральф!

— Что случилось?

— Мы видели...

— ...зверя...

— ...своими глазами!

— Вы кто? Близнецы?

— Мы видели зверя...

— Хрюшка, проснись!

Листва все еще ревела. Столкнувшись в темноте с Хрюшкой, Ральф пополз к выходу — туда, где поблескивала россыпь бледнеющих звезд, но близнецы схватили его.

— Не выходи... он такой страшный!

— Хрюшка... где копья?

— Я слышу, как...

— Тогда тихо. Не шевелитесь.

Они с Хрюшкой лежали и слушали — сперва недоверчиво, потом все более испуганно — почти беззвучный шепот близнецов, перемежаемый паузами жуткой тишины. И вот темнота за стенами хижины наполнилась клыками, наполнилась неведомым, ужасным и страшным. Бесконечно медлившая заря, наконец, погасила звезды, и в хижину стал просачиваться унылый серый свет.

Стоя на коленях, Ральф высунул из хижины голову и настороженно осмотрелся.

— Сэм-и-Эрик, зовите всех на собрание Только тихо.

Дрожа и прижимаясь друг к другу боками, близнецы доползли до соседней хижины и рассказали там ужасную новость. Чтобы не ронять достоинства, Ральф заставил себя встать во весь рост и идти, хотя спина его покрылась мурашками. За ним пошли Хрюшка и Саймон, потом крадучись двинулись остальные.

Веер солнечных лучей, расходившихся из-за горизонта, уже стелился над землей на уровне глаз. Ральф чуть задержал свой взгляд на растущей дольке золота, которое сияло от него справа и, казалось, придавало ему духу. Заговорил. Круг сидевших перед ним мальчиков ощетинился копьями. Ральф передал рог Эрику — тот был ближе.

— Мы видели зверя своими глазами. Нет... не во сне... мы не спали...

Сэм подхватил рассказ. По обычаю рог давали им на двоих, потому что их давно уже воспринимали как нечто целое.

— Он покрыт мехом. За спиной у него что-то шевелилось — крылья, наверное. Он и сам шевелился...

— Жуть какой страшный. Он вроде как сел...

— Костер горел ярко...

— Мы только что развели его...

— ...подложили сучьев.

— У него глаза...

— Зубы...

— Когти...

— Мы побежали изо всех сил...

— Налетали на скалы...

— Он погнался за нами...

— Я видел, как он крался между деревьями...

— Он чуть не догнал меня...

Ральф испуганно указал на лицо Эрика, исцарапанное ветками.

— Откуда это у тебя?

Эрик ощупал свое лицо.

— Как я покорябан. Кровь течет?

Обступившие его дети в ужасе отпрянули.

— Вот это будет настоящая охота! — крикнул Джек. — Кто пойдет?

— Это с палками-то? Не валяй дурака, — сказал Ральф.

Джек насмешливо улыбнулся.

— Боишься?

— Конечно, боюсь. А кто не боится? — Он повернулся к близнецам одновременно с надеждой и отчаянием: — А вы не дурачите нас?

Ответ их был таким страстным, что уже больше никто не сомневался. Хрюшка взял рог.

— А не лучше ли нам здесь... остаться? Может, зверь сюда и не придет.

— Остаться здесь? Забиться на краешек острова и дрожать от страха? А что мы будем есть? И как же костер?

— Ну, пошли, — сказал нетерпеливо Джек. — Чего время терять?

— Погоди. Как быть с малышами?

— Да черт с ними!

— Кто-то должен за ними присматривать.

— Пока что не присматривали, и ничего!

— Так пока и нужды не было! А теперь нужно. За ними присмотрит Хрюшка. И еще одна вещь. Это будет не простая охота, потому что зверь не оставляет следов. Если бы оставлял, мы бы заметили. Мы не знаем, может, он вообще по деревьям скачет, как этот... ну как его...

Хрюшка снял поломанные очки и протер уцелевшую линзу.

— Ну, а что будет с нами, Ральф?

— У тебя нет рога. Держи.

— Я хочу спросить, что с нами будет? Что, если зверь придет сюда, когда все вы уйдете? Я ведь плохо вижу, и если я испугаюсь...

— Вечно ты пугаешься, — презрительно оборвал его Джек.

— Рог у меня!

— Рог! Рог! — закричал Джек. — Он нам больше не нужен, этот рог. И так известно, кто может дело сказать. Ну что толку от болтовни Саймона, или Била, или Уолтера? Пора здесь кое-кому понять, что нужно сидеть и не рыпаться, пока мы будем решать, как быть...

Ральф уже не мог не вмешаться. Кровь бросилась ему в лицо.

— Рог не у тебя, — сказал он. — Сядь!

Джек так побелел, что веснушки на его лице стали ярко-коричневыми крапинками. Он облизнул губы и остался стоять.

— Здесь охотникам решать.

Остальные напряженно следили за ними. Хрюшка, оказавшийся в центре спора, поспешно положил рог Ральфу на колени и сел. Молчание стало таким гнетущим, что Хрюшка затаил дыхание.

— Охота эта не простая, и решать должны не только охотники, — сказал, наконец, Ральф, — потому что зверь этот не оставляет следов. И потом, разве ты не хочешь, чтобы нас спасли? — Он повернулся к собранию. — Разве вам не нужно, чтобы нас спасли? — Он снова посмотрел на Джека. — Я ведь уже говорил, костер для нас важнее всего. А теперь он, наверно, погас... — Снова нахлынувший гнев выручил Ральфа и придал ему силы перейти в наступление. — Неужели вы не понимаете? Мы должны снова развести огонь! Ты, Джек, об этом не подумал? Или, может, вам не нужно, чтобы вас спасли?

Конечно, они хотят, чтобы их спасли, на этот счет и сомнений никаких нет; Ральф победил, и наступила разрядка.

— Так подумай, Джек. Есть ли на острове такое место, где ты еще не был?

— Разве что... — неохотно начал Джек. — Ну да! Помнишь? Конец острова, там еще скалы будто навалены друг на друга. Поблизости-то я был. Как перешеек получилось. Это единственная дорога туда

— А что, если зверь там и живет?

— Точно! Ну ладно. Будем искать там. Если зверя там нет, мы поднимемся на гору и поищем его там. И костер зажжем.

— Пошли.

— Сперва поедим. А потом пойдем. — Ральф помолчал. — Пожалуй, нужно будет взять копья.

Подкрепившись, все большие выступили в путь. Хрюшку, который едва держался на ногах, они оставили на платформе. Как и в предыдущие дни, солнце, по-ви-

димому, собиралось превратить остров в жаркую баню под голубым сводом. Простиравшийся вдаль пляж мало-помалу загибался, сужаясь в линию, которая сливалась с лесом; день только начинался, и дали еще не были завешаны вуалями миражей. Ральф благоразумно избрал путь под пальмами, а не по открытому месту вдоль самого берега. Возглавлять отряд он предоставил Джеку, и тот зашагал впереди с театральной осторожностью, хотя врага можно было бы заметить по меньшей мере ярдов за двадцать. Ральф замыкал шествие, довольный тем, что хотя бы на время сложил с себя ответственность. У шагавшего перед ним Саймона в душе шевельнулось сомнение: зверь с когтями сидел на вершине горы, следов не оставляет, а сам не мог догнать даже Сэм-и-Эрика. И сколько он ни думал о звере, ему рисовался образ человека — героического и одновременно немощного.

К Ральфу подбежал Джек.

— Мы почти пришли.

— Так. Подберемся как можно ближе.

Ральф последовал за Джеком к замку — туда, где начинался пологий подъем. По левую сторону от них была непроницаемая гуща ползучих растений и деревьев.

— А тут ничего быть не может?

— Нет, разве ты не видишь? Никто не входил и не выходил оттуда.

— А в замке, как думаешь?

— Пойдем поглядим.

Ральф раздвинул высокую траву и выглянул. Впереди оставалось всего лишь несколько ярдов каменистой земли, затем оба берега смыкались, и здесь бы острову и закончиться острым мысом. Но вместо этого, продолжая остров, в море вытянулся узкий каменный барьер ярдов пятнадцати длиной. Перешеек упирался в огромный квадрат розового гранита — одну из тех глыб, что составляли костяк острова. Обращенная к мальчикам сторона замка, примерно ста футов высотой, и была тем розовым бастионом, который они видели с вершины горы. Каменная стена была вся в трещинах и завалена сверху грудой больших камней, готовых, казалось, в любую секунду сорваться вниз.

За спиной у Ральфа в высокой траве притаились охотники. Ральф посмотрел на Джека.

— Ну, охотник?

Джек покраснел.

— Я и сам знаю, что нужно. Я пошел.

Неожиданно, повинуясь какому-то внутреннему велению, Ральф сказал:

— Я вождь. Идти мне. И не спорь. — Он повернулся к остальным. — А вы, вы все спрячьтесь. И ждите меня. — Ральф вдруг заметил, что его голос то пропадает совсем, то, наоборот, звучит слишком громко. — Так ты считаешь...

— Да. Я был везде, — пробормотал Джек. — Наверное, здесь.

— По-нят-но.

— Не верю я ни в какого зверя, — смущенно выдавил из себя Саймон.

Ральф вежливо согласился с ним, словно они говорили о погоде:

— Пожалуй, мне тоже так кажется.

Губы у Ральфа напряглись и побелели. Он медленно отвел волосы со лба.

— Ну, я пошел.

С трудом переставляя непослушные ноги, он вышел на узкий перешеек. Со всех сторон была бездна пустоты. Здесь ему уже не спрятаться, даже если бы не надо было идти дальше. Он остановился и посмотрел вниз. В недалеком будущем, если вести счет на столетия, море превратит этот замок в остров. Справа была спокойная лагуна, а слева...

Ральф вздрогнул. Лагуна надежно защищала их от Тихого океана, и так уж вышло, что только Джек бывал у воды на другой стороне острова. Впервые Ральф увидел с суши могучее движение океана, и ему показалось, что это дышит непомерно огромное существо. Вода между скалами медленно уходила вниз, обнажая розовые гранитные плиты, странные наросты кораллов, полипы, водоросли. Все дальше и дальше опускалась вода, шурша, словно ветер в верхушках деревьев. Показалась еще одна скала, ровная, как стол; четыре ее грани, по мере того как вода отсасывалась вниз, выступали зелеными от водорослей утесами. Затем спящий левиафан выдохнул: море поднялось, заструились взбившиеся водоросли, и поверх гранитного стола с ревом закипела вода. Ничего похожего на волны здесь и не было — вода на минуту уходила, как в бездну, потом вздымалась и уходила снова.

Ральф отвернулся и посмотрел на огромный розовый утес впереди. За спиной у Ральфа, в высокой траве, ждали охотники, ждали, что он будет делать. Ральф почувствовал холодок на ладонях — это остыл пот — и вдруг с изумлением понял, что на самом деле он и не рассчитывал повстречать там никакого зверя и не знает, как быть, если все же встретит его.

Ральф увидел, что он бы мог вскарабкаться на этот утес, но нужды в этом не было. Направо вдоль стены, на высоте человеческого роста тянулся узкий выступ, по которому, пробираясь над лагуной, можно было дойти до угла и даже завернуть туда. Идти по выступу оказалось нетрудно, и вскоре Ральф разглядывал бастион с другой стороны.

Ничего неожиданного там не было: завалы розовых глыб, как глазурью, покрытые гуано, и крутые, испещренные трещинами стены, увенчанные грудами камней.

Раздавшийся за спиной звук заставил Ральфа обернуться. По выступу к нему пробирался Джек.

— Не мог я оставить все это на тебя одного.

Ральф промолчал. Он вскарабкался наверх, осмотрел там нечто вроде пещеры, где не оказалось ничего, кроме кучки тухлых яиц, и, наконец, сел, оглядываясь по сторонам и постукивая по скале тупым концом копья.

Джека охватило волнение.

— Какую здесь крепость можно сделать!

Их обдало брызгами.

— Здесь нет пресной воды.

— А это тебе что?

В вышине, над их головами, из скалы тянулась зеленая полоска. Они забрались туда и попробовали сочившуюся воду.

— Можно подставить кокосовую скорлупу, чтобы все время была полная...

— Нет. Дрянное это место.

Карабкаясь бок о бок, они забрались на самый верх, где сужающаяся пирамида бастиона была увенчана последней каменной грудой. Джек ударил кулаком по одному из камней, и раздался легкий скрежет.

— А помнишь...

И они оба ясно осознали, как плохо все, что случилось с тех пор. Джек быстро-быстро заговорил:

— Подсунуть сюда пальму, и если подойдет враг... смотри!

Внизу, в сотне футов под ними, была узкая перемычка, по-

том каменистая земля и еще дальше — трава, испещренная точками голов, а за нею — лес.

— Раз нажал! — исступленно закричал Джек. — И вжжж!

И он махнул рукой вниз. Ральф смотрел в сторону горы.

— Ты чего?

Ральф обернулся.

— А что?

— Ты так смотрел... прямо не знаю как.

— Нет дыма. Нечем подать сигнал.

— Ты просто помешался на этом сигнале.

Лишь только вершина горы прерывала тугую линию горизонта, окружавшего их со всех сторон.

— Больше нам не на что рассчитывать.

Он прислонил копье к шаткому камню и обеими руками откинул назад космы волос.

— Нужно идти обратно и залезть на гору. Зверя они там видели.

— Зверя там не будет.

— А что же еще мы можем сделать?

Увидев, что Ральф с Джеком целы и невредимы, охотники вылезли из травы. Их охватило волнение исследователей, и зверь был забыт. Один за другим они перебрались по перешейку и уже карабкались вверх, крича от возбуждения. Ральф стоял, положив ладонь на огромную красную глыбу — глыбу величиной с мельничное колесо, — которая была отщеплена от утеса и едва держалась. Ральф угрюмо смотрел на гору. Он стиснул руку в кулак и, как молотком, ударил по красной стене. Его губы были сжаты в узкую полоску, а глаза из-под бахромы волос смотрели со щемящей тоской.

— Дым... Джек! Пошли.

Но Джека возле него не было. Толпа мальчиков со страшным шумом, которого Ральф не слышал, раскачивала одну из глыб. Он обернулся, и в этот момент раздался хруст камня; глыба сорвалась в море, и вверх с грохотом рванулся столб брызг, едва не долетевших до вершины бастиона.

— Перестаньте! Перестаньте!

Его голос поверг всех в молчание.

— Дым.

У него в голове творилось что-то странное. Как будто там забилось крыло летучей мыши, на мгновение заслонив от него его мысли.

— Дым.

Сразу же мысли вернулись, и вместе с ними — гнев.

— Нам нужен дым. А вы впустую тратите время. Камни сталкиваете.

— А у нас что, времени мало? — крикнул Роджер.

Ральф покачал головой.

— Мы отправляемся на гору.

Поднялся шум. Одни хотели вернуться на пляж. Другие хотели остаться и сбрасывать камни.

— Джек, зверь может быть на той стороне. Поведешь ты. Ты там уже был.

— Можно идти вдоль берега. Там много плодов.

К Ральфу подошел Бил.

— Ну почему нам не побыть здесь? Хоть немного, а?

— Сделаем крепость...

— Здесь нечего есть, — сказал Ральф, — и нет хижин. Да и воды мало.

— Классная крепость была бы...

— Можно сбрасывать камни...

— Я сказал: мы пойдем! — яростно закричал Ральф. — Мы должны все узнать наверняка. Идем сейчас же.

Ральф ободрал кожу на костяшках пальцев. Но боли он не чувствовал.

— Я вождь. Мы должны узнать наверняка. Посмотрите туда, на гору. Вы разве не видите, что там нет сигнала? А если появится корабль? Вы что, спятили?

Джек повел всех вниз и дальше, через перешеек.

ГЛАВА 7.
ТЕНИ И ВЫСОКИЕ ДЕРЕВЬЯ

Кабанья тропа жалась к скалам, которые на другой стороне острова громоздились вдоль самой воды, и Ральф был доволен, что идет не первым. Если бы заткнуть уши, чтобы не слышать, как вода то отсасывается, то закипает, возвращаясь, и если бы забыть о том, какие мрачные и дикие заросли папоротника обступают тропу с обеих сторон, то тогда, пожалуй, можно было бы выкинуть зверя из головы и немного помечтать. Солнце уже прошло зенит, и на остров надвигалась полуденная жара. Ральф по цепочке передал распоряжение Джеку, и, когда они снова оказались среди плодовых деревьев, весь отряд остановился, чтобы подкрепиться.

Только усевшись, Ральф впервые за весь день почувствовал, какая была жара. Он с отвращением сдернул с себя рубашку и подумал, что ее можно было бы и выстирать. В жару, необычную даже для этого острова, Ральф сидел и обдумывал свой туалет. Достать бы ножницы и подстричь волосы — он откинул назад космы — эти мерзкие волосы, чтобы осталось всего полдюйма. Принять бы ванну, намылиться всласть. Он провел языком по зубам и решил, что зубная щетка пришлась бы тоже кстати. Потом вот еще эти ногти...

Ральф перевернул ладонь и стал их разглядывать. Ногти были обкусаны до мяса, хотя он сам не заметил, когда к нему вернулась эта старая привычка.

— Скоро и палец сосать буду...

Он украдкой оглянулся. Кажется, никто не услышал. Охотники сидели с набитыми ртами, пытаясь убедить себя, что эта легкая еда — бананы и какие-то оливково-серые плоды с желеобразной мякотью — доставляет им одно удовольствие.

У него упало сердце, когда он вдруг осознал, что опустился и не пытается что-либо изменить. Он вздохнул и оттолкнул ветвь, с которой срывал плоды. А охотники уже разбредались среди зарослей и скал, что-то выискивая и высматривая. Он отвернулся и принялся разглядывать море.

Отсюда, с этой стороны острова, открывался совсем другой вид. Слюдяные фантазии миражей не выносили холода океанской воды, и горизонт был четким и ярко-синим. Ральф спустился к прибрежным скалам. Здесь, внизу, почти на одном уровне с морем, ничто не мешало следить за безостановочным шествием колышущихся волн бездонного океана. Шириной в десятки миль, они, по-видимому, не встречали на своем пути ни рифов, ни отмелей. Волны прокатывались вдоль острова так, словно их послали по делу и им было некогда отвлекаться; и все же казалось, что это было не движение вперед, а исполненное особого смысла вздымание и опадание всего океана. Вот море отсасывается вниз, образуя на пути отступления каскады и водопады, обнажая скалы, приклеивая к ним, точно волосы, прилизанные, лоснящиеся водоросли; затем, чуть помедлив и собравшись с духом, вода вздымается, неудержимо заглатывая выдвинутые в море скалы, взбирается на прибрежный утес и напоследок выбрасывает вперед прибой, как руку, и ее пенные пальцы растопыриваются в двух шагах от Ральфа.

Ральф стоял и смотрел, как вздымались и опадали бесконечной чередой океанские волны, и отрешенность стихии постепенно заворожила его. Но потом сама беспредельность океана дала новый ход его мыслям. Это была бездна, которая отрезала его от всего мира. На другой стороне острова, днем завешанной миражами и прикрытой щитом спокойных вод лагуны, еще можно было предаваться мечтам о спасении; но здесь, перед лицом жестокой тупости океана, широкого и безбрежного, как не прийти в уныние, не почувствовать себя беспомощным, обреченным и...

Над ухом у него раздался голос Саймона, и Ральф, очнувшись, почувствовал, что до боли впился пальцами в скалу, что его тело изогнулось дугой, шея словно окаменела, а рот напряженно открыт.

— Ты вернешься туда, где ты жил.

Ральф недоуменно посмотрел Саймону в лицо.

— Такой большой... я про океан...

Саймон снова кивнул.

— Все равно. Ты непременно вернешься. Ну, мне так кажется.

Ральф чувствовал, как с него сходит напряжение. Он глянул на море и горько улыбнулся Саймону.

— У тебя корабль в кармане, да?

Улыбаясь, Саймон покачал головой.

— Тогда откуда ты это знаешь? — Саймон все еще молчал, и Ральф коротко сказал ему: — Чокнутый.

— Нет, не чокнутый. Просто мне кажется, что ты вернешься.

Они оба помолчали. Затем неожиданно улыбнулись друг другу.

Из зарослей послышался голос Роджера:

— Идите все сюда!

Возле кабаньей тропы земля была взрыта, и там лежал помет, от которого еще шел пар. Джек любовно склонился над теплыми лепешками.

— Ральф... мясо-то нам все равно нужно, хоть мы и пошли на охоту совсем за другим...

— Раз уж нам это по пути, можно и поохотиться.

Они снова двинулись в путь: охотники, чуть испуганные напоминанием о звере, сбились в кучку, а Джек шел впереди, выискивая след. Теперь они продвигались гораздо медленнее, чем рассчитывал Ральф, и все же он был даже рад тому, что может беспечно идти, поигрывая копьем. Впереди Джек встретился с чем-то непредвиденным, и вскоре вся процессия остановилась. Ральф прислонился к дереву и сразу же погрузился в похожие на грезы воспоминания. За охоту отвечал Джек: а на гору они еще успеют подняться...

Когда отца перевели из Чэтема

в Девонпорт, они поселились там в коттедже, который стоял на самом краю вересковой пустоши. Из всех домов, где ему приходилось жить, этот запомнился Ральфу особенно хорошо, потому что именно из этого дома его отправили в школу. Мама была еще с ними, и папа возвращался домой каждый день. К каменной ограде сада приходили пони, и уже несколько раз шел снег. Во дворе, сразу же за коттеджем, стоял какой-то навес, и, забравшись на него, можно было лежать и смотреть, как кружатся снежинки. Они падали на землю и превращались во влажные пятнышки; потом одна снежинка падала и не таяла, за ней другие, и вся земля, прямо на глазах, становилась белой. А продрогнешь — войдешь в дом, и, сидя перед сверкающим медным чайником и тарелкой с синими человечками, смотришь в окно... Перед сном — чашка сливок со сладкими кукурузными хлопьями. И еще книги... они стояли на полке возле кровати покосившимся рядком, а две-три лежали сверху, потому что ему было лень поставить их на место. Книги были растрепанные, с загнутыми уголками. Одна книга была в яркой блестящей обложке — про Топси и Мопси, но читать он ее не стал, она про двух девчонок; и была еще про волшебника, страшная — дух захватывало, и, читая ее, он всякий раз с закрытыми глазами поскорее перелистывал двадцать седьмую страницу, на которой был нарисован жуткий паук; потом еще про людей, которые выкапывали из земли разные вещи, да, в Египте: и еще — «Рассказы о поездах», «Рассказы о кораблях». Они стояли перед ним как живые; казалось, можно протянуть руку и потрогать их, почувствовать, как они лежат на ладонях. Все было хорошо, все подоброму, как надо.

Впереди затрещали кусты. Мальчики испуганно метнулись с кабаньей тропы и, вопя от страха, забились в заросли. Впереди Джек отпрыгнул в сторону и упал. По тропе, прямо на Ральфа, хрюкая и сверкая клыками, мчался кабан. Ральф почувствовал, что может хладнокровно оценить расстояние, и прицелился. Когда осталось каких-то пять ярдов, он изо всей силы бросил в кабана дурацкую палку, которую нес с собой, и увидел, как она, угодив в огромное круглое рыло, на мгновение повисла. Раздался визг, и кабан свернул в заросли. На тропу с криками высыпали мальчики, подбежал Джек и быстро осмотрел край подлеска.

— Сюда...

— Да ты что? Он кинется на нас!

— Я сказал — сюда...

Кабан тяжело удирал от них. Рядом оказалась другая тропа, которая шла параллельно первой, и Джек помчался бегом. Страх, мрачные предчувствия и гордость — все это смешалось в душе у Ральфа.

— Я дал ему! — повторял Ральф. — Копье даже воткнулось. — Ему нужны были свидетели. — Разве вы не видели?

Морис кивнул.

— Я видел. В самое рыло — уух!

— Врезал ему что надо, — взволнованно продолжал Ральф.— Копье воткнулось. Я его ранил! — На него смотрели с уважением, и он, купаясь в лучах своей славы, нашел, что охотиться, оказывается, не так уж и плохо. — Влепил ему как положено. Я думаю, это и был тот самый зверь!

— Какой там зверь, — отозвался Джек. — Кабан, только и всего.

— Дал я ему!

— Что же ты его не схватил? Я-то пытался...

— Но ведь это кабан! — взволнованно крикнул Ральф. Джек вдруг залился краской.

— Ты же сам сказал — он бросится на нас. Зачем тебе надо было бросать издалека... Подождать не мог? Вот, смотрите. — Он вытянул левую руку так, чтобы все видели. На внутренней стороне пониже локтя алел рубец. — Это он клыками. Не успел я всадить копье.

Теперь уже Джек был в центре внимания.

— Ты ранен, — сказал Саймон. — Нужно высосать ранку.

Джек пососал царапину.

— Я ему дал! — негодуя, воскликнул Ральф. — Я его копьем, я ранил. — Он старался добиться их внимания. — Бежит на меня. А его копьем, вот так...

Роберт зарычал. Ральф вступил в игру, и мальчики весело засмеялись. И вот уже все они замахиваются копьями на Роберта, а он, деланно уворачиваясь, бросается из стороны в сторону.

— Окружайте! — крикнул Джек.

Вокруг Роберта сомкнулось кольцо. Он завизжал — сперва от притворного ужаса, потом от настоящей боли.

— О-о! Ну хватит! Мне же больно!

Роберт споткнулся, и в спину ему несильно ударили концом копья.

— Держи его!

Они схватили Роберта за руки и за ноги. Ральф, увлекаемый порывом охотничьего азарта, выхватил у Эрика копье и ткнул им Роберта.

— Колй! Колй!

Роберт взвыл и стал отчаянно отбиваться. Джек, держа его за волосы, размахивал ножом. Роджер за спиной у него яростно пробивался вперед. И грянул ритуальный хор, словно знаменуя финал танца или охоты.

— Убей свинью! Перережь ей глотку! Выпусти кровь!

Ральф тоже рвался вперед, чтобы поскорее вцепиться в эту коричневую трепещущую плоть. Жажда давить и терзать стала нестерпимой.

Рука Джека резко опустилась, колыхавшаяся толпа взвыла от ликования, и кто-то завизжал и захрюкал, изображая подыхающую свинью. Потом они все повалились на землю и, тяжело дыша, слушали, как всхлипывает испуганный Роберт.

Джек перевернулся на живот.

— Вот игра была, а?

— Игра-то игра, — с беспокойством ответил Ральф. — Один раз я так покалечился — тоже игра была, в регби.

— Барабан нужен, — сказал Морис, — и все будет понастоящему.

Ральф посмотрел на него.

— Как это по-настоящему?

— Ну, не знаю. Костер нужен, я считаю, и барабан тоже. Отбивать такт.

— Нужно, чтобы была свинья, — сказал Роджер. — Как на настоящей охоте.

— Или чтобы ее кто-нибудь изображал, — сказал Джек.

— Нужно настоящую свинью, — сказал Роберт, все еще растирая зад, — чтобы ее убить.

— Малыша возьмем, — сказал Джек, и все засмеялись.

Ральф приподнялся и сел.

— Ну, хватит. Так мы никогда не узнаем, есть он или нет.

— А что, если, — Морис заговорил осторожно, не желая показаться трусом, — если зверь там?

Джек взмахнул копьем.

— Убьем его. — Солнце будто стало холоднее. Джек выбросил вперед копье, словно вонзил его в зверя. — Так чего мы ждем?

— Пожалуй, если мы пойдем дальше вдоль берега, — сказал Ральф, — мы дойдем до того мес-

та, где был пожар, и там поднимемся.

И снова Джек повел их вдоль слепящей воды, которая шумно вздымалась и опадала. На пути вставали невысокие утесы, и, вскарабкавшись, мальчики совершали по ним довольно длинные траверсы на четвереньках. Словно ров, путь им преградила глубокая щель, рассекшая узкую береговую полосу. Расщелина казалась бездонной, и они с опаской заглянули в сумрачную пропасть, где журчала вода. Затем волна вернулась, расщелина вся закипела, вверх, до самых зарослей взлетели брызги, и взвизгнувших мальчиков окатил холодный душ. Они попытались обойти расщелину лесом, но ползучие растения сплетались здесь плотнее птичьего гнезда. В конце концов им пришлось по очереди перепрыгивать бездну, когда вода уходила вниз. И вот скалы впереди сошлись в один неприступный утес, отвесно обрывающийся в море и увенчанный сверху сплошной завесой непролазных джунглей.

— Что-то я не припоминаю этого утеса, — удрученно сказал Джек. — Наверное, этот клочок берега я пропустил.

Ральф кивнул.

— Дай-ка я подумаю.

Ральф уже больше не стеснялся думать при всех, и в этот день он обдумывал решения так, словно играл в шахматы. Да только он вовсе не был хорошим шахматистом. Он вспомнил о малышах и о Хрюшке. И ему живо представился Хрюшка, один, забившийся в хижину, жуткую тишину которой нарушают лишь крики бредящих во сне малышей.

— Нельзя ночью оставлять малышей на одного Хрюшку.

Джек, откашлявшись, язвительно, сдавленным голосом проговорил:

— Нельзя допустить, чтобы с Хрюшкой что-нибудь случилось.

Ральф легонько постукивал по зубам грязным кончиком копья.

— Один из нас пойдет напрямик через остров и скажет Хрюшке, что мы вернемся ночью.

— Один? Через лес? — спросил Бил. — Сейчас?

— Мы можем отпустить только одного.

Расталкивая стоявших впереди, под локтем у Ральфа вынырнул Саймон.

— Хочешь, я пойду? Пойду, честное слово.

И не успел еще Ральф ничего ответить, как он, улыбнувшись, повернулся и полез наверх, туда, где начинался лес. И только тогда Ральф посмотрел на Джека.

— Куда ведет тропа?

— На гору, — ответил Джек. — Я же тебе говорил. — Затем насмешливо добавил: — Разве ты туда больше не хочешь?

Ральф вздохнул, ощутив опять подступающую вражду; он понимал, что у Джека это начинается всякий раз, когда он утрачивает первенство.

— Темно скоро, вот я о чем думаю. Спотыкаться будем...

— А я не прочь пойти, — с вызовом сказал Джек. — И пойду, когда мы подымемся на гору. А ты нет? Может, ты лучше вернешься к хижинам — Хрюшку утешить?

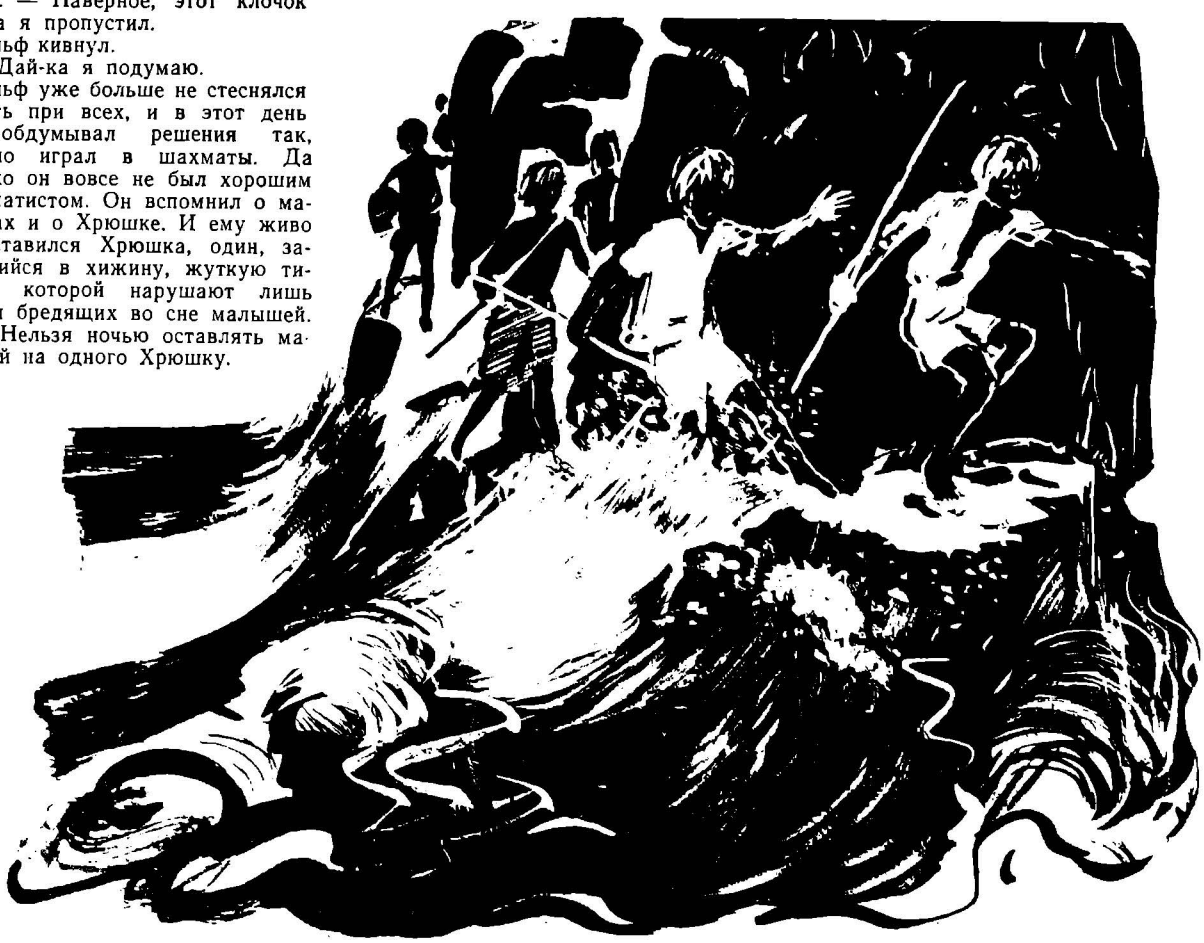
Теперь уже покраснел Ральф; в этот момент он по-новому понял то, о чем ему говорил Хрюшка, и горестно спросил:

— За что ты меня так ненавидишь?

Мальчики неловко потупились, словно было сказано что-то неприличное. Молчание затянулось. Ральф, сердитый и обиженный, первый отвел глаза.

— Ну, пошли.

Кабанья тропа казалась темным тоннелем, потому что солнце быстро сползало на край земли, а в лесу и в полдень всегда было сумрачно. Тропа им попалась широкая и утоптанная, и они пустились по ней рысцой. Потом сплошная крыша листвы вдруг раздвинулась, и они остановились, переводя дух и глядя на первые



звезды, которые зажглись над открывшейся вершиной горы.

Мальчики тревожно поглядывали друг на друга. Ральф принял решение:

— Сейчас пойдем через лес к хижинам, а на вершину полезем завтра.

Они забормотали, соглашаясь, но тут за его спиной послышался голос Джека:

— Конечно, если ты боишься...

Ральф обернулся.

— Кто первый пошел к скальному за́мку?

— И я тоже пошел. Тогда что́, светло было.

— Ну хорошо. Кто хочет лезть на вершину сейчас?

Ответом ему было общее молчание.

Ральф снова повернулся к Джеку.

— Ну, ты видишь?

— Я полезу на вершину. — Слова Джека прозвучали зло, как проклятие. Он смотрел на Ральфа, весь напрягшись и держа пику так, словно угрожал ею. — Я пойду искать зверя... сейчас. — Затем, как отточенное жало, слово — небрежное и горькое: — Пойдем?

Остальные мальчики вдруг забыли, что им нужно немедленно возвращаться, и, решая, кому отдать предпочтение, следили в темноте за этой новой схваткой двух воль. Слово было таким емким, таким горьким и таким язвительным, что не нуждалось в повторении. Оно застало Ральфа врасплох, когда он уже вздохнул облегченно и настроился на возвращение к хижинам, к спокойным, приветливым водам лагуны.

— Пойдем.

Изумленный, он услышал свой голос, такой ровный и невозмутимый, что свел на нет язвительную насмешку Джека.

Джек сделал шаг.

— Тогда... пошли.

Под пристальными взглядами молчавших мальчиков они бок о бок начали подъем.

Ральф вдруг остановился.

— Какая глупость! Что толку идти вдвоем? Ведь если там кто есть, двоих же все равно мало...

Из темноты донесся топот удиравших охотников. Неожиданно одна черная фигура оторвалась от остальных и двинулась в сторону Ральфа и Джека.

— Роджер?

— Да.

— Тогда, значит, нас трое.

И они снова начали карабкаться вверх по склону. Темнота затопляла все вокруг, как океанский прилив. Джек, не проронивший ни слова, вдруг поперхнулся, раскашлялся, а налетевший порыв ветра заставил всех троих яростно отплевываться.

— Зола. Мы на краю горелого леса.

Облачка пыли, взбитые их ногами, на ветру кружились маленькими бесенятами. Мальчики остановились, и у Ральфа, пока он откашливался, было время опять подумать о том, какого они сваляли дурака. Если зверя нет — а его почти наверняка нет, — тогда еще хорошо, но если их кто-то ждет на вершине... что толку от них троих, да еще в темноте, вооруженных всего лишь жалкими палочками?

— Дураки мы, дураки.

Из темноты раздался ответ:

— Сдрейфил?

Ральф раздраженно отряхивался. И все из-за Джека.

— А ты думал! И все равно мы дураки.

— Если ты не хочешь идти дальше, — саркастически сказал голос, — я пойду один.

— Ах так? Иди! А мы тебя здесь подождем.

Стало тихо.

— Ну что ж ты? Страшно?

Смутное пятно в темноте, пятно, которое было Джеком, отодвинулось и начало удаляться.

— Ладно. Ну пока.

Пятно растворилось. На его месте появилось другое.

Ральф почувствовал вдруг под коленом что-то твердое и качнул ногой это нечто, оказавшееся колким обугленным стволом. Острые древесные угольки, которые когда-то были корой, царапнули ему ногу, и он догадался, что Роджер сел на бревно.

Высоко над ними послышался шум: рискуя разбиться, кто-то гигантскими прыжками несся вниз по склону, усыпанному камнями и пеплом. Наконец Джек нашел их и заговорил таким дрожащим и хриплым шепотом, что они едва узнали его голос:

— На вершине кто-то есть. Я видел.

Они услышали, как он, споткнувшись, рухнул на землю, и ствол под ними яростно дернулся. Какое-то мгновение Джек лежал молча, затем пробормотал:

— Ничего не видите? Может, он крадется за мной...

Их обдало золой. Джек сел.

— Он сидел на вершине и раздувался.

— Тебе, наверное, просто показалось, — дрожа, сказал Ральф. — Ну что может раздуваться? Таких зверей нет.

Раздался голос Роджера, и они даже подскочили от неожиданности.

— Лягушка.

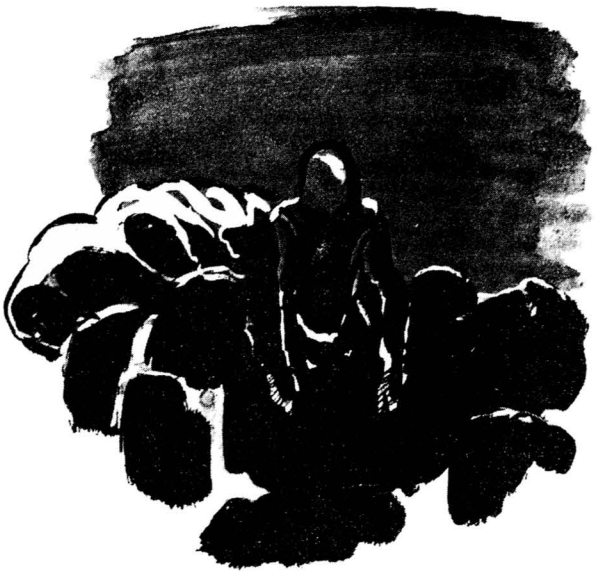
Джек прыснул, но при этом весь передернулся.

— Ничего себе лягушечка. Както хлопает, что ли? И потом раздувается.

Не веря своим ушам, Ральф услышал собственный голос, спокойный и чуть вызывающий:

— Пойдем поглядим.

Ральф почувствовал впервые за



все время их знакомства, что Джек колеблется.

— Сейчас?..

Голос Ральфа, казалось, ответил вместо него самого:

— А то когда же?

Он поднялся со ствола и пошел по скрипучей золе в темноту, Роджер и Джек двинулись за ним.

Теперь, когда он молчал, ему казалось, что он слышит внутренний голос здравого смысла и еще другие голоса. Голос Хрюшки говорил, что это ребячество. Другой голос убеждал его не быть дураком, а кромешная тьма и безумие их затеи создавали у него тревожное ощущение обреченности, как в кресле у зубного врача.

У последнего подъема Джек с Роджером подтянулись ближе, превратившись из каких-то чернильных пятен в различимые фигуры. С общего молчаливого согласия они остановились и припали к земле. У них за спиной, на горизонте, чуть посветлел краешек неба — там, где вот-вот должна была взойти луна. В лесу снова зарычал ветер, и на них прибило лохмотья.

Ральф шевельнулся.

— Пошли.

Они поползли, Роджер чуть отставал. Джек и Ральф вместе завернули за угол квадратного плеча горы. Под ними, далеко внизу, мерцала полоска лагуны, с дальней стороны окаймленная расплывчатой белизной рифа. Роджер догнал их.

— Ползем на четвереньках, — прошептал Джек. — Может, он спит, и тогда...

Роджер и Ральф поползли дальше, а Джек, несмотря на свои храбрые слова, оказался теперь последним. Они вползли на квадратную площадку вершины, ощущая коленями и ладонями твердую шероховатость камня.

Что это за зверь, который раздувается...

Ладонь Ральфа угодила в холодную мягкую золу на месте погасшего костра, и он едва подавил в себе крик. По отдернувшейся руке пробежала дрожь. На мгновение в глазах у него запрыгали тошнотворные зеленые огоньки и разлетелись в темноту. Роджер лежал рядом, Джек шепнул в самое ухо:

— Вон там, где всегда была впадина... Тот бугор — видишь?

Ветер швырнул золу прямо в лицо Ральфу. Он не увидел впадину, и вообще ничего не мог увидеть, потому что в глазах у него, разгораясь, опять вспыхнули зеленые огоньки, а вершина стала кружиться.

И снова, откуда-то издалека, донесся шепот Джека:

— Страшно стало?

Страшно? Не то слово — его парализовало; он неподвижно висел на вершине стремительно уменьшающейся и куда-то плывущей горы. Джек скользнул в сторону, шумно дыша, наткнулся на него, пошарил рукой и пополз вперед. Ральф услышал шепот:

— Ты что-нибудь видишь?

— Я вижу там...

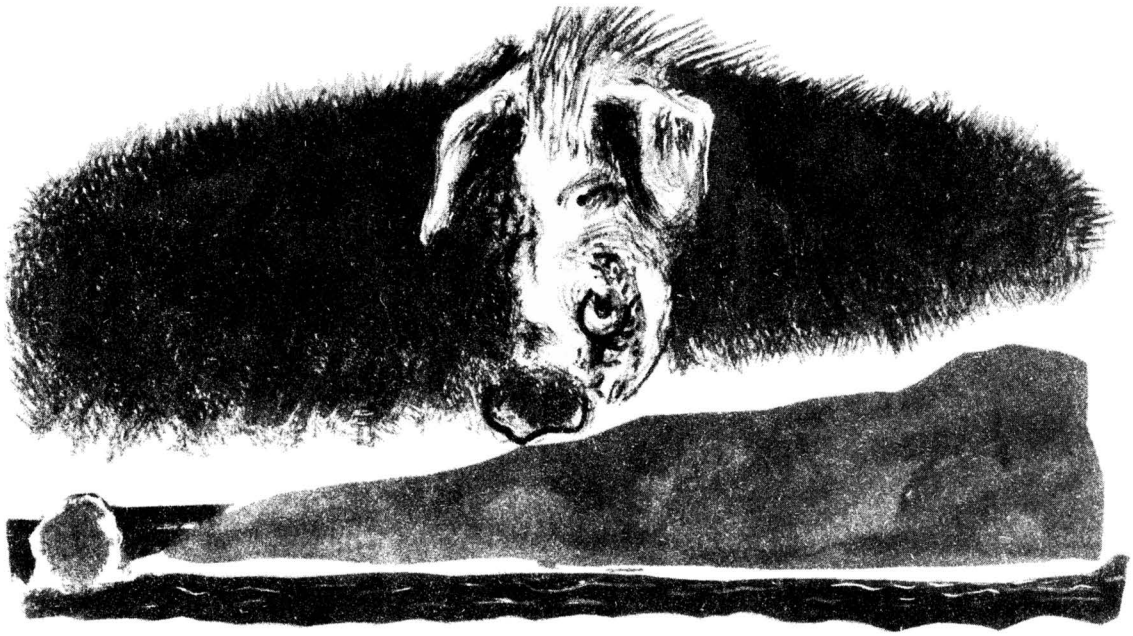
Впереди, в каких-то трех или четырех ярдах, виднелся похожий на скалу бугор — там, где его не должно было быть. Откуда-то Ральф услышал странный клацающий звук... кажется, из своего собственного рта. Невероятным усилием воли Ральф взял себя в руки, обратив страх и отвращение в ненависть, и встал. Его налившиеся свинцом ноги сделали два шага вперед.

За спиной у них серп луны уже поднялся над горизонтом. Перед ними было какое-то существо, похожее на обезьяну, которое спало сидя, уронив голову на колени. В лесу зарычал ветер, в темноте произошло движение, и существо подняло голову, повернув к мальчикам нечто вроде лица.

Ральф почувствовал, как ноги сами понесли его; он услышал за собой топот и крики и, не разбирая пути, ринулся вниз по темному склону. А на вершине горы опять было пусто — остались только три брошенных деревянных копья и существо, которое сидело и кланялось.

Продолжение следует

Перевел с английского
В. ТЕЛЬНИКОВ



УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

Роман

ГЛАВА 8. ДАР ТЬМЕ

Хрюшка растерянно перевел взгляд с чуть белевшего в предрассветной мгле пляжа на темную гору.

— Может, тебе показалось? Это точно?

— Я тебе уже двадцать раз сказал, — ответил Ральф. — Мы е г о видели.

— А сюда, как думаешь, о н не придет?

— Да откуда мне знать, черт подери!

Ральф в сердцах отвернулся и подошел к Джеку. Тот стоял на коленях и пальцем выводил круги на песке.

— Так вы уверены? — донесся приглушенный голос Хрюшки. — Вы точно знаете?

— Поди проверь, — презрительно сказал Джек.

— Ну уж нет...

— У него зубы, — сказал Ральф, — и большие черные глаза.

Ральф весь передернулся. Хрюшка снял очки и протер уцелевшее стеклышко.

— Что же нам теперь делать?

Ральф повернулся к платформе. Среди деревьев поблескивала раковина — белая капля на фоне розовевшего неба. Он откинул назад свои космы.

— Не знаю.

Ему вспомнилось паническое бегство с горы.

— По правде, я не верю, чтобы мы могли пойти на такого зверя — уж больно он большой. Как бы мы ни храбрились, тигра, например, нам не одолеть. Попрятались бы. Все, и даже Джек.

— А мои охотники? — спросил Джек, не подымая головы.

Саймон боязливо вышел из сумрака, который окутывал хижины. Ральф не ответил Джеку. Он указал на желтый отсвет над горизонтом.

— Пока светло, все мы храбрые. А потом? Он там расселся у костра, будто хочет, чтобы нас не спасли... — Ральф заламывал руки, голос его дрожал. — Нет у нас теперь сигнального костра... Мы пропали.

Над морем показался самый краешек солнца, золотая точка, и все небо сразу же засветилось.

— А мои охотники?

— А-а, мальчишки с палками.

Джек встал. Залившись краской, он решительно пошел прочь. Хрюшка надел очки и через единственное стеклышко посмотрел на Ральфа.

— Ну вот. Теперь ты оскорбил его охотников.

— А-а, замолчи ты!

И вдруг Джек громко и неумело затрубил в рог. Словно серенада восходящему солнцу, все лились и лились звуки рога; в хижинах все проснулись, и охотники стали один за другим пробираться к платформе, а малыши, как это теперь часто бывало, захныкали. Ральф послушно встал, и они с Хрюшкой пошли на собрание.

— Болтовня, — горько сказал Ральф, — болтовня, одна болтовня. — Он взял у Джека рог. — Это собрание...

— Я созвал его, — прервал Джек.

— Я бы и без тебя его созвал. Ты только протрубил в рог.

— И это, по-твоему, не созвал?

— Ну и пожалуйста! Валяй говори.

Ральф сунул раковину в руки Джеку и сел на свое место.

— Я созвал это собрание, — сказал Джек, — потому что надо о многом поговорить. Во-первых... вы знаете, мы видели зверя. Мы подползли к нему. Были от него в двух шагах. Зверь сел и посмотрел на нас. Я не знаю, что он там делает. Мы даже не знаем, что это за зверь...

— Он выходит из воды...

— Из темноты...

— На деревьях живет...

— Тихо! — закричал Джек. — Вы слушайте! Этот зверь, кто бы он ни был, сидит на вершине...

— Может, он ждет...

Продолжение. Начало в №№ 7—9.

— Охотится...

— Да, да, охотится.

— Охотится, — сказал Джек. — Он вспомнил, как иногда в лесу его охватывал первобытный страх. — Да. Зверь этот — охотник. Только... Да замолчите! Так вот, во-вторых, убить его мы не смогли. И еще: Ральф сказал, что мои охотники никуда не годятся.

— Я этого не говорил!

— Рог у меня. Ральф думает, что вы трусы... убежали от кабана и от зверя. И это еще не все.

На платформе послышалось что-то вроде общего вздоха, как будто все знали, что сейчас произойдет.

— Что он, что Хрюшка — одно и то же. Он и говорит совсем как Хрюшка. Он не годится в вожди. — Джек прижал к себе раковину. — Он сам трус. — Помолчав. Джек продолжал: — На вершине, когда мы с Роджером пошли дальше, он... не пошел.

— Я тоже пошел!

— Это уже потом было.

Они смотрели друг на друга в упор сквозь нависшие космы.

— Я тоже пошел, — сказал Ральф. — А уже потом убежал. Но и вы тоже убежали.

— А сам назвал меня трусом...

Джек повернулся к охотникам.

— Он не охотник. Ни разу не достал нам мяса. Он что, самый умный? Этого-то как раз о нем не скажешь. Отдает дурацкие приказы и ждет, что ему повиноваться будут неизвестно с чего.

— Все это одна болтовня! — закричал Ральф. — Болтовня! Болтовня! А кому она нужна! Кто собрал всех, я?

Покраснев и нагнув голову, Джек обернулся. Даже под бровями кожа у него стала пунцовой.

— Ну хо-ро-шо, — сказал он многозначительно и зловеще. — Хорошо. — Прижав раковину к груди, Джек резко вытянул свободную руку вперед, пронзая воздух указательным пальцем. — Кто считает, что Ральф не годится быть вождем?

Он обвел всех выжидающим взглядом, но их лица словно окаменели. Под пальмами стояла гробовая тишина.

— Поднимайте руки, — строго сказал Джек, — все, кто не хочет, чтобы Ральф был вождем.

Молчание продолжалось — напряженное, тяжелое, стыдливое. Краска медленно отлила с лица Джека, затем стремительно, как приступ боли, прилила снова. Он облизнул губы и повернул голову так, чтобы не встретиться ни с чьим взглядом.

— Кто считает, что...

Голос у него сорвался. Руки, державшие раковину, затряслись. Он кашлянул и громко сказал:

— Ну, тогда ладно.

С величайшей осторожностью он положил раковину на траву у своих ног. Из уголков его глаз бежали слезы унижения.

— Больше я с вами не играю. Я выхожу из компании Ральфа... — Он смотрел направо, пересчитывая сидевших на стволах охотников, которые когда-то были хористами. — Я буду жить сам по себе. А он пусть сам ловит свиней. А кто захочет охотиться вместе со мной — пусть приходит.

Ничего не видя перед собой, он перелез через лежащие стволы и остановился там, где гранитная платформа обрывалась к белому песку.

— Джек!

Джек обернулся и посмотрел на Ральфа. И после секундного колебания крикнул гневным и пронзительным голосом:

— Нет!

Он спрыгнул с платформы и побежал вдоль берега, уже не пытаясь сдерживать хлынувшие слезы. Ральф смотрел ему вслед, пока тот не скрылся в лесу.

Тихо, глядя на Хрюшку, но не видя его, Ральф сказал самому себе:

— Он вернется. Когда солнце зайдет, он вернется. — Ральф посмотрел на раковину, которую держал Хрюшка. — Что?

— Ну вот, пожалуйста!

Хрюшка больше не стал упрекать Ральфа. Он снова протер единственную линзу и вернулся к своей теме.

— Обойдемся без Джека Мередью. Другие найдутся. А раз на острове в самом деле есть зверь, хоть мне трудно в это поверить, мы не должны отсюда далеко уходить. Теперь Джек и подавно не нужен. И его охота тоже. Теперь уж мы по-настоящему во всем разберемся.

— Бесполезно, Хрюшка. Ничего уже нельзя сделать.

Некоторое время все сидели в тягостном молчании. Неожиданно встал Саймон и взял раковину у Хрюшки, который так изумился, что невольно поднялся на ноги. Ральф посмотрел на Саймона.

— Саймон? Ну, что теперь?

По всему кругу мальчиков пробежал смешок. Саймон съежился.

— Мне кажется, кое-что можно бы сделать.

От стеснения у него пропал голос. В поисках сочувствия Саймон задержал взгляд на Хрюшке. Полуобернувшись к нему, Саймон прижал раковину к своей коричневой груди.

— Мне кажется, нам нужно забраться на гору.

Все задрожали от страха. Сразу замолчав, Саймон весь повернулся к Хрюшке, но тот смотрел на него насмешливо и отчужденно.

— Какой прок лезть наверх к зверю, когда даже Ральф с двумя охотниками ничего не смог сделать?

В ответ Саймон тихо прошептал:

— Больше ничего не остается.

Поскольку выступление было закончено, он не помешал Хрюшке взять у него раковину. Он вернулся на место и сел как можно дальше от остальных.

В голосе Хрюшки теперь была уверенность и еще что-то, в чем мальчики, не будь их положение столь серьезным, легко узнали бы удовольствие.

— Я сказал, что мы вполне можем обойтись и без некоей личности. А теперь я говорю: мы должны решить, что делать. И мне кажется, я знаю то, что собирается сказать вам Ральф. Самое важное на острове — дым, а дыма без огня не бывает.

Ральф отмахнулся.

— Не выйдет, Хрюшка. Нет у нас костра. Там сидит... он, а нам придется сидеть здесь.

— На горе костер нам не развести. Ну, а что плохого, если мы разведем костер здесь, внизу? Сложить его можно на тех скалах. И даже на песке. И будет у нас такой же дым.

— Верно!

— Дым!

— Возле бассейна!

Все заговорили разом. Только Хрюшка с его смелостью мысли мог предложить перенести костер на берег!

— Значит, разведем костер здесь, внизу, — сказал Ральф. Он посмотрел вокруг. — Устроим его прямо здесь, между бассейном и нашей площадкой... Правда... — Он умолк, нахмурился и все думал, думал, незаметно для себя обкусывая ноготь на большом пальце. — Правда, дым отсюда будет хуже виден... не так далеко, как раньше. Зато не нужно будет близко подходить к... к этому...

Отлично понимая его, все заки-

вали. Да, им не нужно будет близко подходить.

— Тогда давайте складывать костер.

Самые великие идеи — самые простые. Теперь мальчикам было что делать, и они с жаром взялись за работу. Хрюшка чувствовал себя таким счастливым и свободным без Джека и так гордился своим вкладом, что даже принялся таскать валежник. Благо идти ему далеко не пришлось; Хрюшка поволок ствол, на котором никогда не сидели и который тем не менее никто не решался брать, потому что все на платформе, даже бесполезное, казалось им священным.

Внизу валежник был не таким сухим, как на горе. Бóльшей частью это было сыроватое гнилье, усеянное снующими насекомыми; поднимать стволы приходилось осторожно, чтобы они не рассыпались влажной трухой. Боясь углубляться в лес, мальчики собирали вокруг весь валежник, как бы его ни опутывали молодые поросли. Привычный им край леса с просекой при дневном свете, рядом с магической раковиной и хижинами казался приветливым. И поэтому они работали с воодушевлением и радостью, хотя, по мере того как шло время, их воодушевление все больше походило на панику, а радость — на истерику. На голом песке возле платформы возникла пирамида из стволов, сучьев, веток и листьев. Впервые за все время Хрюшка сам снял очки и, опустившись на колени, единственной линзой направил на сухую щепку пучок солнечных лучей. Вскоре под пологом дыма поднялся желтый куст пламени.

Малыши, которым со времени пожара почти не доводилось видеть огонь, пришли в возбуждение. Они запели, заплясали, словно на веселом пикнике.

Наконец Ральф бросил работу и остановился, стирая пот грязной рукой.

— Нужно, чтобы костер был меньше. С таким нам не справиться.

— Нужно составить новый список дежурных у костра.

— Да, если ты только кого найдешь...

Ральф посмотрел вокруг. Только теперь он заметил, как мало осталось с ними больших, и ему стало ясно, почему он так устал.

— Где Морис? Где Бил и Роджер?

Хрюшка наклонился и положил в костер сухую ветку.

— Мне кажется, они ушли. Наверное, они тоже с нами больше не играют.

Ральф сел и стал пальцем выдавливать на песке маленькие дырочки. Он очень удивился, увидев в одной из них каплю крови. Осмотрев палец, он обнаружил, что на том месте, где ноготь был обкусан до мяса, собиралась новая капля.

— Я видел, как они улизнули, — продолжал Хрюшка,— пока мы валежник таскали. Удрали в ту сторону. Туда же, куда он.

Ральф поднял голову. Небо словно из сочувствия к огромным переменам в их жизни, тоже было сегодня совсем другим и таким мглистым, что горячий воздух казался кое-где белым. Тусклый диск солнца отливал серебром, будто солнце приблизилось к земле и стало не таким горячим, хотя дышать все равно было нечем.

— От них все равно одна морока была, верно?

Голос Хрюшки звучал у него прямо за спиной, и в нем явно слышалось беспокойство.

— Мы и без них можем обойтись. Еще лучше будет, правда?

Ральф сидел молча. Подошли близнецы, волоча за собой огромное бревно и победно улыбаясь.

— Мы и сами прекрасно обойдемся.

Бревно подсохло, занялось пламенем, сгорело и превратилось в раскаленные угли, а Ральф все сидел на песке и молчал. Он не видел, как Хрюшка подошел к близнецам и стал с ними шептаться, и не заметил, как они втроем отправились в лес.

— Вот, возьми, пожалуйста.

Вздрогнув, он пришел в себя. Хрюшка и близнецы стояли рядом. Каждый держал по охапке плодов.

— Я подумал, — сказал Хрюшка, — не устроить ли нам что-то вроде праздника.

Они тоже сели. Плодов было очень много и все спелые. Ральф взял несколько штук и принялся есть, близнецы и Хрюшка заулыбались.

— Спасибо, — сказал он. И еще раз, с оттенком приятного удивления: — Спасибо!

— Теперь мы во как заживем сами, — сказал Хрюшка. — Это все из-за них согласия не было. Мы сделаем маленький костер, такой жаркий...

Ральф вспомнил о том, что его беспокоило.

— Где Саймон?

— Не знаю.

— Как думаешь, не полез ли он на гору?

Хрюшка шумно рассмеялся и взял себе еще несколько плодов.

— А что? Может, — сказал он с набитым ртом. — Он же чокнутый.

Саймон прошел через рощу с плодовыми деревьями, но сегодня малыши были слишком заняты костром на берегу, и за ним никто не погнался. Он продирался сквозь заросли, пока не добрался до того места, где лианы сплелись огромным ковром, завесившим выход на опушку, и заполз в самую гущу. Снаружи все заливал солнечный свет, и посреди лужайки бабочки исполняли свой нескончаемый танец. Саймон опустился на колени, и сверху на него упала солнечная стрела. Как и в прошлый раз, воздух, казалось, вибрировал от жары, но сегодня в нем было что-то угрожа-

ющее. Вскоре из-под шапки жестких длинных волос Саймона побежали струйки пота. Он попробовал спрятаться от солнца, но оно проникало всюду. Потом ему захотелось пить, потом жажда стала нестерпимой.

Он продолжал сидеть.

В нескольких милях дальше по берегу перед небольшой группой мальчиков стоял Джек. Он весь светился от счастья.

— Охотиться будем, — сказал он, окидывая их оценивающим взглядом. У каждого на голове была изорванная черная шапочка. Казалось, века минули с той поры, когда кроткие мальчики эти стояли в церкви и пели ангельскими голосами.

— Будем охотиться. Вождем буду я.

Они кивнули, и все решилось легко и быстро.

— И потом — насчет зверя.

Они вздрогнули и оглянулись на лес.

— Вот что я скажу. Мы о нем вовсе думать не станем. Да, да.

— Забудем про него — и все.

— Верно!

— Забудем про зверя!

Если их восторженность и удивила Джека, то он этого не показал.

— И еще одна вещь. Здесь, внизу, нам не будут сниться такие сны по ночам. Здесь конец острова.

Они соглашались со всей горячностью своих измученных страхом душ.

— Так слушайте. Потом мы, может, пойдем к скальному замку. Но сперва я сделаю так, чтобы все большие бросили заниматься этой ерундой с рогом и пришли ко мне. Мы убьем свинью и устроим пир. — Он помолчал, затем заговорил уже медленнее: — И еще насчет зверя. Когда убьем свинью, будем всякий раз немного оставлять ему. Может, он тогда нас не тронет. — Он резко выпрямился. — А теперь — в лес, на охоту.

Повернувшись, Джек пустился рысцой, и остальные, чуть помедлив, послушно двинулись за ним.

В лесу они пошли развернутым строем, нервно озираясь по сторонам. Почти сразу Джек нашел вырытые и разбросанные корешки — свидетельство того, что здесь была свинья, — и вскоре вышел на свежий след. Джек подал сигнал всем остановиться и пошел вперед. Он был счастлив и чувствовал себя в сыром мраке леса так же привычно, как в своей старой одежде. Он пополз вниз, к скалам и редким деревьям у моря.

Свиньи лежали под деревьями, словно набитые жиром мешки, и сладострастно наслаждались тенью. Ветра не было, и животные не подозревали об опасности, а Джек научился подкрадываться бесшумно, как тень. Так же неслышно он вскарабкался обратно и обратился с наставлением к притаившимся охотникам. Они осторожно двинулись вперед, потея от напряжения и жары. Под деревьями лениво шевельнулось ухо какой-то свиньи. Немного в стороне от остальных лежала самая большая свинья, погруженная в материнское блаженство. Она была черная с розовыми пятнами, к ее огромному вздутому брюху припал рядок поросят: одни спали, другие возились и попискивали.

Ярдах в пятнадцати от стада Джек остановился, и его рука, протягиваясь вперед, указала на свинью с поросятами. Он обвел всех взглядом, чтобы удостовериться, что его поняли, и мальчики кивнули ему. Их правые руки медленно замахнулись.

— Давай!

Стадо свиней сорвалось с места, и с расстояния в десять шагов в выбранную Джеком свинью полетели копья с закаленными на огне наконечниками. Один поросенок, волоча за собой копье Роджера, с сумасшедшим визгом бросился в море. Свинья издала какой-то сдавленный стон и поднялась, шатаясь, с двумя копьями, застрявшими в ее жирных боках. Громко крича, мальчики бросились вперед, поросята разбежались, а свинья, прорвав кольцо, понеслась напролом через заросли.

— За ней!

Охотники окружили кусты, но свинье удалось вырваться, и она помчалась по лесу, унося в жирном боку жало еще одного копья. Волочившиеся древки мешали ей бежать, а зазубренные острия причиняли мучительную боль. Свинья налетела на дерево, еще глубже вогнав в себя одно из копий, и теперь путь ее бегства был помечен свежими каплями крови. Медленно тянулся полдень, мглистый и зловещий от влажной духоты; обезумевшая свинья спотыкалась и истекала кровью, а охотники, взволнованные долгим преследованием и пролитой кровью, гнались за ней

Рисунки С. ПРУСОВА

с вожделением. Они уже видели ее, почти настигли, но свинья, рванувшись из последних сил, снова оказалась впереди. А когда они снова уже почти настигли ее, она, шатаясь, выбежала на лужайку, где росли цветы и в горячем неподвижном воздухе плясали пестрые бабочки.

Сраженная жарой, свинья рухнула, и на нее навалились охотники. Обезумев от этого нападения неведомых существ, она завизжала и забилась; шум, пот, кровь и страх наполнили воздух. Роджер бегал вокруг груды тел, тыча копьем всюду, где на секунду показывалась шкура свиньи. Джек сидел верхом на свинье и ножом наносил удар за ударом. Копье Роджера впилось в плоть, и он, проталкивая его глубже и глубже, навалился на древко всем телом. Копье продвигалось дюйм за дюймом, и испуганный визг превратился в пронзительный вопль. Между тем Джек добрался до горла, и по его рукам хлынули потоки горячей крови. И свинья обмякла под охотниками, отяжелевшими и удовлетворенными. А посреди лужайки все так же самозабвенно плясали бабочки.

Дело было сделано, и мальчики расступились. Джек встал, разводя руками.

— Гляньте-ка.

Он хихикал и тряс руками, а мальчики, глядя на его дымящиеся ладони, смеялись. Джек вдруг схватил Мориса и измазал ему щеки кровью. Роджер принялся вытаскивать копье, на которое только теперь все обратили внимание.

— В самый зад всадил! — пояснил Роберт, вызвав общий восторг.

— Слыхали?

— Слыхали, что он сказал?

— В самый зад!

На этот раз Морис и Роберт вдвоем устроили представление, и Морис так смешно изображал попытки свиньи увернуться от копья, что все завизжали от хохота.

Наконец и это им надоело. Джек обтер окровавленные руки о камень. Затем, принявшись за свинью, распорол ей брюхо, и на глазах у всех вытащил мотки горячих кишок и свалил в кучу на камни. Работая, он говорил:

— Пойдем с мясом по берегу. А я схожу на площадку и позову их пировать. Чтобы не терять времени.

— Вождь... — заговорил Роджер.

— А?

— А как мы огонь будем разводить?

Джек присел на корточки и хмуро посмотрел на свинью.

— Нападем на них и возьмем огонь. Вас будет четверо: Генри, ты, Бил и Морис. Раскрасимся и подкрадемся. Роджер выхватит головню, а тем временем я скажу им, что нужно. А вы, остальные,—вы отнесете мясо туда, где мы были. Там мы разведем костер. А после... — Он помолчал и встал, глядя на тени под деревьями. Когда он снова заговорил, его голос был намного тише. — Но часть добычи мы оставим для... — Он снова опустился на колени и принялся орудовать ножом. Мальчики толпились вокруг.— Возьми какую-нибудь палку и заостри ее с обоих концов, — сказал он Роджеру через плечо.

Джек встал, держа в руках окровавленную голову свиньи.

— Ну, где палка?

— Вот.

— Забей ее одним концом в землю. Стой, здесь камень. Туда, в трещину.

Джек приподнял свиную голову и насадил ее на острый конец палки, которая прошла насквозь и вышла через рот. Он отступил на шаг и голова повисла, вниз по палке потекли струйки крови.

Мальчики тоже инстинктивно подались назад. В лесу было очень тихо. Они прислушались; самым громким звуком было жужжание мух над вываленными кишками.

— Берите свинью, — прошептал Джек.

Морис и Роджер насадили тушу на палку, подняли мертвый груз и приготовились идти. В тишине, стоя над высохшей кровью, они почему-то выглядели воровато.

— Эта голова — для зверя, — громко сказал Джек. — Наш дар.

Молчание приняло дар и вселило в них страх. Голова осталась там — мутновзорная, чуть ухмылявшаяся, и между зубами ее чернела кровь. А мальчики уже бежали прочь по лесу в сторону берега.

Саймон остался на месте — неподвижная маленькая фигурка, скрытая листвой. Даже когда он смыкал веки, явственный образ свиной головы не исчезал. Полузакрытые глаза тускло смотрели на него с безграничным взрослым цинизмом. Они убеждали, что жизнь — ужасно скверная штука.

— Я знаю.

Саймон обнаружил, что сказал это вслух. Он быстро открыл глаза: освещенная странным дневным светом, голова насмешливо ухмылялась, не обращая внимания на мух, на сваленные в кучу кишки и даже на то, что сама она недостойнейшим образом насажена на палку.

Он отвел взгляд, облизывая сухие губы.

Дар зверю. Значит, зверь может прийти за этим даром? Голова, думал он, как будто соглашается. Беги отсюда, вернись к остальным. Это была всего лишь шутка — так чего тебе беспокоиться? Ты малость не в себе, вот и все. Затылок напекло, а может, съел не то. Возвращайся к ним, дитя, — молча внушала голова.

Саймон поднял глаза и, чувствуя тяжесть мокрых волос, поглядел на небо. Там впервые за все время были тучи — огромные разбухшие башни, разраставшиеся во все стороны над островом, серые, кремовые, медно-рыжие! Тучи давили; возникая одна за другой, они уплотняли и без того душную мучительную жару. Даже бабочки покинули лужайку, где ухмылялась эта мерзость, с которой капала кровь. Старательно жмурясь, Саймон опустил голову, отвернулся, прикрыл глаза ладонью. Под деревьями не было теней, все застыло, залитое жемчужным светом, и то, что существовало на самом деле, казалось иллюзорным и неопределенным. Груда кишок превратилась в черный клубок мух, жужжащий, как механическая пила. Некоторое время спустя мухи нашли и Саймона. Объевшись, они теснились у ручейков пота и пили. Щекотали ноздри и играли в чехарду на ногах. Черные и радужно-зеленые, и им не было числа; а прямо перед Саймоном Повелитель Мух торчал на палке и ухмылялся. Саймон сдался и посмотрел: белые зубы, тусклые глаза, кровь... И взгляд его застыл во власти неизбежно знакомого древнего образа. В правом виске у Саймона забился пульс, отдаваясь по всей голове.

Ральф и Хрюшка лежали на песке и, глядя на огонь, швыряли камушки в бездымное сердце костра.

— Та ветка уже сгорела.

— Где Сэм-и-Эрик?

— Нужно еще принести. Зеленых веток совсем не осталось.

Вздохнув, Ральф поднялся. Под пальмами не было тени; казалось, что этот странный свет льется со всех сторон. В вышине, среди разбухающих туч, как пушечный выстрел, прогремел гром.

— Ох и польет же сейчас.

— А как же костер?

Ральф сбегал в лес и вернулся с большой разлапистой веткой, которую тут же бросил поверх костра. Ветка затрещала, листья скрутились, и повалил желтый дым.

Хрюшка бесцельно чертил пятерней по песку.

— Для костра не хватает людей — вот в чем беда. Сэм-и-Эрика приходится ставить на дежурство вместе. Они все делают вместе.

— Ясное дело.

— Так ведь это несправедливо. Разве ты не понимаешь?

Ральф подумал и понял. Раздосадованный, он еще раз убедился, что не умеет думать как взрослые, и снова вздохнул. Дела оборачивались все хуже.

— Хрюшка, что же нам делать?

— Будем жить без них.

— А как же костер? — Он хмуро смотрел на черно-белую груду золы. Он попытался сформулировать свои мысли: — Мне страшно. — Он встретил взгляд Хрюшки и сбивчиво продолжал: — Не из-за зверя. Его я, конечно, тоже боюсь. Но, кроме нас, никому нет дела до костра. Вот если тебе веревку кидают, когда тонешь... Или вот врач скажет: прими лекарство, а то умрешь, — разве ты не послушаешься? Ну скажи, не послушаешься?

— Конечно, послушаюсь.

— Как же они этого не видят? Как же они не понимают? Не будет сигнального дыма — так мы здесь и умрем.

Вдруг ближний лес взорвался оглушительными воплями. На берег выскочили демонические существа с бело-красно-зелеными лицами, и малыши с визгом бросились врассыпную. Уголком глаза Ральф видел, как убегает Хрюшка. Две фигуры устремились к костру, и Ральф уже приготовился защищаться, но они схватили полуобгоревшие ветки и побежали вдоль берега. Трое других стояли, не сводя глаз с Ральфа, и в самом высоком из них, на котором не было ничего, кроме краски да ремня, он узнал Джека. Ральф перевел дух и спросил:

— Ну что?

Не обращая на него внимания, Джек поднял копье и закричал:

— Слушайте меня все! Я и мои охотники, мы живем на берегу у плоской скалы. Мы ходим на охоту, пируем и веселимся. Кто хочет вступить в мое племя — приходите в гости. Может, я разрешу вам остаться. А может, нет.

Умолкнув, Джек посмотрел вокруг. Маска из красок защищала его от стыда и неловкости, и он спокойно разглядывал мальчиков одного за другим. Ральф стоял на одном колене перед остатками костра, как спринтер у стартовой отметки, и его лицо, измазанное сажей, наполовину прикрывали волосы. Сэм-и-Эрик выглядывали из-за пальмы на краю леса. Возле бассейна ревел какой-то малыш, весь сморщенный и красный, а Хрюшка стоял на платформе, прижимая к себе белую раковину.

— Сегодня вечером мы устраиваем пир. Мы убили свинью, у нас есть мясо. Кто хочет — приходите, я угощаю.

Над ними в каньонах туч снова загремел гром. Джек и оба его неопознанных дикаря вздрогнули, посмотрели вверх, затем оправились от испуга. Малыш продолжал реветь. Джек чего-то ждал.

— Давайте, ну! — приказал он шепотом.

Дикари невнятно заворчали.

— Ну! — резко повторил Джек.

Дикари переглянулись, подняли копья и сказали вместе:

— С вами говорил Вождь!

Все трое повернулись и поспешили прочь. Ральф встал, глядя туда, где исчезли дикари. Подошли Сэм-и-Эрик, испуганным шепотом говоря:

— Я думал, это...

— ...и тогда я так...

— ...испугался.

Хрюшка стоял над ними на площадке, все еще прижимая к себе раковину.

— Это Джек, Морис и Роберт, — сказал Ральф. — Ничего себе они веселятся!

— Когда я увидел Джека, то подумал, что он пришел за рогом. Сам не знаю почему.

Мальчики посмотрели на раковину с любовью и уважением. Хрюшка вложил ее в руки Ральфу, и малыши, увидев знакомый символ, начали возвращаться.

— Нет, не здесь.

Ральф повернулся и пошел на собрание, испытывая потребность в соблюдении ритуала. Нежно покачивая на руках белую раковину, он шел первый, за ним очень мрачный Хрюшка, потом близнецы, потом малыши и все остальные.

— Все садитесь. Они сделали набег из-за огня. Они веселятся. Но... это самое... как его...

Ральфу показалось, будто дрожащая пелена заволокла его сознание. Он не мог вспомнить, что же такое он хотел сказать... Затем пелена спала. Они следили за ним с серьезными лицами, пока еще не испытывая сомнений в его пригодности быть вождем. Ральф сдвинул с глаз идиотские космы и посмотрел на Хрюшку.

— Ну да, конечно, э... костер! — Он было засмеялся, затем оборвал смех и дальше заговорил гладко: — Костер — это самое важное. Без костра нас не смогут спасти. Мне тоже хочется раскраситься воином и играть в дикарей. Но мы должны все время поддерживать костер. Костер — самое важное на острове, потому что... потому что...

Он снова замолчал, и установилась недоуменная тишина. Выручая Ральфа, Хрюшка шепнул:

— Нас не спасут.

— Да-да. Без костра нас не спасут. Поэтому мы должны остаться у костра и дымом подавать сигнал.

Когда он кончил, никто не проронил ни слова. После стольких блистательных речей выступление Ральфа даже малышам показалось жалким. Наконец Бил протянул руки за рогом.

— Мы не можем жечь костер там, наверху, потому что... потому что мы не можем жечь костер наверху... и нам не хватает людей, чтобы он все время горел. Давайте сходим на этот пир и скажем им, что мы не справляемся. А что до охоты и всего остального... я про игру в дикарей... так это, должно быть, ужасно весело.

Рог взяли Сэм-и-Эрик.

— Должно быть, очень весело... про что Бил сказал... и нас ведь пригласил он...

— ...на пир..

— ...есть мясо...

— ...поджаристое...

Ральф поднял руку.

— Так давайте тогда сами себе добудем мяса.

Близнецы переглянулись.

— Нам нельзя идти в джунгли, — ответил за всех Бил.

С минуту все молчали, затем Хрюшка пробормотал:

— Мясо...

Малыши сидели с серьезными лицами, думая о мясе и глотая слюнки. Над головой снова бухнула пушка, внезапно налетел горячий ветер, и застучали сухие пальмовые ветки.

— Глупый маленький мальчик, — сказал Повелитель Мух, — да-да, ты глупый маленький несмышленыш.

Саймон пошевелил во рту распухшим языком, но ничего не сказал.

— Ты согласен? — настаивал Повелитель Мух.—Ты всего лишь глупый маленький мальчик. Разве не так?

Саймон ответил ему молчаливым согласием.

— Ну, а тогда, — продолжал Повелитель Мух, — беги-ка ты лучше отсюда и играй вместе со всеми. Они-то думают, что ты чокнутый. Тебе ведь не хочется, чтобы Ральф считал тебя чокнутым, верно? Ты же любишь Ральфа, да? И Хрюшку, и Джека?

Голова Саймона чуть запрокинулась. Он был не в состоянии отвести глаза, и Повелитель Мух висел перед ним в пространстве.

— Ну что тебе здесь одному делать? Разве ты не боишься меня?

Саймон дрожал.

— Ведь тебе никто не поможет. Разве что я. А я — Зверь.

Непослушными губами Саймон с трудом произнес вслух:

— Свиная голова на палке.

— Да смешно и думать, что Зверя можно затравить и убить! — воскликнула голова. Лес и все вокруг, такое тусклое и неразличимое, огласилось вдруг омерзительным хохотом. — Ты же это знал, разве нет? Я часть тебя. Часть каждого из вас. Из-за меня у вас ничего не выходит, да? И поэтому у вас все так, как есть.

И снова задрожал смех.

— Ну скорей же, — сказал Повелитель Мух. — Возвращайся к остальным, и делу конец!

Голова Саймона подрагивала. Глаза его были полузакрыты, словно он подражал этой мерзости, торчавшей на палке. Он знал, что сейчас случится это. Повелитель Мух раздувался, как воздушный шар.

— Ну это же просто смешно. Ты ведь отлично знаешь, что встретишься со мной и там, внизу. Даже не думай скрыться от меня!

Тело Саймона изогнулось и напряглось. А Повелитель Мух заговорил голосом школьного учителя:

— И дело зашло слишком далеко. Мой бедный мальчик, попавший под дурное влияние! Неужели ты думаешь, что знаешь лучше меня, как поступить?

Последовала пауза.

— Я предупреждаю тебя. Ты меня доведешь до бешенства. Ну? Ты лишний. Понял? Мы собираемся хорошо повеселиться на этом острове. Понял? Мы собираемся повеселиться на этом острове! И лучше не пытайся нам мешать, а не то...

Саймон увидел, как перед ним распахнулась огромная пасть. Там была черная тьма, и она расширялась.

— А не то, — продолжал Повелитель Мух, — мы разделаемся с тобой. Понял? И Джек, и Роджер, и Морис, и Бил, и Хрюшка, и Ральф — все мы. Разделаемся. Понял?

Саймон был уже внутри пасти. Он упал и потерял сознание.

ГЛАВА 9. ЛИЦО СМЕРТИ

Тучи продолжали громоздиться над островом. Непрерывный поток нагретого воздуха весь день поднимался с гор, взмывая ввысь и собираясь там в десяти тысячах футов над землей; бурлящие массы пара нагнетали электричество, и в воздухе стал

назревать взрыв. Солнце скрылось еще до приближения вечера, и вместо ясного, дневного света разливалось медное сияние. Даже морской бриз был горячим и не освежал. Утратили свой цвет и вода, и деревья, и розовые проплешины скал, а белые и коричневые тучи все сгущались. Благоденствовали одни лишь мухи, которые облепили, вычернили своего Повелителя и сделали свиные кишки похожими на кучу поблескивающего угля. В носу у Саймона лопнул сосуд, и хлынула кровь, но мухи не трогались с места, предпочитая терпкий запах убоины.

С потерей крови настало облегчение, и припадок Саймона сменился обморочным сном. Он лежал в гуще лиан, вверху гремела пальба, а тем временем надвигался вечер. Наконец Саймон очнулся и возле щеки смутно различил темную землю. Несколько минут он не двигался, даже не поворачивал головы и тупо смотрел перед собой. Затем перевернулся на живот, подтянул под себя ноги и ухватился за лианы, чтобы встать. Когда лианы затряслись, мухи, злобно жужжа, всем скопищем взвились и тут же снова сели на кишки. Саймон поднялся. Освещение стало каким-то неземным. Повелитель Мух черным шаром торчал на палке.

— Что же еще остается делать? — спросил Саймон вслух, обращаясь к лужайке.

Никто ему не ответил. Саймон повернулся к лужайке спиной, пополз сквозь лианы в сумрак леса... Он понуро брел среди деревьев. Вокруг рта и на подбородке у него запеклась кровь. Лишь иногда, отодвигая в сторону канаты лиан и выбирая направление, он беззвучно шевелил губами.

Дальше деревья были уже не так плотно увешаны ползучими растениями, и с неба проникал рассеянный жемчужный свет. Здесь проходил хребет острова — возвышенное предгорье с редким лесом. Заросли и гигантские деревья перемежались широкими полянами, и вскоре подъем вывел Саймона на окраину леса. Его пошатывало от усталости, но он не останавливался. Глаза Саймона, всегда яркие, потускнели, и он брел с какой-то угрюмой, старческой решимостью.

От порыва ветра он покачнулся и только тогда увидел, что находится на голом склоне горы под медно-рыжим небом. Ноги его были как ватные, язык болел. Ветер достиг вершины горы, и Саймон увидел: что-то голубое полыхнуло на коричневатом фоне туч. Он с трудом двинулся дальше, и тут же налетел новый порыв ветра, более мощный, ударил по верхушкам деревьев, и лес заревел. Саймон увидел, как на вершине выпрямилось нечто сгорбленное и посмотрело на него вниз. Пряча лицо, он из последних сил двинулся дальше.

Мухи еще раньше обнаружили это существо. Вскидываясь, как живое, оно всякий раз вспугивало их, и на какое-то мгновение вокруг его головы возникало темное облачко. Затем, когда голубое полотнище парашюта опадало, раздувшаяся фигура с каким-то вздохом наклонялась вперед, и мухи снова рассаживались.

Саймон почувствовал, как колени его ударились о камни. Он пополз вперед и, подобравшись ближе, все понял. Перепутанные стропы объяснили ему механику этой нелепости; он увидел белые кости переносицы, зубы, цвета распада. Безжалостные, эластичные ремни и брезент не давали развалиться несчастному телу. Снова подул ветер, и фигура вскинулась, затем наклонилась вперед. Дохнуло смрадом. Стоявшего на четвереньках Саймона рвало, пока не опустошился весь желудок. Потом Саймон взял стропы и, отцепив их от камней, избавил труп от издевательств ветра.

Саймон отвернулся и посмотрел вниз, на берег. Костер у платформы, по-видимому, погас — дыма там, во всяком случае, не было. Дальше по берегу, за маленькой речкой, возле большой плоской скалы к небу подымалась жиденькая струйка дыма. Даже с такого расстояния было видно, что большинство мальчиков — если не все — находится там. Значит, они перебрались подальше от зверя. При этой мысли Саймон обернулся к останкам изломанного тела. Хоть и ужасный, зверь оказался совсем безвредным, и эту новость нужно было рассказать как можно скорей. Саймон бросился было под гору бегом, но ноги его подогнулись. Самое большое, на что он при всем старании был способен, — это брести, пошатываясь и спотыкаясь.

— Только и осталось, что купаться, — сказал Ральф.

Хрюшка изучающе посмотрел на грозовое небо через единственное стеклышко очков.

— Не нравятся мне эти облака. Помнишь, как лило, когда мы только приземлились?

— Опять дождь будет.

Ральф нырнул. В бассейне, у самого края, бултыхались два малыша, искавшие прохлады в воде, которая была горячее крови. Хрюшка снял очки, степенно вошел в воду и снова надел их. Ральф вынырнул и ртом пустил в Хрюшку струю воды.

— Осторожнее! Очки зальешь,— остановил его Хрюшка. — Если на стекла попадает вода, мне приходится вылезать, чтоб вытереть.

Ральф снова пустил струю воды и промахнулся.

— Где же все? — спросил Ральф.

— Может, в хижинах?

— Где Сэм-и-Эрик?

— И Бил? — Хрюшка махнул рукой в сторону скального замка.— Вон куда они ушли. К Джеку на угощение.

— Ну и пусть, — неискренне сказал Ральф. — Мне все равно.

— Из-за какого-то мяса...

— И еще из-за охоты, — мудро сказал Ральф, — и чтобы играть в дикарей и раскрашиваться, как воины.

— Может, и нам тоже пойти?..

Ральф быстро взглянул на Хрюшку, и тот покраснел.

— Только так... чтобы не случилось ничего.

Хрюшка и Ральф слышали шум пиршества еще задолго до того, как подошли к компании Джека. Между лесом и берегом, в том месте, где пальмы довольно далеко отстояли от воды, оказалась лужайка с густой травой. Чуть ниже вдоль лужайки проходила полоса белого песка, намытого приливами, теплого, сухого и плотного. Еще ближе к воде возвышалась скала, вытянутая в сторону лагуны. За скалою у самой воды была снова узкая полоска песка. На скале горел костер, и в неразличимые при дневном свете языки пламени срывались капли жира, стекавшего со свиной туши. Все мальчики, какие только были на острове, кроме Хрюшки, Ральфа, Саймона и тех двоих, которые жарили мясо, собрались на травянистой лужайке. Кто лежал, кто сидел на корточках, кто стоял с мясом в руках; они пели, смеялись. Судя по их лицам, перемазанным жиром, пиршество подходило к концу; некоторые держали в руках половинки кокосов и пили воду.

Еще до начала пира на середину лужайки приволокли большое бревно, и на нем, раскрашенный и увешанный венками, как идол, восседал Джек. У его ног на зеленых листьях были разложены горки мяса, плоды и кокосы, наполненные водой.

Хрюшка и Ральф подошли к лужайке, и, завидя их, мальчики умолкали один за другим, пока не остался лишь один говорящий — тот, который сидел ближе всех к Джеку. Наконец молчание вторглось и туда; Джек, не вставая, обернулся. Он смотрел на них, и в тишине, на фоне отдаленного гула прибоя, стало слышно, как громко потрескивает огонь. Ральф отвернулся, и Сэм, думая, что Ральф смотрит на него осуждающе, с нервным смешком положил недоглоданную кость на траву. Ральф сделал нерешительный шаг, сказал что-то неслышное Хрюшке, указывая на крайнюю пальму, и они оба двинулись дальше. Ральф — высоко подымая ноги в песке, Хрюшка — даже пытаясь насвистывать.

В этот момент мальчики, которые жарили свинину, отодрали от туши большой ломоть мяса и помчались к лужайке. Они налетели на Хрюшку, и тот, обжегшись, взвыл и затанцевал. Немедленно разразилась буря все разрешающего хохота и объединила Ральфа с остальными. Опять Хрюшка подвергся всеобщему осмеянию, а хохочущие ощутили свое превосходство и взбодрились. Джек встал и взмахнул копьем.

— Дать им мяса.

Мальчики с вертелом дали Ральфу и Хрюшке по сочному куску. Глотая слюнки, они приняли дар и съели его, стоя под грозовой медью неба, звонившей о наступающей буре. Джек снова взмахнул копьем.

— Все ли наелись досыта?

Мясо еще было: оно шипело на деревянных вертелах и лежало кучками на зеленых листьях. Покорный зову своего желудка, Хрюшка отшвырнул обглоданную кость и наклонился за новым куском.

— Все ли наелись досыта? — нетерпеливо повторил Джек.

В тоне его голоса прозвучало предупреждение, исполненное надменной гордости хозяина, и мальчики стали есть быстрее.

— Дайте мне воды, — сказал Джек.

Генри принес ему скорлупу, и он стал пить, глядя на Ральфа и Хрюшку поверх зазубренного края чаши. Коричневые бугры его бицепсов наполнились силой, власть легла на его плечи и обезьяной заверещала в ушах.

— Все садитесь.

Мальчики рядами сели перед ним на траву, и только Ральф с Хрюшкой остались стоять на мягком песке на фут ниже. Джек повернул раскрашенное лицо к сидевшим мальчикам и спросил, потрясая копьем:

— Кто хочет вступить в мое племя?

Ральф весь подался вперед, но тут же споткнулся. Головы нескольких мальчиков повернулись в его сторону.

— Я дал вам пищу, — сказал Джек, — а мои охотники защитят вас от зверя. Кто вступает в мое племя?

— Я вождь, — сказал Ральф, — потому что меня выбрали. И мы собирались все время поддерживать костер. А вы прибежали сюда... за куском...

— А ты не прибежал? — закричал Джек. — В руке-то у тебя что?

Ральф густо покраснел.

— Вы — охотники. Это ваша работа.

Не обращая больше на него внимания, Джек снова спросил:

— Кто хочет вступить в мое племя и весело пожить?

— Я вождь, — дрожащим голосом сказал Ральф. — А как же костер? И рог у меня.

— У тебя его нет с собой, — ответил Джек, презрительно усмехаясь. — Ты же его оставил. Съел, умник? И на этом конце острова рог не считается...

— Рог здесь тоже считается, — сказал Ральф. — Везде на острове считается.

Ральф обвел взглядом сидевших мальчиков. Ни в ком из них он не нашел поддержки и, подавленный, вспотевший, отвернулся.

— Костер... иначе не спастись... — шепнул ему Хрюшка.

— Кто вступает в мое племя?

— Я.

— И я.

— Я тоже.

— Я затрублю в рог, — задыхаясь, сказал Ральф, — и созову собрание.

— А мы его здесь не услышим.

Хрюшка тронул Ральфа за руку.

— Уйдем. Тут до беды недалеко. А мяса мы поели.

За лесом вспыхнул ослепительный свет, и грохнуло так, что какой-то малыш громко заплакал. По земле застучали тяжелые капли.

— Будет буря, — сказал Ральф. — Польет такой же дождь, как в ту ночь, когда мы здесь очутились. Ну, кто из нас умник? Где ваши хижины? Что вы делать-то будете?

Охотники тревожно смотрели на небо, поеживаясь под редкими каплями. Волна беспокойства колыхнула толпу, и поднялась суматоха. Вспышки молний становились все ярче, удары грома — почти невыносимыми. В толпе с ревом сновали малыши.

Джек спрыгнул на песок.

— Наш танец! За мной! Живо!

Спотыкаясь, он побежал по плотному песку к каменной площадке, где был костер. Между вспышками молний наступала сплошная тьма, полная ужаса; и мальчики с криками кинулись за Джеком. Роджер стал изображать свинью, хрюкая и наскакивая на Джека, а тот уворачивался. Охотники схватили свои копья, повара — вертела, остальные — обгорелые палки из костра. Образовался движущийся круг, и грянул хор. В то время как Роджер изображал объятую ужасом свинью, снаружи круга, подпрыгивая, бегали малыши. Угроза неба толкала Хрюшку и Ральфа раствориться в этом обезумевшем, но сулящем какую-то защиту сборище. Они были рады хотя бы коснуться стены коричневых спин, отгораживающей от страха.

— Убей зверя! Перережь глотку! Выпусти кровь!

Вращение стало размеренным, а пение утратило первоначальную нервозность и сделалось ритмичным, как биение пульса. Роджер снова превратился из свиньи в охотника, и в центре круга образовалась зияющая пустота. Несколько малышей составили свой хоровод; хороводы возникали один за другим, будто спасение было в том, чтобы их стало как можно больше. Это бился и пульсировал единый организм.

Черноту неба рассек бело-голубой шрам. И тут же ударил гром, как гигантский бич. Хор, словно в агонии, взметнулся на тон выше:

— Убей зверя! Перережь глотку! Выпусти кровь!

Из бездны ужаса поднялось другое чувство — страстное, горячее, слепое.

— Убей зверя! Перережь глотку! Выпусти кровь!

Бело-голубой шрам снова разодрал небо, и на землю обрушился ослепительный взрыв. С

опушки, визжа, бежали малыши, и один из них, охваченный ужасом, ворвался в круг больших.

— Там зверь!

Круг распался подковой. Из леса выползло какое-то существо. Оно приближалось — неопределенное, смутное. Его встретил вопль, пронзительный как крик боли. Зверь, спотыкаясь, вошел в разомкнутый круг.

— Убей зверя! Перережь глотку! Выпусти кровь!

Бело-голубой шрам не сходил с неба, грохот был невыносим. Саймон что-то кричал про мертвеца на горе.

— Убей зверя! Перережь глотку! Выпусти кровь!

Палки разом опустились, и пасть круга с хрустом сомкнулась. Окруженный зверь стоял на коленях, прикрывая лицо руками. Он еще кричал о каком-то мертвеце на горе, но его голос тонул в оглушительном шуме. Разорвав круг, зверь, отпрянув в сторону, свалился со скалы на песок. И в тот же миг толпа ринулась следом, скатилась со скалы, навалилась на зверя и, визжа, била, кусала, рвала. Не было больше слов, а лишь вой и терзающие зубы и ногти.

Разверзлось небо, и дождь хлынул, как водопад. Вода потоками обрушивалась с вершины горы, срывала с деревьев листья и ветки, холодным душем изливалась на груду тел, копошившуюся на песке. И груда распалась, фигурки поднимались и брели прочь. Только зверь остался лежать на песке в нескольких шагах от моря. Даже под дождем было видно, какой это был маленький зверь; и кровь его уже пятнала песок.

Могучий ветер перекосил струи дождя, каскадами стряхивая воду с деревьев. На вершине горы парашют расправился и двинулся с места; мертвый летчик заскользил, поднялся на ноги, повернулся и, раскачиваясь, полетел вниз сквозь толщу дождя, страшными ногами зашагал по верхушкам деревьев; падая все ниже, он появился над затопленным пляжем, и дети с визгом разбежались в ночной тьме. А парашют повлек его дальше, бороздя воды лагуны, и вывалил за рифом в открытое море.

К полуночи дождь кончился, тучи ушли, и в небе снова зажглись неправдоподобно яркие светильники звезд. Улегся ветер, и наступила полная тишина, если не считать журчания струй дождевой воды по расщелинам и трещинам в камнях, с листка на листок стекавшей на коричневую землю. Воздух был прохладен, влажен и чист; вскоре смолкла и вода. Зверь лежал на бледном песке, по которому дюйм за дюймом растекались пятна крови.

Линия берега превратилась в фосфоресцирующую полоску, которая ежеминутно продвигалась вперед вместе с могучим приливом. В чистой воде отражалось чистое небо, исчерченное угловатыми узорами созвездий. Фосфоресцирующая линия выгибалась, окружая крупинки песка и маленькие камешки; на мгновение они оказывались на виду, затем прилив вдруг поглощал их с беззвучным вздохом и захватывал новый участок песка.

Кромка продвигающейся воды кишела странными крошечными существами с сияющими в лунном свете телами и горящими точками глаз. Вода разливалась над иссеченным песком, скрывая все неровности серебряной гладью. Кромка воды коснулась первого пятна, растекавшегося из-под растерзанного тела, и у края этого пятна возникло неровное сияние скопившихся там крошечных существ. Вода еще немного продвинулась и убрала грубые космы Саймона жемчужным сиянием. Линия щеки засеребрилась, а изгиб плеча стал будто высеченным из мрамора. Огненноглазые существа, оставляя за собой крошечные завитки светоносных следов, занялись чем-то вокруг его головы. Его тело чуть всплыло, и изо рта с сырым хлопком вырвался пузырь воздуха. Затем тело Саймона мягко перевернулось на спину.

Скрытые где-то за темным изгибом мира, солнце и луна своим притяжением задерживали, слегка вспучивая пленку воды над неуклонно вращающейся твердью планеты. Огромная волна прилива шла вдоль острова, и вода поднялась еще выше. И под неизменными созвездиями, обведенное светящейся каймой из суетливых маленьких существ, мертвое тело Саймона плавно двинулось в открытое море.

ГЛАВА 10. РАКОВИНА И ОЧКИ

Хрюшка пристально следил за приближающейся фигурой. Теперь он иногда замечал, что видит яснее, когда приставляет единственную линзу к другому глазу; но Ральф, каким бы глазом его ни рассматривать, даже и после того, что случилось, все-таки остался Ральфом. Он вышел из-за кокосовых пальм, прихрамывая, весь грязный; в желтой копне его волос застряли сухие листья. Щека распухла, глаз заплыл и превратился в щелочку. Приостановившись, Ральф посмотрел в ту сторону, где была площадка для собраний.

— Хрюшка? Ты один?

— Еще несколько малышей.

— Они не в счет. А большие?

— Ах, да... Сэм-и-Эрик. Ушли за дровами.

Ральф с трудом взобрался на площадку. Там, где всегда сидели во время собраний, грубая трава все еще была прибита; возле отполированного сиденья вождя поблескивала хрупкая белая раковина. Ральф сел на траву лицом к раковине и месту вождя. Хрюшка опустился на колени слева от Ральфа, и долгую минуту стояло тягостное молчание. Потом Ральф, проглотив слюну, что-то прошептал.

— Что ты сказал? — тоже шепотом переспросил Хрюшка.

— Саймон, — отчетливо проговорил Ральф.

Хрюшка ничего не ответил и только мрачно кивнул. Ральф встал и подошел к раковине. Он ласково взял ее обеими руками и, опустившись на колени, прислонился к стволу пальмы.

— Хрюшка.

— М-м?

— Что мы будем делать?

Кивком головы Хрюшка указал на раковину.

— Может быть...

— Созвать собрание?

Ральф резко захохотал, и Хрюшка нахмурился. Наконец Ральф перестал смеяться. Его била дрожь.

— Хрюшка.

— М-м?

— Это был Саймон.

— Ты это уже говорил.

— Хрюшка. Это убийство.

— Перестань! — визгливо закричал Хрюшка. — Ну какая польза от таких разговоров? — Он вскочил и наклонился над Ральфом. — Темно было. Потом этот... проклятый танец. И еще дождь, гром, молнии. Мы испугались, вот и все!

— Я не испугался, — медленно проговорил Ральф. — Я... я сам не знаю, что со мною было.

— Мы все испугались! — взволнованно настаивал Хрюшка. —

Что угодно могло случиться. Так что это совсем не... то, что ты сказал.

Он отчаянно жестикулировал, подыскивая слова.

— О-о, Хрюшка!

Услыхав голос Ральфа, такой тихий и подавленный, Хрюшка перестал размахивать руками. Наклонившись к Ральфу, он ждал. Ральф, словно баюкая раковину, раскачивался взад и вперед.

— Неужели ты не понимаешь, Хрюшка? То, что мы сделали...

— Может, он только прикинулся... — Хрюшка заглянул Ральфу в лицо и не договорил.

— Ты был снаружи. За кругом. В кругу ты и не был. Но разве ты не видел, что мы... что они делали? — В голосе Ральфа вместе с отвращением была лихорадочная взволнованность. — Разве ты не видел, Хрюшка?

— Не очень хорошо. У меня ведь только один глаз... Тебе, Ральф, пора бы это знать.

Ральф все раскачивался.

— Это просто... несчастный случай, вот что, — вдруг сказал Хрюшка. — Да, несчастный случай. — Его голос снова сорвался на визг. — Приходит ночью... зачем ему нужно было так вдруг появляться из темноты... Он чокнутый. Сам напросился, вот. — Хрюшка опять широко размахивал руками. — Это несчастный случай.

— Ты не видел, что они делали...

— Послушай, Ральф. Нужно про это забыть. Ну что толку думать об этом, пойми же...

— Я боюсь. Нас же самих. Я хочу домой. Господи, как я хочу домой!

— Это был несчастный случай, — упрямо сказал Хрюшка,— вот и все. — Он дотронулся до голого плеча Ральфа, и тот вздрогнул от прикосновения человеческой руки. — И еще вот что, Ральф. — Хрюшка быстро оглянулся и наклонился еще ближе.— Не признавайся, что мы тоже там были. Не говори Сэм-и-Эрику.

— Но ведь мы были! Все!

Хрюшка покачал головой.

— Мы-то — не до самого конца. Да и кто нас мог увидеть в темноте? Ты вот сам сказал, что я в кругу не был...

— Я тоже, — пробормотал Ральф. — Я тоже в кругу не был, был снаружи.

Хрюшка страстно кивнул.

— Верно. Мы были снаружи. Мы ничего не делали и ничего не видели. — Помолчав, Хрюшка продолжил: — Мы будем жить сами, вчетвером...

— Вчетвером. Да мы не сможем поддерживать костер.

— А мы попробуем. Вот видишь? Я его разжег.

Сэм-и-Эрик выволокли из лесу большое бревно. Они бросили его у костра и повернулись к бассейну. Ральф вскочил.

— Эй, вы! Оба!

Покраснев, близнецы смотрели куда-то мимо Ральфа.

— Здравствуй, Ральф. А вот и мы!

— Вчера ночью мы заблудились...

Ральф смотрел себе под ноги:

— Вы заблудились после...

— После пира, — сказал Сэм сдавленным голосом. Эрик кивнул. — Да, сразу после пира мы ушли и заблудились.

— Мы рано ушли, — быстро сказал Хрюшка, — потому что устали.

— Мы тоже...

— ...ушли рано.

— Мы очень устали.

Сэм дотронулся до ссадины на лбу и тут же быстро отдернул руку. Эрик приложил палец к разбитой губе.

— Да, мы очень устали, — повторил Сэм, — и поэтому рано ушли. Ну, а как вам понравился... — В воздухе тяжестью повисла невысказанная правда. Сэм запнулся, и запретное слово сорвалось с его губ: — ...танец?

При воспоминании о танце, в котором никто из них не участвовал, все четверо содрогнулись.

— Мы рано ушли.

Роджер не удивился, когда его окликнули на перешейке, соединяющем остров со Скальным Замком. Он так и думал, что в эту страшную ночь, спасаясь от всех ужасов острова, хотя бы часть племени соберется здесь, в самом безопасном месте.

Резкий голос прозвучал сверху, оттуда, где непрочно покоились груды наваленных друг на друга камней.

— Стой! Кто идет?

— Роджер.

— Проходи, друг.

Роджер пошел вперед.

— А ты что, сам не видишь, кто идет?

— Вождь велел окликать всех.

Роджер пристально посмотрел вверх.

— Если бы я захотел, ты бы меня не остановил.

— Я? Не остановил бы? Полезай сюда и посмотри.

Роджер вскарабкался по ступенеобразным выступам утеса.

— Посмотри-ка сюда.

Под верхнюю глыбу был подсунут конец бревна, которое легко приводилось в движение другим бревном-рычагом. Роберт чуть нажал на этот рычаг, и глыба заскрипела. Если бы Роберт навалился всем телом, она бы с грохотом полетела вниз на узкий перешеек. Роджер восхитился:

— Он настоящий Вождь, а?

Роберт кивнул.

— Он собирается повести нас на охоту.

Он мотнул головой в сторону далеких хижин — туда, где к небу подымалась струйка белого дыма. Сидя на самом краю утеса, Роджер мрачно оглядывал остров, расшатывая пальцами качающийся зуб. Роберт увидел, что его тяжелый взгляд остановился на вершине далекой горы, и перевел еще не начавшийся разговор на другую тему:

— Он будет бить Уилфреда.

— За что?

Роберт неопределенно покачал головой.

— Не знаю. Он не сказал. Рассердился и велел нам связать Уилфреда. Лежит связанный, — Роберт взволнованно хихикнул, — уже несколько часов и ждет...

— И Вождь так и не сказал за что?

— Не знаю.

Для Роджера, сидящего на высокой скале под знойным солнцем, это было открытием. Он перестал теребить свой зуб и сидел неподвижно, осваиваясь с мыслью о возможностях безответственной власти. Потом, не сказав больше ни слова, полез вниз по камням к пещере, где пребывало все племя.

Вождь сидел голый по пояс, с лицом, раскрашенным белой и красной глиной. Перед ним полукругом лежало племя. В стороне громко всхлипывал побитый и уже развязанный Уилфред. Роджер присел на корточки рядом с остальными.

— Завтра, — продолжал свою речь Вождь, — мы снова пойдем на охоту. — Он указал пикой на одного дикаря, потом на другого. — Часть племени останется здесь и будет приводить пещеру в порядок и сторожить ворота. С собой я возьму трех-четырех охотников и принесу мясо. Стража должна следить, чтобы не пробрались сюда тайком...

Один из дикарей поднял руку,

и Вождь повернул к нему мертвую маску раскрашенного лица.

— Вождь, а зачем им нужно сюда пробираться?

Вождь ответил убежденно, хотя и не вполне понятно:

— Им нужно. Они захотят нам все испортить. Поэтому стражники должны все время быть начеку. И еще... — Вождь помолчал. Из щели рта выглянул ярко-розовый треугольник, прошелся по губам и тут же исчез. — И еще вот что: зверь, может, тоже попробует проникнуть сюда. Помните, как он подкрался тогда? — Полукруг дикарей содрогнулся и забормотал утвердительно. — Он прикинулся... другим. Хоть мы и оставили ему долю от нашей добычи, он все равно может опять прийти. Поэтому смотрите в оба и будьте настороже.

Стэнли оторвал локоть от камня, вытянув указательный палец.

— Ну? — спросил Вождь.

— А разве мы, разве мы не... — и, съежившись, потупился.

— Нет!!!

В наступившей тишине каждый из дикарей пригнул голову под бичом собственной памяти.

— Нет!!! Разве мы бы смогли... убить... его!

И с облегчением и с ужасом дикари опять забормотали.

— Так что на гору не ходи, — пророчески возгласил Вождь, — и оставляй ему голову каждой убитой свиньи.

Стэнли опять выставил палец.

— Зверь этот, наверное, оборотень...

— Возможно, — согласился Вождь. Это уже была проблема теологическая. — На всякий случай лучше держаться от него подальше. Ведь мы не знаем, на что он способен.

Дикари усвоили это, и по их ряду пробежала дрожь, словно порыв ветра. Увидев это, Вождь резко встал.

— Но завтра мы пойдем на охоту и, когда добудем мясо, устроим пир...

Бил поднял руку.

— Вождь.

— Да?

— А чем мы будем костер разжигать?

Белая и красная глина на лице Вождя скрыла от остальных его замешательство. Он неопределенно молчал, и дикари зашептались. Наконец Вождь поднял руку.

— Огонь мы отберем у тех. Слушайте. Завтра мы пойдем на охоту и добудем мясо. Сегодня вечером я возьму с собой двух охотников... Кто пойдет?

Морис и Роджер подняли руки.

— Морис...

— Слушаю, Вождь?

— Где у них костер?

— На старом месте, у скалы.

Вождь кивнул.

— Остальные, как только сядет солнце, могут идти спать. А мы трое — Морис, Роджер и я, — мы займемся нашим делом. Пойдем туда перед самым заходом солнца...

Морис поднял руку.

— А что, если мы встретим...

Вождь решительно отвел это возражение.

— Мы пойдем вдоль берега, по песку. И если он покажется, мы... мы опять станцуем наш танец.

— Втроем? Это же мало.

И снова шепот пробежал и затих.

Окончание следует

Перевел с английского
В. ТЕЛЬНИКОВ

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ

Роман

Хрюшка вручил Ральфу очки и стал терпеливо ждать, пока тот вернет ему зрение. Валежник отсырел, и вот уже в третий раз они пытались разжечь костер. Ральф откинулся назад и сказал самому себе:

— Хватит нам ночевать без костра.

Он виновато оглянулся на мальчиков. Впервые он признался в двойном назначении костра. Конечно, прежде всего он нужен для сигнального дыма, ну, а потом еще для того, чтобы им было тепло и уютно, пока они не заснут. Эрик дул на тлеющую веточку, и она, наконец, заалев, вспыхнула. Повалил желто-белый дым. Хрюшка опять надел очки и с удовольствием посмотрел на дым.

— Если бы мы могли сделать радио!

— Или самолет...

— ...или корабль.

Со дна притушенной памяти Ральфа всплыла еще одна небывальщина:

— А если бы мы попали в плен к врагу?

Эрик откинул со лба волосы.

— Уж лучше к врагу, чем...

Он не сказал к кому, и Сэм закончил его мысль, кивнув в сторону Скального Замка. И тут Ральф вспомнил парашют, его страшную ношу.

— Он говорил что-то про мертвеца... — Ральф мучительно покраснел, сознавшись вдруг в своей причастности к тому жуткому танцу.

— Ну, давай, давай... Больше дыму!

— Совсем стал жидкий дымок.

— Хоть и сырой валежник, а нужно еще нести.

— С моей астмой...

Автоматически последовательно:

— Подавись ты своей фигассмой!

— Когда я тащу дрова, она меня прямо поедом ест. Я бы рад, Ральф, правда, но ведь от нее куда денешься?

Они пошли в лес втроем и притащили полные охапки гнилых сучьев. И снова повалил дым, желтый, густой.

— Поесть бы надо.

Взяв с собой копья, они вернулись в лес, туда, где росли плодовые деревья, и молча поспешно утолили голод. Но когда они вышли из леса, солнце уже садилось, а от костра остались одни тлеющие без дыма головешки.

— Я больше не могу, — сказал Эрик. — Устал.

Ральф кашлянул.

— На вершине-то костер все время горел.

— Да, так тот был маленький. А этот вот какой приходится держать.

Ральф подкинул в костер ветку и несколько секунд смотрел, как дым уплывает в сумрак.

— Костер должен гореть.

Эрик бросился на песок.

— Я совсем измучился. А толк какой?

— Эрик! — возмущенно закричал Ральф. — Не смей так говорить!

Сэм упал на колени рядом с Эриком.

— Да, какой толк?!

Негодуя, Ральф пытался вспомнить. С костром связано что-то хорошее. Что-то невероятно хорошее.

— Ральф уже столько раз твердил, — огорченно сказал Хрюшка. — Как еще мы можем спастись?

— Ну конечно! Если не будет дыма... Он присел перед ними на корточки. — Разве вы сами не по-

---

Окончание. Начало в №№ 7—10.

нимаете? Какой толк мечтать о радио, о кораблях? — Он вытянул руку и сжал пальцы в кулак. — Одно нас может выручить. Пусть они играют в охотников, пусть добывают нам мясо...

Он смотрел им в глаза. И в этот миг неистовая страсть и убежденность снова заволоклись зыбкой пеленой беспамятства. Он стоял на коленях и, сжав кулак, в замешательстве переводил взгляд с одного лица на другое. Пелена спала.

— А-а, ну да. Мы должны жечь костер, чтобы был дым...

— Но ведь нам не справиться! Вон, смотри!

Этот проклятый костер опять умирал.

— Если дежурить у костра по двое, — сказал Ральф, обращаясь больше к самому себе, — выходит двенадцать часов в день.

— Теперь не наберешь столько валежника, Ральф...

— ...в темноте страшно...

— ...ночью нельзя...

— Будем по утрам разжигать,— сказал Хрюшка. — В темноте все равно ни один черт не заметит дыма.

Сэм с готовностью кивнул.

— Другое дело, когда костер был...

— ...там, наверху.

Ральф встал, чувствуя себя совершенно беззащитным перед наступлением темноты.

— Ладно, до утра так до утра.

И он повел всех к первой хижине — полуразрушенная, она все-таки выстояла под ливнем. Ее устилали сухие, громко шуршащие при малейшем прикосновении листья. В соседней хижине бредил какой-то малыш. Четверо больших вползли в свою хижину и зарылись в листья. Близнецы — у одного края, Ральф и Хрюшка — у другого. Несколько минут, пока мальчики укладывались, стоял непрерывный шорох и треск.

— Хрюшка!

— Да?

— Удобно?

— Вроде ничего.

Наконец стало тихо. Во тьме обозначилось продолговатое пятно, усеянное яркими блестками звезд, с рифа доносился глухой шум прибоя. Прежде чем заснуть, Ральф, как обычно, занялся своей игрой в «что было бы, если...».

...Если бы их отправили домой на реактивном самолете, уже утром они приземлились бы на том большом аэродроме в Уилтшире. Потом на машине... нет, уж лучше на поезде до самого Дэвона и там снова снять тот же коттедж. К ограде приходили бы дикие пони и заглядывали бы в сад...

Ральф беспокойно заворочался в листьях. Дартмур — местность довольно дикая, и пони тоже были дикие. А дикое теперь уже не казалось ему привлекательным. Он настойчиво заставил себя мысленно вернуться от дикости к цивилизованному городу, куда дикари и ногой ступить не смеют. Где еще можно почувствовать себя в такой безопасности, как на автобусной станции среди фар и колес?

...И вот Ральф уже пляшет вокруг фонарного столба на остановке. Из гаража выползает автобус, такой странный автобус...

— Ральф! Ральф!

— Что случилось?

— Ну что ты так шумишь?

— Ладно, ладно.

В темноте из другого угла хижины раздался стон, и в страхе они затряслись под листьями. Сэм-и-Эрик дрались, сжимая друг друга в объятиях.

— Сэм! Сэм!

— Эй, Эрик!

Наконец все успокоилось.

— Нужно отсюда выбираться,— тихо сказал Хрюшка.

— Ты это про что?

— Нужно спасаться.

Как ни страшно было ему в этой тьме, Ральф сдавленно засмеялся — впервые за весь день.

— Я серьезно, — зашептал Хрюшка. — Мы скоро совсем свихнемся, если нас не спасут.

— Сбрендим.

— Рехнемся.

— Шарики за ролики зайдут.

Ральф убрал с глаз липкие волосы.

— Напиши-ка ты письмо своей тетушке.

Хрюшка воспринял это всерьез.

— Я не знаю, где она сейчас. И у меня нет ни конверта, ни марки. И почтового ящика нет. И почтальона.

Шутка показалась Ральфу удачной. Не в силах себя сдержать, он захохотал, трясясь и дергаясь всем телом.

Хрюшка с достоинством отчитал Ральфа:

— Я, кажется, не сказал ничего смешного...

Рисунки С. ПРУСОВА

Ральфа колотил смех, да так, что заболело в груди. Когда судороги отпускали его, он лежал едва дыша, с ужасом ожидая нового приступа. В одну из таких пауз его сковал сон.

— Ральф! Ты опять ужасно шумишь. Тихо, Ральф... Потому что...

Ральф приподнялся и сел. Он, пожалуй, был благодарен, что Хрюшка разбудил его: автобус подобрался ближе, такой странный...

— А что случилось?

— Лежи тихо и слушай.

Ральф осторожно лег, и листья под ним протяжно вздохнули.

— Я ничего не слышу.

— Снаружи кто-то ходит.

У Ральфа закололо в висках. На мгновенье он оглох от биения собственного пульса.

— Не слышу.

— Ты слушай. Погоди.

Резко и отчетливо в каком-нибудь ярде за стеной хрустнула ветка.

В ушах у Ральфа снова зарычала кровь, в голове каруселью пронеслись смутные образы.

— Ральф! Ральф!

— Молчи и слушай.

Ральф отчаянно молился: «Не меня, там есть малыши, выбери их». Снаружи проник зловещий шепот.

— Хрю-у-шка... Хрю-у-шка...

— Он пришел, — задыхаясь, шептал Хрюшка. — Значит, он есть! — Хрюшка вцепился в Ральфа, отчаянно хватая ртом воздух.

— Хрю-у-шка... выходи-и. Ты мне нужен, Хрю-у-шка.

Губы Ральфа шепнули Хрюшке в самое ухо:

— Молчи.

— Хрю-у-шка... Где ты, Хрю-у-шка?

Что-то прошуршало по задней стене хижины. На секунду Хрюшка замер, и тут же у него начался приступ астмы. Спина выгнулась дугой, и он заколотил ногами по листьям. Ральф откатился в сторону.

У входа раздалось злобное рычанье, и в хижину с топотом ворвались какие-то существа. Кто-то перелетел через Ральфа, и Хрюшкин угол превратился в сплошное рычанье и грохот. Ральф ударил в темноту кулаком; в следующее мгновенье он и, как ему показалось, еще дюжина других перекатывались друг через друга, нанося удары, кусаясь и царапаясь. Ральфа рвали, толкали, и он, почувствовав на зубах чьи-то пальцы, укусил их; кулак отдернулся, тут же вернулся, как поршень, и хижина взорвалась вспышкой света. Вывернувшись, Ральф навалился на чье-то извивающееся тело и щекою почувствовал горячее дыхание. Он стиснул кулак и, как молотком, бешено заколотил по этому рту; лицо стало скользким, а он все бил, остервенело и яростно. Чье-то колено дернулось между его ног; оглушенный болью, он свалился в сторону, и весь клубок перекатился через него. Хижина, рухнув, придавила и разняла их.

Черные тени вырвались из-под груды листьев и палок и ринулись во тьму. И вот уже слышны только плач малышей и хрип Хрюшки.

— Эй, малышня, спать! — дрожащим голосом крикнул Ральф.— Мы подрались с теми. Теперь спите.

Сэм-и-Эрик возникли рядом, разглядывая Ральфа.

— Что, оба целы?

— Вроде да.

— Мне досталось.

— Мне тоже. А Хрюшка?

Они вытащили Хрюшку из развалин и посадили его, прислонив спиной к дереву. Ночь была прохладной, и страх поостыл.

— Крепко влетело, Хрюшка?

— Да так себе.

— Это был Джек со своими охотниками, — горько сказал Ральф. — Почему они не могут оставить нас в покое?

— Но мы им тоже дали — будут помнить, — сказал Сэм. Совесть заставила его поправиться. — Во всяком случае, ты. Я-то не успел выбраться из угла.

— Одному-то я дал как следует, — сказал Ральф. — Так еще разделал его. Больше его сюда не потянет.

— Я тоже дал одному, — сказал Эрик. — Я спал, и он давай меня лягать в лицо. Все в кровь разбил, да, Ральф? Но и я напоследок дал ему.

— А как?

— Прямо ему между ног, — с наивной гордостью ответил Эрик. — Слыхал бы ты, как он взвыл!

В темноте Ральф вдруг весь подался вперед, но услышал, как Эрик охнул, поднеся ладонь ко рту.

— Ты чего?

— Да зуб шатается.

Хрюшка подтянул ноги.

— Хрюшка, а ты как?

— Я думал, они за рогом...

Ральф пробежал по белеющему песку и вспрыгнул на площадку для собраний. Рог по-прежнему мерцал возле места вождя.

Ральф постоял, глядя на раковину, затем вернулся к Хрюшке.

— Рог они не взяли.

— Я знаю. Они приходили не за рогом. Они пришли совсем за другим. Ральф, что мне теперь делать?

Вдалеке, где песчаная полоса берега сгибалась излучиной, к Скальному Замку рысцой бежали три фигурки. Они бежали у кромки воды, стараясь держаться подальше от леса. Иногда они негромко запевали, иногда с разбегу переворачивались колесом рядом с живой, светящейся полосой прибоя. Впереди бежал вождь, охваченный радостью победы. Теперь-то он настоящий вождь, и на бегу он сделал несколько выпадов пикой. В левой руке у него болтались сломанные Хрюшкины очки.

ГЛАВА 11. СКАЛЬНЫЙ ЗАМОК

На заре с ее недолгой прохладой мальчики вчетвером собрались вокруг грязного пятна, оставшегося от костра, и Ральф, упав на колени, попытался раздуть огонь. Во все стороны разлетались серые хлопья пепла, но ни одна искорка так и не вспыхнула. Близнецы следили за ним с тревогой, а Хрюшка сидел безучастный, отгороженный от мира переливчатой пеленой близорукости. Ральф дул, дул, пока от натуги не зазвенело в ушах. Но тут ветер взял эту работу на себя и швырнул ему в глаза золой. Отпрянув, Ральф выругался, вытирая слезы.

— Бесполезно.

Эрик посмотрел на него сверху из-под маски запекшейся крови. Хрюшка беспомощно щурился в сторону Ральфа.

— Конечно, Ральф, это бесполезно. Теперь у нас нет огня.

Ральф придвинул свое лицо почти вплотную к Хрюшкиному.

— Ты меня видишь?

— Чуть-чуть.

Узкая щелочка между бровью и вздутой щекой Ральфа снова закрылась.

— Они отняли у нас огонь, — сказал он и вдруг пронзительно закричал: — Украли!

— Вот они какие, — сказал Хрюшка. — Оставили меня слепым. Видите? Вот он какой, Джек Мерридью! Созывай собра-

ние, Ральф, мы должны решить, что делать.

— Собрание... да нас всего-то...

— Сколько есть — столько есть. Сэм, я буду за тебя держаться, можно?

Они двинулись на собрание.

— Труби в рог, — сказал Хрюшка. — Труби изо всех сил.

Лес откликнулся двойным эхом, и, как в первое утро, далекое, словно века минули с той поры, над деревьями поднялись птицы, оглашая воздух громкими криками. Но пляж по обе стороны остался пустым. Из хижин выбрались несколько малышей. Ральф сел на отполированный ствол, а трое стали перед ним. Он кивнул, и Сэм-и-Эрик сели от него справа. Ральф вложил раковину Хрюшке в руки. Тот бережно держал сияющую игрушку и щурился на Ральфа.

— Ну, говори.

— Я взял рог, только чтобы сказать вот что. Я больше ничего не вижу, и я должен получить свои очки обратно. Ужасные вещи творятся на этом острове. Я голосовал за тебя, чтобы ты был вождем. Только вождь может что-нибудь сделать. Так вот теперь ты, Ральф, говори и скажи нам, что... Иначе...

Всхлипывая, Хрюшка умолк. Когда он сел, Ральф взял раковину.

— Самый обыкновенный костер. Ну чего тут такого? Разве это так трудно? Всего-навсего подавать дымом сигнал, чтобы нас могли спасти. Что мы, дикари, что ли? И вот теперь дыма нет. А корабли, может, проходят мимо. Помните, как мы ушли охотиться, костер погас и корабль уплыл? А они все-таки считают его самым лучшим вождем! А потом взяли и... и тоже из-за него... Не будь его, этого бы никогда не случилось. А теперь вот Хрюшка слепой, не видит ничего, а они приходят, подкрадываются... — Голос Ральфа зазвенел. — Ночью, в темноте, и воруют у нас огонь. Украли его. Мы бы и так им дали, если бы они попросили. Но они украли, и теперь нечем подавать сигнал, и нас никогда не спасут. Разве непонятно, что я вам говорю? Мы бы и сами дали им огонь, так нет, они украли его. Я...

Он вдруг запнулся: все та же дрожащая пелена заволокла его сознание. Хрюшка протянул руки за раковиной.

— Что ты собираешься делать, Ральф? Это все разговоры, а толку никакого. Мне очки нужны.

— Я вот и думаю. Давайте пойдем к ним... только умоемся, причешемся... вообще в таком виде, какие мы раньше были... не дикари же мы на самом-то деле, верно? Это ведь уже не игра...— Щелочка над его вздутой щекой приоткрылась, и он глянул на близнецов. — Приведем себя в порядок и пойдем...

— И копья возьмем, — сказал Сэм. — И Хрюшка пусть берет.

— Потому что вдруг они нам понадобятся.

— Рог не у вас! — Хрюшка приподнял раковину. — Берите с собой копья, если хотите, а я не возьму. Какой прок? Ведь вам придется вести меня, как собаку на поводке. Давайте смейтесь! Тут, на острове, смеху не оберешься. И что же получается? Что подумают взрослые? Саймона убили. А тот малыш с пятном на щеке? Кто его видел с тех пор?

— Хрюшка. Погоди!

— Рог у меня. Я пойду к этому Джеку Мерридью и скажу ему... все скажу.

— Тебе не поздоровится.

— А что еще он мне сделает? Ральф, разреши мне нести рог. Пусть видит, что не всё у него есть.—Хрюшка на секунду умолк, вглядываясь в смутные силуэты мальчиков. Казалось, призраки былых собраний, затаившись в траве, внимательно слушают его.— Я пойду к нему с рогом. Я покажу его. Слушай, скажу я, ты сильнее меня, и у тебя нет астмы. Ты, скажу я, видишь обоими глазами. Но я не стану просить, чтобы ты отдал мне очки из милости. Упрашивать тебя я не стану, скажу я, и не потому, что ты сильный, а потому, что справедливость есть справедливость. Отдавай мои очки, скажу я, ты должен отдать!

Хрюшка кончил, раскрасневшийся и дрожащий от негодования. Он порывисто сунул раковину Ральфу в руки, словно хотел поскорее избавиться от нее, и вытер слезы. На площадке все было залито нежным зеленым светом, раковина лежала у ног Ральфа, такая хрупкая и белая. Единственная слезинка, ускользнув из-под Хрюшкиных пальцев, звездой засверкала на тонком изгибе перламутра.

Наконец Ральф поднял голову, откинул с лица волосы.

— Ну ладно. Попробуй сделать как ты хочешь. Мы пойдем с тобой.

— Он, наверное, весь раскрашен, — робко заговорил Сэм. — Знаешь, какой он будет...

— ...он с нами не посчитается.

— ...если он взбесится, мы пропали...

Ральф сердито посмотрел на Сэма. И вдруг смутно вспомнил что-то из того, что однажды сказал ему Саймон, у скал, на той стороне острова.

— Не болтай глупостей, — сказал он и быстро добавил: — Пошли. — Он протянул раковину Хрюшке, и тот опять покраснел, уже от гордости. — Рог понесешь ты.

— Я возьму его, когда мы двинемся... — Хрюшка подыскивал слова, которыми можно было бы выразить его страстное желание, несмотря на все неудобства, нести раковину. — Я не против. Я буду только рад, Ральф, но меня самого придется вести.

Ральф положил раковину на отполированный ствол.

— Поедим и пойдем.

Они пришли к изрядно опустошенным плодовым деревьям. Хрюшка отыскивал плоды на ощупь, и ему приходилось помогать. Пока они ели, Ральф обдумывал предстоящий день.

— Мы придем к ним такие, какие мы раньше были. Вымоемся...

— Да мы и так каждый день купаемся! — возмутился Сэм.

Ральф оглядел эти омерзительно грязные существа и вздохнул.

— Причесаться бы нам. Вот только волосы слишком длинные.

— У меня в хижине два носка есть, — сказал Эрик. — Натянем их на головы вместо шапок...

— Нет, лучше повязать волосы назад, — сказал Хрюшка, — только вот чем?

— Как у девчонок! Ха!

— Нет, конечно, не так.

— Ладно. Пойдем как есть, — сказал Ральф. — Они тоже не лучше нашего выглядят.

Эрик раскинул руки, словно хотел остановить их.

— Но ведь они-то будут раскрашенные! А знаешь, как это...

Остальные кивнули. Они очень хорошо понимали, какое освобождение от совести приносит эта раскраска, скрывающая лицо.

— Ну, а мы не станем раскрашиваться, — сказал Ральф, — потому что мы не дикари.

Сэм-и-Эрик переглянулись.

— И все равно...

— Нет, не станем раскрашиваться! — закричал Ральф и умолк, пытаясь что-то вспомнить. — Ах да, дым, — сказал он. — Нам нужен дым. — И вдруг снова напустился на близнецов: — Я сказал: дым! Нужно, чтобы был дым.

В наступившей тишине жужжание бесчисленных пчел показалось особенно громким. Наконец Хрюшка заговорил доброжелательно и миролюбиво:

— Конечно, нужно. Потому что дым — это наш сигнал, и нас не смогут спасти, если не будет дыма.

— Я это сам знаю! — закричал Ральф и отдернул руку от Хрюшки. — Ты что, думаешь, я...

— Я просто говорю то, что ты всегда сам говоришь, — с поспешностью сказал Хрюшка. — Мне показалось, что...

— Нет, — громко сказал Ральф. — Я все время помню об этом. Я не забыл.

— Конечно, нет.

Близнецы смотрели на Ральфа с любопытством, словно увидели его впервые.

Хрюшка согласно кивнул.

— Ты вождь, Ральф, ты все помнишь.

Они двинулись по пляжу строем. Впереди — Ральф, прихрамывающий, с копьем на плече. Видел он неважно; дрожащее марево над сверкающим песком, длинные космы, заплывший глаз мешали ему. Следом шли близнецы — встревоженные, но полные неиссякаемой бодрости. Они почти все время молчали, волоча за собой деревянные копья: Хрюшка открыл, что, если смотреть вниз, прикрыв от солнца измученные глаза, он все же различает на песке какое-то движение. Он шел между волочащимися концами копий и поэтому мог бережно держать раковину двумя руками. Они двигались по берегу плотной маленькой группой, и под ногами, сливаясь, плясали четыре круглые, как тарелки, тени. От бури не осталось и следа, и пляж был чистым и ровным, как только что наточенное лезвие. Небо и гора в мерцающем зное казались бесконечно далекими. Мираж приподнял над водой риф, и он плавал в каком-то серебряном пруду на полпути к небу.

Они прошли там, где свершился ужасный танец. Обугленные ветки так и лежали на выступе, где их погасил дождь, но песок у воды был гладким. Они молча миновали это место.

Они были уверены, что племя находится в Скальном Замке, и, когда он показался впереди, все разом остановились. Слева от них были самые густые заросли на острове — сплошная непроходимая масса сплетенных черных и зеленых стеблей, а перед ними покачивалась высокая трава.

Ральф вышел вперед. Вот примята трава, в ней прятались охотники, пока он ходил на разведку. Вот и перешеек, и выступ, огибающий бастион с пирамидой красных глыб на вершине.

До его руки дотронулся Сэм.

— Дым.

Из-за скалы прозрачной струйкой в небо уплывал дым.

— Интересно, зачем это они костер развели.

Ральф обернулся.

— Чего ради мы должны прятаться?

И он решительно прошел через траву к маленькой голой площадке, за которой начинался узкий перешеек.

— Вы двое идите сзади. Первым пойду я, за мной — Хрюшка. А копья держите наготове.

Хрюшка напряженно вглядывался в светящуюся пелену, завесившую от него весь мир.

— Здесь не опасно? Обрыв? А то, я слышу, прибой...

— Иди ближе, не отставай.

И Ральф двинулся к перешейку. Под ногу попался камень, Ральф пнул его, и тот с плеском исчез в воде. Слева от Ральфа море, отсасываясь, глубоко опустилось, и внизу, футах в сорока, обнажилась красная квадратная плита, покрытая водорослями.

— Я не упаду? — Хрюшка трепетал. — Мне ужас как...

Наверху, среди нагромождения глыб, вдруг раздался клич, подхваченный дюжиной голосов.

— Дай мне рог и не двигайся.

— Стой! Кто идет?

Ральф запрокинул голову и мельком увидел смуглое лицо Роджера на вершине.

— А ты что, не видишь, кто идет? — крикнул Ральф. — Не валяй дурака!

Он приставил рог к губам и начал трубить. Один за другим появлялись раскрашенные до неузнаваемости дикари и осторожно пробирались по выступу к перешейку. Они несли пики и, сходя с выступа, выстраивались, готовые защищать вход. Ральф продолжал трубить, не обращая внимания на Хрюшкины страхи.

— Не подходи! Понял? — закричал Роджер.

Наконец Ральф отнял от губ раковину и перевел дух. Первые слова прозвучали сдавленно, но его услышали.

— ...созываю собрание.

Дикари на том конце перешейка зашептались, но не сдвинулись с места. Ральф сделал два шага вперед. За спиной он услышал умоляющий шепот:

— Не бросай меня, Ральф.

— Стань на колени, — сказал Ральф уголком рта, — и жди, пока я вернусь.

Он дошел до середины перешейка и остановился, разглядывая дикарей. Краска освободила их от всех условностей, и они не постеснялись перевязать волосы на затылке; смотреть им было гораздо удобнее, чем Ральфу. И он чуть было не сказал, чтобы они погодили минутку, пока он тоже перевяжет волосы. Но это было невозможно. Дикари хихикнули, и один издалека замахнулся на Ральфа своим копьем. Роджер убрал руки с рычага и, наклонившись над обрывом, посмотрел, что происходит внизу. На перешейке косматые головы мальчиков плавали в черном пятне теней. Пригнувшийся Хрюшка казался сверху бесформенным мешком.

— Я созываю собрание.

Гробовая тишина.

Роджер поднял камешек и бросил его вниз между близнецами, но так, чтобы не попасть. Оба они вздрогнули, и Сэм чуть не упал. В теле Роджера забил источник прежде неведомой силы.

— Я созываю собрание, — громко повторил Ральф. — Где Джек?

Среди мальчиков произошло какое-то движение, они совещались. Одно из раскрашенных лиц повернулось к Ральфу, и послышался голос Роберта:

— Он на охоте. И он велел нам тебя не пускать.

— Я пришел поговорить насчет огня, — сказал Ральф, — и насчет Хрюшкиных очков.

Группа стоявших перед ним мальчиков сдвинулась плотнее, и оттуда понесся смех, легкий, взволнованный, зазвеневший эхом среди высоких скал.

— Что тебе нужно? — раздался голос сзади. Близнецы шмыгнули мимо Ральфа и стали между ним и входом в Скальный Замок. Ральф быстро обернулся. Джек — его можно было узнать по росту и рыжим волосам — подходил со стороны леса. По обе стороны от Джека, пригнувшись, шли еще два охотника. Все трое были раскрашены черной и зеленой краской. Позади них в траве лежала обезглавленная и выпотрошенная туша свиньи.

— Ральф! — взвыл Хрюшка. — Не бросай меня!

Со смехотворной осторожностью он обнял выступ над вновь обнажившейся плитой и прижался к нему всем телом. Смешки ди-

карей превратились в издевательский хохот. Джек заорал, перекрикивая шум:

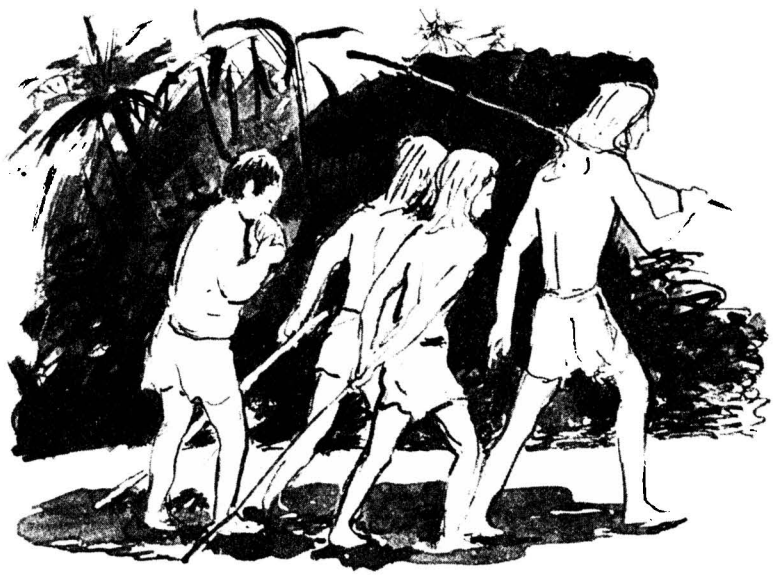
— Уходи отсюда, Ральф! Живи на своей стороне острова! А эта сторона моя и моего племени! Уходи, не мешай мне!

Хохот замер.

— Ты стащил Хрюшкины очки, — сказал Ральф, задыхаясь.— Ты должен отдать их.

— Должен? Да кто это сказал?

Ральф взорвался:



— Я сказал! Меня выбрали вождем. Разве ты не слыхал, как я трубил в рог? Ты поступил подло... Мы бы и так дали тебе огонь, если бы ты попросил... — Кровь прилила к лицу, и на оплывшем глазу забилась жилка. — У тебя был бы огонь всегда, когда бы он ни понадобился. А ты — нет! Ты подкрался как вор и украл Хрюшкины очки!

— А ну-ка, повтори, что ты сказал!

— Вор! Вор!

— Ральф! — завизжал Хрюшка. — Подумай обо мне!

Ринувшись вперед, Джек сделал выпад копьем, целясь в грудь Ральфу. Ральф успел уловить движение Джека, отбил удар и наотмашь ударил Джека древком по уху. Они сшиблись грудью, яростно дыша, толкаясь и наседая друг на друга, с ненавистью в глазах.

— Кто вор?

— Ты!

Джек извернулся и плашмя ударил копьем. Не сговариваясь, они дрались копьями, как саблями, не осмеливаясь пустить в ход их смертоносные острия. Ральф подставил под удар древко, и копье, соскользнув, огнем обожгло ему пальцы. Мальчики снова отпрянули друг от друга; теперь Джек оказался лицом к острову, Ральф — к Скальному Замку. Оба тяжело дышали.

— Ну, давай, давай...

— Ты давай, ты.

Мальчики угрожающе расправляли плечи, держась все-таки на безопасном расстоянии.

Цепляясь за землю, Хрюшка пытался привлечь внимание Ральфа. Ральф пригнулся, не сводя с Джека настороженного взгляда.

— Ральф... вспомни, зачем мы пришли... Костер. И мои очки.

Ральф кивнул. Он расслабил напрягшиеся мышцы, встал свободно и поставил копье тупым концом на землю. Из-под краски Джек непроницаемо следил за Ральфом. Ральф посмотрел вверх, на каменный бастион, потом на дикарей.

— Слушайте. Мы пришли сказать вам вот что. Во-первых, вы должны отдать обратно Хрюшкины очки. Он без очков ничего не видит. Так не шутят...

Племя раскрашенных дикарей захихикало, и Ральф сбился. Он отвел волосы назад и уставился на черно-зеленую маску, пытаясь вспомнить, каков Джек на самом деле.

— Про костер... — прошептал Хрюшка.

— Ах, да. Насчет костра. Я опять скажу об этом. Я говорю об этом с самого первого дня. — Копьем он указал на дикарей. — Единственная ваша надежда — это жечь сигнальный костер с утра до вечера, пока светло. Тогда наш дым, может, заметит какой-нибудь корабль, спасет нас и отвезет домой. А если не будет дыма, нам придется ждать, пока к острову подойдет случайный корабль. Так можно прождать годы, до старости...

В толпе дикарей брызнул дрожащий, серебряный, какой-то ненастоящий смех, и покатилось эхо. Ральфа затрясло от ярости. Голос у него сорвался:

— Разве вы не понимаете? Вы, раскрашенные дураки? Сэм, Эрик, Хрюшка и я — нас же мало. Мы старались поддерживать огонь, но ведь мы не можем. А вы забавляетесь охотой...

Он показал рукой мимо них — туда, где в жемчужное небо, рассеиваясь, уходила струйка дыма.

— Да сами-то посмотрите! Разве это сигнальный костер? Это костер, чтоб жарить мясо! А потом, когда вы нажретесь, и совсем никакого дыма не будет. Неужели вы не понимаете? Там, может, сейчас корабль проходит...

Он запнулся, сраженный молчанием и безликостью раскрашенных дикарей, охраняющих вход. Вождь открыл розовый рот и сказал Сэм-и-Эрику, которые оказались между ним и его племенем:

— Эй вы, убирайтесь!

Никто ему не ответил. Близнецы недоуменно переглянулись, а Хрюшка, ободренный прекращением военных действий, осторожно встал. Джек бросил взгляд на Ральфа, затем на близнецов.

— Схватить их!

Никто не шевельнулся.

— Я сказал, схватить их! — яростно закричал Джек.

Раскрашенные дикари как-то тревожно и неуклюже подступили к Сэм-и-Эрику. И снова рассыпался серебряный смех. Негодующие близнецы воззвали к остаткам джентльменства в дикарских душах:

— Да вы что!

— ...нечестно!

У них отобрали копья.

— Вяжите их!

Ральф отчаянно крикнул в черно-зеленую маску:

— Джек!

— Чего стали, вяжите!

И толпа раскрашенных дикарей почувствовала силу в своих руках. Взволнованно и несмело они повалили близнецов. Джек воодушевился. Он знал, что Ральф попытается отбить своих. Копье Джека со свистом описало полукруг, и Ральф едва успел парировать удар. Рядом толпа дикарей вместе с близнецами сбилась в шумный дерущийся клубок. Хрюшка снова опустился на колени. И вот изумленные близнецы лежат, окруженные кольцом дикарей. Обернувшись к Ральфу, Джек процедил сквозь зубы:

— Видал? Что я хочу, то они и делают.

Снова наступила тишина. Неумело связанные близнецы лежали, а дикари следили за Ральфом и ждали, что он будет делать. Глядя из-под бахромы волос, Ральф пересчитал их, затем мельком взглянул на бесполезный дым. И вдруг Ральфа взорвало:

— Сволочь! Скотина ты! — исступленно завопил он Джеку. — Дрянь! Подлый вор!

И он бросился на Джека. Чувствуя, что настала решающая минута, тот устремился навстречу. Столкнувшись с разбегу, они даже отлетели друг от друга. Джек с размаху ударил Ральфа кулаком по уху. Ральф ответил ударом в живот. Джек охнул. И снова они стояли лицом к лицу, задыхаясь от бешенства и все же побаиваясь друг друга. Только теперь они услышали пронзительные крики, которыми дикари подбадривали Джека.

Ральф услышал голос Хрюшки:

— Дайте мне сказать.

Он стоял в облаке поднятой пыли, и, когда дикари поняли его намерение, боевой клич превратился в пронзительный свист. Хрюшка поднял рог, но свист, на мгновенье стихнув, грянул с удвоенной силой.

— Рог у меня! — кричал Хрюшка. — Я же сказал: рог у меня!

Неожиданно стало тихо. Им стало любопытно, чем позабавит их Хрюшка.

Молчание, пауза; в тишине Ральф услышал над головой какой-то странный звук, короткий, едва уловимый. Ральф чуть насторожился, и опять тот же звук, совсем слабое «ззз»...

Кто-то швырял камни: их бросал Роджер, не снимая другой руки с рычага. Сверху Ральф казался ему копной волос, а Хрюшка — мешком жира.

— Я вот что вам скажу. Вы ведете себя как дети!

Поднялся свист, но тут же стих, едва Хрюшка приподнял белую волшебную раковину.

— Что лучше: быть бандой раскрашенных дикарей, как вы, или разумными людьми, как Ральф?

Дикари зашумели.

Хрюшка опять закричал:

— Что лучше: жить по правилам и не ссориться или охотиться и убивать?

Снова вопли, и снова «ззз». Ральф попытался перекричать их:

— Что лучше: жить по законам, чтобы нас спасли, или охотиться и все портить?

Теперь Джек тоже вопил, и Ральфа больше никто не слышал. Джек успел примкнуть к своему племени, и теперь дикари стояли грозной, плотной массой, ощетинившейся копьями.

В толпе дикарей созревало желание напасть; они распалялись, готовясь очистить перешеек. Ральф стоял против них у края обрыва и держал копье наготове.

Рядом, все еще протягивая перед собой сияющий талисман — хрупкую красавицу раковину, стоял Хрюшка, а на них обрушивалась буря криков, какая-то лавина ненависти. Тем временем над их головами Роджер в бредовом упоении навалился всем телом на рычаг.

Ральф услышал движение огромной глыбы гораздо раньше, чем увидел ее. Сама земля както сдвинулась, и толчок отдался через пятки во всем его теле, и на вершине скалы, рушась, захрустели камни. На перешеек ринулась чудовищная громада красного цвета, и Ральф плашмя бросился на землю, а дикари завизжали.

Глыба краем задела Хрюшку; раковина взорвалась тысячей белых осколков, перестала существовать. Хрюшка, не успев крикнуть, не охнув, полетел с обрыва, на лету перевернувшись вверх ногами. Глыба понеслась дальше, в два гигантских скачка достигла леса и скрылась. А Хрюшка пролетел 40 футов и спиной упал на обнажившуюся красную гранитную плиту. Голова его раскололась, и то, что вывалилось из нее, окрасилось красным. Хрюшкины ноги и руки дернулись, как у только что убитой свиньи. Затем море снова вздохнуло, вода закипела над плитой белыми и розовыми бурунами, и, когда она, отсасываясь, ушла вниз, Хрюшкиного тела там уже не было. На этот раз безмолвие было полным. Губы Ральфа сложились, чтобы произнести слово, но никакого звука не последовало. Вдруг Джек выскочил из толпы дикарей и неистово завизжал:

— Видал? Видал? Вот что с тобой будет! Я говорил! В твоем племени больше никого не осталось! И рога больше нет...

Пригнувшись, он побежал на Ральфа.

— Я вождь! — И злобно, изо всех сил метнул копье в Ральфа.

Оставив рваную рану на его груди, копье отлетело в сторону. Ральф пошатнулся скорее от ужаса, чем от боли, которой он не почувствовал, и дикари, завывая, как их вождь, перешли в наступление. Другое копье, с кривым древком и поэтому летевшее не прямо, пронеслось мимо его головы; рядом упало еще одно, брошенное сверху, — оттуда, где был Роджер. Близнецы лежали где-

то позади наступавшей толпы: неузнаваемые, дьявольские лица надвигались по всей ширине перешейка. Ральф повернулся и побежал. За спиной у него поднялся жуткий шум, словно со скалы разом поднялась огромная стая чаек. Повинуясь инстинкту, о существовании которого он и не подозревал, Ральф бежал зигзагами, и летевшие в него копья рассеивались веером. Под ноги ему попалась обезглавленная свиная туша, и он едва успел перепрыгнуть через нее. С треском продравшись через кусты, он скрылся в лесу.

Вождь остановился возле свиньи, повернулся и поднял руки.

— Назад! Назад, в Замок!

Племя, галдя, вернулось на перешеек, здесь их встретил Роджер.

— Ты почему не на посту? — гневно закричал вождь.

Роджер мрачно ответил:

— Спустился.

От Роджера веяло смертью. Не сказав ему больше ни слова, вождь обернулся к лежащим Сэм-и-Эрику:

— Теперь вступайте в мое племя.

— Сначала отпусти меня...

— ...и меня.

Вождь схватил одно из немногих оставшихся копий и ткнул Сэма под ребра.

— Что это значит, а? — яростно спросил он. — Что это значит, что вы пришли сюда с копьями? И почему это вы не хотите вступить в мое племя?

Движенье копья стало ритмичным. Сэм взвыл:

— Так не годится!

Роджер шагнул вперед, едва не задев плечом Вождя. Вопль прекратился; Сэм-и-Эрик лежали, глядя вверх в немом ужасе. Роджер надвинулся на них воплощением какой-то неведомой власти.

ГЛАВА 12. ПЛАЧ ОХОТНИКОВ

Ральф лежал в зарослях и думал о своих ранах. Под правой ключицей у него был большой кровоподтек вокруг вспухшего рваного шрама. В волосы набилась грязь, и они топорщились, как усики лиан. Продираясь сквозь заросли, он изодрался в кровь и насажал синяков. Но, отдышавшись, он решил, что промыть раны сейчас не удастся. Разве, плескаясь в воде, услышишь шаги босых ног? Разве у той речушки или на берегу моря можно чувствовать себя в безопасности?

Ральф прислушался. Он недалеко убежал от Скального Замка, и сначала ему со страха померещились звуки погони. Но охотники не стали углубляться в заросли и, подобрав копья, убежали обратно к залитой солнцем скале, словно испугавшись лесного мрака. Одного из них, разрисованного коричневыми, красными и черными полосами, Ральф даже мельком увидел и узнал в нем Била. Но нет, не мог это быть тот самый Бил. Это дикарь, чей облик не имел ничего общего с тем прежним мальчиком в шортах и рубашке.

Приближался вечер, круглые пятна солнечного света бродили в зеленой листве между коричневыми стволами, со стороны Скального Замка по-прежнему не доносилось ни звука. Наконец Ральф решился выползти из своего логова и крадучись пробрался на опушку непролазной чащи, обращенную к перешейку. С величайшей осторожностью выглянув в просвет между ветками, он увидел Роберта, сидевшего в дозоре на вершине утеса. В левой руке Роберт держал копье, а правой подбрасывал и ловил камешек. Из-за скалы столбом валил густой дым, и у Ральфа затрепетали ноздри и потекли слюнки. Он утерся ладонью и впервые за весь день почувствовал голод. Дикари сейчас, наверное, сидят вокруг выпотрошенной свиньи и смотрят, как капает жир, шипя и сгорая на углях. Глаз, наверное, не сводят. Кто-то — Ральф не узнал кто — появился рядом с Робертом и дал ему что-то. Положив копье возле ног, Роберт поднес это «что-то» ко рту обеими руками. Значит, пир начался, и часовой получил свою порцию.

Ральф понял, что пока он в безопасности. Хромая, он побрел к плодовым деревьям, но, как ни хотелось ему есть, эта пища казалась особенно жалкой, когда он думал о пиршестве дикарей. Сегодня у них пир, а завтра...

Ральф убеждал себя, что они оставят его в покое; в худшем случае придется жить одному. Но тут же снова осознавал роковую правду, не подвластную никаким доводам. Уничтожение раковины, смерть Хрюшки и Саймона — все это, словно марево, нависло над островом. Раскрашенные дикари на этом не остановятся. И потом, между ним и Джеком существует какая-то неуловимая связь, и поэтому Джек никогда не оставит его в покое, никогда. Ральф замер, приподняв ветку, под которой собирался пролезть, и солнечные блики застыли на его теле. Внезапный ужас охватил его ознобом, и он выкрикнул:

— Нет! Они не такие плохие! Это просто несчастный случай!

Насытившись, Ральф пошел к морю. Косые лучи солнца пробрались под пальмы у разрушенной хижины. Вот площадка для собраний, вот бассейн. Нет, лучше всего для него — это не давать волю тяжелому щемящему чувству и положиться на их рассудок, их дневной здравый смысл. Теперь, когда дикари наелись, нужно еще раз попробовать. И потом, не может же он остаться один на всю ночь здесь, в пустой хижине, у покинутой площадки. По коже у него побежали мурашки. Ни огня, ни дыма — и никто их не спасет. Он повернулся и, прихрамывая, побрел через лес к концу острова, который принадлежал Джеку.

Лучи солнца потерялись среди ветвей. Наконец Ральф снова вышел на прогалину. Сейчас лужайка превратилась в тихую заводь теней, и Ральф, едва не отпрыгнув назад, увидел нечто посреди нее, но тут же понял, что белое было костью и что ему ухмыляется свиной череп, насаженный на палку. Ральф медленно вышел на середину прогалины, разглядывая этот череп, белый и блестящий, как их раковина; череп, казалось, цинично усмехался ему. Если не считать любопытного муравья, хлопотавшего в одной из глазниц, образина эта была совершенно безжизненной.

Так ли это?..

По спине у Ральфа пошли мурашки. Он стоял, придерживая волосы обеими руками, а перед ним, почти в самое лицо, ухмылялся череп. Скалились зубы, пустые глазницы без малейшего усилия властно притягивали к себе взгляд Ральфа.

Что же это?

Череп смотрел так, как те, кто знает ответы на все вопросы, но не желает говорить. Тошнотворный страх и ярость обуяли Ральфа. В бешенстве он ударил эту мерзость — череп, как игрушка, отклонился и, спружинив, вернулся на место; с возгласом отвращения он с размаху ударил еще раз. Облизывая костяшки пальцев, Ральф смотрел на голую палку, а расколотый пополам череп лежал на траве, растянув свою

ухмылку на шесть футов в ширину. Ральф выдернул из расщелины еще дрожащую палку, выставил ее перед собой и стал отступать от белых обломков, пятясь, не спуская глаз с ухмылявшегося небу черепа.

Когда над горизонтом погасло зеленое зарево и наступила ночь, Ральф снова подошел к зарослям возле Скального Замка. Вглядываясь сквозь листву, Ральф видел, что там наверху кто-то есть, и, кем бы этот часовой ни был, копье свое он держал наготове.

Ральф стоял на коленях в черной тени, с горечью осознавая свое одиночество. Они дикари — это верно, но они все же люди, а тут впереди целая ночь, полная притаившихся страхов.

У Ральфа вырвался слабый стон. Как ни устал, он не может забыться, провалиться, как в колодец, в глубокий сон: нужно быть начеку. А что, если пойти к ним, прямо в их крепость, сказать «чур-чура», рассмеяться и лечь спать вместе с остальными? Будто они все те же школьники, в форменных шапочках, с их привычным «простите, сэр», «да, сэр»... День, может, и сказал бы ему «да», но ночь и ужас смерти ответили «нет». Ральф лежал в темноте, сознавая, что он отверженный.

— Потому что у меня было хоть немного здравого смысла.

Он потерся щекой о плечо, и в нос ударил едкий запах соли, пота и застарелой грязи. Где-то там, слева от него, океанские волны вздыхали, отсасывались вниз и снова закипали над плоской, как стол, квадратной скалой.

Из Скального Замка послышались какие-то звуки.

— Убей зверя! Перережь глотку! Выпусти кровь!

Дикари плясали. Где-то по другую сторону этой каменной стены — темный круг, яркий огонь и мясо. Они едят в свое удовольствие, и ничто им там не грозит.

Приближавшийся шум бросил Ральфа в дрожь. Кто-то лез на самую вершину Скального Замка, и он слышал голоса. Он подобрался еще на несколько ярдов и увидел, что темный силуэт на вершине стал шире. Только двое на острове могли так жестикулировать и говорить.

Ральф уронил голову на руки: это было хуже раны. Сэм-и-Эрик стали теперь членами племени Джека. Они охраняли Скальный Замок, охраняли от него. Исчезла надежда вызволить их и создать племя отверженных на другом конце острова. Сэм-и-Эрик сделались дикарями, как и все остальные; Хрюшка погиб, а морской рог разлетелся на мелкие кусочки.

Наконец, смененный часовой сошел вниз. Близнецы сливались с черными выступами скалы. Позади них замерцала звезда и тут же пропала, заслоненная спинами.

Ральф пополз, ощупывая, как слепой, неровности камня. Справа простирался сплошной мрак лагуны, а слева, под рукой, беспокойно колыхался океан, страшный, как бездонный карьер. Вода размеренно и шумно вздыхала вокруг проклятой квадратной плиты и вскипала на ней белым. Ральф полз, пока рука его не нащупала выступ, по которому дикари проходили в Замок.

— Сэм-и-Эрик... — тихо-тихо окликнул Ральф.

Ответа не было. Ральфу нужно было крикнуть громче, но это могло поднять на ноги его раскрашенных врагов, пирующих у костра. Стиснув зубы, он стал карабкаться выше. Палка из-под свиного черепа мешала ему, но он не мог расстаться со своим единственным оружием. Ральф забрался почти на самый верх и только тогда снова подал голос:

— Сэм-и-Эрик...

Растерянный возглас. Близнецы, стуча зубами, уцепились друг за друга.

— Это я, Ральф.

Смертельно боясь, что они с испугу поднимут тревогу, он поднялся повыше, и его голова и плечи показались над краем утеса. У себя под локтем он увидел, как далеко внизу неровным сиянием засветились края квадратной плиты.

— Это же я, Ральф.

Они подались вперед, всматриваясь в его лицо.

— Мы думали, что это...

— ...мы не знали, что это...

— ...мы думали...

И тут они вспомнили о своей недавней, постыдной присяге на верность. Эрик молчал, но Сэм попытался исполнить свой долг.

— Ты должен уйти, Ральф. Уходи сейчас же.... — Распаляя себя, он угрожающе взмахнул копьем. — Убирайся, пока жив, понял?

Эрик поддержал его кивком и ткнул копьем в воздух. Ральф лег грудью на руки.

— Я пришел к вам обоим, — сказал он сдавленным голосом. В горле словно горела рана. — Я пришел к вам...

Слова были бессильны выразить его боль. Он замолчал, по всему небу, лучась, заплясали яркие звезды. Сэм неловко переступал с ноги на ногу.

— Честно, Ральф, тебе лучше уйти.

Ральф снова поднял глаза.

— Вы оба не раскрасились. Как же вы можете... Если бы сейчас было светло...

Если бы было светло, они бы сгорели от стыда. Но сейчас была темная ночь. И снова зазвучала двуголосая речь близнецов.

— Тебе нужно уйти, а то худо будет...

— ...нас заставили. Пытали...

— Кто? Джек?

— Нет... — Они совсем нагнулись к нему и зашептали:

— Беги отсюда, Ральф...

— Эти дикари....

— Нас они заставили...

— Мы ничего не могли поделать...

Когда Ральф снова заговорил, голос его прозвучал еще тише и сдавленнее:

— А что я сделал такого? Он мне нравился... и я хотел, чтобы нас спасли...

И снова звезды на небе расплылись. Эрик грустно покачал головой.

— Послушай, Ральф. Не ищи ты смысла. Со всем этим покончено...,

— И забудь, что ты вождь...

— ...тебе же хуже будет, уходи...

— Вождь и Роджер...

— ...да, и Роджер...

— ...Они ненавидят тебя, Ральф... Хотят разделаться с тобой.

— Завтра они устроят на тебя охоту.

— Да за что?

— Не знаю. И вот что, Ральф: Джек — Вождь — сказал, что охота эта будет опасная...

— ...и что мы должны остерегаться...

— ...и бросать копья, как в свинью...

— Мы растянемся цепью поперек всего острова.

— ...и пойдем отсюда...

— ... пока не найдем тебя.

— И будем подавать друг другу сигналы. Вот так.

Эрик запрокинул голову и, слегка ударяя себя ладонью по губам, тихонько заулюлюкал. Но тут же, вздрогнув, оглянулся.

— Вот как...

— ...только, конечно, громче.

— Но ведь я ничего такого не сделал, — страстно прошептал Ральф. — Я только хотел, чтобы горел костер.

Он помолчал, тоскливо думая о

завтрашнем дне. Нужно было выяснить самое важное.

— А что вы...

Ему было трудно спросить об этом, но страх и одиночество подтолкнули его:

— Что они сделают со мной, когда найдут?

Близнецы молчали. Внизу под ним снова расцвела белым скала смерти.

— Так что же они... О господи! Есть хочется...

Ему показалось, что утес под ним покачнулся.

— Ну... так что...

Близнецы не стали прямо отвечать на его вопрос.

— Уходи, Ральф. Скорее уходи.

— Тебе же лучше будет...

— Держись отсюда подальше. Как можно дальше.

— А вы не пойдете со мной? Втроем... мы могли бы отбиться.

После минутного молчания Сэм ответил сдавленным голосом:

— Ты не знаешь Роджера. Он страшный...

— ...и Вождь... оба они...

— страшные..

— ...но Роджер еще...

Близнецы вдруг замерли. К ним на вершину кто-то поднимался.

— Он идет проверить пост. Быстро, Ральф!

Готовый ринуться вниз, Ральф в последний раз попытался получить хоть какую-то помощь.

— Я залягу здесь рядом, вон в тех кустах, — прошептал он. — А вы уведите их подальше. Они ни за что не догадаются, что я так близко...

Шаги были еще далеко.

— Сэм, со мной ничего не случится, а?

Близнецы по-прежнему молчали.

— Постой, — вдруг сказал Сэм. — Вот, возьми...

Ральф почувствовал, что ему сунули кусок мяса, и жадно схватил его.

— Но что же вы все-таки сделаете со мной, когда поймаете?

Над ним молчали. Ральф полез вниз по уступам.

— Что вы со мной сделаете...

Сверху донесся непонятный ответ:

— Роджер заострил палку с обоих концов.

«Роджер заострил палку с обоих концов». Ральф, как ни старался, никак не мог постичь смысла этих слов. В припадке ярости он перебирал все известные ему ругательства и вдруг зевнул. Сколько может человек не спать? Он с тоскою подумал о постели с белыми простынями, но здесь белело лишь вон то светящееся молочное пятно, медленно закипавшее в сорока футах внизу, куда упал Хрюшка. Хрюшка был везде, был на этом перешейке, был этой чернотой, наполнял ее ужасом смерти. Что, если Хрюшка выйдет из воды с пустым черепом... Ральф всхлипнул и опять зевнул, как малыш. Пошатнувшись, он, словно на костыль, оперся на свою палку.

Тут же он снова насторожился. На вершине Скального Замка раздались громкие голоса. Сэм-и-Эрик с кем-то спорили. Но спасительные папоротники и высокая трава были рядом. В них он и спрячется пока, а дальше — заросли, там он заляжет завтра. А здесь — его руки коснулись травы — поблизости от племени, побудет, пока темно: если остров пошлет на него своего зверя, он прибежит к людям... какие ни есть, они люди... пусть для него это означает...

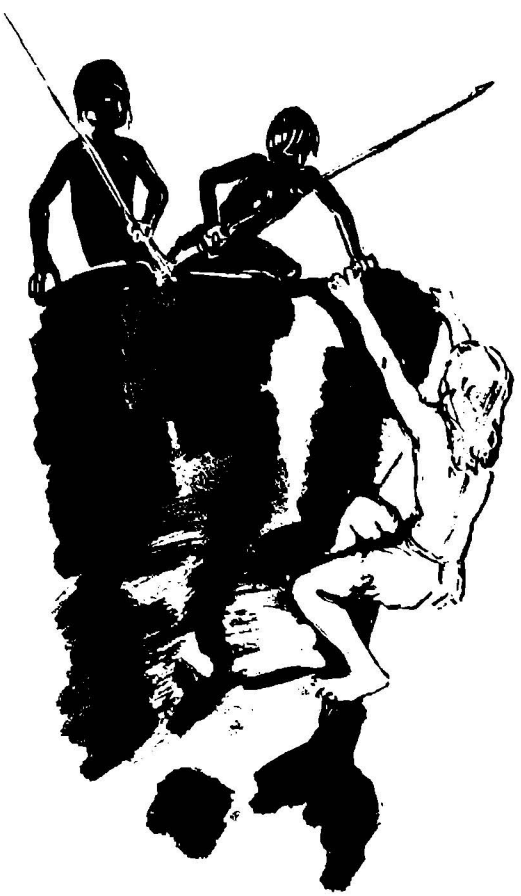
А что это означало бы для него? Заострил палку с обоих концов... Что же это такое? Они бросали в него копья, и все мимо, попали только раз. Может, они и завтра не попадут?

Скорчившись в траве, он вспомнил про мясо и жадно впился в него зубами. Пока он ел, со стороны Замка донесся шум: крики боли — голоса близнецов, крик испуга, злобные и взволнованные голоса. Что это значило? Не он один попал в беду: кому-то из близнецов, а может, обоим, досталось. Затем голоса ушли за скалу, и Ральф перестал о них думать. Пошарив по земле, он нащупал прохладные и нежные листья папоротника, за которым начинались густые заросли. Здесь будет его ночное логово. А как только забрезжит рассвет, он пролезет между переплетенными стеблями и заползет в самую гущу; к нему можно будет подобраться только ползком, а на этот случай у него наготове заостренная палка. Он будет сидеть там, они пройдут мимо и, улюлюкая, цепью двинутся дальше по острову.

Прокладывая телом нору, он забрался в папоротник. Руку он положил на палку и поудобнее свернулся в темноте. Только бы проснуться с первым лучом, чтобы одурачить этих дикарей. И он не заметил, как подкрался сон и помчал его вниз по какому-то склону...

Ральф проснулся и, не открывая глаз, прислушался к раздавшемуся невдалеке звуку. Приоткрыв глаз, увидел у самого лица комок земли и вцепился в него пальцами; между листьями папоротника просачивался свет. Едва Ральф успел осознать, что нескончаемого кошмара с падением в бездну и смертью больше нет, что настало утро, как звук повторился. Это долетел охотничий клич с океанского берега... Ему отозвался другой дикарь, еще один. Клич пронесся через весь остров, от океана до лагуны, словно крик пролетающей птицы. Не раздумывая больше, Ральф схватил свою палку и, пятясь, пополз между перьями папоротника. Через несколько секунд он уже втискивался в заросли, успев увидеть ноги какого-то дикаря. Слышно было, как тот топтал папоротник, бил по нему палкой, шуршал ногами в траве. Потом неизвестный дикарь дважды прокричал, и клич, подхваченный справа и слева, покатился и замер вдали. Ральф лежал неподвижно в гуще кустарника, но пока больше ничего не слышал.

Он осмотрелся. Конечно, здесь напасть на него не могли... Ему ужасно повезло. Та самая глыбина, которая убила Хрюшку, вломилась здесь в заросли и, отпрыгнув в чащу, выбила глубокую воронку в несколько футов шириной.



Ральф заполз туда и, почувствовав себя в полной безопасности, порадовался своей смекалке. Он осторожно сел среди размозженных кустов и стал ждать, пока охота пройдет мимо. Вверху сквозь листву просвечивало что-то красное — должно быть, вершина Скального Замка, далекая и совсем неопасная. Удовлетворенный, он ждал, пока крики охотников уйдут и затихнут.

Но криков не было, минута шла за минутой в зеленом полумраке, чувство безопасности уходило.

И тут раздался приглушенный голос Джека:

— Это точно?

Тот, кого спрашивал Джек, не сказал ничего. Должно быть, ответил жестом.

— Смотри, если ты дурачишь меня... — послышался голос Роджера.

Сразу же кто-то охнул и взвизгнул от боли. Ральф так и припал к земле. Там, перед зарослями, вместе с Джеком и Роджером был один из близнецов.

— Это точно, он хотел спрятаться тут?

— Да... да... о-ох!

Серебряный смех рассыпался среди деревьев.

Значит, они знают...

Ральф поднял палку и приготовился к бою. А что они ему сделают? Им и недели не хватит, чтобы пробить в этих зарослях проход, и пусть кто-нибудь попробует подобраться к нему ползком! Ральф потрогал пальцем острие копья и злорадно усмехнулся. Пусть попробует — завизжит как свинья.

Дикари двинулись обратно к Скальному Замку. Ральф слышал их шаги в траве, кто-то захихикал. И снова по цепи прокатился этот, похожий на птичий, пронзительный крик. Значит, кто-то из дикарей остался стеречь его, а остальные?

Томительно тянулась тишина. Ральф обнаружил, что на зубах у него кора — он грыз древко копья. Он поднялся, чтобы поглядеть на Скальный Замок.

И тут с вершины донесся голос Джека:

— Раз, два, взяли! Еще взяли!

На глазах у Ральфа красная глыба на верху утеса исчезла, и он, словно там откинулся занавес, увидел фигуры на голубом фоне неба. В следующее мгновение земля дрогнула, по воздуху пронеслось какое-то шуршание и по чаще словно ударила исполинская рука, снося верхушки деревьев. А глыба понеслась дальше, к берегу, подпрыгивая, круша заросли, и Ральфа обдало ливнем листьев и сломанных сучьев. За чащей раздался ликующий вопль дикарей.

И снова тишина.

Ральф зажал рот ладонью, прикусив пальцы. Там, наверху, осталась всего одна глыба, которую им было под силу столкнуть, но какая: величиной с полдома, с грузовик, с танк! С ужасающей ясностью Ральф представил себе ее возможный путь: она тронется медленно, переваливаясь с уступа на уступ, и гигантским паровым катком пройдется по перешейку.

— Раз, два, взяли! Еще взяли!

Ральф положил копье, снова поднял его. Раздраженно откинув с лица волосы, он торопливо шагнул к краю воронки, вернулся. Взгляд его задержался на обломанных верхушках деревьев.

Пока тихо.

Он заметил, как у него раздуваются бока, и поразился лихорадочности своего дыхания. На груди, чуть левее середины, было видно, как бьется сердце. Он снова положил копье.

— Раз, два, взяли! Взяли!

Пронзительный и ликующий вопль.

На красной скале ухнуло, земля подпрыгнула и затряслась под нарастающий грохот. Ральфа подбросило и швырнуло в кусты. Рядом, всего в двух шагах, стена зарослей покосилась, и из земли со скрежетом вылезли корни. Он успел заметить, как нечто красное не спеша, как мельничное колесо, провернулось в воздухе. Вот оно уже прокатилось мимо, со слоновьей силой прокладывая путь к морю.

Ральф стоял на коленях среди взрытых пластов и ждал, пока земля перестанет колыхаться. Наконец, свежие белые пни, сломанные ветки и раздавленная чаща перестали качаться у него перед глазами. В груди Ральф почувствовал какую-то тяжесть.

Снова тишина.

Но на этот раз не полная тишина. Где-то неподалеку шептались дикари, и вот справа, сразу в двух местах, яростно затряслись ветви. Показался заостренный конец палки. В панике Ральф изо всей силы ударил своим копьем в просвет между переплетенными ветками.

— Ааа-ах!

Он слегка повернул копье и выдернул его.

— Оох-оох...

Там кто-то стонал, и послышалось сразу несколько голосов. Шел яростный спор, а раненый все стонал. Когда наступила тишина, прозвучал одинокий голос; это, решил Ральф, не Джек.

— Видите? Я говорил вам, он опасен.

Раненый дикарь снова застонал.

Что теперь? Что дальше?

Ральф обеими руками сжал древко, и волосы упали ему на лицо. Совсем рядом что-то говорили — слов он не разбирал. Вот один дикарь громко вскрикнул: «Вы что?» И в ответ раздался приглушенный смех. Присев на корточки перед стеною веток, приподняв копье, Ральф оскалил зубы и стал ждать.

Невидимые дикари снова сдавленно засмеялись. Послышался какой-то странный, журчащий звук, перешедший в потрескивание, словно разворачивали большие листы целлофана. Треснул сук, и Ральф, давясь, едва не закашлялся. Между ветвями белыми и желтыми жгутами сочился дым; голубое пятно неба над его головой приобрело цвет грозовой тучи. И вот уже клубы дыма повалили со всех сторон.

Рассыпался довольный смех, и кто-то закричал:

— Дым!

Ральф пополз через заросли к лесу, прижимаясь из-за дыма к самой земле. Впереди показалась опушка, и он увидел зеленые листья кустов, росших с краю. На пути к лесу стоял дикарь — маленький дикарь, разрисованный красными и белыми полосами, с копьем в руках. Он вглядывался в густеющий дым, кашляя и размазывая ладонью краску вокруг глаз. Ральф прыгнул на него как кот; рыча, ударил копьем, и дикарь согнулся пополам. Позади, за чащей, раздался крик, но Ральф, не чуя под собою ног, уже бежал через подлесок. Он выскочил на кабанью тропу, промчался по ней ярдов сто и метнулся в сторону. Где-то за спиной через весь остров еще раз пронесся клич, затем трижды подряд улюлюкнул один и тот же голос. Ральф догадался, что это сигнал всем броситься в погоню; он помчался, не останавливаясь, пока в груди не стало жечь, как огнем. Он свалился ничком под куст и лежал, пытаясь отдышаться. Облизывая губы, он прислушивался к улюлюканью отставших преследователей.

Теперь можно было действовать по-разному. Можно залезть на дерево, но это означало бы поставить на карту все. Если его заметят, им останется только подождать.

Если бы у него было время подумать!

Еще один сдвоенный крик, донесшийся с того же места, помог ему разгадать их план. Застрявший в чаще дикарь подавал двойной сигнал, чтобы вся цепь ждала, пока он не выберется. Так, не разрывая цепи, они рассчитывали прочесать весь остров. Ральф вспомнил о кабане, который с такой легкостью прорвал кольцо охотников. В крайнем случае, если они подойдут совсем близко, он мог бы броситься навстречу, прорвать растянутую цепь и побежать в обратную сторону. Но куда он убежит? Цепь повернется и двинется за ним. Рано или поздно, но ему нужно будет спать или... есть... и тогда его разбудят вцепившиеся руки, охота превратится в простую погоню.

Что же делать? Залезть на дерево? Броситься на прорыв, как тот кабан? И то и другое было одинаково ужасно.

Одинокий крик заставил его сердце учащенно забиться; вскочив, Ральф стрелою помчался на ту сторону острова, к океану, в густые джунгли; он бежал, пока не повис, запутавшись в лианах. На какое-то мгновенье он замер, чувствуя, как дрожат икры. Если бы можно было сказать «чурчура», если бы у него было время подумать!

И снова через весь остров пронесся пронзительный и неумолимый клич. Ральф шарахнулся в лианах, как лошадь, и побежал, не останавливаясь, пока не задохнулся. И снова плашмя на землю, под папоротники...

На дерево? Или прорываться? На мгновенье он справился со своим дыханием, вытер губы и приказал себе успокоиться. Где-то в этой цепи Сэм-и-Эрик, они-то, наверное, идут в погоню поневоле. А вдруг их там нет? А если он напорется на Вождя... или на Роджера, в руках которого смерть?

Ральф отвел спутанные космы, вытер пот.

— Думай, — сказал он вслух.

Как поступить?

Нет Хрюшки, тот сказал бы, что разумно, что нет. Нет собраний, где можно было бы все обсудить, нет рога...

— Думай.

Больше всего теперь его пугала пелена, которая могла опутать сознание, затемнить рассудок в момент опасности, превратив его в беспомощного идиота.

А если, если спрятаться так, чтобы приближающаяся цепь прошла мимо, не обнаружив его?

Он резко поднял от земли голову и прислушался. Теперь он услышал низкий ворчливый гул, словно сам лес рассердился на него, мрачный гул, на фоне которого дикари мучительно выводили свои рулады, как каракули на грифельной доске. Он знал, что уже однажды слышал этот гул, но вспомнить, где и когда, у него не было времени.

Броситься на прорыв.

Залезть на дерево.

Спрятаться, чтобы они прошли мимо.

Раздавшийся невдалеке вопль заставил его вскочить на ноги, и он опять пустился бежать, продираясь через колючие кусты. Он выскочил на лужайку — ту самую лужайку; он узнал ее... свиной череп все еще ухмылялся своей саженной ухмылкой, но теперь уже не насмешливо — далекому голубому небу, а злорадно — в покрывало густого дыма. Ральф побежал под деревьями, и тут до него дошло, что означает ворчание леса. Выкуривая его ды-

мом, дикари подожгли весь остров. Спрятаться лучше, чем залезть на дерево: если его все-таки заметят, он еще попытается прорваться через цепь.

Значит, спрятаться.

Интересно узнать, как бы решила на его месте свинья, подумал Ральф и скорчил зачем-то гримасу. Найти самые густые заросли, самую темную дыру на острове и забиться туда. Теперь он бежал, осматриваясь по сторонам. В порхающих пятнах и полосах солнечного света на его грязном теле поблескивали струйки пота. Вопли охотников отдалились и стали едва слышны.

Вот оно, наконец, подходящее место; впрочем, выбора у него не было. Кусты, немыслимо перепутанные ползучими растениями, сплелись огромным ковром, непроницаемым для солнечного света. Под этим ковром оставалось пространство высотой около фута, хотя и пронизанное бесчисленными, уходящими вверх стеблями. Если заползти на самую середину — это в пяти ярдах от края, — им его не найти, разве что дикарь ляжет на живот и заглянет под низ, но и тогда его вряд ли увидишь в темноте... И если все-таки случится самое худшее — дикарь увидит его, у него будет шанс броситься на этого дикаря, прорваться сквозь цепь и, сделав петлю, сбить их со следа.

Волоча за собой свою палку, Ральф осторожно пополз между стеблями. Наконец он забрался под самую середину ковра, лег и прислушался.

Пожар был большой, и барабанный гул, оставшийся, по расчетам Ральфа, далеко позади, стал гораздо ближе. Помнится, лесной пожар обгоняет скачущую лошадь. Оттуда, где он лежал, была видна часть лужайки, пятнистая от солнечного света, и вдруг у него на глазах эти солнечные пятна замигали.

Это так напоминало дрожание пелены, которая уже не раз заволакивала его сознание... Но солнечные пятна потускнели и погасли, и он понял, что это туча дыма заслонила от солнца весь остров.

А может, под кусты заглянут Сэм-и-Эрик и даже заметят его, но притворятся, что ничего не увидели, и промолчат. Он лег щекой на шоколадно-коричневую землю, облизнул сухие губы и закрыл глаза. Земля под кустами чуть дрожала; или это был какой-то звук, слишком тихий, чтобы его можно было услышать среди громового гула пожара и натужных рулад дикарей.

Донесся возглас. Ральф оторвал щеку от земли и посмотрел в полосу сумеречного света. Они, должно быть, уже близко, подумал он, и у него заколотилось в груди. Спрятаться, прорваться, залезть на дерево — что же лучше в конце концов? Ведь потом не переиграешь.

Пожар все приближался, гремели залпы взрывающихся в огне ветвей и даже целых стволов. Болваны! Какие болваны! Огонь уже, наверное, охватил плодовые деревья... Что же они будут есть завтра?

Ральф беспокойно заворочался в своей узкой постели. Терять ему нечего! Что они с ним могут сделать? Избить? Ну и что? Убить? Палка, заостренная с обоих концов...

Крики раздались совсем близко, и его словно подбросило. Он увидел, как из путаницы зелени торопливо выбрался полосатый дикарь и зашагал с копьем прямо к его укрытию. Пальцы Ральфа впились в землю. Приготовиться.

Ральф ощупал копье, чтобы выставить его острым концом вперед, и только теперь заметил, что палка эта заострена с обоих концов.

Дикарь остановился шагах в пятнадцати от него и заулюлюкал. Может быть, он услышал в грохоте пожара, как бьется сердце? Не вскрикни! Будь наготове.

Дикарь двинулся вперед, и теперь он был виден снизу только до пояса. Вот древко его копья. Теперь он виден только до колен. Не вскрикни!

Позади дикаря из кустов выбежало стадо свиней и с визгом бросилось в лес. Пронзительно кричали птицы, пищали мыши, какой-то скачущий зверек забрался к нему под зеленый ковер и притих.

Дикарь стоял теперь прямо перед логовом Ральфа, в каких-нибудь пяти шагах, и улюлюкал. Подобрав под себя ноги, Ральф сжался в комок. Он держал кол, заостренный с обоих концов кол, который неистово вибрировал, становясь то длинным, то коротким, легким, тяжелым, снова легким.

Клич прокатился от берега до берега. Дикарь опускался на колени, за ним, в лесу, вспыхивали огоньки. Одно колено на земле. Теперь другое. Обе руки. Копье.

Лицо.

Дикарь вглядывался в темноту под кустами. Наверное, он видел проблески света слева и справа, но посредине — нет... Там было что-то черное, и дикарь весь сморщился, пытаясь разглядеть эту черноту.

Тянулись секунды. Ральф смотрел дикарю прямо в глаза.

Не вскрикни!

Ты вернешься домой.

Он увидел. Хочет проверить. Своей острой палкой.

Ральф издал вопль — вопль страха, ярости и отчаяния. Ноги выпрямились, вопль стал протяжным и клокочущим.

Ральф рванулся напролом через заросли и, окровавленный, рыча и завывая, выскочил на лужайку. Он взмахнул колом, и дикарь опрокинулся, но сюда уже бежали другие, оглашая воздух громкими криками. Увернувшись от летящего копья, Ральф побежал. И вдруг вспыхивавшие, мерцающие перед ним огни слились, рев леса превратился в грохот, а высокий куст у самой тропы взорвался огромным веером пламени. Ральф метнулся вправо и отчаянно бросился наперегонки с волною огня, хлеставшего его сбоку свирепым жаром. Улюлюканье раздалось где-то позади и прокатилось по лесу—цепь пронзительных воплей, означающих одно: «Увидел!» Справа от Ральфа возникла коричневая фигура — и исчезла. Дикари гнались за ним и бешено вопили. Слышно было, как они ломились через подлесок, а слева, обдавая его слепящим жаром, грохотало море огня. Позабыв о ранах, голоде и жажде, он стал живым воплощением страха — безудержного страха на летящих ногах, мчавшегося по лесу к открытому берегу. Перед глазами прыгали какие-то точки, они превращались в красные круги и, расплываясь, пропадали. Ноги, эти чужие ноги, они еле двигались; улюлюканье настигало, надвигалось смертельной угрозой.

Ральф споткнулся о корень, и клич преследователей взметнулся еще выше. Ральф увидел, как вспыхнула хижина, пламя лизнуло его правое плечо, но тут впереди заблестела вода. Он кувырком полетел на теплый песок и покатился, распластываясь, закрываясь руками, пытаясь молить о пощаде.

Пошатываясь, он встал, весь напрягшийся в ожидании новых ужасов, и, подняв глаза, увидел огромную фуражку. У нее был белый верх, а над зеленым козырьком корона, якорь и золотые листья. Еще он увидел эполеты, белый китель, ряд позолоченных пуговиц, револьвер.

Морской офицер, стоявший на песке, настороженно и изумленно разглядывал Ральфа. На пляже, за спиной офицера, была моторная лодка, возле нее два матроса, которые вытащили ее из воды и теперь поддерживали — один за нос, другой за корму. В лодке был еще один матрос — с автоматом в руках.

Улюлюканье захлебнулось и стихло.

Какое-то мгновенье офицер смотрел на Ральфа недоверчиво, затем снял руку с рукоятки револьвера.

— Хэлло!

Сознавая, как мерзко он выглядит, Ральф поежился и смущенно ответил:

— Хэлло.

Офицер кивнул, словно получив ответ на какой-то вопрос.

— Взрослые с вами есть?

Ральф молча покачал головой и обернулся. На песке полукругом стояли безмолвные дети с острыми палками в руках, перемазанные с ног до головы разноцветной глиной.

— Значит, играем и веселимся? — спросил офицер.

Огонь добрался до росших у пляжа кокосовых пальм и с шумом поглотил их. Язык пламени прыгнул, как акробат, и лизнул верхушки пальм на площадке для собраний. Все небо было черным.

Офицер весело улыбнулся Ральфу.

— Мы увидели ваш дым. Чем вы тут занимались? В войну, что ли, играли?

Ральф кивнул.

Офицер пристально взглянул на это маленькое живое пугало. Мальчишку надо бы помыть, постричь, утереть нос да хорошенько смазать царапины.

— Ну, а потери? Убитых, надеюсь, нет?

— Всего двое. Их унесло в море.

Офицер нагнулся к Ральфу и заглянул ему в глаза. Офицер этот обычно знал, когда люди говорят правду. Он тихонько свистнул.

Появлялись все новые мальчики, и среди них совсем крохи — коричневые дикарята со вздутыми животами. Один из таких малышей вплотную подошел к офицеру и посмотрел вверх:

— Я... я...

Но ничего больше не последовало. Персиваль Уимис Мэдисон тщетно пытался вспомнить свою магическую формулу. Офицер снова посмотрел на Ральфа.

— Мы снимем вас с острова. Сколько вас всех?

Ральф пожал плечами. Офицер посмотрел мимо него на группу раскрашенных мальчиков.

— Кто у вас главный?

— Я, — громко ответил Ральф.

Рыжий мальчик, на голове у которого виднелись остатки какой-то странной черной шапочки, на ремне у пояса — остатки очков, шагнул было вперед, но передумал.

— Мы увидели ваш дым. Так вы не знаете, сколько вас?

— Нет, сэр.

— А я-то думал, — сказал офицер, глядя на дикарей, — а я-то думал, что англичане, даже если они дети... ведь вы англичане, верно? ...что англичане способны завести порядки получше...

— Так оно и было сначала, — сказал Ральф, — пока мы не... — он запнулся. — Мы были все вместе, а потом...

Офицер понимающе сказал:

— Ясно, затеяли веселую игру. Как в «Коралловом острове».

Ральф оцепенело смотрел на офицера. Перед глазами у него промелькнула ослепительная картина пляжа с идущими вдоль воды мальчиками. Но остров полыхал, как сухое дерево... Саймон погиб, а Джек стал... Хлынули слезы, он затрясся от рыдания. Впервые за все время он не стал сдерживать слезы; мощные, сотрясающие судороги горя, казалось, выкручивали все его тело. Под клубами черного дыма, на краю гибнущего в огне острова, звучал его громкий плач. Захваченные его горем мальчики тоже начали всхлипывать и рыдать. И среди них, омерзительно грязный, со спутанными волосами, стоял Ральф и рыдал, думая об утраченной невинности, о том, как темно сердце человеческое, и о смерти своего верного и мудрого друга по прозвищу Хрюшка.

Эти рыдания растрогали офицера и слегка смутили его. Он отвернулся, дожидаясь, пока они возьмут себя в руки, и, чтобы дать отдых глазам, стал смотреть на свой красующийся в отдалении опрятный крейсер.

Конец

Перевел с английского
В. ТЕЛЬНИКОВ